

LITTERA SCRIPTA
MANET

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

Научный диалог

Том 15, выпуск 1, 2026

NAUCHNYI DIALOG
Volume 15, Issue 1, 2026

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ISSN 2225-756X

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Том 15, выпуск 1, 2026

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
DOI:	10.24224
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • Scopus • DOAJ • ERIN PLUS • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	snior@bk.ru
Типография	ООО «Издательский Дом «Ажур». 620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Тираж	500 экземпляров

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

География авторов выпуска	Брянск	Ростов-на-Дону
	Волгоград	Самарканд (Узбекистан)
	Минск (Беларусь)	Санкт-Петербург
	Москва	Тобольск
	Нальчик	Токмок (Кыргызская Республика)
	Нижний Новгород	Ульяновск
	Пермь	Уфа
Авторы, имеющие ученую степень	Познань (Польша)	Челябинск
	86 %	

© Центр научных и образовательных проектов, 2026

Дата выхода в свет 24.01.2026

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 15, Issue 1, 2026

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-86214 of 27.10.2023
DOI:	10.24224
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publisher	Centr naučnyh i obrazovatel’nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexation	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • Scopus • DOAJ • ERIH PLUS • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• Science Index (Rus) — All published articles are public-ly available for reading and citing on the journal’s web-site and in the National E-Library • CyberLeninka
Printing house	• LLC Publishing House Azhur. 620075, Yekaterinburg, st. Vostochnaya, 54. Tel. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Circulation	• 500 copies
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

© LLC Center for Scientific and Educational Projects, 2026

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор: Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Ответственный секретарь: Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Английский перевод метаданных: Ирина Владимировна Волгина, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), доцент, Уральский государственный медицинский университет (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Лариса Николаевна Ребрина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Волгоград)
Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Я з ы к о з н а н и е . М е д и а к о м м у н и к а ц и и . Ж у р н а л и с т и к а

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)
Андреана Борисова Ефтимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)
Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Тимур Беньюминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Л и т е р а т у р о в е д е н и е . Ф о л ь к л о р и с т и к а

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)
Алексей Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)
Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)
Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)
Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Татьяна Алексеевна Савоськина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)
Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

И с т о р и ч е с к и е н а у к и

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Астана)
Иван Иванович Думинка, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)
Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Editor-in-Chief: Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Philology, Head of the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

Responsible secretary: Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

English translation: Irina V. Volgina, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), associate professor, Urals State Medical University (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)
Larisa N. Rebrina, Doctor of Philology, professor (Russia, Volgograd)
Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Tatyana V. Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)
Andreana B. Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)
Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)
Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)
Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Nina M. Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)
Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)
Tatyana G. Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)
Timur B. Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Aleksandr S. Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)
Aleksey V. Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)
Irina L. Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)
Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno))
Olga Yu. Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)
Tatyana A. Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)
Tatsiana V. Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Albina S. Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Astana)
Ivan I. Duminica, Doctor of History (Moldova, Kishinev)
Irina R. Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)
Yuri D. Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Баркович А. А., Астапкина Е. С.</i> Языковые репрезентанты понятийного феномена «Интернет»: интеграционная модель описания	9
<i>Вальваков Р. В.</i> Семантика глаголов быстрого движения в английском языке.....	29
<i>Кондратенко П. И.</i> Вербализация смысла 'изменение': дискурсивная доминанта немецкой психологической публицистики?	50
<i>Радбиль Т. Б., Абдуллаева Р. Х.</i> Русские фразеологизмы в свете квантитативной лингвокультурологии : корпусно-дискурсивный анализ идиомы <i>из кожи (вон) лезть</i>	68
<i>Райскина В. А.</i> Языковые маркеры литературы идей в философско-рефлексивной парадигме (на материале «Опытов» М. Монтеня).....	88
<i>Ремхе И. Н., Шумилова Д. А., Болдырева А. С.</i> Моделирование перевода метафорических единиц с позиции лингвокогнитивного подхода на материале китайского и русского языков	108
<i>Сигал К. Я.</i> Пунктуационный трансфер в художественном тексте	130
<i>Чащина Е. А.</i> Семантическая эволюция слов друг, товарищ, брат и их производных в истории русского языка XI—XVII веков	151

КОММУНИКАЦИЯ. МЕДИАТЕХНОЛОГИИ. ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Ребрина Л. Н.</i> Немецкий видеоблог преподавателя-предметника : жанровые и медийные характеристики	171
<i>Салихова Э. А.</i> Возможности коммуникативной прагматики в исследовании интернет-сообществ «кладоискателей»	191

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Бадиев Х. Ф. Х. С., Бурдина С. В., Кондаков Б. В.</i>	216
Хронотоп Востока в романе А. Волоса «Возвращение в Панджруд»	216
<i>Богданова О. В.</i> Футуристические эксперименты в ранней поэзии Сергея Третьякова	240
<i>Захарова Н. В.</i> Социальная сатира в прозе Китая в 30-е годы XX века : Лу Синь и Лао Шэ.....	264
<i>Конурбаев М. Э., Конурбаев С. М.</i> Интегративная текстология : модель многоуровневого анализа литературного произведения	279
<i>Нужная Т. В.</i> Петербургский текст : идейно-художественное своеобразие романа С. Арно «Доктор Рюйш и его дети»	311

Сенина Е. В. Образ восприятия Китая в путевых заметках «Странствия по Востоку» Милана Йовановича	329

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Абазов А. Х., Бербекова М. Х., Дышеков М. В. Общественный капитал в деятельности управления Центра Кавказской линии на рубеже 1840—50-х годов : Кабардинская общественная сумма	348
Аганов А. А. Северо-Кавказское краевое отделение Всесоюзного Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (1924—1935 годы)	366
Алферова И. В., Сорокина Ж. В. Оппозиционные тенденции в российской печати на фоне политического кризиса 1915—1917 годов	383
Бодрова Е. В., Калинов В. В., Красивская В. Н. Внедрение результатов научно-исследовательской деятельности в нефтяной отрасли промышленности СССР во второй половине 1960-х годов : достижения и просчеты	404
Бондарев В. А. Торговля и предпринимательство как формы адаптации крестьянства к условиям колхозной системы в 1930-х годах (на материалах Юга России).....	428
Кокорина Ю. Г., Вагабов М. М. События последнего года Второй мировой войны в зеркале индийской прессы (по материалам газеты «The Hindustan Times» 1944—1945 годов)	447
Прилуцкий В. В. Мормоны и мормонское квазигосударство на страницах российских популярных иллюстрированных журналов (начало 1870-х годов).....	467
Рудая О. И., Усенко А. Н. Колхозная система как индикатор патриотических настроений в советской деревне 1930-х годов (по материалам Юга России).....	486
Татарникова А. И. Развитие сети сельских поселений Западной Сибири под воздействием социально-экономических преобразований 1930—1950-х годов	508
Черказянова И. В. Государственный контроль и реформирование школьного образования немецких колонистов Российской империи (вторая половина XVIII — начало XX веков).....	530
Шайнак Л. А., Нестеров Ю. С., Климович Л. В. Агитационная деятельность местных организаций политических партий России среди солдат гарнизонов Среднего Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917).....	549
АВТОРАМ.....	569
CONTENTS.....	575

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

Александр Аркадьевич Баркович, д-р филол. наук (Минск, Беларусь)
Анна Сергеевна Болдырева, старший преподаватель (Челябинск)
Валерия Александровна Райскина, канд. филол. наук (Москва)
Дарья Андреевна Шумилова, преподаватель (Челябинск)
Екатерина Сергеевна Астапкина, канд. филол. наук (Минск, Беларусь)
Елена Анатольевна Чащина, PhD hab. (Познань, Польша)
Ирина Николаевна Ремхе, д-р филол. наук (Челябинск)
Кирилл Яковлевич Сигал, д-р филол. наук (Москва)
Полина Игоревна Кондратенко, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)
Раъно Хикматовна Абдуллаева, д-р философии (Самарканд, Узбекистан)
Роман Викторович Вальваков, канд. филол. наук (Токмок, Кыргызская Республика)
Тимур Беньюминович Радбиль, д-р филол. наук (Нижний Новгород)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(1), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Баркович А. А. Языковые репрезентанты понятийного феномена «Интернет»: интеграционная модель описания / А. А. Баркович, Е. С. Астапкина // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 1. — С. 9—28. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-9-28.

Barkovich, A. A., Astapkina, E. S. (2025). Language Representations of Conceptual Phenomenon “Internet”: An Integrative Model Approach. *Nauchnyi dialog*, 15 (1): 9-28. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-9-28. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Языковые репрезентанты понятийного феномена «Интернет»: интеграционная модель описания

Баркович Александр Аркадьевич

orcid.org/0000-0001-8469-8431

доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой теоретического
и славянского языкознания,
корреспондирующий автор
barkovichaa@gmail.com

Астапкина Екатерина Сергеевна

orcid.org/0009-0005-5941-1730

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры
германского языкознания
astapkina@gmail.com

Белорусский
государственный университет
(Минск, Беларусь)

Language Representations of Conceptual Phenomenon “Internet”: An Integrative Model Approach

Alexander A. Barkovich

orcid.org/0000-0001-8469-8431

Doctor of Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Theoretical
and Slavic Linguistics,
corresponding author
barkovichaa@gmail.com

Ekaterina S. Astapkina

orcid.org/0009-0005-5941-1730

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Germanic Linguistics
astapkina@gmail.com

Belarusian State University
(Minsk, Belarus)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена исследованию состава и динамики развития номинативной базы понятийного феномена «Интернет» в русском языке. Применена комплексная методика анализа языковых данных. Охарактеризована степень полноты словарных фиксаций и тезаурусов лексики, соотносительной с указанной семантической областью. Корпусный подход выявил в текстовых массивах Russian Web 2017 наиболее влиятельные компоненты языковой феноменологичности «Интернет»: *программа, сайт, сеть, телефон, сервис*. Отмечается, что в корпусе содержатся производные от них: *интернет-магазин, интернет-платформа, интернет-сервис* и др. Установлены устойчивые коллокации: *перейти на сайт, получить доступ к сети, открыть браузер*. Параллельно получены и парадоксальные результаты: единицы *контент* и *технология* проявляют незначительную частотность в корпусной выборке. Прагмалингвистический подход позволил установить, что в компьютерно-опосредованных коммуникационных средах (цифровые форумы, блоги, посты в социальных сетях) интернет-лексемы зачастую задействуются в прагматически маркированных контекстах: оценка (*удобный сайт*), просьба (*скинь ссылку*), нарратив (*установил приложение*) и т. д. Метод поисково-кластерной дистрибуции, реализованный на базе нейросетевой архитектуры, прояснил латентную структуру понятия «Интернет», включающую девять кластеров: «связь», «технологии», «пользователи», «контент» и др. С применением интеграционной модели сформирована совокупность в составе 294 лексем, соотносительных с понятийным феноменом «Интернет».

Ключевые слова:

Интернет; лексика технологий; понятийный феномен; семантика; дискурсивный анализ.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the composition and dynamic evolution of the nominal basis for the conceptual phenomenon known as “Internet” in the Russian language. A comprehensive methodology was employed to analyze linguistic data. The completeness of dictionary entries and lexical thesauri corresponding to this semantic domain is characterized. Through a corpus-based approach utilizing the Russian Web 2017 dataset, we identified the most influential components contributing to the language phenomenology of “Internet,” including terms such as program, website, network, phone, service. Derivatives like online store, internet platform, web service were also noted within the corpus. Additionally, established collocations include phrases such as visit a site, access the network, open a browser. Paradoxically, units such as content and technology exhibited low frequency in our sample. Pragmalinguistic analysis revealed that Internet-related lexemes are frequently used in pragmatically marked contexts within computer-mediated communication environments (digital forums, blogs, social media posts). These contexts encompassed evaluations (“convenient website”), requests (“send me the link”), narratives (“installed an app”). Using a search-cluster distribution method based on neural network architecture, we clarified the latent structure underlying the concept of “Internet” by identifying nine clusters: connection, technologies, users, content, etc. Applying an integrative model resulted in a set of 294 lexemes associated with the conceptual phenomenon of “Internet.”

Key words:

Internet; technological vocabulary; conceptual phenomenon; semantics; discourse analysis

УДК 811.161.1'37:004.738.5+81'32:

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-9-28

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Языковые репрезентанты понятийного феномена «Интернет»: интеграционная модель описания

© Баркович А. А., Астапкина Е. С., 2025

1. Введение = Introduction

В современных условиях доказывать актуальность Интернета как коммуникационного и, соответственно, понятийного феномена, пожалуй, избыточно: действительно, он играет ключевую роль как в персональном общении практически каждого человека, так и в масштабах огромных социальных общностей. Это во многом объясняет активный интерес к его метаязыковому освоению и возможностям соответствующего обеспечения коммуникации. Коммуникация в Интернете своеобразна, при этом опосредуемая им языковая практика доступна для разноаспектного изучения, поскольку благодаря компьютерной памяти и повсеместному подключению коммуникационных устройств к сети доступ к необходимым данным практически не ограничен, см., например, [W3Techs]. В эру Интернета лингвистика приобрела исследовательский инструментарий качественно нового поколения. Синкретизм современной науки «предполагает многоаспектное рассмотрение» языковых данных, в том числе с привлечением данных компьютерно-опосредованного дискурса [Баркович, 2015, с. 37]. В свою очередь, благодаря новым технологиям стал более доступным и верифицируемым такой сложный прием научного познания, как синтез, что было подтверждено в ходе выполнения нашего исследования.

Все вышесказанное делает весьма актуальным рассмотрение обстоятельств семантического развития знакового понятийного феномена «Интернет». По прошествии весьма солидного по меркам современной коммуникации времени (с 1974 года) термин *Интернет* стал своеобразным фокусом понятийного освоения огромной сферы коммуникационной реальности. И, конечно, *Интернет* — некогда узкоспециальный термин — стал именем понятийного центра ориентированного на него семантического континуума. Нельзя не согласиться с тем, что «семантическое поле, в котором разворачивается употребление той или иной языковой формы, принципиально не сводимо к единому понятийному феномену: это имен-

но поле, непрерывный смысловой континуум, открытый для растяжений и растекания по всем мыслимым направлениям» [Гаспаров, 1996, с. 189]. Данный тезис подтверждается анализом чрезвычайно частотной и пластичной интернет-лексики, что актуально для выявления потенциала дальнейшего развития естественных языков и обеспечивающей их лингвистики [Горошко, 2013; Tang et al., 2016 и др.]. Рассмотрение динамики семантического развития понятийной базы Интернета обусловлено его ярко выраженной экспансией и практической востребованностью в широком спектре речевой практики. Современный подход к изучению системно-языковых данных и текстовых корпусов базируется на внимании к особенностям модификации и развития языковых единиц и представляемой ими значимости компонентов единого семантического поля языка.

Бурное развитие информационно-коммуникационных технологий оказало влияние не только на способы взаимодействия между людьми, оно затронуло глубинные аспекты содержания и смысловой структуры коммуникации [Дубина, 2013; Sapone, 2021 и др.]. Изменения в языке особенно заметны на фоне стремительного прогресса в социально-культурной и производственной областях XXI столетия. Активное внедрение цифровых технологий привело к значительному расширению арсенала языковых и коммуникационных средств [Aichner et al., 2015]. Очевидно, что компьютерно-опосредованная коммуникация в настоящее время стала доминирующим каналом передачи информации [Barkovich, 2019]. Языковые единицы, используемые в этой сфере, изначально имели строго специализированный терминологический характер, однако их широкое распространение обеспечило переход соответствующих лексем в повседневную речь, или узус, что подтверждается их закреплением в современных толковых словарях. Еще более масштабное отражение эти новообразования находят в нормативных и регулирующих словарях, включая орфографические издания. То, что раньше специалистами лишь подразумевалось, стало предметом активного обсуждения: «В последнее время лингвисты, не удовлетворяясь субъективным подходом к формированию словарного состава, все чаще обращаются к Национальному корпусу русского языка, интернет-источникам и лингвистическим экспериментам как к более объективным и надежным базам данных» [Голев, 2015, с. 185]. Современные стандарты, особенно ориентированные на интеграцию в оцифрованную коммуникацию, требуют от метаязыковой репрезентации максимальной прозрачности и объективности, что подразумевает всесторонний охват языковой практики, ее точное описание и непротиворечивую трактовку. Безусловно, лингвистика XXI века реагирует на новые вызовы и тенденции в коммуникации, однако скорость социокультурных трансформаций настолько возросла, что требует от их исследователей

описания языковых процессов практически в режиме онлайн, чтобы соответствовать реалиям высокотехнологического общества.

2. Методы и материал = Methods & Material

Методологическая база данного исследования, посвящённого Интернету как наиболее значимому понятийному феномену современности, строится на интеграции различных технологических решений. В работе применяются проверенные и эффективные аналитические методы: дискурс-анализ, который практически незаменим при изучении больших текстовых массивов, и компонентный анализ, позволяющий глубоко исследовать структуру языковых единиц и механизмы их изменений. В рамках дискурсивного подхода органично сочетаются структуралистские методы описания языковой системы с прикладными методиками, ориентированными на практику коммуникации, см., например, [Titscher et al., 2000; Widdowson, 2005]. В рамках исследования также использовались статистический, сравнительный и семантический анализ, что обеспечило комплексный подход к решению поставленных задач. Для синтеза полученных данных были использованы различные виды моделирования: лексикографическое, тезаурусное, корпусное, кластерное и стратификационное. Итоговый этап работы заключался в синтезе полученного эмпирическим путем и интерпретированного материала. Подобного рода прагматика в формировании исследовательской стратегии обосновывается многими специалистами [Тошович, 2015; Schiffrin, 2006 и др.]. В условиях современного высокотехнологического научного обеспечения было бы неоправданно отказываться от доступных методологических инноваций, которые в данном исследовании получилось задействовать для аналитико-синтетического подхода. Существенная новизна достигнута за счет привлечения данных нейросетевого моделирования широкого спектра интернет-контента.

Материалом для работы послужила лексико-семантическая совокупность единиц русского языка, семантически и функционально связанных с понятийным феноменом «Интернет». Этот материал был систематизирован с использованием словарных, корпусных и интернет-источников. В частности, были задействованы различные типы словарей: как регулирующие реалии речевой практики (например, орфографические), так и интерпретационные (толковые). Для анализа структуры семантики лексического поля «Интернет» были изучены особенности ее представления в тезаурусах. Эмпирическая база исследования была подтверждена данными из корпуса «Russian Web 2017» [Sketch Engine]. Дополнительно, с помощью поисковых систем (*Google*, *Яндекс*) осуществлялся анализ языковых единиц в составе текстовых фрагментов интернет-контента. Моделирова-

ние языковой практики с применением нейросетей проводилось посредством технологии GPT-4 [OpenAI].

Цель исследования — охарактеризовать особенности семантического развития и метаязыковой репрезентации понятийной базы лексического поля «Интернет» в русском языке. Объектом анализа в работе явилась понятийная база, соотносительная с указанной семантической областью, отраженная в языковой среде, в аспекте ее динамической реализации, подтвержденной метаязыковой репрезентацией.

3. Результаты и обсуждение = Results and discussion

3.1. Специфика метаязыковой рефлексии понятийной базы лексического поля «Интернет»

Внедрение компьютерных технологий в процессы коммуникации не только изменило формат современных текстов, но и открыло новые горизонты для их масштабирования и модификации. Это способствовало стремительному изменению стандартов и традиций в области метаязыковых практик [см., напр., Garfinkel, 2000; Pinker, 2000]. В связи с развитием цифровых инструментов сегодня в онлайн-пространстве можно найти не только огромное количество текстов, но и разнообразные лингвистические ресурсы. Так, лексикографические издания, ранее служившие памятниками литературного искусства, теперь эволюционировали в многофункциональные комплексы, адаптированные под нужды как носителей языка, так и исследователей; благодаря им можно решать сложные аналитические задачи.

В рамках русскоязычного дискурса семантика понятийного феномена «Интернет» характеризуется многоаспектностью и динамичностью. На фоне устойчивого соотношения с уже устоявшимися в языке номинационными реалиями, такими как *автор, адрес, имя, почта* и мн. др., Интернет сам является триггером к появлению таких лексических инноваций, как *блог, блокчейн, бот, браузер* и под. Тем не менее параметры метаязыковой репрезентации Интернета на сегодняшний день сохраняют фрагментарность и неустойчивость: наблюдается лишь тенденция к обретению им, как языковым феноменом, устойчивой системности и семантической завершенности. Подобную тенденцию подтверждают и статистические данные, полученные в результате анализа эмпирического материала, изученного в рамках настоящего исследования. Если регулирующие языковую практику ресурсы уже включают в себя значительное количество востребованных интернет-единиц, то в толковых словарях попытки интерпретировать референтную лексику пока лишь обозначены. Лишь поверхностно интерпретированы соответствующие значения в русскоязычных тезаурусных источниках. Следует отметить, что подобная картина наблюдается и

в других языках: тезаурусы не успевают за темпами развития цифровой коммуникации.

Для сбалансированной оценки специфики метаязыковой рефлексии понятийной базы лексической области «Интернет» целесообразным представляется анализ ее лексикографической, тезаурусной, корпусной, прагматингвистической и нейросетевой репрезентаций, а также синтетическая репрезентация результатов анализа как обобщение метаданных.

3.2. Лексикографическая репрезентация

В рамках обозначенной выше методологической парадигмы особого внимания требует репрезентация языкового потенциала понятийного феномена «Интернет» в словарной традиции. Априори часть словарей, по вполне объяснимым причинам (отсутствие регулярного обновления), не учитывает лексему *Интернет* [Ожегов и др., 1994; Ушаков, 2008]. В обновляемом «Современном толковом словаре русского языка» под редакцией Т. Ф. Ефремовой фиксируется как базовая единица *Интернет*, так и 17 деривационно обусловленных ей лексем, преимущественно композитов [Ефремова, 2006]. В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова присутствует всего пять референтных лексем: *интернет-аудитория*, *интернет-аукцион*, *интернет-версия*, *интернет-издание* и *интернет-карта* [Кузнецов, 2000]. Отметим невысокую динамику метаязыковой институционализации интернет-обусловленных лексем в дескриптивном аспекте. Прескриптивная аспектуальность здесь оказывается намного более продуктивной. Так, в «Русском орфографическом словаре» В. В. Лопатина и О. Е. Ивановой уже намного больше единиц, отражающих семантизацию понятия «Интернет» [Русский орфографический словарь, 2013]. Собственно, нормоприменительная прагматика играет важную роль в поддержании стабильности языка, востребованной в любом живом языке, см., например, [Богачёва и др., 2017; Шейпак, 2024].

Особый интерес представляет наблюдаемая при этом динамика интеграции новых единиц в этот нормативный реестр: так, в экстраполяции за период 2014—2024 годов число зафиксированной интернет-лексики увеличилось более чем в четыре раза — с 44 до 194 единиц. Тем самым подтверждается чётко выраженная тенденция продолжающегося развития самого понятийного феномена. Примечательна частеречная идентичность референтных единиц: из 194 номинаций 186 представлены существительными (примерно 96 %), 6 — прилагательными (около 3 %) и только одна единица — глагол (приблизительно 0,5 %). Это распределение принципиально расходится с привычными соотношениями лексико-грамматических классов в естественной речи, где обычен баланс между существительными, глаголами и прилагательными.

Тем самым на уровне грамматико-семантической репрезентации понятийного феномена «Интернет» можно зафиксировать ярко выраженный номинативный сдвиг в пользу именных образований, отражающих его значимость. Такая диспропорция указывает на то, что элементы интернет-семантики преимущественно функционируют как номинации, обозначающие новые объекты и явления. Это позволяет судить о том, что понятийная база «Интернета» находится на стадии первичного языкового освоения и характеризуется новационным статусом.

Конечно, в лингвистической практике значимую роль играют ресурсы, расширяющие рамки словарной инвентаризации за счет металингвистической интерпретации понятийной базы. Ярким примером такого источника является «Словарь языка интернета.ru» [Кронгауз и др., 2016]. Однако обилие представленного в нем жаргона и стилистических вариантов не позволило задействовать его в нашем исследовании предметно. О динамичном развитии ориентированной в конечном итоге на интернет-семантику лексики свидетельствуют и такие словари, как, например, «Цифровое общество: словарь-справочник» или «Терминология цифрового общества: словарь» [Киселева и др., 2021; Маринова и др., 2025]. Вместе с тем приходится констатировать, что ориентация данных источников — и ряда других подобных — на «цифру» (в данных случаях) лишь косвенно соотносится с понятийным полем «Интернет».

3.3. Тезаурусная репрезентация

На современном этапе развития коммуникации семантическая идентичность лексем, интегрированных в дискурс, обусловленный интернет-средой, характеризуется значительной широтой и тематической вариативностью. Однако, как показывает анализ, существующие тезаурусные ресурсы демонстрируют ограниченную способность оперативно инкорпорировать и репрезентировать релевантную понятийную базу. Большая часть русскоязычных тезаурусов, как и их англоязычные и иные аналоги, до сих пор не адаптированы к динамике языковых сред цифровой эпохи.

Показателем в этом отношении один из немногих отечественных онтологических ресурсов — *RuWordNet*, который при запросе по ключевому термину «Интернет» предлагает перечень из 13 тематически близких единиц — *веб, Всемирная Паутина, сеть Интернет, инет, глобальная компьютерная сеть* и др. [Тезаурус русского языка *RuWordNet*]. При этом, согласно открытым данным, *RuWordNet* насчитывает 111,5 тысяч лексических единиц, что формально приближает его к объему репрезентативного словаря. Характерным образом большинство терминов, представленных в ресурсе, связывается с ключевой характеристикой Интернета — его «сетевой» структурой. Употребление же синонимических или эвфемисти-

ческих вариантов *сети*, таких как *всемирная сеть*, *глобальная паутина*, *международная компьютерная сеть*, воспроизводит, по сути, одну и ту же концептуальную ось, дробя ее на схожие семантические проекции. Немногочисленные модификации семантического портрета «Интернета», такие как, например, *интернет-пространство*, некоторым образом расширяют его феноменологические рамки, но делают это поверхностно, без вычленения дополнительных концептуальных компонентов и существенного усложнения семантической идентичности.

Таким образом, тезаурусная трактовка рассматриваемого феномена в текущем виде фокусируется преимущественно на метафоре «сетевости» — хотя проецируемая семантика понятийного феномена «Интернет», безусловно, значительно богаче. Расширение ее метаязыковой репрезентации за счет одних и тех же признаков не способствует формированию объемной и многоаспектной модели. Для лингвистического охвата очевидно сложного понятийного феномена требуется более детализированное и многомерное отражение его семантики, способное учитывать не только формальные, но и сущностные и функциональные параметры его реализации в речи.

3.4. Корпусная репрезентация

Для описания реалий речи достаточно апробированным уже на сегодня лексикографическим потенциалом обладают *корпусы текстов*, или «лингвистические корпуса», позволяющие выполнить углубленную интерпретацию понятийной семантики того или иного рода [НКРЯ и др.]. Это важный эмпирико-аналитический ресурс, позволяющий зафиксировать спектр языковых единиц, формирующих семантику понятийного феномена «Интернет», и их востребованность в реальной речевой практике. На сегодняшний день неоспорима эффективность корпусной методики для решения разнообразных лингвистических задач, в числе прочего корпусные ресурсы позволяют объективно оценивать семантический потенциал речевой практики.

Одним из крупнейших текстовых корпусов, ориентированных на цифровой дискурс, является ресурс *Russian Web 2017*, интегрированный в аналитическую платформу *Sketch Engine* [Sketch Engine]. Согласно метайнформации, данный ресурс включает в себя свыше 11,2 миллиарда токенов, среди которых насчитывается около 9 миллиардов словоупотреблений, формирующих свыше 18 миллионов текстов в составе 629 миллионов предложений. Учитывая как хронологические рамки формирования корпуса (2017 год), так и его тематику («Веб» в русском языке очень часто синонимичен «Интернету»), высокая насыщенность данного ресурса соответствующей лексикой представляется вполне закономерной.

Коллокационная активность соответствующих единиц позволяет выявить их семантическую валентность с понятийным феноменом «Интер-

нет». И аналитический процессинг текстов, входящих в состав корпуса, выявил впечатляющий уровень интеграции разнообразной лексики в современный русскоязычный интернет-контент. Так, сама доминанта референтной речевой практики «Интернет» демонстрирует частотный показатель 210,33 употреблений на один миллион токенов, а совокупность лексем с основой *-интернет-* оказывается ещё более представительной — 312,52 вхождений на миллион.

Таково структурированное распределение первых пяти наиболее влиятельных компонентов языковой феноменологичности «Интернет» в текстовых массивах Russian Web 2017, (в скобках представлена их относительная частотность в процентах): *сеть* — 2,929,380 (0.032 %); *сайт* — 6,166,362 (0.068 %); *сервис* — 1,103,863 (0.012 %); *телефон* — 2,536,641 (0.028 %); *программа* — 6,589,248 (0.073 %). При большой глубине полученного конкорданса (около 1,000 единиц) результативность исследования вполне может быть обеспечена и, например, первыми 100 позициями соответствующего реестра, что соизмеримо с порядком единиц других анализируемых репрезентаций.

Для качественитивного обобщения полученных данных важны, в первую очередь, лексемы с высокой частотностью — такие как *сайт*, *сеть*, *браузер*, *доступ*, а также производные от них: *интернет-магазин*, *интернет-платформа*, *интернет-сервис*. Характерно, что многие из данных единиц обладают устойчивыми коллокационными связями, указывающими на их высокую интегрированность в функциональный инструментарий языка. Например, сочетания *перейти на сайт*, *получить доступ к сети*, *открыть браузер* встречаются с высокой регулярностью.

Однако параллельно с этим наблюдаются и парадоксальные результаты: такие единицы, как *контент* и *технология*, в корпусной выборке оказались существенно менее представлены, чем предполагалось по умолчанию. Лексема *контент*, в частности, выявлена в количестве менее 10 на миллион, что свидетельствует о «рассеивании семантики» доминантных для того или иного дискурса понятий в языковой практике. И это говорит о возможном несоответствии понятийной значимости и речевой востребованности. Также корпусные данные подтверждают актуальность номинативно-семантических конструкций феноменологической общности «Интернет».

3.5. Прагмалингвистическая репрезентация

При использовании описательной парадигмы в метаязыковом анализе коммуникационной действительности целесообразно учитывать не только структурные и институциональные особенности интернет-дискурса, но и специфику функциональности интернет-семантики в широком спектре речевых ситуаций, в том числе субъективно обусловленных [Crystal, 2001;

Carr, 2010]. В данной связи прагмалингвистический подход позволяет дополнить общую картину лингвистической интерпретации репрезентации интернет-семантики при реализации тех или иных интенций, в рамках специфических жанров, персонализированных коммуникативных установок и целей.

Характерно, что в компьютерно-опосредованных коммуникационных средах (например, цифровые форумы, блоги, посты в социальных сетях) интернет-лексемы зачастую задействуются в прагматически маркированных контекстах: оценка (*удобный сайт, ужасный интерфейс*), просьба (*скинь ссылку, проверь подключение к сети*), нарратив (*установил приложение, перешёл по рекламе*) и т. д. Продуктивными становятся разговорные и редуцированные формы интернет-специфических терминов (например, *инет, сёрфить, гуглить*), что свидетельствует о понятном неограниченному кругу коммуникантов переосмыслении интернет-лексики в рамках повседневной коммуникации.

При этом регистрово-прагматическое варьирование таких единиц обусловлено не только социолингвистической стратификацией коммуникантов, но и степенью их включённости в цифровую культуру. Например, молодёжная аудитория демонстрирует активное использование интернет-лексики в экспрессивной и эмотивной функции, в то время как в деловом и академическом дискурсе та же лексика приобретает функционально-информативное значение. В целом, прагмалингвистическая репрезентация компонентов понятийной базы «Интернета» свидетельствует об их массовой адаптации в узусе, присутствии в жаргоне и сленге, возрастании их функциональности в коммуникативном опыте.

В метаязыковом аспекте прагмалингвистическое моделирование феноменологической сущности «Интернета» позволяет углубить ее семантическое зонирование за счет имплицитного содержания, в первую очередь, предикативно обеспеченного специфичной глагольной лексикой (*скачать, апгрейдить, залогиниться, авторизоваться* и т. д.), позволяющего моделировать синтагматически сложные содержательные паттерны. Не менее важен в данной связи и потенциал включения в лингвистический анализ суппозиций, о присутствии которых косвенно свидетельствует атрибуция номинативных единиц (*удобный, ужасный, безлимитный* и т. д.). Таким образом, прагмалингвистическая репрезентация понятийного феномена «Интернет» позволяет учесть особенности его актуализации в речи, недоступные для рассмотрения с иных метаязыковых позиций, хотя нужно отметить, что компьютерный инструментарий для такой обработки речевого материала пока отсутствует. Кроме того, ввиду прагматической маркированности языковых единиц затруднительна и их метаязыковая оценка.

3.6. Нейросетевая репрезентация

Помимо традиционных средств лексикографического и корпусного анализа, в последние годы активно проявляют себя инновационные методики концептуального моделирования содержания коммуникации, основанные на применении компьютерных технологий с использованием машинного обучения и нейросетевого моделирования [Liu et al., 2018; Devlin et al., 2019]. Сегодня одна из наиболее перспективных и продуктивных исследовательских парадигм — это использование архитектур нейросетевого типа — прежде всего генеративных трансформеров (англ. *Generative Pre-trained Transformers*, или *GPT*), обладающих способностью проводить сложный многоступенчатый анализ огромных массивов речевой практики. В исследовательской перспективе такие алгоритмы позволяют не только выстраивать онтосемантические структуры, отражающие многоуровневую содержательную логику репрезентации содержания, но и выявлять семантически валентное окружение тех или иных понятий.

В частности, метод поисково-кластерной дистрибуции, реализованный на базе нейросетевой архитектуры, дал возможность актуализировать латентную семантическую структуру языкового феномена «Интернет», представив ее в формате девяти кластеров: «связь», «технологии», «контент», «пользователи», «экономика», «культура», «проблемы», «будущее», «дополнительные слова». В каждом из них репрезентирован определённый аспект феноменологической сущности «Интернета».

Всего нейросеть таким образом сгруппировала 89 языковых единиц. В частности, совокупность единиц, отражающих семантический компонент «связь» как часть понятия «Интернет», составили слова: *коммуникация, информация, данные, передача, сеть, сигнал, телефон, почта, письмо* [OpenAI]. Эти элементы полностью подтверждают семантическую логику компоновки понятийного феномена «Интернет», адекватно репрезентируя его принципиальную организацию как системы «передачи», или «коммуникации» «данных» и «информации» посредством «сети», «почты», «письма», «телефона», «сигнала».

Таким образом, нейросетевая реконструкция языкового феномена «Интернет» демонстрирует высокую степень содержательной кластеризации и концептуальной насыщенности. Полученный массив можно интерпретировать как семантическую модель, отражающую базовые понятийные компоненты, структурирующие когнитивные рамки Интернета, — концепты. При этом в отличие, скажем, от лексикографической репрезентации, нейросеть не просто извлекает лексемы, а оперирует феноменологически актуальными компонентами семантической структуры языка, опираясь на прецеденты языковой практики. Данный аспект моделирования подтверж-

дает, что понятийная база Интернета — это не только совокупность деривационно зависимых от ядерного понятия «Интернет» номинаций, но и сложная семантическая система, обладающая собственной идентичностью, изменяющейся в пространстве и времени.

И, конечно, 89 компонентов семантического портрета «Интернета» отражают референтную семантику лучше, чем единичные «значения» толкового словаря. В совокупности с другими данными подобная репрезентация позволяет составить вполне реалистичную модель языковой реализации понятийного феномена «Интернет» и рассмотреть особенности развития связанной с ним семантики.

3.7. Синтетическая репрезентация

В связи с разнообразием данных, полученных посредством разных методик метаязыковых проекций понятийного феномена «Интернет», целесообразным представляется провести их *синтетическую репрезентацию*. С учётом того, что кумулятивная согласованность результатов, полученных с использованием различных подходов к метаязыковому моделированию понятийного феномена «Интернет», демонстрирует невысокий уровень перекрытия, представляется методологически оправданным развитие предварительно дифференцированных форм анализа в обобщённую, синтетическую интерпретацию. Для этого были совмещены данные четырех аналитических источников: лексикографической, тезаурусной, корпусной и нейросетевой параметризаций. Прагматически маркированные компоненты не являются релевантными в данном контексте, поскольку в них высока доля субкультурной и субъективно-специфичной лексики, а также атрибутивов и предикативов.

Архитектура соответствующей синтетической репрезентации может реализовываться по разным шаблонам. Наиболее наглядными из них являются два варианта: линейная *компиляция*, или синкретичное, по сути, объединение (механическое объединение лексем, выявленных с помощью различных способов анализа, в единую структуру), и структурная *интеграция*, или, по сути, симбиотическое объединение (лингвистически обработанная репрезентация). Именно второй путь синтеза был признан релевантным данному исследованию как более эргономичный, металингвистически адаптированный и обладающий потенциалом дальнейшего развития.

При *интеграции* словарной (194 единицы), тезаурусной (13), корпусной (100) и нейросетевой (89) репрезентаций была сформирована обобщённая совокупность преимущественно номинативного характера. В ней необходимо статистически малозначащее присутствие атрибутивных форм *всемирный*, *международный*, *электронный* и некоторых других общим количеством в 12 единиц (нет в русском узусе *всемирности*, *между-*

народности, электронности и т. д.), а также 8 поликодовых и иноязычных единиц, таких как *5G*, *e-коммерция*, *IP-адрес*, *Wi-Fi*. В результате очистки от дублирующих позиций и синонимических форм, исключения собственных имен и рекуррентных компонентов сложных словоформ и выражений — в данной синтетической репрезентации оказалось 294 компонента феноменологического портрета «Интернета».

При лингвистической обработке в синтетической репрезентации были сохранены аббревиатуры и не имеющие пока нормативных русскоязычных эквивалентов англоязычные термины, даже если они пока частично или полностью не адаптированы к кириллической графике. Это лингвистическое решение продиктовано стереотипностью исторически успешного освоения заимствований в русском языке: многие единицы русскоязычного узуса всего несколько десятилетий назад являли собой латинографичные неологизмы (таковы *файл*, *терминал*, сам *Интернет* и многие другие). Очевидно, что тот же путь предстоит пройти и тем заимствованиям, которые на сегодня ещё сохраняют свою латинизированную или частично трансформированную форму: например, *Big Data*, *Wi-Fi*, *IP-адрес*, *e-коммерция* и др. Наблюдается постепенное проникновение этих номинаций в узус как в качестве англицизмов, так и в адаптированных вариантах: *большие данные*, *вайфай*, *айпи-адрес*, *электронная коммерция*. Таким образом, процессы полилингвального сосуществования инновационных сигнификатов влияют на номинативное конструирование языкового феномена «Интернета» в русском языке, но типичным образом задействованные в них единицы domesticiруются, очевидным примером чего является динамика семантического развития ключевой единицы *Интернет* (некогда заимствования *Internet*).

4. Заключение = Conclusions

В ходе проведения исследования был осуществлен предметный анализ понятийной базы «Интернет», основанный на метаязыковой репрезентации соотносительных с семантической областью «Интернет» русскоязычных единиц. С учетом установленных особенностей их словарной и речевой реализации был выявлен их релевантный понятийный потенциал. Для достижения данной цели была проанализирована функциональность и репрезентация указанной совокупности лексем русского языка — по данным словарей, в том числе тезаурусов; корпусов и интернет-контента. Было подтверждено активное пополнение лексикографических ресурсов интернет-ориентированной лексикой: за последние годы ее количество в отдельных словарях увеличилось в несколько раз. О массовой востребованности семантики «Интернет» и соответствующей динамике репрезентирующих

данный феномен языковых средств свидетельствуют данные корпусов и нейросетевое моделирование интернет-контента.

В исследовании был задействован широкий спектр методологии — от компонентного анализа до дискурс-анализа с использованием современных квантитативных методик. Это позволило выполнить анализ, интерпретацию и обобщение объемного самостоятельно эксплицированного материала. Была осуществлена синтетическая репрезентация понятийной базы «Интернет» — для этого использовались данные словарной, тезаурусной, корпусной, прагмалингвистической и нейросетевой репрезентаций эмпирического материала. Обобщение и оценка промежуточных результатов при синтетической репрезентации были осуществлены по симбиотическому шаблону интеграции. По итогам экспериментального применения данной модели синтеза была выявлена широкая лексико-семантическая репрезентация понятийной базы «Интернет», отраженная в совокупности 294 лексическими единицами. Также были сделаны и описаны наблюдения о сравнительной распространенности и влиятельности отдельных интернет-понятий. Проведенное исследование свидетельствует о продолжающемся развитии понятийной базы, соотносительной с феноменом Интернета, и ее высокой динамике.

Осуществлённое в исследовании моделирование позволило существенно расширить горизонты метаязыковой рефлексии по отношению к понятийной базе Интернета. Так, ключевые элементы его феноменологической структуры, такие как *сеть* и *сайт*, в корпусной и стратной моделях закономерно вошли в число наиболее частотных. В то же время такие лексемы, как *контент* и *технология*, вопреки ожиданиям, не особенно актуальны. Примечательно полное отсутствие слова *контент* в числе тысячи наиболее репрезентативных понятий, связанных с интернет-семантикой; в многомиллионном корпусе зафиксировано лишь 105,272 случая соответствующих вхождений, что составило 9.36 случая на миллион токенов, равное всего 0,00094 %. Лексема *технология* оказалась только на двадцатом месте в корпусной иерархии. Однако подобная латентность феноменологически важных лексем в речи достаточно типична.

Количество и качество исследованного эмпирического материала позволило обеспечить эффективность подхода, объединившего разноаспектные данные аналитического характера в обобщённую синтетическую модель, объективно отразившую феноменологическую сущность Интернета и динамику развития его понятийной базы. Полученная модель способствовала выявлению номинативного потенциала семантической области «Интернет» и уточнению границ возможной метаязыковой репрезентации данного понятия. Широкий охват речевой практики обеспечил

агрегацию не только высокочастотных языковых единиц, реализующих интернет-семантику (*сервис, технология, контент*), но и множества менее распространенных, но релевантных лексем, семантически связанных с анализируемым понятием. Продуктивность выполненного исследования обеспечивает аргументацию для распространения такого рода метаязыковой репрезентации на неопределенный круг понятийных феноменов, их реконструкцию и возможную деконструкцию в контексте, что немаловажно, их динамики.

В целом, проведенное исследование свидетельствует, что Интернет как понятийный феномен русского языка опирается на высокорепрезентативную лексико-семантическую базу. Далеко не все понятийные феномены характеризуются подобной референтностью. При этом структура и содержание понятийной базы «Интернет» в современном русском языке характеризуется высокой динамикой. Также необходимо отметить его слабо выраженную онтологичность и существенный потенциал метаязыковой систематизации. Представляются целесообразными дальнейшие усилия, направленные на лингвистическое освоение значимого для системы русского языка понятийного феномена «Интернет». Особенно высока их актуальность в контексте компьютерного опосредования коммуникации.

Необходимо отметить практическую актуальность данного исследования: проведенное моделирование позволило выявить интенсивную динамику развития как самого понятийного феномена «Интернет», так и ориентированного на него семантического континуума в речевой практике. Выполненное метаязыковое исследование его структуры и возможностей обеспечивает реалистичным основанием системное развитие лингвистического сопровождения современной коммуникации. Путь идентификации, квалификации и интерпретации понятийной базы того или иного феномена релевантен для совершенствования лингвистической парадигмы в целом и модернизации ее компьютерно-обеспеченного инструментария.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. / Т. Ф. Ефремова. — Москва : Астрель, 2006. — 3312 с. — ISBN 5-17-013734-6.
2. Киселева Л. С. Цифровое общество : словарь-справочник / Л. С. Киселева, А. А. Семенова. — Москва : Проспект, 2021. — 152 с. — ISBN 978-5-392-34071-2.

3. Кронгауз М. А. Словарь языка интернета.ru / М. А. Кронгауз, В. Н. Мерзлякова, А. Ч. Пиперски, Е. А. Литвин. — Москва : АСТ-Пресс, 2016. — 287 с. — ISBN 978-5-9909263-0-1.
4. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1536 с. — ISBN 5-7711-0015-3.
5. Маринова Е. В. Терминология цифрового общества : словарь / Е. В. Маринова, Е. А. Волочек, К. И. Шрафадина. — Москва : ЛЕНАНД, 2025. — 232 с.
6. НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 07.05.2025).
7. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — Москва : Азъ, 1994. — 907 с. — ISBN 5-85632-007-7.
8. Русский орфографический словарь (ок. 200000 слов) / Под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. — Москва : Аст-Пресс Книга, 2013. — 896 с. — ISBN 978-5-462-01272-3.
9. Тезаурус русского языка RuWordNet [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.ruwordnet.ru> (дата обращения 07.05.2025).
10. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. — Москва : Альта-Принт : Дом. XXI век, 2008. — 510 с. — ISBN 978-5-98628-123-0.
11. OpenAI [Electronic resource]. — Access mode : <https://openai.com/index/gpt-4> (accessed 07.05.2025).
12. Sketch Engine [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.sketchengine.eu> (accessed 07.05.2025).
13. W3Techs — Extensive and reliable web technology surveys [Electronic resource]. — Access mode : <http://w3techs.com> (accessed 07.05.2025).

Литература

1. Баркович А. А. Функциональность диады «коммуникационный — коммуникативный» : дискурсивный аспект / А. А. Баркович // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2015. — № 5 (37). — С. 37—52. — DOI: 10.17223/19986645/37/3.
2. Богачёва Г. Ф. Электронный идеографический словарь : теоретический и прикладной аспекты (на материале «Русского тематического словаря») / Г. Ф. Богачёва, А. И. Ольховская, М. К. Парамонова // Вопросы лексикографии. — 2017. — № 12. — С. 39—60. — DOI: 10.17223/22274200/12/3.
3. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. — Москва : Новое литературное обозрение, 1996. — 352 с. — ISBN 5-86793-020-3.
4. Голев Н. Д. Лексическая реализация как функциональная характеристика словообразовательной системы русского языка и количественные параметры ее описания / Н. Д. Голев // «Осьмь десятъ» : сб. науч. статей к 80-летию И. С. Улуханова. — Москва : Азбуковник, 2015. — С. 183—193. — ISBN 978-5-91172-103-9.
5. Горощко Е. И. Возникновение лингвистики новых медиа и перспективы развития этого направления / Е. И. Горощко // Гипертекст как объект лингвистического исследования. — Самара : Изд-во Самарского государственного социально-педагогического университета, 2013. — С. 27—42. — ISBN 978-5-8428-0954-7.
6. Дубина Л. В. Тенденции развития русского языка в условиях интернет-коммуникации / Л. В. Дубина // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2013. — № 2. — С. 177—181.

7. Тошович Б. Интернет-стилистика / Б. Тошович. — Москва : Флинта : Наука. 2015. — 238 с. — ISBN 978-5-9765-2229-9.
8. Шадрина О. В. Корпусный анализ репрезентации терминологии искусственного интеллекта в русском языке с использованием инструмента AntConc (на материале альманаха «Искусственный интеллект») / О. В. Шадрина, О. В. Маруневич // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 133—160. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-133-160.
9. Шейпак С. А. От традиционного словаря к онлайн-словарю : развитие лексикографической культуры пользователя / С. А. Шейпак // Вопросы лексикографии. — 2024. — № 33. — С. 29—51. — DOI: 10.17223/22274200/33/2.
10. Aichner T. Measuring the degree of corporate social media use / T. Aichner, F. Jacob // International Journal of Market Research. — 2015. — Vol. 2. — № 57. — Pp. 257—275. — DOI: 10.2501/IJMR-2015-018.
11. Barkovich A. Informational Linguistics : Computer, Internet, Artificial Intelligence and Language / A. Barkovich // 2019 IEEE 1st International Conference on Artificial Intelligence in Information and Communication (ICAIIIC 2019). — February 11—13. — 2019. — Pp. 008—013. — DOI: 10.1109/ICAIIIC.2019.8668989.
12. Carr N. The Shallows : What the Internet Is Doing to Our Brains / N. Carr. — New York : Norton, W. W. & Company, Inc., 2010. — 276 p. — ISBN 978-0-393-07936-4.
13. Crystal D. Language and the Internet / D. Crystal. — Cambridge : Cambridge University Press, 2001. — 272 p. — ISBN 0-521-80212-1.
14. Devlin J. BERT : Pre-Training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding / J. Devlin, M. W. Chang, K. Lee, K. Toutanova // Proceedings of the 2019 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics : Human Language Technologies. — 2019. — Pp. 4171—4186. — DOI: 10.18653/v1/N19-1423.
15. Garfinkel S. Database Nation : The Death of Privacy in the 21st Century / S. Garfinkel. — Sebastopol : O'Reilly & Associates, 2000. — 336 p. — ISBN 0-596-00105-3.
16. Liu Y. Neural Network Methods for Natural Language Processing / Y. Liu, M. Zhang // Computational Linguistics. — 2018. — Vol. 44(1). — Pp. 193—195. — DOI: 10.1162/COLI_r_00312.
17. Pinker S. The language instinct / S. Pinker. — New York : Harper Perennial Modern Classics, 2000. — 525 p. — ISBN 0-06-097651-9.
18. Sapone L. Moving fast and breaking things : an analysis of social media's revolutionary effects on culture and its impending regulation / L. Sapone // Duquesne Law Review. — 2021. — Vol. 59. — Pp. 362—384.
19. Schiffrin D. From linguistic reference to social reality / D. Schiffrin // Discourse and identity. — Cambridge : Cambridge University Press, 2006. — Pp. 103—131. — ISBN 9780521834025.
20. Tang J. A survey of signed network mining in social media / J. Tang, Y. Chang, C. Aggarwal, H. Liu // ACM Computer Surveys (CSUR). — 2016. — Vol. 49. — Pp. 1—37. — DOI: 10.1145/2956185.
21. Titscher S. Methods of Text and Discourse Analysis / S. Titscher, M. Meyer, E. Vetter, R. Wodak. — London : Sage, 2000. — 278 p. — ISBN 0-7619-6482-7.
22. Widdowson H. Applied linguistics, interdisciplinarity, and disparate realities / H. Widdowson // Directions in Applied Linguistics. — Clevedon, UK : Multilingual Matters, 2005. — Pp. 12—25. — ISBN 1-85359-849-6.

Статья поступила в редакцию 18.07.2025,
одобрена после рецензирования 05.11.2025,
подготовлена к публикации 08.01.2026.

Material resources

- Efremova, T. F. (2006). *Modern explanatory dictionary of the Russian language: in 3 volumes*. Moscow: Astrel. 3312 p. ISBN 5-17-013734-6. (In Russ.).
- Kiseleva, L. S., Semenova, A. A. (2021). *Digital society: a dictionary*. Moscow: Prospekt. 152 p. ISBN 978-5-392-34071-2. (In Russ.).
- Krongauz, M. A., Merzlyakova, V. N., Pipersky, A. C. (2016). *Dictionary of language интернетa.ru*. Moscow: AST-Press. 287 p. ISBN 978-5-9909263-0-1. (In Russ.).
- Kuznetsov, S. A. (2000). *A large explanatory dictionary of the Russian language*. Saint Petersburg: Norint. 1536 p. ISBN 5-7711-0015-3. (In Russ.).
- Lopatin, V. V., Ivanova, O. E. (eds.). (2013). *Russian spelling dictionary (approx. 200,000 words)*. Moscow: Ast-Press Book. 896 p. ISBN 978-5-462-01272-3. (In Russ.).
- Marinova, E. V., Volochek, E. A. (2025). *Terminology of the digital society: a dictionary*. Moscow: LENAND. 232 p. (In Russ.).
- NKRR — *The National corpus of the Russian language*. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 07.05.2025). (In Russ.).
- OpenAI. Available at: <https://openai.com/index/gpt-4> (accessed 07.05.2025).
- Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (1994). *Explanatory dictionary of the Russian language: 72500 words and 7500 phraseological expressions*. Moscow: Az. 907 p. ISBN 5-85632-007-7. (In Russ.).
- Sketch Engine. Available at: <https://www.sketchengine.eu> (accessed 07.05.2025).
- Thesaurus of the Russian language RuWordNet. Available at: <https://www.ruwordnet.ru> (accessed 07.05.2025). (In Russ.).
- W3Techs — *Extensive and reliable web technology surveys*. Available at: <http://w3techs.com> (accessed 07.05.2025).

References

- Aichner, T., Jacob, F. (2015). Measuring the degree of corporate social media use. *International Journal of Market Research*, 2 (57): 257—275. DOI: 10.2501/IJMR-2015-018.
- Barkovich, A. (2019). Informational Linguistics: Computer, Internet, Artificial Intelligence and Language. *2019 IEEE 1st International Conference on Artificial Intelligence in Information and Communication (ICAIIIC 2019). February 11—13*. 008—013. DOI: 10.1109/ICAIIIC.2019.8668989.
- Barkovich, A. A. (2015). Functionality of the dyad “communication — communicative”: a discursive aspect. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 5 (37): 37—52. DOI: 10.17223/19986645/37/3. (In Russ.).
- Bogacheva, G. F., Olkhovskaya, A. I., Paramonova, M. K. (2017). Electronic ideographic dictionary: theoretical and applied aspects (based on the material of the “Russian Thematic Dictionary”). *Lexicography issues*, 12: 39—60. DOI: 10.17223/22274200/12/3. (In Russ.).
- Carr, N. (2010). *The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains*. New York: Norton, W. W. & Company, Inc. 276 p. ISBN 978-0-393-07936-4.
- Crystal, D. (2001). *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press. 272 p. ISBN 0-521-80212-1.
- Devlin, J. (2019). BERT: Pre-Training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding. *Proceedings of the 2019 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies*. 4171—4186. DOI: 10.18653/v1/N19-1423.

- Dubina, L. V. (2013). Trends in the development of the Russian language in the context of Internet communication. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 2: 177—181. (In Russ.).
- Garfinkel, S. (2000). *Database Nation: The Death of Privacy in the 21st Century*. Sebastopol: O'Reilly & Associates. 336 p. ISBN 0-596-00105-3.
- Gasparov, B. M. (1996). *Language, memory, image. Linguistics of linguistic existence*. Moscow: New Literary Review. 352 p. ISBN 5-86793-020-3. (In Russ.).
- Golev, N. D. (2015). Lexical realization as a functional characteristic of the word-formation system of the Russian language and quantitative parameters of its description. In: *"Osm ten": collection of scientific papers. articles dedicated to the 80th anniversary of I. S. Ulukhanov*. Moscow: Azbukovnik. 183—193. ISBN 978-5-91172-103-9. (In Russ.).
- Goroshko, E. I. (2013). The emergence of new media linguistics and the prospects for the development of this field. In: *Hypertext as an object of linguistic research*. Samara: Publishing House of the Samara State Socio-Pedagogical University. 27—42. ISBN 978-5-8428-0954-7. (In Russ.).
- Liu, Y., Zhang, M. (2018). Neural Network Methods for Natural Language Processing. *Computational Linguistics*, 44 (1): 193—195. DOI: 10.1162/COLI_r_00312.
- Pinker, S. (2000). *The language instinct*. New York: Harper Perennial Modern Classics. 525 p. ISBN 0-06-097651-9.
- Sapone, L. (2021). Moving fast and breaking things: an analysis of social media's revolutionary effects on culture and its impending regulation. *Duquesne Law Review*, 59: 362—384.
- Schiffrin, D. (2006). From linguistic reference to social reality. In: *Discourse and identity*. Cambridge: Cambridge University Press. 103—131. ISBN 9780521834025.
- Shadrina, O. V., Marunovich, O. V. (2024). Corpus Analysis of Artificial Intelligence Terminology in Russian: Insights from Almanac "Artificial Intelligence" Using AntConc. *Nauchnyi dialog*, 14 (7): 133—160. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-7-133-160>. (In Russ.).
- Shapak, S. A. (2024). From a traditional dictionary to an online dictionary: the development of the lexicographic culture of the user. *Questions of lexicography*, 33: 29—51. DOI: 10.17223/22274200/33/2. (In Russ.).
- Tang, J., Chang, Y. (2016). A survey of signed network mining in social media. *ACM Computer Surveys (CSUR)*, 49: 1—37. DOI: 10.1145/2956185.
- Titscher, S., Meyer, M., Vetter, E., Wodak, R. (2000). *Methods of Text and Discourse Analysis*. London: Sage. 278 p. ISBN 0-7619-6482-7.
- Tosovich, B. (2015). *Internet stylistics*. Moscow: Flinta: Nauka. 238 p. ISBN 978-5-9765-2229-9. (In Russ.).
- Widdowson, H. (2005). Applied linguistics, interdisciplinarity, and disparate realities. In: *Directions in Applied Linguistics*. Clevedon, UK: Multilingual Matters. 12—25. ISBN 1-85359-849-6.

*The article was submitted 18.07.2025;
approved after reviewing 05.11.2025;
accepted for publication 08.01.2026.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(1), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Вальваков Р. В. Семантика глаголов быстрого движения в английском языке / Р. В. Вальваков // Научный диалог. — 2026. — Т. 15. — № 1. — С. 29—49. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-29-49.

Valvakov, R. V. (2026). Semantics of Fast-Motion Verbs in English. *Nauchnyi dialog*, 15 (1): 29-49. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-29-49. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Семантика глаголов быстрого движения в английском языке

Вальваков Роман Викторович
orcid.org/0000-0002-3559-1862
кандидат филологических наук,
академическая программа
«Лингвистика. Английский язык»
valvakov_r@iuca.kg

Международный университет
в Центральной Азии
(Токмок, Кыргызская Республика)

Semantics of Fast-Motion Verbs in English

Roman V. Valvakov
orcid.org/0000-0002-3559-1862
PhD in Philology, academic program
“Linguistics. English”
valvakov_r@iuca.kg

International University
in Central Asia
(Tokmok, Kyrgyz Republic)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование глаголов английского языка, обозначающих быстрое движение, в которых сема 'быстрота' выражена имплицитно на уровне метаязыка лексикографического описания. Выявляются семантические признаки, структурирующие данную лексико-семантическую группу. Материалы для анализа извлечены из словаря Oxford Advanced Learner's Dictionary. Проанализировано 143 лексико-семантических варианта глаголов, в структуре которых имплицитно присутствует сема 'быстрота'. Представлены результаты компонентного анализа, на основе которого выделены группы глаголов по признакам направленности, каузативности, внезапности, контролируемости, акустического сопровождения и др. Отмечается, что семантический признак 'быстрота' интегрирован в структуру лексем и сочетается с другими признаками. Показано, что семантика быстрого движения может осложняться такими дополнительными оттенками значения, как траектория движения, тип кинетической организации движения, целевая установка действия и акустическое сопровождение движения. Доказано, что категория скорости в языке обладает внутренней дифференциацией и отражает многогранность восприятия движения. Сделан вывод о высокой вариативности и многомерности семантики глаголов быстрого движения в английском языке.

Ключевые слова:

категория скорости; имплицитная семантика; параметризация движения; семный анализ; глаголы быстрого движения.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates a set of verbs in the English language that denote rapid movement where the semantic feature 'rapidity' is implicitly encoded at the level of metalinguistic lexicographic description. Semantic characteristics structuring this lexico-semantic group are identified through analysis. The data for investigation were extracted from the Oxford Advanced Learner's Dictionary. A total of 143 lexical-semantic variants of verbs with an implicit component of 'rapidity' were analyzed. Componential analysis results show verb groups classified by parameters such as directionality, causativity, suddenness, controllability, acoustic accompaniment, etc. It was found that the semantic characteristic 'rapidity' integrates into the structure of these lexical units and coexists with other features. Furthermore, it has been demonstrated that the semantics of fast motion can be complicated by additional nuances like trajectory, kinetic organization type, goal orientation, and auditory effects associated with the action. The research proves that the linguistic category of speed exhibits internal differentiation and reflects multifaceted perception of motion. Ultimately, conclusions highlight the high variability and multidimensionality of the semantics of fast-motion verbs in English.

Key words:

speed category; implicit semantics; parameterization of motion; componential analysis; fast-motion verbs.

УДК 811.111'37

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-29-49

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Семантика глаголов быстрого движения в английском языке

© Вальваков Р. В., 2026

1. Введение = Introduction

В процессе восприятия окружающей действительности человек неизбежно оперирует шкалой «быстро — медленно», которая, будучи важной параметрической оппозицией, используется в концептуализации различных событий и ситуаций. Наиболее яркой и частотной сферой манифестации данной оппозиции выступает движение, поскольку оно напрямую соотносится с изменением положения объекта в пространстве за определённый промежуток времени. «Прототипическая ситуация, в которой можно говорить о скорости, — это ситуация передвижения: скорость тем больше, чем большее расстояние преодолевается в единицу времени» [Богуславский, 1999, с. 14].

Шкала «быстро — медленно» является частной реализацией категории скорости как универсального параметра событий и ситуаций окружающей действительности.

Параметр скорости функционирует как важный когнитивный ориентир, который структурирует и упорядочивает «результаты освоения человеком мира» [Аксютенкова, 2011, с. 16]. Кроме того, на базе категории скорости возникает особый механизм семиотической интерпретации, который позволяет субъекту соотносить наблюдаемые явления с определёнными семантическими конструктами — такими как опасность, эффективность, эмоциональное напряжение, психофизиологическое состояние, интеллектуальные способности и др.

Количество лингвистических работ, посвященных системному описанию категории скорости, остается невелико. Одна из наиболее ранних обнаруженных нами работ — это диссертация Г. И. Митрушиной (1984) «Средства передачи итеративности в современном английском языке», в которой автор исследует смысловую структуру формально маркированных R, L-итеративов в английском языке и наряду с другими семами выде-

ляет сему целеративности, которая отражает «...скоростные качества взаимодействия носителя повторного действия с пространством во времени» [Митрушина, 1984, с. 1]. На материале русского языка написаны статья И. М. Богуславского и Л. Л. Иомдина «Семантика быстроты» [Богуславский и др., 1999] и статья В. А. Плунгяна «‘Быстро’ в грамматике русского и других языков» [Плунгян, 2000]. Выделим и диссертацию Е. О. Борисовой «Русская лексика со значением быстроты и медлительности в семантико-мотивационном аспекте» [Борисова, 2016], выполненную на материале русских народных говоров и общенародного языка.

Исследования П. Терема и А. Копечки [Taremaa et al., 2022; Taremaa et al., 2023] посвящены анализу языковых средств выражения быстрого движения в эстонском языке. В статье «Speed and space: semantic asymmetries in motion descriptions in Estonian» рассматривается соотношение между лингвистической репрезентацией скорости и пространственными компонентами высказывания. Одним из выводов работы является наличие семантической асимметрии в пользу выражения быстрого движения: «... fast motion tends to be expressed more frequently and in a more fine-grained and intensified fashion than slow motion» [Taremaa et al., 2023, с. 40] //... быстрое движение выражается в языке чаще, а также с большей степенью дифференцированности и интенсивности, чем медленное (здесь и далее перевод наш. — *P. B.*).

В более ранней публикации [Taremaa et al., 2022] скорость рассматривается как одна из центральных составляющих семантики глаголов движения. Исследователи подчеркивают: «The two main linguistic means to express speed-related information are motion verbs and manner modifiers» [Ibid., 2022, p. 16] // Двумя основными языковыми средствами выражения информации, связанной со скоростью, являются глаголы движения и модификаторы способа действия.

Дальнейший анализ приводит их к выводу: «Speed modifiers, in turn, can either have a function of (i) compensation, by providing speed information when the verb does not; (ii) specification, by adding details to the main speed expressed in the verb; and (iii) intensification, by enhancing the particular speed expressed in the verb» [Taremaa et al., 2022, p. 34] // Модификаторы скорости, в свою очередь, могут выполнять следующие функции: (i) компенсации, предоставляя информацию о скорости в тех случаях, когда глагол её не выражает; (ii) уточнения, добавляя дополнительные детали к основному значению скорости, уже выраженному глаголом; (iii) усиления, усиливая ту или иную степень скорости, выраженную глаголом).

Оба исследования подчеркивают значимость скорости как сематического параметра, который находит свое выражение в языке.

Актуальность нашего исследования обусловлена недостаточной разработанностью категории скорости в лингвистике, несмотря на ее высокую когнитивную значимость. В качестве объекта исследования выбраны глаголы движения в английском языке, так как они представляют продуктивную зону манифестации параметра скорости.

Н. В. Полякова определяет глаголы движения как «... глагольные лексемы, обозначающие изменение положения предмета или его частей относительно какой-либо точки отсчета» [Полякова, 2017, с. 122]. Объединяющим семантическим компонентом, по ее наблюдению, является общая сема ‘передвижение в пространстве’ [Там же]. Подобные дефиниции носят инвариантный характер, поскольку интерпретируют движение как пространственно-динамическую ситуацию.

В некоторых исследованиях используется термин *глаголы передвижения*, при этом сфера применения этого термина ограничивается категорией «человек». Например, Ю. В. Бекреева подчеркивает: «Глаголы передвижения — это особый семантический пласт лексики, который отражает активную роль человека в познании мира: лишь в движении и осознанном, произвольном взаимодействии с объектами реальной действительности, он способен познавать мир и самого себя» [Бекреева, 2023, с. 85]. В таком определении движение предстает как акт когнитивной и экзистенциальной значимости.

Иллюстрацией формального подхода может служить определение Л. М. Ардашевой: «Глагол движения — это глагол, имеющий при себе актант в синтаксической функции подлежащего или дополнения, обозначающий что-то, находящееся в движении» [Ардашева, 2019]. Здесь акцент делается на семантико-синтаксической перспективе и распределении ролей в пропозициональной структуре высказывания.

Наконец, Д. А. Аксельруд и М. С. Бродская предлагают дихотомию: с одной стороны — глаголы с прото-семой движения (передвижения), в которых движение составляет смысловое ядро; с другой — глаголы действия с компонентом движения, где перемещение включено в более сложную событийную структуру как один из элементов [Аксельруд, 2020, с. 15].

Глаголы движения не раз становились объектом лингвистического анализа. Движение связано с такими категориями, как пространство и время, которые в лингвистике осмысливаются как значимые концепты языковой картины мира. В глаголах движения заключена «основная идея изменяющейся позиции объектов в пространстве и времени» [Кисилева, 2018, с. 25]. И. А. Савватеева, в свою очередь, указывает на прямую связь глаголов движения с динамикой поведенческих действий, подчёркивая «возможность вычленения семантической структуры поведенческих отношений в глаголах движения, выражающих скорость» [Савватеева, 2024, с. 428].

Движение представлено в языке как достаточно сложная система, которая организуется по обширному набору параметров. Если мы проведем самый поверхностный анализ таких английских глаголов движения, как *ascend, descend, drive, swim, limp, stride, amble, dash, crawl, creep, climb*, то обнаружим, что в содержании данных лексических единиц закреплены такие параметры движения, как траектория (*ascend, descend*), средство (*drive, swim*), способ (*limp, stride*), скорость (*amble, dash*), телесная вовлеченность (*crawl, creep, climb*). Таким образом, движение в языке — это не одно значение, а многомерная структура признаков.

Несмотря на большое количество исследований, посвящённых глаголам движения в целом, лексико-семантическая группа глаголов, обозначающих быстрое движение, остаётся относительно малоизученной.

Семантический признак ‘быстрота’ в английском языке реализует-ся эксплицитно целым набором лексических единиц, таких как прилагательные *fast, quick, rapid, swift, prompt, speedy*; наречия *fast, quickly, swiftly, rapidly, promptly*; существительные *speed, velocity, rate, pace, swiftness, quickness, rapidity, fastness* и глаголы *accelerate, quicken, speed up, hasten*.

В английском языке на синтагматическом уровне быстрота передвижения часто выражается эксплицитно посредством сочетаемости глагола движения с наречными модификаторами типа *fast, quickly, swiftly, rapidly, promptly* и др.

Тем не менее быстрота может быть представлена и имплицитно, будучи интегрированной в саму смысловую структуру глагола. У глаголов, таких как *dart, bolt, zoom, scurry, race, hurtle, shoot* и др., темп движения не кодируется через внешнюю адвербиальную маркировку: сема ‘быстрота’ является неотъемлемым компонентом понятийной структуры самой лексемы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужила выборка английских глаголов движения, в семантической структуре которых имплицитно присутствует сема ‘быстрота’. Отбор лексических единиц осуществлялся методом сплошной выборки на основе Oxford Advanced Learner’s Dictionary, с привлечением всех глаголов движения, включая фразовые и обозначающие колебательное движение. Критерием включения служило наличие в словарной дефиниции лексических маркеров значения быстроты, таких как *fast, quick, quickly, rapid, rapidly*.

В результате был сформирован корпус из 143 лексико-семантических вариантов глаголов, таких как *barrel, bolt, dash, zoom, scurry, whizz, leap, skedaddle, slip, flee, dart* и др.

Объектом анализа в данной работе выступают лексико-семантические варианты слов, а не слова в целом.

Цель исследования заключается в выявлении и систематизации дифференциальных семантических признаков в структуре глаголов быстрого движения и построении многоаспектной семантической классификации данной лексико-семантической группы. В фокусе внимания находятся признаки, поддающиеся реконструкции на основе анализа лексикографического описания. Далее на основе семасиологического анализа и идентификации дифференциальных сем сделана попытка построения многомерной семантической классификации, включающей как непересекающиеся, так и пересекающиеся категории, отражающие сложную структуру понятийного поля «быстрое движение».

Мы исходим из того, что семантика слова может быть представлена как набор семантических компонентов или семантических признаков — сем. Сема — это «минимальная, предельная единица плана содержания. Семы представляют собой элементарные отражения в языке различных сторон и свойств обозначаемых предметов и явлений действительности» [Лингвистический ..., 1990, с. 437]. В такой интерпретации становится возможным более детальное понимание плана содержания лексической единицы.

Для лингвистики представляет интерес выявление семного состава слова и исследование того, как формируется значение слова, как взаимодействуют семы в рамках одного лексико-семантического варианта.

При этом семантические признаки могут получать как имплицитное, так и эксплицитное выражение. При имплицитном выражении возможна экспликация семантического признака на основе анализа словарной дефиниции: в лексикографическом описании семантики слова зачастую находят свое отражение самые важные признаки, формирующие понятийное ядро слова, его денотат и сигнификат. Анализ структуры определения позволяет проследить, каким образом лексема конструирует образ движения.

Е. А. Морозкина отмечает, что «универсальной формулы описания движения как синтаксически, так и семантически не существует, т. к. разные языки кодируют события движения различными способами — специальными грамматическими конструкциями или лексическими единицами. Кодирование движения предстает как сложная неоднородная система» [Морозкина, 2018, с. 777].

М. В. Ерзенкина выделяет четыре семантических признака у глаголов движения (ее исследование ограничено английскими глаголами движения с германскими корнями): направление движения, качество и способ передвижения, взаимодействие со средой, перемещение относительно объекта [Ерзенкина, 2009, с. 42].

Н. В. Полякова проводит семантическую дифференциацию глаголов движения по ‘общей направленности движения’, ‘среде передвижения’, ‘способу передвижения’, ‘темпу передвижения’, ‘образной характеристике передвижения’ [Полякова, 2017, с. 122].

Л. В. Надеина считает «направленность движения, скорость перемещения и интенсивность» [Надеина, 2021, с. 35] значимыми компонентами семантики глаголов движения: «... на градуальной шкале мы должны выбрать точку, которая будет показывать так называемое нулевое состояние и означать перемещение “ни быстро” — “ни медленно”. И относительно этой точки будет выстраиваться оппозиция “быстро” — “медленно”» [Надеина, 2021, с. 36]. Такое понимание позволяет трактовать быстроту как релевантную семантическую категорию, участвующую в структурировании глагольной лексики движения. Отметим, что семантический признак ‘быстрота’ — это один из полюсов дихотомии «быстрый — медленный», более высокой, объединяющей основой которой является понятие «скорость».

Т. С. Игнатьева исследует глаголы интенсивного передвижения в английском и чувашском языках. Значимым наблюдением исследования является наличие в английских глаголах интенсивного движения имплицитной модальности, связанной с внутренним психоэмоциональным состоянием субъекта действия. Так, глагол *scurry* описывает не просто суетливое движение, но и «внутреннее беспокойство субъекта действия, которое выражается имплицитно» [Игнатьева, 2020, с. 65]. В чувашском языке, напротив, подобная сема передаётся исключительно средствами контекста и лексически не маркируется. Это различие между языками свидетельствует о разной степени семантической «нагруженности» глаголов и, шире, — об особенностях языковой концептуализации движения как физического и ментального события.

Исследованию языкового выражения значения быстроты посвящены работы Е. О. Борисовой, Т. И. Мочаловой, З. Ферештех, Н. А. Мартыновой.

Е. О. Борисова на материале русского языка описывает механизмы образования слов со значением скорости (высокой или низкой) от глаголов перемещения объекта. Как отмечает исследователь, «быстрота как признак, описывающий скорость движения и изменение состояния во времени, нередко включена в семантику глаголов и актуализируется при семантической и словообразовательной деривации» [Борисова, 2021, с. 38].

Т. И. Мочалова и З. Ферештех приводят детальный анализ различных средств выражения в русском языке смысла ‘быстрота реализации действия’. Анализу подвергается глагольная лексика, наречия, имена существительные с темпоральной семантикой, фразеологические единицы, синтаксические средства (ряды однородных членов, назывные и эллиптические предложения, сравнительные обороты) [Мочалова и др., 2023, с. 91].

В исследовании 3. Ферештех рассмотрены структурно-семантические особенности русских фразеологических единиц, обозначающих быстроту реализации действия. Несмотря на то, что подобные фразеологические единицы, по мнению автора, находятся «на периферии функционально-семантического поля аспектуальности» [Ферештех 2023], они обладают высокой коммуникативной ценностью. Можно отметить богатство фразеологических ресурсов русского языка в выражении значения быстроты.

Н. А. Мартынова в ряде статей исследует объективацию понятия быстроты в русской диалектной речи. Отмечается связь категории быстроты и категории движения: «Понятие быстроты неотделимо от базовой в языковой картине мира категории движения» [Мартынова, 2017, с. 125]. Кроме того, Н. А. Мартынова приходит к выводу о высокой коммуникативной значимости признака быстроты и об отражении им значимых аспектов картины мира носителей диалектов русского языка: «Концептуально значимое понятие быстроты характеризуется множественностью диалектных определительных наименований, выделенных в качестве основного объекта исследования, что свидетельствует об актуальности признаков, ими обозначаемых, и возможности их употребления в различных коммуникативных ситуациях» [Мартынова, 2019, с. 176].

Обзор литературы показывает, что категории скорости и быстроты занимают заметное место в исследованиях по лингвистической семантике. Однако большинство исследований сосредоточено на описании отдельных средств выражения этих значений. Что касается английского языка, то здесь семантика скорости и быстроты изучена в меньшей степени: в частности, остаётся недостаточно исследованной группа английских глаголов, имплицитно передающих признак быстроты движения.

Далее в работе рассмотрены основные семантические параметры, структурирующие лексико-семантическую группу глаголов быстрого движения в английском языке.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Исходная семантическая база: глаголы быстрого движения с минимальным конфигурационным каркасом

Семантика глаголов быстрого движения предстает как результат пересечения множества параметров. Оптимальная семантическая классификация данной лексико-семантической группы — это многомерная классификация с неизбежными пересечениями. Именно подобный подход способен отразить сложность и многоаспектность движения как элемента внеязыковой реальности и как элемента языковой картины мира.

Удобно начать семантическую классификацию глаголов быстрого движения в английском языке со своеобразного отправного пункта — глаголов, в содержании которых представлен минимальный конфигурационный каркас, состоящий из двух интегральных сем — ‘движение’ и ‘быстрота’. Эти глаголы передают значение быстрого движения в наиболее обобщенном виде. Это такие глаголы, как **belt** — *to move very fast*; **race** — *to move very fast; to move sb/sth very fast*; **race** — *to run too fast*; **rocket** — *to move very fast*; **rush** — *to move or to do sth with great speed, often too fast*; **scorch** — *to move very fast*; **fly** — *to go or move quickly*.

Обращает на себя внимание значительная степень сходства лексикографического описания значений данных глаголов и некоторая избыточность группы глаголов быстрого движения.

3.2. Глаголы быстрого движения с семой ‘направленность’

В обширной группе глаголов быстрого движения выделяется подгруппа глаголов, в которой важным семантическим параметром является направленность движения.

На следующем шаге классификации можно выделить две группы глаголов по критерию направленности движения: глаголы *определенно-направленного быстрого движения* и глаголы *неопределенно-направленного быстрого движения*. У глаголов *определенно-направленного быстрого движения* значение высокой скорости передвижения профилируется в плане актуализации направления движения, что в лексикографическом описании выражается фразой *direction* (в большинстве случаев — *in a particular direction*), которая соответствует семантическому параметру «направление движения». У глаголов *неопределенно-направленного быстрого движения* направленность маркируется словом *somewhere* в дефиниции. В общем виде лексикографическое описание данных глаголов позволяет выделить семы ‘движение’, ‘скорость’ и ‘направление’. Эти глаголы показывают некоторое усложнение семантики, ее некоторую спецификацию по сравнению с глаголами предыдущей группы.

Глаголы *определенно-направленного быстрого движения*: **burn** — *to move very fast in a particular direction*; **hurtle** — *to move very fast in a particular direction*; **streak** — *to move very fast in a particular direction*; **zap** — *to move, or make sb/sth move, very fast in the direction mentioned*; **hurry** — *to move quickly in a particular direction*; **run** — *to move, especially quickly, in a particular direction*; **zip** — *to move very quickly or to make sth move very quickly in the direction mentioned*.

Глаголы *неопределенно-направленного быстрого движения*: **hare** — *to run or go somewhere very fast*; **pelt** — *to run somewhere very fast*; **thunder** — *to make sth move somewhere very fast*; **zoom** — *to move or go somewhere very*

fast; **steam** (especially of a person) — to go somewhere very quickly; **rear** — to move somewhere very quickly or in an excited way; **beetle** — to move somewhere quickly; **dash** — to go somewhere very quickly; **hasten** — to go or move somewhere quickly; **highball** — to go somewhere very quickly; **nick** — to go somewhere quickly.

Если глаголы определенно-направленного быстрого движения представляют движение как векторно организованное событие, то глаголы неопределенно-направленного быстрого движения делают акцент на механике и динамике движения, а не на его траектории. Можно еще раз сделать акцент на схожести словарных дефиниций глаголов в обеих группах.

На следующем шаге семантической классификации возможно выделение еще двух групп глаголов, в которых продолжается усложнение семантики, ее спецификация. Рассмотрим примеры: **barrel** — to move very fast in a particular direction, especially in a way that you cannot control; **bomb** — to move very fast, especially in a vehicle, in a particular direction; **surge** — to move quickly and with force in a particular direction; **whip** — to move, or make sth move, quickly and suddenly or violently in a particular direction; **urge** — to make a person or an animal move more quickly and/or in a particular direction, especially by pushing or forcing them; **spring** — (of a person or an animal) to move suddenly and with one quick movement in a particular direction; **power** — to move or move sth very quickly and with great power in a particular direction; **sail** — to move quickly and smoothly in a particular direction; (of people) to move in a confident manner; **shoot** — to move suddenly or quickly in one direction; to make sb/sth move in this way.

В этих глаголах значение определенно-направленного быстрого движения осложняется дополнительными семантическими параметрами внезапности движения (*whip, spring, shoot*), энергичности и напористости движения (*surge, urge, power*), отсутствия контроля (*barrel*), средства передвижения (*bomb*), плавности движения (*sail*).

Значение неопределенно-направленного быстрого движения также может осложняться дополнительными значениями, которые фиксируются в следующей группе глаголов: **storm** — to go somewhere quickly and in an angry, noisy way; **air-dash** — (especially of officials) to go somewhere by plane suddenly and/or quickly; **bundle** — to move somewhere quickly in a group; **duck** — to move somewhere quickly, especially in order to avoid being seen; **flutter** (of a bird or an insect) — to fly somewhere moving the wings quickly and lightly; **hop** — to go or move somewhere quickly and suddenly; **nip** — to go somewhere quickly and/or for only a short time; **pile on** (of a number of people) — to go somewhere quickly without order or control;

pop — *to go somewhere quickly, suddenly or for a short time*; *slip* — *to go somewhere quickly and quietly, especially without being noticed*.

Это такие значения, как эмотивность (*storm*), средства передвижения (*air-dash*), групповое передвижение (*bundle*), цель (*duck*), легкость движения (*flutter*), внезапность движения (*hop*), отсутствие контроля (*pile on*), тишина (*slip*).

Необходимо отметить, что категория направленности движения не является всеобъемлющей для глаголов быстрого движения. Есть глаголы, в семантике которых эти семы не представлены (*swish*, *roar* и т. д.). Классификация, которая приведена выше, — это попытка выделить непересекающуюся классификацию глаголов быстрого движения, в которой каждый глагол занимает свое место в иерархии.

Далее мы опишем группы глаголов быстрого движения, которые выделяются по одному доминантному семантическому признаку. Это будут пересекающиеся таксономические группы, так как семантика глаголов быстрого движения формируется достаточно разнообразным набором признаков, которые не поддаются однозначной непересекающейся категоризации.

3.3. Глаголы быстрого движения с семой ‘каузативность’

В группе глаголов быстрого движения выделяется подгруппа каузативных глаголов, которые обозначают побуждение к быстрому движению: движение осуществляется не самостоятельно, а инициируется внешним агентом. В лексикографическом описании сема каузативности представлена фразой *to make sb/smith move*. Сема каузативности является потенциальной семой — в том смысле, что она может проявиться или не проявиться в значении глагола быстрого движения в зависимости от контекста. В лексикографическом описании потенциальность семы каузативности обозначается фразой *to move or make sb/smith move*. Например: **thunder** — *to make sth move somewhere very fast*; **jiggle** — *to move or make sth move up and down or from side to side with short quick movements*; **whip** — *to move, or make sth move, quickly and suddenly or violently in a particular direction*.

Кроме глаголов *zap*, *zip*, *thunder*, *jiggle*, *whip*, сема каузативности обнаруживается и у таких глаголов быстрого движения, как *swish*, *flick*, *shake*, *jig*, *whirl*, *zing*, *urge*, *bob*, *wiggle*, *flutter*, *swirl*, *hustle*, *joggle*, *scatter*, *send*, *shoot*, *skim*, *slide*.

3.4. Глаголы быстрого движения с семой ‘внезапность’

Выделяется группа глаголов быстрого движения, в лексикографическом описании которых присутствует слово *suddenly*. Например: **thrust** — *to move quickly and suddenly in a particular direction*; **dart** — *to move suddenly and quickly in a particular direction*; **hop** — *to go or move somewhere quickly*

and suddenly; **pop** — *to go somewhere quickly, suddenly or for a short time*; **shoot** — *to move suddenly and quickly and be very sharp*.

Слово *suddenly* указывает на особый характер начала движения — его мгновенность, неподготовленность. Эти глаголы обозначают моментальный переход из состояния покоя в состояние движения с резким изменением положения субъекта. В определенных контекстуальных условиях эти глаголы способны реализовывать ингрессивный способ глагольного действия.

К группе глаголов внезапного быстрого движения относятся такие глаголы, как *flick, swoop, whip, air-dash, dodge, explode, fall, spring, jink, jump, leap, pounce, send, shoot, snap*.

3.5. Глаголы быстрого движения с семами ‘неконтролируемость’ и ‘уход’

Параметр «контролируемость движения» не маркируется устойчиво и регулярно в семантической структуре глаголов быстрого движения. Однако можно выделить глаголы, в которых четко выражен признак отсутствия контроля: *barrel, careen, career, pile on*.

Отдельный кластер глаголов быстрого движения профилирует акт ухода или удаления, покидания некоторого пространства. Например: **bail** — *to leave a place, especially quickly*; **clear out (of ...)** — *to leave a place quickly*; **flee** — *to leave a person or place very quickly, especially because you are afraid of possible danger*; **peel out** — *to leave quickly and in a noisy way, especially in a car, on a motorcycle, etc.*; **shoot off** — *to leave very quickly*; **skedaddle** — *to move away or leave a place quickly, especially in order to avoid sb*; **vamoose** — *to leave quickly*.

В глаголах этой группы смысловая доминанта перемещается с параметра «куда» на параметр «откуда и как». Уход понимается как оставление пространства, сопровождаемое в некоторых случаях указанием мотива (*because you are afraid of possible danger, in order to avoid sb*). Идентификатором данного значения служит глагол *leave* в словарной дефиниции.

3.6. Глаголы быстрого движения с семой ‘усилие и напор’

Можно выделить глаголы, в которых быстрота движения сопровождается усилием или волевым напором, отражающим решимость или целеустремленность агента движения. Данное значение идентифицируется по словам *force, power, determined, violently, attack* в дефинициях. В глаголах этой группы значение быстроты движения пересекается с модальностями усилия, напора, агрессии. Движение здесь — это динамическое целенаправленное усилие. Например: **surge** — *to move quickly and with force in a particular direction*; **swoop (of a bird or plane)** — *to fly quickly and suddenly downwards, especially in order to attack sb/sth*; **pounce** — *to move suddenly forwards in order to attack or catch sb/sth*; **bear down on sb/sth** — *to move*

quickly towards sb/sth in a determined or threatening way; march — to walk somewhere quickly in a determined way.

Сюда же можно отнести глаголы *whip, urge, power, push, forge ahead (with sth), seethe (of liquids), explode.*

3.7. Глаголы быстрого движения с семой ‘целенаправленность’

В семантической структуре глаголов быстрого движения нередко актуализируется сема цели, указывающая на направленность действия на достижение определённого результата. Эта целевая установка может получать явное эксплицитное выражение, маркируясь конструкцией *in order to*, как, например, в дефинициях: **swoop** — *(of a bird or plane) to fly quickly and suddenly downwards, especially in order to attack sb/sth; pounce* — *to move suddenly forwards in order to attack or catch sb/sth.*

В этих случаях быстрота движения подчинена прагматической цели — нападению или захвату, то есть быстрота реализуется как инструмент целенаправленного действия.

Однако в ряде других глаголов целевая установка смещается в сторону избегания угрозы. Движение представлено как быстрое движение с целью избежать чего-то. Семантический компонент «избегание» маркируется словом *avoid*. Например: **dive** — *to move or jump quickly in a particular direction, especially to avoid sth, to try to catch a ball, etc.; dodge* — *to move quickly and suddenly to one side in order to avoid sb/sth; duck* — *to move somewhere quickly, especially in order to avoid being seen; jink* — *to move quickly while changing direction suddenly and often, especially in order to avoid sb/sth; skeddaddle* *to move away or leave a place quickly, especially in order to avoid sb.*

Сема ‘быстрота’ в данных глаголах становится вторичной. На первый план выходит смысловая доминанта — избежать нежелательной ситуации, в которой может оказаться субъект движения. Быстрое движение в данном случае — это стратегия минимизации риска. При этом в структуре значения прослеживается активация фрейма угрозы: субъект интерпретирует ситуацию как опасную или нежелательную, что инициирует быстрое движение как средство выхода из неё.

3.8. Глаголы с семами траекторной организации быстрого движения

Интересный аспект семантики глаголов быстрого движения — характер самой траектории или кинетической организации движения. В этом отношении можно выделить несколько типологических групп: быстрое колебательное движение по вертикали или горизонтали, быстрое скользящее или плавное перемещение, быстрое передвижение мелкими шагами, быстрое вращательное движение, а также лёгкое, почти невесомое движение.

В дефинициях ряда глаголов представлены компоненты *up and down, from side to side*, которые указывают на повторяемость движения, ограни-

ченность его амплитуды и задают направленность колебательного движения — вертикальную или горизонтальную.

Например: **jiggle** — *to move or make sth move up and down or from side to side with short quick movements*; **jig** — *to move or to make sb/sth move up and down with short quick movements*; **wiggle** — *to move from side to side or up and down in short quick movements; to make sth move in this way*; **joggle** — *to move or to make sb/sth move quickly up and down or from one side to another*.

К этой же группе принадлежат глаголы *shake, bob, pump, shin / shinny up / down sth*.

«Типичная ситуация колебания состоит в том, что объект колебания последовательно изменяет свое положение в пространстве, двигаясь сам (то есть в результате переданных ему импульсов) либо под воздействием внешнего каузатора» [Велейшикова, 2010, с. 55]. Таким образом, колебательные глаголы описывают определённую организацию движения, которая может быть как автономной, так и реактивной. Это различие нередко отражается в дефинициях.

Смысловая доминанта этих глаголов складывается из признаков повторяемости движения (действие осуществляется в виде серии коротких, ритмичных движений), ограниченной амплитуды (движение локализовано в небольшом пространстве, не предполагает перемещения объекта на значительное расстояние) и колебательной траектории (вертикальной или горизонтальной). Отдельные глаголы (*pump, shake, shin*) предполагают сознательное управление движением с определённой целью — переместить, взобраться или вызвать реакцию.

Глаголы с наречием *smoothly* в дефиниции объединяются в группу глаголов быстрого плавного движения. Например: **sweep** — *to move quickly and/or smoothly, especially in a way that impresses or is intended to impress other people*; **coast** (of a vehicle) — *to move quickly and smoothly, without using much power*; **sweep** — *to move sth, especially your hand or arm, quickly and smoothly in a particular direction*; **sail** — *to move quickly and smoothly in a particular direction*; (of people) *to move in a confident manner*; **soar** — *to rise quickly and smoothly up into the air*.

Компонент *smoothly* маркирует качество быстрого плавного движения — субъект скользит, а не рывками пробивается вперед. Глаголы этой подгруппы выражают инерционное, равномерное и в большинстве случаев направленное перемещение с выраженным признаком протяженности и плавности.

Можно выделить группу глаголов, которая сходна с предыдущей группой по темпу действия, но отличается по способу его осуществления. Это глаголы, в толкованиях которых присутствует компонент *light (lightly)*. На-

пример: *flit* — *to move lightly and quickly from one place or thing to another*; *flutter* — *to move lightly and quickly; to make sth move in this way*; *flutter* (of a bird or an insect) — *to fly somewhere moving the wings quickly and lightly*; *trip* — *to walk, run or dance with quick light steps*.

К этой группе также принадлежат глаголы *play*, *scamper*, *skim*, *skip*, *skitter*. Данные глаголы передают значение отсутствия напряжения в движении и указывают на особый характер движения, противопоставленный тяжелому и напористому движению. Смысловая доминанта этих глаголов заключается в обозначении быстрого и легкого перемещения, часто с минимальным или кратковременным контактом с поверхностью.

Краткость движения или краткость шага актуализируется в особой группе глаголов, в дефинициях которых присутствует слово *short*. В этих глаголах быстрота выражается не в прямолинейном устремлённом движении, а реализуется через ритмическую, часто повторяющуюся последовательность мелких действий. В части глаголов ярко выражена колебательная динамика (*shake*, *jiggle*, *jig*, *wiggle*), при этом движение зачастую не приводит к изменению локации объекта, а выражает внутреннюю активность. Часть глаголов описывает движение, выполненное серией коротких шагов (*scurry*, *scuttle*, *mince*, *trot*).

Например: *scurry* — *to run with quick short steps*; *scuttle* — *to run with quick short steps*; *jig* — *to move or to make sb/sth move up and down with short quick movements*.

Другие глаголы этой группы: *trot* (of a person or an animal), *shake*, *jiggle*, *mince*, *wiggle*, *scamper* (especially of children or small animals).

Небольшая группа глаголов быстрого вращательного движения представлена глаголами *swirl* и *whirl*.

3.9. Глаголы быстрого движения с семами звуковой характеристики

Отдельную семантическую группу составляют глаголы, в которых быстрое движение сопряжено с акустической манифестацией. Звук можно интерпретировать как особый акустический след, как сигнал интенсивности, резкости или направленности движения. Наличие подобных глаголов отражает потребность представить быстрое движение через сенсорную перцепцию, в разрезе слухового образа.

Например: *swish* — *to move quickly through the air in a way that makes a soft sound; to make sth do this*; *swoosh* — *to move quickly through the air in a way that makes a sound*; *whistle* — *to move quickly, making a high sound*; *whizz* — *to move very quickly, making a high continuous sound*.

Другие глаголы этой группы: *whoosh*, *zing*, *roar* (of a vehicle or its rider / driver), *scream*, *thunder*, *storm*, *peel out*, *scuffle*, *snap*.

В двух глаголах — *slide* и *slip* — профилируется отсутствие звука, тишина как значимый элемент быстрого движения.

Slide — *to move quickly and quietly, for example in order not to be noticed; to make sth move in this way*

Slip — *to go somewhere quickly and quietly, especially without being noticed.*

4. Заключение = Conclusions

В результате проведенного исследования были систематизированы основные семантические параметры, которые структурируют лексико-семантическую группу глаголов быстрого движения в английском языке. Было проанализировано 143 лексико-семантических варианта, отобранных по словарным дефинициям. Сема ‘быстрота’ инкорпорируется в смысловую структуру английских глаголов движения и, сочетаясь с рядом других семантических компонентов, образует сложные смысловые конфигурации.

Установлено, что быстрота движения в английском языке актуализируется в семантике глаголов как в обобщенном виде, так и в специализированных вариантах, в результате чего базовое значение движения осложняется дополнительными смысловыми оттенками, такими как направленность, каузативность, внезапность, контролируемость / неконтролируемость и др. Кроме того, семантика быстрого движения может осложняться такими дополнительными оттенками значения, как траектория движения, тип кинетической организации движения, целевая установка действия и акустическое сопровождение движения.

Можно сделать вывод о том, что сема ‘быстрота’ является одним из элементов многомерной системы семантических признаков, которая отражает разные стороны восприятия и концептуализации движения глаголами английского языка.

Исследование подтверждает, что английский язык обладает значительным инвентарем средств имплицитного выражения скорости движения. Исследованные глаголы показывают, что для лексико-семантического поля «Быстрое движение» характерна высокая степень детализированности.

Обращает на себя внимание «скрытый» характер категории скорости, репрезентированной в глаголах быстрого движения. Многомерность смысловой организации данной лексико-семантической группы позволяет говорить о синкретизме семантики английских глаголов быстрого движения.

Исследование показало, что даже узко очерченная лексико-семантическая группа может демонстрировать сложность языковой категоризации и

вносить вклад в понимание механизмов, лежащих в основе лексической семантики языка.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English* / Chief editor S. Wehmier. — Oxford : Oxford University Press, 2005. — 1780 p.

Литература

1. Аксельруд Д. А. О специфике актуализации события в английской глагольной группе с вершинным глаголом движения / Д. А. Аксельруд, М. С. Бродская // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 9—26. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-9-26.

2. Аксютенкова Л. Г. Понятийный аппарат концептуализации в теории языка : Общая характеристика / Л. Г. Аксютенкова // Вестник Ставропольского государственного университета. — 2011. — Выпуск 76. — С. 13—18.

3. Ардашева Л. М. Метафорическое использование глаголов движения для выражения абстрактных понятий в английском языке [Электронный ресурс] / Л. М. Ардашева, С. П. Лебедева // Теория языка и межкультурная коммуникация. — 2019. — № 3 (34). — Режим доступа : https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3342/ (дата обращения 27.08.2025).

4. Бекреева Ю. В. Характерологическая функция глаголов передвижения (на материале белорусского и английского языков) / Ю. В. Бекреева // Вестник Волгоградского государственного университета. — 2023. — Т. 22. — № 2. — С. 84—96. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.7>.

5. Богуславский И. М. Семантика быстроты / И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин // Вопросы языкознания. — 1999. — № 6. — С. 13—30.

6. Борисова Е. О. Семантическая реконструкция лексики со значением скорости, образованной от глаголов перемещения объекта / Е. О. Борисова // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 28—42. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-28-42.

7. Борисова Е. О. Русская лексика со значением быстроты и медлительности в семантико-мотивационном аспекте: диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. О. Борисова. — Екатеринбург, 2016. — 306 с.

8. Велейшикова Т. В. Глаголы колебания : семантика и типология (на материале германских и славянских языков) / Т. В. Велейшикова // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2010. — Выпуск 7 (97). — С. 55—60.

9. Ерзенкина М. В. Система семантических признаков глаголов движения с германскими корнями в английском языке / М. В. Ерзенкина // Вестник Тамбовского университета. — 2009. — № 1. — С. 41—45.

10. Игнатьева Т. С. Сравнительно-сопоставительный анализ глаголов интенсивного передвижения на примере английского и чувашского языков / Т. С. Игнатьева, И. А. Мясникова // Филология : научные исследования. — 2020. — № 5. — С. 61—72. — DOI: 10.7256/2454-0749.2020.5.31208.

11. Киселева С. В. Метафорические значения английских глаголов движения / С. В. Киселева, И. А. Уханова // Вестник Курганского государственного университета. — 2018. — № 49 (2). — С. 25—27.

12. *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — Москва : Сов. энциклопедия, 1990. — 685 с. — ISBN 5-85270-031-2.
13. *Мартынова Н. А.* Адъективная лексика, репрезентирующая понятие быстроты, в диалектной речи / Н. А. Мартынова // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. — 2019. — № 9 (142). — С. 172—177.
14. *Мартынова Н. А.* Объективация понятия быстроты в русской диалектной речи / Н. А. Мартынова // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. — 2017. — № 3 (116). — С. 122—125.
15. *Митрушина Г. И.* Средства передачи итеративности в современном английском языке : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Г. И. Митрушина. — Калинин, 1984. — 16 с.
16. *Морозкина Е. А.* Фрактальные свойства глаголов движения в оригинале и переводе художественного текста / Е. А. Морозкина, Ю. Н. Морозкин, З. М. Сафина // *Вестник Башкирского университета*. — 2018. — Т. 23. — № 3. — С. 777—782.
17. *Мочалова Т. И.* К вопросу об изучении способов выражения быстроты реализации действия в современном русском языке / Т. И. Мочалова, З. Ферештех // *Русский язык за рубежом*. — 2023. — № S2. — С. 87—92.
18. *Надеина Л. В.* Образная интерпретация колебательного и разнонаправленного движения в диалекте английского языка Scots / Л. В. Надеина, Е. В. Швагрукова, Д. А. Терре // *Филология и человек*. — 2021. — № 4. — С. 35—48. — DOI: 10.14258/filichel(2021)4-03_
19. *Плунгян В. А.* ‘Быстро’ в грамматике русского и других языков / В. А. Плунгян // *Слово в тексте и в словаре : сб. статей к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна*. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 212—222. — ISBN 5-7859-0199-4.
20. *Полякова Н. В.* Глаголы направленного и ненаправленного движения в селькупском языке / Н. В. Полякова // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. — 2017. — Выпуск 10 (187). — С. 122—126. — DOI: 10.23951/1609-624X-2017-10-122-126.
21. *Савватеева И. А.* Динамические качества действия глаголов движения в поведенческих отношениях (на материале итальянского и английского языков) / И. А. Савватеева // *Мир науки, культуры, образования*. — 2024. — № 3 (106). — С. 427—430. — DOI: 10.24412/1991-5497-2024-3106-427-430.
22. *Ферештех З.* Фразеологические единицы со значением быстроты реализации действия в современном русском языке [Электронный ресурс] / З. Ферештех // *Огарёв-Online*. — 2023. — Т. 11. — № 9. — Режим доступа : <https://ogarev-online.ru/2311-2468/article/view/266845> (дата обращения 28.08.2025).
23. *Taremaa P.* Manner of motion in Estonian : A descriptive account of speed / P. Taremaa, A. Kopecka // *Studies in Language, John Benjamins*. — 2022. — Vol. 46 (4). — Pp. 1—47. — DOI: 10.1075/sl.21038.tar_
24. *Taremaa P.* Speed and space : semantic asymmetries in motion descriptions in Estonian / P. Taremaa, A. Kopecka // *Cognitive Linguistics*. — 2023. — Vol. 34 (1). — Pp. 35—66. — DOI: 10.1515/cog-2021-0132_

*Статья поступила в редакцию 17.07.2025,
одобрена после рецензирования 15.10.2025,
подготовлена к публикации 09.01.2026.*

Material resources

Wehmeier, S. (ed.). (2005). *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. Oxford: Oxford University Press. 1780 p.

References

- Aksyutenkova, L. G. (2011). Conceptual framework of conceptualization in language theory: General characteristics. *Bulletin of Stavropol State University*, 76: 13—18. (In Russ.).
- Ardasheva, L. M., Lebedeva, S. P. (2019). Metaphorical use of verbs of movement to express abstract concepts in English. *Theory of language and intercultural communication*, 3 (34). Available at: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3342/ (accessed 08/27/2025). (In Russ.).
- Axelrood, D. A., Brodskaya, M. S. (2020). On the Specificity of Event Actualization in an English Verb Phrase Headed by a Verb of Movement. *Nauchnyi dialog*, 1: 9—26. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-1-9-26>. (In Russ.).
- Bekreeva, Yu. V. (2023). Characterological function of verbs of movement (based on the material of the Belarusian and English languages). *Bulletin of the Volgograd State University*, 22 (2): 84—96. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.7>. (In Russ.).
- Boguslavsky, I. M., Iomdin, L. L. (1999). Semantics of rapidity. *Questions of linguistics*, 6: 13—30. (In Russ.).
- Borisova, E. O. (2016). *Russian vocabulary with the meaning of speed and slowness in the semantic and motivational aspect*. PhD Diss. Yekaterinburg. 306 p. (In Russ.).
- Borisova, E. O. (2021). Semantic Reconstruction of Vocabulary with a Speed Value Derived from Verbs of Object Movement. *Nauchnyi dialog*, 8: 28—42. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-8-28-42>. (In Russ.).
- Erzenkina, M. V. (2009). The system of semantic features of verbs of movement with Germanic roots in English. *Bulletin of Tambov University*, 1: 41—45. (In Russ.).
- Fereshteh, Z. (2023). Phraseological units with the meaning of the speed of action in modern Russian. *Ogarev-Online*, 11 (9). Available at: <https://ogarev-online.ru/2311-2468/article/view/266845> (accessed 28.08.2025). (In Russ.).
- Ignatieva, T. S., Myasnikova, I. A. (2020). Comparative analysis of verbs of intensive movement on the example of English and Chuvash languages. *Philology: scientific research*, 5: 61—72. DOI: 10.7256/2454-0749.2020.5.31208. (In Russ.).
- Kiseleva, S. V., Ukhanova, I. A. (2018). Metaphorical meanings of English verbs of movement. *Bulletin of Kurgan State University*, 49 (2): 25—27. (In Russ.).
- Martynova, N. A. (2017). Objectification of the concept of speed in Russian dialect speech. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 3 (116): 122—125. (In Russ.).
- Martynova, N. A. (2019). The adjectival vocabulary representing the concept of speed in dialect speech. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 9 (142): 172—177. (In Russ.).
- Mitrushina, G. I. (1984). *Means of transmitting iterativity in modern English*. Author's abstract of PhD Diss. Kalinin. 16 p. (In Russ.).
- Mochalova, T. I., Fereshteh, Z. (2023). On the issue of studying the ways of expressing the speed of action in modern Russian. *Russian language abroad*, S2: 87—92. (In Russ.).

- Morozkina, E. A., Morozkin, Yu. N., Safina, Z. M. (2018). Fractal properties of verbs of movement in the original and translation of a literary text. *Bulletin of the Bashkir University*, 23 (3): 777—782. (In Russ.).
- Nadeina, L. V., Shvagruckova, E. V., Terre, D. A. (2021). Figurative interpretation of oscillatory and multidirectional movement in the Scots English dialect. *Philology and man*, 4: 35—48. DOI: 10.14258/filichel(2021)4-03. (In Russ.).
- Plungyan, V. A. (2000). “Fast” in the grammar of Russian and other languages. In: *The word in the text and in the dictionary: collection of articles dedicated to the 70th anniversary of academician Yu. D. Apresyan*. Moscow: Languages of Russian Culture. 212—222. ISBN 5-7859-0199-4. (In Russ.).
- Polyakova, N. V. (2017). Verbs of directional and non-directional movement in the Selkup language. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 10 (187): 122—126. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-10-122-126. (In Russ.).
- Savvateeva, I. A. (2024). Dynamic qualities of action of verbs of movement in behavioral relations (based on the material of Italian and English languages). *The world of science, culture, and education*, 3 (106): 427—430. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-3106-427-430. (In Russ.).
- Taremaa, P., Kopecka, A. (2022). Manner of motion in Estonian: A descriptive account of speed. *Studies in Language, John Benjamins*, 46 (4): 1—47. DOI: 10.1075/sl.21038.tar.
- Taremaa, P., Kopecka, A. (2023). Speed and space: semantic asymmetries in motion descriptions in Estonian. *Cognitive Linguistics*, 34 (1): 35—66. DOI: 10.1515/cog-2021-0132.
- Veleishikova, T. V. (2010). Verbs of vibration: semantics and typology (based on the material of Germanic and Slavic languages). *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 7 (97): 55—60. (In Russ.).
- Yartseva, V. N. (ed.). (1990). *Linguistic encyclopedic dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia. 685 p. ISBN 5-85270-031-2. (In Russ.).

*The article was submitted 17.07.2025;
approved after reviewing 15.10.2025;
accepted for publication 09.01.2026.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(1), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Кондратенко П. И. Вербализация смысла ‘изменение’: дискурсивная доминанта немецкой психологической публицистики? // П. И. Кондратенко // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 1. — С. 50—67. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-50-67.

Kondratenko, P. I. (2026). Expression of Meaning ‘Change’: A Discourse Dominant in German Psychological Journalism? *Nauchnyi dialog*, 15 (1): 50-67. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-50-67. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Вербализация смысла ‘изменение’: дискурсивная доминанта немецкой психологической публицистики?

Кондратенко Полина Игоревна
orcid.org/0000-0001-6749-3047
кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкой филологии
p.kondratenko@spbu.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда
проект № 24-28-00937,
<https://rscf.ru/project/24-28-00937/>

Expression of Meaning ‘Change’: A Discourse Dominant in German Psychological Journalism?

Polina I. Kondratenko
orcid.org/0000-0001-6749-3047
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of German Philology
p.kondratenko@spbu.ru

St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study was carried out with financial
support Russian Science Foundation
project № 24-28-00937,
<https://rscf.ru/project/24-28-00937/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье уделяется внимание дискурсу немецкой психологической публицистики. Представлен обзор работ, осмысляющих психотерапевтическую, научно-психологическую и популярную психологическую коммуникацию. Автор предполагает, что существенные-вербализаторы изменений характерны для немецкой психологической публицистики. К ним отнесены обозначения собственно изменений, а также препятствий к изменениям: *Veränderung, Entwicklung, Wandel, Transformation, Trauma, Krise*, и др. С целью верификации гипотезы проведён количественно-качественный дискурс-анализ материалов журнала «Psychologie Heute» за 2013—2025 годы. Использованы методы компьютерной лингвистики. С помощью корпус-менеджера AntConc из 4 348 563 словоупотреблений корпуса исследования выделены все контексты с включением лексем, обозначающих изменения. Доказано, что существенные указанной семантической группы не входят в число наиболее частотных слов в корпусе исследования. Вместе с тем установлено, что выразители смысла ‘изменение’ демонстрируют значимые расхождения в корпусе исследования и референтном корпусе. Уделяется внимание контекстно-семантическому анализу коллокаций с выделенными лексемами. Сделан вывод о том, что коллокации в дискурсе немецкой популярной психологии способствуют терминологической точности и используются в обсуждениях актуальной социальной проблематики.

Ключевые слова:

дискурс популярной психологии; дискурсивная доминанта; немецкая психологическая публицистика; *Psychologie Heute*; корпусные методы исследования; AntConc.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article focuses on the discourse of German psychological journalism by reviewing works that conceptualize psychotherapeutic, scientific-psychological, and popular-psychological communication. It is hypothesized that nouns verbalizing change are characteristic of German-language psychological publications. These include terms denoting changes themselves as well as obstacles to change such as *Veränderung, Entwicklung, Wandel, Transformation, Trauma, Krise*, etc. To verify this hypothesis, a quantitative-discursive analysis was conducted using materials from the journal *Psychologie Heute* published between 2013 and 2025. Methods of computational linguistics were employed, specifically utilizing the corpus manager AntConc. From the total of 4,348,563 word tokens within the research corpus, all contexts including lexemes signifying change were extracted. The study demonstrated that these nouns do not rank among the most frequent words in the analyzed corpus. However, it also revealed significant discrepancies between their usage patterns in the studied corpus compared to a reference corpus. Special attention is given to context-semantic analyses of collocations with these selected lexical items. It is concluded that collocational patterns contribute to terminological precision and serve discussions related to current social issues in the field of German popular psychology.

Key words:

popular psychology discourse; discursive dominant; German psychological journalism; *Psychologie Heute*; corpus-based methods; AntConc.

УДК 811.112.2'37+81'42:07

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-50-67

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Вербализация смысла ‘изменение’: дискурсивная доминанта немецкой психологической публицистики?

© Кондратенко П. И., 2026

1. Введение = Introduction

Первая четверть XXI века ознаменовалась кризисами различного масштаба и значения: от неизбежных экономических спадов до пандемии COVID-19, от локальных вооруженных конфликтов до новой эры глобального противостояния политических полюсов. Неудивительно, что на столь противоречивом фоне фиксируется повышенный интерес широкой общественности к психологии как к действенному инструменту поддержки, способу научного объяснения социальных процессов, компасу для ориентирования в изменчивом мире. Актуальные статистические данные из разных стран отражают тенденцию к расширению сферы влияния, демонстрируют интеграцию психологов в различные общественные процессы и подсистемы — от политики и технологий до спорта и досуга [APA, 2022]. Результаты опросов подтверждают стабильный рост числа выпускников вузов по психологическим специальностям [Antoni, 2024, S. 120], а также отражают растущую потребность граждан в психологической помощи [ВЦИОМ, 2025] и фиксируют необходимость нового построения ценностно-смысловых координат жизненной успешности в ситуации неопределённости [Деева, 2022]. Всё чаще психологи, философы и антропологи указывают на *терапевтический поворот* (*therapeutic turn*) русла современной культуры [Madsen, 2014; Карпункова, 2023]. Наблюдаемые тенденции не только побуждают заново обратиться к вопросам изучения психологии в кросс-культурном измерении (подробнее см., например, [Helfrich, 2018]), но и ставят в фокус лингвистических исследований коммуникацию на психологические тематики в различных социумах и ситуативных контекстах.

Психологический дискурс исходно понимается как тематическая и функциональная разновидность медицинского дискурса. Л. Р. Ахмерова

структурирует психологический дискурс следующим образом: 1) психотерапевтический дискурс; 2) обиходный психологический дискурс; 3) научный психологический дискурс [Ахмерова, 2015, с. 21], что вполне соотносится с традиционными возможностями профессиональной реализации специалиста-психолога. Исследователями отмечается повышенное внимание к психотерапевтическому дискурсу как разновидности коммуникации «врач–пациент», в которой анализируются и сопоставляются интенции пациента как участника психотерапевтического консультирования и конструируются особые интенциональные структуры [Дискурс ..., 2011, с. 123, 131].

В то же время остаётся открытым вопрос о месте популярной психологической коммуникации в структуре психологического дискурса. Рассматривая коммуникацию в ситуации «специалист — неспециалист» / «популяризатор науки (журналист) — неспециалист», исследователи, как правило, отмечают её стилистическую неоднородность. Е. М. Истомина указывает на обобщающий характер словосочетания *популярная психология*, включающего в себя различные направления психологической мысли и разнообразные форматы её медиарепрезентации (книги, телешоу, блоги и т. д.) [Истомина, 2024, с. 573]. Анализируя англоязычную коучинговую литературу, Ю. В. Гилясев подчёркивает индивидуалистический характер мотивационного дискурса (который можно рассматривать как подвид популярного психологического дискурса) и, как следствие, склонность авторов-коммуникантов к нарративу, контрастированию научной и обыденной картин мира, употреблению разноуровневых средств персуазивного воздействия на читателей [Гилясев, 2015; Гилясев, 2017, с. 74—75]. Е. В. Шелестюк отмечает в популярно-психологических текстах пересечения научного, публицистического, художественного и разговорного стилей в пропорциях, зависящих от обсуждаемой тематики, — например, освещения экзистенциальных вопросов, техник общения, путей личностного развития, вопросов здорового образа жизни и т. д. [Шелестюк, 2008, с. 169—170]. Представляется, что интерференции, наблюдаемые на функционально-стилистическом уровне популярных психологических текстов [Шевякина, 2020, с. 193], отвечают актуальным исследовательским представлениям о медиа как о среде, проникающей в различные социокультурные практики и объединяющей общество, культуру и технологии множеством разнообразных конфигураций [Spitzmüller et al., 2024, S. 22].

При этом нельзя не согласиться с С. В. Шевякиной в том, что психологические тексты парадоксально мало изучены [Шевякина, 2020, с. 192]. Несмотря на появление публикаций, связанных с вопросами преодоления трудностей при переводе текстов психотерапевтической области в пары языков «немецкий — русский» [Матвейчева, 2024] или формами экс-

пертного комментария о коронавирусе в журнале *Psychologies* [Семенова, 2024], внимание лингвистов к популярным психологическим текстам, и не только на английском языке, по-прежнему проявляется редко. Удивителен, в частности, тот факт, что немецкой психологической литературе до сих пор не уделяется должного внимания, при том, что общеизвестно, что «исходный корень психологии немецкий» [Диалоги ..., 2023, с. 8]. Что касается популярной разновидности психологического дискурса на немецком языке, то немецкая психологическая публицистика обыкновенно используется в качестве материала для развития языковых навыков и реже — для дискурсивных исследований (как, например, в [Sydow et al., 1998]).

Необходимость преодоления такого дефицита послужила обоснованием актуальности настоящей статьи. С одной стороны, в построении нашего исследования мы опираемся на опыт качественного изучения дискурсивных явлений, сложившийся в современной лингвистике [Goodman, 2017]. Вместе с тем согласимся с В. Е. Чернявской в том, что контекст может стать связующим звеном между объяснительным потенциалом дискурсивного анализа и корпусных методов, а также в том, что показатели *keyness* — способности слова быть ключевым для конкретного дискурса, а также выделение коллокаций компьютерными методами наиболее удовлетворяют целям дискурсивного анализа [Чернявская, 2018, с. 34, 36]. Различные корпусные технологии и метрики — от *keyness* до меры TF-IDF и алгоритмов тематического моделирования — успешно применяются в исследованиях, связанных с вербализацией кризисов и кризисных состояний [Bubenhof, 2011, S. 147], а также в комплексных лингвистических исследованиях на материале научных текстов [Беляева и др., 2021], немецкого медиадискурса [Выявление ..., 2024], научно-популярной литературы на немецком языке [Ковтунова и др., 2024].

Целью статьи является выделение доминант немецкоязычной психологической коммуникации, ориентированной на широкую аудиторию, с использованием методов дискурс-лингвистики и количественных аналитических процедур. При этом избранный нами путь «синергизма теории дискурса и корпусной лингвистики» [Кочетова и др., 2019, с. 33] побуждает направить гипотезу нашего исследования не от корпуса к дискурс-анализу (*corpus driven*), но от дискурс-анализа к корпусу (*corpus based*). В исследовании мы проверяем, насколько для дискурса немецкой психологической публицистики релевантны лексемы-выразители изменений. Выбор лексем, с одной стороны, объясняется повышенным вниманием мировой психологии к стрессовым ситуациям и копинг-стратегиям, которое отмечается исследователями [Диалоги..., 2023, с. 14]. С другой стороны, мы руководствуемся тем, что в центре психотерапевтической коммуникации, по меткому выражению О. С. Иссерс, находится «*борьба дискурсов* врача и его пациента» [Иссерс,

2012, с. 20], которая должна вылиться в изменение системы представлений человека о мире и себе в мире. Исходя из указанных соображений, мы включаем в задачи исследования: 1) установление частотности лексем-вербализаторов изменений в корпусе исследования и референтном корпусе; 2) анализ конкретного текстового окружения исследуемых единиц с помощью корпус-менеджера и традиционных лингвистических методов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В качестве материала для исследования используется журнал «Psychologie Heute», вдохновлённый у истоков своего существования американским журналом «Psychology Today», что нашло отражение в названии. «Psychologie Heute» ежемесячно выходит в издательстве Beltz с 1974 года; с 2012 года материалы также размещаются на одноименном сайте — в формате полнотекстовых выпусков и отдельных статей. Основные тематические разделы охватывают вопросы: 1) стиля и смысла жизни (*Leben*); 2) семейных взаимоотношений (*Familie*); 3) отношений в паре (*Beziehung*); 4) жизни общества и жизни в обществе (*Gesellschaft*); 5) здорового образа жизни (*Gesundheit*); 6) профессиональной деятельности и самореализации (*Beruf*). Разнообразие типов текстов включает в себя проблемные статьи, интервью, викторины и психологические тесты для самодиагностики, исторические обзоры, посвящённые значимым психологическим персоналиями и понятиям, а также экспертные комментарии.

Материалы журнала за 2013—2025 годы (общий объём корпуса исследования: 4 348 563 словоупотребления) анализируются нами как с использованием традиционных интерпретационных методов (контекстного, лингвопрагматического и, частично, лингвоаксиологического анализа), так и с помощью компьютерной программы AntConc [AntConc, 2024], которая позволяет извлечь ключевые слова для корпуса и выделить наиболее типичные контексты употребления интересующих нас лексем с помощью конкордансера, а также провести статистический анализ по словоупотреблениям, находящимся слева и справа от искомого слова.

В качестве референтного корпуса для оценки значимости лексических единиц в корпусе исследования мы используем коллекцию текстов DWDS-Kernkorpus 21 (2000—2010) [DWDS], находящуюся в свободном доступе, дифференцированную и сбалансированную по типам текстов и тематикам (общий объём референтного корпуса: 15 406 615 словоупотреблений).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В эмпирической части статьи мы сосредоточимся на решении трёх конкретных исследовательских вопросов. Во-первых, с помощью инстру-

ментария AntConc мы выделим слова, наиболее частотные для нашего корпуса, выберем из них существительные и проверим, входят ли в число высокочастотных существительных интересующие нас лексемы. Во-вторых, мы установим частотность лексем, используемых для выражения изменений в контекстах популярной психологической коммуникации, для корпуса исследования и соотнесём полученные показатели со значениями частотности тех же единиц в референтном корпусе. Наконец, мы обратим внимание на результаты автоматического выделения коллокаций с избранными лексемами, употребление которых продемонстрировало заметные статистические расхождения в сопоставлении с референтным корпусом.

3.1. Входят ли существительные-выразители изменений в список из десяти наиболее частотных существительных корпуса исследования?

Для ответа на первый поставленный вопрос мы построили список самых частотных слов корпуса исследования с помощью функции Word в AntConc и выбрали из списка существительные. Независимо от этого шага анализа, основываясь на списках синонимов из словарной части электронной платформы DWDS и представлениях о центральных темах психологической коммуникации, мы составили список из 14 существительных, используемых в контексте для описания изменений (в т. ч. кризисного характера). В него вошли две группы лексических единиц: 1) от нейтральных до положительно-коннотированных: *Änderung* ‘перемена, модификация’, *Entwicklung* ‘развитие’, *Fortschritt* ‘прогресс’, *Transformation* ‘трансформация’, *Veränderung* ‘перемена’, *Wandel* ‘перемена, глубокое изменение’, *Wechsel* ‘изменение, замена’; 2) негативно-коннотированные: *Hindernis* ‘затруднение, препятствие’, *Krise* ‘кризис’, *Problem* ‘проблема’, *Schwierigkeit* ‘сложность, трудность’, *Störung* ‘помеха, расстройство’, *Trauma* ‘травма’, *Verlust* ‘потеря, утрата’.

Результаты выделения десяти наиболее частотных существительных в корпусе систематизированы (табл. 1).

Для каждой единицы из списка высокочастотных существительных корпуса нашего исследования параллельно даются показатели частотности в опоре на референтный корпус. Определение значимости слов для изучения содержания текстов коллекции требует привлечения индикатора *keyness* к сопоставлению числовых значений в корпусе исследования и тематически нейтральном корпусе конкретного языка [Хохлова, 2024, с. 745]. Формула расчёта *keyness* обычно учитывает частотность использования и ранг слов в корпусе исследования и эталонном корпусе [Кочетова и др., 2019, с. 36; Kilgarriiff, 2012, p. 4—5], однако алгоритмы расчёта значимости могут различаться [Gabrielatos et al., 2011]. В настоящей статье

Таблица 1

Наиболее частотные существительные в корпусе исследования

The most frequent nouns in the research corpus

Существительное	Psychologie Heute (4 348 563)	DWDS-Kernkorpus 21 (15 406 615)	%DIFF [Gabrielatos et al., 2011]
Menschen	14555	7017	634
Leben	7061	5862	326
Zeit	4927	11736	48
Kinder	4587	4905	213
Eltern	4096	1388	945
Beispiel	4084	5498	163
Jahre(n)	3787	20796	-35
Angst	3264	1920	502
Frauen	3044	7490	43
Themen	3036	2500	330

для индикации значимости ключевых слов в сопоставлении корпусов различного типа и размера используется показатель %DIFF, предложенный К. Габриелатосом и позволяющий увидеть как сходства, так и различия между значениями в корпусе исследования и референтном корпусе [Gabrielatos et al., 2011].

Приведём формулу расчёта %DIFF, где:

$$\%DIFF = \frac{(NFC1 - NFC2) * 100}{NFC2},$$

NFC1 — нормализованная (то есть приведённая в соотношение с общим количеством словоупотреблений в корпусе) частотность единицы в корпусе исследования;

NFC2 — нормализованная частотность единицы в референтном корпусе.

Методика применения данной формулы предлагает считать, что показатель %DIFF со значением 100, полученный при сравнении корпуса исследования с референтным, указывает на то, что та или иная единица в два раза чаще употребляется в корпусе исследования. Соответственно, чем выше показатель в разряде сотен, тем выше значимость слова для корпуса исследования. Чем ближе значение %DIFF к нулю, тем менее существенны расхождения между корпусами. Отрицательные значения показателя сви-

детельствуют о расхождениях, направленных в противоположную сторону: когда значимость искомой единицы оказывается выше для референтного корпуса [Gabrielatos, 2018, p. 236].

Результаты сопоставления показателей частотности десяти наиболее частотных существительных в корпусе исследования с показателями частотности тех же единиц в референтном корпусе позволяют прийти к ряду интересных наблюдений. Значение %DIFF, полученное для существительного *Leben* ‘жизнь’, представляется вполне естественным для дискурса, тематически построенного на осмыслении ключевых аспектов жизнедеятельности человека. Кроме того, оправданным будет утверждать, что немецкой психологической публицистике свойственна высокая антропоцентричность: в сравнении с корпусом DWDS 21, так как существительные, обозначающие людей в целом (*Menschen*), родителей (*Eltern*) и детей (*Kinder*), демонстрируют более высокую значимость для корпуса *Psychologie Heute*. На этом фоне вызывает удивление минимальное расхождение, свойственное единице *Frauen* (женщины). Сделанные наблюдения получают объяснения на последующих стадиях нашего исследования, однако в рамках настоящей статьи критически важно другое: существительные, используемые для вербализации изменений, не входят в десять слов, наиболее частотных для корпуса исследования.

3.2. Можно ли считать существительные-выразители изменений ключевыми для корпуса исследования?

Ответив на первый из поставленных вопросов отрицательно, мы тем не менее считаем необходимым дополнительно тестировать выбранные нами слова на дискурсивную значимость. С этой целью мы отдельно рассчитаем %DIFF для 14 существительных-выразителей изменений.

Полученные значения показателя дают нам основания выделить для дальнейшего анализа семь существительных: *Trauma*, *Störung*, *Krise*, *Veränderung*, *Wandel*, *Verlust*, *Transformation*. Обращает на себя внимание крайне высокий показатель %DIFF для единицы *Trauma*; в совокупности же значительно более высокие значения (по сравнению с другими тестируемыми единицам) для слов *Störung*, *Krise* и *Veränderung* позволяют статистически подтвердить внимание популярной психологической коммуникации к расстройствам, кризисным состояниям и их преодолению путём изменения установок реципиента. Интересно также отметить, что значимыми для популярного психологического дискурса на этом уровне анализа оказываются четыре негативно-коннотированных слова (против трёх нейтральных). Наконец, роль %DIFF в определении ключевого характера слов наглядно демонстрирует пример с лексемой *Problem*: несмотря на высокие показатели частотности, расхождение в употреблении единицы в корпусе

Таблица 2

Частотность существительных-выразителей изменений
в корпусе исследования и референтном корпусе

Frequency of nouns expressing change in the research
corpus and reference corpus

Существительное	Psychologie Heute (4 348 563)	DWDS-Kernkorpus 21 (15 406 615)	%DIFF [Gabrielatos et al., 2011]
Änderung	65	1192	-81
Entwicklung	1128	2420	65
Fortschritt	208	584	24
Transformation	62	101	113
Veränderung	1003	695	410
Wandel	163	226	152
Wechsel	114	505	-21
Hindernis	111	259	48
Krise	884	517	506
Problem	3176	5896	91
Schwierigkeit	454	851	89
Störung	1100	417	834
Trauma	515	27	6667
Verlust	442	678	131

исследования и референтном корпусе не столь велико, следовательно, нет веских поводов считать *Problem* ключевым словом для совокупности текстов журнала Psychologie Heute. Вместе с тем оговоримся, что определённый интерес представляет изучение контекстуального окружения данной номинации: так как слово обладает достаточно широким значением, использование контекстных модификаторов, специфичных для анализируемого дискурса, представляется более чем вероятным.

3.3. Что может показать контекстно-семантический анализ коллокаций с избранными лексемами?

В настоящей статье мы, однако, ограничимся рассмотрением характерных примеров контекстуальных спутников для существительных, продемонстрировавших наиболее явные расхождения при сопоставлении частотности единиц в двух корпусах. На данном этапе исследования применение функции Collocate AntConc сопровождалось методами контекстно-семантического анализа в опоре на характеристику психологического дискурса.

Так, в контекстах популярной психологической коммуникации на немецком языке *Transformation*, вопреки ожиданиям, предстаёт не как личностная, но как цифровая трансформация благодаря наиболее частотному коллокату *digital* (Rank 1; FreqLR 5; FreqL 5; FreqR 0; Range 1; Likelihood 38.044; Effect 6.912). Рассуждения о цифровой трансформации касаются не столько общества в целом, сколько вопросов реорганизации предприятий в соответствии с технологическими изменениями в деловой среде и новых кадровых требований; следующий пример типичен для тематического раздела *Beruf: Digital Leadership sei gefragt*. „In der **digitalen Transformation** eines Unternehmens steht die Führungskraft als Treiber und Enabler für eine „Innovationskultur“, erklärt der Psychologe und Managementberater Stefan Dörr — «Востребовано цифровое лидерство. “В процессе **цифровой трансформации** компании руководитель выступает в качестве движущей силы и катализатора „культуры инноваций“, — объясняет психолог и консультант по управлению Стефан Дёпп» 2018-06-13. Digitalisierung und Arbeit [Psychologie Heute].

Единице *Verlust* в контекстах сопутствуют выразители эмоциональных состояний человека, позицию самого частотного коллоката занимает существительное *Trauer* ‘печаль, скорбь’ (Rank 1; FreqLR 36; FreqL 28; FreqR 8; Range 1; Likelihood 233.644; Effect 6.093). Кроме того, справа от искомой единицы нередко уточняется объект утраты: *Geliebte* ‘возлюбленный’ (Rank 3; Freq LR 18; Freq L 0; Freq R 18; Range 1; Likelihood 138.231; Effect 6.959) или *Arbeitsplatz* ‘рабочее место’ (Rank 4; Freq LR 13; Freq L 1; Freq R 12; Range 1; Likelihood 135.738; Effect 8.934).

Wandel в популярной психологической коммуникации также, вопреки исходным ожиданиям, соотносится не с личностными изменениями и мировоззренческими сдвигами, но с радикальными общественными изменениями, касающимися преимущественно демографии, о чём свидетельствуют частотные коллокаты *tiefgreifend* ‘глубинный’ (Rank 1; Freq LR 6; Freq L 6; Freq R 0; Range 1; Likelihood 72.076; Effect 10.078) и *demografisch* (Rank 2; Freq LR 6; Freq 6; Freq R 0; Range 1; Likelihood 69.502; Effect 9.773). В правом поле отмечены также такие коллокаты, как *Großelternschaft* («институт» бабушек и дедушек) и *Erziehungsideologien* ‘идеологии в воспитании’, что снова подтверждает пристальное внимание Psychologie Heute к современному институту семьи, смене воспитательных парадигм и поколенческим изменениям.

Некоторые частотные сочетания носят терминологический характер. Так, в ряде контекстов *Veränderung* используется совместно с прилагательным *demenziell* ‘связанный с деменцией’ (Rank 5; Freq LR 3; Freq L 3; Freq R 0; Range 1; Likelihood 35.790; Effect 9.972). Кроме того, неудивительно,

что чаще всего *Veränderung* используется с предлогом *in* (Rank 1; Freq LR 79; Freq L 14; Freq R 65; Range 1; Likelihood 54.837; Effect 1.388), позволяющим в правом поле уточнить локус или сферу изменений, будь то мозг человека (*Gehirn*), профессия (*Beruf*), повседневность (*Alltag*), поведение (*Verhalten*), мышление (*Denken*), жизнь (*Leben*).

Ещё большее разнообразие дискурсивно значимых частотных коллокатов демонстрирует единица *Krise*. Третье место по частотности занимает часть сложного слова *Corona-* (Rank 3; Freq LR 19; Freq L 17; Freq R 2; Range 1; Likelihood 131.766; Effect 6.419), что отражает естественную обеспокоенность немецкого общества коронавирусной пандемией и её последствиями. Однако в десять наиболее частотных коллокатов входят и указатели на экзистенциальный и / или психологический характер кризисных состояний (*existenziell, psychisch*), и обозначения степени тяжести / остроты кризиса (*schwer, akut, tief*). Интенсификация степени тяжести наблюдается и в контексте с другими анализируемыми лексемами, см., например, фрагмент о частых негативных последствиях тяжёлых травм: *So wurde vielfach nachgewiesen, dass Menschen nach schweren Schicksalsschlägen wie Todesfällen, Trennungen oder Arbeitslosigkeit gehäuft depressive Symptome aufweisen. Schwere Traumata gehen häufig mit problematischem Substanzkonsum etwa von Alkohol oder anderen Drogen einher* — «Так, было неоднократно доказано, что после тяжёлых ударов судьбы, таких как смерть близких, разрыв отношений или потеря работы, люди чаще всего испытывают депрессивные симптомы. **Тяжёлые травмы часто сопровождаются проблемным употреблением алкоголя или других наркотических веществ**» (2024-09-09. Die Trennung von Körper und Geist — der große Irrtum?) [Psychologie Heute].

Коллокат *psychisch* часто сопровождает и единицу *Störung* (Rank 2; Freq LR 54; Freq L 54; Freq R 0; Range 1; Likelihood 292.521; Effect 5.303), что позволяет конкретизировать её значение в контексте и направить внимание читателя в русло психологической терминологии. Терминологическая точность коммуникации также обеспечивается коллокатами *bipolar* ‘биполярный’, *Spektrum* ‘спектр’, *Schizophrenie* ‘шизофрения’, *Autismus* ‘аутизм’, позволяющими дифференцировать психопатологии при перечислении в контексте, например: *schizophrenen Psychosen und die schweren affektiven Erkrankungen, also Depressionen und bipolare Störungen* — «шизофренические психозы и тяжёлые аффективные расстройства, то есть депрессии и **биполярные расстройства**» (2017-10-01. Wann ist ein Mensch psychisch krank?) [Psychologie Heute]. Сказанное касается также значимого коллоката *Schädel* ‘черепа’ (Rank 3; Freq LR 7; Freq L 7; Freq R 0; Range 1; Likelihood 64.332; Effect 8.051) при единице *Trauma* (*Schädel-Hirn-Trauma* ‘черепно-мозговая травма’).

Кроме того, анализ коллокаций и контекстов позволяет сделать вывод о важности публичных обсуждений кризиса среднего возраста (*Krise der Lebensmitte*), а наполнение правого поля единицы *Krise* глаголами *stürzen* ‘рухнуть, упасть’ (Rank 6) и *aufarbeiten* ‘прорабатывать’ (Rank 8) и правого поля единицы *Trauma* глаголом *erleiden* ‘перенести’ (Rank 9) свидетельствует о важности отражения двух основных взаимосвязанных этапов — попадания в кризисную ситуацию и выхода из неё.

4. Заключение = Conclusions

Комбинирование методов дискурс-анализа и компьютерной лингвистики позволяет ответить на вопрос, поставленный в названии статьи, утвердительно — с необходимым признанием ограничений, связанных с тем, что рассмотренные нами лексемы-выразители изменений не входят в число наиболее частотных существительных для корпуса *Psychologie Heute*. Вместе с тем в ходе сопоставления собранного и референтного корпусов нами продемонстрированы значительные расхождения в употреблении исследуемых лексем, что позволяет утверждать их значимость для дискурса немецкой психологической публицистики. Выделенные коллокации, с одной стороны, подтверждают исследовательские ожидания от популярной психологической коммуникации, которая, бесспорно, уделяет внимание «климатическим изменениям внутреннего мира человека». Тем не менее частотность определённых словосочетаний объясняется иными причинами — от стремления текстов к сохранению терминологической точности и принадлежности к определённой предметной области до закономерной вовлечённости в осмысление новых вызовов, стоящих сегодня перед обществами и культурами.

В дальнейшем видится перспективным анализ временного распределения лексем, выражающих изменения: более чем десятилетний интервал между самыми ранними и самыми актуальными материалами позволяет надеяться на убедительный результат. Теоретический и практический интерес представляют также кросс-культурные исследования популярной психологической периодики; продуктивным мыслится создание и одно-временное сопоставление корпусов англо-американских, немецких и русскоязычных психологических журналов. Несмотря на глобализацию и общемировые кризисы, влияющие на психическое здоровье, сопоставление коллекций психологических статей на разных языках, вероятно, позволит выявить культурологическую специфику, и результаты такого сопоставления будут интересны не только лингвистам, но и психологам, антропологам, философам. В завершение подчеркнём, что последующая апробация синтеза различных методов и подходов может стать импульсом для обращения к антропологическому измерению дискурса немецкой психологи-

ческой публицистики и исследованию средств и способов текстовой репрезентации акторов изучаемого дискурса — в том числе с постановкой гипотез, идущих от корпуса к качественной интерпретации данных.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ВЦИОМ, 2025 — *Всероссийский* центр изучения общественного мнения. Индекс потребности россиян в психологической поддержке [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indexs-potrebnosti-rossijan-v-psikhologicheskoi-podderzhke> (дата обращения 01.08.2025).
2. AntConc, 2024 — *Anthony L. AntConc* (Version 4.3.1) [Electronic resource] / L. Anthony. — Tokyo : Waseda University, 2024. — Access mode : <https://www.laurenceanthony.net/software/AntConc> (accessed 30.07.2025).
3. APA, 2022 — *American psychological association*. Trends report. The rise of psychologists [Electronic resource] // Psychological expertise in demand everywhere. — Access mode : <https://www.apa.org/monitor/2022/01/special-rise-psychologists> (accessed 01.08.2025).
4. DWDS — *DWDS Kernkorpus 21* (2000—2010) [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.dwds.de/d/korpora/kern21> (accessed 30.07.2025).
5. *Psychologie Heute* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.psychologie-heute.de> (accessed 30.07.2025).

Литература

1. *Ахмерова Л. Р.* Психологический дискурс и его разновидности в современном русском языке / Л. Р. Ахмерова // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. Международная конференция (V Бодуэновские чтения) : труды и материалы. — Казань : Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2015. — Т. 2. — С. 21—23. — ISBN 978-5-00019-485-0.
2. *Беляева Л. Н.* Корпусные технологии в исследовании и обучении : методика анализа именных групп в научном тексте / Л. Н. Беляева, О. Н. Камшилова, М. Л. Малаховская // Общество. Коммуникация. Образование. — 2021. — Т. 12. — № 4. — С. 46—59. — DOI: 10.18721/JHSS.12404.
3. *Выявление значимых тем при помощи алгоритма LDA на материале немецкого медиадискурса* / М. В. Корышев, М. В. Хохлова, Л. А. Куликова, К. В. Мазин // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. — 2024. — Выпуск 14. — С. 418—433. — DOI: 10.21638/spbu33.2024.122.
4. *Гилясев Ю. В.* Прагматика англоязычного мотивационного дискурса / Ю. В. Гилясев // *Учёные записки Петрозаводского государственного университета*. — 2017. — № 5 (166). — С. 70—76.
5. *Гилясев Ю. В.* Язык популярной психологии : опыт лингвостилистического анализа / Ю. В. Гилясев // *Филологические этюды*. — Санкт-Петербург : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. — С. 21—36. — ISBN 978-5-8290-1544-2.
6. *Деева Н. А.* Субъективные представления россиян о жизненной успешности / Н. А. Деева // *Национальный психологический журнал*. — 2022. — № 2 (46). — С. 14—24. — DOI: 10.11621/npj.2022.0202.

7. *Диалоги о/в поле смыслов : к 120-летию со дня рождения Алексея Николаевича Леонтьева* / А. Г. Асмолов, Е. В. Битюцкая, Б. С. Братусь, Д. А. Леонтьев, Д. В. Ушаков // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. — 2023. — Т. 46. — № 2. — С. 5—22. — DOI: 10.11621/LPJ-23-13.

8. *Иссерс О. С. Люди говорят... Дискурсивные практики нашего времени* / О. С. Иссерс. — Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. — 276 с. — ISBN 978-5-7779-1520-7.

9. *Истомина Е. М. Национально-культурная специфика русскоязычного дискурса популярной психологии* / Е. М. Истомина // Мир науки, культуры, образования. — 2024. — № 6 (109). — С. 572—574.

10. *Карпункова В. В. Идея «терапевтического поворота» Ф. Фукуямы в контексте осмысления трансформации современного общества* / В. В. Карпункова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2023. — № 1 (63). — С. 36—45. — DOI: 10.24866/1997-2857/2023-1/36-45.

11. *Ковтунова Е. А. Эмотивность научно-популярного медиадискурса (на материале немецких онлайн-статей и подкастов об искусственном интеллекте)* / Е. А. Ковтунова, И. Е. Езан // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2024. — № 21 (4). — С. 842—865. — DOI: 10.21638/spbu09.2024.405.

12. *Кочетова Л. А. Исследование аксиологических доминант в жанре пресскрипт на основе методов автоматического извлечения ключевых слов корпуса текстов* / Л. А. Кочетова, В. В. Попов // Научный диалог. — 2019. — № 6. — С. 32—49. — DOI: 0.24224/2227-12952019-6-32-49.

13. *Матвеечева Т. В. Транслатологические особенности медицинской лексики предметной области «Психотерапия»* / Т. В. Матвеечева // Изоморфные и алломорфные признаки языковых систем. Сборник научных статей. — Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2024. — С. 105—109. — ISBN 978-5-9296-1292-3.

14. *Павлова Н. Д. Дискурс в современном мире. Психологические исследования* / Н. Д. Павлова, И. А. Зачесова. — Москва : Издательство «Институт психологии РАН», 2011. — 368 с. — ISBN 978-5-9270-0216-0.

15. *Семенова М. Г. Формы экспертного комментария в СМИ на тему психологии (на примере освещения темы пандемии коронавируса в журнале Psychologies)* / М. Г. Семенова // Modern Humanities Success. — 2024. — № 12. — С. 132—138. — DOI: 10.58224/2618-7175-2024-12-132-138.

16. *Хохлова М. В. Тематическое наполнение университетской жизни сквозь призму значимой лексики* / М. В. Хохлова // Медиалингвистика. Язык в координатах массмедиа : материалы VIII Междунар. научн. конференции. — Санкт-Петербург : Медиана-пир, 2024. — Выпуск 11. — С. 744—747. — ISBN 978-5-00110-446-9.

17. *Чернявская В. Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы : необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов* / В. Е. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2018. — № 2. — С. 31—37. — DOI: 10.20916/1812-3228-2018-2-31-37.

18. *Шевякина С. В. Лингвостилистические параметры интернет-дискурса психологии ЗОЖ* / С. В. Шевякина // Гуманитарный научный вестник. — 2020. — № 3. — С. 191—196. — DOI: 10.5281/zenodo.3770803.

19. *Шелестюк Е. В. Особенности текстов популярной психологии* / Е. В. Шелестюк // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 12. — С. 168—176.

20. Antoni C. H. Berufsfelder von Psychologinnen und Psychologen / C. H. Antoni // Psychologische Rundschau. — 2024. — Vol. 75. — № 2. — S. 119—133. — DOI: 10.1026/0033-3042/a000668.
21. Bubenhofer N. Korpuslinguistik in der linguistischen Lehre : Erfolge und Misserfolge / N. Bubenhofer // JLCL. — 2011. — Vol. 26. — № 1. — S. 141—156.
22. Gabrielatos C. Keyness : Matching metrics to definitions [Electronic resource] / C. Gabrielatos, A. Marchi // Corpus Linguistics in the South 1, University of Portsmouth, 5 November 2011. — Access mode : <http://eprints.lancs.ac.uk/51449> (accessed 01.08.2025).
23. Gabrielatos C. Keyness analysis : nature, metrics and techniques / C. Gabrielatos // Corpus Approaches to Discourse. A Critical Review. — London, New York : Routledge, 2018. — Pp. 225—258. — ISBN 978-1-138-89578-2.
24. Goodman S. How to conduct a psychological discourse analysis / S. Goodman // Critical Approaches to Discourse Analysis across Disciplines. — 2017. — Vol. 9 (2). — Pp. 142—153.
25. Helfrich H. Kulturvergleichende Psychologie / H. Helfrich. — Berlin, Heidelberg : Springer, 2018. — 231 S.
26. Kilgarriff A. Getting to know your corpus / A. Kilgarriff // Proc. Text, Speech, Dialogue (TSD 2012), Lecture Notes in Computer Science. — Berlin, Heidelberg : Springer, 2012. — Pp. 3—15. — DOI:10.1007/978-3-642-32790-2_1.
27. Madsen O. J. The Therapeutic Turn : How Psychology Altered Western Culture / O. J. Madsen. — London : Routledge, 2014. — 204 p.
28. Spitzmüller J. Der ‚digital-öffentliche Raum‘ als kommunikative Figuration und vergemeinschaftungsideologische Imagination / J. Spitzmüller, M. Pfadenhauer // Zeitschrift für germanistische Linguistik. — 2024. — Vol. 52. — № 1. — S. 14—33. — DOI: 10.1515/zgl-2024-2002.
29. Sydow K. Psychotherapists, psychologists and psychiatrists in the media : a content analysis of the cover pictures of eight german magazines, published 1947—1995 / K. Sydow, A. Weber, Ch. Reimer // Psychotherapeut. — 1998. — Vol. 43. — № 2. — Pp. 80—91.

Статья поступила в редакцию 04.08.2025,
одобрена после рецензирования 15.10.2025,
подготовлена к публикации 28.12.2025.

Material resources

- AntConc, 2024 — Anthony, L. (2024). *AntConc (Version 4.3.1)*. Tokyo: Waseda University. Available at: <https://www.laurenceanthony.net/software/AntConc> (accessed 30.07.2025).
- APA, 2022 — American psychological association. Trends report. The rise of psychologists. *Psychological expertise in demand everywhere*. Available at: <https://www.apa.org/monitor/2022/01/special-rise-psychologists> (accessed 01.08.2025).
- DWDS — *DWDS Kernkorpus 21 (2000—2010)*. Available at: <https://www.dwds.de/d/korpora/kern21> (accessed 30.07.2025).
- Psychologie Heute*. Available at: <https://www.psychologie-heute.de> (accessed 30.07.2025).
- VTsIOM, 2025 — *All-Russian Center for the Study of Public Opinion. The index of Russian's need for psychological support*. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-potrebnosti-rossijan-v-psikhologicheskoi-podderzhke> (accessed 01.08.2025). (In Russ.).

References

- Akhmerova, L. R. (2015). Psychological discourse and its varieties in modern Russian. In: *I. A. Baudouin de Courtenay and world linguistics. International Conference (V Baudouin Readings): proceedings and materials*, 2. Kazan: Kazan (Volga Region) Federal University. 21—23. ISBN 978-5-00019-485-0. (In Russ.).
- Antoni, C. H. (2024). Berufsfelder von Psychologinnen und Psychologen. *Psychologische Rundschau*, 75 (2): 119—133. DOI: 10.1026/0033-3042/a000668. (In Germ.).
- Asmolv, A. G., Bityutskaya, E. V., Bratus, B. S., Leontiev, D. A. (2023). Dialogues about / in the field of meanings: on the 120th anniversary of the birth of Alexei Nikolaevich Leontiev. *Bulletin of the Moscow University. Episode 14. Psychology*, 46 (2): 5—22. DOI: 10.11621/LPJ-23-13. (In Russ.).
- Belyaeva, L. N. (2021). Corpus technologies in research and training: a methodology for analyzing nominal groups in a scientific text. *Society. Communication. Education*, 12 (4): 46—59. DOI: 10.18721/JHSS.12404. (In Russ.).
- Bubenhofer, N. (2011). Korpuslinguistik in der linguistischen Lehre: Erfolge und Misserfolge. *JLCL*, 26 (1): 141—156. (In Germ.).
- Chernyavskaya, V. E. (2018). Discursive analysis and corpus methods: a necessary evidentiary link? Explanatory possibilities of qualitative and quantitative approaches. *Questions of cognitive linguistics*, 2: 31—37. DOI: 10.20916/1812-3228-2018-2-31-37. (In Russ.).
- Deeva, N. A. (2022). Subjective ideas of Russians about life success. *National Psychological Journal*, 2 (46): 14—24. DOI: 10.11621/npj.2022.0202. (In Russ.).
- Gabrielatos, C. (2011). Keyness: Matching metrics to definitions. *Corpus Linguistics in the South 1, University of Portsmouth, 5 November*. Available at: <http://eprints.lancs.ac.uk/51449> (accessed 01.08.2025).
- Gabrielatos, C. (2018). Keyness analysis: nature, metrics and techniques. In: *Corpus Approaches to Discourse. A Critical Review*. London, New York: Routledge. 225—258. ISBN 978-1-138-89578-2.
- Gilyasev, Yu. V. (2015). The language of popular psychology: the experience of linguistic analysis. In: *Philological studies*. Saint Petersburg: Pushkin Leningrad State University. 21—36. ISBN 978-5-8290-1544-2. (In Russ.).
- Gilyasev, Yu. V. (2017). Pragmatics of English-language motivational discourse. *Scientific Notes of Petrozavodsk State University*, 5 (166): 70—76. (In Russ.).
- Goodman, S. (2017). How to conduct a psychological discourse analysis. *Critical Approaches to Discourse Analysis across Disciplines*, 9 (2): 142—153.
- Helfrich, H. (2018). *Kulturvergleichende Psychologie*. Berlin, Heidelberg: Springer. 231 S. (In Germ.).
- Issers, O. S. (2012). *People say... Discursive practices of our time*. Omsk: Publishing House of Omsk State University. 276 p. ISBN 978-5-7779-1520-7. (In Russ.).
- Istomina, E. M. (2024). National and cultural specifics of the Russian-language discourse of popular psychology. *The world of science, culture, and education*, 6 (109): 572—574. (In Russ.).
- Karpunkova, V. V. (2023). The idea of F. Fukuyama's "therapeutic turn" in the context of understanding the transformation of modern society. *Humanitarian studies in Eastern Siberia and the Far East*, 1 (63): 36—45. DOI: 10.24866/1997-2857/2023-1/36-45. (In Russ.).
- Khokhlova, M. V. (2024). Thematic content of university life through the prism of meaningful vocabulary. In: *Media linguistics. Language in the coordinates of the mass media:*

- proceedings of the VIII International Scientific Conference, 11. Saint Petersburg: Mediapair. 744—747. ISBN 978-5-00110-446-9. (In Russ.).*
- Kilgariff, A. (2012). Getting to know your corpus. In: *Proc. Text, Speech, Dialogue (TSD 2012), Lecture Notes in Computer Science*. Berlin, Heidelberg: Springer. 3—15. DOI:10.1007/978-3-642-32790-2_1.
- Kochetova, L. A., Popov, V. V. (2019). Research of Axiological Dominants in Press Release Genre based on Automatic Extraction of Key Words from Corpus. *Nauchnyi dialog*, 6: 32—49. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-6-32-49>. (In Russ.).
- Koryshev, M. V., Khokhlova, M. V., Kulikova, L. A. (2024). Identification of significant topics using the LDA algorithm based on the material of German media discourse. *German Philology at St. Petersburg State University*, 14: 418—433. DOI: 10.21638/spbu33.2024.122. (In Russ.).
- Kovtunova, E. A., Yezan, I. E. (2024). Emotivity of popular science media discourse (based on German online articles and podcasts about artificial intelligence). *Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature*, 21 (4): 842—865. DOI: 10.21638/spbu09.2024.405. (In Russ.).
- Madsen, O. J. (2014). *The Therapeutic Turn: How Psychology Altered Western Culture*. London: Routledge. 204 p.
- Matveicheva, T. V. (2024). Translatological features of the medical vocabulary of the subject area “Psychotherapy”. In: *Isomorphic and allomorphic features of language systems. Collection of scientific articles*. Stavropol: North Caucasus Federal University. 105—109. ISBN 978-5-9296-1292-3. (In Russ.).
- Pavlova, N. D., Zachesova, I. A. (2011). *Discourse in the modern world. Psychological research*. Moscow: Publishing House “Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences”. 368 p. ISBN 978-5-9270-0216-0. (In Russ.).
- Semenova, M. G. (2024). Forms of expert commentary in the media on psychology (using the example of coverage of the coronavirus pandemic in the journal of Psychologies). *Modern Humanities Success*, 12: 132—138. DOI: 10.58224/2618-7175-2024-12-132-138. (In Russ.).
- Shelestyuk, E. V. (2008). Features of texts of popular psychology. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 12: 168—176. (In Russ.).
- Shevyakina, S. V. (2020). Linguistic and stylistic parameters of the Internet discourse of psychology of healthy lifestyle. *Humanitarian Scientific Bulletin*, 3: 191—196. DOI: 10.5281/zenodo.3770803. (In Russ.).
- Spitzmüller, J., Pfadenhauer, M. (2024). Der ‚digital-öffentliche Raum‘ als kommunikative Figuration und vergemeinschaftungsideologische Imagination. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*, 52 (1): 14—33. DOI: 10.1515/zgl-2024-2002. (In Germ.).
- Sydow, K., Weber, A., Reimer, Ch. (1998). Psychotherapists, psychologists and psychiatrists in the media: a content analysis of the cover pictures of eight german magazines, published 1947—1995. *Psychotherapeut*, 43 (2): 80—91.

*The article was submitted 04.08.2025;
approved after reviewing 15.10.2025;
accepted for publication 28.12.2025.*

Информация для цитирования:

Радбиль Т. Б. Русские фразеологизмы в свете квантитативной лингвокультурологии : корпусно-дискурсивный анализ идиомы *из кожи (von) лезть* / Т. Б. Радбиль, Р. Х. Абдуллаева // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 1. — С. 68—87. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-68-87.

Radbil, T. B. Abdullaeva, R. H. (2026). Russian Fraseologisms in Aspect of Quantitative Linguoculturology: Corpus-discourse Analysis of Idiom ‘iz kozhi (von) lezt’. *Nauchnyi dialog*, 15 (1): 68-87. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-68-87. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Русские фразеологизмы в свете квантитативной лингвокультурологии: корпусно-дискурсивный анализ идиомы *из кожи (von) лезть*

Радбиль Тимур Беньяминович^{1,2}

orcid.org/0000-0002-7516-6705

доктор филологических наук, профессор,

¹ заведующий кафедрой теоретической
и прикладной лингвистики;

² профессор кафедры русского и
общего языкознания,

корреспондирующий автор

timur@radbil.ru

Абдуллаева Раъно Хикматовна²

orcid.org/0000-0003-4024-714X

доктор философии, доцент,

заведующий кафедрой русского и
общего языкознания

abdullaeva14rano@mail.ru

¹ Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

² Самаркандский государственный
университет им. Ш. Рашидова
(Самарканд, Узбекистан)

Russian Phraseological Units in Aspect of Quantitative Cultural Linguistics: Corpus-discourse Analysis of Idiom ‘iz kozhi (von) lezt’

Timur B. Radbil^{1,2}

orcid.org/0000-0002-7516-6705

Doctor of Philology, Professor,

¹ Head of the Department of Theoretical
and Applied Linguistics;

² Professor of the Department of Russian
and General Linguistics,

corresponding author

timur@radbil.ru

Ra'no H. Abdullaeva²

orcid.org/0000-0003-4024-714X

PhD in Philology, Associate Professor,

Head of the Department of Russian
and General Linguistics

abdullaeva14rano@mail.ru

¹ National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

² Samarkand State University
named after Sharof Rashidov
(Samarkand, Uzbekistan)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается оценочный потенциал русского фразеологизма *из кожи (вон) лезть* в рамках количественной лингвокультурологии. Анализируются особенности речевой реализации оборота, в которой обнаруживаются разнообразные рефлексии наведения оценки разного знака посредством ближайшего и дальнейшего контекстного окружения. Использована авторская методика корпусно-дискурсивного анализа. Материалом исследования являются словарные толкования фразеологизма в толковых и фразеологических словарях русского языка, а также контексты употребления фразеологизма в Национальном корпусе русского языка. Совокупный объем выборки составил 462 контекста в 417 текстах по основному корпусу. Значение фразеологизма в лексикографических источниках определяется как 'сильно стараться, усердствовать' при отсутствии указания на какую-либо оценочность. Однако установлено значительное преобладание контекстов негативно-оценочного употребления выражения. Отмечается, что даже в случаях констатации наличия у номинируемого участника ситуации усилий для достижения каких-либо положительных целей сам факт излишне сильного проявления стараний интерпретируется говорящим в негативном ключе. Доказана национальная обусловленность отрицательной оценочности для русских фразеологизмов, выражающих идею чрезмерности затраты сил, неоправданного превышения нормы в осуществлении какой-либо деятельности.

Ключевые слова:

идиома *из кожи лезть*; количественная лингвокультурология; имплицитная оценочность; русская фразеология.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper examines the evaluative potential of the Russian phraseological unit *iz kozhi (von) lezt'* (to go out of one's way) within the framework of quantitative cultural linguistics. The specific features of the phraseological unit's speech realization, revealing various reflexes for inducing evaluations of different signs through the immediate and extended contextual environment, are analyzed. The author's method of corpus-discourse analysis is employed. The study material consists of dictionary definitions of the idiom in explanatory and phraseological dictionaries of the Russian language, as well as the contexts of their use in the Russian National Corpus. The total material volume is 462 contexts in 417 texts from the main corpus. The meaning of the phraseological unit in lexicographic sources is defined as 'to try hard, to be zealous', without any indication of any evaluative value. However, the analysis of the corpus data revealed a significant predominance of contexts of negative-evaluative use of the expression. Even when it is acknowledged that the nominated participant is making an effort to achieve positive goals, the very fact of excessive effort is interpreted negatively by the speaker. The authors came at a conclusion of national conditionedness toward negative evaluations of Russian phraseological units expressing the idea of excessive expenditure of effort, or unjustified overstepping of the norm in the performance of an activity.

Key words:

idiom *iz kozhi (von) lezt'*; quantitative cultural linguistics; implicit evaluativeness; Russian phraseology

УДК 811.161.1'37:392.7

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-68-87

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Русские фразеологизмы в свете квантитативной лингвокультурологии: корпусно-дискурсивный анализ идиомы *из кожи (вон) лезть*

© Радбиль Т. Б., Абдуллаева Р.Х., 2026

1. Введение = Introduction

В статье изложены промежуточные результаты разрабатываемой одним из соавторов исследовательской модели выявления и объективации «языка ценностей» в разных речевых практиках носителей русского языка с опорой на обработку и последующую содержательную интерпретацию большого массива корпусных данных [Радбиль, 2023]. Научный инструментарий корпусно-дискурсивного анализа имплицитной оценочности слов и выражений естественного языка, которая не фиксируется словарями, но актуализуется в их речевой реализации, во многом основан на оценке количественных данных, что и позволяет условно именовать наш подход *квантитативной лингвокультурологией*. В данной работе этот инструментарий применяется для диагностики оценочного потенциала русских фразеологизмов, подходы к изучению которого, правда, в сопоставительном аспекте, были заложены нами в более ранней работе [ДУША и ТЕЛО ..., 2020].

Непосредственным предметом исследования является фразеологизм *из кожи (вон) лезть*, который входит в парадигматический ряд фразеологических единиц с семантикой приложения превышающих норму усилий для осуществления какой-либо деятельности или достижения какой-либо цели, наряду с выражениями *стараться изо всех сил*, *выбиваться из сил*, *разбиваться в лепешку* и под. [Иванова, 2005; Ломакина 2018]. Представления о чем-то чрезмерном, превышающем норму обладают явной культурной маркированностью в русской языковой картине мира, поскольку вписываются в ряд значимых для нее идей и тем самым всегда так или иначе оцениваются говорящими [Новые тенденции ..., 2016]. При этом оценка, как правило, не проявляется эксплицитно, потому что акцент делается именно

на факте приложения чрезмерных усилий. Думается, что предлагаемый в работе аналитический инструментарий корпусно-дискурсивного анализа позволит «вывести на свет» и объективировать наличие постулируемой оценочности того или иного знака для анализируемого фразеологизма.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Излагаемый нами когнитивно-дискурсивный подход к анализу разнообразной культурно значимой информации, носителями которой являются фразеологические единицы, берет свое начало в пионерских работах В. Н. Телия: рассматривая внутреннюю форму фразеологизма в качестве его образной основы, В. Н. Телия соотносит полученные данные с закодированными посредством национально языка культурными эталонами и ценностными стереотипами [Телия, 1996; Телия, 1999]. В этом же духе рассматривает истоки национально-культурного своеобразия фразеологизмов и В. А. Маслова, воспринявшая идеи основоположника данной научной школы [Маслова, 2004]. Не используя терминологический аппарат когнитивной лингвистики, ученые, по сути, закладывали подход именно для лингвокогнитивной интерпретации фразеологизмов, когда изучаются стоящие за внутренней формой устойчивого языкового выражения концептуальные метафоры, когнитивные модели и схемы [Красных, 2016]. Это можно видеть и в работах современных представителей научной школы лингвокультурологического анализа фразеологии [Ковшова, 2013], развитие научных идей которой идет сегодня в самых разных направлениях. Так, сопоставительное изучение инвариантных культурных моделей фразеологии на материале разных языков можно видеть в работе [Дронов, 2018]. Специфика языкового воплощения фразеологизмов в художественном дискурсе рассматривается в монографии [Ломакина, 2018]. Близкий к нашему подходу метод дискурсивного анализа креативности фразеологизмов, основанный на корпусных данных, развивается в книге [Зыкова, 2017].

Что же касается непосредственно фразеологизма *из кожи (вон) лезть*, интересующего нас в данной работе, описание его семантики представлено, например, в статье И. В. Утехина, которая посвящена представлениям русских о коже, отраженным во фразеологии и паремиологии [Утехин, 1999]. В рамках обстоятельного анализа моделей вторичного означивания соматизмов *кожа* и *шкура* данный фразеологизм охарактеризован в работе Е. Л. Березович и И. А. Седаковой: «Кожа может символизировать и “сознательную”, собственно волевую сторону психоэмоциональной жизни человека, будучи связанной со значением усилий, напряжения: рус. литер. *лезть из (своей, собственной) шкуры (вон)*, *из кожи лезть (вон)* ‘стараться изо всех сил, усердствовать’» [Березович и др., 2012, с. 18].

Из последних исследований отметим статью А. А. Дарикова, в которой устойчивое выражение *из кожи (вон) лезть* рассматривается с точки зрения реализации перцептивного компонента в образе фразеологизма: «Кинестетическая перцепция, просматриваемая в образовании устойчивого оборота, показывает движение тела относительно точки в пространстве. Само пространство делится на два измерения: 1) пребывание в коже; 2) пребывание за пределами кожи» [Дариков, 2020, с. 254].

Процедура корпусно-дискурсивного анализа, принятая в данной работе [Русский язык ..., 2021], формируется под воздействием идей и принципов современной прагматической стилистики [Black, 2006], «аффективной» прагматики [Scarantino, 2017] и экспериментальной прагматики [Noveck, 2021]: она представляет собой опыт применения корпусных методов в дискурс-аналитическом инструментарии, как это, например, предлагается в монографии [Чернявская и др., 2024]. Наша методика основывается на сформулированной еще на заре классической корпусной лингвистики идее «семантической ауры (просодии)» [Firth, 1957; Sinclair, 1991], которая, не обнаруживаясь в семантике слов и выражений эксплицитно, тем не менее проявляется, когда они «прокручиваются» через большой массив корпусных данных [Louw et al., 2016]. Таким образом, мы можем не только объективно выявить ускользающие от нашего внимания, неявные оттенки смысла, как правило, ценностной природы, но и, так сказать, «исчислить» их, определить динамику количественного соотношения оценочных «аур».

Согласно принятой концепции исследования, из референциальных корпусов методом сплошной выборки извлекаются первые сто контекстов употреблений тестируемой единицы. Далее вручную осуществляется «разметка» корпусного материала: в соответствии с существующими цифровыми методами определения эмоциональной тональности текста — так называемого «сентимент-анализа» [Prabowo et al., 2009] — контексты размечаются как положительно-оценочные, отрицательно-оценочные и нейтральные (внеоценочные). Затем производится количественная оценка соотношения долей негативной, позитивной и нейтральной тональности, а также осуществляется содержательная интерпретация полученных результатов.

Материалом исследования являются: (1) лексикографические толкования выражения *из кожи (вон) лезть*, представленные в основных русских словарях — толковых [ТСРЯ, Т. I, 1935; ССРЛЯ, т. V, 1956; СРЯ, т. II, 1986; БТСРЯ, 2000] и фразеологических [ФСРЯ, 1968; СОВРЯ, 1995; Федоров, 2008; БФСРЯ, 2024]; (2) контексты (по отдельности для варианта *из кожи (вон) лезть* и для варианта *лезть из кожи (вон)*), извлеченные из основного корпуса в составе Национального корпуса русского языка [НКРЯ]. Совокупный объем выборки составил 462 контекста в 417 текстах по ос-

новному корпусу (включая незначительное количество употреблений интересующей нас единицы с синонимическим опорным словом *вылезать* / *вылезти* — 11 контекстов в 10 текстах).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Ниже последовательно излагаются результаты: (1) анализа лексикографического материала; (2) анализа корпусных данных, для которых осуществлена количественная и качественная оценка.

3.1. Анализ лексикографических толкований фразеологизма *из кожи (вон) лезть*

В русских толковых словарях в целом семантика фразеологизма *из кожи (вон) лезть* трактуется единообразно: ‘стараться из всех сил’ [СРЯ, 1986, т. II, с. 168; БТСРЯ, 2000]; в БАС в толкование добавляется компонент ‘усердствовать’ [ССРЛЯ, 1956, т. V, стлб. 1109], а в словаре под ред. Д. Н. Ушакова — указание на разговорный характер: ‘*Из кожи (вон) лезть* (разг.) — очень стараться. *Из кожи лезут вон* — а возу всё нет ходу. Крлв.’ [ТСРЯ, 1935, т. I, стлб. 1392]. Нетрудно заметить, что в толкованиях отсутствует информация о какой-либо оценочности.

Примерно то же наблюдаем и во фразеологических словарях русского языка. Так, в словаре под ред. А. И. Молоткова практически повторяется толкование из БАС: ‘усердствовать, стараться из всех сил’ [ФСРЯ, 1968, с. 223], опять же без указания на оценочность; во фразеологическом словаре А. И. Федорова полностью аналогичная трактовка: ‘*Разг. Экспресс. Усердствовать, стараться из всех сил. Лукерья из кожи вон лезла, чтобы лучше сготовить обед, и превосходила самой себя в изобретении отменно приятных вкусу соусов и подливок* (Шолохов, Тихий Дон)’ [Федоров, 2008, с. 346] — уже сопровождается стилистическими пометами: разговорное и экспрессивное.

Более подробное толкование, которое сопровождается большим количеством иллюстративного материала, представлено в «Словаре образных выражений русского языка» под ред. В. Н. Телия, где также имеется помета «неформальное»: ‘*Из кожи <из шкуры> [вон] лезть <вылезать> кто*. Прилагать чрезвычайные, непомерные усилия для достижения своей цели. *Неформ. Кто* — лицо, группа лиц, социальный коллектив. Именная часть неизм. Порядок слов нефиксир.’ [СОВРЯ, 1995, с. 253]. Несмотря на то, что информация об оценочности тоже отсутствует, в этом толковании содержится ценное для целей нашего исследования указание на чрезмерность прилагаемых усилий («чрезвычайные, непомерные усилия»). Кроме того, значимым следует признать и включение прагматической характеристики коммуникативных условий речевой реализации фразеологизма:

действительно, в плане дальнейшей квалификации оценочного потенциала представляется важным, употребляется ли это выражение по отношению к III лицу, обращено ли оно к собеседнику во II лице или же характеризует самого говорящего в I лице.

В «Большом фразеологическом словаре русского языка» предыдущее толкование развернуто еще более подробно, при этом его основные принципы сохранены: *‘Из кожи [вон] лезть <вылезать, вылезти> кто. Стараться изо всех сил, проявлять усердие, делать всё возможное для достижения поставленной цели. Имеется в виду, что лицо или группа лиц, в случае олицетворения — государство, страна и т. п. (X) стремится к достижению цели, прилагая к этому чрезмерные усилия. Говорится с неодобрением. Неформ. X из кожи [вон] лезет’* [БФСРЯ, 2024, с. 268]. В лингвокультурологическом комментарии указывается, что фразеологизм «образован зооморфно-антропоморфной метафорой, уподобляющей человека змее, способной “вылезать” из своей **кожи**. < Фразеологизм. В целом выступает в роли стереотипного представления о ком-либо, кто для достижения поставленной цели прилагает чрезмерные усилия» [Там же, с. 268]. Именно в этом словаре мы впервые встречаем косвенное указание на возможное наличие отрицательной оценочности — «говорится с **неодобрением**». Указанная «неодобрительность» как раз и будет подвергнута тестированию на большом массиве корпусных данных.

В целях нашего исследования важно, что лишь в этом словаре указано в качестве отдельного и второе значение фразеологизма, которое реализуется только при наличии дополнительной валентности на роль экспериментера — *перед кем*: *‘И кожи [вон] лезть <вылезать> кто [перед кем]. Чрезмерно стараться, чтобы достичь поставленной цели; заискивать, раболепствовать. Имеется в виду, что лицо или группа лиц (X), не заботясь о собственном достоинстве, старается заслужить благосклонное отношение к своим усилиям со стороны более сильного или влиятельного лица, публики (Y). Говорится с неодобрением или с пренебрежением. Неформ. X из кожи [вон] лезет [перед Y-ом]’* [БФСРЯ, 2024, с. 269]. Как видим, здесь возможность негативно-оценочной интерпретации максимизируется. Негативная оценочность акцентируется и в лингвокультурологическом комментарии: «Образ фразеологизма в целом воспринимается на фоне представления о том, что поведение, подобное тому, когда **из кожи вон лезут** перед кем-л., недостойно человека; ср. С выражением *пресмыкаться перед кем-л.*» [Там же, с. 269]. Забегая вперед, скажем, что корпусный материал все же не дает оснований для выделения этого значения в качестве отдельного: всего несколько примеров с заполненной валентностью *перед* находятся в общем ряду контекстов отрицательно-оценочной интерпрета-

ции чрезмерности в приложении усилий. Но важно, что такие контексты однозначно реализуют именно негативную оценочную тональность.

В основе фразеологизма, таким образом, лежит концептуальная метафора, при которой изменение физического состояния существа из животного мира переосмысливается как характеристика внутреннего состояния человеческого существа. Когнитивная схема, лежащая в основе этого фразеологизма, описана в работе А. А. Дарикова следующим образом: «лицо, совершая движение *из кожи вон лезть*, принимает решение действовать, прикладывая максимальное усилие» [Дариков, 2020, с. 253]. Выход из собственной кожи интерпретируется при этом как неестественное состояние для субъекта, переход в которое не оправдывается возможным достижением намеченной цели.

Итак, по результатам анализа лексикографических данных мы можем выдвинуть гипотезу о наличии у фразеологизма *из кожи (вон) лезть* имплицитной негативной оценочности, которая практически не отражена в словарях или же отражена непоследовательно. Последнее, в принципе, вполне ожидаемо, потому что интересующая нас оценочность является **наведенной**, то есть имплицуемой ближайшим или дальнейшим контекстным окружением. Согласно замыслу нашего исследования, данную гипотезу следует проверить посредством анализа корпусных данных.

3.2. Корпусный анализ контекстов употребления фразеологизма *из кожи (вон) лезть*

Предлагаемый корпусно-дискурсивный подход, по сути, является попыткой объективировать наши интуитивные предположения о том, что говорящие по-русски, употребляя предикат *из кожи (вон) лезть*, склонны тем самым негативно оценивать соответствующие ему установки номинируемого субъекта. Проще говоря, с помощью анализа корпусных данных мы попытаемся выяснить: *из кожи (вон) лезть* — это в русском мире ценностей хорошо или плохо? Или, может быть, это не хорошо и не плохо?

Даже при беглом взгляде на собранный корпусный материал обнаруживается существенное преобладание контекстов с имплицитной негативной оценкой. Ниже мы приведем примеры типовых контекстов, где особые условия реализации интересующей нас единицы позволяют однозначно квалифицировать для ее употребления наведенную негативную оценочность. Прежде всего это контексты, где чрезмерные усилия прилагаются для достижения какой-либо недостойной, с точки зрения говорящего, цели: *Ипподром, Серпина, есть маленькая модель человеческой жизни: здесь все бегает по кругу и все равно **из кожи лезут вон**, чтобы друг друга обставить* (Николай Дежнев. Год бродячей собаки (2002)) [НКРЯ]; *Короче, **из кожи лез** вон, чтобы угодить, и в конце концов добился своего...*

(Юрий Вяземский. Шут (1982)) [НКРЯ]; ... *ибо очень уж большое число писателей, считавшихся даже «значительными», скурвились на моих глазах или лезут вон из кожи, чтобы поскорей скурвиться* (Виктор Астафьев. Зрячий посох (1978—1982)) [НКРЯ].

Это может быть негативная оценка эгоистических устремлений, карьерных соображений, погони за материальными благами и под.: *Все мои коллеги по работе и знакомые из кожи лезли, чтобы преуспеть по службе, обзавестись квартирами, дачами, машинами и т.п.* (А. А. Зиновьев. Русский эксперимент (1995)) [НКРЯ]; *Почему все друг друга презирают и из кожи вон лезут, чтобы было чем похвастаться — квартирами, шубами, прислужой, любовницами, машинами, сытой, жирной жизнью?* (Михаил Шишкин. Венерин волос (2004) // «Знамя», 2005) [НКРЯ].

Это может быть установка на разоблачение притворства, на развенчание мнимых, ложных, с точки зрения говорящего, претензий лица, о котором идет речь, на неискренность его мотивов: *Обычно писатели из кожи вон лезут, чтобы создать видимость информированности в специализации своих героев. Напрасно, надо сказать* (О. Г. Рогов. Один день Дениса Анатольевича // «Волга», 2009) [НКРЯ]; *Поэтому если к тебе подойдет странный субъект, который будет из кожи вон лезть, чтобы показать, как он тебя понимает и насколько он разделяет твои мысли и чувства, насторожись — наверняка товарищ сейчас мысленно прикидывает, где бы ему пропить выцыганенные у тебя бабки* (НЛП-гайд (2003) // «Хулиган», 15.12.2003) [НКРЯ].

Также типовой контекст наведения негативной оценочности может быть связан с включением фразеологизма в ряд однородных членов, обладающих эксплицитной отрицательной оценкой: *А в это время творческая интеллигенция, как бы искупая вину за молчание в недалекие времена, когда тех выдворяли из страны, не просто радовалась, но иной раз лебезила, заискивала, лезла из кожи* (Эльдар Рязанов. Подведенные итоги (2000)) [НКРЯ]; — ... *Ну, вот мы бьемся, барахтаемся, лезем вон из кожи, хотим протолкаться вперед, а зачем? Мне надоело... Можно совсем не жить, — сказал Атанияз. — Нет, жить я хочу* (Юрий Трифонов. Утоление жажды (1959—1962)) [НКРЯ]; *Что бы она ни придумала, он всё истолковывает по-своему: «Выпендривается жошата, из кожи лезет ... почётную грамоту хочет схватить, покрасоваться»* (А. И. Мусатов. Клава Назарова (1958)) [НКРЯ].

Негативная оценочность наводится в контекстах, когда и сам субъект при предикате *из кожи (вон) лезть* эксплицитно содержит отрицательную оценку: ... *за жалких стареющих эмигрантских дам, из кожи лезущих, чтобы уподобиться прирожденным парижанкам...* (Г. В. Адамович. Тэффи (1955)) [НКРЯ]; *Илья пишет, что «покровитель зла» из кожи вон ле-*

зет, чтобы зверские атомические бомбы были даны всему человечеству. Илья добавляет — верно, для того, чтобы всеобщая катастрофа скорей наступила (Н. К. Рерих. Листы дневника (1945)) [НКРЯ]; *Предатели из кожи вон лезли, чтобы хоть немного успокоить израненную, доживающую последние дни свои, немецкую душу. Они лаяли и хрипели в выброшенный наперед рупор...* (В. Н. Гельфанд. Дневники (1944—1946) [НКРЯ].

В более сложных случаях негативно-оценочная тональность порождается отрицательным смыслом всего контекста посредством прагмалингвистического механизма инференции — умозаключения, которое, по замыслу говорящего, адресат должен вывести сам с опорой на обстановку речи, «энциклопедические знания» или культурный фон [Русский язык ..., 2021].

Так, во фрагменте: *А вот уже исторический факт: каждый из участников убийства царской семьи до конца своих дней лез из кожи вон, чтобы доказать, что именно он, и никто другой, собственноручно застрелил Николая Кровавого* (Анатолий Кучерена. Бал беззакония (2000)) [НКРЯ] — наводится инференция: 'X прилагал невероятные усилия, чтобы доказать, что он сделал Y → Y оценивается как неблагоприятное дело → Действия X характеризуются как отрицательные'.

А во фрагменте: *Много странного и необъяснимого в этой войне. Помимо того, что, видимо, немало влиятельных людей материально заинтересованы в ее продолжении и из кожи вон лезут, чтобы не дать ей остановиться, дворцовые интриги, соперничество разных групп и лиц определяют ее ход* (Л. А. Левицкий. Дневник (1996)) [НКРЯ] — наводится инференция: 'X прилагают невероятные усилия, чтобы продолжить Y → Y оценивается как негативное явления → Действия X характеризуются как отрицательные'.

Инференция в негативно-оценочных контекстах употребления идиомы *из кожи (вон) лезть* часто выступает как средство создания стилистического приема иронии, посредством которой развенчивается неискренность мотивов субъекта действия или неблагоприятность достигаемой им цели: *А тот-то старается, из кожи лезет, все норовит показать, как он горит на работе и «служит партии», не считаясь ни со здоровьем, ни с возрастом* (А. С. Черняев. Дневник (1976) [НКРЯ]; *А ему очень хотелось быть значительным. Он из кожи лез, чтобы быть хорошим учеником. Лебезил перед учителями. Не раз был уличён в ябедничестве. Охотно брался за всё, где можно заслужить похвалу* (А. В. Кузнецов. Огонь // «Юность» № 3—4. 1969) [НКРЯ]. Как видим, здесь положительно окрашенные предикаты *гореть на работе*, *быть хорошим учеником* и пр. в качестве цели приложения усилий помещаются в остранныющие контексты с модальностью «кажимости», «видимости».

Следует отметить, что в массиве корпусных данных, пусть и в гораздо меньшем количестве, обнаружены и контексты употребления идиомы *из кожи (вон) лезть* с положительной тональностью. Однозначно наличие имплицитной позитивной оценочности можно квалифицировать в таких типовых контекстах, когда говорящий посредством предиката *из кожи (вон) лезть* от I лица характеризует собственную активность, потому что в прямых, неиронических употреблениях едва ли мы можем допустить саморазоблачительные речевые действия.

В этих случаях, как правило, говорящий положительно характеризует собственную деятельность, мотивацию или цели: *Я же из кожи лезу вон, чтобы у сына был достойный отец, теплый уютный дом, материальная база* (Н. Б. Саяпова. Дневник (1994) [НКРЯ]; *Мы из кожи лезли вон, чтобы в ящиках хоть что-то зеленело. В результате небольшое количество рассады все-таки выжило, а наше хозяйство мы стали называть «приусадебным»* (Н. Б. Саяпова. Дневник (1994) [НКРЯ]; *Хотя я из кожи вон лезу каждый день, чтобы сохранить в этом чванливом господине что-то человеческое и художническое* (Анатолий Эфрос. Профессия: режиссер (1975—1987)) [НКРЯ].

К рассмотренным выше случаям примыкают примеры употребления во II лице — в так называемом «обобщенно-личном употреблении», которое по умолчанию может быть отнесено говорящим к самому себе: *Володя: Кто меня просит? Непонятно. Вот и делай после этого людям добро. Ты для них из кожи вон лезешь, а тебе вместо благодарности в морду наплюют* (Л. Н. Разумовская. Дорогая Елена Сергеевна (1982)) [НКРЯ]; *Да дался ты кому со своей виной и долгом! Что ты лезешь из кожи к удивлению и неуважению своих близких? Кому ты нужен, со своими смирениями и жертвами!* (Андрей Битов. Вкус (1960—1999)) [НКРЯ].

В ряде примеров мы можем говорить и о положительной тональности для употреблений в III лице, если в прямом, экстенциональном, неироническом контексте реализуется установка говорящего на похвалу, одобрение или оправдание действий по отношению к лицу, о котором идет речь: *... им ничего не стоит убить невиновного человека, даже если этот человек из кожи вон лезет, лишь бы вернуть долг чести...* (Владимир Тучков. Смерть приходит по Интернету // «Новый Мир», 1998) [НКРЯ]; *Донат Аркадьевич и Татьяна Илларионовна, из кожи лезли они, чтобы лучше его одеть, послаще накормить* (Виктор Астафьев. Прокляты и убиты. Книга первая. Чертова яма (1995)) [НКРЯ]; *Добрее ее (правда, и ворчливее) нет человека на свете. Русская, из первой эмиграции еще, она из кожи вон лезет, чтобы помочь людям* (Виктор Некрасов. Взгляд и Нечто (1977)) [НКРЯ].

Как и в случаях с наведенной негативной оценочностью, оценочность положительная также может имплицироваться общим смыслом всего контекста посредством прагмасемантического механизма инференции.

Так, в примере: *Мы из кожи лезли вон, чтобы в ящиках хоть что-то зеленело. В результате небольшое количество рассады все-таки выжило, а наше хозяйство мы стали называть «приусадебным»* (Н. Б. Саяпова. Дневник (1994)) [НКРЯ] — наводится инференция 'X прилагали усилия для достижения нужного результата → Достигнутый результат (сохранение рассады для дальнейших посадок) рассматривается говорящим как необходимый, целесообразный, то есть оценивается положительно'.

А в примере: *Не доверяя приборам, он побежал проверить: может быть, кочегары ленятся, плохо работают? Нет, кочегары из кожи лезут, чтобы держать пар на марке. Они часто подбрасывали уголь большими прямоугольными лопатами, шуровали в топках длинными тяжелыми ломami. Топки, полные огня, яростно гудели* (К. С. Бадигин. Секрет государственной важности (1974)) [НКРЯ] — наводится инференция 'X усиленно работают → Достигается нужный результат (исправное функционирование топок) → Достигнутый результат оценивается положительно'.

Наконец довольно большое количество примеров мы интерпретировали как нейтральные, внеоценочные. Это характерно для случаев, в которых просто актуализуется сема интенсивного приложения усилий: *Потом Манька пошла в первый класс и влюбилась в мальчика из параллельного «Г». Звали мальчика Араратом, и отчаянно грассирующая Манька из кожи вон лезла, чтобы правильно произнести его имя* (Наринэ Абгарян. Всё о Манюне (сборник) (2012)) [НКРЯ]; *Как только сетевые супермаркеты получают все, что могут, маленьким магазинам придется из кожи вон лезть, чтобы как-то выживать...* (Ольга Цыбульская. Непохожая еда // «Русский репортер», № 29 (29), 20—27 декабря 2007) [НКРЯ]; *Дирижировал Игорь Самович. Из кожи вон лез* (В. А. Швец. Дневник (1973)) [НКРЯ]; *Он лез из кожи вон, раздавая билеты на бенефис черноглазой мисс, ежедневно приносил в редакцию пламенные и длинные заметки об ее удивительных номерах...* (А. И. Куприн. Локон (1895)) [НКРЯ].

В типовых контекстах нейтрального характера внеязыковая обстановка речи или непосредственное речевое окружение в целом, включая возможные импликации, не дают оснований для какой-либо оценочной интерпретации мотивов действий, их цели или самого действующего субъекта: *А в музыкальной школе есть дети почти без слуха. Им долбят на рояле одну ноту десять раз. Они из кожи лезут вон, чтобы запеть,* — и ничего (Людмила Гурченко. Аплодисменты (1994—2003)) [НКРЯ]; *Сама по себе пьеса мало оригинальна и даже надумана, если не считать отдельных*

удачных эпизодов. Поставлена в современном стиле с джазовой музыкой. Играла молодежь. Все **из кожи лезли, чтобы рассмешить публику**, и это много раз получалось (В. А. Шве́ц. Дневник (1970)) [НКРЯ]; Конкуренция в этом бизнесе очень велика, поэтому изобретатели игрушек **лезут из кожи вон, чтобы удивить ребенка** (Елена Маслова. Во что играют наши дети (2003) // «Встреча» (Дубна), 12.02.2003) [НКРЯ].

Обратим внимание, что для ряда контекстов, по формально-языковым соображениям размеченных нами как нейтральных, все же обнаруживается какой-то трудноуловимый негативно-оценочный «шлейф»: *Где надо быть каменным, реагирую с горячностью, простительной юнцу, но не человеку моего возраста. Видно, хоть **из кожи лезь вон**, а никуда от себя не деться* (Л. А. Левицкий. Дневник (1995)) [НКРЯ]; — *Не хочется говорить жестокие слова, но ты ведь умный, Саня... На твоей высоте нельзя остаться хорошим для всех, напрасный труд ... Зачем же **из кожи лезть**, стараться делать вид?* (Петр Проскурин. Черные птицы (1983)) [НКРЯ]. В подобных случаях, видимо, говорящий выражает неприятие самого факта чрезмерного приложения усилий для достижения какой-либо цели, сомневается в его необходимости или целесообразности вообще, в любой ситуации.

3.3. Квантитативный анализ имплицитной оценочности фразеологизма **из кожи (вон) лезть** и содержательная интерпретация данных

Согласно принятой концепции исследования, на его следующем этапе проводится квантитативный анализ размеченных контекстов по первым 100 вхождением в корпус. Для большей точности подсчет осуществлялся раздельно для варианта **из кожи (вон) лезть** и для варианта **лезть из кожи (вон)**. Результаты анализа приводятся в таблице (табл. 1).

Таблица 1

Количественный анализ контекстов употребления
фразеологизма **из кожи (вон) лезть** / **лезть из кожи (вон)**

Тип оценочности	Частотность, в %	
	<i>из кожи (вон) лезть</i>	<i>лезть из кожи (вон)</i>
Контексты с негативной оценочностью	57	56
Нейтральные, внеоценочные контексты	28	31
Контексты с позитивной оценочностью	15	13

Как видим, колебания в процентной доле реализации обоих вариантов незначительны, в пределах 1—2 %. Оценка результатов количественного анализа выявила почти двукратное преобладание контекстов с негативной

тональностью над контекстами нейтральными и почти четырехкратное — над контекстами с тональностью положительной. Ранее нами была эмпирически определена пороговая величина в 55—60 %, которая является вероятностно-статистическим индикатором наличия у тестируемой единицы имплицитной оценочности того или иного знака. Полученный в ходе количественного анализа показатель в 56—57 % позволяет констатировать существенный «дрейф» семантической ауры фразеологизма *из кожи (вон) лезть / лезть из кожи (вон)* в направлении развития негативно-оценочного потенциала.

Далее мы попытаемся дать содержательную интерпретацию полученных данных. Думается, что объективированное в ходе нашего исследования наличие имплицитной негативной оценочности для анализируемого фразеологизма можно связать с существующими в русской языковой картине мира культурными принципами, в соответствии с которыми отрицательно оценивается любая чрезмерность, излишне сильное проявление чего-либо как отклонение от интуитивно ощущаемой говорящими нормы. Что-то подобное мы наблюдали и в ходе анализа фразеологизма *из ряда вон выходящий*, который также обнаружил имплицитную негативную оценку лиц, объектов, явлений, событий и пр., которые каким-то образом выделяются из ряда им подобных¹.

Сходные рассуждения представлены и в лингвокультурологическом комментарии к фразеологизму в «Большом фразеологическом словаре русского языка» под ред. В. Н. Телия: «Образ фразеологизма прочитывается на фоне установок культуры, согласно которым человек всегда должен оставаться самим собой, не жертвовать своим обликом, своей «формой» ради какой бы то ни было цели; у человека не должно быть целей, ради которых он бы изменил божественный замысел» [БТФСРЯ, 2024, с. 269].

В нашем корпусном материале также имеется ряд примеров, которые в целом подтверждают идею о том, что излишнее усердствование, чрезмерность в проявлении усилий со стороны кого-либо не одобряются носителями русского языка сами по себе: *Впрочем, пусть не поймут меня так, что надо из кожи лезть вопреки рассудку. Нет, из кожи лезть, конечно, не нужно, но и «рассудок», божье мой, этот «рассудок» так надоел...* (Анатолий Эфрос. Профессия: режиссер (1975—1987)) [НКРЯ]; *Леонов преуспел в этом больше других, и очень по-русски, задушевно, широко, не всегда складно, без стараний, не так, чтобы из кожи лезть, а уж как получится* (М. А. Захаров. Театр без вранья (2007)) [НКРЯ]; *Итак, хлопо-*

1 Неопубликованный доклад на семинаре Научной группы «Лингвокультурологические исследования», посвященный памяти Дмитрия Борисовича Гудкова (Институт языковедения РАН, 25.04.2025).

татья о даче буду, но из кожи лезть не стану и против рожна прать не считаю возможным (К. И. Чуковский, Н. К. Чуковский. Переписка Корнея и Николая Чуковских (1940) [НКРЯ].

Они, как правило, оцениваются отрицательно даже в случае наличия, казалось бы, вполне достойной цели: *Помещик из кожи вон лезет, чтобы совершить нечто славное, громкое, значительное. Помещик собирает толпы восторженного народа — один сосед не обращает на него никакого внимания* (М. К. Кантор. Честный англичанин (2011)) [НКРЯ]; *Дизайнеры из кожи вон лезут, чтобы результат их работы приковал внимание. А на деле? Да, внешность автомобилей порой получается незаурядной. Но реакция публики, особенно на первых порах, не безоговорочно одобрительная* (Анатолий Фомин. Шикарный минимум (2004) // «За рулем», 15.03.2004) [НКРЯ].

Часто отрицательная оценка связана с неприятием неискренности, позорного характера чьих-либо действий или ложных претензий на что-то значительное: *Но вот каждая религия из кожи лезет, чтобы выделить себя: мы — ПРАВОславные, мы — ПРАВОверные, мы — БОГОизбранные и так далее до любой секты, до любого безграмотного шамана, накурившего опиума или поевшего ядовитых грибочков ...* (Д. Н. Каралис. Дневник (2009) [НКРЯ]; *Теткина дочка назвала подружек, и все мы из кожи лезли, чтобы показать, какие мы учтивые, галантные и необыкновенно воспитанные кавалеры* (С. И. Шуртаков. Возвратная любовь (1970) [НКРЯ]; *Был он «из городовиков» и, подобно мне, всемерно тужившемуся казаться передовым, и матрос Петро из кожи вон лез, чтобы только оправдать почетное звание «красы и гордости русской революции»* (Н. Б. Нечуй-Левицкий. Бог поругаем не бывает // «Вольное казачество» № 57, 1930) [НКРЯ].

Наши выводы о негативно-оценочном потенциале фразеологизма *из кожи (вон) лезть* подтверждаются и «отрицательным языковым материалом», то есть искусственно подобранными примерами, которые производят впечатление в каком-либо отношении неправильных [Щерба, 2007]. Так, едва ли можно сказать по-русски, в прямом, нейроническом употреблении, что-то вроде **Х из кожи вон лез, чтобы пожертвовать собой / чтобы совершить подвиг / чтобы проявить милосердие / чтобы творить добро* и под. Судя по всему, рассмотренные в нашем исследовании прагматические особенности идиомы *из кожи (вон) лезть* препятствуют возможности ее употребления в высказываниях, которые содержат суждения о безусловных, аксиоматических, так сказать, подлинно положительных ценностях. Носителю этих ценностей в русском мире как бы «запрещено» *из кожи вон лезть* для их воплощения в своем поведении.

4. Заключение = Conclusions

В настоящем исследовании выявлен и верифицирован посредством объективных языковых данных негативно-оценочный потенциал русского фразеологизма *из кожи (вон) лезть*, который входит в целый кластер аналогичных русских экспрессивных устойчивых выражений с семантикой превышения предела, отклонения от нормы.

Предложенная в работе научная процедура корпусно-дискурсивного анализа имплицитной оценочности слов и выражений русского языка как авторская версия применения аналитического инструментария «квантитативной лингвокультурологии» подтвердила свою валидность в решении проблемы объективации лингвокультурологического знания посредством включения в предметную область исследования больших массивов корпусных данных.

Думается, что наш подход можно успешно распространить на любые разновидности дискурсивных практик, отраженных в корпусах: медийный дискурс, художественный дискурс, разговорная речь, социальные сети и пр., в том числе и в сопоставительном аспекте, с учетом возможной спецификации по частотности контекстов реализации имплицитной оценочности того или иного знака для исследуемых единиц в том или ином типе дискурса.

Другая возможность приложения разработанного исследовательского аппарата кроется в его использовании в рамках так называемого «микродиакронического корпусного анализа», который, при условии его выполнения на материале сформированных подкорпусов разных, близких по времени хронологических срезов, призван диагностировать динамику изменений значений анализируемых единиц во времени, скорость этих изменений, их направление и пр.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. БТСРЯ — *Большой толковый словарь русского языка* / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1536 с. — ISBN 5-7711-0015-3.
2. БФСРЯ — *Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий* / Отв. ред. В. Н. Телия. — 6-е изд. — Москва : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2024. — 784 с. — ISBN 978-5-6050897-0-4.
3. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://ruscorpora.ru> (дата обращения 11.12.2025).

4. СОВРЯ — *Словарь* образных выражений русского языка / Т. С. Аристова, М. Л. Ковшова, Е. А. Рысева и др. : Под ред. В. Н. Телия. — Москва : Отечество, 1995. — 368 с. — ISBN 5-7072-0023-1.
5. СРЯ — *Словарь* русского языка : в 4-х томах / Академия наук СССР, Институт русского языка им. В. В. Виноградова ; под ред. А. П. Евгеньевой. — Изд. 3-е, стереотипн. — Москва : Русский язык, 1985—1988. — Т. II : К-О. — 1986. — 736 с.
6. ССРЛЯ — *Словарь* современного русского литературного языка : в 17 т. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950—1965. — Т. V : И-К. — 1956. — 1918 стлб.
7. ТСРЯ — *Толковый словарь* русского языка : в 4-х т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. — Москва : ОГИЗ «Советская энциклопедия», 1935. — Т. I. — 1566 стлб.
8. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. — Москва : Астрель : АСТ, 2008. — 828 с. — ISBN 978-5-17-049014-1.
9. ССРЯ — *Фразеологический словарь* русского языка. Свыше 4000 словарных статей / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров ; Под ред. А. И. Молоткова. — Изд. 2-е, стереотипн. — Москва : Советская энциклопедия, 1968. — 543 с.

Литература

1. Березович Е. Л. Славянские соматизмы «кожа» и «шкура» и их вторичные значения / Е. Л. Березович, И. А. Седакова // *Известия РАН. Серия литературы и языка.* — 2012. — Т. 71. — № 6. — С. 12—25.
2. Даригов А. А. Виды и подвиды перцептивного компонента, представленного в образе фразеологизма / А. А. Даригов // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* — 2020. — Т. 13. — Выпуск 9. — С. 251—255. — DOI: 10.30853/filnauki.2020.9.46.
3. Дронов П. С. Очерки по культурным трансферам в лингвокультурологии : монография / П. С. Дронов. — Москва : Институт языкознания РАН, 2018. — 102 с. — ISBN 978-591730-815-9.
4. ДУША и ТЕЛО в аспекте сопоставительного анализа концептов культуры : материалы к лингвокультурологическому фразеологическому словарю русско-казахских соответствий / Т. Б. Радбиля, Г. А. Ахметжанова, Ж. Ж. Жумагулова, А. Е. Сералиева, Г. Е. Сералиева // *Научный диалог.* — 2020. — № 3. — С. 127—150. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-127.
5. Зыкова И. В. Метаязык лингвокультурологии : Константы и варианты : монография / И. В. Зыкова. — Москва : Гнозис, 2017. — 752 с. — ISBN 978-5-94244-056-5.
6. Иванова Е. Е. Слово во фразеологизме и фразеологизм среди слов : монография / Е. Е. Иванова. — Курган : Изд-во Курганского государственного университета, 2005. — 132 с. — ISBN 5-86238-768-3.
7. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии : Коды культур / М. Л. Ковшова. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 456 с. — ISBN 978-5-397-02652-9.
8. Красных В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психолингвокультурологии / В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2016. — 496 с. — ISBN 978-5-94244-051-0.
9. Ломакина О. В. Фразеология в тексте : функционирование и идиостиль : монография / О. В. Ломакина ; под ред. В. М. Мокиенко. — Москва : РУДН, 2018. — 344 с. — ISBN 978-5-209-08853-0.

10. Маслова В. А. Культурно-национальная специфика русской фразеологии / В. А. Маслова // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках : сборник статей. / Институт языкознания РАН ; отв. ред. В. Н. Телия. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — С. 69—76. — ISBN 5-94457-178-0.
11. *Новые тенденции в русском языке начала XXI века* : коллективная монография / под ред. Л. В. Радцбургской. — Москва : Флинта ; Наука, 2016. — 304 с. — ISBN 978-5-9765-1810-0.
12. Радбиль Т. Б. Языковое воплощение ценностей в медиадискурсе интернета по данным корпусного анализа репрезентативных контекстов (лексема *по-хорошему*) / Т. Б. Радбиль // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 170—189. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189.
13. *Русский язык в интернет-коммуникации* : лингвокогнитивный и прагматический аспекты : Коллективная монография / под ред. Л. В. Радцбургской. — Москва : Флинта, 2021. — 328 с. — ISBN 978-5-9765-4454-3.
14. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. — 288 с. — ISBN 5-88766-047-3.
15. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры : Сборник научных трудов. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — С. 13—24. — ISBN 5-88766-061-9.
16. Утехин И. В. Представления русских о коже / И. В. Утехин // Кодови словенских култура. — 1999. — № 4. — С. 9—110.
17. Чернявская В. Е. Дискурсивный анализ текста и корпусные методы : монография / В. Е. Чернявская, М. В. Хохлова. — Москва : URSS, 2024. — 224 с. — ISBN 978-5-00237-062-7.
18. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. — Изд. 3-е, стер. — Москва : URSS, КомКнига, 2007. — 427 с. — ISBN 978-5-484-00927-8, 5-484-00927-8.
19. Black E. *Pragmatic Stylistics* / E. Black. — Edinburgh : Edinburgh University Press Ltd., 2006. — 316 p.
20. Firth J. R. *Papers in Linguistics : 1934—1951* / J. R. Firth. — Oxford : Oxford University Press, 1957. — 233 p.
21. Louw W. *Corpus Stylistics as Contextual Prosodic Theory and Subtext* / W. Louw, M. Milojkovic. — Amsterdam : John Benjamins, 2016. — 420 p.
22. Noveck I. *Experimental Pragmatics : The Making of a Cognitive Science* / I. Noveck. — Cambridge UK : Cambridge University Press, 2021. — 282 p.
23. Prabowo R. *Sentiment analysis : A combined approach* / R. Prabowo, M. Thelwall // *Journal of Informetrics*. — 2009. — № 3 (2). — Pp. 143—157.
24. Scarantino A. *How to Do Things with Emotional Expressions : The Theory of Affective Pragmatics* / A. Scarantino // *Psychological Inquiry*. — 2017. — № 28 (2—3). — Pp. 65—185. — DOI: 10.1080/1047840X.2017.1328951.
25. Sinclair J. M. *Corpus, concordance, collocation* / J. M. Sinclair. — Oxford : Oxford University Press, 1991. — 179 p.

Статья поступила в редакцию 18.10.2025,
одобрена после рецензирования 02.12.2025,
подготовлена к публикации 18.01.2026.

Material resources

- BFSRYA — Teliya, V. N. (ed.). (2024). *Comprehensive Phraseological Dictionary of the Russian Language. Meaning. Usage. Cultural Commentary*, 6th ed. Moscow: AST Press School. 784 p. ISBN 978-5-6050897-0-4. (In Russ.).
- BTSRYA — Kuznetsov, S. A. (ed.). (2000). *Large Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Saint-Petersburg: Norint. 536 p. ISBN 5-7711-0015-3. (In Russ.).
- FSRYA — Molotkov, A. I. (ed.) (1968). *Phraseological Dictionary of the Russian Language. Over 4000 Dictionary Entries*, 2nd ed., stereotyp. Moscow: Soviet Encyclopedia. 543 p. (in Russ.).
- NKRYA — *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru>. (accessed 12.11.2025). (In Russ.).
- Fedorov, A. I. (2008). *Phraseological Dictionary of the Russian Standard Language: About 13,000 Phraseological Units*, 3rd ed., corr. Moscow: Astrel; AST. 828 p. ISBN 978-5-17-049014-1. (In Russ.).
- SOVRYA — Telia, V. N. (ed.). (1995). *Dictionary of Figurative Expressions of the Russian Language*. Moscow: Fatherland. 368 p. ISBN 5-7072-0023-1. (In Russ.).
- SRYA — Evgenieva, A. P. (ed.). (1985). *Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes*, 2. Moscow: Russian Language. 696 p. (In Russ.).
- The SSRLYA — *Dictionary of Modern Russian Standard Language: in 17 volumes*, 5. (1956). Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1918 cols. (In Russ.).
- TSRYA — Ushakov, D. N. (ed.). (1935). *Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes*, 1. Moscow: OGIZ “Soviet Encyclopedia”. 1566 cols. (In Russ.).

References

- Berezovich, E. L., Sedakova, I. A. (2012). Slavic Somatisms “Skin” and “Hide” and Their Secondary Meanings. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Series of Literature and Language*, 71 (6): 12—25. (In Russ.).
- Black, E. (2006). *Pragmatic Stylistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd. 316 p.
- Chernyavskaya, V. E., Khokhlova, M. V. (2024). *Discursive text analysis and corpus methods: A Monograph*. Moscow: URSS. 224 p. ISBN 978-5-00237-062-7. (In Russ.).
- Darikov, A. A. (2020). Types and Subtypes of the Perceptual Component Presented in the Image of a Phraseological Unit. *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*, 13 (9): 251—255. DOI: 10.30853/filnauki.2020.9.46. (in Russ.).
- Dronov, P. S. (2018). *Essays on Cultural Transfers in Linguistics: A Monograph*. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. 102 p. ISBN 978-591730-815-9. (In Russ.).
- Firth, J. R. (1957). *Papers in Linguistics: 1934—1951*. Oxford: Oxford University Press. 233 p.
- Ivanova, E. E. (2005). *The Word in a Phraseologism and a Phraseologism Among Words: A Monograph*. Kurgan: Publishing House of Kurgan State University. 132 p. ISBN 5-86238-768-3. (In Russ.).
- Kovshova, M. L. (2013). *The Lingvocultural Method in Phraseology: Codes of Cultures*. Moscow: LIBROKOM Book House. 456 p. ISBN 978-5-397-02652-9. (In Russ.).
- Krasnykh, V. V. (2016). *Dictionary and Grammar of Language Culture. Fundamentals of Psycholinguistic Cultural Studies*. Moscow: Gnosis. 496 p. ISBN 978-5-94244-051-0. (In Russ.).
- Kustova, G. I. (2004). *Types of Derived Meanings and Mechanisms of Language Expansion*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 472 p. ISBN 5-9551-0022-9. (In Russ.).

- Lomakina, O. V., Mokienko, V. M. (ed.). (2018). *Phraseology in the Text: Functioning and Idiostyle: A Monograph*. Moscow: People's Friendship University of Russia Publ. 344 p. ISBN 978-5-209-08853-0. (In Russ.).
- Louw, W., Milojkovic, M. (2016). *Corpus Stylistics as Contextual Prosodic Theory and Subtext*. Amsterdam: John Benjamins. 420 p.
- Maslova, V. A. (2004). Cultural and National Specificity of Russian Phraseology. *Cultural Layers in Phraseologisms and in Discursive Practices: A Collection of Articles*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 69—76. ISBN 5-94457-178-0 (in Russ.).
- Noveck, I. (2021). *Experimental Pragmatics: The Making of a Cognitive Science*. Cambridge UK: Cambridge University Press. 282 p.
- Prabowo, R., Thelwall, M. (2009). Sentiment Analysis: A Combined Approach. *Journal of Informetrics*, 3 (2): 143—157.
- Radbil, T. B. (2020). SOUL and BODY in the Aspect of Comparative Analysis of Cultural Concepts: Materials for the Linguocultural Phraseological Dictionary of Russian-Kazakh Correspondences. *Nauchnyi dialog*, 3: 127—150. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-127. (In Russ.).
- Radbil, T. B. (2023). Linguistic Embodiment of Values in Internet Media Discourse: A Corpus Analysis of Representative Contexts (the Lexeme 'po-khoroshemu'). *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 170—189. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189>. (In Russ.).
- Ratsiburskaya, L. V. (ed.). (2016). *New Trends in the Russian Language of the Beginning of the 21st Century: A Collective Monograph*. Moscow: Flinta; Nauka Publ. 304 p. — ISBN 978-5-9765-1810-0. (In Russ.).
- Ratsiburskaya, L. V. (ed.). (2021). *Russian Language in Internet Communication: Linguocognitive, Cognitive and Pragmatic Aspects: A Collective Monograph*. Moscow: Flint. 328 p. ISBN 978-5-9765-4454-3. (In Russ.).
- Scarantino, A. (2017). How to Do Things with Emotional Expressions: The Theory of Affective Pragmatics. *Psychological Inquiry*, 28 (2—3): 65—185. DOI: 10.1080/1047840X.2017.1328951.
- Shcherba, L. V. (2007). *Language System and Speech Activity*, 3rd ed., reprinted. Moscow: URSS, KomKniga. 427 p. ISBN 978-5-484-00927-8, 5-484-00927-8. (In Russ.).
- Sinclair, J. M. (1991). *Corpus, concordance, collocation*. Oxford: Oxford University Press. 179 p.
- Telia, V. N. (1996). *Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic, and Linguocultural Aspects*. Moscow: School "Languages of Russian Culture". 288 p. ISBN 5-88766-047-3. (In Russ.).
- Telia, V. N. (1999). Priority Tasks and Methodological Problems of Studying the Phraseological Composition of Language in the Context of Culture. *Phraseology in the Context of Culture: A Collection of Scientific Papers*. Moscow: Languages of Russian Culture. 13—24. ISBN 5-88766-061-9. (In Russ.).
- Utekhin, I. V. (1999). Russian Ideas about Leather. *Kodovi slovenskih kultura*, 4: 9—110.
- Zykova, I. V. (2017). *Metalanguage of Linguistics: Constants and Variants: A Monograph*. Moscow: Gnosis. 752 p. ISBN 978-5-94244-056-5. (In Russ.).

*The article was submitted 18.10.2025;
approved after reviewing 02.12.2025;
accepted for publication 18.01.2026.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(1), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Райскина В. А. Языковые маркеры литературы идей в философско-рефлексивной парадигме (на материале «Опытов» М. Монтеня) / В. А. Райскина // Научный диалог. — 2026. — Т. 15. — № 1. — С. 88—107. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-88-107.

Rayskina, V. A. (2026). Language Markers of Idea Literature in Philosophical Reflexive Paradigm: A Case Study of Michel de Montaigne's "Essais". *Nauchnyi dialog*, 15 (1): 88-107. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-88-107. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Языковые маркеры литературы идей в философско- рефлексивной парадигме (на материале «Опытов» М. Монтеня)

Райскина Валерия Александровна

orcid.org/0000-0003-0610-6458

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры романских языков
и лингводидактики
rayskinav@mail.ru

Московский городской
педагогический университет
(Москва, Россия)

Language Markers of Idea Literature in Philosophical Reflexive Paradigm: A Case Study of Michel de Montaigne's "Essais"

Valeria A. Rayskina

orcid.org/0000-0003-0610-6458

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Romance Languages
and Linguodidactics
rayskinav@mail.ru

Moscow City University
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выполнен анализ языковых маркеров литературы идей в философско-рефлексивной парадигме на материале «Опытов» М. Монтеня. Актуальность исследования определяется необходимостью в формализации критериев выделения текстов «литературы идей» посредством выявления языковых средств, отражающих рефлексивную природу и тезисно-аргументативную структуру текста. Применен лингвоаксиологический подход, проведен контент-анализ для выявления средств вербализации онтологических концептов, тезисов и приемов их аргументации. Материалы для анализа извлечены из онлайн-корпуса MonLOE, который предоставляет доступ к цифровой версии рукописей «Опытов» 1588 года, возможности для автоматического поиска и анализа языковых единиц. Используется термин *эссема*. Под *эссемой* понимается оценочная конструкция, вербализующая субъективные аксиологические истины. Показано, что в рамках литературы идей ключевые эссемы реализуют функцию субъективации смысла онтологических концептов: MORT (смерть), HOMME (человек), RAISON (разум), NATURE (природа, бытие), SAVOIR (знание), MONDE (мир), USAGE (привычка), VERTU (добродетель), VÉRITÉ (истина). В ходе описания особенностей текстовой модальности эссе как рефлексивного жанра на примере «Опытов» М. Монтеня в контексте литературы идей выделены афористичность, экзemplификация, интертекстуальность и апелляция к авторитету как эффективные аргументативные приемы. Новизна исследования видится в выявлении и систематизации языковых механизмов концептуализации идеи в философском эссе в диахроническом измерении.

Ключевые слова:

литература идей; рефлексивный дискурс; эссема; тезис; аргумент; онтологический концепт; Монтень.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates language markers of idea literature within a philosophical reflexive paradigm using the material from Michel de Montaigne's "*Essais*". The relevance of this research lies in formalizing criteria for identifying texts belonging to "idea literature" by examining linguistic means that reflect their reflective nature and thesis-driven argumentative structure. Employing a linguoaxiological approach, content analysis was conducted to identify verbalizations of ontological concepts, arguments, and persuasive techniques. Data were extracted from the online corpus MonLOE, which provides access to digital manuscripts of the 1588 edition of "*Essais*", enabling automated search and analysis of linguistic units. The term *essema*, defined as an evaluative construction expressing subjective axiological truths, is introduced. It is demonstrated how key *essemas* function to subjectivize meanings of core ontological concepts such as DEATH (*mort*), MAN (*homme*), REASON (*raison*), NATURE (*nature*), KNOWLEDGE (*savoir*), WORLD (*monde*), CUSTOM (*usage*), VIRTUE (*vertu*), TRUTH (*vérité*). Through detailed examination of textual modality features characteristic of essays as a reflexive genre — such as aphoristic expression, exemplification, intertextuality, and appeals to authority — the study highlights effective rhetorical strategies employed in Montaigne's work. The novelty of this investigation resides in uncovering and systematizing linguistic mechanisms underlying conceptualization processes in philosophical essays across diachronic dimensions.

Key words:

Idea literature; reflexive discourse; *essema*; thesis; argumentation; ontological concept; Montaigne

УДК 811.133.1'42::141.1

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-88-107

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Языковые маркеры литературы идей в философско-рефлексивной парадигме (на материале «Опытов» М. Монтеня)

© Райскина В. А., 2026

1. Введение = Introduction

В современном жанроведении выделяется два вектора дефинирования термина *литература идей* (*literature of ideas*, *littérature d'idées*), обозначающего литературоведческое направление: философско-рефлексивный (представлен в русско- и франкоязычных исследованиях) и фантастический (англоязычная традиция). Отметим при этом, что выражение *литература идей* не зафиксировано в научных публикациях на русском языке. В англоязычном научно-публикационном пространстве терминологическое сочетание *literature of ideas*, напротив, представлено редкими публикациями, посвященными рассмотрению особенностей произведений научной фантастики конца XX века. Видится, что понятие «литература идей» не теоретизировано и не имеет терминологической фиксации в научном дискурсе: несмотря на широкое употребление выражения *literature of ideas*, его содержательное наполнение остается неоднородным и порождает фундаментальное расхождение в понимании жанровых маркеров данных текстов. Ввиду этого научная проблема данного исследования заключается в необходимости уточнения дефиниции и функциональной типологии литературоведческого направления *литература идей*, а также в установлении его лингвопрагматических маркеров.

Степень исследованности текстов, относящихся к *литературе идей*, неоднородна. Затрудняет концептуализацию данного понятия факт, что в русскоязычных публикациях *литература идей* фактически не теоретизируется, а лишь упоминается в исследованиях, посвященных различным литературным жанрам от фантастики и фэнтези [Ефимова и др., 2018] до философской прозы [Камнев, 2002]. В зарубежных публикациях данному понятию посвящен ряд исследований в историко-литературных, методических и эссеистических контекстах [Gray et al., 1994; Costentin et al., 2000; Gilks et al., 2003].

Актуальность настоящей работы определяется необходимостью комплексного лингвокогнитивного анализа текстовых маркеров литературы идей как особого типа рефлексивного дискурса в условиях современного интереса к трансдискурсивным жанрам. Анализ «Опытов» М. Монтеня как архетипического текста, который можно отнести к *littérature d'idées*, позволяет выявить истоки и механизмы порождения данного типа дискурса. В исследовании впервые предпринимается попытка описательного уточнения дефиниции понятия «литература идей» как рефлексивного дискурса с аргументативной структурой и онтологической тематикой. Применение методов корпусного и лингвоаксиологического анализа к классическому тексту позволило эмпирически выявить и структурировать языковые маркеры текста литературы идей.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для исследования языковых маркеров текста литературы идей послужило издание «Опытов» М. Монтеня 1588 года, размещенное в корпусе MonLOE [MonLOE], который предоставляет доступ к тексту рукописи, а также к инструментам автоматического поиска лексических единиц и их частотного анализа. Процедура анализа языковых маркеров включает: 1) выделение онтологических концептов и выявление контекстов их субъективации через эссеи; 2) исследование параметров тезиса как текстопорождающего элемента; 3) описание аргументативных приемов и тактик.

Классический подход предполагает включение в круг произведений, относящихся к направлению «литература идей», текстов, в которых основное внимание уделяется выражению философских, социальных или политических концепций. Исследование философских вопросов и интеллектуальных проблем в прагматике автора опережает сюжетные, персонажные или эстетические характеристики произведения. В произведении ключевое значение приобретает идея, ее концептуализация и проблематизация, то есть глубокая диалектическая аргументация зачастую противоположных положений философской проблемы.

На заре XIX века французская писательница и теоретик литературы с признанием в Европе Мадам де Сталь устанавливает границу между *littérature d'idées* (литература идей) и *littérature d'imagination* (литература воображения); к последнему относится *littérature de fiction*, сохраняющая философскую глубину именно за счет художественного измерения [Lottégie, 2004, p. 20; Авраменко, 2021, с. 121]. В концепции дискурсивных жанров французского литературоведа Ж. Женетта *литература идей* получает косвенное определение как часть *discours argumentatif* (аргументативная речь) [Genette, 1979] в противопоставлении ее повествовательным и дра-

матическим жанрам по принципу приоритета рефлексии над нарративом и эстетикой. Ранее в сборнике статей «Figures III» [Genette, 1972] Ж. Женетт обращался к эссе как к примеру гибридного жанра на границе литературы и философии, в котором художественный стиль подчинен потребности выражения идеи и аргументации в субъективном высказывании. Французские литературные критики Ф. Грей и А. Тибоде пишут о том, что судьба французской литературы с XVI века — стать литературой идей, имея в виду литературу конфликта идей, противоречия и диалога [Gray et al., 1994, p. 183]. Таким образом, можно говорить об особом эссеистичном модусе выражения идей. Наконец, в обзорном исследовании классической французской литературы *littérature d'idées* сближается с такими понятиями и характеристиками, как *réflexions morales* (размышления о морали и нравственности), *littérature savante* (научная литература в общем смысле понятия) и *réflexion scientifique* (специализированные научные разыскания) [Dubois, 2016, p. 146].

Литература идей близка философской прозе и эссеистике, строящейся на субъективной авторской рефлексии в поиске конструирования собственного понимания бытия и человека. В философском понимании литературу идей характеризует выраженная диалогичность, влияние на читателя, вовлечение его в интеллектуальный диалог с автором. Таким образом, целью литературы идей становится не аргументированное убеждение читателя, а создание произведения, обладающего коммуникативным и интеллектуальным потенциалом, способного стимулировать читательскую рефлексию и дискуссию. В то же время литература идей обладает значительным художественным потенциалом: традиционно относимые к данному направлению романы Ф. М. Достоевского содержат не только концепцию, но и «драму идей» [Камнев, 2002]. Литература идей представляет собой скорее характеристику: она принимает различные текстовые и жанровые формы, а связующим выступает рефлексивная направленность содержания текста. Примерами литературы идей в данном понимании могут служить тексты Платона, Т. Мора, М. Монтеня, Б. Паскаля, Ф. де Ларошфуко, Ж. де Лабрюйера, Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, Ницше, А. Камю и Ж.-П. Сартра.

Вместе с тем в XIX—XX веках литература идей находит свое новое воплощение в научно-фантастическом жанре произведений, авторы которых использовали элементы фантастики для моделирования альтернативных миров и ситуаций, позволяющих исследовать философские и социальные концепции в новом свете. Такой подход свойственен американским литературоведческим школам и представляется спорным для отечественных исследователей: в частности, российский литературовед В. Л. Гопман замечает, что научная фантастика не имеет отношения к литературе идей, поскольку направлена на постижение результатов научных и технических сдвигов

[Ефимова и др., 2017, с. 185]. В труде по истории фантастической литературы [Gilks et al., 2003] *литература идей* определяется через жанры так называемой *speculative fiction* (спекулятивная / умозрительная / литературная фантастика) — это произведения, чей хронотоп представлен вымышленным миром. Объединяющим фактором фантастики как литературы идей является сюжетно-тематическая направленность произведений на исследование человеческого бытия в новых условиях и контекстах существования, создаваемых благодаря (или по вине) научно-техническим изменениям.

Впервые отнесенная к литературе идей американской писательницей П. Сарджент (Pamela Sargent) в 1975 году [Leavitt, 1989, p. 20], научная фантастика исследует новые идеи и концепции, основанные на кардинальных изменениях в научных взглядах, происходящих в результате научной революции. В этом видится сужение классической философской трактовки *литературы идей*: элементы фантастического также служат средством постижения бытия, но уже бытия фиктивного, гипотетического. Литература фантастических идей также связана с рефлексией в отношении человечества и действительности, однако направлена не столько на аргументацию авторской концепции, сколько на расширение универсума бытия и его понимания за счет создания нового миропорядка. Объединяющим параметром жанра становится философский (мысленный) эксперимент, целью которого является конструирование оригинальной концепции мира, а также обоснование законов данного воображаемого бытия [Кожевников и др., 2017, с. 130—131]. Таким образом, сохраняется философская проблематика и рефлексивная направленность литературного произведения в силу того, что в фантастическом контексте затрагиваются экзистенциальные, этические, политические проблемы и вопросы, касающиеся определения ценностей. К литературе идей в фантастическом осмыслении относят произведения М. Шелли, Э. А. По, Ж. Верна, Г. Уэллса, А. Азимова, С. Лема, Е. Замятина, О. Хаксли, Дж. Оруэлла и Р. Бредбери.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Эссе как рефлексивный жанр: «Опыты» в контексте литературы идей

Важным в контексте исследования проблемы представляется мнение литературных критиков А. Тибодэ и Г. Флойда, называющих переходную эпоху XVI—XVII веков моментом зарождения *littérature d'idées*, которая становится прямым наследием «Опытов» М. Монтеня: «C'est avec les Essais de Montaigne que la littérature française assume le rôle d'une littérature d'idées» // С появлением «Опытов» М. Монтеня французская литература приняла на себя роль литературы идей (перевод наш. — В. Р.) [Gray et al.,

1994, р. 180, 183]. Надо полагать, авторы относят «Опыты» М. Монтеня к текстам литературы идей в рамках «философско-рефлексивного» понимания данного направления ввиду наличия в тексте ключевых маркеров:

- онтологические концепты как текстообразующая доминанта;
- тезисность;
- аргументативность.

3.1. Онтологические концепты как текстообразующая доминанта

Онтологические концепты описывают общие основания картины мира, к которым относятся БЫТИЕ, ЖИЗНЬ, ЧЕЛОВЕК, ПОЗНАНИЕ, ЦЕННОСТЬ и производные. В структуре концептуальной картины мира онтологические (или экзистенциальные) концепты представляют собой универсальные мыслительные категории, актуализирующие ценности бытийного плана. Поскольку автор «Опытов» сосредотачивает порождаемый рефлексивный дискурс на философских размышлениях, интеллектуальном поиске и анализе человеческой природы, первостепенной становится роль эссе — субъективированного сочетания конкретного образа и составляющей его идеи [Иванов, 2017, с. 58]. Эссеи формируются посредством использования оценочных конструкций, вербализующих субъективные аксиологические истины [Retrospective semiometrics ..., 2020, р. 170], и играют ключевую роль в субъективации смысла концептов, прежде всего онтологических, представленных в авторском тексте. Через такие субъективированные концепты «автор акцентирует внимание читателя на неординарности своего восприятия» [Эпштейн, 1988, с. 81]. «Опыты» можно отнести к типу произведений, в которых представлен ретроспективный монолог как способ фиксации памяти: автор стремится к аналитической оценке и интерпретации фактов и событий произошедшего [Tivyaeva, 2021, р. 175].

По результатам частотного и контент-анализа текста «Опытов» представляется возможным выделить в монтеневском рефлексивном дискурсе следующие эссеи: MORT (СМЕРТЬ), HOMME (ЧЕЛОВЕК), RAISON (РАЗУМ), NATURE (ПРИРОДА, БЫТИЕ), SAVOIR (ЗНАНИЕ), MONDE (МИР), USAGE (ПРИВЫЧКА), VERTU (ДОБРОДЕТЕЛЬ), VÉRITÉ (ИСТИНА). В рамках литературы идей автор переходит от наблюдения и описания к рефлексии и концептуализации. Формирование и трансляция авторской идеи реализуются посредством контекстуализации онтологических концептов на уровне высказывания с оценочным потенциалом:

(1) *La mort est plus abjecte, plus languissante et penible dans un lit qu'en un combat* // Смерть более отвратительна, медленна и тягостна в постели, чем на поле битвы [Монтень, 2015].

(2) *L'homme en tout et par tout, n'est que rapiessment et bigarrure* // Человек во всем и везде — ворох пестрых лоскутьев [Там же].

(3) *La raison humaine est un glaive double et dangereux* // Разум человеческий — меч обоюдоострый и опасный [Там же].

Примечательно, что доминантной эссеюй литературы идей XVI века становится ЧЕЛОВЕК: гуманистическая парадигма эпохи Ренессанса антропоцентрична, так как направлена на познание человека, его бытия и сущности. Одними из первых исследователей литературы идей во Франции замечается, что развитие данного направления напрямую связано с появлением «*le livre d'un homme*» (книга человека или книга про человека), у которой нет иной цели, кроме как рассказать свою историю [Gray et al., 1994, p. 183]. Замечаем аллюзию на содержащиеся в «Опытах» оценки автором прагматики собственного труда:

(4) *Je peins principalement mes cogitations* // Я изображаю главным образом мои размышления [Монтень, 2015].

(5) *Ma vie, que j'ay à peindre, je l'ay toute devant moy* // Жизнь моя, которую я стремился изобразить, вся у меня перед глазами [Там же].

Вербализуется аксиологическое содержание эссеи ЧЕЛОВЕК, которое включает представления автора о природе и поведении человека. Контент-анализ позволяет выявить ассоциированные концепты: RAISON (РАЗУМ), HONNEUR (ЧЕСТЬ), VÉRITÉ (ИСТИНА), VERTU (ДОБРОДЕТЕЛЬ), PASSIONS (СТРАСТИ), FORTUNE (УДАЧА), SAGESSE (МУДРОСТЬ), JUGEMENT (СУЖДЕНИЕ), DOULEUR (БОЛЬ), PLAISIR (УДОВОЛЬСТВИЕ), COURAGE (МУЖЕСТВО), IMAGINATION (ВООБРАЖЕНИЕ), LIBERTÉ (СВОБОДА), VOLONTÉ (ВОЛЯ). В рамках парадигмы ренессансного гуманизма М. Монтень представляет свободу, разум и добродетель абсолютными человеческими ценностями, порождая, таким образом, новое идейное представление о сущности человека в картине мира переходного исторического периода.

На паратекстовом уровне эссеи проявляются в заголовках отдельных эссе, имеющих в 71 % глав структуру [de + эссема]: *De la constance, De l'aage, De la conscience, De la gloire*. Представленные в названиях глав эссеи репрезентируют ключевые направления монтеневской рефлексии, формируя круг идей, вокруг которых выстраивается текст «Опытов». Анализ эссеи заголовков позволяет заключить, что писатель стремится выразить свою субъективную точку зрения в отношении общекультурных и философских понятий, подразделяя их на оцениваемые положительно и отрицательно. С одной стороны, представлены концепты, в структуре которых превалирует положительная оценочная сторона: COUSTUME (ПРИВЫЧКА), MODERATION (УМЕРЕННОСТЬ), SOLITUDE (ОДИНОЧЕСТВО), INCERTITUDE (НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ). Таким образом, постоянство, привычка, умеренность, одиночество и случайность становятся

элементами ценностной картины мира автора. С другой стороны, отрицательно-маркированным становится концепт GLOIRE (ЧЕСТЬ), который подвергается переосмыслению, переходя из концепта в эссею. Так, RAGE (ЯРОСТЬ) рассматривается не только с позиции человеческих страстей, но и как возможный путь к освобождению и миру:

(6) *Donnons à chacune sa course, nous voylà tousjours en paix* // Если одна сторона охвачена гневом, дадим ей разрядиться, и тогда мир всегда будет обеспечен [Там же].

Исходя из этого заключаем, что авторская рефлексия направлена на формирование идей новой, гуманистической философии, поднимающей фундаментальные вопросы онтологии, гносеологии и аксиологии.

3.2. Тезисность

Литературное произведение Ренессанса может быть классифицировано как пример *littérature d'idées* в том случае, если в его основе лежит рефлексивная деятельность и аргументативный тезис. В рамках гуманистической культуры разума и рациональности условием порождения текста становится аргументация в связи с выходом на первый план аксиологического ракурса дискурса — в данной парадигме аргументативность позволяет «сосредоточиться на значимости не только норм (конвенциональность), но и (личных) предпочтений (неконвенциональность)» [Фанян, 2016, с. 9]. Под *аргументацией* понимается логико-коммуникативный процесс, включающий тезис, аргумент и демонстрацию их взаимосвязи, «служащий обоснованию определенной точки зрения» [Нарциссова и др., 2022, с. 92]. *Аргументация* заключается в приведении доводов (аргументов) с целью изменить убеждения собеседника и способствовать принятию им тезиса (система утверждений) [Философия ..., 2004, с. 57].

В «Опытах» М. Монтеня типично апеллирование к философскому тезису как к отправной точке текста отдельных эссе. Тезис представлен в паратексте произведения и выполняет ориентирующую функцию, указывая на тематику аргументации в данной главе. Например, название главы I книги I:

(7) *«Par divers moyens on arrive à pareille fin»* // «Различными средствами можно достичь одного и того же» [Монтень, 2015] —

содержит авторский тезис о том, что разнообразие человеческого поведения доказывает непостоянство и изменчивость сущности человека.

Книга I, глава 15:

(8) *«On est puny pour s'opiniastrer à une place sans raison»* // «За бессмысленное упрямство в отстаивании крепости несут наказание» [Там же] —

озаглавлена тезисом о неотвратимости наказания за упрямство.

Аналогична структура заголовка других глав «Опытов»:

(9) *«Le profit de l'un est dommage de l'autre»* // «Выгода одного — ущерб для другого» [Там же];

(10) *«La fortune se rencontre souvent au train de la raison»* («Иногда случай сам все делает как надо» [Там же].

Тезис выступает текстопорождающим элементом ввиду его способности в сжатой, предельно концентрированной форме актуализировать глубинные философские интенции автора, структурировать авторскую рефлексию и концептуализировать ключевые идеи. На уровне высказывания (*énonciation*) тезис реализует прагматическую установку автора на проблематизацию явлений человеческого бытия, выступая семантическим ядром текста. Тезис представлен во вступлениях к главам в синтаксической форме простого повествовательного утвердительного предложения, например:

(11) *La mort nous acquitte de toutes nos obligations* // Смерть освобождает нас от любых обязательств [Там же].

(12) *La vaillance a ses limites, comme les autres vertus* // Храбрости, как и другим добродетелям, положен известный предел [Там же].

Наряду с этим тезис в заключении главы организует *закольцованную структуру* текста и реализует такие установки, как подтверждение валидности авторской идеи и резюмирование его философской позиции, например:

(13) *Nostre propre et peculièr condition est autant ridicule que risible* // Наши природные и благоприобретенные свойства столь же нелепы, как и смешны) [Там же].

Наряду с синтаксической завершённостью и логической цельностью отмечается афористичность тезиса, благодаря чему такое высказывание выполняет функцию аксиологического вектора. Афоричность свойственна ренессансному тексту, который был создан в *культурогежную эпоху*, испытывающую потребность в распространении нового мировоззрения, морали и системы ценностей. В частности, широко представлены тезисы-афоризмы с фундаментальным глаголом состояния-бытия *être*, который функционирует как предикативный механизм констатации, выступает «базовой единицей языковой категоризации» [Полифункциональность ..., 2018, с. 27]:

(14) *La mort est moins à craindre que rien* // Страху смерти подобает быть ничтожнее, чем ничто [Монтень, 2015];

(15) *les plus belles âmes sont celles qui ont plus de variété et de souplesse* // лучшие души — те, в которых больше гибкости и разнообразия [Там же].

В рамках тезисных высказываний глагол *être* выступает средством выражения суждения о сущности явления, вводя новую аксиологическую или концептуальную категорию, формируя авторскую дефиницию:

(16) *Leur plus universelle qualité, c'est la diversité* // Наиболее устойчивым свойством всех человеческих мнений является их несходство [Там же].

Элементы индивидуального знания представлены в тезисах, которые посредством своей бинарной структуре определяют вектор дальнейшей аргументации:

(17) *La parole est moitié à celui qui parle, moitié à celui qui l'écoute* // Произнесенные слова принадлежат наполовину говорящему, наполовину слушающему [Там же].

(18) *Le profit de l'un est dommage de l'autre* // Выгода одного — ущерб для другого [Там же].

3.3. Аргументативность

Переходя к аргументативной природе «Опытов», отметим, что данный текст характеризуется рефлексивно-аналитической направленностью, типичной для *литературы идей*. Она объединяет различные произведения, аргументирующие поднимаемые автором проблемы. Цель таких сочинений состоит в том, чтобы донести идею автора посредством языковых средств и структур, позволяющих защитить, опровергнуть или транслировать тезис. При этом М. Монтень не предлагает окончательных решений, а размышляет и сомневается: переменчивость аргументативного механизма позволяет «расширить референциальное поле философской проблемы» [Фанян, 2016, с. 11]. Сомнение выступает как ключевой познавательный механизм, отражающий ограниченность человеческого разума и недоверие к догматическим истинам: *...nous avons pour nostre part l'inconstance, l'irresolution, l'incertitude* // ...наш удел — это непостоянство, колебания, неуверенность [Монтень, 2015]. Для автора сомнение стимулирует рефлексию и критическое отношение к знанию, становясь условием подлинного философствования. Поэтому своими «любимыми» словами М. Монтень называет вводные и модальные конструкции, выражающие значения неуверенности, предположения, гипотетичности и аппроксимации: *a l'avanture* (может быть), *aucunement* (по всей вероятности), *on dict* (говорят), *qu'est-ce à dire?* (что это значит), *il pourroit estre* (может быть), *est-il vray?* (возможно ли это). Данные языковые средства формируют эпистемическую рефлексию, вводя субъективную оценку степени понимания или уверенности. В тексте представлены субъектно-предикативные структуры с семантикой неуверенности и незнания: *«Je ne sçay pas qu'elle soit vraye»* // Не знаю, справедливо ли это суждение; *...je ne sçay cependant si* // ...и все же я не уверен [Там же]. Данные конструкции служат средствами семантической маркировки когнитивной установки субъекта и его отношения к познанию.

Автор демонстрирует способность последовательно аргументировать и защищать ту или иную точку зрения, однако сознательно избега-

ет окончательной фиксации какой-либо позиции, тем самым подчёркивая установку на рефлексивную дистанцию и открытость интерпретациям: *Je sçay bien soustenir une opinion, mais non pas la choisir // Я умею отстаивать определенные взгляды, но выбирать их — к этому я не пригоден [Там же].* В этой когнитивной установке прослеживается концепция *époque* (от греч. *ἐποχή* — остановка, прекращение), которая в философии обозначает воздержание от суждения как сознательно выбранный метод мышления. Этот познавательный подход проявляется в постоянном колебании между разными точками зрения: вместо отказа от понимания происходит принятие собственного незнания и отказ от принятия позиции [Dortier, 2018, p. 62—63]. Сам автор следующим образом определяет данный познавательный концепт: *...epecho, c'est à dire je soutiens, je ne bouge // ...я воздерживаюсь, я не склоняюсь ни в ту, ни в другую сторону [Монтень, 2015].*

Аргументативная насыщенность текста «Опытов» подтверждается наличием коннекторов — вводных конструкций, служащих для интеграции субъективного мнения, примера или аргумента: *or* (таким образом), *de moy* (по моему мнению); *j'advoue qu'il se peut* (допускаю); *me semble que* (считаю); *il peut estre aussi que* (может быть); *et trouve et voy bien* (я считаю и вижу, что). Предикаты речемыслительной деятельности в сочетании с субъектным местоимением позволяют вербализовать позицию автора, фиксируя его участие в процессе рассуждения и аргументации, а также маркируя субъективную модальность высказывания и различную степень эпистемической уверенности: *je cogneux / considere / croye / pense / presuppose / treuve / diray*. При этом автор подчеркивает свою приверженность эмпирическому знанию, основанному на опыте, и отказ от умозрительных философских заключений: *Moy, sçay bien que cette cause ne me touche pas, et le sçay non par argument, mais par necessaire experience // Что до меня, то я хорошо знаю, что это объяснение на меня отнюдь не распространяется, и я знаю это не умозрительно, а по своему личному опыту [Там же].*

Переходя к используемым автором аргументативным приемам, отметим *экземплификацию* — «вид аргумента в пользу доказываемого тезиса, иллюстрирующий применимость тезиса к конкретному случаю из имеющегося множества таких случаев» [Баранов, 2023, с. 260]. Экземплификация предполагает наличие и перечисление множества примеров, что служит для объективного подтверждения верности идеи. В рамках экземплификации как элемента тезисно-аргументативной структуры эссе происходит актуализация прагматических и дискурсивных стратегий автора за счет «расширения объема и количества экстралингвистических параметров, принимаемых во внимание при интерпретации» [Сулейманова и др., 2024, с. 924].

О важности примеров в композиции «Опытов» свидетельствует то, что автор использует *экземплификаторы*, маркирующие введение языковых иллюстраций: *Mais venons aux exemples* // Перейдем к примерам; *Il faut que j'en conte quelques exemples* // Я хочу привести несколько примеров [Монтень, 2015]. Экземплификаторы также используются в сочетании со структурами диалогичности, посредством которых автор приглашает читателя к совместному размышлению. В частности, представлены повествовательные конструкции с выраженной адресацией: *...je vous donne à penser* // ...предоставляю вам поразмыслить; императивы: *Regardez un peu comment s'en porte nostre experience* // Обратитесь на миг к показаниям вашего опыта; риторические вопросы: *Vous en plaict-il un exemple?* // Желаете пример? [Там же]. В исследовании рецепции «Опытов» в XVII веке показано, что адресант является, по замыслу М. Монтеня, благородным человеком знатного происхождения и хорошего воспитания, эрудированным и настойчивым читателем, внимательным к развитию авторских идей [Volpilhas, 2016]. Представлены оценочные конструкции, подчеркивающие важность, значимость отобранных автором примеров для аргументации собственных идей: *un merveilleux exemple* (поразительный пример); *notable exemple* (наглядный пример). Используя представленные коннекторы-экземплификаторы, автор может воздействовать на интеллектуальные и эмоциональные механизмы читателя с целью убеждения.

Текстологической особенностью «Опытов» является прием «нанизывания примеров», то есть перечисления десятков примером и иллюстраций, аналогичных по своей синтаксической структуре и сходных по семантическому значению. Например, в Кн. I Гл. 20 представлено 19 примеров конкретных исторических персоналий и случившихся с ними трагических смертей, что служит экземплификацией тезиса автора о том, что для человека невозможно не думать о смерти.

Аналогичная аргументативная тактика представлена в Кн. II Гл. 12, посвященной различиям между представителями различных культур, этносов и традиций (49 примеров). Примером тактики «нанизывания» служит также фрагмент Кн. II Гл. 12, который представляет собой обзор философской литературы и перечисление различных концепций Бога (32 примера). Подтверждением валидности аргумента через экземплификацию служит указание на множественность подобных и взаимозаменяемых примеров: *Cette experience se diversifie en mille exemples* // Тысячи примеров подтверждают это [Монтень, 2015]. Аргументация через пример, а не через абстрактное умозаключение позволяет М. Монтеню избегать системности и теоретизации, так как вместо формальной логики он использует рассуждение на эмпирической основе. Исходя из этого, автор указывает на достоверность,

правильность и реальность своих примеров как основы рефлексии и аргументации: *Aux exemples que je tire ceans, de ce que j'ay oui, fait ou dict, je me suis defendu d'oser alterer jusques aux plus legeres et inutiles circonstances* // В примерах, мною здесь приводимых и почерпнутых из всего того, что мне довелось слышать, самому совершить или сказать, я не позволил себе изменить ни малейшей подробности [Там же].

Вторым ключевым аргументативным приемом является апелляция к авторитету через интертекстуальные элементы. Около 3000 прямых и косвенных ссылок, цитат, аллюзий и реминисценций на тексты и идеи авторов Античности и Средневековья становятся текстообразующим элементом «Опытов» как рефлексивного жанра, который Ж. Женетт описывает как «беседу со всем миром предшествующей культуры» [Женетт, 1998, с. 157]. Например, косвенная аллюзия на персоналию Демокрита, то есть имплицитная апелляция к авторитету, служит подтверждением авторского тезиса о важности чувственного (визуального) наслаждения: *Autant en opina des yeux celui qui se les creva* // Поэтому великий философ выколол себе глаза [Монтень, 2015]. Косвенная ссылка позволяет реализовать прием аргументации через чужое слово, позволяя подчеркнуть весомость и авторитет идей античных мыслителей: *Tout cecy me fait souvenir de ces anciennes opinions... et de ce que tiennent les Stoiciens* // Все это вызывает у меня в памяти мнение древних ... припоминается мне и положение стоиков [Там же].

Пример использования прямой цитаты без указания автора (Корнелий Непот) как подтверждение своей позиции в отношении непредсказуемости судьбы представлен в заключении Кн. I Гл. 42: *Ce verset ancien que je trouve singulierement beau à ce propos: **Mores cuique sui fingunt fortunam***» // Кратким изречением одного древнего автора, поразительно, на мой взгляд, подходящим для данного случая: *Наша судьба зависит от наших нравов* [Там же]. Цитата-вывод сопровождается комментарием ценностного значения, в котором указывается на уместность и значимость данной цитаты. Представлена прямая эксплицитная апелляция к персоналии Цезаря, подчеркивающая правильность аргумента на основании правоты авторитета: *Tout ainsi que j'ay essayé en plusieurs autres occurrences ce que dit Cesar*» // Убедившись на многих примерах в справедливости замечания Цезаря; *Si Caesar l'a osé dire, ce ne m'est plus lacheté de le croire*» // Если сам Цезарь решился высказать такое суждение, то и мне не зазорно признаться, что я думаю так же [Там же]. М. Монтень добивается усиления аргументации посредством чужого слова, используя, например, суждения Плутарха, так как имеют большую значимость, чем его собственные: *...je des-roberay icy les mots mesmes de Plutarque, qui valent mieux que les miens* // Здесь я приведу собственные слова Плутарха, которые стоят больше моих [Там же].

Для подтверждения правильности суждения используется аргумент в сочетании с цитатой из Цицерона с метафорическим элементом: тем самым закрепляется идея автора о знании как оружии и разуме как руке, его держащей: *C'est un dangereux glaive, et qui empesche et offence son maistre, s'il est en main foible et qui n'en sçache l'usage, ut fuerit melius non didicisse* // Знания, — обоюдоострое оружие, которое только обременяет и может поранить своего хозяина, если рука, которая держит его, слаба и плохо умеет им пользоваться: *Так что было бы лучше совсем не учиться* [Там же]. В подкрепление собственной идеи М. Монтень приводит в качестве аргумента прямую цитату Горация: *Nostre mal nous tient en l'ame: or elle ne se peut échaper à elle mesme, In culpa est animus qui se non effugit unquam* // Зло засело в нашей душе, а она не в состоянии бежать от себя самой [Там же]. Приводя в поддержку собственной мысли стих Горация, почти дословно передающий идею самого М. Монтеня, автор не только усиливает аргументацию, но и создает эффект резюмирования: авторитетное изречение классика древности становится финальной точкой рефлексии, придавая его позиции завершённость, вес и убедительность.

Наконец, эффективным аргументативным средством является такой интертекстуальный элемент, как поговорка, поскольку она апеллирует к коллективной мудрости, подкрепляя позицию автора авторитетом традиции. Ее образность, лаконичность и эмоциональная насыщенность делают аргумент более убедительным. В исследуемом тексте использована гасконская поговорка, свидетельствующая о том, что аргумент автора созвучен с народной мудростью его родного региона: *Comme sur mon propos le proverbe Gascon est-il delicat: Bouha prou bouha, mas a remuda lous ditz qu'em* // Как хороша и как подходит к предмету моего рассуждения следующая гасконская поговорка: *Все дуть да дуть, но нужно же и пальцами перебирать* [Там же].

Наряду с поговоркой в тексте «Опытов» нетривиально представлены своего рода прибаутки — шуточные приговорочные выражения, вставляемые в окончании аргументативного фрагмента с целью создания комического эффекта. Используемый в произведении литературы идей сатирический регистр позволяет привлечь внимание адресата к более последовательной предшествующей аргументации, а также высветить и высмеять противоречия между критической авторской позицией и общепринятым мнением. В частности, глава Кн. I Гл. 31 посвящена размышлениям о культуре и нравах представителей различных индейских племен в сопоставлении с европейской цивилизацией. М. Монтень выражает идею культурного релятивизма и восхищается чистыми, добродетельными нравами и искусными традициями индейцев, однако в завершении главы прибегает

к ироничной, саркастичной оценке: *Tout cela ne va pas trop mal: mais quoy, ils ne portent point de haut de chausses* // Все это не так уже плохо. Но помылите, они не носят штанов! [Там же]. Аналогичного комического эффекта в рамках аргументации автору позволяют добиться ироничные присказки, введенные выражением со значением общего мнения: *C'est ce qu'on dict: Chier dans le panier pour apres le mettre sur sa teste* // Не что иное, как сперва нагадить в корзину, а вслед за тем водрузить ее себе на голову [Там же]. Часто такие сатирические элементы концентрируются в заключении главы, оформленном по принципу *chute* (фр.) — приёма неожиданной развязки или обрыва, который нарушает логическую структуру текста, формируя своеобразную игру с аргументацией.

Важно отметить, что, опираясь на аргументацию через ссылку на авторитет, М. Монтень может представлять свою идею не только как продолжение или подкрепление идеи другого автора, но и как его оппозицию, аргументируя либо за, либо против. Создаваемый таким образом «конфликт идей», по выражению Ж. Женетта, свойственен литературе идей, в которой автор непрерывно сталкивается с голосами других авторов, чьи позиции выступают опорой для построения собственной рефлексии [Женетт, 1998, с. 157]. В частности, в тексте представлены конструкции выражения согласия и одобрения, транслирующие общность и схожесть аргументов: *Celuy là s'y entendoit, ce me semble, qui dict* // Тот, кто сказал [Эразм Роттердамский]... поистине знал толк в этих делах; *car je dy, comme ce mesme Epicurus* // ...я согласен с тем же Эпикуром); *C'est, à l'advis de Socrates, et au mien aussi* // Я полагаю, — и в этом я могу опереться на Сократа [Монтень, 2015].

В то же время представлен аргумент через эксплицитное отрицание мнения античных авторов: *Je ne suy pas la secte de Pythagoras* // Я не разделяю взгляда приверженцев Пифагора; *Et le conseil de Platon ne me plaist pas* // Я никоим образом не одобряю совета Платона [Там же]. М. Монтень ярко демонстрирует свое несогласие с позицией Фаворина, используя предикат со значением ненависти к идее, неприятия мнения: *...hay l'opinion de Favorinus* // ...не согласен с мнением Фаворина [Там же]. Отрицание чужого мнения как аргументативная тактика становится эффективным благодаря использованию оценочных языковых средств с негативной семантикой, которые подчеркивают абсурдность и глупость приведенных идей других авторов:

(19) *Voilà un bon mot et un utile desir; mais pareillement absurde* // Это хорошее изречение и полезное пожелание [Сенеки], но вместе с тем оно нелепо [Там же];

(20) *J'ay quelque opinion de l'envers de cette sentence* // Я считаю справедливой и изнанку этого изречения [Эпикура] [Там же].

4. Заключение = Conclusions

В контексте современного повышенного интереса к трансдискурсивным жанрам и прагматике выражения идей в художественном тексте проведенное исследование позволяет выделить специфические лингвистические маркеры, характерные для текста литературы идей, к которой относим «Опыты» М. Монтеня. Предпринятая попытка формализации понятийного аппарата данного направления приводит к заключению о том, что литература идей представляет собой особый тип дискурса, в котором ключевую роль играют идея, ее концептуализация и аргументация.

«Опыты» М. Монтеня демонстрируют признаки рефлексивного дискурса, где субъект высказывания активно осмысляет ключевые онтологические концепты эпохи: MORT, HOMME, RAISON, SAVOIR, VÉRITÉ и др., которые переходят в разряд эссе — субъективированных форм концептов, отражающих ценностные установки автора. Выявлены и проиллюстрированы характерные особенности текстовой модальности: тезисность, афористичность, аргументативность и интертекстуальность, которые позволяют автору сформировать структуру когнитивного конфликта идей. Аргументативные стратегии автора XVI века включают экзemplификацию, цитацию, ссылку на авторитетное мнение и паремийные структуры, которые задают типологические параметры философско-рефлексивного дискурса. Указанные приемы становятся устойчивыми средствами организации авторской рефлексии и в настоящее время закрепились в традиции философского, эссеистического и аргументативного письма.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Монтень М. де. Опыты. Полное издание в одном томе / М. де Монтень ; пер. с фр. Ф. Коган-Бернштейн, Н. Рыкова, А. Бобович ; ред. Е. Варганова ; илл. Г. Доре. — Москва : Эксмо, 2015. — 1216 с. — ISBN 978-5-699-78727-2.
2. MonLOE — *MONtaigne à L'Euvre* [Electronic resource]. — Access mode : www.lib.uchicago.edu/efts/ARTFL/projects/montaigne/ (accessed 16.07.2025).

Литература

1. Авраменко В. И. Роман на стыке философии и литературы / В. И. Авраменко // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1 : Филология. — 2021. — № 3 (112). — С. 118—124.
2. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста : теория и практика / А. Н. Баранов. — Москва : Флинта : Наука, 2023. — 592 с. — ISBN 978-5-9765-0083-9.
3. Викулова Л. Г. Полифункциональность как свойство фундаментальных глаголов / Л. Г. Викулова, О. А. Дубнякова, Э. М. Рянская, Е. Ф. Серебренникова // Обу-

чение французскому и русскому языкам как иностранным : ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ДИДАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ. — Москва : ООО "Языки Народов Мира" Тезаурус, 2018. — С. 25—42.

4. *Ефимова Л. Н.* Жанровые особенности романа К. С. Льюиса "Космическая трилогия" / Л. Н. Ефимова, Н. А. Шехирева // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. — 2017. — № 4 (94). — С. 184—188.

5. *Ефимова Л. Н.* Поэтика жанров научной фантастики и фэнтези в романе К. С. Льюиса "Космическая трилогия" / Л. Н. Ефимова, Е. В. Александрова, Е. А. Самохина // Наука в современном информационном обществе. — North Charleston : CreateSpace, 2018. — Т. 2. — С. 82—88.

6. *Женетт Ж.* Фигуры. В 2-х томах / Ж. Женетт ; пер. с фр. Е. Васильевой и др. — Москва : Издательство им. Сабашниковых, 1998. — Т. 1. — 472 с. — ISBN 5-8242-0064-5.

7. *Иванов О. Б.* Поэтико-функциональные особенности эссеистического текста / О. Б. Иванов. — Ростов-на-Дону : АкадемЛит, 2017. — 98 с. — ISBN 978-8-904067-20-7.

8. *Камнев В. М.* Русский разговор и идея человека в творчестве Ф. М. Достоевского / В. М. Камнев // Я. (А. Слинин) и Мы : к 70-летию профессора Я. А. Слинина. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2002. — С. 197—227.

9. *Кожевников Н. Н.* Философский взгляд на научную фантастику и фантазийные жанры / Н. Н. Кожевников, В. С. Данилова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия : Педагогика. Психология. Философия. — 2017. — № 4 (08). — С. 129—137.

10. *Нарциссова С. Ю.* Мышление : феноменология процесса / С. Ю. Нарциссова, В. П. Сиротин. — 6-е издание, переработанное и дополненное. — Москва : Международный независимый эколого-политологический университет, 2022. — 270 с.

11. *Сулейманова О. А.* Дискурсивный анализ и прагматика : возможно ли провести границу? / О. А. Сулейманова, Л. А. Борботько // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2024. — Т. 21. — № 4. — С. 919—929. — DOI: 10.21638/spbu09.2024.409.

12. *Фанян Н. Ю.* Этика дискурса (аргументативный аспект) / Н. Ю. Фанян // Общество : философия, история, культура. — 2016. — № 8. — С. 9—11.

13. *Философия* : Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. — Москва : Гардарики, 2004. — 1072 с. — ISBN 5-8297-0050-6.

14. *Эпштейн М. Н.* На перекрестке образа и понятия : эссеизм в литературе Нового времени / М. Н. Эпштейн // Парадоксы новизны. — Москва : Советский писатель, 1988. — 210 с. — ISBN 5-265-00166-2.

15. *Costentin C.* L'argumentation dans le discours. Discours politique, littérature d'idées, fiction / C. Costentin, R. Amossy // L'Information Grammaticale. — 2003. — № 98. — Pp. 60.

16. *Dortier J.-F.* Michel de Montaigne : Le savoir sceptique / J.-F. Dortier // De Socrate à Foucault. Les philosophes au banc d'essai. — Paris : Éditions Sciences Humaines, 2018. — Pp. 61—68.

17. *Dubois F.-R.* Sous les classiques, la page : le XVIIe siècle dans De cape et de crocs / F.-R. Dubois // Littératures classiques. — 2016. — № 91. — Pp. 141—150. — DOI: 10.3917/licla1.091.0141.

18. *Genette G.* Figures III / G. Genette. — Paris : Éditions du Seuil, 1972. — 428 p. — ISBN 9782020020398.

19. *Genette G.* Introduction à l'architecte / G. Genette. — Paris : Éditions du Seuil, 1979. — 89 p. — ISBN 2020053101.

20. *Gilks M. Science Fiction : The Literature of Ideas* [Electronic resource] / M. Gilks, P. Fleming, M. Allen. — 2003. — Access mode : <https://www.writing-world.com/sf/sf.shtml/> (accessed 16.07.2025).

21. *Gray F. Réflexions Inédites d'Albert Thibaudet Sur La Formation d'une Littérature d'idées En France* / F. Grey, A. Thibaudet // *Revue d'Histoire Littéraire de La France*. — 1994. — Vol. 94. — № 2. — Pp. 179—197.

22. *Leavitt D. B. Speculative Approaches to Consciousness in Science Fiction* / D. B. Leavitt // *Metaphors of Consciousness*. — Boston : Springer, 1989. — Pp. 395—415.

23. *Lotterie F. Madame de Staël. La littérature comme « philosophie sensible* / F. Lotterie // *Romantisme*. — 2004. — № 124. — Pp. 19—30. — DOI: 10.3406/roman.2004.1254.

24. *Tivyayeva I. Time, memory and retrospection in works of fiction* / I. Tivyayeva // *Time and culture in linguistic and literary discourse*. — Москва : Принтика, 2021. — Pp. 173—177.

25. *Volpilhac A. Montaigne le « barbare : la crise de la lisibilité des Essais au XVIIe siècle* / A. Volpilhac // *Fabula-LhT*. — 2016. — № 16. — Pp. 395—415. — DOI: 10.58282/lht.1625.

*Статья поступила в редакцию 10.08.2025,
одобрена после рецензирования 21.10.2025,
подготовлена к публикации 18.01.2026.*

Material resources

MonLOE — *MONtaigne à L'Œuvre*. Available at: www.lib.uchicago.edu/efts/ARTFL/projects/montaigne/ (accessed 16.07.2025). (In French).

Montaigne, M de. (2015). *Experiments. Complete edition in one volume*. Moscow: Eksmo. 1216 p. ISBN 978-5-699-78727-2. (In Russ.).

References

Avramenko, V. I. (2021). Novel at the junction of philosophy and literature. *Bulletin of the Minsk State Linguistic University. Series 1: Philology*, 3 (112): 118—124. (In Russ.).

Baranov, A. N. (2023). *Linguistic examination of the text: theory and practice*. Moscow: Flint: Nauka. 592 p. ISBN 978-5-9765-0083-9. (In Russ.).

Costentin, C., Amossy, R. (2003). L'argumentation dans le discours. Discours politique, littérature d'idées, fiction. *L'Information Grammaticale*, 98: P. 60. (In French).

Dortier, J.-F. (2018). Michel de Montaigne: Le savoir sceptique. In: *De Socrate à Foucault. Les philosophes au banc d'essai*. Paris: Éditions Sciences Humaines. 61—68. (In French).

Dubois, F.-R. (2016). Sous les classiques, la page: le XVIIe siècle dans De cape et de crocs. *Littératures classiques*, 91: 141—150. DOI: 10.3917/licla1.091.0141. (In French).

Efimova, L. N., Alexandrova, E. V., Samokhina, E. A. (2018). Poetics of science fiction and fantasy genres in C. S. Lewis's novel "The Space Trilogy". In: *Science in the modern Information Society*, 2. North Charleston: CreateSpace. 82—88. (In Russ.).

Efimova, L. N., Shekhireva, N. A. (2017). Genre features of C. S. Lewis's novel "The Space Trilogy". *Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*, 4 (94): 184—188. (In Russ.).

Epstein, M. N. (1988). At the crossroads of images and concepts: essayism in Modern Literature. In: *Paradoxes of Novelty*. Moscow: Soviet Writer. 210 p. ISBN 5-265-00166-2. (In Russ.).

- Fanyan, N. Y. (2016). Ethics of discourse (argumentative aspect). *Society: philosophy, history, culture*, 8: 9—11. (In Russ.).
- Genette, G. (1972). *Figures III*. Paris: Éditions du Seuil. 428 p. ISBN 9782020020398. (In French).
- Genette, G. (1979). *Introduction à l'architexte*. Paris: Éditions du Seuil. 89 p. ISBN 2020053101. (In French).
- Genette, J. (1998). *Shapes. In 2 volumes, 1*. Moscow: Publishing House named after Sabashnikov. 472 p. ISBN 5-8242-0064-5. (In Russ.).
- Gilks, M. (2003). *Science Fiction: The Literature of Ideas*. Available at: <https://www.writing-world.com/sf/sf.shtml/> (accessed 16.07.2025).
- Gray, F., Thibaudet, A. (1994). Réflexions Inédites d'Albert Thibaudet Sur La Formation d'une Littérature d'idées En France. *Revue d'Histoire Littéraire de La France*, 94 (2): 179—197. (In French).
- Ivanov, O. B. (2017). *Poetical and functional features of the essayistic text*. Rostov-on-Don: AkademLit. 98 p. ISBN 978-8-904067-20-7. (In Russ.).
- Ivin, A. A. (ed.). (2004). *Philosophy: An encyclopedic dictionary*. Moscow: Gardariki. 1072 p. ISBN 5-8297-0050-6. (In Russ.).
- Kamnev, V. M. (2002). Russian conversation and the idea of man in the works of F. M. Dostoevsky. In: Ya. (A. Slinin) and We: on the 70th anniversary of Professor Ya. A. Slinin. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society. 197—227. (In Russ.).
- Kozhevnikov, N. N., Danilova, V. S. (2017). A philosophical view of science fiction and fantasy genres. *Bulletin of the Northeastern Federal University named after M. K. Amosov. Series: Pedagogy. Psychology. Philosophy*, 4 (08): 129—137. (In Russ.).
- Leavitt, D. B. (1989). Speculative Approaches to Consciousness in Science Fiction. In: *Metaphors of Consciousness*. Boston: Springer. 395—415.
- Lotterie, F. (2004). Madame de Staël. La littérature comme « philosophie sensible. *Romantisme*, 124: 19—30. DOI: 10.3406/roman.2004.1254. (In French).
- Narcissova, S. Y. (2022). *Thinking: the phenomenology of the process*. Moscow: International Independent Ecological and Political Science University. 270 p. (In Russ.).
- Suleymanova, O. A., Borbotko, L. A. (2024). Discursive analysis and pragmatics: is it possible to draw a line? *Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature*, 21 (4): 919—929. DOI: 10.21638/spbu09.2024.409. (In Russ.).
- Tivyaeva, I. (2021). Time, memory and retrospection in works of fiction. In: *Time and culture in linguistic and literary discourse*. Moscow: Printika. 173—177.
- Vikulova, L. G., Dubnyakova, O. A., Ryanskaya, E. M., Serebrennikova, E. F. (2018). Polyfunctionality as a property of fundamental verbs. In: *Teaching French and Russian as foreign languages: LINGUISTIC AND DIDACTIC ASPECTS*. Moscow: Languages of the Peoples of the World, Thesaurus. 25—42. (In Russ.).
- Volpilhac, A. (2016). Montaigne le « barbare: la crise de la lisibilité des Essais au XVIIe siècle. *Fabula-LhT*, 16: 395—415. DOI: 10.58282/lht.1625. (In French).

*The article was submitted 10.08.2025;
approved after reviewing 21.10.2025;
accepted for publication 18.01.2026.*

Информация для цитирования:

Ремхе И. Н. Моделирование перевода метафорических единиц с позиции лингвокогнитивного подхода на материале китайского и русского языков / И. Н. Ремхе, Д. А. Шумилова, А. С. Болдырева // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 1. — С. 108—129. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-108-129.

Remkhe, I. N., Shumilova, D. A., Boldyreva, A. S. (2026). Modeling Translation of Metaphorical Units from a Linguocognitive Perspective in Chinese and Russian. *Nauchnyi dialog*, 15 (1): 108-129. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-108-129. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Моделирование перевода метафорических единиц с позиции лингвокогнитивного подхода на материале китайского и русского языков

Ремхе Ирина Николаевна

orcid.org/0000-0001-6441-6804

доктор филологических наук, доцент,
кафедра теории и практики перевода,
корреспондирующий автор
rilix@mail.ru

Шумилова Дарья Андреевна

orcid.org/0009-0001-2772-176X

преподаватель, кафедра
теории и практики перевода
shumshk@yandex.ru

Болдырева Анна Сергеевна

orcid.org/0009-0001-0996-5138

ст. преподаватель,
кафедра теории и практики перевода
ana.boldyreva@gmail.ru

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» (Приказ № 86-1 от 18.02.2025, проект «Разработка комплексной когнитивной модели перевода метафорических единиц на материале китайского и русского языков»)

Modeling Translation of Metaphorical Units from a Linguocognitive Perspective in Chinese and Russian

Irina N. Remkhe

orcid.org/0000-0001-6441-6804

Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Theory and
Practice of Translation,
corresponding author
rilix@mail.ru

Darya A. Shumilova

orcid.org/0009-0001-2772-176X

Lecturer, Department of Theory
and Practice of Translation
shumshk@yandex.ru

Anna S. Boldyreva

orcid.org/0009-0001-0996-5138

Senior lecturer, Department of Theory
and Practice of Translation
ana.boldyreva@gmail.ru

Chelyabinsk State University
(Chelyabinsk, Russia)

Acknowledgments:

This study was funded by the Advanced Scientific Research of Chelyabinsk State University (Order № 86-1 dated 02/18/2025, project “Development of a comprehensive cognitive model for translating metaphorical units based on Chinese and Russian languages”)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье представлены результаты разработки комплексной когнитивной модели перевода метафорических единиц. Поднимается вопрос когнитивной сущности переводческого процесса перевода метафоры и фразеологических единиц чэньюй, объединенных общим понятием «метафорическая единица». Представлена авторская разработка когнитивной модели перевода метафорических единиц, отражающей ключевые механизмы анализа статических лингвистических структур и динамических лингвокогнитивных процессов на предпереводческом этапе (реконструкции смысла) и выявление наиболее адекватной стратегии перевода на переводческом этапе (реконцептуализации). Подчеркивается, что выбор переводческой стратегии опирается на концепцию когнитивного перевода, предполагающего сценарный подход на основе оценки концептуального сдвига с последующим выбором универсальной или культурно-специфичной стратегии. Материалы для анализа извлечены из китайского художественного (роман Лянькэ «Сны деревни Динчжуан») и политического дискурса (чэньюй из корпуса новостных статей за 2023—2025 годы). Источниками выступили оригинальные тексты и их переводы на русский язык. Сделан вывод о том, что представленная модель доказывает свою эффективность применения как в художественном, так и в политическом дискурсе и позволяет продемонстрировать алгоритм действий переводчика для достижения когнитивно-прагматической эквивалентности.

Ключевые слова:

когнитивная лингвистика; метафорическая единица; чэньюй; концептуальная метафора; реконцептуализация; художественный дискурс; политический дискурс.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article presents the development of an integrated cognitive model for translating metaphorical units. It addresses the issue of the cognitive essence of the translation process involving metaphors and phraseological units known as chengyu, collectively referred to as “metaphorical units.” The author proposes a novel cognitive framework that captures key mechanisms involved in analyzing static linguistic structures and dynamic linguocognitive processes during pretranslation stages (reconstruction of meaning) and identifying the most appropriate translation strategy during actual translation phases (reconceptualization). Emphasis is placed on how the choice of translation strategies relies on the concept of cognitive translation, which involves scenario-based approaches grounded in assessing conceptual shifts followed by selecting either universal or culture-specific strategies. Materials analyzed were drawn from Chinese literary sources (e.g., Lianke's novel “Dreams of Dingzhuang Village”) and political discourse (chengyus extracted from news articles between 2023-2025). Original texts along with their translations into Russian served as primary data sources. Ultimately, it was concluded that the proposed model demonstrates its efficacy across both literary and political contexts, providing a clear algorithm for achieving cognitively pragmatic equivalence in translation practices.

Key words:

Cognitive linguistics; metaphorical unit; chengyu; conceptual metaphor; reconceptualization; literary discourse; political discourse.

УДК 81'255.2

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-108-129

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Моделирование перевода метафорических единиц с позиции лингвокогнитивного подхода на материале китайского и русского языков

© Ремхе И. Н., Шумилова Д. А., Болдырева А. С., 2026

1. Введение = Introduction

В современной научной литературе вопрос перевода метафоры и фразеологических единиц в различных дискурсах не теряет своей актуальности в силу сложности и многоаспектности исследуемого явления. В предлагаемом исследовании рассматривается возможность когнитивного моделирования перевода метафорических единиц, встречающихся в китайском художественном дискурсе на материале романа Янь Лянькэ и в текстах политического дискурса на примере фразеологических единиц идиоматического типа чэньюй (成语). Фразеология играет значимую роль в структуре языка, отражая образность, эмоциональность, менталитет и характерное мышление носителей [Болдырева и др., 2020]. В политическом дискурсе фразеологизмы выступают как действенный языковой инструмент, позволяющий передавать эмоционально окрашенные смыслы, оказывать влияние на аудиторию и стимулировать ее к определенным действиям.

Актуальность проблемы моделирования перевода метафорических единиц связана с возрастающим научным интересом к вопросам качества перевода семантически сложных единиц в рабочей паре «китайский и русский языки». Глубокое понимание смысловых особенностей текста оригинала путем анализа концептуального пространства, представленного в метафорических единицах в политическом и художественном дискурсах китайского языка, становится важным условием для адекватной интерпретации источника и передачи всей палитры социально, политически и культурно значимых оттенков переводного дискурса.

Интерес к переводу метафор в художественных текстах обусловлен тем, что на данный момент представлено большое количество исследований, посвященных рассмотрению метафоры как риторического

средства в художественной литературе. Однако художественная картина мира, отраженная в произведении, во многом схожа с языковой картиной мира. В рамках создания художественного текста автор использует повседневную речь. При помощи произведения автор демонстрирует читателям свое видение мира, отраженное в языке. Перевод художественной литературы, в свою очередь, является основой межкультурного обмена между носителями разных языков. Когнитивный подход к пониманию метафор обуславливает научный интерес к их переводу в художественных текстах.

Особый интерес представляют фразеологические единицы чэньюй, которые являются свернутой или имплицитной метафорой, основанной на архетипических культурных или исторических сюжетах китайской лингвокультуры. Они отличаются когнитивным основанием и механизмом образования, аналогичным механизму развернутых метафор. Процесс структурирования абстрактного концептуального домена (target domain) происходит через обращение к более конкретному домену-источнику (source domain), отражая процесс концептуализации внеязыковой действительности носителями китайского языка и культуры. Ключевое свойство чэньюй состоит в их краткости, что приводит к трудностям в переводе.

С учетом теоретических предпосылок когнитивной лингвистики в данной работе метафоры и чэньюй обозначены общим термином *метафорические единицы*, чтобы акцентировать внимание на стоящих за ним ментальных процессах и мыслительных структурах, с которыми сталкивается переводчик. В случае же анализа языковых единиц в действии, когда учитываются репрезентируемая ими ситуация, а также риторическая, экспрессивная функции текста и оказываемое воздействие на читателя, используется термин *метафорическое выражение*. Данное положение подводит к необходимости выхода за рамки сопоставления и поиска эквивалентных соответствий в переводе в сторону анализа глубинных процессов, позволяющих воссоздать когнитивное, прагматическое и эмоциональное воздействие. В случае с чэньюй речь идет о трансфере некоего ментального сценария и тех имплицитно-культурных смыслов, которые репрезентируются с помощью метафорического выражения.

Новизна данного исследования заключается в разработке интегративной когнитивной модели перевода метафорических единиц, сочетающей, в терминах А. А. Кибрика, on-line и off-line процессы [Кибрик, 1994, с. 127]. Модель представляет собой последовательную схему от реконструкции значения до выбора переводческой стратегии на этапе реконцептуализации. В работе предлагается универсальный алгоритм действий переводчика, применимый к разным типам дискурса и позво-

ляющий систематизировать процесс передачи культурно-обусловленных смыслов в переводе.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Вопрос о переводе и моделировании метафоры на протяжении многих десятилетий обсуждается в работах российских и зарубежных лингвистов [Васильев и др., 2022; Кушнина, 2012; Минченков, 2008; Ткач, 2015; Фесенко, 2001; Dickins, 2005; Mandelblit, 1995]. Перевод метафоры традиционно представляет значимую проблему в переводоведении, поскольку ее передача вызывает затруднения в связи с межкультурными и межъязыковыми различиями.

С развитием теории концептуальной метафоры в зарубежной науке, которая акцентирует внимание на концептуальной структуре метафорических выражений, получают развитие исследования, изучающие перевод метафоры с когнитивной точки зрения [Lakoff, 1993; Lewandowska-Tomaszczyk, 2010; Mandelblit, 1995]. Когнитивный подход вводит новое понимание различия между *метафорой* как таковой (или метафорической единицей) и *метафорическим выражением* (metaphorical expression) [Hong et al., 2021, с. 7—8]. Метафора рассматривается как концептуальный механизм, определяющий связь между двумя концептуальными доменами. А метафорическое выражение представляет собой отдельное слово или фразу, являющиеся отражением глубинной концептуальной схемы. Данное разделение имеет существенное значение для перевода метафоры, поскольку в этом случае процесс перевода представляет собой не операцию по установлению соответствий между лингвистическими кодами, а процесс концептуального отображения (mapping) между системами [Maalej, 2008]. С точки зрения Б. Левандовской-Томашик [Lewandowska-Tomaszczyk, 2010, с. 108], паттерны концептуализации, репрезентированные в исходном тексте, определены конвенциями исходного языка. В связи с этим в процессе перевода возникает необходимость в реконцептуализации исходного сообщения с целью его адаптации к концептуальной системе языка перевода. Таким образом, переводчик сталкивается с проблемой концептуальной асимметрии, предусматривающей расхождение между способами категоризации действительности, что приводит к появлению концептуальных метафор.

Дальнейшее развитие исследований метафоры происходит параллельно с признанием главенствующей роли культуры и межкультурного взаимодействия в формировании метафорического мышления [Gibbs, 2008; Mason, 1982; Snell-Hornby, 1995]. Ученые сходятся во мнении, что метафорическое мышление не ограничивается концептуальными механизмами в сознании индивида, а отражает функционирование целостной коллектив-

ной культурной модели. В результате, когнитивные исследования метафоры способствуют рассмотрению понятия культуры на макроуровне как отражению концептуальной системы общества, объединенного культурными традициями и ценностями.

Таким образом, разработка и описание когнитивной модели перевода метафорических выражений в русско-китайской языковой паре создает необходимые основания для более полного представления о когнитивных процессах переводческого переосмысления, реконцептуализации и раскрытия внутренней формы знака. Когнитивный подход позволяет провести более глубокое изучение внутренней формы фразеологизмов Чэньюй, рассматривать язык в связи с человеком, его мышлением и сознанием, а также анализировать языковые факты в тесной взаимосвязи с языковой личностью и языковым социумом.

В качестве материалов для практической верификации когнитивной модели перевода метафорических выражений были выбраны текст романа Янь Лянькэ «Сны деревни Динчжуан» (閻連科 «丁莊夢») и его перевод на русский язык, выполненный А. Перловой [Лянькэ, 2025]. Выбор обусловлен насыщенностью текста культурно-специфичными метафорами, требующими глубокого лингвокогнитивного анализа. Кроме того, был проанализирован корпус статей, опубликованных в период с 2023 по 2025 годы на ведущих официальных информационных платформах Китайской Народной Республики. Методом случайной выборки из 60 статей было отобрано 41 устойчивое выражение по типу чэньюй.

Методология исследования основана на интегративном подходе и включает следующие методы: 1. Концептуальный анализ метафорических единиц, направленный на реконструкцию метафорической модели согласно схеме “X — это Y” [Чудинов, 2003, с. 70], а также выявление сферы-источника и сферы-мишени; 2. Контекстуальный дискурс-анализ с целью учета прагматических, культурных и исторических факторов, оказывающих влияние на значение метафоры; 3. Сопоставительный анализ концептуальных систем китайского и русского языков для выявления степени концептуального сдвига; 4. Моделирование переводческого процесса, состоящего из пошагового алгоритма действий переводчика от идентификации метафоры на этапе реконструкции смысла до выбора стратегии ее передачи на языке перевода на этапе реконцептуализации.

Цель исследования состоит в разработке и апробации на выбранном материале комплексной когнитивной модели перевода метафорических единиц для адекватной передачи когнитивного, культурного и прагматического содержания оригинала в переводе с китайского на русский язык.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Когнитивная модель перевода метафорических единиц. Этапы реконструкции и реконцептуализации

В рамках настоящего исследования перевод метафоры представляет собой системный интегрированный процесс, предполагающий поэтапное выполнение осознанных действий со стороны переводчика по распознаванию, анализу и передаче метафорических единиц. Данный процесс реализуется на двух основных этапах, включая реконструкцию смысла (предпереводческий анализ) и реконцептуализацию (переводческий этап).

Этап реконструкции смысла направлен на выявление и передачу инвариантного ядра смысла, которое несет метафора в исходном тексте. Другими словами, переводчик находится в поиске ответа на вопрос о том, что означает данная метафора в конкретном контексте. Происходит декодирование смысла посредством когнитивного и культурологического анализа контекста, а также путем выявления метафорической модели (определение сферы-источника сферы-мишени), которая позволяет раскрыть связи между понятийными сферами языка оригинала и принимающей культуры [Чудинов, 2003, с. 69]. Как отмечает И. С. Алексеева, предпереводческий анализ включает в себя сбор экстралингвоконтекстуальных сведений. К таким сведениям относятся сведения об авторе, времени создания и публикации текста, происходит определение источника, реципиента и цели перевода. Переводчик выявляет состав информации и ее плотность, то есть анализирует текст на наличие доминирующих речевых средств, значительным показателем которых может быть «присутствие в тексте одного из четырех основных видов информации: когнитивной, оперативной, эмоциональной, эстетической» [Алексеева, 2008, с. 149—151]. В зависимости от типа текста возникает дополнительная необходимость изучения эпохи, ее культурных, экономических и политических особенностей.

Предпереводческий этап при работе с китайскими текстами функционально обретает особые очертания. Перевод метафорических единиц требует особого внимания, так как они тесно связаны с особенностями языка и культуры, они отражают видение мира. С их помощью автор раскрывает то, о чем не принято говорить открыто, то, как воспринимают мир носители языка. Помимо когнитивной функции, метафорические единицы обладают изобразительной и эвфемистической функциями. На данном этапе очень важно определить, какие абстрактные понятия могут быть обозначены конкретными понятиями. Для носителей разных языков могут быть характерны как схожие, так и различные когнитивные картины мира, следовательно, необходимо точно понимать, какое знание отражено в метафорической модели.

Учитывая специфику выбранного переводческого материала, предпереводческий этап дополняется необходимостью более глубокого анализа, поскольку смысл метафорической единицы отражает глубинные знания. Соответственно, для того, чтобы произвести развертывание смысла, используется анализ метафоры в формате метафорической модели с выявлением сферы источника и сферы цели. По определению А. П. Чудинова метафорическая модель — «существующая и / или складывающаяся в сознании носителя языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: “X — это Y”» [Чудинов, 2003, с. 70]. Определение метафорической модели позволяет рассмотреть заложенные концепты в развернутом виде, как итог логических выводов, свойственных культуре языка оригинала. Для анализа метафорической модели необходимо оценить различия процесса концептуализации между культурами языка оригинала и языка перевода. В ходе данного процесса необходимо переложить имеющуюся модель на язык перевода с учетом социокультурных факторов.

Прежде чем перейти к следующему этапу, реконцептуализации, предполагается еще один важный шаг — оценка концептуального сдвига. Для этого требуется проанализировать различия в процессах концептуализации между культурами оригинала и перевода при учете нейропластичности, влияющей на динамичность селективного влияния, восприятие, концептуализацию, отображение знаний как отдельного индивида, так и всех носителей языка [Leontyeva, 2020, с. 128]. Отказ от данного этапа может привести к тому, что перевод может быть излишне доместифицирован или форенизирован. В первом случае метафорическая единица утрачивает культурную идентичность, а во втором она будет непонятна читателю на языке перевода, что, в целом, приведет к утрате интереса к конечному переводу. Выбор стратегии перевода должен быть основан на понимании различий в процессе концептуализации и причин их появления или отсутствия.

Этап реконцептуализации представляет собой когнитивный процесс поиска и выбора способа выражения этого извлеченного в момент реконструкции смысла метафоры на языке перевода. На данном этапе происходит поиск новой формы, в которую можно облечь реконструированный смысл. Исходя из данного понимания переводческого механизма, результат реконструкции становится объектом для перевода, а метафорическая модель на языке перевода становится инструментом синтеза новой формы. Эта особенность обуславливает выбор определенных стратегий в переводе, учитывающих совокупность когнитивных, семантических и культурных особенностей оригинала.

Переход от реконструкции к реконцептуализации представляет собой последовательное единство двух взаимозависимых процессов, которые составляют комплексную когнитивную модель перевода метафорических единиц для достижения единой цели — когнитивно-прагматической эквивалентности. Модель призвана обеспечить эффективную трансляцию социокультурно- и прагматически обусловленных смыслов в переводе художественных и политических текстов.

Для выбора стратегии перевода мы опираемся на концепцию «Когнитивного перевода» Н. Мандельблит, которая предполагает два сценария:

1. Условие похожего метафорического проецирования («similar mapping condition»), когда концептуализация действительности осуществляется похожим образом, отсутствуют значительные различия в картине мира, концептуальный сдвиг отсутствует. В качестве стратегии происходит выбор эквивалента.

2. Условие различного метафорического проецирования («different mapping condition») выполняется при наличии концептуального сдвига. В качестве стратегии используются такие способы перевода, как сравнение, перифраза, добавление объяснения (сноска), опущение. [Mandelblit, 1995, с. 488—493].

Более подробное описание способов передачи метафор предложено в работе [Deignan et al., 1997, с. 352—360]:

1. Сохранение метафорической единицы и ее лингвистической формы при реализации первого условия («similar mapping condition»).

2. Передача метафорической единицы с использованием другой лингвистической формы при схожем метафорическом проецировании, но расхождении на лексическом уровне.

3. Передача заложенного смысла посредством иной метафорической модели при обнаружении различного метафорического моделирования у носителей языка оригинала и языка перевода.

Китайские ученые, такие как Лю Фагун [Лю Фагун, 2008] и др., придерживаются принципов холистического подхода в переводе, согласно которому текст рассматривается как целостная система, а значение текста основывается на взаимодействии всех его элементов, включая прагматику, культурное и коннотативное значение. Китайские исследователи сходятся во мнении, что нет необходимости добиваться симметричности перевода текста на всех уровнях (слова, абзацы, текст), вместо этого необходимо передавать атмосферу произведения посредством художественной неоднозначности. Противопоставление основано на том, что, говоря о переводе с китайского и на китайский язык, в исследованиях отмечается призыв не фиксироваться на отдельных частях (уходя вглубь, как археологи), а смо-

треть на произведение целиком (как художник, создающий картину, рисуя отдельные части, видит картину целиком).

Сравнивая культурные и когнитивные особенности носителей языка оригинала и языка перевода, Лю Фагун выделяет три принципа перевода метафор:

- 1) сохранение особенностей метафоры;
- 2) соединение культурных коннотаций на двух языках;
- 3) восполнение отсутствующих культурных метафор на основе контекста [Там же, с. 200].

При соответствии первому принципу метафорические единицы, которые использует автор оригинального текста, должны быть переданы таким образом, чтобы читатель текста перевода мог получить ту же информацию, что и читатель текста на языке оригинала. Иными словами, сохранение особенностей означает сохранение метафорического подтекста и образности, заложенных автором.

Второй принцип «соединение культурных коннотаций на двух языках» обеспечивает передачу метафорических единиц национальной и культурной образности с точки зрения межкультурной коммуникации. Осуществление этого принципа осложняется расхождением реалий и наличием социокультурных лакун. Для того чтобы свести к минимуму потерю культурной образности в отдельных ситуациях, необходимо компенсировать культурные различия путем подбора таких метафорических единиц на языке перевода, которые связаны с культурной образностью концептуальной метафорической единицы на языке оригинала [Там же, с. 202—203].

Третий принцип «восполнение отсутствующих культурных метафорических единиц на основе контекста» используется в ситуациях отсутствия аналогичных или эквивалентных метафорических единиц на языке перевода. В таком случае необходимо прибегать к компенсации для того, чтобы в полной мере или частично сохранить культурную образность метафор, которые были использованы автором произведения [Там же, с. 204]. Основой третьего принципа является сведение к минимуму потери культурной образности метафорических единиц языка оригинала, что позволяет передать основные культурные образы на языке перевода.

На основе синтеза указанных подходов была создана авторская пошаговая схема перевода метафорических единиц (рис.):

При обнаружении метафорической единицы в тексте перевода необходимо ознакомиться с ее значением на языке перевода. Если смысл метафоры отражает глубинные знания носителей языка о мире, необходимо представить ее в форме метафорической модели с выявлением сферы источника и сферы магнита, произвести реконструкцию смысла. Перевод-

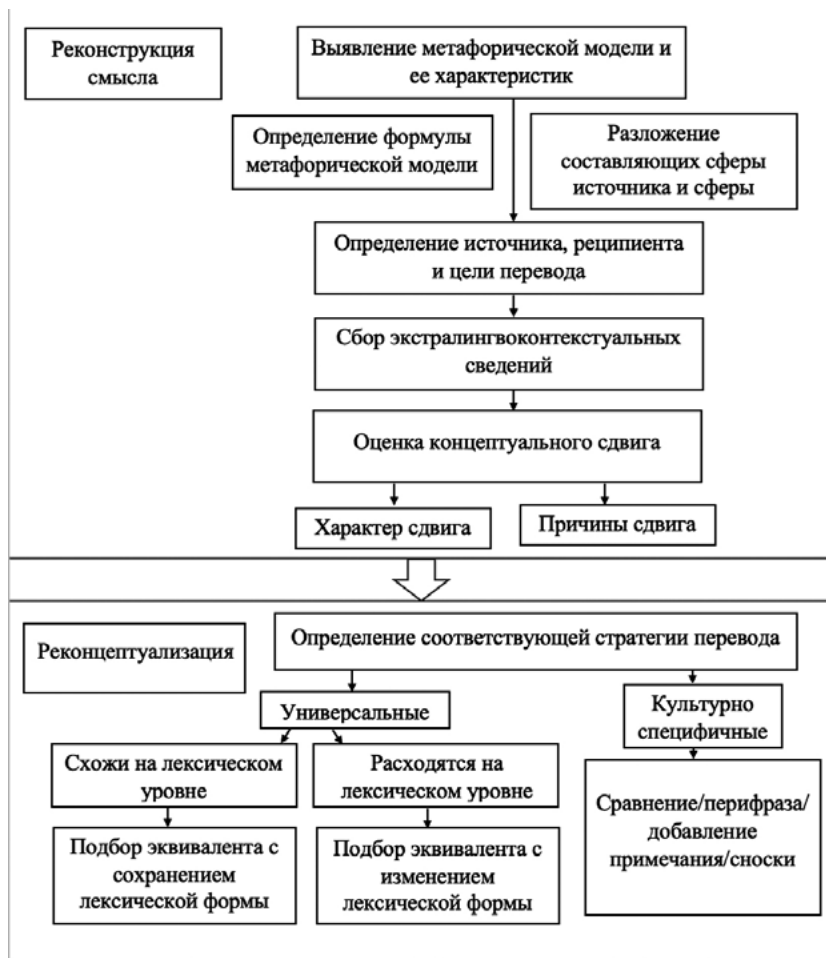

Рис. Когнитивная модель перевода метафорических единиц
Cognitive Model of Metaphor Translation

чик должен определить обе сферы и понять, какие именно характеристики сферы-источника проецируются на сферу-мишень.

Для осуществления адекватного перевода необходимо проанализировать внетекстовые данные: кем написан текст, для кого, какова цель написания. Помимо этого учитываются социальные, экономические и исторические факторы, влияющие на процесс концептуализации.

При различиях в процессе концептуализации действительности у носителей двух языков (полный или частичный концептуальный сдвиг) необходимо выяснить причины, на чем основано различие (например, культурные различия или контекстуальное значение). Только после всестороннего анализа метафорической модели возможно осуществить реконцептуализацию на языке перевода.

На основе реконструкции смысла происходит определение соответствующей стратегии перевода. Если концептуальный сдвиг нулевой или частичный мы можем говорить об универсальности метафорической модели, следовательно, перевод может быть осуществлен посредством подбора эквивалента. На данном этапе учитывается лексический уровень, одни и те же метафорические модели могут передаваться посредством различных лексических единиц, в переводе важно передать смысл, лексическая форма может быть изменена.

Культурно специфичные метафорические модели, при анализе которых выявляется полный концептуальный сдвиг, требуют творческого подхода к переводу. Подобные модели уникальны и существуют только в языке оригинала, следовательно, необходимо передать культурную специфику. Перевод осуществляется путем замены на сравнение или перифразу с сохранением образности. В отдельных случаях возможна деметафоризация, добавление сноски или примечания.

3.2. Анализ перевода метафор художественного дискурса с китайского на русский язык на основе когнитивной модели

Для апробации модели представим анализ перевода метафор на примерах из романа Янь Лянькэ «Сны деревни Динчжуан». Из-за реалистичности описания многие работы были запрещены в Китае. Роман «Сны деревни Динчжуан» был написан в 2005 году, в 2025 году был опубликован его перевод на русский язык, выполненный А. Перловой. «Сны деревни Динчжуан» — это жесткий и пронзительный роман, который через историю одной деревни рассказывает об одной из самых трагических страниц современного Китая — «катастрофе кровавого донорства» (血浆经济) 1990-х годов. Это не просто художественное произведение, а громкое социальное и политическое заявление.

Роман начинается с описания наступления осени в деревне. Осенние холода заставляют людей уходить в дома, природа чахнет.

Оригинал: 黄昏里的落日，在豫东的平原上，因著黄昏，它就血成一团，漫漫地红著。

Дословный перевод: Закатное солнце в сумерках на равнинах восточного Хэнаня, из-за вечерней зари, превратилось в сплошной комок крови, заливая все небо и землю багровым светом.

Перевод А. Перловой: «Сумеречное солнце — кровавой шар, садится над Хэнаньской равниной, заливая небо багрянцем, заливая багрянцем землю».

Реконструкция модели: в данном примере представлена концептуальная метафора 落日... 它就血成一团 (Закатное солнце... оно кровавым сгустком становится). В соответствии с представленной моделью для развертывания смысла мы представляем ее в форме метафорической модели КОНЕЦ ЦИКЛА (ОСЕНЬ) — ЭТО СМЕРТЬ. Данная метафорическая модель в мышлении носителей китайского языка связана с культурными, философскими и историческими факторами.

Китай — древняя аграрная цивилизация. Жизнь и смерть народа напрямую зависели от циклов природы, весна связана с рождением, лето — буйство жизни, осень объединяет в себе сбор урожая и увядание, своеобразное умирание, зима — смерть. В традиционной китайской философии элемент осени — металл, он ассоциируется с холодом, твердостью, острыми краями и оружием, которым можно убивать. Кроме того, холод — это болезнь, отсутствие жизненной энергии Ци. В древнем Китае было принято вести войны осенью, летом слишком жарко, зимой холодно, а летом нужно сеять.

Анализ сдвига. В концептуальной картине мира носителей русского языка есть похожая метафорическая модель ОСЕНЬ — ЭТО УВЯДАНИЕ, СТАРОСТЬ, ПЕЧАЛЬ, ПРИГОТОВЛЕНИЕ к СМЕРТИ. Однако существует значительное различие, если в китайской традиции осень — метафора смерти и крови, то в русской традиции осень связана с задумчивой грустью, светлой печалью, умиротворенным угасанием.

Мы можем говорить о том, что данная метафорическая модель является культурно специфичной, так как присутствует полный концептуальный сдвиг. В переводе мы видим замену концептуальной метафоры на перифразу «Сумеречное солнце — кровавой шар», что позволяет сохранить культурную составляющую.

Второй пример также связан с природными явлениями.

Оригинал: 就明白，他一早离开庄，坐车到城里听上边的人说了半天模糊的事，在通往丁庄的路道上，有些日出天晴样灵醒了。

Дословный перевод: Сразу понял, он утром уехал из деревни, на автобусе доехал до города, где полдня слушал начальство, говорящее о смутных делах, по дороге в Динчжуан на манеру выхода солнца осенило.

Перевод А. Перловой: «И стало ясно — рано поутру он сел на автобус, поехал в город, целый день слушал, как уездное начальство городит какую-то невнятицу, но теперь, у дороги в Динчжуан, будто солнце вышло из-за туч — он все понял».

Реконструкция модели: Концептуальную метафору 有些日出天晴样 灵醒了 (на манеру выхода солнца осенило) можно представить в виде метафорической модели ПРИОБРЕТЕНИЕ ПОНИМАНИЯ — ЭТО ВОСХОД СОЛНЦА / ЯСНАЯ ПОГОДА. Эта метафора является глубоко культурно-обусловленной и отражает то, как китайская культура через язык и философию осмысливает процесс познания: как движение от тьмы к свету, от хаоса к порядку, от тумана к ясности. Китайская письменность сама по себе является источником метафор. Ключевые понятия, связанные с пониманием, часто содержат в себе графические элементы, связанные со светом и зрением. Использованный для обозначения понятия «понимать», «сознавать» (明, míng) иероглиф состоит из двух частей: 日 (солнце) и 月 (луна). Быть «明» — значит быть ясным, понятным, просветленным. Это один из самых наглядных примеров метафоры. Китай, как аграрная цивилизация, всегда зависел от солнца и погоды. Ясная погода (天晴 tiān qíng) означала хорошую видимость, возможность работать в поле и вообще благоприятные условия. Противоположность — туман, дождь, облачность — ассоциировались с помехами, неопределенностью, трудностями.

Анализ сдвига. Концептуальная метафора ПРИОБРЕТЕНИЕ ПОНИМАНИЯ — ЭТО СВЕТ характерна для русского языка и является одной из самых распространенных. На китайском языке часто используется целостный поэтический природный образ (восход, ясное небо), что связано с сильным влиянием традиционной натурфилософии. На русском языке наиболее частотны механические и «электрические» метафоры (*осенило, лампочка загорелась*), отражающие более позднее культурное влияние. В переводе необходимо учитывать культурные отличия, в связи с этим мы видим, что данная метафора была передана с помощью замены на сравнение.

Проведенный анализ фрагментов оригинала и перевода текста романа Янь Лянькэ «Сны деревни Динчжуан» позволил выявить стратегии, используемые переводчиком, с учетом специфики представленного дискурса. В художественном дискурсе метафоры отличаются высокой степенью образности, эмоциональной насыщенности, зачастую определяют создание уникальной авторской картины мира и передачу эстетического воздействия на читателя. Они, как правило, глубоко укоренены в национальной культурной и натурфилософской традиции, что приводит к полному или частичному концептуальному сдвигу. Переводчику в данном случае важно сохранить не только когнитивное ядро, но и образность наряду с эмоционально-эстетическим подтекстом. Это обуславливает использование таких стратегий, как развертывание метафоры в сравнение, перифраз, компенсация и экспликация, вплоть до добавления сносков. Переводчик в таких ситуациях сознательно жертвует буквальной, фор-

мальной точностью ради передачи общей атмосферы, художественного замысла и глубинной сущности текста. Если под буквальной точностью мы понимаем дословный перевод компонентов метафоры, то для сохранения художественной ценности, культурного и эмоционального подтекста мы не можем придерживаться принципов буквальности в переводе. Мы можем говорить о том, что при переводе метафорических единиц наибольшую ценность имеют точная передача когнитивной основы, отражающей то, как люди воспринимают окружающий мир, и точная передача воздействующего эффекта.

3.3. Анализ эффективности использования когнитивной модели перевода для перевода на примере фразеологических единиц по типу 成语 в текстах политического дискурса

В рамках китайской лингвистической традиции фразеологические обороты принято классифицировать на несколько типов: чэньюй (成语), суюй (俗语), яньюй (谚语), сехоуэй (歇后语), цзинцзюй (警句, гэянь (格言) и цзишо (奇说). В контексте настоящего исследования особый интерес представляют чэньюй, которые, с одной стороны, количественно преобладают над другими типами фразеологических единиц китайского языка, а с другой — характеризуются высокой степенью употребительности в текстах политического дискурса. Указанные особенности обусловили выбор данной категории фразеологизмов в качестве основного объекта анализа.

Следует уточнить, что под термином *чэньюй* в данной работе принимается определение, предложенное Ма Гофань, согласно которому чэньюй представляет собой преимущественно четырехсоставное выражение, сформированное в рамках норм классического китайского языка (вэньянь), обладающее семантической цельностью, переносным обобщенным значением и ярко выраженной экспрессивностью, а также функционирующее в составе предложения как его структурный компонент [Ма Гофань, 1978, с. 44].

Для анализа были отобраны чэньюй из новостных статей официальных китайских СМИ (2019—2023 годы). Как показало наше предыдущее исследование [Нефедова и др., 2025], значительная часть фразеологизмов по типу чэньюй (成语) в текстах политического характера часто опускается. Предложенная когнитивная модель позволяет систематизировать подход к их переводу.

Пример 1. Чэньюй 同舟共济

Контекст: На церемонии открытия ежегодного совещания Боаоского азиатского форума председатель КНР Си Цзиньпин выступил с речью, где употребил чэньюй «同舟共济»

Оригинал: 我们要共同应对全球治理挑战。世界各国乘坐在一條命運與共的大船上，要穿越惊涛骇浪、驶向光明未来，必须同舟共济，企圖把誰扔下大海都是不可接受的。

Дословное значение: совместная лодка общая помощь

Реконструкция модели: Чэньюй 同舟共济 содержит концептуальную метафору ЖИЗНЬ / ОБЩЕСТВО / СУДЬБА — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЛОДКЕ, которая основана на телесном и культурном опыте. Этот чэньюй аналогичен другому фразеологизму, который часто встречается в текстах политического дискурса: 风雨同舟 (досл. плыть в одной лодке при ветре и в дождь) — делить горести и печали, разделять невзгоды). Однако, в отличие от последнего, в нем акцентируется не только общая судьба, но и совместные усилия для преодоления препятствий. Он является отражением метафорической модели СОВМЕСТНОЕ ПРЕОДОЛЕНИЕ ТРУДНОСТЕЙ = ПЕРЕПРАВА в ОДНОЙ ЛОДКЕ. Данный чэньюй передает идеи единства и солидарности, особенно в условиях кризиса. Его употребление акцентирует внимание на коллективной ответственности и необходимости совместных усилий для преодоления трудностей. Данный чэньюй широко используется в официальной риторике — прежде всего в контексте противодействия стихийным бедствиям, укрепления международного взаимодействия, а также подчеркивания национального сплочения в сложные периоды.

Анализ сдвига. В русском языке присутствуют схожие метафорические модели ЖИЗНЬ / СУДЬБА — ЛОДКА, фразеологизмы *в одной лодке*, *плыть в одной лодке*; СОВМЕСТНОЕ ДЕЙСТВИЕ — ГРЕБЛЯ, фразеологизм грести в одном направлении, ОБЩЕСТВО — СВЯЗАННЫЙ МАРШРУТ, фразеологизм *идти в одной связке*. Из данных примеров, *плыть в одной лодке* — наиболее близкий образ, это идентичная по структуре метафора. Однако в языковой картине мира китайцев, «одна лодка» — не просто ситуация, а идеал совместного действия и моральный долг, в то время как в русской языковой картине мира «одна лодка» может быть вынужденной ситуацией, даже без желания помогать друг другу. Таким образом, мы можем говорить о частичном концептуальном сдвиге, образ и метафора совпадают, но выражение *одна лодка* эмоционально слабее, так как описывает просто ситуацию, а не призывает к солидарности.

Стратегия и вариант перевода: Для передачи мобилизующего, этического оттенка необходимо добавить выражение «грести вместе», таким образом, метафора «Мы плывем в одной лодке и должны грести вместе» будет максимально точно передавать исходный смысл.

Пример 2. Чэньюй 龙马精神

Контекст: Си Цзиньпин использовал в своей речи, посвященной празднованию китайского нового года.

Дословное значение: дух дракона или лошади

Оригинал: 即将过去的甲辰龙年，是我们振奋龙马精神、历经风雨彩虹的一年

Реконструкция модели: Концептуальная метафора ДУХ / ЭНЕРГИЯ ЧЕЛОВЕКА — ЭТО СИЛЬНОЕ ЖИВОТНОЕ (ДРАКОН ИЛИ ЛОШАДЬ). Эта модель характерна для китайской культурной традиции, в которой мифологические и природные образы часто используются для выражения моральных и психических состояний человека.

Анализ сдвига. Чэньюй 龙马精神 основан на метафорической модели, в которой духовная энергия человека представляется через образы дракона и лошади — символы силы, выносливости и благородства. В рамках этой модели абстрактные качества, такие как жизненная сила, внутренний подъем и стремление к действию, осмысляются как черты мощных и одухотворённых существ. Дракон символизирует высшую, почти божественную силу, связанную с небом и духовным началом, тогда как лошадь — это образ физической мощи, трудолюбия и движения вперёд. Объединение этих символов формирует представление об идеальном состоянии духа: активном, сильном, уравновешенном и устремлённом к цели. Таким образом, метафорическая модель, заложенная в чэньюй, заключается в следующем: «Человеческий дух — это живое существо, обладающее мощной и благородной силой».

В русском языке также присутствуют метафорические модели, отражающие представления о человеческой силе и энергии. Например, в выражении *бешенная энергия* используется модель ЭНЕРГИЯ — НЕУКРОТИМАЯ СТИХИЯ ИЛИ ЖИВОТНАЯ СИЛА; во фразе *звериная сила* реализуется модель ФИЗИЧЕСКАЯ МОЩЬ ЧЕЛОВЕКА — ЭТО СИЛА ЖИВОТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ; а выражение *стальной дух* отражает метафору ДУХОВНАЯ ТВЁРДОСТЬ — ЭТО ПРОЧНЫЙ МАТЕРИАЛ. Тем не менее ни одна из этих моделей не объединяет сразу энергию, духовную силу и благородство, как это делает китайский фразеологизм 龙马精神, в котором сливаются мифологическая мощь дракона и выносливость лошади, формируя образ идеального внутреннего состояния.

Из вышесказанного можно сделать вывод о наличии концептуального сдвига и необходимости описательно перевода. Как вариант, можно применить дословный перевод в сочетании с экспликативным: «дух дракона и лошади» — устремлённость вперёд, мощная внутренняя энергия и сила преодолевать преграды».

Общий анализ устойчивых выражений по типу чэньюй на основе выбранного корпуса показал, что, в отличие от художественного дискурса, в политическом дискурсе метафорические единицы чаще используются

в стандартизированном варианте и выполняют в первую очередь убеждающую и мобилизующую функцию. В отличие от художественных метафор, создающих новую реальность, чэньюй способствуют активации в сознании реципиента готовых, социально одобряемых схем и ценностей (единство, преодоление, преемственность). В связи с этим чаще встречается нулевой или частичный концептуальный сдвиг, так как многие базовые концептуальные метафоры являются общепризнанными. Однако даже при схожести метафорической модели прагматическая сила и культурные коннотации могут различаться. Поэтому для переводчика в приоритете остается адекватная передача иллокутивной силы высказывания, основу которой составляет определенное коммуникативное намерение. Это обуславливает использование стратегий поиска функционального аналога (например: 同舟共济 → плыть в одной лодке и грести вместе). Стратегия опущения при переводе чэньюй, как показал анализ, является крайней мерой, которая может быть аргументирована прагматической нецелесообразностью его сохранения в конкретном контексте.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование подтверждает продуктивность лингвокогнитивного подхода к моделированию процесса перевода метафорических единиц. Разработанная комплексная модель представляет собой целостный конструкт, включающий этапы реконструкции смысла и реконцептуализации с пошаговым алгоритмом действий, позволяющим перейти от интуитивного поиска эквивалентов к осознанному выбору стратегии на основе анализа глубинных когнитивных структур.

Практическая апробация модели была выполнена на материале китайского художественного и политического дискурсов и доказала свою эффективность применительно к обоим типам дискурса. Было выявлено, что основные трудности перевода связаны с надлингвистическим уровнем понимания смысла, предполагающим расхождения в культурных когнитивных моделях, выражающиеся в наличии или отсутствии концептуального сдвига. Модель позволяет диагностировать степень этого сдвига (нулевой, частичный, полный) которая является определяющей для последующего выбора адекватной стратегии перевода (от использования прямого эквивалента до сложных приемов компенсации и экспликации).

Анализ материала исследования также позволил прийти к выводу о том, что существует различие в выборе стратегий перевода метафорических единиц, применяемых переводчиком при работе с художественным и политическим дискурсом. Данный выбор варьируется в пределах эстетико-экспрессивной и прагматико-коммуникативной доминант. Несмотря

на это, предложенная когнитивная модель оказывается эффективной для обоих типов дискурса, поскольку на уровне концептуального сдвига происходит выявление природы переводческой проблемы (концептуальный сдвиг), что позволяет делать осознанный выбор в пользу той или иной стратегии при учете не только лингвистической формы, но и путем выявления природы переводческой проблемы. Общим для обоих дискурсов является ключевой этап реконструкции смысла, требующий от переводчика глубокого погружения в культурный и концептуальный контекст оригинала. Расхождение наблюдается на этапе реконцептуализации, где конечный выбор стратегии диктуется доминирующей функцией метафоры в конкретном дискурсе.

В перспективе возможна дальнейшая верификация эффективности предложенной модели в других типах дискурса, включая рекламный и научный, при учете функциональной специфики метафорических единиц. Возможно также расширение корпуса исследуемых языковых единиц за счет других типов китайской фразеологии (сяньхоуяой, яньюй), а также применение количественных методов для статистического анализа частотности переводческих стратегий в зависимости от типа дискурса и степени концептуального сдвига. Кроме того, представляют интерес экспериментальная апробация модели с привлечением переводчиков-практиков для оценки эффективности ее прикладного характера и разработка на ее основе методики подготовки переводчиков, работающих с языковой парой «китайский — русский». Дальнейшее развитие модели может также быть реализовано при интеграции методов когнитивной лингвистики и корпусных технологий для выявления латентных закономерностей в процессе реконцептуализации метафорических значений.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Литература

1. *Алексеева И. С.* Текст и перевод. Вопросы теории / И. С. Алексеева. — Москва : Междунар. отношения, 2008. — 184 с. — ISBN 978-5-7133-1318-0.
2. *Болдырева О. Н.* Особенности перевода китайских фразеологизмов (чэньюев) на русский язык / О. Н. Болдырева, Ш. Хань // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2020. — № 2 (27). — С. 69—71. — DOI: 10.36809/2309-9380-2020-27-69-71.
3. *Васильев Л. Г.* Ситуативная модель перевода как средство достижения переводческой эквивалентности / Л. Г. Васильев, Т. У. Пайсаева // Вестник Калужского университета. — 2022. — № 3 (56). — С. 8—10. — DOI: 10.54072/18192173_2022_3_5_8.
5. *Кибрик А. А.* Когнитивные исследования по дискурсу / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. — 1994. — № 5. — С. 126—139.

6. Кушнина Л. В. Переводческая деятельность как эвристический процесс / Л. В. Кушнина // Современные проблемы науки и образования. — 2012. — № 6. — С. 490.
7. Лю Фагун. Исследование принципов перевода метафор с китайского языка на английский / Лю Фагун. — Пекин : Издательство оборонной промышленности, 2008. — 346 с. (刘法公. 隐喻汉英翻译原则研究 / 刘法公. — 北京 : 国防工业出版社, 2008. — 346 页.) .
8. Лянькэ Я. Сны деревни Динчжуан / Я. Лянькэ. — Москва : Синдбад, 2025. — 185 с. — ISBN 978-5-00-131636-7.
9. Ма Гофань. Чэньюй / Ма Гофань. — Хух-Хото : Нэй Мэнгу жэньминь чубаньшэ, 1978. — 344 с. (马国凡. 成语 / 马国凡. — 呼和浩特 : 内蒙古人民出版社, 1978. — 344 页.) .
10. Минченков А. Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода (на материале английского языка) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / А. Г. Минченков. — Санкт-Петербург, 2008. — 319 с.
12. Нефедова Л. А. Проблема перевода китайских фразеологических единиц типа чэньюй (成语) в текстах политического дискурса / Л. А. Нефедова, А. С. Болдырева // Вестник Челябинского государственного университета. — 2025. — № 6 (500). — С. 176—184. — DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-176-184.
13. Ткач С. Ю. Модели перевода / С. Ю. Ткач // Языки. Культуры. Перевод. — Москва : Российский университет дружбы народов, 2015. — № 1. — С. 269—282. — ISBN 978-5-209-06524-1.
14. Фесенко Т. А. Лингвоментальная модель процесса перевода / Т. А. Фесенко // Язык, сознание, коммуникация. — Москва : МАКС Пресс, 2001. — С. 58—62.
15. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : УрГПУ, 2003. — 248 с. — ISBN 5-7186-0127-5.
16. Deignan A. Teaching English Metaphors Using Cross-Linguistic Awareness-Raising Activities / A. Deignan, D. Gabrys, A. Solska // ELT Journal. — 1997. — № 51 (4). — Pp. 352—360.
17. Dickins J. Two models for metaphor translation / J. Dickins // Target. International Journal of Translation Studies. — 2005. — Vol. 17 (2). — Pp. 227—273. — DOI: 10.1075/target.17.2.03dic.
19. Gibbs R. Complementary perspectives on metaphor : Cognitive linguistics and relevance theory / R. Gibbs // Journal of Pragmatics. — 2008. — Vol. 40. — Pp. 657—677. — DOI: 10.1016/J.PRAGMA.2008.02.001.
20. Hong W. The Cognitive Turn in Metaphor Translation Studies : A Critical Overview / W. Hong, C. Rossi // Journal of Translation Studies. — 2021. — Vol. 5 (2). — Pp. 83—115.
21. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor / G. Lakoff // Metaphor and Thought. — 1993. — Vol. 9. — Pp. 202—251. — DOI: 10.1017/cbo9781139173865.013.
22. Leontyeva K. Cognitive Dominants and Shifts in Sociocultural Perspective in Literary Translation / K. Leontyeva // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. — 2020. — Pp. 127—39. — DOI: 10.15405/EPSSBS.2020.04.02.15.
23. Lewandowska-Tomaszczyk B. Re-Conceptualization and the Emergence of Discourse Meaning as a Theory of Translation / B. Lewandowska-Tomaszczyk // Meaning in Translation. — 2010. — Pp. 105—147. — DOI: 10.13140/2.1.4989.4724.
24. Maalej Z. Translating metaphor between unrelated cultures : A cognitive-pragmatic perspective / Z. Maalej // Sayyab Translation Journal. — 2008. — Vol. 1. — Pp. 60—82.

25. Mandelblit N. The cognitive view of metaphor and its implications for translation theory / N. Mandelblit // Translation and Meaning — Maastricht : Universitaire Press, 1995. — Pp. 483—495.

26. Mason K. Metaphor and Translation / K. Mason // Babel. — 1982. — Vol. 28 (3). — Pp. 140—149. — DOI: 10.1075/babel.28.3.05mas.

27. Snell-Hornby M. Translation Studies : An Integrated Approach. Revised ed / M. Snell-Hornby. — Amsterdam and Philadelphia : John Benjamins, 1995. — 179 p. — ISBN 90 272 2060 3.

Статья поступила в редакцию 18.09.2025,
одобрена после рецензирования 05.11.2025,
подготовлена к публикации 18.01.2026.

References

- Alekseeva, I. S. (2008). *Text and translation. Questions of theory*. Moscow: Internat. relations. 184 p. ISBN 978-5-7133-1318-0. (In Russ.).
- Boldyreva, O. N., Han, Sh. (2020). Features of the translation of Chinese phraseological units (chengyue) into Russian. *Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies*, 2 (27): 69—71. DOI: 10.36809/2309-9380-2020-27-69-71. (In Russ.).
- Chudinov, A. P. (2003). *Metaphorical mosaic in modern political communication*. Yekaterinburg: USPU. 248 p. ISBN 5-7186-0127-5. (In Russ.).
- Deignan, A., Gabrys, D., Solska, A. (1997). Teaching English Metaphors Using Cross-Linguistic Awareness-Raising Activities. *ELT Journal*, 51 (4): 352—360.
- Dickins, J. (2005). Two models for metaphor translation. *Target. International Journal of Translation Studies*, 17 (2): 227—273. DOI: 10.1075/target.17.2.03dic.
- Fesenko, T. A. (2001). Linguoamental model of the translation process. In: *Language, consciousness, communication*. Moscow: MAX Press LLC. 58—62. (In Russ.).
- Gibbs, R. (2008). Complementary perspectives on metaphor: Cognitive linguistics and relevance theory. *Journal of Pragmatics*, 40: 657—677. DOI: 10.1016/J.PRAG-MA.2008.02.001.
- Hong W., Rossi, C. (2021). The Cognitive Turn in Metaphor Translation Studies: A Critical Overview. *Journal of Translation Studies*, 5 (2): 83—115.
- Kibrik, A. A. (1994). Cognitive research on discourse. *Questions of linguistics*, 5: 126—139. (In Russ.).
- Kushnina, L. V. (2012). Translation activity as a heuristic process. *Modern problems of science and education*, 6: P. 490. (In Russ.).
- Lakoff, G. (1993). The Contemporary Theory of Metaphor. *Metaphor and Thought*, 9: 202—251. DOI: 10.1017/cbo9781139173865.013.
- Leontyeva, K. (2020). Cognitive Dominants and Shifts in Sociocultural Perspective in Literary Translation. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. 127—39. DOI: 10.15405/EPSSBS.2020.04.02.15.
- Lewandowska-Tomaszczyk, B. (2010). Re-Conceptualization and the Emergence of Discourse Meaning as a Theory of Translation. *Meaning in Translation*. 105—147. DOI: 10.13140/2.1.4989.4724.
- Lianke Ya. (2025). *Dreams of Dingzhuang village*. Moscow: Sinbad. 185 p. ISBN 978-5-00-131636-7. (In Russ.).

- Liu Fagong. (2008). *A study of the principles of translating metaphors from Chinese into English*. Beijing: Publishing House of the Defense Industry. 346 p. (In Chin.).
- Ma Guofan. (1978). *Chengyu*. Hohhot: Nei Mengu renmin chubanshe. 344 p. (In Chin.).
- Maalej Z. (2008). Translating metaphor between unrelated cultures: A cognitive-pragmatic perspective. *Sayyab Translation Journal*, 1: 60–82.
- Mandelblit, N. (1995). The cognitive view of metaphor and its implications for translation theory. In: *Translation and Meaning*. Maastricht: Universitaire Press. 483–495.
- Mason, K. (1982). Metaphor and Translation. *Babel*, 28 (3): 140–149. DOI: 10.1075/babel.28.3.05mas.
- Minchenkov, A. G. (2008). *Cognitive-heuristic model of translation (based on the material of the English language)*. PhD Diss. St. Petersburg. 319 p. (In Russ.).
- Nefedova, L. A., Boldyreva, A. S. (2025). The problem of translating Chinese phraseological units of the chengyu type in the texts of political discourse. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 6 (500): 176–184. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-176-184. (In Russ.).
- Snell-Hornby, M. (1995). *Translation Studies: An Integrated Approach. Revised ed.* Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins. 179 p. ISBN 90 272 2060 3.
- Tkach, S. Y. (2015). Models of translation. In: *Languages. Culture. Translation, 1*. Moscow: People's Friendship University of Russia. 269–282. ISBN 978-5-209-06524-1. (In Russ.).
- Vasiliev, L. G., Paysaeva, T. U. (2022). Situational model of translation as a means of achieving translation equivalence. *Bulletin of the Kaluga University*, 3 (56): 8–10. DOI: 10.54072/18192173_2022_3_5_8. (In Russ.).

*The article was submitted 18.09.2025;
approved after reviewing 05.11.2025;
accepted for publication 18.01.2026.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(1), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Сигал К. Я. Пунктуационный трансфер в художественном тексте / К. Я. Сигал // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 1. — С. 130—150. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-130-150.

Seagal, K. Ya. (2026). Punctuation Transfer in Literary Texts. *Nauchnyi dialog*, 15 (1): 130-150. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-130-150. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Пунктуационный трансфер в художественном тексте

Сигал Кирилл Яковлевич
orcid.org/0000-0001-9400-4587
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник,
отдел экспериментальных
исследований речи
kjseagal@yandex.ru

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Punctuation Transfer in Literary Texts

Kirill Ya. Seagal
orcid.org/0000-0001-9400-4587
Doctor of Philology,
chief research scientist,
Department of Experimental
Speech Research
kjseagal@yandex.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предлагается описание пунктуационного трансфера и его типов на примере фактов переноса испанских вопросительных и восклицательных знаков, имеющих в русских художественных текстах. В качестве основного материала для исследования использованы прецеденты пунктуационного трансфера в прозаических и поэтических текстах XXI века, в качестве дополнительного — первые опыты пунктуационного трансфера в XIX веке. Актуальность исследования обусловлена тем, что в теории культурно-языкового трансфера почти не было уделено внимания иноязычным знакам препинания. Вследствие этого не были установлены факторы, побуждающие писателя или поэта использовать пунктуационный трансфер, а также типы включения иноязычных знаков препинания в художественный текст. Показано, что пунктуационный трансфер представляет собой намеренный перенос иноязычного знака препинания. Установлено, что в художественных текстах выделяются два типа пунктуационного трансфера, обладающие разным стилистическим предназначением. Показано, что первый тип применяется при пунктуационном маркировании реплики на иностранном языке, тогда как второй тип — при особой пунктуационной организации текста на родном языке. Отмечается, что первый тип пунктуационного трансфера характерен для прозаических текстов, а второй его тип — для поэтических.

Ключевые слова:

пунктуация; пунктуационный трансфер; вопросительный знак; восклицательный знак; художественный текст; стилистика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper presents a description of punctuation transfer and its types using examples from the transference of Spanish question marks and exclamation points into Russian literary texts. The primary material for this study consists of instances of punctuation transfer found in prose and poetry of the twenty-first century, while additional data comes from early experiments with such transfers dating back to the nineteenth century. The relevance of this research stems from the fact that foreign-language punctuation has received little attention within the theory of cultural and linguistic transfer. Consequently, factors motivating writers or poets to employ punctuation transfer as well as typologies of incorporating foreign-language punctuation into literary works have not been adequately established. It is demonstrated here that punctuation transfer involves deliberate borrowing of foreign punctuation marks. Two distinct types of punctuation transfer are identified based on their stylistic function: one type applies when marking foreign language dialogue, whereas another type pertains to special punctuational organization within native-language text. It is noted that the first type predominates in prose, while the second type is more characteristic of poetic compositions.

Key words:

punctuation; punctuation transfer; question mark; exclamation point; literary text; stylistics

УДК 811.161.1'367+003.086

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-130-150

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Пунктуационный трансфер в художественном тексте

© Сигал К. Я., 2026

1. Введение = Introduction

Как известно, в лингвистике XXI века возник целый ряд направлений, вызванных к жизни определенными закономерностями организации новейших художественных текстов. Таким направлением является *теория культурно-языкового трансфера*, призванная объяснить «процесс переноса знаний» посредством «анализа вкраплений, интерференций, гибридизаций, трансформаций» [Фещенко и др., 2016, с. 5]. Создание этой теории обусловлено «предъявлением билингвами двуязычных текстов как нового способа говорения и нового способа мышления» [Азарова, 2016, с. 303].

Конечно, теория культурно-языкового трансфера еще нуждается в уточнении своих ключевых понятий. Так, например, *трансфер* осмысливается здесь как более общее, когнитивно-культурное понятие по сравнению с лингвистическим понятием *интерференции*, хотя этот момент никак не «снимает» наследуемых из контактной лингвистики представлений о том, что интерференция отождествляется с отрицательным переносом и что она отличается однонаправленностью — из родного языка в иностранный [Колесниченко, 2013, с. 183—184]. В современном прозаическом или поэтическом тексте трансфер, будучи особой установкой речи, или речевым целеполаганием, художника слова (ср. тезис У. Вайнрайха о том, что «местом осуществления контакта являются индивиды» [Вайнрайх, 1979, с. 22]), принципиально не соотносится с ошибками и не имеет единой траектории действия. Трансфер в художественном тексте — это процесс и результат переноса языковых знаний, объективированный в иноязычном (на фоне контекста) показателе, в том числе в знаке препинания. В последнем случае можно говорить о пунктуационном трансфере.

По всей видимости, прецеденты, относящиеся к пунктуационному трансферу, оказываются во многом парадоксальными как для научно-лингвистического, так и для обыденного восприятия знаков препинания.

Во-первых, контрастивная пунктуация нацелена на обнаружение различий между пунктуационными системами [Gallosa Camacho et al., 2023], а при освоении пунктуации иностранного языка идет непрерывная борьба с пунктуационными автоматизмами, сложившимися в письменной речевой деятельности на родном языке (ср. учение о пунктуационной интерференции [Сорокопуд и др., 2020]). Во-вторых, у носителей языка, не являющихся лингвистами, иноязычный знак препинания обычно вызывает либо недоумение, либо отторжение. В частности, когда носитель испанского языка «впервые знакомится с другими языками, он всегда с удивлением замечает, что там вопросительные и восклицательные знаки закрываются, но не открываются» [Millán, 2006, p. 89]. В дневниковой записи И. Н. Розанова от 18 ноября 1936 года сообщается, что в лозунгах, переведенных с русского языка на испанский (!), «по совету писателя Финка были сняты вопросительные знаки, перевернутые перед фразами» [Чуд, с. 597—598].

Однако, вопреки сказанному, пунктуационный трансфер, состоящий в намеренном переносе иноязычного знака препинания, то и дело документируется в художественных (и реже — в публицистических) текстах и тем самым становится пунктуационным фактом. Например, начиная с 1830-х годов в русской печати спорадически стали употреблять сначала испанский вопросительный (*¿...?*), а затем и восклицательный (*¡...!*) знак. В наши дни именно эти прецеденты пунктуационного трансфера являются наиболее востребованными в художественных текстах, причем как в прозаических, так и в поэтических. Можно полагать, что описание и объяснение данных пунктуационных фактов позволяет теоретически осмыслить пунктуационный трансфер как таковой и его типы, в чем и заключается цель настоящей статьи.

Актуальность исследования связана с тем, что, во-первых, в теории культурно-языкового трансфера почти не было уделено внимания иноязычным знакам препинания; во-вторых, в пунктуации художественного текста не было термина-понятия *пунктуационный трансфер*, способствующего вычленению соответствующего круга фактов и осознанию их как отдельного явления в пунктуационном маркировании; в-третьих, не были установлены факторы, побуждающие художника слова обратиться к пунктуационному трансферу; в-четвертых, не были выявлены типы включения иноязычных знаков препинания в художественный текст.

Научная новизна статьи состоит в том, что в ней, с одной стороны, заложены основы теории пунктуационного трансфера, а с другой стороны, раскрыты особенности трансфера вопросительного и восклицательного знаков испанского языка, выделяющихся по своему составу, форме и рас-

положению, в пунктуационную организацию новейших русских художественных текстов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Основным материалом для исследования являются прозаические и поэтические тексты русских художников слова XXI века, в которых запечатлены факты пунктуационного трансфера, а именно переноса испанских вопросительных и восклицательных знаков. Это, во-первых, две части романа Ю. Кузнецовой «Первая работа»: «Уроки испанского» (2016 год) и «Путешествие» (2017 год) [Куз, с. 5—267, 269—522], а во-вторых, три стихотворения Н. Азаровой 2005, 2007 и 2010 годов, включенные в сборник «Соло равенства» [Аз, с. 111, 147, 205].

В качестве дополнительного материала привлечены русские художественные и публицистические тексты XIX века, где получили отображение не вполне последовательные попытки трансфера испанского вопросительного знака. Это «Пестрые сказки» (1833 год) В. Ф. Одоевского [Од-1] и две заметки А. И. Герцена 1866 и 1867 годов, опубликованные в первой русской революционной газете «Колокол», издававшейся за границей [К-1, с. 1756; К-2, с. 1984].

Кроме того, для функционально-структурной характеристики вопросительного и восклицательного знаков в испанском языке задействованы аутентичные вопросительные и / или восклицательные высказывания, в основном приводящиеся как иллюстративные примеры в трудах современных исследователей испанской пунктуации [Корнева, 2017; Benavente Luna, 2005; Kattán-Ibarra et al., 2003; Millán, 2006]. Переводы этих испанских высказываний на русский язык выполнены автором данной статьи.

Разработка теории пунктуационного трансфера в художественном тексте потребовала обращения к таким методам исследования, как сопоставительный анализ аналогичных знаков препинания в разных пунктуационных системах, установление стилистической интенциональности в употреблении иноязычных знаков препинания, реконструкция языковой биографии писателя или поэта.

Поскольку к теоретическому осмыслению пунктуационного трансфера (но, безусловно, не к констатации самого этого явления [Азарова, 2016, с. 301—302; Рейсер, 1970, с. 177]) лингвисты лишь приступают, специальные публикации по данной проблематике отсутствуют. Однако стоит отметить, что в статье П. Гарднер-Хлорос и Д. Уэстона о переключении кода (code-switching) и многоязычии в литературе [Gardner-Chloros et al., 2015], где вовсе не затронута сфера пунктуации, высказаны ценные идеи, имею-

щие непосредственное отношение к анализу пунктуационного трансфера в художественном тексте.

Согласно этим исследователям, переключение кода в письменном режиме является «более “осозанным” (more ‘conscious’)», чем в устном [Там же, р. 187], а использование этого механизма в литературе «проясняет глубинные структуры и намерения (underlying structures and intentions), которые могут быть менее очевидны в одноязычном тексте» [Там же, р. 189]. В самом деле, пунктуационный трансфер производится не только осознанно, но и с определенным намерением, которое нуждается в апперцепции. Обсуждая переключение кода в поэзии, П. Гарднер-Хлорос и Д. Уэстон отмечают, что «в последнее время отсутствие коммерческой привлекательности у поэзии освободило ее от ограничений (from the constraints), с которыми сталкиваются авторы романов» [Там же, р. 188]. Пунктуационный трансфер в прозаических и поэтических текстах осуществляется, действительно, по-разному.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. К теории пунктуационного трансфера в художественном тексте

Объективно, то есть в плане соотношения пунктуационных систем разных языков, пунктуационный трансфер представляет собой перенос иноязычного знака препинания, тогда как субъективно, то есть в плане осуществления определенного действия в пунктуационном маркировании, — переключение пунктуационного кода. Пунктуационный трансфер предполагает фиксацию сознания писателя или поэта на иноязычности знака препинания и на его стилистическом предназначении. Пунктуационный трансфер не является заимствованием: он не обогащает репертуар знаков препинания в другом языке и остается фактом пунктуационного поведения конкретной языковой личности. Обычно к пунктуационному трансферу склонны те художники слова, в чьей языковой биографии имеется опыт владения иностранным языком или даже его изучения. Вместе с тем пунктуационный трансфер не выступает в их письменной речевой деятельности как особая константа, он применяется только при пунктуационной и / или стилистической необходимости.

Пунктуационному трансферу преимущественно поддаются такие иноязычные знаки препинания, которые относительно легко идентифицируются по своей принадлежности тому или иному языку и обладают значительной перцептивной выделенностью. Например, вопросительные и восклицательные знаки, состоящие из открывающего (в перевернутом виде) и закрывающего (в обычном виде) элементов, имеются только в одном

языке — испанском. Даже в таких близкородственных языках, как галисийский, каталанский, астурийский и португальский, эта пунктуационная инновация не прижилась [Верещинская и др., 2023, с. 21]. Почему же в испанском языке она сохраняется? Это нередко связывают с тем, что перевернутый элемент позволяет предсказать функциональный тип высказывания тогда, когда, не изменяя своей структуры, оно может быть повествовательным, вопросительным и восклицательным. Ср.: *El niño va al colegio solo*. ‘Ребенок ходит в школу один’; *¿El niño va al colegio solo?* ‘Ребенок ходит в школу один?’; *¡El niño va al colegio solo!* ‘Ребенок ходит в школу один!’ [Millán, 2006, p. 90].

Однако подобное явление в русском языке, равно как и в других языках, никак не повлияло на видоизменение пунктуационных маркеров. Повидимому, гораздо правильнее считать, что для испанских кодификаторов (начиная с 1754 года [Ort, p. 125—128, 128—129]) оказалось важным подержание «более высокого соответствия между устным и письменным измерениями (*las dimensiones*) языка», которое и обеспечила данная пунктуационная инновация [Ridao Rodrigo, 2021, p. 10]. Вовсе не случайно в первую очередь перевернутый элемент вопросительного и восклицательного знаков рекомендовали ставить в «длинных периодах (*periodos largos*)» [Ort, p. 125, 128] (= в протяженных высказываниях), благодаря чему не только визуально более четко маркировалось их начало, но и задавалась антиципация необходимого интонационного оформления.

В пунктуационный трансфер втягиваются прежде всего те иноязычные знаки препинания, которые отличаются от аналогичных знаков препинания в родном языке писателя или поэта по своей общепунктуационной функции. Так, если русские вопросительный (?) и восклицательный (!) знаки являются разделительными, то испанские вопросительный (*¿...?*) и восклицательный (*¡...!*) знаки — выделительными.

В испанском языке вопросительный и восклицательный знаки, будучи парными знаками препинания, способны выделять не только самостоятельное высказывание, но и какую-либо его часть. Ср.: *¿Cuándo nos veremos?* ‘Когда мы увидимся?’; *¡Qué frío hace aquí!* ‘Как здесь холодно!’ [Benavente Luna, 2005, p. 228, 231]; *Y el señor Pérez ¿cómo lo reconocieron?* ‘И как они узнали сеньора Переса?’ [Kattán-Ibarra et al., 2003, p. 147]; *Juan se fue al teatro, pero ¡qué estupidez! no había tomado consigo las entradas*. ‘Хуан пошел в театр, но — что за глупость! — билетов он с собой не взял’ [Корнева, 2017, с. 144]. В предпоследнем примере «топик <...> помещен первым, вне рамки вопроса», поэтому «перевернутый вопросительный знак появляется на письме после <...> топика» [Kattán-Ibarra et al., 2003, p. 147], а в последнем — открывающим и закрывающим элементами вос-

клицательного знака выделено оценочное суждение в позиции вставки. Эти два примера показывают, что, находясь не на границах высказывания, а внутри него, открывающий элемент не требует начальной прописной буквы в следующем за ним слове, а закрывающий элемент не участвует в обозначении завершенности всего высказывания. В середине высказывания перевернутый элемент вопросительного и восклицательного знаков может взаимодействовать с разделительными знаками препинания (чаще всего — с запятой). Ср.: *Dime, Alfonso, ¿cuándo tienes previsto llegar a México?* ‘Скажи мне, Альфонсо, когда ты планируешь прибыть в Мексику?’; *¡Al agua!, gritó el instructor* ‘— Воды! — крикнул инструктор’ [Benavente Luna, 2005, p. 229, 231].

Кроме того, функция предупреждения, состоящая «в определенности восприятия знака препинания» [Шварцкопф, 1988, с. 16], более выразительно реализуется в испанских высказываниях благодаря отмеченности начала вопроса и восклицания перевернутым элементом соответствующего парного знака [Там же, с. 17—18].

Пунктуационный трансфер носит избирательный характер: обычно воспроизводятся далеко не все способы употребления иноязычных знаков препинания, более того, происходит генерализация этих способов. Например, при трансфере испанских вопросительного и восклицательного знаков преобладает их использование для пунктуационного маркирования самостоятельных высказываний, когда открывающим элементом обозначается начало высказывания, а закрывающим — его конец. В условиях трансфера не получает отражения вариантность пунктуационного маркирования вопросительно-восклицательных высказываний в испанском языке (*¿...!* и *¡...?*; *¿...?!?* и *¿¡...!?*). Ср.: *¿Qué no te deja salir ese listo!* ‘Что тебя не отпускает этот умник?!’ и *¡Marisa logró llegar a la cima?* ‘Марисе удалось подняться на вершину?!’ [Benavente Luna, 2005, p. 232]; *Daniel pegó un respingo cuando Lucita le tocó en el brazo con el vidrio mojado de la botella*: — *¿Qué?!?* ‘Даниэль вздохнул, когда Люсита коснулась его руки влажным стеклом бутылки: — Что?!’ и *¿Quién ha dejado el helado fuera de la nevera!?* ‘Кто достал мороженое из холодильника?!’ [Millán, 2006, p. 103]. В трансфер втягивается только один способ пунктуационного маркирования вопросительно-восклицательных высказываний, а именно (*¿...!*).

Пунктуационному трансферу способствуют те процессы, которые происходят в нерегламентированной пунктуации родного языка писателя или поэта. Так, в отдельных жанрах русской письменной речи восклицательный (и в меньшей мере вопросительный) знак постепенно приобретает качество открывающего элемента, правда не в перевернутом, а в обычном виде. Ср. рекламное сообщение в витрине кафе: *¡ВНИМАНИЕ! // ¡!МЫ*

ОТКРЫЛИСЬ!! [Пастухова, 2017, с. 36], представляющее собой пока еще «пунктуационную рекламную экзотику» [Там же, с. 37], которую усиливают капитализация (то есть использование исключительно прописных букв) и экспрессивная редупликация открывающих и закрывающих знаков препинания. Ср. также пунктуационное оформление однословного высказывания в школьной записке: *!Круто* [Куз, с. 114], где использован открывающий элемент восклицательного знака в неперевернутом виде и при этом отсутствует элемент закрывающий. Интересно отметить, что в испанских социальных сетях и в мессенджерах наблюдается отказ от перевернутого элемента вопросительного и восклицательного знаков. Это объясняется, во-первых, небрежностью стиля, а во-вторых, влиянием английского языка [Millán, 2006, p. 96, 100]. Ср. В романе А. Орсини «Mis whatsapp con mamá» («Мои whatsapp'ы с мамой»): *La última vez que viniste olvidaste un calcetín. Quieres que te lo envíe por correo? <...> No me cuesta nada mandártelo! 'В прошлый раз, когда ты приходил, ты забыл носок. Ты хочешь, чтобы я выслала его тебе по почте? <...> Мне ничего не стоит отправить его тебе!'* [Ors, p. 52].

Иноязычный знак препинания, подвергнутый пунктуационному трансферу, предоставляет художнику слова средство, с одной стороны, для маркирования той или иной пунктуационной позиции в соответствии с нормой иностранного языка, а с другой стороны, для стилистической дифференциации пунктуационного оформления текста. Допустим, при введении реплик испаноговорящих персонажей или реплик русских персонажей, переходящих на испанский язык, пунктуационный трансфер позволяет дополнительно отграничить подобные реплики от реплик на русском языке и подчеркнуть «смешанный речевой режим (a mixed speech mode)» [Gardner-Chloros et al., 2015, p. 186] посредством знаков препинания, характерных только для испанского языка (ср. вопросительный (*¿...?*) и восклицательный (*¡...!*) знаки). В случае использования испанского знака препинания в собственно русском тексте наряду с пунктуационной значимостью (в частности, у восклицательного знака (*¡...!*) — выделение высказывания, а также предупреждение о его эмоциональной окрашенности), отличающейся от пунктуационной значимости аналогичного русского знака препинания, он приобретает такие дополнительные функции, как, например, указание на длительную паузу и акцентирование внимания.

Важно сказать о том, что в XIX веке испанский вопросительный знак стали употреблять сразу в собственно русских текстах, причем как в художественных, так и в публицистических. Этот факт связан с двумя следующими обстоятельствами. Во-первых, русские читатели того времени, которые были весьма осведомлены в европейской книжно-письменной культу-

ре, без труда могли определить необычное пунктуационное маркирование вопросительного высказывания как трансфер и понять причину обращения писателя к иноязычному знаку препинания. Во-вторых, в русской литературе того времени еще не было потребности во включении в структуру диалога реплик на испанском языке, в том числе вопросительных, которые были бы оформлены парным вопросительным знаком с перевернутым открывающим элементом.

Одним из первых в русской печати этот пунктуационный трансфер использовал В. Ф. Одоевский, который, обучаясь в Благородном пансионе при Московском университете, овладел несколькими иностранными языками, в том числе испанским. В «Пестрых сказках» (1833 год) В. Ф. Одоевского, якобы сочиненных или собранных Иринею Модестовичем Гомозейко, потребность мнимого автора в испанском вопросительном знаке объясняется в части «От издателя»: «<...> у насъ знаки препинанія разставляются какъ будто нарочно для того, чтобы книгу нельзя было читать съ перваго раза <...>; для избѣжанія сего недостатка <...> онъ осмѣлился занять у Испанцевъ оборотный вопросительный знакъ, который ставится въ началѣ періода для означенія, что оному при чтеніи должно дать тонъ вопроса» [Од-1, с. V—VI]. Ср.: *¿Не обидно ли это?* («Реторта») [Там же, с. 19]; — *¿Что же покойникъ-та крѣпостной что ли вашъ былъ?.....* — («Сказка о мертвомъ тѣлѣ, неизвѣстно кому принадлежащемъ») [Там же, с. 42]. Правда, у В. Ф. Одоевского отнюдь не каждое вопросительное высказывание маркируется испанским вопросительным знаком. Ср. его отказ от перевернутого элемента вопросительного знака в начале первого и третьего вопросительного высказывания: *«Что лошади?» // — Да ничего. — // «¿Стоять на стойлѣ? не правда ли?» продолжалъ Господинъ Кивакель* («Деревянный гость или Сказка объ очнувшейся куклѣ и Господинѣ Кивакелѣ») [Там же, с. 153]. Здесь следует отметить, что, согласно норме испанской пунктуации, каждое из вопросительных высказываний, идущих подряд, имеет собственные парные знаки. При этом пунктуационная граница между такими высказываниями обозначается либо пробелом и начальной прописной буквой: *¿Стоять на стойлѣ? ¿Не правда ли?* (трансформ₁), — либо раздельительной запятой и начальной строчной буквой: *¿Стоять на стойлѣ?, ¿не правда ли?* (трансформ₂) [Benavente Luna, 2005, p. 229].

Сам В. Ф. Одоевский воспринимал обращение к испанскому вопросительному знаку как «своеобразный лингвистический эксперимент» [Турьян, 1996, с. 170], причем, возможно, не вполне удачный. По этой причине, переиздавая «Отрывки из “Пестрых сказок”» в 1844 году, писатель устранил эту пунктуационную особенность (ср., например, [Од-2, с. 187, 219]), одновременно изъяв часть «От издателя», в которой обосновывает-

ся перенос испанского вопросительного знака. Курьезно выглядит то, что в современных изданиях «Пестрых сказок», где испанский вопросительный знак отсутствует, часть «От издателя» восстановлена: метаязыковой комментарий, касающийся пунктуационного трансфера, не соответствует в тексте ничему (ср. [Од-3, с. 6]).

А. И. Герцен применял испанский вопросительный знак в таком разделе газеты «Колокол», как «Смесь», где публиковались сведения из легальной русской прессы. В его рубрике «Правда ли?» преобладали вопросительные высказывания, которые отделяются знаком «тире», обозначающим начало новой темы, и выделяются с помощью испанского вопросительного знака. Ср. заметку 1866 года: — ¿Правда-ли, что изъ Петербурга сосланъ въ Сибирь безъ суда и слѣдствія какой-то купецъ, ходившій по дѣламъ торговцевъ Маріинскаго рынка? [К-1, с. 1756]. В сериях вопросительных высказываний перевернутый открывающий элемент не всегда был поставлен. Ср. из заметки 1867 года: — ¿Какъ пропали на одномъ балѣ у княгини Воронцовой брилльянты?... Какъ они нашлись? у кого? Кто заказывалъ пуговики?... [К-2, с. 1984]. Пунктуационный трансфер позволил здесь А. И. Герцену по-особому представить первое вопросительное высказывание, благодаря которому, собственно, и задается новая тема. Существенно, что употреблению испанского вопросительного знака у А. И. Герцена свойственна жанровая ограниченность. Обращение А. И. Герцена к испанскому вопросительному знаку вовсе не было случайным: сохранилось свидетельство о том, что еще в 1851 году, готовясь к поездке в Испанию, «Герцен “день и ночь” изучал испанский язык» [Летопись ..., 1976, с. 13].

В художественных текстах, принадлежащих русским писателям и поэтам XXI века, трансферу испанских вопросительного и восклицательного знаков свойственна стилистическая специализация в разных условиях его использования.

3.2. Типы пунктуационного трансфера в художественном тексте

В русских художественных текстах XXI века в рамках употребления испанских вопросительного и восклицательного знаков выделяются два типа пунктуационного трансфера. Первый тип связан с пунктуационным маркированием вопросительных и восклицательных реплик, высказанных на испанском языке, второй же тип — с оформлением собственно русских вопросительных и восклицательных высказываний посредством соответствующих испанских знаков препинания. С точки зрения неискушенного читателя, первый тип пунктуационного трансфера носит облигаторный характер, а второй тип — факультативный. С точки зрения художника слова, оба типа пунктуационного трансфера необходимы. В частности, если происходит отказ от испанского восклицательного знака при оформлении

испанского же восклицательного высказывания, то этот пунктуационный «сдвиг» неизменно имеет стилистическую мотивацию в художественном тексте. Наблюдения показывают, что первый тип пунктуационного трансфера в большей мере свойствен прозаическим текстам, тогда как второй тип — поэтическим.

Пунктуационный трансфер первого типа представлен в двух частях романа Ю. Кузнецовой «Первая работа»: «Уроки испанского» (2016 год) и «Путешествие» (2017 год). Ю. Кузнецова — детский писатель, филолог по образованию, свободно владеет испанским языком. В посвящении ко второй части романа Ю. Кузнецова благодарит родителей, отправивших ее учиться в Испанию [Куз, с. 270]. В части «Уроки испанского» рассказана история десятиклассницы Маши Молочниковой, которая со второго класса учит испанский язык и мечтает о летнем языковом лагере в Барселоне. Чтобы заработать деньги для воплощения своей мечты, Маша начинает заниматься испанским языком с шестилетней Даной. В части «Путешествие» рассказано о поездке Маши в Барселону. Если в первой части романа реплики на испанском языке, в том числе вопросительные и восклицательные, встречаются только в речи учительницы Беатрис, самой Маши и Даны, то во второй части — в речи Маши, учительниц Роситы и Исабель, квартирной хозяйки сеньоры Рибаль и ее сына Хорхе, продавца-индийца в супермаркете и других персонажей. По этой причине меняется количество использованных испанских знаков препинания: в первой части вопросительных знаков — 4, восклицательных — 12; во второй части вопросительных знаков — 17, восклицательных — 41. Эта особенность пунктуационного «рисунка», обусловленная сюжетной динамикой романа, сопряжена с авторским кредо Ю. Кузнецовой, согласно которому «писатель — это проводок, соединяющий окружающую жизнь с читателями через текст» [Кузнецова, 2018, с. 169].

В романе Ю. Кузнецовой перенос испанских вопросительных и восклицательных знаков способствует идиоматически точному пунктуационному маркированию вопросительных и восклицательных реплик на испанском языке. Ср.: — *Hola, ¿hay churros?* — *смело спросила я.* ('Привет, есть чуррос?') [Куз, с. 378]; *A потом она* (Исабель. — К. С.) *посмотрела на меня в упор и спросила:* — *¿Por qué no estás lista, María?* ('Почему ты не готова, Мария?') [Там же, с. 420] и *Мне понятно, куда идти и что делать. Все расписано, как в детском садике.* <...> *¿No hay un problema, mamá!* ('Нет проблем, мамуля!') [Там же, с. 301]; — *¿Acompaña de esta chica en el aula siete!* — *велела она* (староста. — К. С.). ('Проводи эту девушку в седьмую аудиторию!') [Там же, с. 331]. Приведенные здесь вопросительные и восклицательные высказывания принадлежат либо испаноговорящим пер-

сонажам (учительнице Исабель и старосте), либо Маше, использующей испанский язык (прямая речь и изображенная внутренняя речь).

В стилистическом плане испанские знаки препинания позволяют, с одной стороны, подчеркнуть языковую инаковость вопросительных и восклицательных реплик, а с другой стороны, передать в визуальном регистре «голоса» тех испаноговорящих или переходящих на испанский язык персонажей, кому принадлежит вопрос или восклицание. Ср. в связи с этим метаязыковой комментарий, отображающий присутствие в сознании Маши образного представления об испанском вопросительном знаке: «*“Teatr? — изумленно подумала я. — Какой еще театр?”*. В голове возникло целое облако вопросительных знаков, половина из которых поспешила перевернуться вверх ногами в лучших традициях испанской пунктуации» [Там же, с. 346]. Важно отметить, что открывающему перевернутому элементу испанского вопросительного или восклицательного знака, находящемуся в середине высказывания, в том числе стоящему рядом с таким разделительным знаком препинания, как запятая (ср. первый пример), благоприятствует пунктуационный трансфер первого типа.

При пунктуационном трансфере первого типа читатель, которому оказался неизвестен иноязычный знак препинания, находит его пунктуационное соответствие в родном языке благодаря переводу иноязычных высказываний. В романе Ю. Кузнецовой перевод дается тремя способами: либо в сноске, расположенной в конце страницы (ср. [Maloney, 2005]), либо в ближайшем контексте, либо в сноске и в ближайшем контексте одновременно. В сноске всегда указывается, с какого языка сделан перевод, то есть она обеспечивает четкую языковую идентификацию неизвестного знака препинания. При комплексном способе перевода пунктуационный маркер, соответствующий иноязычному знаку препинания, присутствует только в сноске (ср. третий пример). Ср.: — *¿Esto es la traducción?* — *быстро спросила она* (Исабель. — К. С.) и сноски: *Это перевод?* (исп.) [Куз, с. 383]; — *Я могла крикнуть мышкам: ¡Cuidate! ¡El gato!* *И они прятались. — А что это значит?* — *жадно спросила Дана.* — «Осторожно! Ком!» — *пояснила я* [Там же, с. 107—108]; — *¿Bolsa?* — *повторяет индеец и трясет пластиковым пакетом.* — *А!* — *вздыхаю я и качаю головой: пакет мне не нужен* и сноски: *Сумка?* (исп.) [Там же, с. 365].

Весьма интересен тот факт, что иногда в романе Ю. Кузнецовой пунктуационный трансфер прекращает свое действие: восклицательные реплики на испанском языке не маркируются посредством испанского восклицательного знака. Во-первых, вместо него может употребляться русский восклицательный знак. Этому способствуют русская транслитерация испанских восклицательных высказываний: *Марина назвала ему* (такси-

сту. — К. С.) адрес, и мы плавно двинулись вперед. — Ой, вайфайчик, — негромко сказала Марина <...>. — Си, ви-фи! — обрадованно подтвердил таксист [Там же, с. 303], — а также ориентация русского персонажа (в данном случае — Маши) на сообщение для себя: В записке она (сеньора. — К. С.) сообщала, что вернутся они с Хорхе завтра, в понедельник (*el lunes!*) [Там же, с. 462]. Безусловно, в обоих случаях здесь нет банальной пунктуационной интерференции, так как замена испанского восклицательного знака на русский вызвана нетипичными условиями реализации испанских восклицательных реплик, то есть осуществлена сознательно. Во-вторых, испанский восклицательный знак может быть вовсе опущен. Ср. ситуацию, когда Дана хотела ограничить изучение испанского языка знанием только одной утилитарной реплики: — *Чтобы заказать мороженое себе и маме в кафе, достаточно выучить всего одну фразу: ¡Dos helados, por favor!* ('Два мороженых, пожалуйста!') — *Dos helados, por favor*, — пробормотала Дана и, посветлев, вскочила со стула. — *Все! Мы выучили испанский!* [Там же, с. 41]. Дана повторяет восклицательное высказывание, но никакой эмоциональной окрашенности и тем самым восклицательной интонации в ее речи нет, поэтому испанский восклицательный знак здесь выглядел бы неуместно. В конце этого высказывания стоит запятая, выступающая как субститут точки в конструкциях прямой речи. Испанский восклицательный знак ставится только в тех высказываниях, где «смысл и тон восклицания идеальны (*el sentido y tono de la admiración es perfecto*)» [Ort, p. 128], то есть тогда, когда имеется «подлинное восклицание (*genuine exclamation*)» [Kattán-Ibarra et al., 2003, p. 9]. При оформлении вопросительных реплик на испанском языке пунктуационный трансфер в романе Ю. Кузнецовой действует безысключительно.

Пунктуационный трансфер второго типа представлен в нескольких стихотворениях Н. Азаровой 2005—2010 годов. Н. Азарова — филолог-испанист, поэт, переводчик, теоретик поэзии. По утверждению В. Новикова, Н. Азарова «обновляет саму конструкцию стиха» [Новиков, 2011, с. 7]. Действительно, в стихотворениях Н. Азаровой слово, освобожденное от стандартной семантико-синтаксической организованности, становится более автономным, в них почти нет прописных букв и знаков препинания. Исключение сделано, в частности, для вопросительного и восклицательного знаков [Азарова, 2016, с. 300—301], но и здесь Н. Азарова допускает «графическую шалость» [Новиков, 2011, с. 12], а именно прибегает иногда к пунктуационному трансферу второго типа: включает в тексты русских стихотворений испанские вопросительные и восклицательные знаки. Этими иноязычными знаками препинания, как отмечает сама Н. Азарова, «создается <...> сильный остраняющий эффект» [Азарова, 2016, с. 288].

Она полагает, что в текстах русских стихотворений семантика испанского вопросительного знака, например, «в большей степени определяется визуальной составляющей как неким предварением, остановкой, привлечением внимания, чем непосредственной семантикой вопроса» [Там же, с. 302]. Однако их усложнение элементами иноязычной пунктуации рассчитано во многом на «идеального адресата» [Там же, с. 292].

В стихотворениях Н. Азаровой испанские вопросительный и восклицательный знаки занимают сильные позиции текста: они выделяют заголовков, формируют обрамление микротекста, участвуют в пунктуационном маркировании ключевых фраз, в том числе при их повторе. Ср.:

¿крым?

¿мак и по кром кам

белые козы камней

как здесь не жить караимам? [Аз, с. 147].

В этом стихотворении 2007 года, состоящем из смещенного заголовка и микротекста, сама его образно-тематическая структура обусловила обращение Н. Азаровой к испанскому вопросительному знаку: караимы много веков назад жили в Испании, а пейзаж Крыма чем-то напоминает испанский пейзаж. В заголовке испанский вопросительный знак указывает на вопрос (ср.: *Крым ли это?*) и в то же время побуждает сосредоточить внимание на топониме, а в микротексте испанский вопросительный знак, с одной стороны, графически обозначает его целостно-завершенный характер, а с другой стороны, задает предощущение вопроса в третьей строке.

В стихотворении 2005 года, написанном в Феропонтове (это специально отмечено Н. Азаровой), испанским восклицательным знаком маркируются полностью повторяющиеся первая и последняя строки: *¡осени дни осени дионисе!* [Там же, с. 111]. В данной строке, создающей кольцевую композицию стихотворения, появление испанского восклицательного знака также имеет образную подоплеку: в дохристианскую эпоху культ Диониса получил распространение в Средиземноморье, в том числе в Испании. Кроме того, испанский восклицательный знак, воспринимающийся как более экспрессивный в сравнении с одиночным (по составу) и завершающим (по расположению) русским восклицательным знаком, позволяет сделать отсылку к переполненным эмоциями осенним празднествам в честь Диониса, которые проводились после уборки винограда, и вместе с тем передать восхищение фресками Дионисия (ср. *admiración* ‘восхищение’, а в старых описаниях испанской пунктуации, в частности [Ort, p. 128], — также ‘восклицательный знак’ и ‘восклицание’). Испан-

ский восклицательный знак выделяет ключевую фразу, являющуюся своего рода символическим ключом к истолкованию стихотворения.

Наибольшей концентрацией испанских вопросительных и восклицательных знаков отличается стихотворение «¡к Тебе Бог нашего века!» (2010 год), где развернута эмоциональная картина страха перед наступившим XXI веком. Здесь переносу испанских знаков препинания способствуют совсем не испанские мотивы в образной палитре стихотворения, а семантика и структурно-графические особенности этих знаков препинания.

Н. Азарова использует 3 испанских восклицательных знака, которые маркируют частично повторяющиеся восклицательные высказывания в начальной, срединной и конечной частях стихотворения: *¡к Тебе Бог нашего века!; ¡а Ты двадцать первый Бог!; ¡к Тебе Бог двадцать Первый!* [Аз, с. 205]. Благодаря повтору испанского восклицательного знака в разных частях стихотворения, создающему эффект присутствия провиденциального собеседника, формируется особый «глазной ритм» [Азарова, 2016, с. 302]. Н. Азарова употребляет 2 испанских вопросительных знака, размещая два вопросительных однословных высказывания на одной строке. Ср.: *¿настает? ¿шевелится?* [Аз, с. 205]. В этой серии вопросительных высказываний всецело реализовать норму испанской пунктуации невозможно потому, что поэт сознательно избегает прописных букв и разделительных знаков препинания, прежде всего запятых; ср., однако: *¿Настает? ¿Шевелится?* (трансформ₁) и *¿Настает?, ¿шевелится?* (трансформ₂). «Сгущением» испанских вопросительных знаков нагнетается предчувствие чего-то страшного, что несет наш век.

Еще в одном случае Н. Азарова оставляет перевернутый открывающий элемент испанского вопросительного знака, тогда как его закрывающий элемент подвергает усечению. Ср.: *¿в столь смежных душах что моя / пробежаться по позвоночникам* [Там же]. Этот пунктуационный эксперимент с испанским вопросительным знаком, оставляя семантику вопроса на втором плане, выносит на первый план предварение и длящееся проявление того, о чем идет речь. Наконец, вопросительно-восклицательное высказывание, которым завершается стихотворение, выделяется сочетанием знаков препинания (*¿...!*), довольно распространенным в испанском пунктуационном узусе. Ср.: *<...> наш страх по крохам / и по краху / страх / ¿Произрастаешь!* [Там же]. Посредством этого сочетания, равно как и посредством русского пунктуационного сочетания (*?!*), выражается «эмоциональность вопроса» [Шварцкопф, 1988, с. 33]. В сочетании элементов испанского вопросительного и восклицательного знаков (*¿...!*) и в его семантике отображено взаимодействие вопросительной целеустановки и эмоциональной окрашенности, выражавшихся на всем протяжении текста

по отдельности испанскими вопросительными и восклицательными знаками соответственно.

Показательно, что общее количество разных элементов (то есть открывающих и закрывающих) этих знаков препинания у Н. Азаровой почти совпадает: восклицательных — 7, вопросительных — 6.

Как видим, использование пунктуационного трансфера второго типа определяется преимущественно тем, что, во-первых, благодаря ему та или иная пунктуационная позиция может быть осмыслена и оформлена по-новому, а во-вторых, он создает визуально-графическую основу для выработки пунктуационно-стилистических приемов. Однако надо признать, что изначально пунктуационный трансфер второго типа может быть стимулирован желанием осуществить намек на ассоциативную связь компонентов образной структуры художественного текста с той страной, языку которой принадлежит перенесенный знак препинания.

4. Заключение = Conclusions

Итак, в результате исследования пунктуационного трансфера в русских художественных текстах, которое основывалось на разных прецедентах переноса испанских вопросительных и восклицательных знаков, могут быть сделаны следующие выводы.

Во-первых, пунктуационный трансфер — это одно из проявлений культурно-языкового трансфера, свойственного двуязычным художественным текстам. Пунктуационный трансфер представляет собой намеренный перенос иноязычного знака препинания.

Во-вторых, художника слова побуждают к пунктуационному трансферу такие факторы, как пунктуационная и / или стилистическая целесообразность использования иноязычного знака препинания, его перцептивная выделенность и функционально-структурное отличие от аналогичного знака препинания в родном языке, доступность идентификации знака препинания по его принадлежности к конкретному иностранному языку. При этом первый из них выступает в качестве доминирующего фактора.

В-третьих, в художественных текстах выделяются два типа пунктуационного трансфера. Первый тип пунктуационного трансфера используется при оформлении реплик на иностранном языке, тогда как второй его тип — при включении в пунктуационную организацию текста на родном языке. В XIX веке писатели обращались к пунктуационному трансферу второго типа (В. Ф. Одоевский, А. И. Герцен). Художники слова XXI века применяют оба типа пунктуационного трансфера, однако первый тип характерен для прозаических текстов (Ю. Кузнецова), тогда как второй тип — для поэтических (Н. Азарова).

В-четвертых, типы пунктуационного трансфера в художественном тексте различаются прежде всего в плане своего стилистического предназначения. Если первый тип пунктуационного трансфера подчеркивает иноязычный характер реплики персонажа пунктуационным способом, то второй его тип участвует в создании пунктуационно-стилистических приемов.

В-пятых, пунктуационный трансфер допускает творческое отношение художника слова к иноязычному знаку препинания, который может не только воспроизводиться, но и трансформироваться при возникновении особых стилистических заданий (ср. у Ю. Кузнецовой — замену испанского восклицательного знака на русский восклицательный знак или на запятую при прямой речи в испаноязычных репликах, а у Н. Азаровой — усечение завершающего элемента испанского вопросительного знака).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Аз — Азарова Н. Соло равенства. Стихотворения / Н. Азарова. — Москва : Новое литературное обозрение, 2011. — 275 с. — ISBN 978-5-86793-900-7.
2. К-1 — Колоколь : [газета]. — 1866. — Листъ 214. — С. 1749—1756.
3. К-2 — Колоколь : [газета]. — 1867. — Листъ 243. — С. 1981—1987.
4. Куз — Кузнецова Ю. Первая работа : Уроки испанского ; Путешествие / Ю. Кузнецова. — Москва : Пять четвертей, 2023. — 528 с. — ISBN 978-5-907362-62-8.
5. Од-1 — Одоевский В. Θ. Пестрые сказки / В. Θ. Одоевский. — Санкт-Петербург : Типография экспедиции заготовления государственных бумаж, 1833. — 156 с.
6. Од-2 — Одоевский В. Θ. Сочинения / В. Θ. Одоевский. — Санкт-Петербург : Типография Э. Праца, 1844. — Часть 3. — 374 с.
7. Од-3 — Одоевский В. Ф. Пестрые сказки / В. Ф. Одоевский. — Санкт-Петербург : Наука, 1996. — 204 с. — ISBN 5-02-028204-9.
8. Чуд — Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова / М. О. Чудакова. — Москва : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2023. — 832 с. — ISBN 978-5-389-22034-8.
9. Ors — Orsini A. Mis whatsapp con mamá / A. Orsini. — Barcelona : Grijalbo, 2014. — 384 p. — ISBN 978-84-253-5257-7.
10. Ort — *Ortografia de la lengua castellana, compuesta por la Real Academia Española.* — Madrid : Imprenta de D. Gabriel Ramirez, 1754. — 234 p.

Литература

1. Азарова Н. М. Поэтический билингвизм как средство межкультурного трансфера / Н. М. Азарова // Лингвистика и семиотика культурных трансферов : методы, принципы, технологии / отв. ред. В. В. Фещенко. — Москва : Культурная революция, 2016. — С. 255—307. — ISBN 978-5-902764-76-2.
2. Вайнрайх У. Языковые контакты : Состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх. — Киев : Вища школа, 1979. — 263 с.
3. Верещинская Ю. В. Пунктуация как инструмент коммуникативно-смысловой организации текста : норма и узус (на материале испанского языка) / Ю. В. Верещин-

ская, Е. С. Сыщикова // Филологические науки в МГИМО. — 2023. — Т. 9. — № 4. — С. 8—25. — DOI: 10.24833/2410-2423-2023-4-37-8-25.

4. Колесниченко М. А. К вопросу об интерференции и трансференции в теории языковых контактов / М. А. Колесниченко // Язык и культура. — 2013. — № 9. — С. 182—186.

5. Корнева В. В. Испанские фразовые знаки препинания на фоне русских / В. В. Корнева // Сопоставительные исследования / отв. ред. М. А. Стернина. — Воронеж : Истоки, 2017. — Выпуск 14. — С. 141—145. — ISBN 978-5-4473-0143-9.

6. Кузнецова Ю. Как я пишу : на творческой кухне автора детских книг / Ю. Кузнецова. — Москва : КомпасГид, 2018. — 176 с. — ISBN 978-5-00083-438-1.

7. Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1851—1858 / Отв. ред. С. Д. Гурвич-Лищинер, И. Г. Птушкина. — Москва : Наука, 1976. — 487 с.

8. Новиков В. Будущее — уже сейчас / В. Новиков // Соло равенства. Стихотворения. — Москва : Новое литературное обозрение, 2011. — С. 7—12. — ISBN 978-5-86793-900-7.

9. Пастухова Л. С. Пора привлечь внимание к знакам препинания, или Кое-что о пунктуации. 2-е изд. / Л. С. Пастухова. — Симферополь : Н. Оріанда, 2017. — 160 с. — ISBN 978-5-9909600-2-2.

10. Рейсер С. А. Палеография и текстология нового времени / С. А. Рейсер. — Москва : Просвещение, 1970. — 336 с.

11. Сорокопуд Л. Н. Пунктуационная интерференция в аспекте прагмалингвистики (русский / испанский языки) / Л. Н. Сорокопуд, Т. Е. Старченко // Национальная идентичность сквозь призму диалога культур. Исследования в области гуманитарных наук в ибероамериканском и российском научном пространстве. Материалы III Международного конгресса / Отв. ред. Н. В. Карповская, А. Сантана Аррибас. — Ростов-на-Дону ; Таганрог : ЮФУ, 2020. — С. 344—348. — ISBN 978-5-9275-3672-6.

12. Турьян М. А. Примечания / М. А. Турьян // Пестрые сказки. — Санкт-Петербург : Наука, 1996. — С. 169—201. — ISBN 5-02-028204-9.

13. Фещенко В. В. Теория культурных трансферов : от переводоведения — через cultural studies — к теоретической лингвистике / В. В. Фещенко, С. Ю. Бочавер // Лингвистика и семиотика культурных трансферов : методы, принципы, технологии / Отв. ред. В. В. Фещенко. — Москва : Культурная революция, 2016. — С. 5—34. — ISBN 978-5-902764-76-2.

14. Шварцкопф Б. С. Современная русская пунктуация : система и ее функционирование / Б. С. Шварцкопф. — Москва : Наука, 1988. — 192 с. — ISBN 5-02-010873-1.

15. Benavente Luna P. Ortografía / P. Benavente Luna. — México : Pearson Educación, 2005. — 309 p. — ISBN 970-26-0572-5.

16. Galloso Camacho M. V. On some possible differences between punctuation marks in the Chinese and Spanish languages / M. V. Galloso Camacho, Bo Zhang // Linguodidáctica. — 2023. — Vol. 2. — Pp. 54—69. — DOI: 10.33776/linguodidactica.v.2.7751.

17. Gardner-Chloros P. Code-switching and multilingualism in literature / P. Gardner-Chloros, D. Weston // Language and literature. — 2015. — Vol. 24 (3). — Pp. 182—193. — DOI: 10.1177/0963947015585065.

18. Kattán-Ibarra J. Modern Spanish grammar. A practical guide. 2nd ed. / J. Kattán-Ibarra, Ch. J. Pountain. — London ; New York : Routledge, 2003. — 446 p. — ISBN 0-415-27304-8.

19. Maloney E. J. Footnotes in fiction : a rhetorical approach. Dissertation / E. J. Maloney. — Columbus : The Ohio State University, 2005. — 197 p.

20. Millán J. A. Perdón, imposible. Guía para una puntuación más rica y consciente / J. A. Millán. — Barcelona : RBA Libros S. A., 2006. — 165 p. — ISBN 84-7871-773-0.

21. Ridaio Rodrigo S. Los signos de puntuación de la interrogación y la exclamación en la ortografía de la Real Academia Española : consideraciones didácticas e historiográficas / S. Ridaio Rodrigo // Moenia. Revista Lucense de Lingüística & Literatura. — 2021. — № 27. — Pp. 1—13. — DOI: 10.15304/moenia.id7620.

Статья поступила в редакцию 07.08.2025,
одобрена после рецензирования 26.11.2025,
подготовлена к публикации 28.12.2025.

Material resources

- Az — Azarova, N. (2011). *Solo equality. Poems*. Moscow: New Literary Review. 275 p. ISBN 978-5-86793-900-7. (In Russ.).
- Chud — Chudakova, M. O. (2023). *The biography of Mikhail Bulgakov*. Moscow: KoLibri, ABC-Atticus. 832 p. ISBN 978-5-389-22034-8. (In Russ.).
- K-1 — (1866). *Kolokol: [newspaper]*, 214: 1749—1756. (In Russ.).
- K-2 — (1867). *Kolokol: [newspaper]*, 243: 1981—1987. (In Russ.).
- Kuz — Kuznetsova, Y. (2023). *First job: Spanish lessons; Travel*. Moscow: Five Quarters. 528 p. ISBN 978-5-907362-62-8. (In Russ.).
- Od-1 — Odoevsky, V. (1833). *Motley tales*. St. Petersburg: Printing house of the expedition and procurement of state papers. 156 p. (In Russ.).
- Od-2 — Odoevsky, V. Θ. (1844). *Compositions*, 3. St. Petersburg: Printing House of E. Prats. 374 p. (In Russ.).
- Od-3 — Odoevsky, V. F. (1996). *Motley tales*. Saint Petersburg: Nauka Publ. 204 p. ISBN 5-02-028204-9. (In Russ.).
- Ors — Orsini, A. (2014). *Mis whatsapp con mama*. Barcelona: Grijalbo. 384 p. ISBN 978-84-253-5257-7. (In Span.).
- Ort — *Ortografía de la lengua castellana, compuesta por la Real Academia Española*. (1754). Madrid: Imprenta de D. Gabriel Ramirez. 234 p. (In Span.).

References

- Azarova, N. M. (2016). Poetic bilingualism as a means of intercultural transfer. In: *Linguistics and semiotics of cultural transfers: methods, principles, technologies*. Moscow: Cultural Revolution. 255—307. ISBN 978-5-902764-76-2. (In Russ.).
- Benavente Luna, P. (2005). *Ortografía*. México: Pearson Educación. 309 p. ISBN 970-26-0572-5. (In Span.).
- Feshchenko, V. V., Bochaver, S. Y. (2016). Theory of cultural transfers: from translation studies through cultural studies to theoretical linguistics. In: *Linguistics and semiotics of cultural transfers: methods, principles, technologies*. Moscow: Cultural Revolution. 5—34. ISBN 978-5-902764-76-2. (In Russ.).
- Galloso Camacho, M. V., Zhang Bo. (2023). On some possible differences between punctuation marks in the Chinese and Spanish languages. *Linguodidáctica*, 2: 54—69. DOI: 10.33776/linguodidactica.v2.7751.
- Gardner-Chloros, P., Weston, D. (2015). Code-switching and multilingualism in literature. *Language and literature*, 24 (3): 182—193. DOI: 10.1177/0963947015585065.

- Gurvich-Lishchiner, S. D., Ptushkina, I. G. (eds.). (1976). *Chronicle of the life and work of A. I. Herzen. 1851—1858*. Moscow: Nauka Publ. 487 p. (In Russ.).
- Kattán-Ibarra, J., Pountain, Ch. J. (2003). *Modern Spanish grammar. A practical guide. 2nd ed.* London; New York: Routledge. 446 p. ISBN 0-415-27304-8.
- Kolesnichenko, M. A. (2013). On the issue of interference and transference in the theory of language contacts. *Language and culture*, 9: 182—186. (In Russ.).
- Korneva, V. V. (2017). Spanish phrasal punctuation marks against the background of Russian. In: *Comparative studies*, 14. Voronezh: Istoki Publ. 141—145. ISBN 978-5-4473-0143-9. (In Russ.).
- Kuznetsova, Yu. (2018). *How I write: in the creative kitchen of the author of children's books*. Moscow: KompasGid. 176 p. ISBN 978-5-00083-438-1. (In Russ.).
- Maloney, E. J. (2005). *Footnotes in fiction: a rhetorical approach. Dissertation*. Columbus: The Ohio State University. 197p.
- Millán, J. A. (2006). *Perdón, imposible. Guía para una puntuación más rica y consciente*. Barcelona: RBA Libros S. A. 165 p. ISBN 84-7871-773-0. (In Span.).
- Novikov, V. (2011). The future is already now. In: *Solo equality. Poems*. Moscow: New Literary Review. 7—12. ISBN 978-5-86793-900-7. (In Russ.).
- Pastukhova, L. S. (2017). *It's time to draw attention to punctuation marks, or Something about punctuation. 2nd ed.* Simferopol: N. Orianda. 160 p. ISBN 978-5-9909600-2-2. (In Russ.).
- Reiser, S. A. (1970). *Paleography and textual criticism of modern times*. Moscow: Prosveshchenie Publ. 336 p. (In Russ.).
- Ridao Rodrigo, S. (2021). Los signos de puntuación de la interrogación y la exclamación en la ortografía de la Real Academia Española: consideraciones didácticas e historiográficas. *Moenia. Revista Lucense de Lingüística & Literatura*, 27: 1—13. DOI: 10.15304/moenia.id7620. (In Span.).
- Schwarzkopf, B. S. (1988). *Modern Russian punctuation: the system and its functioning*. Moscow: Nauka. 192 p. ISBN 5-02-010873-1. (In Russ.).
- Sorokopud, L. N., Starchenko, T. E. (2020). Punctuation interference in the aspect of pragmalinguistics (Russian / Spanish). In: *National identity through the prism of the dialogue of cultures. Research in the field of humanities in the Ibero-American and Russian scientific space. Proceedings of the III International Congress*. Rostov-on-Don; Taganrog: SFU. 344—348. ISBN 978-5-9275-3672-6. (In Russ.).
- Turyan, M. A. (1996). Notes. In: *Motley tales*. Saint Petersburg: Nauka Publ. 169—201. ISBN 5-02-028204-9. (In Russ.).
- Vereshchinskaya, Yu. V., Syshchikova, E. S. (2023). Punctuation as a tool of communicative and semantic organization of the text: norm and usage (based on the material of the Spanish language). *Philological sciences at MGIMO*, 9 (4): 8—25. DOI: 10.24833/2410-2423-2023-4-37-8-25. (In Russ.).
- Weinreich, U. (1979). *Language contacts: The state and problems of research*. Kiev: Vishcha shkola Publ. 263 p. (In Russ.).

*The article was submitted 07.08.2025;
approved after reviewing 26.11.2025;
accepted for publication 28.12.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(1), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Чащина Е. А. Семантическая эволюция слов *друг*, *товарищ*, *брат* и их производных в истории русского языка XI—XVII веков / Е. А. Чащина // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 1. — С. 151—169. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-151-169.

Chashchina, E. A. (2026). Semantic Evolution of Words ‘drug’ [Friend], ‘tovarishch’ [Comrade], and ‘brat’ [Brother] and Their Derivatives in Russian Language from Eleventh to Seventeenth Centuries. *Nauchnyi dialog*, 15 (1): 151-169. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-151-169. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Семантическая эволюция слов *друг*, *товарищ*, *брат* и их производных в истории русского языка XI—XVII веков

Чащина Елена Анатольевна

orcid.org/0000-0002-0309-9179

PhD hab., профессор,
заведующая кафедрой общего
и сравнительного языкознания
jelena.c@amu.edu.pl

Познаньский университет
им. Адама Мицкевича
(Познань, Польша)

Semantic Evolution of Words ‘drug’ [Friend], ‘tovarishch’ [Comrade], and ‘brat’ [Brother] and Their Derivatives in Russian from Eleventh to Seventeenth Centuries

Elena A. Chashchina

orcid.org/0000-0002-0309-9179

PhD hab., Professor,
Head of the Department of General
and Comparative Linguistics
jelena.c@amu.edu.pl

Adam Mickiewicz
University of Poznan
(Poznan, Poland)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена лексике, обозначающей «своих» в русском языке, в частности словообразовательным гнездам субстантивов *друг*, *товарищ* и *брат*. Целью исследования является анализ данных лексем с точки зрения эволюции их семантической структуры в период XI—XVII веков. Выявляются факторы социального, экономического и историко-культурного характера, обусловившие эти изменения. Актуальность исследования состоит в обращении к истокам указанной лексики, в выявлении исходных значений слов, а также причин, обусловивших их семантическую эволюцию, на материале различных письменных источников древней и средневековой Руси. Исследование выполнено с использованием описательного метода, сравнительно-исторического метода для реконструкции семантических отношений, а также лексикографического метода и метода лингво-культурологического анализа. Установлено, что общины в период Древней Руси именовались лексемами *братчина* и *дружина*, а сообщества людей по разным видам деятельности — существительными *товарищество* и *товарство*. Показано, что важную роль в объединении людей не на основе близкого родства, а на базе их общих интересов, духовной близости и профессиональной деятельности, в том числе воинской службы, играло явление *побратимства*. Субстантивы *дружина* и *дружба* обозначали сообщества, одним из важнейших признаков которых была тесная связь их членов, основанная на взаимных обязательствах.

Ключевые слова:

историческая лексикология; семантика *свой* и *свои*; Древняя Русь; Средневековая Русь; *друг*; *товарищ*; *брат*; *дружба*; *товарищество*; *побратимство*.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study focuses on lexemes that denote insiders or one's own people in the Russian language, specifically word families derived from substantives such as *drug* [friend], *tovarishch* [comrade], and *brat* [brother]. The primary objective is to analyze these lexical units with respect to their semantic evolution over the period spanning the eleventh through seventeenth centuries. Factors influencing this change are identified, including socio-economic transformations and historical-cultural developments. The relevance of this research lies in its exploration of the origins of these terms, uncovering their original meanings and elucidating the reasons behind their subsequent semantic shifts using various written sources from Ancient and Medieval Russia. Methodologically, the investigation employs descriptive analysis, comparative-historical reconstruction for establishing semantic relationships, lexicographic methods, and linguo-cultural analysis. It demonstrates that communities during Kievan Rus were designated by words like *bratchina* and *druzhina*, while groups formed based on shared activities were referred to as *tovarishchestvo* and *tovarstvo*. The phenomenon of sworn brotherhood (*pobratimstvo*) played a significant role in uniting individuals not merely on the basis of close kinship but also due to common interests, spiritual affinity, and professional endeavors, particularly military service. Substantives like *druzhina* and *druzha* signified collectivities characterized by strong bonds among members rooted in mutual obligations.

Key words:

Historical Lexicology; Semantics of In-group Membership; Old Rus'; Medieval Rus'; Friend; Comrade; Brother; Friendship; Association; Sworn Brotherhood.

УДК 811.161.1'37::392.71

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-151-169

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Семантическая эволюция слов *друг, товарищ, брат* и их производных в истории русского языка XI—XVII веков

© Чашина Е. А., 2025

1. Введение = Introduction

Семантической оппозиции *свой* — *чужой* уделяется значительное внимание исследователями не только в области языкознания, но также в области философии, культуры, истории, антропологии и других научных дисциплин. Как отмечал Ю. М. Лотман, «всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее (“свое”) пространство и внешнее (“их”)», причем свое пространство характеризуется как “безопасное” и “гармонически организованное”, а “чужое” как “враждебное” и “хаотичное» [Лотман, 1996, с. 175]. Вполне закономерным является стремление человека объединиться со «своим / своими» и дистанцироваться от «чужого / чужих», что может быть обусловлено прежде всего этническими и социальными факторами [Балясникова, 2003]. В. Г. Фельде в своем исследовании «Оппозиция “свой — чужой” в культуре» подчеркивает универсальный и вневременной характер данной оппозиции, которая «проникает в разные сферы человеческого бытия», и анализирует в числе других культурно-антропологические ее аспекты [Фельде, 2015, с. 3]. Значимость объединения людей и их размежевания подчеркивают авторы «Словаря актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века» Т. В. Леонтьева и А. В. Щетинина, включившие в этот словарь лексику, описывающую «человека в коммуникации» и его намерения «примкнуть к той или иной группе, коллективу либо противопоставить себя кому-либо, выразить солидарность с другими участниками или проявить враждебный настрой <...>» [Леонтьева и др., 2021, с. 18]. Важный вклад в этнолингвистический анализ данной дихотомии внесли работы О. М. Фрейденберг, Вяч. Вс. Иванова и Н. И. Топорова, Ю. С. Степанова [Фрейденберг, 1998, Иванов и др., 1965, Степанов, 2001].

Статья посвящена семантическому анализу лексики русского языка, входящей в понятийную сферу «свой / свои» в диахроническом аспекте. Семантика ‘свой’ / ‘свои’ в русском языке реализуется в группе слов *друг, товарищ и брат*, которые появились в глубокой древности, прошли через

всю историю русского языка и остаются общеупотребительными на современном этапе его развития. Целью исследования является анализ данных лексем и их дериватов с точки зрения эволюции их семантической структуры в период XI—XVII веков. Важно выявить факторы социального, экономического и историко-культурного характера, обусловившие эти изменения. Актуальность исследования состоит в обращении к истокам широкоупотребительной лексики современного русского языка, в выявлении исходных значений слов, а также причин, обусловивших их семантическую эволюцию. Новизна исследования заключается в историко-лингвистическом описании группы лексем на материале различных письменных источников древней и средневековой Руси.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование выполнено в рамках исторической лексикологии, которая опирается на конкретные слова в «реальных речевых произведениях — текстах» [Добродомов, 1981, с. 76]. Как подчеркивает И. Г. Добродомов, «историческая лексикология <...> дает надежный и четко датируемый материал: ее факты и наблюдения отражают реальные и наглядные факты эволюции слова» [Добродомов, 1981, с. 75]. В статье использованы описательный и сравнительно-исторический методы для реконструкции семантических отношений, а также лексикографический метод, выявляющий репрезентацию лексем в словарях, и метод лингвокультурологического анализа. Материалами для исследования послужили письменные источники церковного характера, а также правовые и законодательные акты, договоры, челобитные, берестяные грамоты. Автор обращается к фольклорным текстам, отражающим особенности устного бытования лексем на ранних этапах развития языка. В рамках проводившегося исследования привлекались историко-лингвистические словари, в том числе «Словарь русского языка XI—XVII веков» [СлРЯ XI—XVII века], «Материалы для древнерусского словаря» И. И. Срезневского [Срезневский] и др.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Оппозиция «свой — чужой» в представлении древних славян, по мнению Вяч. В. Иванова и В. Н. Топорова, была связана прежде всего с социальной сферой, с принадлежностью к той или иной социальной группе, вследствие чего «противопоставление свой — чужой должно рассматриваться как определяющее в плане социальной интерпретации» [Иванов и др., 1965, с. 157]. С глубокой древности человек, не принадлежавший к конкретному социуму, воспринимался как неприятель, чужак. Как отмечает О. М. Фрейденберг, в античный период «человек, пришедший из

чужого поселения, считался врагом» [Фрейденберг, 1998, с. 89]. Один из арабских писателей X века Истархи, описывая жизнь русского племени арта, подчеркивал то обстоятельство, что никто не имел возможности войти на территорию этого племени, «ибо они (жители) убивают всякого чужестранца, путешествующего по их земле; только что они спускаются по воде и торгуют, но никому не рассказывают о своих делах и не допускают никого провожать их» [Гаркави, 1870, с. 193]. Как заключает И. М. Кулишер, «на известных ступенях развития по отношению к чужеземцам, к членам других общин невозможны какого бы то ни было рода мирные отношения, <...> каждая из общин составляет замкнутый “мир”, враждебный всем другим “мирам”» [Кулишер, 1887, с. 195].

Однако потребность во взаимодействии с соседями, в том числе и в экономической сфере, приводила замкнутые племена и общества к разного рода контактам, к заключению мирных договоров и ведению меновой торговли. Появляется ряд ритуалов, в результате которых «чужой» становится «своим» и, следовательно, появляется возможность вступления с ним в контакт. В русском языке для обозначения «своих» использовались лексемы *брат*, *друг* и *товарищ*, которые будут рассмотрены далее в такой последовательности.

3.1. «Злато и серебро погубите брата своего ради...»

Как отмечалось выше, в ранних сообществах пришельцы воспринимались враждебно, по отношению к ним могли совершаться недружественные действия. Однако в кругу своих соплеменников, в своем мире, среди «своих» модель поведения его членов была совсем иной: они были доброжелательны, внимательны друг к другу, сострадательны и честны [Кулишер, 1887, с. 195].

Анализируя происхождение и семантику праславянского корня *swe, Э. Бенвенист подчеркивает, что «термины, производные от *swe: <...> лат. *suus* ‘свой’, а также гр. *étēs* ‘сородич, свойственник’, *hetaĩros* ‘соратник товарищ’, лат. *sodalis* ‘компаньон, собрат, коллега’ позволяют усматривать в исходной форме *swe наименование социальной общности, каждый член которой проявляет свою “самость”, лишь находясь “среди своих”» [Бенвенист, 1995, с. 212—213]. Именно члены узкого сообщества, которые родились в нем и провели свою жизнь, воспринимались как *свои*, и для их обозначения использовалось слово *брат*, о чем свидетельствуют данные «Словаря русского языка XI—XVII веков», где *брат* фиксируется со значением ‘согражданин, соплеменник’: *И мы полочане слюбили есмо блюсти риженина въ Полоцьку какъ своего брата полочанина, и справедливость имъ делати въ всемъ* [СлРЯ XI—XVII, вып. 1, с. 319]. Соответственно, община именовалась существительным *братчина*: *А братьщина судить, какъ судыи* [СлРЯ

XI—XVII, вып. 1, с. 326]. В «Новгородской летописи» встречается словосочетание *за один брат* со значением ‘единодушно’: *Занеже, дети, видите последнее время, быле бысте за одинъ братъ въ крестиянствѣ* [СлРЯ XI—XVII, вып. 1, с. 319]. Следует отметить, что в ранних письменных источниках для обозначения родственников использовались лексемы *ближние* или *ближики*. В частности, в «Договоре Руси с Византией» 911 года в статье 4 об убийстве, где оговаривается ситуация, при которой совершивший убийство человек бежит с места преступления, устанавливается, что та часть имущества, которая положена ему по закону, переходит родственникам убитого: *Аще ли убежитъ сотворивый убийство, аще есть имовит, да часть его, сиречь, иже его будетъ по закону, да возьметъ ближние убьенаго* [ПРП, 1952, с. 7]. Статья 13 этого договора предусматривает передачу имущества близким родственникам, оставшимся на Руси, в случае смерти русского человека, находившегося на службе у греческого царя и не оставившего завещания: *Аще кто умреть, не урядив своего имени, ци и своих не имать, да възвратитъ имение к малымъ ближика в Русь* [ПРП, 1952, с. 9]. Здесь ближайшие родственники именуются *малыми ближиками*.

В архаическом традиционном обществе установление контакта с чужаком, пришедшим со стороны, предполагало процедуру инкорпорации последнего в сообщество посредством акта обращения «чужого» в «своего», то есть в «брата». Для этого проводился ритуал побратимства. Совершался он разными способами, в частности, одной из форм подобного действия являлось смешение крови участников, символизировавшее возникновение кровнородственных связей. Таким же образом заключались и мирные договоры между племенами, примером чему служат исторические свидетельства, приводимые И. М. Кулишером относительно вступления неродственных сторон в дружественный союз через символический акт смешения крови [Кулишер 1887, с. 100]. Заключение такого союза, когда между лицами, не состоявшими в кровном родстве, устанавливалось близкое товарищество и они становились побратимами, в русском языке обозначалось глаголом *брататися* [СлРЯ XI—XVII, вып. 1, с. 320].

На последующих ступенях цивилизации обряд смешения крови заменяется совместной едой и питьем, которые связывают участников между собой. Такого рода ритуал был распространен в скифских племенах: известны золотые изделия скифов, на которых изображены двое мужчин, пьющих из одного рога. Ритуал побратимства сопровождался взаимными клятвами, а также жертвоприношениями.

В Древней Руси формирование и укрепление социальных взаимосвязей, обусловленных взаимными обязательствами, осуществлялось посредством коллективных застолий, известных как *братчины*: *И начаша Ро-*

стислава звати льстью у братицину... на Петровъ день [СлРЯ XI—XVII, вып. 1, с. 326]. Особое место в ритуале празднеств занимали *братины* — ‘сосуды в форме горшка, в которых подавались напитки’: *Да две братины, што мне далъ князь велики Василен...* [СлРЯ XI—XVII, вып. 1, с. 321]. В таком сосуде напитки могли передаваться по кругу среди присутствующих. Изначально в пирах принимала участие вся община, так как «когда-то институт пира-братчины слагался в родовой <...> общине» [Липец, 1969, с. 59]. Для пиров была характерна замкнутость, незваные гости на них не допускались, что нашло отражение в разного рода грамотах, в том числе уставных и жалованных. В этих документах использовалась традиционная клаузула: *И к тем их людем въ их села и в деревни на пиры и въ братины и о праздницех незваны пити не ездят, ни ходят никто* [СлРЯ XI—XVII, вып. 1, с. 326]. По всей видимости, ситуация с приходом незваных гостей была явлением не таким уж и редким, так как в некоторых грамотах более подробно поясняется, как необходимо поступать с гостями, пришедшими на пир без приглашения. Так, в «Жалованной тарханно-несудимой грамоте князя Андрея Васильевича митрополиту Геронтию» говорится о том, что незваного гостя следует изгнать: *кто к ним придет из моего села из Воиславского незван на пир или в братицину, и государь или староста того человека незваного вышлет вон...* [АФЗХ, 1951, с. 93]. В ситуации, когда такой гость всё-таки не сочтет нужным уйти, а во время его пребывания на пиру будут совершены противоправные действия, предусматривается взимание с него штрафа в двойном размере без суда и следствия: *А хто у них человек незваной ис пиру или из братицины вон не пойдет, а имет пити сильно, а учинится у них в той братицине или на пиру какова гибель или татьба, и яз ту гибель на том велю взяти вдвое без суда и без исправы* [АФЗХ, 1951, с. 93]. Таким образом, явно прослеживается закрытость братчин и поддержка этого правила со стороны князя и его администрации.

Особое значение имели пиры княжеской дружины, на которых князь выслушивал рассказы воинов о своих ратных подвигах и одаривал их в соответствии с их заслугами. В русских повестях встречается метафорический образ боя-пира, на котором дружина призвана испытать чашу смертную. В частности, в «Повести о разорении Рязани Батыем» описывается страшный погром и опустошенный город, на месте которого остались только земля, дым и пепел, лежащие на поле боя воины. Как отмечает Д. С. Лихачев, «образ общей смертной чаши много раз как рефрен настойчиво повторяется в “Повести”». О смертной чаше, испытать которую пришел перед битвой черед князю и дружине, говорят перед боем князья; образ смертной чаши доминирует в плачах; он развивается в образ боя-пира» [Лихачев, 1987, с. 131].

Обряд побратимства предполагал также обмен доспехами двух воинов. Такого рода традиция существовала еще в античный период, о чем свидетельствует фрагмент из «Илиады» Гомера, в котором Главк и Диамед после битвы обмениваются оружием и становятся друзьями: *Главк! обменяемся нашим оружием; <...> и, с своих колесниц соскочивши, За руки оба взялись и на дружбу взаимно клялися* [Гомер, 2008]. В древнерусской традиции «при заключении обряда побратимства богатыри обмениваются конями или одеждой: *Да конями с Чурилом-то поменялось, / Да цветным-то платьем побратаносе*» [Липец, 1969, с. 85]. Также возможен был обмен нательными крестами, в связи с чем появляется двусоставное наименование, обозначавшее побратима, — *брат крестовый*. Как отмечает Р. С. Липец, здесь происходит замена родовых отношений узами, соединившими случайно встретившихся людей, близких по духу, ставших друзьями и соратниками. Такие взаимоотношения скрепляли воинские подразделения сильнее, чем узы родства, что находит свое отражение в утверждении: «Крестовый брат лучше родного» [Там же, с. 85—86]. В русском эпосе говорится о том, что «побратима нельзя убить <...>, желание побратима — закон; у них “заповедь положена” “слушать друг друга”» [Там же]. Как видим, побратимы оказываются связанными взаимными обязательствами.

В XVII веке в русском языке слово *брат* используется со значением ‘ближний’: *Злато и серебро погубите брата своего ради, и примите сокроуище неоскудно въ день суда* [СлРЯ XI—XVII, вып. 1, с. 319], а существительное *братство* обозначает ‘дружественный союз’: *Преставися король угорский Матиашъ, а с великимъ княземъ былъ в любви и в докончании и в братстве* [Там же, с. 325].

Таким образом, семантическая структура лексемы *брат* отражает особенности раннего периода социальной организации общества, так называемой родовой общины, когда термин родства *брат* включает семантику ‘согражданин’, а входящие в один с ним семантический ряд дериваты *братчина* и *брататися* оказываются связанными с древним ритуалом побратимства, процесса, при котором *чужой* становился *своим*.

3.2. «Буди ми друг ...»

Слово *друг* в самых ранних древнерусских источниках фиксируется как краткая форма местоименного прилагательного *другъ* со значением ‘другой’: *Аще бы кто добро другу чинилъ, то добро бы было; а копя подь другомъ яму, сам ся въ ню въвалишь* [СлРЯ XI—XVII, вып. 1, с. 360]. *Друг* со значением ‘другой’ входит в состав прилагательного *другдружный* — церкв. ‘действующий один против другого, междоусобный’: *На другдружное убийство поучаше варварская колена* [СЦС, 1847, с. 374]. Слово *друг* с современным нам значением фиксируется в *Лаврентьевской летописи*:

Рече же князь печенежский къ Претичю: буди ми другъ... и подаста руку межю собою [СлРЯ XI—XVII, вып. 4, с. 360].

Каким же образом соотносятся лексемы *друг* — ‘другой’ и *друг* — ‘близкий человек’? Как отмечают исследователи, природа этой связи до конца еще не выяснена [Степанов, 2001, с. 155]. Однако здесь уместно вспомнить фразу *Возлюби ближнего, как самого себя* и притчу, рассказанную Иисусом Христом о самарянине, содержащуюся в Евангелии от Луки (гл. 10, стихи 30—35). В ней говорится о том, что на человека, который был в пути, напали разбойники, и окружающие прошли мимо, и священник, и левит. Только самарянин, человек из другой страны и другой веры, остановился и помог пострадавшему иудею: перевязал раны, отвез в гостиницу и оплатил её. И кто стал ближним для пострадавшего человека? — спросил Иисус. — Тот, кто оказал помощь. — Иди, и ты поступай так же, сказал Иисус [Пивоваров, 2007]. Определяющим оказалось проявление человечности в сближении двух разных людей, когда этот человек *друг* — ‘другой’ становится *другом* — ‘близким человеком’.

Прилагательное *дружный* использовалось со значением ‘принадлежащий другу; свойственный другу’. В одном из текстов делового характера встречаем словосочетание *дружная любовь: Государю Низовские земли, ... Ростовскому ... Белоозерскому и иных земель наше челобитье и дружная любовь* [СлРЯ XI—XVII, вып. 4, с. 365]. Слово *друг* в летописных текстах отмечено со значением ‘товарищ, спутник’: *Повеле владыка Василий писати церковь... Исаю Гречину с другы; И приехаше посадник Дорофеи и с своими друзи ... со многим полономъ* [СлРЯ XI—XVII, вып. 4, с. 360]. В текстах церковного характера с этим же значением ‘товарищ, соучастник’ фиксируются дериваты *дружебникъ* и *дружина* [СлРЯ XI—XVII, вып. 4, с. 362—363]. Кроме того, *дружина* — это и товарищ, соучастник противоправных действий, разбоя и грабежа: *Имея подъ собою дружинъ ѿ с ними же разбои творящие* [Срезневский, 1893, с. 731].

Собирательное существительное *дружина* вызывает особый интерес. Прежде всего *дружина* обозначала древнерусскую общину, о чем говорится в «Русской Правде» Пространной редакции: *А головничество а то самому головнику; а въ 40 гривенъ ему заплатити ис дружины свою часть* [ПРП, с. 58]. Здесь речь идёт о выплате штрафа за убийство: преступник должен заплатить штраф, и определенную часть должна внести и община, то есть *дружина*.

Также представляет интерес одна из берестяных грамот под № 109, относящаяся к концу XI—XII веков, в которой говорится о покупке краденой рабыни: *Грамота отъ Жизномира къ Микоуле. Коупиль еси робоу Пльско-ве, а ныне мя въ томъ яла кнѣягыни. А ныне ся дружина по мя порочи-*

ла. *А ныне ка посьли къ томоу моужеву грамоту, ели оу него роба <...>* [Зализняк, 2004, с. 257]. Перевод данного текста: «Грамота от Жизномира к Микуле. Ты купил рабыню во Пскове, и вот меня за это схватила (подразумевается: уличая в краже) княгиня. А потом за меня поручилась дружина. Так что пошли-ка к тому мужу грамоту, если рабыня у него <...>» [Зализняк, 2004, с. 257]. Как отмечает А. А. Зализняк, «основное содержание ясно: рабыня, купленная Микулой для Жизномира, оказалась краденной (или беглой)», в данной ситуации за Жизномира поручилась «дружина в целом как юридическое лицо» [Зализняк, 2004, с. 257—259].

Очевидно, что рус. *дружина* производно от *друг*. В целом данное гнездо на праславянском уровне не имеет удовлетворительной этимологии. В этимологическом словаре высказывается «предположение, что в основе всего гнезда был гл. со знач. ‘следовать’, что хорошо согласовалось бы со всеми реально засвидетельствованными знач-ми» [ЭССЯ, вып. 5, с. 132]. (О прагерманской параллели в развитии значения ‘воинская дружина’ см. [Степанов, 2001, с. 154—155]). В. Н. Топоров, анализируя данные восточно-балтийских языков, подчеркивает семантическую связь балт. *drī-* с и.-евр. **dhreu* и образом мирового дерева: «Поскольку для этой эпохи <...> характерно отождествление дерева и человека и / или установление соотношений между частями дерева и членами человеческого тела, — становится понятным и частое в балтийских языках применение корня *drī-* к человеку <...> В этой связи можно напомнить и о том же корне с расширением *-g-* в балт. *draug-* ‘друг’, ‘спутник’, ‘товарищ’ и т. п.» [Топоров, 1975, с. 378].

Древнерусская княжеская дружина представляла собой преданных своему предводителю воинов, княжеский совет. Члены дружины служили лично князю и находились на его содержании. Следует отметить, что институт дружины «не являлся спецификой какого-либо народа или региона, а представляет собой общеисторическое явление. У большого числа народов <...> существовал особый социальный слой военно-служилой знати, знати, отличной от родоплеменной» [Горский, 1989, с. 13]. По свидетельствам историков, например, в кельтских племенах у вождя был отряд лично ему преданных воинов. В случае гибели вождя они были призваны разделить с ним его участь или сами должны были лишиться себя жизни. Возвращение с поля боя, на котором пал вождь, являлось бесчестьем и позором на всю жизнь [Горский, 1989, с. 13]. Важным здесь является фактор личной преданности и верности, неукоснительное следование данным клятвам. В связи с этим представляет интерес тот факт, что глагол *дружить* использовался с формой дательного падежа (кому?): *А помощи ему не возмогаша, занеже многие воины дружаху еретеку Ростриге* [СлРЯ XI—XVII, вып. 4, с. 364].

В текстах церковного характера фиксируется слово *дружина*, обозначающее супругу, жену: *Преподобный Ксенофонт и дружина его Мария* [СЦС, 1847, с. 374]. При заключении брака также даются взаимные клятвы верности, таким образом, в данной лексеме находят отражение основные семантические составляющие, связанные с теми или иными обязательствами не только в воинском союзе, но и в семейных отношениях.

Слово *дружба* использовалось со значением ‘сообщество людей, объединенных под чьим-либо началом’, причем употреблялось оно в текстах церковного характера: *И всякъ иже не приидет въ три дни... възмется все существо его и тои отимется от дружбы преселения* [СлРЯ XI—XVII, вып. 4, с. 362].

Таким образом, слово *друг* как краткое прилагательное обозначало ‘другого, иного’, не относящегося к *своим*. Производные *дружина* и *дружба* обозначали сообщества, общины или группы людей, объединенных по различным видам деятельности, однако одним из важнейших признаков была тесная их связь, основанная на взаимных обязательствах. Дериват *дружить*, который использовался с формой дательного падежа (кому?), со временем заменяется глаголом *служить*.

3.3. «И тот Михайло со товарищи...»

Семантика ‘сообщество людей, объединенных под чьим-либо началом’ реализовывалась также в лексемах *товарищество* и *товарство* [СлРЯ XI—XVII, вып. 29, с. 381]. *Товарищество* включало в себя и всех жителей города: *К гетману ... съезжались в раду полковники и товарство* [СлРЯ XI—XVII, вып. 29, с. 383].

Слово *товарищ* с современным нам значением является довольно древним по своему происхождению и фиксируется в источниках XI века, в частности в «Остромировом Евангелии» [Старчевский, 1899, с. 851]. С этого же периода используется существительное среднего рода *товарище*, обозначающее военный или походный лагерь, как правило, состоявший из шатров. В «Ипатьевской летописи» под 1159 годом фиксируется: *Изяславъ же ... вседше на конь гна до товарищъ ихъ, и види товарища горяща, и воротися опять* [СлРЯ XI—XVII, вып. 29, с. 381]. В «Словаре русского языка XI—XVII веков» с этим же значением отмечена лексема *товар*: *Александръ же, постигъ Дарьевъ товаръ, въселися во нь* [СлРЯ XI—XVII, вып. 29, с. 378]. Там же поясняется: *товарник* — ‘тот, кто участвует с кем-либо в одном деле, предприятии и т. п.; сотоварищ, товарищ по оружию’: *Артори ... призва своего Лукья своего товарника* (букв. ‘с которым жил в одном шатре’) [СлРЯ XI—XVII, вып. 29, с. 382].

В XVI—XVII веках значение слова *товарищ* — ‘тот, кто участвует с кем-либо в одном деле, промысле, предприятии и т. п.; сотоварищ’ — со-

хранятся: *А товарищовъ их всехъ велель князь велики своим приставом подавати на поруки на крепкие в полуторе тысяче рублех во истыцевых* [СлРЯ XI—XVII, вып. 29, с. 381—382]. В этот период часто используется форма множественного числа творительного падежа с предлогом *съ* — *съ товарищи*. В деле о жалобе крестьян Тавенской волости о незаконной приписке писцом Н. Толочановым тяглою земли и злоупотреблениях воеводы Д. Данилова при сборе налогов содержится следующий фрагмент: *Царю государю и великому князю Федору Алексеевичю, всеа Великияи Малыя и Белья Росии самодержцу, быют челом сироты твои, Чаронские округи розных волостей крестьянишка Тавинския волости Аввакумко Меркурьев с товарищи* [АПД, с. 71]. Так как подается жалоба на злоупотребления чиновников от жителей волости, следовательно, *товарищами* являются все жители волости.

Следует отметить употребление слова *товарищ* как обозначения соучастника в совершении противоправных действий. В одной из челобитных XVII века крестьянин боярина князя Черкасского об ограблении его шушскими кабацкими откупщиками так описывает произошедшее с ним: *В нынешнем, государь, во 136-м году марта в 16 день приезжал я в Шую торговать и взошел я к ним на кабак испить. И тот Михаило с товарищи учали меня бить и грабить и убив покинули замертва. А грабежу, государь, взяли у меня пятьдесят рублев с полтиною денег* [КЧ, с. 14]. В произведениях устного народного творчества, в частности, в воровских и разбойничьих русских народных песнях, также речь идет о товарищах — соучастниках разбоя, метафорически осмысленных. А. А. Коринфский приводит пример одной из песен, в которой молодец, совершивший разбой, размышляет о предстоящем допросе, который будет вести сам царь, какие вопросы он ему задаст и что тот ему ответит: *Еще станет меня царь-государь спрашивать <...> Ты скажи, скажи, детинушка, крестьянский сын, уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал? Еще много ли с тобою было товарищей? Я скажу тебе, надежа православный царь, всю правду, я скажу тебе всю истину: что товарищей у меня было четверо, уж как первой мой товарищ темная ночь, а второй мой товарищ — булатный нож, а как третий товарищ мой — добрый конь, а четвертой мой товарищ — тугой лук, что рассыльчики мои — калены стрелы* [Коринфский 1901, 1995].

В «Хождении за три моря» Афанасий Никитин своих попутчиков называет *товарищами*: *И яз свое судно покинул да полез есми на судно на послово и с товарищи своими* [СлРЯ XI—XVII, вып. 29, с. 382]. Данная семантика эксплицировалась также в двусоставном наименовании *дорожный товарищ* в источниках XVII века. С XVI века слово *товарищ* приобретает ещё одно значение — ‘лицо, состоящее при ком-либо в качестве

помощника'. *Судный товарищ* — 'помощник судьи': *Судным товарищем ... отвечать перед тем судьей, с кем судят* [СлРЯ XI—XVII, вып. 29, с. 382]. С этим значением 'помощник' слово *товарищ* активно использовалось в русском языке в XIX веке и начале XX века, например, в составе словосочетаний *товарищ министра, товарищ прокурора*.

Безусловно, существительное *товарищ* в значении 'близкий человек, товарищ, друг' также встречается в источниках XVII века: *Пускай оне с лукавым духом, а мы, христиане, со Христом Исусом. Нам оне, поганцы, в товарищы не надобны* [СлРЯ XI—XVII, вып. 29, с. 382]. Отметим, что языковые единицы *товарищество* и *товарство* в XVII веке приобретают в своём семантическом спектре коммерческую составляющую и с этого периода обозначают 'торговый союз': *Учинить купецкое Северное товарищество* [СлРЯ XI—XVII, вып. 29, с. 381].

Таким образом, хорошо знакомое нам слово *товар* обладало семантикой 'шатровый лагерь воинов', производные лексемы *товарники* и *товарищи* обозначали, соответственно, тех, кто пребывал в этом *товаре*, — соратников, представителей воинского братства. *Товариществом* и *товарством* назывались сообщества, находящиеся в чем-либо подчинении, которые могли включать в себя жителей города или волости. Коммерческая составляющая в семантической структуре этой лексемы, приобретенная в XVII веке, сыграла важную роль в дальнейшем функционировании слова, в том числе и на современном этапе развития русского литературного языка.

4. Заключение = Conclusions

При изучении древних народов и цивилизаций на ранних ступенях их развития исследователи отмечают дихотомию *свой* — *чужой* как одну их важных составляющих мировидения человека, на основе которой строились взаимоотношения как внутри сообщества, так и вне его. Изначально к «своим» относились члены общины, объединенные узами родства, а затем и близкие по духу и образу мыслей люди, нередко связанные взаимными обязательствами. Общины именовались лексемами *братчина* и *дружина*, а сообщества людей — существительными *товарищество* и *товарство*. В период военной демократии *побратимство* отрицает родовые связи и заменяет их «крепкой дружбой случайных соратников» [Липец, 1969, с. 87]. Также со значением 'попутчик, спутник' использовались слова *товарищ*, *друг* и *дружина*. Таким образом, слова *брат*, *товарищ* и *друг* и их производные широко использовались в русском языке с XI века с целым спектром значений.

История данных слов, обозначающих необычайно важные для русской ментальности понятия, способствует осмыслению значимых для русской

лингвокультуры сематических связей и преобразований. Раннее значение слова *брат* - ‘согражданин’ — позволяет понять, почему его семантика выходит за рамки терминов родства в современном русском языке. Этимон *друг* со значением ‘крепкий, прочный’, связанный с образом мирового древа, и его производное *дружина* ‘сообщество преданных и верных своему вождю людей, готовых жертвовать жизнью ради него и связанных между собой определенными обязательствами’ дают возможность как вполне закономерные воспринимать следующие семантические признаки слова *друг* в современном русском языке: «1) Друг предан субъекту и считает своим долгом помогать ему в любых обстоятельствах <...>; 2) Друг бывает ближе, чем член семьи, и субъект может испытывать в нем потребность <...>; 3) Данные отношения налагают на друзей определенные обязательства, вследствие чего субъект готов жертвовать своими интересами ради друга» [Урысон, 2003, с. 297].

В качестве важных семантических компонентов сочетаний с лексемой *друг* в пушкинскую эпоху (*прямой друг, кровный друг, мирный друг*) Т. В. Леонтьева выделяет следующие признаки: «‘откровенный, основанный на абсолютном доверии’, ‘близкий по духу или социальному происхождению (аналогично биологическому родству)’, ‘живущий в согласии, в мире, без вражды’» [Леонтьева, 2020, с. 66].

Лингвокультурологи отмечают, что в России дружба и сегодня предполагает серьезные и ответственные взаимоотношения. С понятием *друг* связаны не просто совместное приятное времяпрепровождение, как это характерно для западной культуры [Вежицкая, 1999, с. 335—336], дружба накладывает очень важные обязательства, которые следует неукоснительно выполнять. На это обращают внимание иностранные исследователи и настороженно относятся к таким высоким требованиям дружбы. Х. Смит в книге *Русские* отмечает, что в России «истинные друзья преданно отправятся на выручку <...>, русские требуют от друга полной преданности». И далее исследователь выражает к этому свое личное отношение: «Как журналист, я нахожу это несколько щекотливым» [Цит. по: Вежицкая, 1999, с. 341].

Слово *товарищ* продолжает использоваться и в настоящее время, после завершения советского периода, в котором оно получило необычайное распространение и развитие. Данная лексема встречается в самых ранних письменных источниках со значением ‘соратник, представитель воинского братства’, в связи с этим и в современном русском языке, как подчеркивает А. Д. Шмелев, «слово *товарищ* указывает на мужскую солидарность, основанную на совместном участии в одних и тех же событиях групп мужчин, которых судьба собрала вместе» [Шмелев, 2005, с. 291—292].

На материале современного русского языка и лексикографических данных изучаются и лексемы *братство, товарищество* и др., в том числе их семантическое наполнение [Моргунова, 2023].

В заключение хотелось бы привести слова, отражающие закономерности развития языка: «Каждый живой язык... вечно движется, вечно растёт <...>. Но как бы ни менялся язык, какими бы новыми ни обрастал словами, его общенациональные законы и нормы в основе своей останутся устойчивы, неизменны, незыблемы. Язык <...> в главной своей сути остаётся всё тем же, сохраняя в неприкосновенности золотой фонд своего словаря <...>, выработанного в былые века» [Чуковский]. Несомненно, слова *брат, товарищ* и *друг* входят в этот золотой фонд и содержат в себе те глубокие смыслы, которые формировались на протяжении веков, и отражают основные принципы социальной структуры общества, в котором *иной* становится *своим*.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. АФЗХ — *Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XV веков*. — Москва : Издательство Академии наук СССР, 1951. — Часть 1. — 402 с.
2. АПД — *Акты писцового дела 60—80-х годов XVII в.* / Сост. С. Б. Веселовский. — Москва : Наука, 1990. — 475 с. — ISBN 5-02-009480-3.
3. Бенвенист Э. *Словарь индоевропейских социальных терминов* / Э. Бенвенист. — Москва : Прогресс — Универс, 1995. — 454 с. — ISBN 5-01-003860-9.
4. КЧ — *Крестьянские челобитные XVII века*. Из собраний Государственного Исторического музея. — Москва : Наука, 1994. — 329 с. — ISBN 5-02-008676-2.
5. Старчевский А. В. *Словарь древнего славянского языка*, составленный по Остромирову евангелию Ф. Миклошичу, А. Х. Востокову, Я. И. Берединову и И. С. Кочетову / А. В. Старчевский. — Санкт-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1899. — 946 с.
6. СлРЯ XI—XVII вв. — *Словарь русского языка XI—XVII вв.* — Москва : Наука, 1975—2015. — Выпуск 1—30.
7. ПРП — *Памятники русского права* / Под ред. С. В. Юшкова, сост. А. А. Зимин. — Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1952. — Выпуск 1. — 287 с.
8. Срезневский И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам* / И. И. Срезневский. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1893. — Т. 1. — 771 с.
9. Степанов Ю. С. *Константы : словарь русской культуры*, изд. 2-е / Ю. С. Степанов. — Москва : Академический Проект, 2001. — 989 с. — ISBN 5-8291-0007-X.
10. СЦС — *Словарь церковно-славянского и русского языка*, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1847. — Т. IV — 491 с.
11. Топоров В. Н. *Прусский язык. Словарь* / В. Н. Топоров. — Москва : Наука, 1975. — Т. 1. — 400 с.

12. Урысон Е. В. Друг, товарищ, приятель / Е. В. Урысон // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд-е, испр. и доп. — Москва : Школа «Языки славянской культуры», 2003. — С. 297—299.

13. ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков : праславянский лексический фонд* / отв. ред. акад. О. Н. Трубачев. — Москва : Наука, 1978. — Вып. 5. — 234 с.

Литература

1. Балясникова О. В. «Свой-чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / О. В. Балясникова. — Москва, 2003. — 22 с.

2. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежицкая. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 780 с. — ISBN 5-7859-0032-7.

3. Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских / А. Я. Гаркави. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1870. — 308 с.

4. Гомер. Илиада / Перевод Н. И. Гнедича ; Изд. подготовил А. И. Зайцев. 2-е изд. — Санкт-Петербург : Наука, 2008. — 572 с. — ISBN 978-5-02-025210-3.

5. Горский А. А. Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси) / А. А. Горский. — Москва : Прометей, 1989. — 124 с.

6. Добродомов И. Г. Этимология и историческая лексикология (к изучению болгарских заимствований в славянских языках) / И. Г. Добродомов // Этимология. — 1979. — С. 75—84.

7. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект / А. А. Зализняк. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 872 с. — ISBN 5-94457-165-9.

8. Иванов Вяч. Вс. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период) / Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. — Москва : Наука, 1965. — 246 с.

9. Коринфский А. А. Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа / А. А. Коринфский. — Москва : Институт русской цивилизации, 2013. — 944 с. — ISBN 978-5-4261-0023-7.

10. Кулишер И. М. Очерки сравнительной этнографии и культуры / И. М. Кулишер. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1887. — 287 с.

11. Леонтьева Т. В. Арханские именованья друзей : об адъективных атрибутивах кровные, прямые, мирные / Т. В. Леонтьева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2020. — Т. 19. — № 6. — С. 58—68. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.5>.

12. Леонтьева Т. В. Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина. — Екатеринбург : Ажур, 2021. — 424 с. — ISBN 978-5-91256-535-9.

13. Липец Р. С. Эпос и древняя Русь / Р. С. Липец. — Москва : Наука, 1969. — 301 с.

14. Лихачев Д. С. Великое наследие / Д. С. Лихачев // Избранные работы в трех томах. — Ленинград : Художественная литература, 1987. — Т. 2. — С. 3—342.

15. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история / Ю. М. Лотман. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — 175 с. — ISBN 5-7859-0006-8.

16. Моргунова О. В. Семантические особенности слов братство, содружество, товарищество (на материале толковых словарей XX—XXI вв.) / О. В. Моргунова // Со-

временная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия : Гуманитарные науки. — 2023. — № 2—2. — С. 174—180. — DOI: 10.37882/2223-2982.2023.2-2.23.

17. Пивоваров Б. Евангелие в нашей жизни [Электронный ресурс] / Б. Пивоваров // Источниковедение в школе. — № 2 (5). — Режим доступа : <http://oornm.ru/wp-content/uploads/2020/10/2007-2.pdf> (дата обращения 12.03. 2025).

18. Чуковский К. И. «Живой как жизнь». Рассказы о русском языке [Электронный ресурс] / К. И. Чуковский. — Режим доступа : <https://azbyka.ru/deti/zhivoj-kak-zhizn-rasskazy-o-russkom-yazyke-kornej-chukovskij> (дата обращения 15.03. 2025).

19. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. / О. М. Фрейденберг. — Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. — 800 с. — ISBN 5-02-017900-0.

20. Фельде В. Г. Оппозиция «свой-чужой» в культуре : автореферат диссертации ... кандидата философских наук : 09.00.13 / В. Г. Фельде. — Омск, 2015. — 20 с.

21. Шмелев А. Д. Дружба в русской языковой картине мира / А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 289—303. — ISBN 5-02-009480-3.

Статья поступила в редакцию 19.05.2025,
одобрена после рецензирования 05.10.2025,
подготовлена к публикации 18.01.2026.

Material resources

AFZCh — *Acts of feudal land ownership and economy of the XIV—XV centuries*, 1. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 402 p. (In Russ.).

APD — *Acts of the scribal business of the 60—80-ies of the XVII century*. (1990). Moscow: Nauka Publ. 475 p. ISBN 5-02-009480-3. (In Russ.).

Benveniste, E. (1995). *Dictionary of Indo-European Social Terms*. Moscow: Progress — Univers. 454 p. ISBN 5-01-003860-9. (In Russ.).

ESSYa — Trubachev, O. N. (ed.). (1978). *Etymological Dictionary of Slavic Languages: Proto-Slavonic Lexical Fund*. Moscow: Nauka. Vol. 5. 234 p. (In Russ.).

KCH — *Peasant petitioners of the XVII century. From the collections of the State Historical Museum*. (1994). Moscow: Nauka Publ. 329 p. ISBN 5-02-008676-2. (In Russ.).

Russian Orthodox Church — Yushkov, S. V. (ed.). (1952). *Monuments of Russian Law*, 1. Moscow: State Publishing House of Legal Literature. 287 p. (In Russ.).

SLR XI—XVII centuries — *Dictionary of the Russian language XI—XVII centuries*, 1—30. (1975—2015). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.).

Sreznevsky, I. I. (1893). *Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments*, 1. St. Petersburg: [b. i.]. 771 p. (In Russ.).

Starchevsky, A. V. (1899). *Dictionary of the ancient Slavic language, compiled according to F. Ostromirov's Gospel*. Miklosic, A. H. Vostokov, Ya. I. Berednikov and I. S. Kochetov. St. Petersburg: A. S. Suvorin Printing House. 946 p. (In Russ.).

Stepanov, Yu. S. (2001). *Constants: dictionary of Russian culture*, ed. 2nd. Moscow: Academic Project. 989 p. ISBN 5-8291-0007-X. (In Russ.).

The CCC is a Dictionary of Church Slavonic and Russian compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences, IV. (1847). St. Petersburg: [b. i.]. 491 p. (In Russ.).

Toporov, V. N. (1975). *The Prussian language. Dictionary*, 1. Moscow: Nauka Publ. 400 p. (In Russ.).

Uryson, E. V. (2003). Friend, comrade, friend. In: *New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language. 2nd ed., ispr. and add.* Moscow: School "Languages of Slavic Culture". 297—299. (In Russ.).

References

- Balyasnikova, O. V. (2003). *"Friend or foe" in the linguistic consciousness of native speakers of Russian and English cultures.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 22 p. (In Russ.).
- Chukovsky, K. I. *"Alive as life". Stories about the Russian language.* Available at: <https://azbyka.ru/deti/zhivoj-kak-zhizn-rasskazy-o-russkom-yazyke-kornej-chukovskij> (accessed 15.03.2025). (In Russ.).
- Dobrodomov, I. G. (1979). Etymology and historical lexicology (towards the study of Bulgarian borrowings in Slavic languages). *Etymology.* 75—84. (In Russ.).
- Felde, V. G. (2015). *The opposition of "friend and foe" in culture.* Author's abstract of PhD Diss. Omsk. 20 p. (In Russ.).
- Freudenberg, O. M. (1998). *Myth and literature of antiquity. 2nd ed., ispr. and add.* Moscow: Publishing company "Oriental Literature" RAS. 800 p. ISBN 5-02-017900-0. (In Russ.).
- Garkavi, A. Ya. (1870). *Tales of Muslim writers about Slavs and Russians.* St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 308 p. (In Russ.).
- Gorsky, A. A. (1989). *The Ancient Russian squad (On the History of the Genesis of Class Society and the State in Russia).* Moscow: Prometheus Publ. 124 p. (In Russ.).
- Homer. *Iliad.* (2008). Saint Petersburg: Nauka Publ. 572 p. ISBN 978-5-02-025210-3. (In Russ.).
- Ivanov, Vyacheslav Vs., Toporov, V. N. (1965). *Slavic linguistic modeling semiotic systems (Ancient Period).* Moscow: Nauka Publ. 246 p. (In Russ.).
- Korinsky, A. A. (2013). *Narodnaya Rus. All year round, the legends, beliefs, customs and proverbs of the Russian people.* Moscow: Institute of Russian Civilization. 944 p. ISBN 978-5-4261-0023-7. (In Russ.).
- Kulisher, I. M. (1887). *Essays on comparative ethnography and culture.* St. Petersburg: [b. i.]. 287 p. (In Russ.).
- Leontieva, T. V. (2020). Archaic naming of friends: on the adjectival attributes blood, direct, peaceful. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics,* 19 (6): 58—68. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.5>. (In Russ.).
- Leontieva, T. V., Shchetinina, A. V. (2021). *Dictionary of the current vocabulary of unity and enmity in the Russian language of the beginning of the XXI century.* Yekaterinburg: Azhur. 424 p. ISBN 978-5-91256-535-9. (In Russ.).
- Likhachev, D. S. (1987). The Great Legacy. In: *Selected works in three volumes, 2.* Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. 3—342. (In Russ.).
- Lipetsk, R. S. (1969). *Epic and Ancient Russia.* Moscow: Nauka Publ. 301 p. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1996). *Inside thinking worlds. Man — text — semiosphere — history.* Moscow: Languages of Russian Culture. 175 p. ISBN 5-7859-0006-8. (In Russ.).
- Morgunova, O. V. (2023). Semantic features of the words brotherhood, fellowship, comradeship (based on explanatory dictionaries of the XX—XXI centuries). *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities,* 2—2: 174—180. DOI: 10.37882/2223-2982.2023.2-2.23. (In Russ.).
- Pivovarov, B. The Gospel in our lives. *Source studies at school,* 2 (5). Available at: <http://oopnm.ru/wp-content/uploads/2020/10/2007-2.pdf> (accessed 12.03.2025). (In Russ.).

- Shmelev, A. D. (2005). Friendship in the Russian language picture of the world. In: *Key ideas of the Russian language picture of the world*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 289—303. ISBN 5-02-009480-3. (In Russ.).
- Vezhbitskaya, A. (1999). *Semantic universals and description of languages*. Moscow: Russian Culture Languages. 780 p. ISBN 5-7859-0032-7. (In Russ.).
- Zaliznyak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodsky dialect*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 872 p. ISBN 5-94457-165-9. (In Russ.).

*The article was submitted 19.05.2025;
approved after reviewing 05.10.2025;
accepted for publication 18.01.2026.*

КОММУНИКАЦИЯ. МЕДИАТЕХНОЛОГИИ. ЖУРНАЛИСТИКА COMMUNICATIONS. MEDIA TECHNOLOGES. JOURNALISM

Лариса Николаевна Ребрина, д-р филол. наук (Волгоград)
Мария Алексеевна Жилина, аспирант (Волгоград)
Эльвина Ахнафовна Салихова, д-р филол. наук (Уфа)

Информация для цитирования:

Ребрина Л. Н. Немецкий видеоблог преподавателя-предметника : жанровые и медийные характеристики / Л. Н. Ребрина, М. А. Жилина // Научный диалог. — 2026. — Т. 15. — № 1. — С. 171—190. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-171-190.

Rebrina, L. N., Zhilina, M. A. (2026). Subject Teacher's German Video Blog: Genre and Media Characteristics. *Nauchnyi dialog*, 15 (1): 171-190. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-171-190. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Немецкий видеоблог преподавателя-предметника: жанровые и медийные характеристики

Ребрина Лариса Николаевна

orcid.org/0000-0003-0512-980X

ResearcherID: G-6420-2015

Scopus Author ID: 56241972800

доктор филологических наук, доцент,
кафедра иноязычной коммуникации
и лингводидактики,

корреспондирующий автор

lnrebrina@volsu.ru

Жилина Мария Алексеевна

orcid.org/0000-0003-2277-4800

¹ аспирант кафедры иноязычной
коммуникации и лингводидактики;

² старший преподаватель кафедры
лингвистики и межкультурной
коммуникации
m.zhilina34@yandex.ru

¹ Волгоградский
государственный университет
(Волгоград, Россия)

² Волгоградский институт
управления — филиал РАНХиГС
(Волгоград, Россия)

Subject Teacher's German Video Blog: Genre and Media Characteristics

Larisa N. Rebrina

orcid.org/0000-0003-0512-980X

ResearcherID: G-6420-2015

Scopus Author ID: 56241972800

Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Language
Communication and Linguodidactics,
corresponding author
lnrebrina@volsu.ru

Maria A. Zhilina

orcid.org/0000-0003-2277-4800

¹ postgraduate student, Department
of Foreign Language Communication
and Linguodidactics;

² senior lecturer, Department of Linguistics
and Intercultural Communication
m.zhilina34@yandex.ru

¹ Volgograd State University
(Volgograd, Russia)

² Volgograd Institute of Management, branch
of The Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration (RANEPA)
(Volgograd, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается лингвокультурная, жанровая, медийная специфика образовательного видеоблога «Einfach Deutsch lernen — Learn German with Ida» как презентационного личностно-ориентированного интернет-макрожанра с превалирующими типовыми институциональными интенциями. Охарактеризованы трансформационный потенциал медиатизации и ее проявления в педагогическом дискурсе. Описаны структурно-семантические, стилистические, прагматические, медийные характеристики видеоблога. Охарактеризованы «интерфейс» жанра, композиция и тема-рематическая организация видеопостов, средства интерактивности и гипертекстуальности. Описаны принципы и приемы адаптации учебного текста для адресата, кинетические средства и прецедентные феномены, вводимый методологический субтекст, коммуникативные стратегии, тактики, ходы блогера. Представлены характерные особенности выстраивания информирования видеоблогером-предметником, определяемые выбираемыми принципами и приемами адаптации материала, схемами тема-рематической организации высказываний, интеграцией кинетических средств и прецедентных феноменов в определенных функциях, превалированием внутренней гипертекстуальности, широким включением блогером методологического уровня в свою речевую партию. Делается вывод о равной значимости в рамках изучаемого жанра информационно-аргументирующих, манипулятивно-консолидирующих, экспрессивно-апеллятивных коммуникативных действий блогера и меньшей продуктивности контрольно-оценочной стратегии.

Ключевые слова:

медиатизированный педагогический дискурс; интернет-жанр; образовательный видеоблог; блогер.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the linguacultural, genre-specific, and media characteristics of the educational video blog “Einfach Deutsch lernen — Learn German with Ida” as a presentation-oriented, personality-focused internet macrogenre with predominant institutional intentions. The transformative potential of mediatization and its manifestations in pedagogical discourse are characterized. Structural-semantic, stylistic, pragmatic, and media features of the video blog are described. The interface of the genre, composition, thematic-rhematic organization of videoposts, interactive elements, and hypertextuality are analyzed. Principles and techniques for adapting instructional texts to target audiences, kinetic means, precedent phenomena, introduced methodological subtexts, communicative strategies, tactics, and moves by the blogger are examined. Distinctive features of how subject teacher bloggers structure their informational content are presented, determined by chosen principles and methods of material adaptation, schematic thematic-rhematic organization of statements, integration of kinetic means and precedent phenomena into specific functional roles, prevalence of internal hypertextuality, and extensive inclusion of methodologically informed speech acts by the blogger. It is concluded that within this genre, equally important are the blogger’s informative-argumentative, manipulative-consolidating, expressive-appealing communicative actions, while control-evaluative strategy proves less productive.

Key words:

mediatized pedagogical discourse; Internet genre; educational vlog; blogger.

УДК 811.112.2'42

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-171-190

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и

сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Немецкий видеоблог преподавателя-предметника: жанровые и медийные характеристики

© Ребрина Л. Н., Жилина М. А., 2025

1. Введение = Introduction

С 80-х — начала 90-х годов XX века ученые обращаются к исследовательскому концепту «медиатизация» для изучения взаимодействия действительности и ее медиаконструктов, превращения институциональных объектов в объекты медиапотребления, функционирования медиатизированных социальных миров, обусловленных медиа трансформаций социальных практик, общества и культуры [Артамонова и др., 2021; Herr et al., 2014]. Трансформационный потенциал медиатизации обуславливается: а) расширением благодаря медиа временных и пространственных возможностей коммуникации; б) замещением посредством медиа иных форматов деятельности; в) объединением посредством медиа разных видов социальной активности; г) адаптированием коммуникантов к медиалогике [Schultz, 2004]. Медиатизация приводит к формированию гибридных институциональных дискурсов, медиатизированных жанров в разных сферах коммуникации. Она меняет и сущностные аспекты взаимодействия субъектов образовательного процесса, при этом медиатизированный педагогический дискурс (ПД) остается на фоне единичных лингвистических, медиалингвистических, педагогических работ малоисследованным.

2. Методы, материалы, обзор = Material, Methods, Review

ПД по форме относится к институциональному, а по содержанию — к личностно-ориентированному типу [Зубкова, 2009; Карасик, 1999; Карасик, 2000]. ПД как динамическая система ценностно-смысловой коммуникации субъектов образовательного процесса детерминирована специфичным хронотопом; статусно-ролевыми отношениями участников; набором жанров, коммуникативных стратегий, тактик, определенных форматов общения (урок, лекция, семинар, экзамен, консультация и пр.), персонализацией, то есть ориентированностью на развитие личности обучаемого,

его социализацию (знания и закрепление социальных традиций — основные ценности ПД).

Медиатизация ПД проявляется в наследовании от медийного дискурса и повышении значимости рекреационной функции, изменении адресации и активизации установки адресанта на привлечение и удержание адресата, увеличении «удельного веса» самопрезентационной функции адресанта, ориентированности на сокращение дистанции и более неформальное общение на фоне преобладающего дистантного взаимодействия; стилистическом синкретизме; отходе от «трансляционной» образовательной парадигмы и переходе к партисипационной модели коммуникации. К рискам медиатизации ПД относятся замена традиционного персонального взаимодействия на взаимодействие обучающихся с медиаресурсами; тенденция фрагментации представляемых знаний и навыков на фоне признания самодостаточности обособленных мини-программ; проблемы медиабезопасности; доминанция развлечения и игры.

Интернет-пространство как культуuroобразующий фактор и жанро-порождающая среда обуславливает увеличивающуюся коммуникативно-прагматическую регламентацию нормы, замещенный характер общения и повышение ценности метатекстовой информации и навыков ее достраивания, активное взаимодействие тенденций к стереотипизации, индивидуализации и креативизации [Горошко, 2007].

Объект нашего исследования — немецкоязычный видеоблог преподавателя-предметника. Современный блогинг характеризуется растущим внедрением институциональных интенций в блогосферу. В качестве основного вектора функционирования видеоблогосферы отмечаются растущий интерес к личности, ориентированность на психологические особенности молодой аудитории (превалирование аудиовизуальной информации, интерактивность взаимодействия, доминирование эмоционального над рациональным, игрореализация, фрактальность и нелинейность восприятия, равностатусность и критичность), что обуславливает модульность и краткость контента, предпочтение аудиовизуальной модальности, насыщенность средствами эмоционального воздействия и интерактивности, персонализированное информирование, открытую субъективность, предпочтение эвристики [Ивашин, 2020].

Выбранный нами для анализа немецкий образовательный видеоблог преподавателя-предметника является презентационным личностно-ориентированным интернет-макрожанром ПД с превалирующими типовыми институциональными интенциями, конституируемым микрожанрами (постами и комментариями); относится к блогам-комьюнити в формате тематической записной видеокниги. Для его описания может быть использо-

ван: 1) модифицированный Е. И. Горошко и Е. А. Жигалиной алгоритм изучения жанра Т. В. Шмелевой [Шмелева, 1997], включающий цель коммуникации, концепцию адресанта и адресата, событийное содержание, коммуникативное прошлое и будущее, формальную структуру, лингвистический дизайн [Горошко и др., 2011]; 2) предложенная Л. Ю. Щипициной [Щипицина, 2009], в дополнение к традиционному прагматическому (публичность, представленность авторского контента, адресация, функции), структурно-семантическому (композиционные элементы и тема-рематическая организация), стилистическому (набор релевантных стилистических средств, обеспечивающих устно-письменную гибридность, экономичность и эмоциональность) описанию, медийная характеристика жанра, включающая: а) «интерфейс» жанра, б) поликодовость, в) гипертекстуальность, г) интерактивность, д) синхронность / асинхронность, е) количество коммуницирующих и экспликацию коммуникантов.

Мы исходим из того, что коммуникативное поведение в конкретных сфере коммуникации и ситуации определяется коммуникативными намерениями и может быть охарактеризовано совокупностью и частотностью используемых стратегий и тактик; лингвокультура характеризуется коммуникативными установками и категориями, сопряженными с типом культуры, определяющими национальное коммуникативное сознание и специфику коммуникативного поведения. Так, например, реализация коммуникативной категории вежливости в немецкой культуре характеризуется низкой степенью проявления позитивной вежливости и широким применением стратегий негативной вежливости [Гаизов, 2011].

Типология культур может выстраиваться на разных основаниях. В рамках классификации Г. Хофстеде [Hofstede, 1980] по четырем параметрам (высокая / низкая дистанция власти, индивидуализм / коллективизм, маскулинность / фемининность, высокая / низкая степень избегания неопределенности) немецкая культура характеризуется как: а) культура с низкой дистанцированностью власти, неприятием авторитарных ценностей, доминированием установки на кооперацию и равенство, позитивным отношением к власти и богатству, поощрением самостоятельности, независимости; б) индивидуалистическая культура с большой значимостью интересов, свободы принятия решений и самоопределения личности; в) в определенной мере ориентированная на маскулинность культура с сохраняющимся распределением на мужские и женские роли; г) культура с высокой степенью избегания неопределенности, низкой толерантностью к рискам, установкой на выполнение инструкций и правил, любовью к порядку [Trompenaars, 2013]. В рамках типологии Э. Холла, включающей выделяемые в зависимости от специфики отношения ко времени и

пространству высококонтекстные / низкоконтекстные и монохромные / полихромные культуры [Hall, 1976], немецкая культура относится к низкоконтекстным (невысокая плотность социальных связей и нераспространение статуса / репутации на все сферы жизни; четкое разделение личной и профессиональной сфер, меньшая значимость межличностных отношений по сравнению с профессиональными обязанностями) и монохромным (стремление к четкому графику и последовательному выполнению задач). С данными признаками коррелирует характеристика «моноактивность» немецкой культуры в рамках типологии Р. Льюиса [Lewis, 2006], предполагающая пунктуальность, исполнительность, доминантную установку на профессионализм.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Объект нашего исследования — видеоблог «Einfach Deutsch lernen — Learn German with Ida» [Ida], адресованный слушателям с уровнем A2-B1. Он включает следующие блоки: 1) Alltag in Deutschland (44 видео о типичных повседневных ситуациях в Германии, национальном характере немцев); 2) Grammatik leicht gemacht (21 видео по грамматическим темам); 3) Sprachgebrauch (37 видео о различиях между конкретными грамматическими формами, конструкциями, словами, способах вербализации определенных коммуникативных намерений в различных коммуникативных ситуациях); 4) Aussprache leicht gemacht (8 видео о правилах произношения, интонировании и паузировании); 5) 24h-Deutsch-Extra (6 видео о канале, съемках контента и пр.).

Блог содержит разделы: «Главная», «Видео» (с рубрикацией контента по тематическому, хронологическому признакам и степени популярности), «Shorts» (коллекция вертикальных видео по 25—30 секунд в формате Инстаграма¹), «Плейлисты» (с тематически связанными подборками видеоуроков) и «Сообщество». Каждый видеопост (продолжительностью 2—5 минут) сопровождается визуальной иконкой и заглавием, позволяющими быстро идентифицировать тематику, а также информацией о длительности, количестве просмотров и дате публикации.

Видеоблог характеризуется полной креолизацией, в структуре видеопостов сочетаются текстовый (субтитры, интерактивные аннотации, скрипты), аудиальный (речь блогера, музыкальные фрагменты) и визуальный (динамическое изображение, мимика, жестикуляция, графические элементы) компоненты. Грамматические и фонетические темы объясняются в педагогической студии, снабженной «обучающей доской», набором

1 Социальная сеть принадлежит компании Мета, признанной террористической организацией, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

вспомогательных визуальных материалов. Блогер активно включает в свой контент тематически обусловленные игровые сцены и мини-зарисовки (поход в магазин, выбор одежды, диалоги в общественном пространстве, встреча в кафе, отдых на природе и т. д.) с участием других персонажей, моделируя типичные ситуации в аутентичном социокультурном контексте.

Быструю навигацию и персонализацию информирования обеспечивает гипертекстуальность. Внутренняя гипертекстуальность реализуется через тематические плейлисты (функционирующие как гипертекстовый узел с возможностью воспроизведения всех видео в заданной последовательности, выбора конкретного видео, перехода к скрипту и комментированию) и хештеги (например, #deutschüben, #mitvergnügenddeutsch и др.; как правило, не более четырех к видео, что соответствует рекомендациям видеохостинга). Внешняя гипертекстуальность реализуется ссылками блогера и пользователей на дополняющие посты внешние ресурсы (например, блогер размещает гиперссылки на упражнения на сайте Гёте-института; пользователь @Freundeone в комментариях дает ссылку на сайт для поиска партнёров по изучению немецкого языка).

Технический инструментарий интерактивности обеспечивает следующие функции: оценочная реакция (лайк / дизлайк) под каждым видео; возможность для блогера и подписчиков оставить комментарий, ответить на него, оценить его; отображение количества просмотров, реакций, комментариев и сортировка последних по популярности, дате; использование эмодзи как знаков эмоциональных реакций, гиперссылок, медийных вложений. Особое проявление интерактивности — организуемые блогером в разделе «Сообщество» опросы, голосования для уточнения интересов подписчиков. Тем самым пользователям обеспечивается роль соавторов контента, а блогеру — медиатора образовательного диалога; в интерактивном взаимодействии блогера и аудитории с очевидностью проявляется коллективная природа данного жанра.

Блог характеризуется асинхронной коммуникацией, но (в особенности в комментариях) демонстрирует признаки синхронных форм общения: разговорный стиль, принцип экономии на разных уровнях языка, неформальность, эмоциональность, спонтанность. Релевантна гибридная, сочетающая черты массовой и интерактивной квазимежличностной коммуникации форма общения при доминирующем типе взаимодействия «один — многие» (блогер — подписчики) и менее частотном, реализуемом в комментариях формате «каждый — многие» с двувекторной адресацией (конкретному пользователю / блогеру и массовой аудитории подписчиков). Степень экспликации коммуникантов определяется техническими условиями видеохостинга и особенностями пользовательского поведения. Описываемый

блог является открытым, но для осуществления интерактивных действий требуется аутентификация через учётную запись Google с использованием имени и фамилии или никнейма для формирования системы адресации внутри платформы посредством гиперссылочной навигации. Адресант видеоблога — реальный человек, носитель и преподаватель немецкого языка Ида Кало. Функция самопрезентации имеет для блогера особое значение, поскольку одна из его целей заключается в наращивании медийного потенциала, узнаваемости бренда. Концепция адресата — широкая (разные пол, возраст, национальность), ограничиваемая интересом к немецкому языку и уровнем его владения.

Событийное содержание включает вводимое по мере необходимости коммуникативное прошлое (отсылки к предыдущим постам, комментариям, обеспечивающие преемственность и континуальность в изложении содержания и диалогичность; например, Ида в видео „Adjektive bilden auf Deutsch“ напоминает о комментариях подписчиков, употреблении ими определенных прилагательных и рекомендует использовать *nützlich* вместо *nutzbar*, *hilfreich* вместо *hilfbar*). Коммуникативное будущее вводится регулярно в конце постов в форме приглашения подписчиков к посткоммуникации, дальнейшим просмотрам и анонса следующего поста.

Каждое видео имеет четкую композицию: вступление с постоянной формулой *Hi, ich bin Ida. Schön, dass ihr wieder da seid.* — Привет, я Ида. Рада, что вы снова здесь (обращение на «ты» для сокращения дистанции); постановка темы (например, посредством вопроса: *Wie ich meinen Tag beginne?* — Как я начинаю свой день?); основная часть с объяснением материала, сопровождаемая визуализацией, вводимая фразой *Das erkläre ich euch jetzt* — Это я сейчас вам объясню; фраза-приглашение к посткоммуникации, обратной связи и фраза-прощание (*Bis zum nächsten Mal! Ich freue mich auf euch. Eure Ida.* — Увидимся в следующий раз! Я с нетерпением жду встречи с вами. Ваша Ида; *Habt ihr noch Fragen zum Deutschlernen? Dann schreibt sie mir einfach in die Kommentare.* — У Вас остались вопросы? Тогда пишите мне в комментариях).

Лингвистический дизайн демонстрирует черты устно-письменной гибридности. В речевой партии блогера отчетливо проявляется экспрессивно-апеллятивная направленность: обращения и призывы к пользователям (*Ihr seid dran!* — Ваша очередь; *Jetzt gleich abonnieren und keine neue Folge verpassen* — Подпишитесь прямо сейчас и не пропустите ни одного нового выпуска), богатая мимика, частое использование риторических вопросов, реплик с эмоциональной окраской, самораскрытие и апелляция к индивидуальному эмоциональному опыту адресата (например, в одном из видео блогер упоминает, что проспала, забыла ключи и день у нее не задался).

С другой стороны, такая гибридность блога характеризуется использованием стилистических фигур для усиления выразительности, типичных для подготовленной письменной речи. Так, блогер регулярно употребляет сравнение. Например, в видео о произношении слов с сочетанием букв *st*, *sp* используется наглядное сравнение артикуляционной базы для данных звуков с ощущением при чистке зубов: произношение должно быть таким, как будто пена во рту — «*wie Schaum im Mund*» (раздел *Aussprache leicht gemacht*, видео *Aussprache von st und sp auf Deutsch*); в видео о боязни говорения Ида сравнивает публику и костер, советуя говорить громко, четко, энергично, чтобы костер разгорелся, отмечая также, что именно от «костра» голос получает энергию (раздел *Aussprache leicht gemacht*, видео *Sprechblockaden: Keine Angst vor dem Sprechen*). Объясняя ударение во французских заимствованиях, Ида отмечает, что они ведут себя как гости-иностранцы на немецкой вечеринке, придерживаясь собственных традиций и правил, и ударение в них падает на конечный слог (раздел *Aussprache leicht gemacht*, видео *Die Aussprache von internationalen Wörtern*). В ее речевой партии часто присутствуют элементы научного, академического дискурсов (термины, дефиниции, названия учебных пособий и онлайн-ресурсов).

Смысловая организация материала базируется на принципе актуального членения высказывания и разных тема-рематических прогрессиях, включающих следующие виды [Danes, 1978]: а) простая линейная прогрессия (рема предшествующего предложения становится темой последующего); б) прогрессия со сквозной темой (одна тема, повторяющаяся в последующих предложениях); в) прогрессия с производными темами (каждое предложение выражает общую тематическую направленность текста; «гипертема» может быть эксплицирована или выводится на основе частных описаний); г) прогрессия с расщепленной темой (двойная рема, разворачивающаяся при тематизации в отдельные тематические прогрессии); д) прогрессия с тематическим прыжком (наличие разрыва в тема-рематической цепочке, который восстанавливается из контекста) [Danes, 1978]. Наиболее частотны в описываемом блоге простая линейная прогрессия и прогрессия со сквозной темой (цепная и параллельная типы связи в классификации тема-рематических структур Л. Г. Бабенко [Бабенко, 2003] — ступенчатая структура = цепная связь: тема 1 => рема 1 // тема 2 => рема 2, рема 1 = тема 2; всерный тип = параллельная связь, тема 1 => рема 1, => рема 2, => рема 3), что обеспечивает когерентность текста, удержание внимания, доступность изложения и экономию усилий адресата. Цепная связь релевантна для изложения событий и развития рассуждений; параллельная связь — для описаний, представления различных аспектов явления. Реже встречаются прогрессии с производными темами. Данные наблюдения

соотносятся с характеристикой немецкой лингвокультуры как низкоконтекстной [Hall, 1976]. Одним из важнейших средств актуального членения предложения является порядок слов. Для исследуемого блога характерен объективный порядок слов (тема предшествует реме).

Речевая партия блогера отражает адаптацию содержания для создания ориентированных на адресата учебных текстов. Адаптация базируется на следующих принципах: а) лексико-семантический перевод (переложение содержания со специального языка на язык адресата, используются сравнения и развернутые толкования); б) конкретизация абстрактного понятия и положения (используются иллюстративность и словесное моделирование как основные разновидности этого принципа); в) художественность изложения (с помощью аналогии, контраста, образности и т. п.) [Габидуллина, 2011]. В исследуемом блоге наиболее часто реализуется второй принцип адаптации (например, в видео о категории рода существительных Ида указывает на семантические классы слов мужского рода, например, все названия рек, кроме *die Themse, die Seine, die Elbe*; блогер часто использует беспереводной способ семантизации новых слов).

Принципы адаптации реализуются целым рядом приемов (см. подробнее [Габидуллина, 2011]). Прием лексико-семантической аналогии часто используется блогером и является классическим случаем лексико-семантического перевода, когда для передачи смысла выбираются хорошо знакомые адресату простые (слова) или составные (перифраза) обозначения (например, при семантизации слов посредством синонимов: *cool* — *richtig good*; *wow* — *krass, geil, hammer, mega*; раздел *Alltag in Deutschland*, видео #16 *Spaß haben auf Deutsch*). Аналогия для введения параллелей и создания наглядности чаще применяется при объяснении грамматических явлений (например, аналогия между местоимениями, артиклями и родом существительного, *der* — артикль мужского рода, заменяемый на местоимение *er*, *das* — среднего рода, заменяемый на *es*, *die* — женского рода, заменяемый на *sie*; раздел *Grammatik leicht gemacht*, видео: *Artikel- und Adjektivdeklinat*ion). Релевантным приемом является также вольное определение, имеющее описательный характер и содержащее указание на видовые отличия объекта (например, объяснение понятия «инвективы», указание на семантические различия и специфику употребления негативных обозначений лица *Depp, Volldropp, Labertasche*; раздел *Sprachgebrauch*, видео #03 *Schimpfwörter & Streiten auf Deutsch*). Историко-хронологическая справка как способ объяснения используется в единичных случаях. Например, при введении фразеологизма «*Das kommt gar nicht in Frage*» блогер указывает на его возникновение в юридической сфере в XVIII веке и использование для обозначения недопустимости определенного действия в судебной

практике; на дальнейшее расширение сферы функционирования, значения выражения и его современное использование в повседневной речи для категорического отрицания, отказа (раздел Sprachgebrauch, видео Deutsche Redewendungen).

Блогер регулярно прибегает к диалогизации, используя риторический вопрос, риторическое восклицание, введение вымышленной речи, цитацию, повтор. Наиболее частотные средства диалогизации — риторические восклицания и вопросы (например: *Guckt mal, ich habe mir neue Sneaker gekauft. Wie findet ihr sie? Die sind cool, oder? Ich liebe sie; Was für tolle Sneaker! So bequem und stylisch!* — Слушай, я купила себе новые кроссовки. Что ты о них думаешь? Они классные, правда? Я люблю их; Какие классные кроссовки! Такие удобные и стильные!; раздел Sprachgebrauch, видео: Unterschied zwischen gefallen, schmecken, passen). Введение вымышленной речи используется существенно реже (например, при рассказе о флирте в Германии Ида озвучивает возможные реплики подписчиков; раздел Alltag in Deutschland, видео Flirten auf Deutsch). Цитация используется блогером не часто, нацелена на подкрепление своей позиции. Например, в видео *Unterschied zwischen gefallen, schmecken, passen* Ида приводит пояснение Мартина Дюрра о различии между глаголами *passen* и *gefallen*: «Der Unterschied zwischen „passen“ und „gefallen“ liegt im Grad der Emotionalität: „passen“ bezieht sich auf objektive, physische Gegebenheiten, während „gefallen“ Emotionen und subjektive Präferenzen anspricht» — Разница между «подходить» и «нравиться» заключается в степени эмоциональности: «подходить» относится к объективным, физическим параметрам, тогда как «нравиться» касается эмоций и субъективных предпочтений. Далее Ида иллюстрирует употребление глаголов, описывая свои кроссовки, которые ей нравятся (*gefallen*), потому что они удобны и подходят ей по размеру (*passen*) (раздел Sprachgebrauch). Повторы (точный, синтаксический, степенной повтор) в рассматриваемом блоге также являются релевантным средством и используются для акцентирования логической связи, создания эмоциональной выразительности. Уточнение, дополнение, толкование, интерпретацию реплик подписчика можно наблюдать в ответах блогера на комментарии. Количественные данные об использовании приемов адаптации представлены на диаграмме (рис.).

В исследуемом блоге регулярно употребляются кинетические средства общения:

а) регулирующие (знаки приветствия и прощания, запрещения и разрешения, согласия или возражения); например: в начале каждого видео блогер использует неформальный жест-приветствие (машет ладонью, направленной к адресату, вправо и влево) или жест-объятие (широко разво-

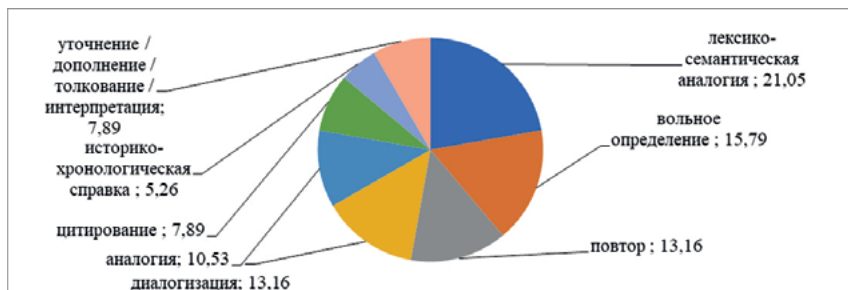

Рис. Используемые блогером приемы адаптации

дит руки вправо и влево); в конце видео — воздушный поцелуй; при необходимости используются запрещающий жест отклоняющимся вправо и влево указательным пальцем, жест-одобрение с поднятым вверх большим пальцем (например, раздел Alltag in Deutschland, видео: Kleidung und Klamotten auf Deutsch) — 39,02 %;

б) указательные — для управления вниманием слушателей; например: в начале видео Ида называет тему и указывает жестами на доску с надписью «*Ida erklärt*» — Ида объяснит; в конце видео приглашает жестом подписаться и нажать на колокольчик для оповещения о новом видео (раздел Alltag in Deutschland, видео: Kleidung und Klamotten auf Deutsch) — 39,55 %;

в) реагирующие (передающие настроение, физическое и психологическое состояние); например: наморщенный лоб и сдвинутые брови, пальцы на подбородке как знаки задумчивости, озабоченности, сопровождающие вопрос слушателям *Was bedeutet das denn?* — Что же это значит? (видео «Kleidung und Klamotten auf Deutsch») — 20,23 %.

Существенно реже используются изобразительные кинетические средства, информирующие о форме, размере, структуре объекта (перечислительный жест, встречное движение рук как жест соединения, дирижирование как средство интонационного членения текста и пр.); например, в видео Verben mit ver-, zer- und er- auf Deutsch (раздел Grammatik leicht gemacht) блогер использует жест-перечисление при объяснении грамматических правил (разгибание пальцев в немецкой лингвокультуре).

В блоге помимо когнитивного и эмоционально-оценочного явно прослеживается методологический субтекст, отражающий методологический аспект знания, логику, способы получения нового знания, являющийся «навигационным средством» для обучаемого. Используются стереотипные операторы методологического субтекста: называющие общенаучные

понятия существительные (*Regel, Problem, Prinzip, Gesetz u dp.*); глаголы ментальных действий и их синтаксические дериваты (*erklären, analysieren, Klassifikation, Vergleich u dp.*); метатекстовые маркеры и маркеры рефлексивного метатекста (*Ich hoffe, ihr habt das verstanden. — Я надеюсь, вы это поняли; Ich hoffe, dass meine Methode für euch hilfreich war. — Я надеюсь, что мой метод был вам полезен; Ich hoffe, ihr müsst euch jetzt nicht mehr den Kopf darüber zerbrechen! — Я надеюсь, вам больше не придется ломать над этим голову; Ich hoffe ihr habt was gelernt und tut euch jetzt leichter mit Aussprache und Verständnis — Я надеюсь, что вы чему-то научились и теперь вам легче говорить и понимать; Ich habe versucht, die schwierigen Punkte möglichst simpel zu erklären und viele Beispiele zu nutzen. Ich hoffe, dass meine Methode für euch hilfreich war. — Я постаралась объяснить сложные моменты максимально просто и использовала много примеров. Надеюсь, мой метод оказался для вас полезным; Mir war wichtig, nicht nur die Theorie zu erklären, sondern auch praktisch zu zeigen, wie die Laute gebildet werden. Wenn ihr das noch üben wollt, schaut euch das Video mehrmals an. — Для меня было важно не только объяснить теорию, но и на практике показать, как образуются звуки. Если вы хотите попрактиковаться, пересмотрите видео несколько раз.) (раздел Grammatik leicht gemacht, видео «Verben mit ver-, zer- und er- auf Deutsch», «Wie erklärt man deutsche Präpositionen einfach?»; раздел Aussprache leicht gemacht, видео «Richtige Aussprache auf Deutsch»). 95,8 % видеопостов содержат метатекстовые маркеры; 87,5 % видео — рефлексивный метатекст относительно методов обучения и их эффективности, стратегий восприятия материала, что отражает осознанный характер включения методологического уровня в речевую партию блогера.*

Блогер также использует разнообразные прецедентные феномены (ПФ), по способу представления подразделяемые на группы [Габидулина, 2011]: а) прецедентные имена (29,73 % контекстов использования ПФ); б) прецедентные высказывания (14,97%); в) прецедентные тексты (20,41 %); г) прецедентные события (34,89 %). ПФ используются в: 1) иллюстративной функции (39,65 %); например, в объяснении склонения прилагательных Ида приводит название фильма «*Sie sind ein schöner Mann*» (прецедентный кинотекст; популярная французская комедия 2005 года о фермере-вдове в поисках новой жены), что позволяет слушателям легче запомнить конструкции с неопределенным артиклем (в названии фильма) и с определенным артиклем (*der tolle Film* — классный фильм) (раздел Grammatik leicht gemacht, видео Artikel- and Adjektivdeklinaton, deklinieren auf Deutsch); 2) когнитивной функции (39,12%), часто для упрощения освоения грамматических структур; например, специфику употребления модальных глаголов (*möchten, müssen, können, sollen, dürfen und wollen*) Ида

объясняет на примере прецедентной ситуации «поступление в ВУЗ», которую обсуждает со своим кузеном Максом (частый собеседник / герой постов Иды; его имя прецедентно для подписчиков (раздел *Grammatik leicht gemacht*, видео: *Modalverben auf Deutsch*)); 3) коммуникативной функции (21,23 %; доминирует в блоке о повседневной жизни в Германии) для сокращения дистанции и образования дополнительных эмоциональных связей с адресатом, придания коммуникации неформального характера; например, в видео о технике устной речи (раздел *Aussprache leicht gemacht*, видео *Sprechblockaden: Keine Angst vor dem Sprechen*) Ида предлагает преодолевать страх перед говорением с помощью мотивирующей фразы «*Hab keine Angst zu sprechen*» — «Не бойся говорить», добавляя в конце выраженную ПФ эмоциональную оценку: «... *das ist Quatsch mit Soße*» — «это чушь под соусом» — и отмечая, что так всегда говорила ее бабушка, если кто-то делал глупость (*Quatsch mit Soße* — канонический ПФ (устойчивое выражение), получивший сегодня новое развитие; в XVIII веке существительное *Quatsch* обозначало любую кашеобразную массу, в том числе грязь, а однокорневой глагол возник как звукоподражательный, обозначавший ходьбу по грязи по производимому чавкающему звуку, позже глагол и существительное стали использоваться для обозначения ситуации неважной беседы, а в 19 веке *Quatsch* получило новое значение — «бессмыслица, глупость», слово *Soße* усиливает называемый признак [ANT]; сегодня *Quatsch mit Soße* ассоциируется также: а) с одноименной веселой песней группы «*Deine Freunde*» 2012 года с абсурдными утверждениями (например: *Elefanten sind dünn. Kinder sind alt. Eis ist heiß. Feuer ist kalt. Fische leben an Land. Omas sind jung.* — Слоны тонкие. Дети старые. Лед горячий. Огонь холодный. Рыбы живут на суше. Бабушки молоды и т. д.); б) с одноименной книгой У. Штайнер 2021 года (истории о скучающих без детей игрушках в детском саду в период локдауна); в) с одноименным популярным подкастом о культуре и обществе Германии, <https://www.podcast.de/podcast/2617878/quatsch-mit-sosse>)).

Анализ речевой партии блогера показывает, что он использует позитивную вежливость как стратегию сближения, демонстрируя симпатию к посетителям блога, коллективную самоидентификацию с адресатом, установку на достижение общей цели и сотрудничество. При этом широко используется стратегия негативной вежливости: а) избегаются категоричные побуждения; предпочитают конструкции с модальными глаголами, конъюнктивом, косвенное побуждение в форме вопросительного предложения (*Vielleicht schaut ihr euch das Video nochmal an?* — Может быть, вы посмотрите видео ещё раз?; *Ihr könnt ja mal versuchen, diesen Satz selbst zu bilden*» — Можете попробовать составить это предложение самостоя-

тельно); б) избегаются категоричные суждения, используются маркеры субъективной модальности (*Ich bin mir nicht sicher, ob das bei euch auch so ist, aber...* — Я не уверена, что то же самое относится и к вам, но...); в) избегается прямая критика: «*Das ist schon gut! Aber es wäre noch besser, wenn du...* — Это уже хорошо! Но было бы еще лучше, если бы ты ...; *Danke für deinen Kommentar — ich denke, du meinst vielleicht...* — Спасибо за твой комментарий — я думаю, ты имеешь в виду, может быть...); г) избегаются прямое вмешательство и доминирование, демонстрируется открытость для альтернативных мнений (например, посредством вопросов-уточнений: «*Wie seht ihr das?* — Как вы на это смотрите?»; *Habt ihr andere Beispiele?* — У вас есть ли другие примеры?). Блог характеризуется регулярной манифестацией элементов митигации «неимпозитивность» и «антиконфликтность» и отклонениями (ввиду жанровой специфики блога) от ее другого элемента — эмоциональной сдержанности. Выстраивается создающий доверительную атмосферу баланс позитивной и негативной вежливости.

В блоге используются следующие отражающие функции блога стратегии ПД (о стратегиях ПД см. [Габидулина, 2011]): информационно-аргументирующая (33,68 %), манипулятивно-консолидирующая (28,65 %), экспрессивно-апеллятивная (29,62 %) и контрольно-оценочная (8,05 %).

Информационно-аргументирующая стратегия (незначительно) доминирует и реализуется посредством тактик: а) передачи информации (52,63 %; коммуникативные ходы — сообщение информации (36,84 %) и сообщение источника информации (15,79 %)); б) контроля понимания (47,37 %; коммуникативные ходы — указание на непонимание (26,32 %) и уточнение информации (21,05 %) (см. пример про образование прилагательных с разными суффиксами и рекомендациями по их употреблению).

Манипулятивно-консолидирующая стратегия обеспечивает организацию и сопровождение совместной деятельности; реализуется тактиками: а) подчинения через коммуникативный ход «убеждение» (31,58 %) для создания атмосферы дидактического наставничества и привитие адресату представлений, норм и речевых моделей (например, в видео «*Wie du sagst, was dir gefällt*» (раздел Sprachgebrauch) блогер в диалоговой сценке с подругой побуждает адресата принять предложенную речевую модель для выражения предпочтений, используя формулу *Du könntest zum Beispiel sagen...* — Ты мог бы, например, сказать...); б) контроля над инициативой (28,95 %) посредством ходов «передача инициативы» (7,89 %); «уклонение от инициативы» (7,89 %); «завершение разговора» (13,17 %); блогер допускает делегирование инициативы другим персонажам в видео-сценках; в конце видео традиционно передает инициативу подписчикам (*Dann schreibt mir in die Kommentare.* — Тогда пишите мне в комментариях);

в) контроля над темой (26,32 %) посредством хода «наведение желаемой темы», осуществляемого чаще всего через вводные реплики (например: *Heute geht es um...* — Сегодня речь пойдет о.....); г) контроля над деятельностью (редко), реализуемой ходом «требование выполнения действия» (13,15 %); например: *Vergleicht die Beispiele miteinander* — Сравните примеры, *Achtet auf die Endungen* — Обратите внимание на окончания (раздел Grammatik leicht gemacht).

Экспрессивно-апеллятивная стратегия направлена на выражение эмоций, оценок и предпочтений блогера в отношении коммуникативных ситуации и поведения участников; осуществляется тактиками: а) формирования эмоционального настроения (42,11 %) через коммуникативные ходы «пожелание» (10,55 %; например: *Ich wünsche euch ganz viel Spaß beim Lernen!* — Желаю вам всего наилучшего в обучении! (раздел Grammatik leicht gemacht, видео Reflexive Verben)), «комплимент» (10,51 %; например: *Ihr seid toll, dass ihr so viel schreibt!* — Вы замечательные, раз так много пишете! (там же)), «снятие напряжения» (21,05 %; используются шутки, обещания, отвлекающие / развлекающие апелляции к прецедентным феноменам и т. д.; например: *Heute wird es lustig! Ich erkläre euch deutsche Schimpfwörter, aber keine Sorge, nur die harmlosen* — Сегодня все будет весело! Я объясню вам немецкие ругательства, но не волнуйтесь, только безобидные (раздел Sprachgebrauch, видео Schimpfwörter & Streiten auf Deutsch)); б) самопрезентации (31,58 %) через акцентирующее особенности блогера «речевое моделирование» (21,05 %; например: *Ich laufe gern morgens, dabei wiederhole ich die Zahlen auf Deutsch.* — Я люблю бегать по утрам и при этом повторяю немецкие числительные (раздел Grammatik leicht gemacht, видео Zählen auf Deutsch)) и «создание круга своих» (10,53 %; например: *Alle, die Deutsch lieben, sind hier richtig!* — Все, кто любит немецкий, здесь на своём месте! (там же)); в) установления контакта (26,32 %) посредством ходов «установление контакта» (15,79 %; регулярно в приветствиях, приглашениях к посткоммуникации, опросам и голосованиям) и «установка на кооперацию» (10,53 %; для ободрения и поддержки адресата; например: *Auf geht's! Lasst uns gemeinsam lernen!, Ihr schafft das!* — Поехали! Давайте учиться вместе!, У вас все получится! (раздел Sprachgebrauch, видео № 9 Wegbeschreibung auf Deutsch)).

Контрольно-оценочная стратегия реализуется тактикой эмотивной оценки посредством хода «похвала» (например: *Ich finde toll, wie aktiv ihr in den Kommentaren seid.* — Я считаю замечательным, насколько вы активны в комментариях; *Danke, dass ihr so fleißig Deutsch lernt!* — Спасибо, что так усердно учите немецкий!; *Sehr schön gemacht!* — Очень хорошо справились!).

4. Заключение = Conclusions

Специфика жанровых характеристик немецкого блога преподавателя-предметника определяется особенностями используемого видеохостинга и сферы коммуникации (медиатизированное иноязычное образование). Данный блог характеризуется асинхронностью и устно-письменной гибридной коммуникации в формате «один — ко многим», высокой креолизацией, активным использованием инструментария интерактивности, устойчивой композицией постов.

Информирование выстраивается преимущественно на линейной тематической прогрессии, активном использовании лексико-семантического перевода и конкретизации абстрактного в качестве принципов адаптации учебного содержания, лексико-семантической аналогии, риторического вопроса в качестве приемов адаптации; регулярном применении паралингвистических средств для создания эмоционального настроения, управления вниманием и акцентирования смыслов, в том числе жестов в указательной и регулирующей функциях; на упрощающей восприятие диалогизации (наиболее часто посредством прямых обращений к адресату); интеграции разнообразных прецедентных феноменов (чаще всего прецедентных ситуаций, имен и текстов) в иллюстративной и когнитивных функциях; сочетании превалирующей внутренней и внешней гипертекстуальности; элементах художественности изложения (чаще всего сравнениях и метафорах); включении блогером методологического уровня в структуру объяснительной речи посредством метатекстовых маркеров, рефлексивного метатекста относительно методов обучения и стратегий адресата.

Коммуникативное взаимодействие характеризуется равномерной реализацией блогером информационно-аргументирующей, манипулятивно-консолидирующей, экспрессивно-апеллятивной стратегий и существенно более низкой частотностью контрольно-оценочной стратегии, что соотносится с принимаемой блогером концепцией эдьютейнмента (edutainment). Представляя информацию и аргументы, блогер не часто сообщает источник информации, регулярно контролирует понимание с помощью равночастотных тактик указания на непонимание и уточнение информации. Управление блогером учебной деятельностью осуществляется преимущественно посредством подчинения-убеждения, контроля над инициативой и над темой. Экспрессивно-апеллятивная стратегия реализуется прежде всего в рамках тактик формирования эмоционального настроения (часто посредством снятия напряжения, реже — посредством пожелания или комплимента адресату) и самопрезентации (преимущественно через речевое моделирование своих характеристик; эпизодически — через очерчивание «круга своих»). Контрольно-оценочная деятельность блогера существен-

но менее представлена в исследуемом блоге и реализуется только посредством эмотивной оценки-похвалы. Коммуникативное поведение блогера ориентировано на доступное информирование, создание позитивной эмоциональной атмосферы и сопровождающее, мотивирующее взаимодействие с аудиторией.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ANT — «*Antenneunna.de*» [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.antenneunna.de/artikel/woher-kommt-quatsch-mit-sosse-869331.html> (accessed 21.05.2025).
2. Ida — «*Einfach Deutsch lernen — Learn German with Ida*» [Electronic resource]. — Access mode : https://www.youtube.com/watch?v=7f3FjSQp6_M (accessed 10.04.2025).

Литература

1. Артамонова Ю. Д. Медиатизация как исследовательский концепт : основные предпосылки, формирование и возможности дальнейшего развития / Ю. Д. Артамонова, С. В. Володенков // ПРАЭНМА. — 2021. — № 2 (28). — С. 9—27. — DOI: 10.23951/2312-7899-2021-2-9-27.
2. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика / Л. Г. Бабенко. — Москва : Флинта : Наука, 2003. — 496 с. — ISBN 5-89349-337-0.
3. Габидуллина А. Р. Педагогическая лингвистика : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / А. Р. Габидуллина. — Горловка : ГТПИИЯ, 2011. — 195 с. — ISBN 9789668469985.
4. Газизов Р. А. Коммуникативная категория вежливости в немецкой лингвокультуре (ситуативно-стратегический анализ) : Монография / Р. А. Газизов. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2011. — 342 с. — ISBN 978-5-7477-2712-0.
5. Горошко Е. И. Теоретический анализ Интернет-жанров [Текст] / Е. И. Горошко // Жанры речи. — Саратов : Наука, 2007. — Выпуск 5. — 263 с.
6. Горошко А. И. Виртуальное жанроведение : устоявшееся и спорное / А. И. Горошко, Е. А. Жигалина // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Филология. Социальные коммуникации. — 2011. — Т. 24 (63). — № 1. — С. 105—124.
7. Зубкова Я. В. Конститутивные признаки академического дискурса / Я. В. Зубкова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2009. — № 5. — С. 28—32.
8. Ивашин К. М. Феномен видеоблогинга : способы и приемы воздействия на аудиторию / К. М. Ивашин. — Воронеж : Воронежский государственный университет, 2020. — 87 с.
9. Карасик В. И. Характеристики педагогического дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность : аспекты лингвистики и лингводидактики : Сб. науч. тр. — Волгоград : Перемена, 1999. — 211 с. — ISBN 5-88234-312-7.

10. Карасик В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // *Языковая личность : институциональный и персональный дискурс* : Сб. науч. тр. — Волгоград : Перемена, 2000. — С. 5—20. — ISBN 5-88234-444-1.
11. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // *Жанры речи*. — 1997. — Выпуск 1. — С. 88—98.
12. Щипицина Л. Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации / Л. Ю. Щипицина. — Архангельск : Поморский ун-т, 2009. — 238 с. — ISBN 978-5-88086-872-8.
13. Danes F. Zur linguistischen Analyse der Textstruktur / F. Danes // *Textlinguistik*. — Darmstadt : Wiss. Buchgesellschaft, 1978. — S. 185—192.
14. Hepp A. Mediatized worlds — understanding everyday mediatization / A. Hepp, F. Krotz // *Mediatized Worlds. Culture and Society in a Media Age*. — Basingtoke : Mediatized Worlds, 2014. — Pp. 1—14.
15. Hofstede G. H. Culture's Consequences : International Differences in Work- Related Values / G. H. Hofstede. — Beverly Hills, Calif : Sage Publications, 1980. — 475 p.
16. Hall E. T. Beyond Culture / E. T. Hall. — Garden City ; New York : Anchor Press, 1976. — 256 p.
17. Lewis R. D. When cultures collide : managing successfully across cultures / R. D. Lewis. — Boston ; London : Nicholas Brealey International, 2006. — 599 p.
18. Schultz W. Reconstructing mediatization as an analytical concept / W. Schultz // *European Journal of Communication*. — 2004. — Vol. 19 (1). — Pp. 87—101.
19. Trompenaars F. Riding the Waves of Culture : Understanding Cultural Diversity in Business / F. Trompenaars. — London : Nicholas Brealey, 2013. — 265 p.

*Статья поступила в редакцию 01.08.2025,
одобрена после рецензирования 05.11.2025,
подготовлена к публикации 23.11.2025.*

Material resources

ANT — «*Antenneunna.de*». Available at: <https://www.antenneunna.de/artikel/woher-kommt-quatsch-mit-sosse-869331.html> (accessed 21.05.2025). (In Germ.).
Ida — «*Einfach Deutsch lernen — Learn German with Ida*». Available at: https://www.youtube.com/watch?v=7f3FjSQp6_M (accessed 10.04.2025). (In Germ.).

References

- Artamonova, Yu. D., Volodenkov, S. V. (2021). Mediatization as a research concept: basic prerequisites, formation and possibilities of further development. *ИПАЗИМА*, 2 (28): 9—27. DOI: 10.23951/2312-7899-2021-2-9-27. (In Russ.).
- Babenko, L. G. (2003). *Linguistic analysis of a literary text. Theory and practice*. Moscow: Flint: Nauka Publ. 496 p. ISBN 5-89349-337-0. (In Russ.).
- Danes, F. (1978). Zur linguistischen Analyse der Textstruktur. In: *Textlinguistik*. Darmstadt: Wiss. Buchgesellschaft. 185—192. (In Germ.).
- Gabidullina, A. R. (2011). *Pedagogical linguistics: a textbook for students of higher educational institutions*. Gorlovka: GPII. 195 p. ISBN 9789668469985. (In Russ.).
- Gazizov, R. A. (2011). *The communicative category of politeness in German linguoculture (situational and strategic analysis): Monograph*. Ufa: RIC Bashgu. 342 p. ISBN 978-5-7477-2712-0. (In Russ.).

- Goroshko, A. I., Zhigalina, E. A. (2011). Virtual genre studies: established and controversial. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Tauride National University. Philology. Social communication*, 24 (63) / 1: 105—124. (In Russ.).
- Goroshko, E. I. (2007). Theoretical analysis of Internet genres [Text]. In: *Genres of speech*, 5. Saratov: Nauka Publ. 263 p. (In Russ.).
- Hall, E. T. (1976). *Beyond Culture*. Garden City; New York: Anchor Press. 256 p.
- Hepp, A., Krotz, F. (2014). Mediatized worlds — understanding everyday mediatization. In: *Mediatized Worlds. Culture and Society in a Media Age*. Basingtoke: Mediatized Worlds. 1—14.
- Hofstede, G. H. (1980). *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills, Calif: Sage Publications. 475 p.
- Ivashin, K. M. (2020). *The phenomenon of video blogging: methods and techniques of influencing the audience*. Voronezh: Voronezh State University. 87 p. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (1999). Characteristics of pedagogical discourse. In: *Linguistic personality: aspects of linguistics and linguodidactics: Collection of scientific papers*. Volgograd: Peremena. 211 p. ISBN 5-88234-312-7. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2000). About types of discourse. In: *Linguistic personality: institutional and personal discourse: Collection of scientific tr.* Volgograd: Change. 5—20. ISBN 5-88234-444-1. (In Russ.).
- Lewis, R. D. (2006). *When cultures collide: managing successfully across cultures*. Boston; London: Nicholas Brealey International. 599 p.
- Schultz, W. (2004). Reconstructing mediatization as an analytical concept. *European Journal of Communication*, 19 (1): 87—101.
- Shchipitsina, L. Yu. (2009). *Genres of computer-mediated communication*. Arkhangelsk: Pomor University. 238 p. ISBN 978-5-88086-872-8. (In Russ.).
- Shmeleva, T. V. (1997). Model of the speech genre. *Genres of speech*, 1: 88—98. (In Russ.).
- Trompenaars, F. (2013). *Riding the Waves of Culture: Understanding Cultural Diversity in Business*. London: Nicholas Brealey. 265 p.
- Zubkova, Ya. V. (2009). Constitutive features of academic discourse. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 5: 28—32. (In Russ.).

*The article was submitted 01.08.2025;
approved after reviewing 05.11.2025;
accepted for publication 23.11.2025.*

Информация для цитирования:

Салихова Э. А. Возможности коммуникативной прагматики в исследовании интернет-сообществ «кладоискателей» / Э. А. Салихова // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 1. — С. 191—214. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-191-214.

Salikhova, E. A. (2026). Potential of Communicative Pragmatics in Study of Online Treasure Hunting Communities. *Nauchnyi dialog*, 15 (1): 191-214. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-191-214. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Возможности коммуникативной прагматики в исследовании интернет-сообществ «кладоискателей»

Салихова Эльвина Ахнафовна

orcid.org/0000-0001-9570-1763

доктор филологических наук,

профессор,

главный научный сотрудник
отдела археологического наследия

Южного Урала

Salelah12@yandex.ru

Институт этнологических
исследований им. Р. Г. Кузеева —
обособленное структурное
подразделение Федерального
государственного бюджетного
учреждения Уфимского федерального
исследовательского центра
Российской академии наук
(Уфа, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой
поддержке Российского научного фонда,
проект № 25-18-00270
«Кладонскательство» на Урале: разработка
методов противодействия разрушению
объектов культурного наследия

Potential of Communicative Pragmatics in Study of Online Treasure Hunting Communities

Elvina A. Salikhova

orcid.org/0000-0001-9570-1763

Doctor of Philology, Professor,
Chief Researcher of the Department
archaeological heritage
the Southern Urals
Salelah12@yandex.ru

R. G. Kuzeev Institute
for Ethnological Studies —
Subdivision of the Ufa
Federal Research Centre
of the Russian Academy of Sciences
(Ufa, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science
Foundation, project number 25-18-00270
“Looting in the Urals: development
of methods to counteract the destruction
of cultural heritage objects”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование текстового контента двух интернет-групп «кладоискателей» в коммуникативно-прагматическом и социопсихолингвистическом аспектах. Изучается специфика функционирования в текстах групп таких средств, как полимодальный текст, семантически опущенные языковые единицы, имплицатуры и др. Проанализировано по 50 текстов постов с прилагаемыми фотоизображениями, по 10 видеопубликаций из интернет-страниц участников сообществ «кладоискателей» Башкирии и Оренбургской области. В научный оборот вводятся данные об имплицитных смыслах, актуализируемых посредством текстов и полимодальных средств коммуникации. Представлены результаты сопоставительного анализа интернет-сообщества Башкирии и Оренбуржья. Уделяется внимание и речедетальностной концепции, позволяющей рассматривать направленную к аудитории информацию с учетом намерения коммуникатора и выбранных им способов (вербальных или аудиовизуальных) представления информации в социальной сети. В контексте активизации виртуального общения объектом научного исследования становится дискурсивный текст, который влияет на разные каналы восприятия участников групп. Сделан вывод о том, что прагматика дискурса интернет-сообществ «кладоискателей» за счет использования прагмалингвистических средств создает некоторые модели поведения.

Ключевые слова:

дискурсивные практики; имплицатуры; интернет-коммуникация; поликодовый текст; коммуникативная прагматика; цифровое пространство.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the textual content of two online treasure hunting groups from a communicative-pragmatic and socio-psycholinguistic perspective. It examines how specific linguistic features function within these texts, including polymodal text, semantically depleted language units, implicatures, and others. Fifty posts with accompanying images as well as ten video publications from participants' web pages were analyzed for each group representing Bashkortostan and Orenburg regions. The study introduces data on implicit meanings that are activated through both textual and polymodal communication means. Comparative analysis between the online communities of Bashkortostan and Orenburg is presented. Additionally, attention is given to speech activity theory, which allows us to consider audience-directed information based on the communicator's intention and their chosen methods — verbal or audiovisual — for presenting this information across social networks. In light of increased virtual interaction, the object of scientific inquiry becomes discursive text, influencing various perceptual channels among group members. The conclusion emphasizes that pragmatic strategies used by internet-based treasure hunting communities create certain behavioral models due to their reliance on pragmalinguistic tools.

Key words:

discursive practices; implicature; online communication; multimodal text; communicative pragmatics; digital environment

УДК 811.161.1'42:004.738.5

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-191-214

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Возможности коммуникативной прагматики в исследовании интернет-сообществ «кладоискателей»

© Салихова Э. А., 2026

1. Введение = Introduction

Коммуникативно-прагматический анализ позволяет определить закономерности определенной подачи информации, специфику вербальных и невербальных выразительных средств, используемых в процессе создания контента, понять причины обращения к тому или иному приему. Социопсихолингвистический подход заключается «в изучении влияния социальных характеристик коммуниканта на его речевую деятельность, механизма кодового переключения ... и других аспектов взаимодействия человека и социума, человека и мышления посредством различных инструментов ...» [Миронова, 2014, с. 83].

Цель данного исследования — выявление специфики функционирования средств коммуникативной прагматики, а также механизмов влияния скрытых смыслов (импликатур) на личность в цифровой среде, под которой автор подразумевает виртуальное пространство, в пределах которого создается, обрабатывается и передается вербальная и визуальная информации посредством телекоммуникационных систем. Используя термин *скрытый смысл*, мы имеем в виду определенную коммуникативно-прагматическую программу, нацеленную на трансформацию известного; невыраженный явным способом «смысл, восстанавливаемый адресатом на основании его соотнесения с предшествующей информацией, а также с жизненным опытом, собственным знанием воспринимающего» [Антошина, 2018; Воякина, 2022, с. 3471]. Высказывание может породить новый смысл, который напрямую, логически не выводится из лексических и семантико-синтаксических составляющих высказывания, сложенных по принципу композиционности. В настоящее время медийный дискурс, включая разнообразные сообщества в социальных сетях, активно участвует в этом процессе, «становится не столько посредником между реципиентом информации и действительностью, осуществляющим ее интерпретацию, сколько новой

реальностью — вторичным лингвокогнитивным моделированием» [Стародубова, 2020, с. 91].

Наш практический опыт в области лингвистической экспертизы позволяет констатировать, что цифровая среда по законам «окон Овертона» «способна значительно изменить социокультурную жизнь, трансформируя традиционные “картины мира” аудитории на противоположные, а также влияя на общегуманитарные константы. Это ведет к переосмыслению представлений людей об отечественной истории, народных традициях, ценностях и многом другом. В частности, наблюдаются «смещения» в значениях таких общепринятых понятий, как законность и незаконность, добро и зло, выгода и ущерб, честность и обман» [Салихова, 2024, с. 59].

В коммуникативно-прагматическом ракурсе видения проблемы немаловажным представляется тот аспект изучения отдельных цифровых возможностей, который позволит выявить влияние скрытых смыслов на коллективное сознание участников и подписчиков изучаемых виртуальных групповых объединений.

Заявленная цель обусловила постановку следующих задач:

- 1) на основе первичного контент-анализа интернет-сообществ «кладоискателей» установить возрастной, гендерный состав участников, мест их проживания и определить наиболее привлекательные для них сообщества, темы обсуждений, способы передачи информации;
- 2) определить коммуникативно-прагматическую специфику таких средств воздействия, как полимодальный текст, семантически опустошенные языковые единицы, импликатуры, позволяющие воспринимать и транслировать информацию, определенным образом влияющую на адресата;
- 3) дать графическое представление структуры создания и донесения до аудитории имплицитных смыслов посредством полимодальных средств коммуникации.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Объектом изучения в рамках реализуемого с начала 2025 года проекта выступает дискурс двух интернет-сообществ. В качестве материала отобрано по 10 видеопубликаций длительностью от трех до 15 минут, по 50 текстов постов с прилагаемыми к ним 84 фотоизображениями в совокупности из интернет-страниц сообществ «кладоискателей» Башкирии и Оренбургской области и отдельных их участников. Мы закавычиваем слово, противопоставляя участников этих интернет-групп археологам и придерживаясь самоопределения представителей данного сообщества, которые, участвуя в нелегальном поиске и сбыте артефактов, нарушают закон (Ст. 243.2. УК РФ «Незаконные поиск и (или) изъятие археологических

предметов из мест залегания» // УК РФ от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) [Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: электронный ресурс]).

В работе представляется описание структурных и атрибутивных данных сообществ КБКУМ (Башкортостан) и ТЕХНОПОИСК 56. (Оренбургская область), полученные посредством ресурса media-vk.ru. Предварительный обзор двух интернет-сообществ, выбранных из числа многочисленных иных сообществ в одной из популярных сетей «ВКонтакте» (VK), по критерию количества участников убедительно демонстрирует, что в Башкортостане и Оренбуржье, как и в целом по России, сложилась объединяющая людей субкультура «кладоискательства». Многие из привлекающих внимание ресурсов располагаются либо в социальных сетях и на интернет-форумах, либо на «Дзен», «Пикабу», «Археолог+» и иных российских блог-платформах, авторами и участниками которых помещается информация, включая фото и видеоматериалы, о различных артефактах с просьбой дать им оценку, о продаже / покупке найденных при раскопках предметов, публикуются обращения с приглашением к совместным нелегальным раскопкам.

Посредством первичного анализ контента данных групп установлено, что преследуемые участниками групп цели сопряжены с предоставляемыми этой средой возможностями, охарактеризованными А. А. Ослон: «...новый тип масс-медиа, информационная функция, межличностное общение, рекреация, самореализация, предложение товаров и услуг, образование и развитие интеллекта и т. д. и т. п.» [Ослон: электронный ресурс]. Нами получены данные со структурными и атрибутивными переменными, которые в соответствии правилами AoIR (Ассоциации исследователей сети Интернет) обезличивались и обобщались в виде таблиц. По этой причине автор не ссылается на личные данные пользователей и их персональные страницы, опираясь на доступные любому зарегистрированному пользователю сайта сведения.

С опорой на теоретические положения отечественной теории речевой деятельности, прагмалингвистики и социалингвистики ведется описание статистического профиля той или иной единицы контента, дается социальная характеристика их участников, ведется установление рельефно сформированных когнитивных областей, отражающих признаки тиражирования информации, содержащей скрытые смыслы [Гончарова и др., 2021; Доронина, 2013; Салихова, 2025].

В рамках данного этапа исследования из числа апробированных инструментов, выявляющих имплицатуры в постоянно изменяемом объеме анализируемых интернет-материалов, отчасти сходных по частоте и вре-

мени выхода, содержательному наполнению, форме подачи, мы используем междисциплинарный метод интенционального анализа, анализа текста с помощью Voyant tools, предназначенного для поддержки интерпретации текстов в области цифровых наук. Согласно концепции коммуникативной прагматики и социопсихолингвистики, в процессе речевой деятельности, кроме разноуровневых языковых единиц, а также невербальных средств выражения, присутствует «виртуальная иерархическая структура взаимообусловленных коммуникативно-познавательных программ, ориентированных на коммуникативную (авторскую) интенцию, или константный смысл» [Адамьянц, 2022, с. 11].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Первичный анализ контента интернет-сообществ

В результате анализа контента интернет-сообществ посредством программы «VK.BARKOV.NET» получены данные о подписчиках, обозначивших половую принадлежность: мужчины в башкирском сообществе «кладоискателей» составляют 92.5 %, в оренбургском — 79.2 % [VK.BARKOV.NET]. Многие из участников сообществ не стали указывать свой возраст: в башкирском сообществе 661 человек (86.9 %), оренбургском — 1684 человек (84 %). Полагаем, что характер деятельности «кладоискателей», связанный с приобретением дорогого оборудования и транспорта, их интересы, которые будут рассмотрены ниже, свидетельствуют о среднем возрасте участников — 35—45 лет. Анализ данных по составу и численности групп, а также коммуникативной активности ее участников в первой половине 2025 года иллюстрирует следующее (табл. 1).

Таблица 1

Возрастной и гендерный состав участников
групп КБКУМ и ТЕХНОПОЙСК 56

Год	Кол-во активных участников	Мужчи- ны (%)	Женщи- ны (%)	Возрастной состав (%), из указавших возраст			
				до 21 года	21—30 лет	31—40 лет	старше 41
КБКУМ							
2025	1310 (+147)	92,5	7,5	—	—	14,1 из числа указавших	—
ТЕХНОПОЙСК 56							
2025	3203 (активных за последний месяц 1988)	79,2 (1558)	20,8 (410)	—	—	15,9 из числа указавших ³	—

Гендерные различия присутствуют в табличных данных, однако они указывают на то, что «кладоискательство» — исключительно мужское занятие. О территориальном признаке объединения людей в сообщества говорят названия группы, а также профили подписчиков. Показатели численности участников группы по территориальному признаку представлены ниже (табл. 2).

Таблица 2

Места проживания участников
групп КБКУМ и ТЕХНОПОИСК 56

Год	Кол-во указавших место проживания активных участников, чел. (= %)	Кол-во не указавших место проживания, чел. (= %)	г. Уфа (%)	Иные населенные пункты Башкирии, (%)	Иные населенные пункты РФ, (%)
2025	КБКУМ				
	319 (41,9)	442 (58,1)	27,5	9,2	5,2
	ТЕХНОПОИСК 56				
	Кол-во указавших место проживания активных участников, чел. (= %)	Кол-во не указавших место проживания, чел. (= %)	г. Оренбург (%)	Иные населенные пункты Оренбургской области, (%)	Иные населенные пункты РФ, (%)
	1204 (38,8)	764 (12,2)	49	10	2,2

Чуть более половины подписчиков КБКУМ (58.1 %) не стали указывать место жительства, что почти пятикратно превышает показатели по оренбургскому сообществу — 12,2 %. Из указавших место проживания подписчиков КБКУМ 36,7 % живут в крупных городах республики: в Уфе — 27,5 %, в Стерлитамаке, в Салавате — 9,2 %. Из подписчиков оренбургских сообществ 38,8 % указавших место проживания половина из г. Оренбург, треть — из других населенных пунктов Оренбургской области. Важным показателем для активных участников обеих групп является тот факт, что более двух третей из указавших имеют семью, а также высшее образование.

Участники КБКУМ и ТЕХНОПОИСК 56 состоят и в других интернет-сообществах, список десяти популярных из них по состоянию на апрель 2025 года представлен ниже (табл. 3).

Интересы значительной части интернет-сообществ «кладоискателей» (табл. 3) примыкают к купле / продаже металлоискателей, связаны с темами региональных групп «кладоискателей», а также с популярными в этих сообществах автоновостями, музыкой.

Таблица 3

Перечень десяти привлекательных для участников групп КБКУМ и ТЕХНОПОИСК 56 сообществ (в порядке убывания)

Название сообщества		Количество человек
		апрель 2025 г.
КБКУМ		
1.	Кладоискатели Башкирии, клады Урала. МЕталлопо-иска	164
2	МДРЕГИОН / Металлоискатели. Клады. Копатели	74
3	БашДТП Уфа и Башкортостан	60
4	Металлоискатели в Уфе, все для Кладоискателя	58
5	MOTOR Автомобили и ДТП	58
6	Уфа Новости Башкортостан	54
7	Золотые руки / Строительство и ремонт	50
8	Наука и Техника	45
9	НОВАЯ МУЗЫКА – Популярные песни	44
10	Интересные факты	43
ТЕХНОПОИСК 56		
1	Оренбург онлайн	850
2	Привет, Оренбург!	673
3	ОРЕНБУРГ ОЧЕВИДЕЦ	647
4	Черный рынок Оренбурга	643
5	Подслушано Оренбург	606
6	Продажа дешевых авто в Оренбурге	569
7	Авторынок Оренбург	551
8	Автобан 56 Оренбург	467
9	Авторынок Оренбург I Продажа авто	460
10	MOTOR Автомобили и ДТП	439

Примечательно, что участники каждой из групп подписаны на новости г. Уфы (КБКУМ) и, соответственно, ТЕХНОПОИСК 56 — на новости г. Оренбурга, что доказывает их преимущественное проживание в центральных городах или территориальную близость к ним — подпис-

чики первого из указанных в таблице сообщества в г. Уфе, а второго — в г. Оренбург.

Тематика обсуждений в анализируемых группах и их содержание показывают, что объединение людей в них происходит не столько ради обмена информацией о раскопках, сколько ради совместных действий, оценок находок и обмена эмоциональными впечатлениями, мнением об эффективности видов металлодетекторов и решения организационных вопросов, связанных с групповыми выездами. Большинство публикаций посвящено необходимому при раскопках техническому инвентарю, видеосюжетам о местах поиска кладов и описанию находок.

Прагмалингвистика нацелена на описание дискурсивных практик через ключевые понятия языкового сознания участников и подписчиков виртуальной группы и понятные носителю языка семантические примитивы — элементарные, неразложимые ключевые понятия, которые являются базовыми составляющими высказываний и выражают элементарные смыслы (рис. 1). Интерфейс Voyant Tools позволяет визуализировать аналитические результаты обработки текстового массива (общее количество слов — 4380) для восприятия смысловых доминант публикуемого.

Рис. 1. Облако слов, представляющее ключевые понятия фрагмента языковой картины мира участников группы ТЕХНОПОИСК 56

Для визуального сравнения смысловых доминант двух групп ниже приводим облако слов интернет-группы КБКУМ:

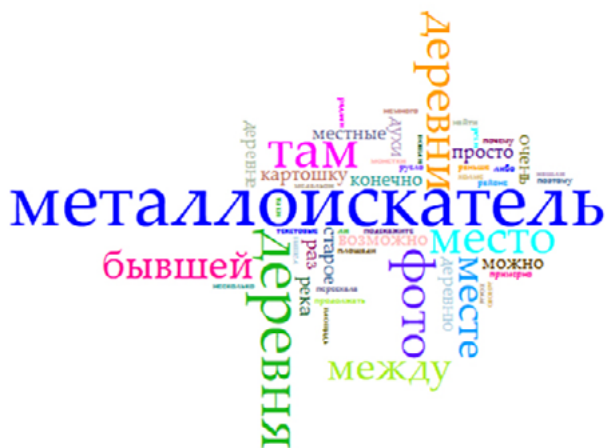

Рис. 2. Облако слов, представляющее ключевые понятия фрагмента языковой картины мира участников группы КБКУМ

Страницы участников содержат интегрированную аудиовизуальную информацию, позволяющую в зависимости от интенций акторов коммуникации отражать посредством различных языковых ресурсов соответствующее событийное поле и формировать модель восприятия реальности: в КБКУМ — это поиск артефактов с описанием процесса поиска, копа и его места, предметов старины (см. ключевые позиции на рисунках); в ТЕХНОПОИСК 56 — предоставление и реклама услуг по поиску утерянных вещей, а также организации выездов на поиски старины.

3.2. Коммуникативно-прагматический и психолингвистический аспекты изучения поликодового текста: краткий теоретический обзор

Авторы теории речевых актов Дж. Остин и Дж. Сёрль, впервые определившие коммуникацию как активный процесс взаимодействия, задали дальнейший исследовательский вектор в сфере прагматики на то, что при высказывании любой мысли человек сталкивается с проблемой выбора информации, языковых средств ее представления. Принципы осуществления такого отражены, в частности, в сформулированных Г. П. Грайсом [1985] постулатах общения и в уточнениях неограйсовских теорий. Исследовательский фокус сосредоточен на прагмалингвистических аспектах поликодового текста, разрабатываемых в трудах П. Вацлавика, Д. Бивин, Д. Джексона [2000], З. И. Комаровой [2013], Т. Р. Копыловой [2023], Е. Г. Которовой [2013], Е. А. Молявиной [2022], С. Левинсона [1983]. Дж. Хиршберга [1991], Ю. Хвянг [2007] и многих других. Важный класс обсуждаемых ими

общих прагматических принципов регламентирует и характеристики коммуникации в цифровой среде.

Психолингвистами признано, что аудиовизуальный канал трансляции и восприятия информации является средством дополнительного воздействия на адресата. Поликодовые тексты (их обозначают и как «креолизованные тексты как особые знаковые системы, имеющие интегративный коммуникативный эффект» (Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов), «мультимодальные тексты» (А. А. Кибрик), «иконические тексты» (А. Н. Назайкин), «негомогенные тексты» (Л. М. Попкова)) — особая группа паралингвистических текстов, к которым в широком семиотическом смысле причисляют случаи сочетания естественного языкового кода с кодом иной семиотической системы [Моногарова и др., 2020; Путина, 2022; Трубина, 2019; Цзя, 2017; Levinson, 1983; Huang, 2007; Venhuizen et al., 2018]. Мы разграничиваем понятия «мультимодальность», «креолизация» и «поликодовость». Первый термин, обозначающий сочетание различных семиотических моделей в коммуникативном событии, стал актуален с развитием цифровых технологий; второй представляет собой конфигурацию вербальных текстов с иконическими средствами и компонентами других семиотических кодов. Соединение изобразительного и звукового рядов способствует созданию «сложных полифонических текстов, где слово, звук и изображение воздействуют одновременно как на сознание, так и подсознание» (Цит. по: [Галяшина, 2020, с. 179—180]; см. также: [Крутова, 2020; Куракина и т. д., 2022]).

Полагаем, что понятия поликодового и креолизованного текста не равновелики, поскольку словесный и аудиовизуальные компоненты, передавая один и тот же смысл, могут вступать в «отношения» дополнения, пояснения, дублирования и прочие. Поликодовый текст объемнее креолизованного за счет скрепления вербальной и невербальной составляющих в конкретной ситуации с целью успешной реализации коммуникативных целей, вследствие чего возникает «единый перцептивный образ с его пространственно-временной структурой, модальностью и целостностью» [Салихова, 2024, с. 59]. Конституирующим текст признаком, кроме целостности, связности и завершенности, является его индивидуально-конкретная «запечатленность» в печатном или визуальном формате.

Благоприятными условиями тиражирования имплицатур как прагматически заряженных элементов становятся не только «способы анонимной коммуникации, создания закрытых и полужакрытых интернет-платформ» [Адамьянц, 2022, с. 9], но и (психо)лингвистические факторы: эврисемия (широкозначность), семантическая опустошенность отдельных единиц и прочие. Такие сленгизмы «кладоискателей», как *шмурдяк* (бесполезные,

не поддающиеся идентификации находки), *выбитое место* (часто посещаемое копателями место, характеризуется как «лунный пейзаж» из-за незакопанных ямок), *аборигены* (исконное население) и другие единицы, описанные нами по результатам анализа данных на исходное слово-стимул «клад» по ассоциативным словарям, словарям «кладоискателей», — примеры эврисемии, имеющие лексикографически закреплённый метафорический лексико-семантический вариант по отношению к основному значению (см. подробнее: [Салихова, 2025]). Он часто содержит скрытый компонент в контекстуально-суженном смысловом варианте или приобретает дополнительную коннотацию в публикациях сообществ или в комментариях участников. В представленных единицах он соответственно выражается в семах ‘не приносящий пользы’, ‘с применением грубой физической силы оставлять в верхнем слое почвы выемки’, в семах негативной ассоциации, как и у единиц *туземец*, *индеец* (так же, как изначально невинное слово *negro* (исп. «чёрный») получило оскорбительный смысл). Контекстуально-суженные варианты закрепляются за широкозначной лексемой, представляющей неподвижную семантическую базу, и входят в состав сленга. Отметим факт тесной синергии сленга «кладоискателей» с молодежным, военным сленгом, а также единицами из грубо-просторечной, вульгарной сферы языка.

3.3. Актуализация средств коммуникативной прагматики в материалах интернет-сообществ «кладоискателей»

Определяя вслед за К.-Е. Зоммерфельдом средства коммуникативной прагматики как группу «языковых средств и их комбинаций, ... репрезентирующих определенный тип языкового коммуникативного действия с его специфической признаковой структурой [Sommerfeldt 1984, p. 20—21], обратимся к характеристикам семантически опустошенных языковых единиц, наличествующих в текстовом материале сайтов анализируемых сообществ. «Размытость» словоупотребления часто обуславливается переносом по функции. Наличие в видеотекстах и текстах постов, комментариев сочетания слов *такая вот история*, *такая вещь*, *такая штука* и т. п. демонстрирует функционирование речевых элементов как фиксаторов характеризуемого субъектом некоторого явления или события, с одной стороны, и как скреп — десемантизированных элементов, актуализирующих зону коммуникативных рисков в языковой сфере, — с другой. Частичная семантическая опустошенность этих единиц не препятствует их активной эксплуатации в речевой сфере «кладоискателей» как знака коммуникативно ориентированного, при помощи которого говорящий осуществляет «привязку» своего высказывания к речевой ситуации общения в координатах «я — здесь — сейчас». Интересно коммуникативное поведение

слова *история*, в результате ресемантизации употребляющегося в значении ‘вещь / штука / нечто’ и широко функционирующего в современной повседневной речи «кладоискателей», по-особому характеризующего их идиолект: в одних случаях слово *история* выступает как «слово-паразит» и указывает на невысокий уровень речевой культуры носителя языка (*ну вот такая история про улучшение поискового оборудования* (из видеопубликации об использовании металлоискателя)), а в других ситуациях — как индикатор непринужденного стиля общения (*забавная история произошла на том месте...* — там же) [Базаржапова, 2023, с. 7]. Видеотексты, фото и прочие элементы сообществ «кладоискателей» как субъектов с некоторым набором идентичностей (социально-культурной, возрастной, гендерной и других) можно квалифицировать и как «смыслообразующий фактор медийного поликодового эксплицитного и имплицитного пространства, образующего иерархическую картину мира» [Стародубова, 2020, с. 92].

Коммуникативно-прагматическая и социопсихолингвистическая концепции располагают эффективным инструментарием для адекватной интерпретации информации, которая в зависимости от целей коммуникатора и применяемых им вербальных и аудиовизуальных технологий доводится до аудитории. Иллокутивный акт реализует целевую установку адресанта и определяется тем, в какой он ситуации находится (желание идти на коп, мнение о находках, рекомендация по выбору оборудования или маршрута поиска). Такая стратегия коммуникативного поведения в виртуальном пространстве предполагает, что для ее реализации будут использованы определенные языковые средства воплощения речевых тактик.

Кроме традиционных установок, отражающих аксиологические основы человеческого бытия, посредством поликодового текста формируется мотивация, способная на трансформацию «картин мира» аудитории.

Считаем, что этапы актуализации различных импликатур задаются некоей проблемной ситуацией (например, разработка маршрута поиска клада), с анализа которой начинается формирование намерения. Каждая отдельно взятая языковая единица отличается свойственной только ей модификацией мотивационно-целевой структуры, а соответственно, и сопряженной с ней проблемной ситуацией при общем алгоритме интерпретации смысла. Цифровые возможности обеспечивают мгновенное восприятие аудиторией подобных продуктов. Действие такого механизма влияния сводится к тому, что коммуникатор создает выгодные для него смыслы и подстраивает их под проектируемую реальность, доводимую через имеющиеся возможности до аудитории. Зная, что по российскому законодательству, проведение археологических раскопок, а также поиск археологических предметов с помощью металлоискателя, радаров и иных технических средств без раз-

решения запрещен, «кладоискатели» свою деятельность квалифицируют как «увлекательное хобби», «совместные полезные для здоровья вылазки на природу (коп)», «спасение исторических предметов» (из комментариев и постов сообществ).

Иллюстративно-визуальный ряд способствует заданному восприятию и пониманию текста. Общеизвестно, что интернет-дискурс создает вторичную реальность, которая может (но не обязательно!) восприниматься критически в отношении фактов современности или прошлого. В первом случае наблюдается стабилизация обстановки в пределах определенного читательского сегмента, сопровождаемая актуализацией базовых ценностей сообщества за счет аллюзий. К примеру, в видеороликах о раскопках с названиями «Поиск монет в красивом лесу», «Находки есть, их не может не быть», «Не пусто, но и не густо» используется активный в национальной когнитивной базе прецедентный феномен как лингвистический механизм, актуализирующий по ассоциации картину «Утро в сосновом лесу» русских живописцев И. Шишкина и К. Савицкого, композицию «Счастье есть, его не может не быть», музыку и слова к которой написал Е. Рудин, известный под псевдонимом DJ Грув, трансформу известной русской поговорки «И на брюхе не густо, а в брюхе-то пусто» [Даль, 1989, с. 77].

Во втором случае итогом переосмысления исходной идеи в процессе интерпретации событий на основе пейоративности является мнимая толерантность, способствующая формированию потребительской модели мира, которая отражает процессы десакрализации основных ценностей, к изменению восприятия определенных аспектов реальности и фрагментов исторического прошлого, осуществляемых через внедрение так называемых лингвоцинизмов, а также через различные тактики вытеснения и подмены значений. Так, в первой части названия почти пятиминутного видеоролика о раскопках «Что имеем, то имеем, могло быть и хуже!» (фото 1) — во фразе из тоста, произносимого героем советского художественного телефильма, снятого в 1969 году по роману И. Болгарина «Адъютант его превосходительства» о работе разведчика в годы гражданской войны, применяется тактика подмены актуальных ценностей потребительским взглядом на наследие прошлого. В бином «человек — человек» внедряется промежуточный элемент (найденный артефакт), вытесняющий ценностный компонент оригинального прецедента, сводимый к духовной близости людей.

В комментарии-отзыве «Терка рулит!» (фото 2) об эффективности применения на раскопках металлоискателя Xterra Minelab используется жаргонизированное выражение, состоящее из деривата русифицированной части названия прибора — *Терра*, суффикса -к- со значением «предмета,

с помощью которого совершается какое-либо действие» [Новый толково-словообразовательный словарь: электронный ресурс], глагола *рулит*, ср.: «От англ. to rule — править, управлять. Быть самым главным, самым интересным и привлекательным; отличие высокого качества, одобрение» [Словарь современной лексики, жаргона и сленга: электронный ресурс].

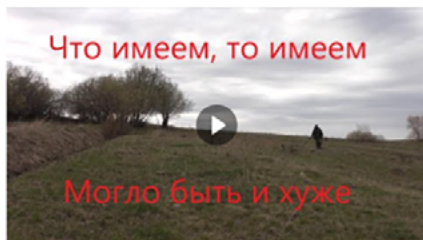

Фото 1. Скриншот названия видеоролика о раскопках (из открытого доступа в сети интернет)

Фото 2. Скриншот комментария-отзыва (из открытого доступа в сети Интернет)

В комментарии-поздравлении одного из участников сообщества «Желаю, чтоб каждый *коп был рыжий!*» кроется удовлетворение «кладоискателями» потребности найти артефакты, которые можно в последующем удачно продать. *Рыжий коп* в [Словарь кладоискателя. Хабор: электронный ресурс] обозначает «находки золота (изделий, украшений, монет и подобного)».

В дискурсивном пространстве рассматриваемых сообществ мультимедальность реализуется в сосуществующих пиктографических и изображи-

тельных, статических или мобильных элементах. Пользователь по желанию выбирает способ использования цифровых возможностей, связанных с размещением видео, с лингвистическим текстом, смайликом, фото, видео или комбинацией различных средств, с опубликованием личного сообщения или поста и т. д.

3.4. Алгоритм формирования и трансляции смыслов в виртуальных сообществах «кладоискателей»

Текстовый материал изучаемых сообществ обнаруживает «свои» правила взаимодействия между членами сообщества и / или примыкающих к ним пользователей Интернет. Важным показателем такого дискурса является его прагматический потенциал, являющийся следствием событийного сегмента действительности, моделирующей такую «реальность и, соответственно, когнитивную парадигму», при которой «объектом тиражирования становится не факт, а его интерпретация, корректирующая базовые этнокультурные ценности» [Стародубова, 2020, с. 94]. Справедливым в контексте обсуждения представляется мысль о том, что такие интернет-продукты «являются результатом действия механизм лингвокогнитивного моделирования национальных, культурных, нравственных констант» [Там же, с. 95].

Для общегуманитарного научного подхода, акцентирующего внимание на позитивных процессах, важно изучение и понимание коммуникативно-прагматических условий и механизмов, ответственных за создание и распространение импликатур, используя привнесенные цифровой эпохой возможности в сферу коммуникации.

Первичный анализ материала интернет-контентов «кладоискателей» позволил графически представить структуру создания и донесения до аудитории эксплицитных и имплицитных смыслов посредством полимодальных средств коммуникации (рис. 3).

Предлагаемый вниманию результат анализа смыслового наполнения материалов рассматриваемых нами интернет-сообществ реализуется в несколько этапов и тесно сопряжен с речевыми актами коммуникации человека:

I этап — формирование мотива коммуникации — исходящая позиция, оперирующая информативным потенциалом и задающая начальный смысл, обусловленный проблемной ситуацией;

II этап — транслируемые смыслы, потенциально направленные на индивидуальную картину мира каждого (точечно) или на те или иные грани «коллективной картины мира» определенного сегмента интернет-аудитории (поточно);

III этап — прагматический фокус текста (коммуникативная перспектива), опирающийся на излагаемое (устная форма в видео) или публикуемое

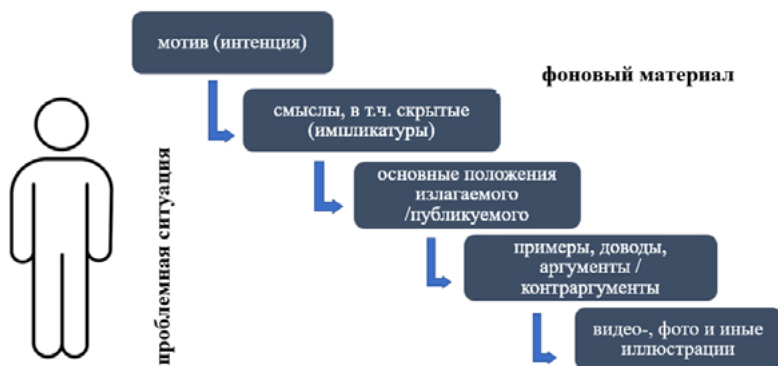

Рис. 3. Типовая схема фрагмента коммуникации, отражающего особенности формирования и трансляции явных и скрытых смыслов

(печатные формы, символичные изображения). Создание через ассоциации смысловых конфигураций с постепенным их «созреванием» в массовом сознании рассчитано на длительный трансформирующий эффект (напомним об окнах Овертона). Сопровождающийся видеорядом текст характеризуется весомым приращением смысла, «...вызывает у коммуниканта те или иные эмоции, переживания, ощущения, необходимые для достижения различных намерений» [Курьянович, 2015, с. 121—122]. Ассоциативная база и прагматический фокус (коннотации) приводят к порождению импликатуры;

IV этап — убеждение, аргументирование и прочие вербальные способы реализации мотива и актуализации смыслов. Многочисленные техники воздействия опираются на множественность интерпретации тех или иных фактов или явлений, часто с использованием искаженных сведений, необоснованных суждений и т. д.;

V этап — визуализация материала доступными для коммуникатора средствами. На всех этапах реализации различных смыслов присутствует фоновый материал, цементирующий в единое целое интертекстуальное пространство сообщества.

Распространение на широкую аудиторию создаваемых речевых продуктов с импликатурами обеспечивается современными цифровыми возможностями. В анализируемых нами сообществах результатом воздействия таких технологий в совокупности с иными является пополнение групп по интересам, повышение спроса на металлодетекторы, позволяющие заниматься и незаконными раскопками, обмениваться сведениями по найденным артефактам или освоенным новым территориям. Фото- и

видеоиллюстрации дают возможность коммуникатору создавать желаемые константные смыслы, а потребитель искомой информации подстраивается под создаваемую иллюкативность и промежуточные значения.

4. Заключение = Conclusions

Виртуальные сообщества «кладоискателей» — это мультимодальное пространство, конфигурирующее дискурсивные продукты в соответствии с коммуникативно-прагматическими возможностями. Эффект воздействия, вызванный использованием цифровых возможностей, внушителен и отражается как в количестве подписчиков, так и в привлекательности иных виртуальных сообществ.

В дискурсивных практиках интернет-коммуникации участников групп «кладоискателей» в Республике Башкортостан и Оренбургской области используются различные приемы интертекстуальности (аллюзии, цитирования, обращения к прецедентам и др.), импликатуры, семантически опустошенные единицы. Эти признаки являются общими для рассматриваемых сообществ и свидетельствуют о динамичности их дискурс-пространства, выражающейся в постоянном производстве, интерпретации и реинтерпретации действующими и воспринимающими субъектами информации, в используемом арсенале средств, обладающих коммуникативно-прагматическим потенциалом.

Аудиовизуальная информация отражает соответствующее событийное поле и формирует модель восприятия реальности: для КБКУМ характерна сосредоточенность на поиске артефактов с описанием процесса поиска, копа и его места, найденных предметов; для ТЕХНОПОИСК 56 актуальны преимущественно предоставление и реклама услуг по поиску утерянных вещей, а также организации выездов на поиски старины.

Отражающий быстро меняющуюся действительность интернет-дискурс продолжает привлекать внимание разных специалистов для выяснения специфики механизмов создания и распространения импликатур, способствующих переформатированию индивидуального и общественно-го сознания, искажению некоторых аксиологических констант: поиск старины с помощью специальных приборов квалифицируется участниками групп как достойное развлечение, источник заработка, а не как нарушение законодательства. Можно согласиться с мнением о том, что прагматика интернет-дискурса (в частности, социальных сетей, контентов сообществ, групп по интересам) идентична технике нейролингвистического программирования, создающей модели поведения (в том числе речевого) и претворения их в жизнь. Функционирование такого механизма влияния приводит к корректуре информационной парадигмы, в определенных контекстах от-

личающейся десакрализацией ценностей, низведением отдельных из них до уровня лишь материальной доминанты (поиск артефактов для сбыта; разрушение зон археологических памятников и мест с культурным слоем).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Даль В. И.* Пословицы русского народа : В 2 т. / В. И. Даль. — Москва : Художественная литература, 1989. — Т. 1. — 433 с.
2. КБКУМ — «Кладоискатели Башкирии, клады Урала. Металлоиск» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://vk.com/klad_ural (дата обращения 16.04.2025).
3. *Новый толково-словообразовательный словарь русского языка* [Электронный ресурс] / под ред. Т. Ф. Ефремовой. — Москва : Дрофа, Русский язык, 2000. — Режим доступа : <https://efremova.slovaronline.com/search?s=к> (дата обращения 20.04.2025).
4. *Словарь кладоискателя.* Хабор [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.habor.ru/termin/slovar> (дата обращения 18.08.2025).
5. *Словарь современной лексики, жаргона и сленга* [Электронный ресурс]. — 2014. — Ч. 2 («РЕА» — «РЯХ»). — Режим доступа : <http://rus-yaz.niv.ru/doc/jargon-dictionary/fc/slovar-208-2.htm#zag-4601> (дата обращения 19.04.2025).
6. ТЕХНОПОИСК 56. — «ТЕХНОПОИСК 56. Услуги и прокат металлоискателя» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://vk.com/uslugi_metalloiskatelya56 (дата обращения 16.04.2025).
7. *Электронный фонд* правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://docs.cntd.ru/document/9017477> (дата обращения 17.08.2025).
8. VK.BARKOV.NET : поиск целевой аудитории в соцсетях [Электронный ресурс] // ВКонтакте. — Режим доступа : <https://vk.barkov.net/> (дата обращения: 19.04.2025).

Литература

1. *Антошина Д. В.* Термин «импликация» и его аналоги в прагматике / Д. В. Антошина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 7 (85). — Ч. 1. — С. 97—102. — DOI: 10.30853/filnauki.2018-7-1.22.
2. *Адамьянц Т. З.* Коммуникационные механизмы создания и распространения смыслов деструктивной направленности в цифровую эпоху / Т. З. Адамьянц // Трансформация этической матрицы в цифровую эпоху. — Москва : МАКС Пресс, 2022. — С. 9—17. — ISBN 978-5-317-06788-5.
3. *Базаржапова А. Д.* Вереочная или ковидная история : семантическое «опустошение» слова в различных типах дискурса / А. Д. Базаржапова // Русская речь, 2023. — № 1. — С. 7—20. — DOI: 10.31857/S013161170024703-2.
4. *Борковская И. Ф.* Текст как инструмент языковой коммуникации [Электронный ресурс] / И. Ф. Борковская // Международный научно-исследовательский журнал. — 2014. — № 6 (25). — Режим доступа : <https://research-journal.org/archive/6-25-2014-june/tekst-kak-instrument-yazykovo-j-kommunikacii> (дата обращения 19.08.2025).
5. *Вацлавик П.* Прагматика человеческих коммуникаций : Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия / П. Вацлавик, Д. Бивин, Д. Джексон ; пер. с англ.

А. Суворовой. — Москва : Апрель-Пресс, ЭКСМО Пресс, 2000. — 311 с. — ISBN 5-04-006298-2.

6. *Воякина Е. Ю.* Дискурсивные практики интернет-коммуникации в свете лингвистических исследований : системный обзор / Е. Ю. Воякина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 15. — Выпуск 11. — С. 3469—3479.

7. *Гальяшина Е. И.* Поликодовый текст интернет-коммуникации как объект судебной лингвистической экспертизы / Е. И. Гальяшина // Языковое бытие человека и этноса : сборник научных трудов по материалам XVII Березинских чтений. — Москва : ИНИОН РАН, 2020. — Выпуск 22 : Материалы XVII Березинских чтений. — С. 174—180. — ISBN 978-5-248-00974-9.

8. *Гончарова Е. А.* Лингвокогнитивные и коммуникативно-прагматические особенности речевой деятельности политика в дискурсивной позиции «после власти» / Е. А. Гончарова, М. Г. Цуциева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2021. — № 18 (2). — С. 339—362. — DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.206>.

9. *Грайс Г. П.* Логика речевого общения / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. — Москва : Прогресс, 1985. — Выпуск 16. — С. 217—237.

10. *Доронина Е. Г.* Коммуникативно-прагматический анализ медиатекста : поиск интегрированной методологии / Е. Г. Доронина // Знак : проблемное поле медиаобразования. — 2013. — № 1 (11). — С. 82—89.

11. *Кибрик А. А.* Мультимодальная лингвистика / А. А. Кибрик // Когнитивные исследования : сборник научных трудов. — Москва : Институт психологии РАН, 2010. — № 4. — С. 135—152.

12. *Комарова З. И.* Коммуникативно-прагматическая парадигма в дисциплинарно-методологическом пространстве современной лингвистики / З. И. Комарова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 1 (292). — С. 67—71.

13. *Копылова Т. Р.* Коммуникативно-прагматические параметры естественно-научного видеоблога как жанра интернет-дискурса / Т. Р. Копылова, С. С. Иванова // Многоязычие в образовательном пространстве. — 2023. — Т. 15. — С. 32—38. — DOI: 10.35634/2500-0748-2023-15-1-32-38.

14. *Которова Е. Г.* Коммуникативно-прагматическое поле как метод комплексного описания способов реализации речевых актов / Е. Г. Которова // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. — 2013. — Выпуск 1 (1). — С. 58—67.

15. *Крутова И. Н.* Коммуникативно-прагматические функции средств выражения эмотивности в публицистическом дискурсе / И. Н. Крутова // Гуманитарные исследования. — 2020. — № 1 (73). — С. 26—32. — DOI: 10.21672/1818-4936-2020-73-1-026-032.

16. *Куракина Н. А.* Коммуникативно-прагматический аспект передачи неполноэквивалентной лексики в переводе / Н. А. Куракина, Е. В. Харитоновна // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2022. — № 4. — С. 29—34. — DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2022-11-4-29-34>

17. *Миронова Н. И.* Социопсихолингвистика : объект и предмет науки / Н. И. Миронова // Вопросы психолингвистики. — 2014. — № 2 (20). — С. 81—89.

18. *Молявина Е. А.* Коммуникативная стратегия: природа, классификация и прагматика / Е. А. Молявина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2022. — № 7 (862). — С. 94—99. — DOI: 10.52070/2542-2197_2022_7_862_94.

19. *Моногарова А. Г.* Речевое поведение британских политиков в обсуждении Брек-сита : прагматика, гендер и коммуникативное доминирование в политическом медиадискурсе / А. Г. Моногарова, Т. А. Ширяева, А. Ю. Багиян // Научный диалог. — 2020. — № 1 (10). — С. 114—127. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-10-114-127>.
20. *Ослон А. А.* Интернет в России [Электронный ресурс] / А. А. Ослон // Россия в Интернете. — Режим доступа : <http://bd.fom.ru/report/map/os010318> (дата обращения 18.04.2025).
21. *Путина О. Н.* Речевая коммуникация : прагматический аспект / О. Н. Путина, С. В. Балакин // Евразийский гуманитарный журнал. — 2022. — № 1. — С. 4—9.
22. *Солнцева Е. С.* Релевантность элементов поликодового текста / Е. С. Солнцева // Litera. — 2018. — № 1. — С. 77—84.
23. *Стародубова О. Ю.* Лингвокультурная ситуация сквозь призму прецедентного феномена как отражение интертекстуальности в эпоху глобализации / О. Ю. Стародубова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Лингвистика. — 2019. — № 5. — С. 100—112. — DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-100-112.
24. *Стародубова О. Ю.* Лингвистические механизмы конфликтогенности медийного дискурса / О. Ю. Стародубова // Языковое бытие человека и этноса : сборник научных трудов по материалам XVII Березинских чтений. — Москва : ИНИОН РАН. — 2020. — С. 91—95.
25. *Салихова Э. А.* Социопсихолингвистические механизмы воздействия на личность деструктивных смыслов в цифровой среде / Э. А. Салихова // Язык и идеология в полиэтнических странах мира : Материалы Международной научной конференции. — Москва : Институт языкознания РАН, Институт востоковедения РАН, 2024. — С. 59—60.
26. *Салихова Э. А.* Сленг «кладоискателей» как индикатор языка определенной субкультуры: штрихи к психолингвистическому портрету / Э. А. Салихова // Человек и современное общество в социальном, правовом, экономическом ракурсах : колл. монография. — Петрозаводск : МЦНП «Новая наука», 2025. — С. 139—156. — ISBN 978-5-00215-465-4.
27. *Трубина З. И.* Лингводидактический потенциал креолизованных текстов / З. И. Трубина // Crede Experto : транспорт, общество, образование, язык. — 2019. — № 3. — С. 163—174.
28. *Цзя П.* Коммуникативно-прагматическая неудача : взгляд молодого уральского драматурга / П. Цзя // Научный диалог. — 2017. — № 9. — С. 81—92. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-9-81-92>.
29. *Levinson S.* Pragmatics : Cambridge Textbooks in Linguistics / S. Levinson. — Cambridge : Cambridge University Press, 1983. — 438 p.
30. *Hirschberg J. A.* Theory of scalar implicature / J. A. Hirschberg. — New York : Garland, 1991. — 329 p.
31. *Huang Y.* Pragmatics / Y. Huang. — Toronto and New York : Oxford University Press, 2007. — 366 p. — ISBN 9780199577767.
32. *Venhuizen N. J.* Discourse semantics with information structure / N. J. Venhuizen, J. Bos, P. Hendriks, H. Brouwer // Journal of Semantics. — 2018. — Vol. 35. — Vol. 1. — Pp. 127—169.

*Статья поступила в редакцию 21.08.2025,
одобрена после рецензирования 26.11.2025,
подготовлена к публикации 20.01.2026.*

Material resources

- Dahl, V. I. (1989). *Proverbs of the Russian people: In 2 volumes, 1*. Moscow: Fiction. 433 p. (In Russ.).
- Dictionary of modern vocabulary, jargon and slang. (2014). *Part 2* (“REA” — “RYAKH”). Available at: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/jargon-dictionary/fc/slovar-208-2.htm#zag-4601> (accessed 19.04.2025). (In Russ.).
- Efremova, T. F. (ed.). (2000). *New explanatory and word-formation dictionary of the Russian language*. Moscow: Bustard, Russian Language. Available at: <https://efremova.sloveronline.com/search?s=к> (accessed 20.04.2025). (In Russ.).
- Electronic fund of legal and regulatory-technical documents*. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/9017477> (accessed 17.08.2025). (In Russ.).
- KBKUM — “*Treasure hunters of Bashkiria, treasures of the Urals. Metalliska*”. Available at: https://vk.com/klad_ural (accessed 16.04.2025). (In Russ.).
- TECHNOPOISK 56. — “*TECHNOPOISK 56. Metal detector services and rental*”. Available at: https://vk.com/uslugi_metalloiskatelya56 (accessed 04/16/2025). (In Russ.).
- Treasure hunter's dictionary. Habor*. Available at: <https://www.habor.ru/termin/slovar> (accessed 18.08.2025). (In Russ.).
- VK.BARKOV.NET. In: *VKontakte*. Available at: <https://vk.barkov.net/> (accessed 19.04.2025). (In Russ.).

References

- Adamyants, T. Z. (2022). Communication mechanisms for creating and distributing destructive meanings in the digital age. In: *Transformation of the ethical matrix in the digital age*. Moscow: MAKSS Press. 9—17. ISBN 978-5-317-06788-5. (In Russ.).
- Antoshina, D. V. (2018). The term “implication” and its analogues in pragmatics. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 7 (85) / 1: 97—102. DOI: 10.30853/filnauki.2018-7-1.22. (In Russ.).
- Bazarzhapova, A. D. (2023). Rope or covid history: semantic “devastation” of words in various types of discourse. *Russian speech*, 1: 7—20. DOI: 10.31857/S013161170024703-2. (In Russ.).
- Borkovskaya, I. F. (2014). Text as a tool of linguistic communication. *International Scientific Research Journal*, 6 (25). Available at: <https://research-journal.org/archive/6-25-2014-june/tekst-kak-instrument-yazykovoj-kommunikacii> (accessed 19.08.2025). (In Russ.).
- Doronina, E. G. (2013). Communicative and pragmatic analysis of media text: the search for an integrated methodology. *Sign: a problematic field of media education*, 1 (11): 82—89. (In Russ.).
- Galyashina, E. I. (2020). Polycode text of Internet communication as an object of forensic linguistic expertise. In: *Linguistic existence of a person and an ethnic group: a collection of scientific papers based on the materials of the XVII Berezinsky readings*, 22. Moscow: INION RAS. 174—180. ISBN 978-5-248-00974-9. (In Russ.).
- Goncharova, E. A. (2021). Linguocognitive and communicative-pragmatic features of speech activity of a politician in a discursive position “after power”. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature*, 18 (2): 339—362. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.206>. (In Russ.).
- Grice, G. P. (1985). Logic of speech communication. In: *New in foreign linguistics. Linguistic pragmatics*, 16. Moscow: Progress Publ. 217—237. (In Russ.).

- Hirschberg, J. A. (1991). *Theory of scalar implicature*. New York: Garland. 329 p.
- Huang, Y. (2007). *Pragmatics*. Toronto and New York: Oxford University Press. 366 p. ISBN 9780199577767.
- Jia, P. (2017). Communicative and pragmatic failure: the view of a young Ural playwright. *Nauchnyi dialog*, 9: 81—92. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-9-81-92>. (In Russ.).
- Kibrik, A. A. (2010). Multimodal linguistics. In: *Cognitive research: a collection of scientific papers*, 4. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 135—152. (In Russ.).
- Komarova, Z. I. (2013). The communicative and pragmatic paradigm in the disciplinary and methodological space of modern linguistics. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 1 (292): 67—71. (In Russ.).
- Kopylova, T. R., Ivanova, S. S. (2023). Communicative and pragmatic parameters of the natural science video blog as a genre of Internet discourse. *Multilingualism in the educational space*, 15: 32—38. DOI: 10.35634/2500-0748-2023-15-1-32-38. (In Russ.).
- Kotorova, E. G. (2013). The communicative and pragmatic field as a method of complex description of ways of realization of speech acts. *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research*, 1 (1): 58—67. (In Russ.).
- Krutova, I. N. (2020). Communicative and pragmatic functions of means of expressing emotivity in journalistic discourse. *Humanitarian studies*, 1 (73): 26—32. DOI: 10.21672/1818-4936-2020-73-1-026-032. (In Russ.).
- Kurakina, N. A., Kharitonova, E. V. (2022). The communicative and pragmatic aspect of the transfer of incomplete vocabulary in translation. *Scientific research and development. Modern communication studies*, 4: 29—34. DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2022-11-4-29-34>. (In Russ.).
- Levinson, S. (1983). *Pragmatics: Cambridge Textbooks in Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press. 438 p.
- Mironova, N. I. (2014). Sociopsycholinguistics: object and subject of science. *Questions of psycholinguistics*, 2 (20): 81—89. (In Russ.).
- Molyavina, E. A. (2022). Communicative strategy: nature, classification and pragmatics. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, 7 (862): 94—99. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_7_862_94. (In Russ.).
- Monogarova, A. G., Shiryayeva, T. A., Bagiyan, A. Yu. (2020). Speech Behavior of British Politicians in Discussion of Brexit: Pragmatics, Gender and Communicative Dominance in Political Media Discourse. *Nauchnyi dialog*, 1 (10): 114—127. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-10-114-127>. (In Russ.).
- Oslo, A. A. The Internet in Russia. *Russia on the Internet*. Available at: <http://bd.fom.ru/report/map/os010318> (accessed 18.04.2025). (In Russ.).
- Putina, O. N., Balakin, S. V. (2022). Speech communication: a pragmatic aspect. *Eurasian Humanitarian Journal*, 1: 4—9. (In Russ.).
- Salikhova, E. A. (2024). Sociopsycholinguistic mechanisms of influence on the personality of destructive meanings in the digital environment. In: *Language and ideology in the multiethnic countries of the world: Proceedings of the International Scientific Conference*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 59—60. (In Russ.).
- Salikhova, E. A. (2025). Slang of “treasure hunters” as an indicator of the language of a certain subculture: touches to a psycholinguistic portrait. In: *Man and modern society*

- in social, legal, and economic perspectives: a colloquial monograph*. Petrozavodsk: ICNP "New Science". 139—156. ISBN 978-5-00215-465-4. (In Russ.).
- Solntseva, E. S. (2018). The relevance of polycode text elements. *Litera, 1*: 77—84. (In Russ.).
- Starodubova, O. Y. (2019). The linguistic and cultural situation through the prism of a precedent phenomenon as a reflection of intertextuality in the era of globalization. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics, 5*: 100—112. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-100-112. (In Russ.).
- Starodubova, O. Y. (2020). Linguistic mechanisms of media discourse conflict. In: *Linguistic existence of a person and an ethnic group: a collection of scientific papers based on the materials of the XVII Berezinsky readings*. Moscow: INION RAS. 91—95. (In Russ.).
- Trubina, Z. I. (2019). Linguodidactic potential of creolized texts. *Crede Experto: transport, society, education, language, 3*: 163—174. (In Russ.).
- Vaclavik, P., Bivin, D. (2000). *Pragmatics of human communications: The study of patterns, pathologies and paradoxes of interaction*. Moscow: April-Press, EKSMO Press. 311 p. ISBN 5-04-006298-2. (In Russ.).
- Venhuizen, N. J., Bos, J., Hendriks, P. (2018). Discourse semantics with information structure. *Journal of Semantics, 35 (1)*: 127—169.
- Voyakina, E. Y. (2022). Discursive practices of Internet communication in the light of linguistic research: a systematic review. *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 15 (11)*: 3469—3479. (In Russ.).

*The article was submitted 21.08.2025;
approved after reviewing 26.11.2025;
accepted for publication 20.01.2026.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА LITERARY STUDIES. FOLKLORE

.....

Борис Вадимович Кондаков, д-р филол. наук (Пермь)
Екатерина Владимировна Сенина, канд. филол. наук (Москва)
Марклен Эрикович Конурбаев, д-р филол. наук (Москва)
Наталья Владимировна Захарова, д-р филол. наук (Москва)
Ольга Владимировна Богданова, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)
Салават Маркленович Конурбаев, аспирант (Москва)
Светлана Викторовна Бурдина, д-р филол. наук (Пермь)
Татьяна Владимировна Нужная, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)
Хамсех Фард Хананех Садат Бадией, аспирант (Пермь)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(1), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Бадией Х. Ф. Х. С. Хронотоп Востока в романе А. Волоса «Возвращение в Панджруд» / Х. Ф. Х. С. Бадией, С. В. Бурдина, Б. В. Кондаков // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 1. — С. 216—239. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-216-239.

Badiyeh, H. F. H. S., Burdina, S. V., Kondakov, B. V. (2026). Artistic Features of Eastern Chronotope in Andrei Volos's Novel "Return to Panjrud". *Nauchnyi dialog*, 15 (1): 216-239. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-216-239. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Хронотоп Востока в романе А. Волоса «Возвращение в Панджруд»

Бадией Хамсех Фард Хананех Садат

orcid.org/0009-0000-9013-224X

аспирант, кафедра
русской литературы
hannane.badiiei@mail.ru

Бурдина Светлана Викторовна

доктор филологических наук,
заведующий кафедрой, профессор,
кафедра русской литературы,
корреспондирующий автор
svburdina@gmail.com

Кондаков Борис Вадимович

orcid.org/0000-0002-1727-8047
доктор филологических наук,
профессор,
кафедра русской литературы
kondakovb@mail.ru

Пермский государственный
национальный исследовательский
университет
(Пермь, Россия)

Artistic Features of Eastern Chronotope in Andrei Volos's Novel "Return to Panjrud"

Hamseh F. H. S. Badiyeh

orcid.org/0009-0000-9013-224X

Postgraduate student,
Department of Russian Literature
hannane.badiiei@mail.ru

Svetlana V. Burdina

Doctor of Philology,
Head of the Department, Professor,
Department of Russian Literature,
corresponding author
svburdina@gmail.com

Boris V. Kondakov

orcid.org/0000-0002-1727-8047
Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian Literature
kondakovb@mail.ru

Perm State University
(Perm, Russia)

© Бадией Х. Ф. Х. С., Бурдина С. В., Кондаков Б. В., 2026

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье исследуются художественные особенности хронотопа Востока на материале романа А. Волоса «Путешествие в Панджруд». Новизна работы заключается в том, что в ней впервые определяется специфика организации времени и пространства глобальной социоэтнокультурной категории «Восток» и раскрываются их функции в художественном мире произведения. Показано, что хронотоп Востока имеет сложную структуру и включает в себя более простые хронотопы. Уделяется внимание основным локусам пространства романа — ямце, дому (постоянному или временному), городу, которые создают хронотоп повседневности. Доказывается, что помимо хронотопа повседневности в романе представлены хронотоп исторического пространства, соотносённый с эпохой государства Саманидов, хронотоп легендарного пространства, связанный с отдалённым прошлым народов Центральной Азии, а также хронотоп мифопоэтического пространства, которые «надстраиваются» над хронотопом повседневности и придают тексту историко-философскую глубину. Авторы приходят к выводу о том, что основными особенностями хронотопа Востока в романе является его презентация как особого духовного состояния, характеризующего пространство памяти, тесная связь с символикой, представленной в мифологии, фольклоре, литературе народов Центральной Азии, а также воспроизведение хода времени как круговорота, предполагающего постоянное возвращение к началу.

Ключевые слова:

хронотоп Востока; мифопоэтика Востока; ландшафтный код восточной культуры; Андрей Волос; роман *Возвращение в Панджруд*; Рудаки; Бухара; Самарканд.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the artistic characteristics of the chronotope of the East using Andrei Volos's novel "Return to Panjrud" as a case study. The originality of this work lies in its first-time determination of the specifics of organizing time and space within the global socioethnic category of "East," along with an analysis of their functions in the fictional universe of the text. It is demonstrated that the chronotope of the East has a complex structure encompassing simpler chronotopes. Special attention is given to the primary spatial loci of the novel — pit, home (permanent or temporary), city — which collectively form the everyday chronotope. Additionally, it is argued that beyond the everyday chronotope, the novel presents historical space chronotope associated with the Samanid Empire era, legendary space chronotope linked to distant pasts of Central Asian peoples, and mythopoetic space chronotope, which are layered over the everyday chronotope and imbue the text with historical-philosophical depth. Ultimately, the authors conclude that key features of the Eastern chronotope in the novel include its depiction as a unique spiritual state characterizing memory space, close connection with symbolic elements found in the mythology, folklore, and literature of Central Asian peoples, and representation of temporal progression as cyclical movement implying constant return to origin.

Key words:

Eastern chronotope; Mythopoetics of the East; Landscape code of Eastern culture; Andrei Volos; Return to Panjrud novel; Rudaki; Bukhara; Samarqand

Хронотоп Востока в романе А. Волоса «Возвращение в Панджруд»

© Бадиев Х. Ф. Х. С., Бурдина С. В., Кондаков Б. В., 2026

1. Введение = Introduction

Время и пространство — неотъемлемые атрибуты бытия, фундаментальные координаты существования, через которые человек осмысляет окружающий мир. С древнейших времён они становились предметом пристального внимания мыслителей, философов, учёных, художников слова, стремящихся постичь глубинную природу мироздания. Их сложная, многогранная природа является постоянным объектом философского осмысления, порождая множество концепций и интерпретаций.

Хронотоп всегда связан с определённой культурной традицией, и обращение писателя к тому или иному способу организации художественного времени и пространства обычно выражает наиболее значимые особенности мира, преломленные сквозь призму культуры. Особенно интересной оказывается ситуация, когда хронотоп становится способом раскрытия наиболее общих особенностей культуры, — например, её национальной природы или связей с глобальными типологическими категориями, одной из которых понятие «Восток».

Одной из наиболее значимых теоретических разработок литературоведения XX века стало введение М. М. Бахтиным понятия «хронотоп», выражающего «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [Бахтин, 1975, с. 234]. По мысли ученого, время в литературно-художественном хронотопе «сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории»; особенности времени «раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [Там же, с. 235]. Ученый подчеркивал особое значение категории «хронотоп» в системе художественного мира произведения: интерпретация времени и пространства раскрывает не только воспроизведённые в произведении события и их историко-культурный «фон», но и образы персонажей, жанровые и смысловые ориентиры произведения [Там же, с. 234—236].

Идеи М. Бахтина были развиты в работах литературоведов 1970—2000-х годов [Фаликова, 1992; Категоризация мира ..., 1997]. Основным предметом их исследований обычно были особенности хронотопа жанров или литературных эпох, отдельных литературных произведений, локусов [Ларина, 2017], образов [Троицкая, 2015], предметов или мотивов [Соловьёв, 2024]. Специальные исследования сложных хронотопов, связанных с такими глобальными феноменами, как типы культур (в том числе таких, как категория «Восток»), в литературоведении практически не проводились.

Когда мы говорим о «Востоке», то нужно иметь в виду, что этим понятием объединяются три разных типа культур: культура стран Дальнего Востока, Восточной и Юго-Восточной Азии (то есть государств, исторически в культурном плане связанные с Китаем — Японии, Кореи, Вьетнама и некоторых др.), культура Индии (и некоторых сопредельных с нею государств), то есть Южная Азия, и культура «мусульманского Востока» (то есть Западной Азии, включая Ближний Восток и страны Магриба — Северную Африку), частью которой является культура народов Центральной Азии (в том числе персидская культура). Именно этот социоэтнокультурный тип мы и будем иметь в виду, когда в статье будет идти речь о «культуре Востока» и «хронотопе Востока».

Исследование разных форм взаимодействия русской культуры с культурой Востока позволяет раскрыть её национальное своеобразие и особенности взаимодействия с другими народами.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель работы — анализ принципов организации хронотопа (художественного времени и пространства) Востока на материале романа Андрея Волоса «Возвращение в Панджруд» (2013). В процессе исследования используются культурно-контекстуальный, историко-типологический и сравнительно-исторический литературоведческие методы.

Роман «Возвращение в Панджруд» — одно из наиболее ярких произведений первой четверти XXI века, в котором писатель обращается к средневековой истории Центральной Азии. Образ Востока представлен в нём разносторонне — как особого культурного пространства, организующего художественный мир произведения. Главным героем его романа является один из основоположников персидской литературы поэт Абу Абдуллах Джафар ибн Мухаммад Рудаки, живший в IX—X веках. Интересны использованные писателем принципы организации художественного времени и пространства романа: жизнь поэта показана на широком фоне историко-культурных событий, происходивших в Центральной Азии в этот период.

Роман привлёк внимание литературных критиков и литературоведов после того, как он был удостоен премии «Русский Букер» (2014). Литературоведы привлекли идейное содержание романа, также образ великого поэта Рудаки и символика, связанная с этим образом [Логинов, 2014; Саломатин, 2015], особенности жанра [Мескин, 2017; Марачева, 2022], сюжета и связь с русским и мировым литературным контекстом [Кудрин, 2014; Сергеева 2020], его обусловленность национальными традициями [Азизова, 2015].

Э. Ф. Шафранская, например, показала связь произведения с народной культурой и фольклором Центральной Азии, обратила внимание на сложную и неоднозначную жанровую природу романа и определила его как «историческую реконструкцию», для которой характерно погружение читателя в жизнь людей на рубеже IX—X веков. Ею же был сделан интересный вывод об особенностях сюжета произведения, который, по её мнению, «приобретает вид параболы: он не только о том времени — он о всех временах, он о тех проблемах, которые непреходящи, они интересны и насущны для современности» [Шафранская, 2018, с. 621].

Литературовед Т. В. Половинкина раскрыла связь романа с древними мусульманскими (в частности, суфийскими) традициями, а также показала связь городских локусов с проблематикой произведения [Половинкина 2020]. Г. М. Ребель обратила внимание на парадоксы романного времени: «Рудаки, вскочивший на коня и устремившийся во дворец, чтобы своим авторитетом Царя поэтов остановить начавшийся в Бухаре погром “неверных”, вовсе не старик; между его порывом владетельного шейха, наделившего даром поэтической речи свой народ, и его выходом из ямы безвестным нищим слепцом — совсем немного реального времени, но уже на подступах к дворцу он почувствовал: *“изменились свойства самого времени: поток уплотнился, стал жёстче, как будто подготавливая естество к схватке, которую предстояло выиграть”* или проиграть...» [Ребель, 2014, с. 185].

Следует отметить, что ни в одной из работ не был специально исследован образ Востока в романе «Возвращение в Панджруд» и связанный с ним хронотоп Востока, который в этом произведении предстаёт как сложная многослойная структура, выражающая различные аспекты времени и пространства. Согласно терминологии М. М. Бахтина, хронотоп может быть «сложным», «большим», «объемлющим», «существенным», и тогда он «может включать в себя неограниченное количество мелких хронотопов», которые находятся между собой в специфических диалогических отношениях (речь здесь в первую очередь идёт о диалоге автора и читателя) и «могут включаться друг в друга, сосуществовать, переплетаться, сменяться, сопоставляться...» [Бахтин, 1975, с. 400—401].

В романе «Возвращение в Панджруд» представлен именно такой «сложный» хронотоп. В нём реальное пространство Центральной Азии переплетается с легендарным и мифопоэтическим, бытовое — с сакральным, историческое — с философским. Такая организация художественного хронотопа позволяет автору не только создать образ Востока как культурно-цивилизационного феномена, но и воспроизвести в сознании читателя в особое мироощущение, когда дорога, по которой передвигается старый слепой поэт, становится метафорой творческого пути и одновременно символом его души, а пространство обретает смысл в качестве внутреннего ландшафта поэтического сознания — части поэтического мира произведения.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Локусы романа «Возвращение в Панджруд» и хронотоп повседневности

В основу сюжета романа положено описание путешествия, которое совершает ослеплённый поэт Рудаки вместе с юношей-проводником Шеравканом из столицы государства Бухары, где он был заточён в яме, в родной кишлак Панджруд. Жанр путешествия (травелога) предполагает, что физическое перемещение героев сопровождается изменением их внутреннего мира — более глубоким осознанием событий, происходящих в окружающем мире.

Именно этот принцип развивает Андрей Волос: дорога организует художественное пространство и подчиняет логике движения сюжет произведения. Последнее путешествие Рудаки в Панджруд становится *дорогой памяти*, возвращением к истокам, переосмыслением прожитой жизни, а для его молодого спутника их совместное странствие превращается в *обряд инициации*. Дорога соединяет города и эпохи, реальное и воображаемое, личное и всеобщее; она наполняется не только картинами природы, но и внутренними пейзажами души, размышлениями, воспоминаниями, видениями. Она сближает прошлое и настоящее, превращаясь в метафору судьбы поэта, делаясь символом духовного поиска и преображения, местом пересечения судеб людей, а также культурных, исторических и философских смыслов.

Одновременно дорога, по которой следуют герои в Панджруд, оказывается обращенной *в будущее*. Передвижение по ней помогает раскрыть истинное *народное* отношение к поэту и его творчеству, которое не зависит от позиции власть имущих, изменяющейся в зависимости от политической конъюнктуры: молва об идущем по дороге Царе поэтов обгоняет путников, и в каждом кишлаке странников ожидает радушный приём. Народное отношение к Рудаки показывает то место, которое в дальнейшем займёт его творчество в персидской и таджикской культуре.

Художественный мир Востока раскрывается в романе «Возвращение в Панджруд» через отдельные *локусы*, связанные *дорогой*, по которой происходит перемещение главного героя; при этом каждый из описываемых локусов связан с определённым типом художественного *пространства* и соотносённым с ним художественным *временем*.

Наиболее значимыми типами локусов повседневного пространства в романе оказываются *дом* и *город*.

В романе присутствуют локусы *постоянного* и *временного* дома. Постоянный дом — это жилище Хакима (деда Рудаки) в Панджруде, где прошло детство героя; с этим местом связано его ощущение корней, уюта и глубинной принадлежности своему роду. Временные дома — это приюты на пути из Бухары в Панджруд, — например, караван-сарай в Вабкенте и Конаре. Эти локусы — вехи на пути к постоянному дому: они не дают истинного покоя, но позволяют перевести дух, набраться сил перед следующим этапом дороги.

Город — так же, как и дом, — является освоенным человеком пространством и средой его бытия, но — в отличие от *дома* — он в большей степени укоренён в истории и разомкнут в окружающий мир; город организует общественную, социальную жизнь человека, однако устойчивость и порядок в нём относительно и зависят от множества природных и политических факторов: города подвержены разрушениям стихийными силами природы, в них реализуются политические интриги и время от времени вспыхивают бунты, через них проходят завоеватели — и всё это нарушает их кажущуюся стабильность.

Первый локус, связанный с Рудаки, — яма в столичной Бухаре — городе, который постоянно оказывается местом гибели разных людей. Саму яму можно сравнивать с могилой — в ней поэт оказывается лишённым прошлого и будущего, униженным и ослеплённым. Яма — место, где ход времени максимально замедляется, сенсорные ощущения (цвета, запахи, звуки) исчезают, а жизнь человека сводится к удовлетворению элементарных физиологических потребностей: «*Время текло медленно... вязкое время. Прожил день — думал, второго не переживёт. Ничего, прожил и второй... третий... десятый. Дни не отличались друг от друга...*» [Волос, 2014, с. 37]. Яма связывается с представлением о «дне» человеческой жизни, «фатальности» всего происходящего, утраты будущего и необходимости молчания. Однако здесь Восток проявляется как мир, где смерть — не конец, а переход в другое качество: герой остаётся жив и сохраняет надежду на возможное изменение обстоятельств.

Дорога из Бухары в Панджруд занимает у героев несколько недель, однако в романе подробно описаны только первые дни пути, связанные

с остановками в караван-сараях Вабкента и Конара, — и дни, проведённые в родном доме поэта. Но одновременно она вмещает в себя всю жизнь Рудаки и значительную часть истории государства Саманидов.

Первую остановку Рудаки и Шеравкан делают в Вабкенте — небольшом населённом пункте, расположенном недалеко от Бухары. Вабкент можно рассматривать как место перехода от смерти к жизни. Караван-сарай — это замкнутое пространство, квадрат, обнесённый глинобитными стенами, с галереями и клетушками. Он словно продолжает образ *ямы*: если яма — место полной утраты свободы, то караван-сарай — место временного, но всё равно бесприютного существования. Здесь никто не может ощутить себя дома, никто не принадлежит этому пространству, и сам Рудаки оказывается чужим среди таких же чужих. Караван-сарай в Вабкенте соотносится с темой смерти через описание больного хивинца — человека, чьи «слабые стоны» были единственным звуком в пустых коридорах караван-сарая. Его смерть — тихая, без свидетелей — становится аллегорией окончательного завершения прошлой жизни Рудаки, — той, где он был любим и признан. Похороны в Вабкенте — это таинство смерти без трагедии, потому что жизнь в этом месте — это почти небытие. В ритуале последнего прощания с безымянным человеком участвует поэт, который сам совсем недавно был «погребён» в яме, — а теперь он сопровождает в мир мёртвых хивинца, как будто прощаясь не только с его телом, но и со своим прошлым.

Пребывание в Вабкенте демонстрирует важность наличия общинной памяти и сохранения ритуалов, характерных для восточной культуры. В нём всё дышит уважением к прошлому, к предкам, что воплощается в таинстве ухода человека из жизни — и в этом чувствуется глубокая философия Востока, где смерть — не трагедия, а закономерный этап жизненного круга, а жизнь — маленькая частичка грандиозного космического цикла.

Второй караван-сарай, где останавливаются Рудаки и Шеравкан, расположен в кишлаке Конар — месте, наполненном жизнью, светом и восторгом весенней природы. Этот локус становится символом радости, пробуждения и возрождения, противопоставленным унынию и скорби Вабкента.

Конар предстаёт как мир, находящийся в расцвете, наполненный радостью бытия, движением и ярким светом: его описание насыщено нежными цветами, звуками и запахами, которые не только указывают на жизнь и просветление, но и становятся знаками «иного» — духовного — мира. Слияние двух потоков рядом с кишлаком становится знаком творения, начала чего-то нового — и это природное объединение сопровождается союзом человеческим: придя в этот населённый пункт, путники становятся участниками свадебного действа. Описание Конара выражает восточную чувственность: здесь природа и человек сливаются в едином ритме. Вос-

ток, явленный в данном месте, передаёт праздник жизни, одновременно и плотский, и духовный — каким он предстаёт в суфийской поэзии.

Путь Рудаки и Шеравкана завершается в Панджруде — родном кишлаке поэта. Дом поэта представлен, с одной стороны, как «замок» — то есть место силы и устойчивости; с другой стороны, он наполнен историями, связанными с памятью рода и, наполняясь «шумом жизни», продолжает расти вместе с новыми поколениями. Этот дом — *«разросшийся, расплывшийся многочисленными пристройками»* [Там же, с. 53], — подобен целому миру (автор характеризует его как *«самодостаточную вселенную»*), который занимает почти четверть селения, что подчеркивает его важность не только для семьи, но и для всего окружающего пространства.

Характерная для Востока идея дома как центра мира, точки покоя и одновременно силы раскрывается в Панджруде особенно ярко. Образ родного дома обретает сакральное значение. Он становится точкой притяжения и одновременно символом покоя, завершения жизненного круга; это место, где человек может ощутить полноту своего бытия. Для Рудаки обретение дома — это духовное возвращение к самому себе, к своему народу, к изначальному смыслу жизни. Появление поэта в родном доме сопровождается тихим чудом — рождением ребёнка, которое становится метафорой круговорота жизни, знаком продолжения пути и обретения нового смысла жизни. Такой финал символизирует не только возвращение героя *домой*, но и его полное возрождение — и как человека, и как поэта — носителя духовного начала.

Таким образом, каждый локус, представленный в романе А. Волоса, раскрывает сложный, глубокий и эмоциональный вариант восточного мироустройства, то есть раскрывает *ландшафтный код* восточной культуры, в котором нет противопоставления природы и культуры, жизни и смерти, телесного и духовного.

Система локусов, представленных на пути поэта в родной дом, в структуре романа соотнесена с *повседневным, «будничным» временем*, которое создаёт реалистическую основу повествования и придаёт ему достоверность. Время повседневности встраивает внутренние переживания героев в контекст их обыденного существования и одновременно делает образ Востока в романе живым, «плотным», телесным.

3.2. «Хронотоп истории» / Хронотоп исторического пространства

Помимо «повседневного» («реального») пространства, в романе «Возвращение в Панджруд» присутствует *историческое* пространство, соотнесённое с территорией государства Саманидов и конкретной эпохой — X веком, временем его расцвета и одновременно периодом юности, а затем активной творческой деятельности великого поэта Рудаки.

Историческое пространство и связанный с ним хронотоп отличаются от пространства повседневности. Время и пространство *повседневности* замедлено и лишено неожиданных переломов; *историческое* пространство и время обращены в *недавнее* прошлое, очевидцем которого был сам поэт: это период судьбоносных для жизни героев решений, которые непосредственно влияют на современность и раскрывают причинно-следственные связи, определяющие описываемые события и ход времени в целом.

Историческое пространство выполняет в романе важную функцию: оно дополняет и углубляет восприятие реальности, становясь неотъемлемой частью сложной пространственно-временной структуры произведения, «укореняет» художественный текст в конкретной культурной и геополитической реальности. Историческое время становится своеобразным «мостом» между прошлым и настоящим, художественным вымыслом и подлинной историей; оно погружает читателя в атмосферу Востока X века и помогает осознать преемственность эпох и значимость культурного наследия.

Историческое время и пространство в романе становятся *фоном*, на котором разворачивается внутренняя драма главного героя; история оказывается материалом, который позволяет осмыслить причины изгнания героя, поставить философский вопрос о пределах власти и попытаться определить способы поиска истины. Историческое время романа углубляет его смысловое пространство и раскрывает неразрывную связь между судьбой личности и историко-культурным процессом.

Обращение к историческому времени позволяет углубить восприятие отдельных локусов. Так, например, раскрывается локус родного дома поэта в Панджруде. В разделе «Джафар» описывается, как герой впервые покидает родной Панджруд и отправляется на учёбу в Самарканд. Перед отъездом он осознаёт, что «здесь, за стеной, остаётся самый тихий, самый тёплый и надёжный мир из тех, по коим предстоит ему странствовать» [Там же, с. 68]. Эти слова, наполненные тихой печалью и нежной привязанностью к дому, передают предчувствие утраты: герой понимает, что, переступая порог, он покидает уютный и защищённый, наполненный покоем мир, который, возможно, уже никогда не попадётся на его пути.

Когда Джафар прощается с Шахбазом Бухари (скорее всего, навсегда), он вновь вспоминает Панджруд, — но теперь в словах героя звучит не только ностальгия, но и стремление к обретению стабильности: «Засядем как в крепости, оттуда не выкурат. Там всё своё...» [Там же, с. 268]. Родной дом предстаёт как последний оплот — крепость, в которой человек может укрыться от бурь и тревог внешнего мира. Для Джафара это символ силы, защиты и внутреннего покоя: в нём «всё своё» — значит, понятно и

дорого сердцу; это пространство, в котором человек «укоренён», не чувствует себя чужим и ничто внешнее не может смутить его дух.

Хронотоп исторического пространства определяет развитие сюжета, объясняет судьбу героев, создаёт драматическое напряжение и придаёт повествованию документальную достоверность, что подчёркивается точной датировкой описываемых событий; он проявляется через сознание персонажей, выражается в их мировоззрении, отражает происходящие в мире перемены. Описывая быт людей и их обычаи, поступки исторических лиц и связанные с ними политические интриги, автор раскрывает сложный контекст эпохи, в которой историческое и художественное тесно переплетены. Образы исторических личностей, таких как эмиры Наср и Нух, визири Джайхани и Балами, помогают читателю воссоздать политическую атмосферу, представить нравы общества, то есть сформировать достоверную картину исторической реальности.

3.3. Хронотоп легендарного пространства / «Легендарный хронотоп»

Помимо *повседневного* и *исторического* в романе присутствует *легендарное* пространство (в том числе использующее мифологические источники), соотнесённое с событиями древней истории региона, которое придает повествованию особую глубину. Легендарное пространство гораздо шире, чем историческое пространство, связанное с государством Саманидов, — это, скорее, территория Центральной Азии. Соотнесённое с легендарным пространством художественное время можно сопоставить с пространством историческим, однако оно обращено в *отдалённое* прошлое, отразившееся в древних легендах и мифологических преданиях, — к истории земли Мавераннахра, древнего государства Согд и его великих городов — Бухары и Самарканда, относящихся, согласно представлениям обитателей этих земель, к «четырёх райским местам» и ставших символами величия и высокой культуры (и в этом плане оно *дополняет* исторические пространство и время). Поэтому персонажи, соотнесённые с этим хронотопом, нередко являются не только историческими, но и *мифологическими* героями.

В романе «Возвращение в Панджруд» описываются два города — Бухара и Самарканд, образы которых создаются при помощи трёх типов хронотопа — повседневного, исторического и легендарного.

История Бухары и Самарканда, тесно переплетённая с историей древней Персии, своими корнями уходит в глубокую древность. Бухара была центром политической власти, а Самарканд — духовным и религиозным оплотом этих земель (отметим, что функции этих городов нередко менялись). За время своего существования города пережили множество трагических и одновременно героических событий, прежде всего вторжения

захватчиков (от греков и кушанов до гуннов, тюрков и монголов), каждый из которых оставил свой след в культуре Центральной Азии. Однако, несмотря на разрушительные нашествия, эти города на протяжении многих веков сохраняли свою ключевую роль в политической, экономической и социальной истории региона: они были центрами цивилизации и демонстрировали высокий уровень развития науки, литературы и искусства.

Большинство глав романа «Возвращение в Панджруд» посвящено «великой и благородной» Бухаре. С одной стороны, Бухара — это место, с которым было связано множество конфликтов и войн; здесь непрерывно велась борьба за власть, ради достижения которой отвергались все общечеловеческие ценности: именно в ней повар Абу Бакр замышляет заговор против эмира, сын Нух предаёт своего отца, эмира Назра, а поэта Рудаки ослепляют и бросают в яму. С другой стороны, это город, в котором, несмотря на жестокость всего происходящего, простые люди продолжают верить в справедливость.

Эта вера людей в существование справедливости поддерживается легендами, которые воспроизводятся в романе (о приходе имама Махди, о деяниях Сияуша и Афрасиаба). Например, легенда о Сияуше и Афрасиабе позволяет читателю провести параллель между могилой Сияуша, лишившегося своей силы, и судьбами узников в Кухандизе, которые находятся перед неизвестностью, ожидая решения своей участи.

Аналогичным образом изображается и Самарканд. Самарканд предстает в произведении как место учёбы Рудаки и его рождения как поэта. Характеристика города насыщена многочисленными подробностями, обращение к которым делает картину описываемых событий зримой. Это город творческой свободы, в котором существует уникальная Стена поэтов, где любой человек может «опубликовать» результаты своего творчества, открыто вступив в творческое соревнование с другими поэтами. И, наконец, в Самарканде живут хорошие люди — «умильно приветливые», «радушные», «готовые на любую услугу» [Волос, 2014, с. 230], — среди которых имеются квалифицированные читатели, которые могут оценить произведения, размещённые на Стене поэтов.

Возникновение города связано с легендой о загадочном царе древнего государства Турана, строителе-маге Афрасиабе, которая уходит в глубокую древность: «Говорили, маг построил много дворцов и городов, но этот — Самарканд — оставался лучшим и любимым. Он сделал его столицей мира, и все цари пришли поклониться ему и подтвердить покорность» [Волос, 2014, с. 237].

На протяжении всего романа Самарканд сопоставляется с Бухарой. По воле правителя Назра всё ценное и лучшее сосредотачивается в Бухаре,

что усиливает её величие и символическую мощь; Самарканд же, несмотря на легендарную славу, оказывается в тени, но это не мешает присутствию в нём напряжённой культурной жизни, что делает его в глазах молодого Джафара местом, куда он стремится попасть: *«Так долго мечтаемый, Самарканд восставал из небытия, вращался в настоящее, как вращаются в сознание города снов и сказок; он возвышался, неудержимо наплывал, слепя своим блеском, шумно торжествуя, владея и решая судьбу»* [Там же, с. 223]. Если Бухару, представленную в романе, можно было бы называть «политическим городом», то Самарканд — «городом поэтическим». Уход поэта из Самарканда интерпретируется как утрата части величия и исходящего из него света. *«Самарканд в сумерках! Самарканд в печали и грусти!.. О нет, дорогой Назр, только при твоём дворе можно увидеть весь этот блеск, только при твоём»*, — так сообщает визирь Балами эмиру Назру о переезде Рудаки в Бухару [Там же, с. 208].

Хронотоп, соотнесённый с легендарным пространством, выполняет в романе важную художественную и смысловую функцию. Он соединяет индивидуальную судьбу поэта с коллективной исторической памятью, вплетая личный путь Рудаки в древние предания и мифы региона. Образы Бухары и Самарканда, как бы «прорастающие» сквозь время из далёкого прошлого в современность, создают картину мира, насыщенную историко-культурными смыслами и эпической масштабностью. Легенды расширяют художественное пространство и время романа, формируют в нём атмосферу древности, в которой каждый шаг героя отзывается эхом далёких эпох, а земли Центральной Азии связываются с мудростью и духовной глубиной.

3.4. Хронотоп мифопоэтического пространства

В романе А. Волоса присутствует также пространство *мифопоэтическое*, которое как бы «вырастает» из повседневного, исторического и легендарного пространства / времени и «надстраивается» над ними.

Мифологическая картина мира обычно описывается в системе бинарных оппозиций, противопоставлений. В романе представлен мифологический образ мира, развёрнутый как по горизонтали, так и по вертикали. Горизонтальное измерение образуется перемещением по отдельным локациям, которые соединяются *дорогами* и *реками*. Вертикальное измерение охватывает подземный мир, символом которого становится яма, «средний» «наземный» мир, связанный дорогой, и «верхний» мир — возвышенности и горы, а также звёздное небо.

Одной из значимых мифологем романа становится образ горы. О'Коннелл и М. Эйри подчёркивают: «Горы — это естественный символ части земли, наиболее близкой к небу, где люди могут общаться с богами. Высокий пик часто считается священным в местной культуре, так как яв-

ляется осью, соединяющей Небо и Землю. Моисей взойшёл на гору Синай, чтобы получить десять заповедей. Иисус вознёсся на небо с горы Елеонской» [О'Коннелл, 2008, с. 194].

Связь мифологеми «гора» с духовным возрождением и преображением человека подчёркивают и другие исследователи. Так, например, О. В. Вовк отмечает: «...Гора — величественный природный символ *вечности, превосходства, постоянства, чистоты, гармонии, устремлённости и духовного подъёма*. Во все века люди с восхищением и благоговением взирали на заснеженные пики гор, взметнувшиеся выше облаков и пронзающие сами небеса. Неудивительно, что у древних народов горы считались местом соединения неба и земли, центром или осью мира, обителью бессмертных богов. Вершины гор рассматривались как пуп Земли, а иногда — как вход в тоннель, откуда начинается дорога в Царство Мертвых» [Вовк, 2008, с. 94—95].

А. Волос наделяет мифологему «гора» философской глубиной, превращая путь к ней в знак духовного восхождения — метафору внутреннего роста, очищения и постижения истины. Путь Рудаки и Шеравкана из Бухары в Панджруд — это постепенное *восхождение* — не столько в физическом, сколько в *духовном* смысле. Описывая рельеф местности и медленный подъём героев, автор показывает, что такое перемещение имеет глубокий смысл: каждый шаг становится этапом на пути героев к пониманию друг друга, внутреннему преображению — и одновременно знаком перехода от хаоса к гармонии, от физической слепоты к духовному озарению.

Уже в самом начале пути героев раскрывается пейзаж, наполненный символическим содержанием: «*Дорога ползла по косогору, понемногу забирая выше*» [Волос, 2014, с. 69]. Движение вверх, первоначально кажущееся неторопливым и почти незаметным, закладывает основу дальнейшей философии пути — постепенного, медленного, но неизбежного приближения к горам.

После выезда из Вабкента дорога вновь раскрывается как плавное, текучее восхождение — её повороты вторят ритму постепенного внутреннего перерождения: «*Дорога огибала пологий холм. Казалось, что холм подрагивает, зыблется — но это просто высокая трава на его верхушке волновалась и текла под порывами ветра* [Там же, с. 290].

Кульминация восходящего маршрута — прибытие в Панджруд, окрашенное светом печального озарения. Вернувшись в родные края, Рудаки просит Шеравкана взглянуть на гору, которую он помнил с юности, связанную с детским восхищением, безмятежностью, первым ощущением красоты.

Восприятие горы соотносено с ходом времени: гора символизирует вечность и неизменность — в отличие от быстро текущей жизни человека;

с ходом времени объединено и восприятие горы: её красота и связанные с ней философские ассоциации оказываются недоступными для юноши Шеравкана.

Таким образом, в романе А. Волоса гора предстаёт как многозначный символ, наделённый глубокой философской значимостью: она олицетворяет духовное восхождение и стремление к самосовершенствованию, что позволяет осмысливать путь героев как метафору личных трансформаций; горы становятся символом вечности, связи неба и земли, а также пространством, где возможна встреча с божественным.

Особую роль играет в романе описание неба. По дороге из Бухары в Панджруд Рудаки рассказывает Шеравкану про звёзды: *«Вон южная клешня Скорпиона. Видишь? Кривая такая... А вот северная клешня. Вот Ковш. Эти две, что образуют стенку Ковша, называются “Указатели”... вон куда они указывают — на Северную звезду. <...> Между прочим, совсем рядом с Мицаром, совсем близко — звёздочка “Алькор”, то есть “незначительная”. Видишь её?»* [Волос, 2014, с. 287—288].

В романе «Возвращение в Панджруд» раскрывается особая восточная — исламская и, в частности, иранская — модель звёздного неба, наполненная мифопоэтическим и философским смыслом. В мусульманских странах наблюдение за небесными телами — звёздами и созвездиями — обрело не только астрономическое, но и сакрально-астрологическое толкование: звёзды рассматривались в качестве символов человеческих судеб, проводников воли небес, знака того, что земная жизнь человека неотделима от событий космических.

Рассказ Рудаки о звёздах — не урок астрономии, а поэтическое размышление о мировом порядке, о Вселенной, где каждое небесное тело имеет собственное имя и судьбу. Небо предстаёт как «письменность мироздания» — космическая рукопись, которая помогает людям лучше разобраться в законах вселенной. Интересно отметить, что в поэзии Рудаки можно встретить немало размышлений о космосе и о влиянии небесных тел на жизнь человека. В касыде «О старости»¹ поэт обращается к теме неизбежности телесного увядания и ищет глубинные причины этого явления.

1 Считается, что Рудаки являлся автором ста поэтических сборников, каждый из которых содержал приблизительно тринадцать тысяч стихов, что в сумме составляет один миллион триста тысяч стихотворений (бейтов). Однако большинство произведений Рудаки было утрачено в результате бедствий монгольского нашествия, обрушившегося на Иран (и особенно на Мавераннахр) между 1219 и 1258 годом [Нафиси, 1962, с. 434]. Из этого количества стихотворений (бейтов) предположительно сочинённых Рудаки, сохранилась лишь малая часть — около тысячи; остальные были безвозвратно уничтожены. До нашего времени дошли лишь две крупные касыды — «О старости» и «Мать вина», и оба этих текста были использованы А. Волосом в романе. Стихи, представленные в данном разделе, входят в состав оды «О старости».

Он задается вопросом, не является ли причиной происходящего злое влияние *Сатурна* — планеты, которая в астрологии традиционно ассоциируется с печалью, бедами и разрушениями:

Вдруг сразу выкрошились все. Откуда зло взялось?

Иль, может, яростный Сатурн расправился со мной?

[Рудаки и поэты его времени ..., 1985, с. 45].

Однако поэт тут же отказывается от этой версии, предлагая другое объяснение:

Нет, здесь Сатурн не виноват и годы ни при чем,

Сказать, что было? Эта казнь ниспослана судьбой [Там же, с. 46].

Переход от астрологического к метафизическому объяснению отражает зрелость мышления поэта. Рудаки признаёт, что старение — не случайность и не каприз звёзд, а проявление вечных божественных законов, предопределяющих течение жизни. Поэт приходит к суждению, в котором смирение перед Божественным Провидением сочетается с философским принятием неизбежного.

Стихи выражают восточное восприятие судьбы как части космического порядка, в котором страдание объясняется не случайными событиями жизни, а законами Вселенной, порождающими гармонию бытия. Это позволяет А. Волосу обратиться в романе к картине мира Рудаки, согласно которой человек мыслится неотделимым от мироздания — подчинённым звёздам, — не слепо, а осознанно, в смирении и мудром согласии с вечным законом.

Особое внимание в романе уделено «ковшу» — семи ярким звёздам Большой Медведицы. В интерпретации Рудаки эти звёзды символизируют погребальную процессию: впереди идут плакальщицы, за ними — распорядитель похорон, а замыкают шествие носилки с телом умершего человека. Эта метафора соединяет небо и землю, жизнь и смерть, вечность и бренность, а звёзды оказываются участниками неизменного ритуала.

Ещё один предмет, связанный с пространственной вертикалью, — *посох*, который в «Словаре символов и знаков» трактуется как «символ магической силы» и важнейший атрибут странника — путника, ищущего истину. И в христианской, и в индуистской, и в мусульманской традициях он также интерпретировался в качестве символа духовной или религиозной власти. Все эти значения воплощались в образе «средневекового отшельника — олицетворения чистоты и духовного наставничества», проводника между мирами, для которого путь и есть форма бытия» [Словарь символов и знаков ..., 2004, с. 330—331]. Таким образом, посох акцентирует не только *горизонталь* движения — пространство дороги, — но и его *вертикаль* — внутреннюю духовную опору, ориентированную на обретение выс-

шего смысла, направленного к небу и Богу. Посох становится невидимой осью, соединяющей землю и небо, тело и дух, путь и его цель — истину.

Слепой поэт Рудаки на протяжении всей дороги опирается на палку, которая вначале кажется простым бытовым предметом, необходимым для передвижения: «*А скажи, не пожертвуешь ли страннику какую-нибудь палку?*» [Волос, 2014, с. 48]. Однако по мере развития повествования посох обретает символическое значение — он становится неотъемлемой частью образа поэта-странника, человека, находящегося в пути не только телесно, но и духовно. Слепой с посохом в руке становится живой метафорой: его глаза не видят, однако мир открыт внутреннему взору; он опирается на обычную палку, но движется по пути, ведущему к высшей истине. Посох превращается в знак связи между мирами — земным и небесным, физическим и метафизическим; это инструмент, необходимый для перемещения в пространстве, и одновременно символ внутренней стойкости, веры и надежды. Таким образом, движение поэта происходит в двух планах: горизонтальном — из Бухары в Панджруд — и вертикальном — от тьмы к свету, от лжи к истине и просветлению.

Как было отмечено, большую роль в организации художественного пространства романа играет не только *вертикаль*, но и *горизонталь*, которая представлена *дорогой* и *рекой*.

Мифологема дороги имеет в культурах разных народов множество значений, но основным из них является *соединение* (или, наоборот, *разъединение*) разных типов пространства (реальностей) — «своего» и «чужого», по отношению к которым она является пространством «промежуточным», «амбивалентным». Говоря о мифопоэтическом значении дороги, А. К. Байбурин отмечал: «...Дорога соединяет свой мир с чужим, а на уровне ритуально-мифологических значений является началом или продолжением мира мёртвых» [Байбурин, 1993, с. 155]. Процесс перемещения в мифопоэтическом смысле становится важен не сам по себе, а как следствие разделения миров.

Перемещение Рудаки и его спутника из Бухары в Панджруд имеет двойкий смысл: с одной стороны, Бухара — это мир, который долгое время был для поэта «своим», то есть «миром жизни», превратившимся для него в «мир смерти»; с другой стороны, родной Панджруд, являвшийся местом рождения, становится последним прибежищем героя, где в дальнейшем появляется его могила.

Другим важным элементом сакральной топографии оказывается водный поток, *река*. В отличие от дороги, соединяющей локусы по мировой горизонтали, река может выступать в функции «стержня вселенной, мирового *пути*, пронизывающего верхний, средний и нижний миры...

[Мифы народов мира ..., 1988, с. 374], то есть миры душ, которые должны родиться в будущем, живых людей и умерших. В то же время течение реки (рек) определяет структуру пространства: «На мусульманских персидских миниатюрах <...> изображаются четыре потока воды, растекающихся по четырём направлениям из-под райского дерева туба...» [Там же]. Река может и соединять, и разделять части пространства (по горизонтали или по вертикали), миры людей и богов, быть источником жизни или, наоборот, внушать ужас, а её преодоление позволяет герою обрести новый статус.

В отличие от «горы» и «мирового дерева», связанных с мифологической «осью мира», то есть космической «вертикалью», река в религиозно-мифологическом сознании многих народов рассматривалась как связующее начало отдельных частей мира по *горизонтали*. Река («поток») могла также интерпретироваться как «дорога предков», соединяющая миры живых и мёртвых, и как символ необратимости процессов бытия, непрерывного обновления и очищения человека [Словарь символов и знаков ..., 2004, с. 331]. В романе А. Волоса река ассоциируется не только с определённым пространством (например, с кишлаком Конар, рядом с которым сливаются два потока), но и с литературным псевдонимом, избранным поэтом ещё в юности: «Руд — поток... Рудак — речушка, ручей. Скорее даже — ручеёк. Может быть, Рудаки? Сидящий у ручья... у тихого ручья... Мелодично журчащий ручей — это же не мощная река, гремющая камнями в потоке... это тихий ласковый говор, пленительный лепет. Рудаки?..» [Волос, 2014, с. 264]. Сам факт соотношения имени с водной стихией подчёркивает её «мироустраивающую» функцию и указывает на глубокую связь человека с его небесным праобразом, которым становится космическая река.

Путь Рудаки можно интерпретировать как символическое прохождение по структуре Мирового дерева — архетипического образа, известного во многих мифологических системах и религиях и выполняющего роль «оси мира», соединяющей нижний (подземный), средний (земной) и верхний (небесный) миры. Яма и караван-сарай в Вабкенте соотносены с нижним, подземным уровнем Мирового дерева — миром смерти, забвения, молчания. Сюда поэт падает как мёртвое семя, лишённый зрения, власти, надежды на будущее. Караван-сарай в Конаре, где проходит свадьба, соотносён с «земным» уровнем — миром людей. Это «ствол» дерева, где движутся соки, кипит жизнь, где рождается слово, — и именно там поэт возвращается в ритм бытия; это пространство равновесия, противоположного смерти, а также начало духовного *вознесения*. Панджруд соотносён уже с верхним уровнем — миром *духа*, связанным с будущим и светом.

Рождение ребёнка в Панджруде (то есть появление новой души), происходящее в момент возвращения поэта в родной дом, можно рассматривать как возможность обретения новой — духовной — жизни.

Мифопоэтическое пространство, представленное в романе А. Волося «Возвращение в Панджруд», создаёт особый тип *хронотопа*, который связывает реальное пространство с «вечным» и «вневременным». *Мифопоэтическое время* в романе опирается на ключевую цитату из оды Рудаки: «*Прошлое когда-то было будущим, / И будущее когда-то станет прошлым*» [Волос, 2014, с. 637], — которую писатель приводит и в начале романа, и в его финале. Эти строки становятся философским обоснованием всей временной конструкции произведения. В отличие от обычного «линейного» восприятия времени, согласно которому прошлое, настоящее и будущее следуют друг за другом в строго определённой последовательности, в романе «Возвращении в Панджруд» время представлено как *круговорот*, предполагающий постоянное возвращение к началу. Каждый момент несёт в себе одновременно и отсвет ушедшего, и проблеск грядущего: будущее рождается из памяти, а прошлое продолжает жить, воздействуя на поступки и мысли героев.

Такое представление о времени было характерно для восточной философии, в которой временной круг символизировал не только цикличность жизни, но и возможность духовного обновления и возвращения к истоку. В этом контексте путь Рудаки — это не только путь по земле, но и движение во времени, в котором прошлое и будущее растворяются в едином поэтическом настоящем.

Иранский исследователь И. Хасанзаде отметил, что понятие времени в восточной культуре значительно отличается от линейной, «прогрессивной» модели, присущей западной традиции. На Востоке время воспринимается как текучее, круговое, повторяющееся и сопряжённое с сакральным. Оно не делится строго на прошлое, настоящее и будущее, а существует как единый пласт, в котором память и судьба, сны и реальность могут сосуществовать одновременно [Хасанзаде, 2015, с. 4]. Мы полагаем, что хронотоп в художественном мире романа «Возвращение в Панджруд» полностью соответствует указанным критериям.

Концепция времени, реализованная в романе А. Волося, в чём-то близка ощущению времени, выраженному Н. Бердяевым, воспринимавшим его как «величайшую метафизическую тайну» и «сплошной парадокс» [Бердяев, 1991, с. 292]. Философ отмечал: «Красота прошлого не есть красота эмпирического бывшего, это есть красота настоящего, преображенного прошлого, вошедшего в настоящее. Прошлое, вероятно, этой красоты не знало. Красота развалин не есть красота прошлого, это красота настоящего».

го...» [Там же]. И в той же книге: «Мысль о времени мне представляется глубоко противоречивой. Будущее легко может стать прошлым, прошлое будущим» [Там же, с. 307].

Таким образом, мифопоэтическое время и пространство становятся в романе важнейшим инструментом построения художественного мира Востока: они «надстраиваются» над повседневным, историческим и легендарным временем и пространством; помимо этого данный хронотоп выражает философские установки и эстетические принципы восточного мышления, в котором время рассматривается не как способ перехода в будущее, а как постоянное возвращение к истоку, к дому, к Богу.

4. Заключение = Conclusions

Проделанный анализ показал, что пространственно-временная структура романа отличается многослойностью; в ней органично сочетаются повседневное, мифопоэтическое, легендарное, историческое измерения. Повседневное время выражается в будничных заботах и других обычных человеческих действиях; легендарное — в воспроизведении народных преданий; историческое — в отсылках к конкретным событиям, реальным личностям и культурному контексту эпохи; мифологическое время придаёт повествованию глубину и универсальность, превращая частную судьбу героя в путешествие, восходящее к архетипам культуры, существующим вне конкретной хронологии — в пространстве символических повторений. Все эти хронотопы пронизывают друг друга, создавая богатый и философски насыщенный художественный мир, в котором прошлое и будущее существуют в едином поэтическом настоящем.

Воссозданный в произведении художественный мир дает читателю возможность представить дорогу, по которой движется герой, мысленно увидеть города и окружающую людей природу. Такая структура художественного мира романа делает его *метафизическим*: в нём объединяются время и пространство, история и миф, личное и вселенское. Это хронотоп Востока, в котором поэзия становится ключом к познанию истины, а путь поэта — способом внутреннего пробуждения, обращения к памяти и достижения бессмертия в слове.

В романе А. Волоса хронотоп является ключевым принципом моделирования художественного мира Востока. Сложное переплетение смыслов «частных» пространственно-временных структур, соотнесённых с повседневностью, историческим, легендарным и мифопоэтическим измерениями, порождает особый художественный хронотоп, в котором Восток представлен как пространство глубинной памяти, создающий многогранный образ восточной культуры и ментальности.

Пространство и время, пронизанные символами дороги, дома, города, оказываются тесно связанными с восточным ощущением хода времени, где прошлое, настоящее и будущее сосуществуют одновременно, плавно перетекая друг в друга. Этот сплав временных и пространственных пластов формирует уникальный хронотоп Востока как особого духовного состояния — пространства памяти, глубоких философских размышлений, мечты и духовного восхождения. Именно в рамках такого хронотопа происходит художественное осмысление судьбы Рудаки — поэта, превращающегося в символ постоянного развития, преодоления трудностей и внутреннего просветления. Благодаря такой структуре хронотопа роман А. Волоса становится глубокой метафизической притчей, в которой время оказывается способом постижения истины и причиной внутренней трансформации героя.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Вовк О. В. Энциклопедия знаков и символов / О. В. Вовк. — Москва : Вече, 2008. — 528 с. — ISBN 5-9533-1487-6.
2. Волос А. Г. Возвращение в Панджруд / А. Г. Волос. — Москва : ОГИ, 2014. — 640 с. — ISBN 978-5-94282-689-5.
3. Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. 2-е изд. / Гл. ред. С. А. Токарев. — Москва : Советская энциклопедия, 1988. — Т. 2. К — Я. — 719 с.
4. О'Коннелл М. Знаки и символы. Иллюстрированная энциклопедия / М. О'Коннелл, Р. Эйри ; [пер. И. Крупичевой]. — Москва : Эксмо, 2008. — 256 с.
5. Рудаки и поэты его времени : сборник / пер. с перс.-тадж. ; вступ. ст., сост. и примеч. Р. Хади-заде. — Ленинград : Советский писатель, 1985. — 272 с.
6. Словарь символов и знаков : сюжеты и явления в символах / авт.-сост. Н. Н. Роголевич. — Минск : Харвест, 2004. — 512 с. — ISBN 985-13-2414-0.

Литература

1. Азизова З. Т. Культурно-национальная маркированность языковых единиц в романе Андрея Волоса «Возвращение в Панджруд» / З. Т. Азизова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2015. — Т. 21. — № 3. — С. 166—169.
2. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурносемантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. — Санкт-Петербург : Наука, 1993. — 240 с.
3. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе : Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. — Москва : Художественная литература, 1975. — С. 234—407.

4. Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии) / Н. А. Бердяев. — Москва : Книга, 1991. — 448 с. — ISBN 978-5-389-10422-8.
5. Категоризация мира : пространство и время: материалы научной конференции. — Москва : Диалог-МГУ, 1997. — 250 с.
6. Кудрин О. В. Поэт и тинейджер / О. В. Кудрин // Вопросы литературы. — 2014. — № 4. — С. 196—206.
7. Ларина Н. А. Мифологизация хронотопа больницы в произведениях Леонида Андреева (на материале произведений «Жили — были» и «Гостинец») / Н. А. Ларина // Успехи современной науки. — 2017. — Т. 3. — № 4. — С. 159—162.
8. Логинов И. Андрей Волос. «Возвращение в Панджруд» / И. Логинов // Вопросы литературы. — 2014. — № 3. — С. 122—124.
9. Марачева А. В. Художественное своеобразие прозы Андрея Волоса / А. В. Марачева // Перекрёстки взаимодействий : диалог русской и зарубежной литературы во времени и пространстве : материалы Восьмых Международных научных чтений : в 2-х ч. — Калуга : Калужский государственный университет, 2022. — Ч. 1. — С. 83—90.
10. Мескин В. А. Опыт эпопеи в современной прозе. Эпическое и историческое в тетралогии Андрея Волоса «Судные дни» / В. А. Мескин // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия : Литературоведение. Журналистика. — 2017. — Т. 22. — № 2. — С. 237—245.
11. Половинкина Т. В. Приметы древнего мусульманского мира в романе А. Волоса «Возвращение в Панджруд» / Т. В. Половинкина // Universum : Филология и искусствоведение. — 2020. — № 11 (78). — С. 19—21. — DOI: 10.32743/UniPhil.2020.78.11.19-21.
12. Ребель Г. М. Цена слова / Г. М. Ребель // Вопросы литературы. — 2014. — № 4. — С. 183—195.
13. Соломатин А. В. Лекарь поневоле и странствующий слепец. О романах Евгения Водолазкина и Андрея Волоса / А. В. Соломатин // Вопросы литературы. — 2015. — № 4. — С. 100—118.
14. Сергеева Э. С. Образ культурного пространства романов Л. Соловьева «Повесть о Ходже Насреддине» и А. Волоса «Возвращение в Панджруд» / Э. С. Сергеева // Экономика и социум. — 2020. — № 11 (78). — С. 1275—1278.
15. Соловьёв А. В. Хронотоп вещи или вещь хронотопа : вещь как структуризатор пространства и времени / А. В. Соловьёв // Неофилология. — 2024. — № 10 (3). — С. 733—742. — DOI: 10.20310/2587-6953-2024-10-3-733-742.
16. Рашед Мохассел М. Проявления горы в древней Персии с учетом её отражения в персидской литературе / М. Рашед Мохассел, М. Бехнамфар, М. Заманипур // Журнал иранских исследований. — 2012. — № 21. — С. 119—146. — DOI: 10.22034/bagh.2019.86875. [на персидском языке].
17. Троицкая А. Л. К вопросу о хронотопе художественного произведения как антропоцентрический элемент хронотопа / А. Л. Троицкая // Актуальные проблемы современной лингвистики : сборник научных статей. — Санкт-Петербург : [б. и.], 2015. — С. 94—97. — ISBN 978-5-7310-3410-4.
18. Фаликова Н. Э. Хронотоп как категория исторической поэтики / Н. Э. Фаликова // Проблемы исторической поэтики. — 1992. — № 2. — С. 45—57.
19. Шафранская Э. Ф. Роман Андрея Волоса «Возвращение в Панджруд» : реконструкция повседневности Мавераннахр и судьбы поэта Рудаки / Э. Ф. Шафранская // Полилингвильность и транскультурные практики. — 2018. — Т. 15. — № 4. — С. 618—627. — DOI: 10.22363/2618-897X-2018-15-4-618-627.

20. Хасанзаде И. Проявление мифологического времени и пространства в иранских общественных движениях первых трех веков хиджры / И. Хасанзаде, К. Маздапур, З. Нури // Исторические очерки / Институт гуманитарных наук и культурологии. — 2015. — № 2. — С. 1—19. [на персидском языке].

Статья поступила в редакцию 09.08.2025,
одобрана после рецензирования 02.12.2025,
подготовлена к публикации 20.01.2026.

Material resources

- Dictionary of symbols and signs: plots and phenomena in symbols.* (2004). Minsk: Harvest. 512 p. ISBN 985-13-2414-0. (In Russ.).
- O'Connell, M., Airy, R. (2008). *Signs and symbols. The Illustrated Encyclopedia.* Moscow: Eksmo. 256 p. (In Russ.).
- Rudaki and the poets of his time: a collection.* (1985). Leningrad: Soviet Writer. 272 p. (In Russ.).
- Tokarev, S. A. (ed.). (1988). *Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in 2 vols., 2.* Moscow: Soviet Encyclopedia. 719 p. (In Russ.).
- Volos, A. G. (2014). *Return to Panjrud.* Moscow: OGI. 640 p. ISBN 978-5-94282-689-5. (In Russ.).
- Vovk, O. V. (2008). *Encyclopedia of signs and symbols.* Moscow: Veche. 528 p. ISBN 5-9533-1487-6. (In Russ.).

References

- Azizova, Z. T. (2015). Cultural and national labeling of linguistic units in Andrei Volo's novel "Return to Panjd". *Bulletin of Kostroma State University named after N. A. Nekrasov*, 21 (3): 166—169. (In Russ.).
- Baiburin, A. K. (1993). *Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of East Slavic rituals.* Saint Petersburg: Nauka Publ. 240 p. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1975). Forms of time and chronotope in the novel: Essays on historical poetics. In: *Questions of literature and aesthetics: Studies of different years.* Moscow: Fiction. 234—1407. (In Russ.).
- Berdyayev, N. A. (1991). *Self-knowledge (Experience of philosophical autobiography).* Moscow: Book. 448 p. ISBN 978-5-389-10422-8. (In Russ.).
- Categorization of the world: space and time: proceedings of a scientific conference.* (1997). Moscow: Dialog-MSU. 250 p. (In Russ.).
- Falikova, N. E. (1992). Chronotope as a category of historical poetics. *Problems of historical poetics*, 2: 45—57. (In Russ.).
- Hasanzadeh, I., Mazdapur, K., Nuri, Z. (2015). The manifestation of mythological time and space in the Iranian social movements of the first three centuries of the Hijri. *Historical essays / Institute of Humanities and Cultural Studies*, 2: 1—19. (In Persian).
- Kudrin, O. V. (2014). Poet and teenager. *Questions of literature*, 4: 196—206. (In Russ.).
- Larina, N. A. (2017). Mythologization of the hospital chronotope in the works of Leonid Andreev (based on the works "Once upon a Time" and "The Gift"). *Successes of modern Science*, 3 (4): 159—162. (In Russ.).
- Loginov, I. (2014). Andrey Volos. "Return to Panjrud". *Questions of literature*, 3: 122—124. (In Russ.).

- Maracheva, A. V. (2022). The artistic originality of Andrei Volo's prose. In: *Intersections of interactions: a dialogue between Russian and foreign literature in time and space: materials of the Eighth International Scientific Readings: in 2 parts, 2*. Kaluga: Kaluga State University. 83—90. (In Russ.).
- Meskin, V. A. (2017). The experience of epic in modern prose. Epic and Historical in Andrei Volos's tetralogy "Doomsday". *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Literary Studies. Journalism*, 22 (2): 237—245. (In Russ.).
- Polovinkina, T. V. (2020). Omens of the ancient Muslim world in A. Volo's novel "Return to Panjrud". *Universum: Philology and Art Criticism*, 11 (78): 19—21. DOI: 10.32743/UniPhil.2020.78.11.19-21. (In Russ.).
- Rashed Mohassel, M., Behnamfar, M., Zamanipour, M. (2012). The manifestations of the mountain in ancient Persia, taking into account its reflection in Persian literature. *Journal of Iranian Studies*, 21: 119—146. DOI: 10.22034/bagh.2019.86875. (In Persian).
- Rebel, G. M. (2014). The price of a word. *Questions of literature*, 4: 183—195. (In Russ.).
- Salomatin, A. V. (2015). The reluctant physician and the wandering blind man. About the novels of Evgeny Vodolazkin and Andrey Volos. *Questions of literature*, 4: 100—118. (In Russ.).
- Sergeeva, E. S. (2020). The image of cultural space in L. Solovyov's novels "The Tale of Khoja Nasreddin" and A. Volos's "Return to Panjrud". *Economics and society*, 11 (78): 1275—1278. (In Russ.).
- Shafranskaya, E. F. (2018). Andrei Volos's novel "Return to Panjrud": reconstruction of everyday life in Transoxiana and the fate of the poet Rudaki. *Polylingualism and transcultural practices*, 15 (4): 618—627. DOI: 10.22363/2618-897X-2018-15-4-618-627. (In Russ.).
- Solovyov, A. V. (2024). The chronotope of a thing or a chronotope thing: a thing as a structurer of space and time. *Neophilology*, 10 (3): 733—742. DOI: 10.20310/2587-6953-2024-10-3-733-742. (In Russ.).
- Troitskaya, A. L. (2015). On the issue of the chronotope of an artistic work as an anthropocentric element of the chronotope. In: *Actual problems of modern linguistics: collection of scientific articles*. Saint Petersburg: [b. i.]. 94—97. ISBN 978-5-7310-3410-4. (In Russ.).

*The article was submitted 09.08.2025;
approved after reviewing 02.12.2025;
accepted for publication 20.01.2026.*

Информация для цитирования:

Богданова О. В. Футуристические эксперименты в ранней поэзии Сергея Третьякова / О. В. Богданова // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 1. — С. 240—263. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-240-263.

Bogdanova, O. V. (2026). Futurist Experiments in Early Poetry of Sergei Tretyakov. *Nauchnyi dialog*, 15 (1): 240-263. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-240-263. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

ERIH PLUS

LIBRARY.RU

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Футуристические эксперименты в ранней поэзии Сергея Третьякова

Богданова Ольга Владимировна

orcid.org/0000-0001-6007-7657

ResearcherID: C-5907-2016

ScopusAuthorID 57219902824

доктор филологических наук,

профессор,

кафедра культурологии,

педагогике и искусств

olgabogdanova03@mail.ru

Русская христианская гуманитарная академия
им. Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при поддержке

Российского научного фонда,

проект № 25-18-00764

(Русская христианская

гуманитарная академия

им. Ф. М. Достоевского)

Futurist Experiments in Early Poetry of Sergei Tretyakov

Olga V. Bogdanova

orcid.org/0000-0001-6007-7657

ResearcherID: C-5907-2016

ScopusAuthorID 57219902824

Doctor of Philology, Professor,

Department of Cultural Studies,

Pedagogy and Arts

olgabogdanova03@mail.ru

Russian Christian Academy
for Humanities named after
Fyodor Dostoevsky
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The research was supported
by the Russian Science Foundation,

Project № 25-18-00764

(Russian Christian Academy

for Humanities named after

Fyodor Dostoevsky)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предложена интерпретация ряда футуристических текстов поэта-авангардиста Сергея Третьякова, крайне редко привлекаемых к детальному филологическому анализу. На материале первого поэтического сборника С. Третьякова «Железная пауза» показано, что идейная убежденность молодого автора обостряла позицию его лирического «мы», вызывая к самоотверженному служению всему новому и прогрессивному. Проанализирована динамика внедрения экспериментальных практик в поэзию «умеренного» (как принято считать) представителя литературного объединения «Мезонин поэзии», обнаруживающего острую склонность к художническому поиску и поэтической игре. Если ранее при обращении к поэзии Третьякова критики в основном ограничивались наблюдениями над новоязом поэта, приемами его словотворчества, то в данной работе выявлены тенденции поэтического живописания футуриста, использованные в его стихотворном буквенном тексте зримых тактик живописи и графики. В контексте творчества радикальных футуристов-гилейцев показано, что в поэзию Третьякова активно входили стратегии совмещения вербального и визуального, активации роли и функции цвета, а также выстраивания графического абриса стиха («Веер», «Дорога»). Сделан вывод, что, вопреки кратковременному вхождению С. Третьякова в группу «Мезонин поэзии», к настоящему времени выявлено много материала, сформулировано больше оснований, чтобы числить поэта не среди эгофутуристов или центристов, но среди кубофутуристов-гилейцев.

Ключевые слова:

сборник *Железная пауза*; Сергей Третьяков; футуристы; презентисты; эгофутуризм; кубофутуризм; графический рисунок.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study offers an interpretation of several futurist texts by avant-garde poet Sergei Tretyakov that have rarely been subjected to detailed philological analysis. Drawing on materials from Tretyakov's first poetry collection, "Iron Pause," it demonstrates how the young author's ideological commitment intensified his lyrical "we" stance, calling for selfless service to all things new and progressive. The dynamics of experimental practices being introduced into the poetry of a so-called moderate member of the literary group "Mezzanine of Poetry" are examined, revealing a sharp inclination toward artistic exploration and poetic playfulness. While previous studies focusing on Tretyakov's poetry primarily highlighted observations about neologisms and word creation techniques, this work identifies trends in poetic representation characteristic of futurists, such as visual strategies in graphic design and painterly tactics used within the verbal text itself. Within the context of radical Futurist-Gileans' creative output, it is shown that Tretyakov actively incorporated strategies combining verbal and visual elements, emphasizing color usage and shaping the graphic outline of verse ("Fan," "Road"). It concludes that despite Tretyakov's brief association with the Mezzanine of Poetry group, there is now sufficient evidence to consider him not among egofuturists or centrists but rather among cubo-futurist Gileans.

Key words:

Iron Pause anthology; Sergei Tretyakov; Futurists; Presentists; Egofuturism; Cubo-Futurism; Graphic Design.

Футиристические эксперименты в ранней поэзии Сергея Третьякова

© Богданова О. В., 2026

1. Введение = Introduction

Начало XX века, решительное и радикальное, породило мощное движение авангарда во всех направлениях: в самой жизни и в культуре, в промышленном производстве и в искусстве, в мире материальном и духовном. Поразительные эпохальные открытия и научные достижения рубежа веков резко сместили акценты жизненной парадигмы: человек оказался в немыслимом ранее фантастическом мире, где принципиально трансформировались представления о времени и скорости, о пространстве и свете, об атомической сложности мельчайшего клеточного организма и безграничности простора космической Вселенной. Автомобили, аэропланы, поезда, паровые двигатели, электрические станции, химические лаборатории открывали почти безграничные возможности пересоздания мира, масштабно расширяли перспективы построения будущего.

Образ нового мира требовал новых форм его отражения. В начале XX века искусство безраздельно отдавало себя служению будущему, искало пути и способы творения новой культуры. Каждый художник, музыкант, литератор, архитектор или скульптор предлагал свои формы эстетического преобразования социума и пути активного внедрения в фантазийно (не)реальную жизнь. Едва ли не каждый создатель-творец формулировал свою идейно-эстетическую программу и искал ее реализации в практике художнического воплощения.

В рамках авангардного искусства самыми решительными и дерзкими мечтателями оказались будущники, бюджетяне, футуристы, в недрах своего течения представленные несколькими объединениями — кубофутуризм, эгофутуризм, футуристы-центристы («Центрифуга»), футуристы-презентисты («Мезонин поэзии») и др. Очевидно, что литературные объединения формировались по убеждениям участников и их приверженности эстетической платформе, но по сути своей они были подвижны и текучи, подвержены диффузии и взаимовлиянию. Неслучайно каждое из означенных

объединений имело свои множественные ответвления, переживало структурные трансформации, становилось опорой для возникновения новых эстетических модификаций. Исследователи нередко констатируют факты творческой конвергенции, например, эксплицируют эгофутуристические северянинские нотки у кубофутуристов «Гилей» и наоборот. В этом смысле любопытна фигура Сергея Третьякова (1892—1937), поэта-футуриста, представителя одного из течений русского авангарда.

Среди современников имя Сергея Третьякова стояло в первом ряду. По оценке В. Брюсова, Третьяков входил в четверку поэтов (вслед за В. Маяковским, Б. Пастернаком, Н. Асеевым), которые находились «в центре футуризма» и предлагали «законченные образцы того, чего может достичь футуризм» [Брюсов, 1990, с. 596].

С. Третьяков входил в футуристическое объединение «Мезонин поэзии», которое было создано в Москве осенью 1913 года по инициативе В. Шершеневича вокруг одноименного издательства. Среди ярких представителей «Мезонина поэзии», наряду с В. Шершеневичем и С. Третьяковым, были поэты Р. Ивнев, Л. Зак, К. Большаков, Б. Лавренев, художник Б. Фриденсон. Поэтическое объединение не имело выраженной эстетической платформы. С одной стороны, по видимости, оно тяготело к стратегиям И. Северянина, потому нестрого квалифицировалось как «московский эгофутуризм». С другой — ощутимой чертой «Мезонина поэзии» была футуристическая умеренность, сближавшая его с «Центрифугой». Сами участники — в противовес будущникам — мыслили себя настоящими и, как и футуристы, на латинский манер именовались презентистами (презантистами). Объединение просуществовало весьма недолгое время и распалось весной 1914 года из-за отсутствия эстетической общности. В. Шершеневич стал зачинателем нового поэтического течения — имажинизма, прочие участники «Мезонина поэзии» примкнули к иным группировкам (в том числе к «Центрифуге»), позднее организовали новые объединения (например, дальневосточное «Творчество») или остались вне их. Несмотря на краткий период деятельности объединения, имя Сергея Третьякова прочно связывается критикой именно с «Мезонином поэзии» (даже будучи растянутым на года [Капинос, 2019, с. 57]), однако литературное наследие поэта свидетельствует об ином.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Поэтическим творчеством С. Третьякова исследователи занимались крайне мало, причем в России значительно реже, чем на Западе. До появления в 2019 году в московском издательстве «Рутения» собрания стихов и статей о поэзии произведения поэта были очень скромно представлены

в редких сборниках поэзии русского футуризма [Русская поэзия XX века ..., 1991; Русская поэзия «серебряного века» ..., 1993; Поэзия русского футуризма ..., 1999]. Собрание «Итого», названное так же, как и один из поэтических сборников Третьякова 1920-х годов, наряду с разножанровым наследием писателя вобрало в себя и основные критические работы по его творчеству (статьи Т. Хофманн, С. Бирюкова, Ю. Орлицкого, А. Россомахина), и максимально полную на сегодняшний день библиографию поэта. Уникальное издание дает возможность взглянуть в литературное творчество С. Третьякова и углубить представление о нем. Только после выхода собрания «Рутении» в России прошла волна разных по значимости исследований по творчеству С. Третьякова [Баринов, 2019; Капинос, 2019; Чубаров, 2019; Львов, 2020; Сохарева, 2021; Тропкина, 2022; Арсеньев, 2023; Бирюков, 2024 и др.].

С. Третьяков выпустил 7 авторских сборников: «Железная пауза» (1919), «Ясныш» (1922), «Итого» (1924), «Октябrevичи» (1924), «Рычи, Китай!» (1926), «Ли-Ян упрям» (1927), «Речевик» (1929). В рамках данной статьи наш интерес ориентирован на период взлета футуристического авангарда в России, 1910—1914 годы, поэтому к рассмотрению взят первый сборник стихов Третьякова «Железная пауза».

Трудность в осмыслении творчества С. Третьякова состоит в том, что факты биографии поэта полностью не восстановлены. О первом сборнике поэта существует представление, что тот был подготовлен в Москве в 1915 году, готовился к изданию, но оно не состоялось ни в 1915 (как пишет критика [Хофманн, 2019, с. 732]), ни в 1916 (как утверждает сам поэт [Третьяков, 1919, с. 3]) годах. Первый сборник поэта вышел уже в 1919 году во Владивостоке, где тогда находился Третьяков. Состав несуществующего издания (как и его точное название) не известен, только предположительно можно считать, что «Железная пауза» и есть тот сборник, который был подготовлен поэтом четырьмя годами ранее в совершенно иных обстоятельствах. Но резонно предположить и другое — что состав сборника подвергался существенным изменениям. О том же говорит и поэт в предисловии к сборнику: «Ныне восстанавливаю по памяти первоначальное созвездие стихов, дополняя его стихами последних лет» [Там же, с. 3]. Наличие датировки в ряде стихотворений допускает принять, что значительный блок стихов «Железной паузы» действительно составили произведения 1913—1915 годов, но почти половину представляют более поздние стихи — 1918—1919 годов. То есть первый и несостоявшийся «нулевой» сборники явно не совпадают.

Видимо, разновременность создания текстов обуславливает неочевидность структурно-композиционного единства сборника. «Железная пауза»

состоит из стихотворения-эпиграфа «Вы» и четырех основных частей: I Мальчишки на вышке, II Трели аллегро, III Красные кляксы, IV Ляля на лебеде. Раздел «Красные кляксы» целиком посвящен событиям Первой мировой войны (1914—17), «Ляля на лебеде» связана с любовной тематикой и состоит из поздних стихов (1918—19), посвященных жене поэта. То есть к периоду расцвета футуризма можно отнести только стихи первого и второго разделов (1913—14), именно они дают возможность составить представление о футуристических поисках поэта Сергея Третьякова.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Образные ряды раннего раздела сборника

За пределами структурного деления сборника «Железная пауза» оказывается стихотворение «Вы» (1913), в рамках перитекста вынесенное в позицию эпиграфа или вступления.

Энергия вводного стихотворения обнажается уже в первых строках:

О, какие вы, право, жалкие!
Это совесть или страх?
Что выпрашивает моргалками
Греть ладони на январских кострах?

Приходите ко мне на исповедь.
Я приму и ночью и днем.
От утра до утра неблизко ведь.
А способней идти с огнем [Третьяков, 2019, с. 13].

Обращение к неэксплицированным и неконтурированным героям в форме личного местоимения *вы* и восклицательная и вопросительная интонация коротких предложений-фраз (! ?) окрашивают текст стихотворения разговорно-императивной интонацией. Лирический герой взывает «их» («вы») прийти «на исповедь», предстать перед «судом», «отыскать ... Истину».

Над-структурная позиция стихотворения «Вы» инициирует обращение ко всем «вы», с которыми вступает (вступит далее в структурных разделах) в спор лирический герой. Третьяковым словно бы возлагается ответственность на лирического персонажа отыскать вечную *Истину* — неслучайно написание слова с заглавной буквы и мелькание в тексте отсветов древних фразеологизмов: «Днем с огнем» и диогеновское «Ищу человека!» («способней идти с огнем»). Лирический герой Третьякова — обыкновенный («Я не Бог, не бес»), однако он наделяется поэтом функцией познания и ис-

пытания человека, которые ему предстоит осуществить от стихотворения к стихотворению.

Первое стихотворение раздела I не имеет названия, но оно начинается с выразительного местоимения «мы»:

Мы строим клетчатый, бетонный остов.
С паучей ловкостью сплетаем рельсы.
Усните слабые в земле погостов,
И око сильного взглянуть осмелюсь [Там же, с. 17].

Эпиграфическое «вы» словно находит противостоящих им «мы». Вы — слабые, мы — сильные.

Мы стекла льдистые отлили окнам.
В земле и в воздухе мы тянем провод.
Здесь дым спиралится девичьим локоном.
Быть островзглядными — наш первый довод [Там же].

Герои «мы» — «островзглядные» строители будущего: они отливают бетонные остовы башен (Татлина?), стеклят тонкие (не слюдяные) окна, тянут электрические провода, прокладывают стальные рельсы. Каждое действие «мы» увязано с сегодняшними открытиями и прогрессом: железобетон, электричество, стекло, железнодорожные пути. Потому

Нам — день сегодняшний, а вам — вчерашний.
Нам — своеволие, момент момента.
Мы режем лопасти, взвиваем башни.
Под нами нервная стальная лента [Там же, с. 17].

Оборот «момент момента» в первом же тексте раздела эксплицирует связь Третьякова с презентистами, героями «мига ... настоящего». Их сущность — «Инстинкт движения...» Для них — «Все ритмы вдребезги... И настезь двери». Миг современности краток — «И настоящее уже лишь снится», уходит в прошлое. По существу зачинное стихотворение (условно «Мы») обретает черты манифеста, представляя главные ценности презентистов и самого поэта, одного из «Мальчишек на вышке» (название I раздела книги).

Следующий текст — снова от имени «мы».

Мы чаю не допили,
Оставили тартинки.

На легком «Опеле»
На пляж, на пляж!

Белеют в синеве пески,
В воде — паутинки,
Гитары вдребезги!
Мир наш, мир наш [Там же, с. 18].

Ритм нового стихотворения меняется. Короткие, почти рубленые фразы, которые использует Третьяков, становятся знаком скорости, быстроты движения, стремительности молодых героев-ребят. Отобранные поэтом образы: легкий «Опель», синева моря, белые пески, гитара — поэтические символы дерзких хозяев «Пространства чистого (в) Миллионы верст». Амплифицированное «Мир наш, мир наш» не оставляет сомнения в этой уверенности.

Принцип поэтического контраста, неброско осуществленный Третьяковым в тексте, усиливает впечатление юношеского выбора героев. Частному домашнему уюту противопоставлен простор в «миллионы верст». На домашнем семейном столе оставлены сладкий чай и ароматные тартинки — им предпочтены море, ветер, простор, чистота, символические стихии белизны и синевы. Стремительные свободные герои подобны звездам, они «метеоры», чей путь никто не сможет «запорошить».

«Мальчишки на вышке», герои первого раздела, дерзки и решительны, но они и молоды, и озорны. В следующем стихотворении I части Третьяков воспроизводит картинку легкого флирта героя¹.

Вы в темноте читаете, как кошка,
Мельчайший шрифт.
Отвесна наша общая дорожка —
Певун-лифт.
Нас двое здесь, в чуланчике подвижном.
Сыграем флирт!
Не бойтесь взглядом обиженным
Венка из мирт.
Ведь, знаете, в любовь играют дети.
Ах, Боже мой!
Совсем забыл, что ваш этаж — третий,
А мой — восьмой [Третьяков, 2019, с. 19].

1 В альманахе «Крематорий здравомыслия» стихотворение опубликовано под заглавием «Лифт» [Крематорий здравомыслия, 1913, с. 6].

Крошечная урбанистическая сценка, сыгранная в лифте, оформлена разностопным ямбом: нечетные строки организованы пятистопным ямбом с женскими окончаниями, четные — двустопным с мужскими окончаниями. Ритмичная смена коротких и длинных строк звучно отражает особенность и четкий ритм «отвесной дорожки», на которой оказались герои — ритм лестницы, ступенек, остающихся за витой сеткой лифта.

Девять (из двенадцати) строк речей молодого героя, звучащие в лифте-певуне, завораживают и, кажется, должны безупречно подействовать на попутчицу. Как выписывает Третьяков, юный угодник буквально осыпает героиню комплиментами. Образованный интеллектуал знает, что, по преданию, во время знаменитого спора о красоте венком из мирта была увенчана богиня Венера. И теперь он, почти как Парис, тоже метафорически возлагает на голову незнакомки «венки из мирта».

Но почти на полуслове сладкие речи героя прерываются междометным «Ах, Боже мой!», полным неожиданности и разочарования — не впечатленная комплиментами попутчика прекрасная незнакомка вышла из лифта на 3 этаже.

Поэт демонстрирует, как игривый тон флиртовых ухаживаний, проступающих в речи мужского персонажа (глаголы *сыграем, играют*), приспосабливается новыми эмоциями. Интонационные акценты четко и ритмично организованной его кокетливой речи в минуту рушатся. Любовная игра уверенного в себе лирического героя не осуществилась, была прервана остановкой лифта и удивленным восклицанием «Ах, Боже мой!», иронически совмещенным с подсчетами-прозрением (третий / восьмой), невольными паузами разочарования (—). Игра-флирт в «чуланчике подвижном» не случилась, певун-лифт, новообретенные высоты, «обманул» надежды неопытного молодого ловеласа. NB: чуланчик — как место тайных любовных свиданий, а вовсе не «архаический образ», отражающий «противопоставление старого и нового», как предположила Е. В. Капинос [Капинос, 2019, с. 62—63].

3.2. Живописная составляющая ранних поэтических текстов

В приведенных выше стихотворениях С. Третьякова, кажется, не особенно видны следы футуристических поисков, исключая образ молодых и дерзких героев «мы» и немногие словесные новообразования, в целом органичные для поэзии любого периода («заладонила», «спиралится», «островзглядные»).

Однако уже в первых стихах сборника обращает на себя внимание живописная составляющая строк — яркость красок, какими пишет Третьяков. Общаясь в среде московского авангарда, посещая выставки с участием московских футуристов Д. и В. Бурлюков, В. Маяковского, М. Ларионова, Н. Гончаровой, И. Машкова, П. Кончаловского и др., Третьяков наверняка

подпал под влияние футуристического цвета. Пример тому стихотворение «Восток в крови...»:

Восток в крови. Неистовый и грубый,
Он заменил стеклянно-голубой.
В накат небес уперлись дружно трубы,
И жидкий дым восходит над трубой.
Восток бурлит, но воздух не колеблем,
В нем синева и свежесть всех морей,
И сизый свет скользит по черным стеблям
Таких ненужно-желтых фонарей.
Ясней резьба кирпичного балкона,
И вот уже, безбрежность проколов,
Откуда-то подпрыгнувшее солнце
Жжет поцелуй на ребрах куполов [Третьяков, 2019, с. 20].

Очевидно, что все стихотворение — отображение локального городского пейзажа, скорее всего московского (далеко не Сибири, не «сибирской природы», как предположила Т. Хофманн [Хофманн, 2019, с. 735]). Но выписан городской пейзаж Третьяковым так, что в нем не ощущается ни строгой сюжетности, ни отчетливой предметности, ни какой-либо фигуративности. В общем многоцветье красок лишь изредка проступают контуры едва прочерченных черных фабричных труб, ненужно-желтых фонарей, кирпичного балкона и начинающих разгораться жаром от поднимающегося солнца соборных куполов (вероятно, не так давно возведенного Храма Христа Спасителя). Но и эти предметные контуры не самостоятельны, не обрисованы, но отчетливо маркированы насыщенным цветом. Не будь цвета, они были бы невидны, неразличимы. Героя-пейзажа в стихотворении нет, воспроизвести картину традиционными описательными приемами нельзя — вся она составлена из «безбрежности» цветовых пятен, едва контурированных чуть угадываемыми графическими силуэтами.

Другими словами, Третьяков пишет не привычный традиционный урбанистический пейзаж — с домами, улицами, деревьями, фонарями, но изображает просыпающийся город исключительно посредством красок, сугубо изобразительно, живописно, используя слово вместо кисти.

Живописный пейзаж, несомненно, символичен. Исходно — это предрассветное столкновение тьмы и света, в итоге — торжество победы света и Солнца, рожденных на Востоке, преодолевших в неистовой борьбе темноту и черноту ночи. Трудно объяснить, из чего у критика Т. Хофманн рождается мистифицированное представление, что Солнце, «метафора ре-

волюции», «сжигает христианскую любовь к человеку и заменяет собой любую религию, для которой предназначен его поцелуй» [Там же, с. 736].

Как уже было отмечено, в стихотворении не прослеживается четкости образно-сюжетного построения, поэт не предлагает авторского комментария — идейно-символический ряд действительно может инициировать множество вольных гипотез. Однако, на наш взгляд, Третьяков пишет не о религии, а о вселенских стихиях, созвучных периоду смелых авангардных исканий, — стихиях дня и ночи, стихийно-символической борьбе света и тьмы.

Представляется, что предметная конкретизация не особенно волнует поэта — он явно пробует новый путь поэтической изобразительности. Автор растушевывает словесно-вербальный ряд, в тексте он едва прочитывается, но отчетливо вытесняется яркими живописно-красочными впечатлениями. Иными словами, поэт Третьяков не стремится создать звукобуквенный стих, а выписывает образно-зримую картину, расцвеченную яркими выразительными мазками (пятнами). Футуристический принцип тотальной визуализации, близкий Бурлюкам и К⁰, проникает в поэзию С. Третьякова.

По словам С. Красицкого, «...связь между живописью и поэзией в русском футуризме <...> носила принципиальный характер. При этом приоритетная роль отводилась именно живописи <...> поэзия же во многом ориентировалась на ее приемы...» [Красицкий, 2002, с. 23]. По этому пути шел и С. Третьяков.

Следующий текст сборника «Железная пауза» еще более футуристичен — кубофутуристичен.

Крыши категорически
Ломают воздух жидкий.
Слышу звяк металлический,
Я — прыткий.

Копыта куют торцовую
Рябь мостовой. Я слышу.
Свой игольчатый глаз просовываю
На крышу <...> [Третьяков, 2019, с. 21].

Третьяков, в приемах поэтики изобразительного кубофутуризма, дробит предметы и образы на отдельные части. Уже новое — метонимическое — «целое» обретает статус завершенности и самостоятельности и выводится на условный холст стихотворения. Вместо домов — крыши,

вместо лошади — копыта, вместо человека — глаз. Нет сомнения, что Третьяков мыслит кубофутуристически, создавая поэтическую картину в манере живописного изображения «с четырех точек зрения» (см. картину Д. Бурлюка «Мост. Пейзаж с четырех точек зрения»).

Подобно Д. Бурлюку и кубофутуристам, Третьяков создает кубистический пейзаж и живописно — с разных точек зрения — смешивает заместили (-ей) целого.

Рис. 1. Д. Бурлюк. Мост. Пейзаж с четырех точек зрения. 1911 г.

Картина Д. Бурлюка «Мост» буквально встает за текстом С. Третьякова: изломы-перевертыши крыш, жидкий воздух над каменными домами, раздробленная на куски булыжная дорога-мостовая, звонкий цокот копыт лошадей («звук металлический») и даже примитивная, стилизованная в духе лубка фигурка «я», погружающая свой нос (= игольчатый глаз) в непостижимое городское нагромождение (о живописной поэзии Д. Бурлюка см. [Богданова, 2025а; 2025б]). Не будучи художником и не беря в руки художническую палитру, Третьяков успешно смешивает краски на поэтическом полотне, создавая узнаваемо кубофутуристическую живопись.

Примерно в той же футуристической стратегии написан и портрет возлюбленной в стихотворении С. Третьякова «Любовь» (1913).

Солнце. А глаза синие-синие.
Крыши домов умягчились.
Рот узкий серпом новолунным.
На щеках ямочки.

Железо в горны!
Слезы сахарные, хорошие.
Разносчик за окном поет.
Сладко ноют разноцветные лампочки [Третьяков, 2019, с. 23].

Прием портретирования ориентирован не на цельность и жизнеподобие женского образа, а на акцентирование значимости отдельных частей лица. Как аналог авангардной живописи начала XX века в сознании возникают «половинные» и «четвертные» портреты Р. Фалька или многочисленные футуристические женщины того же Д. Бурлюка.

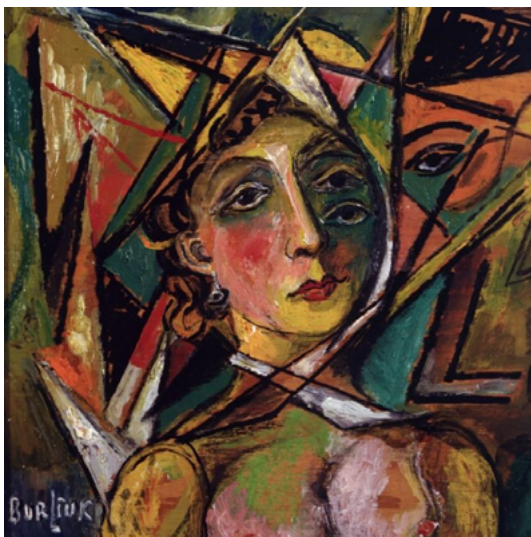

Рис. 2. Д. Бурлюк. Футуристическая женщина. 1910-е

В отдельных стихах-картинках заголовочный предмет выходит на первый план, становится единственным героем стихотворения — «Деревянный божок», «Ножницы», «Восковая свеча», «Первоснег», «Пресс-бювар», «Спичечная коробка», «Веер», «Ковер» и другие. И в этом внимании к отдельному предмету (т. н. «вещизм»), поставленному в центр стихотворения, С. Третьяков вновь близок кубофутуристам. Наиболее дерзкий пример «предметной» живописи авангарда — «Корова и скрипка» (1913) К. Малевича, когда контрастное совмещение возвышенной скрипки и молочной коровы эксплицирует футуристическую новизну взгляда на давно знакомые сущности.

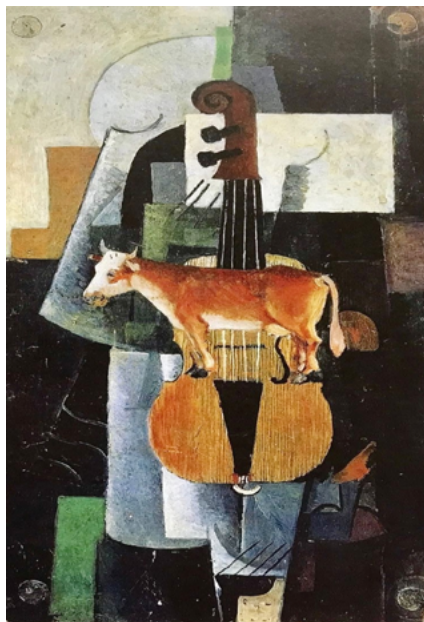

Рис. 3. К. Малевич. Корова и скрипка. 1913 г.

С. Третьяков словно подхватывает принцип К. Малевича: «Алогическое сопоставление двух форм <...> как момент борьбы с логизмом, естественностью, мещанским смыслом и предрассудками» (такова надпись художника на обратной стороне холста). Причем в третьяковской предметности скрывается особый философический контент. Сопоставлению и уравниванию подвергаются человек и вещь: вещи обращаются «в святыни», а люди «в вещи» [Третьяков, 1922, с. 5]. Традиционная философема «Человек есть мера всех вещей» переиначивается, и в позицию лидера встает вещь, за которой можно (или нельзя) разглядеть человека.

Стихотворение «Ножницы» (1913) — яркий образец выведения вещи на передний план:

Стрекозы над прудом, а солнце жарит.
Люди в белых балахонах.
А из зеркал на них.
Два конца, два кольца.
Материя хрюкнула
Ловко [Третьяков, 2019, с. 26].

В первый момент кажется, что текст, воспринимаемый как верлибр, не поддается дешифровке. В нем все стущено, сжато, разрозненные впечатления тесно грудятся друг на друга и никак не проясняют связи между ними. Однако вскоре становится понятно, что поэтический вектор Третьякова центростремителен, направлен к «самой сути»: поэт от большого переходит к малому, использует обратную перспективу (взгляд не удаляется, а приближается), заставляя перед *человеком* поставить *вещь*.

Строчка «Стрекозы над прудом, а солнце жарит» (заметим, самая длинная в стихотворении строка) открывает пространство, в котором угадываются аллюзии к импрессионистически модным образам К. Моне с его «пейзажами воды», кувшинками и лилиями, «завтраком на траве» и др.

Следующая, более короткая строка «Люди в белых балахонах» отсылает, например, к образам картины В. Борисова-Мусатова «У водоема» (1902), к хорошо знакомым современникам фигурам двух молодых девушек «в белых балахонах».

Последующая, еще более краткая строка обозначает границу образного перехода — появляется зеркало, с одной стороны, как зеркало водяной глади, с другой — как возможность мистического перехода в иное пространство.

Теперь уже в портновском зеркале встает отражение важнейшего для сотворения белых людских балахонов предмета — ножниц, как из русской загадки: «Два конца, два кольца — посередине гвоздик». Но паремическая фразеологема укорочена — в угоду действующей сужающейся перспективе, словно по ступеням стиха заставляющей спускаться вниз, углубляться.

В последних двух — ступенчато сокращающихся — строках (сведенных до одного слова) именно ножницы творят чудо: «Материя хрюкнула / Ловко». Главные герои-ножницы раскроили материю, они создали белые балахоны, спасающие человека в жару. «Ловко».

Сюжетика «бессюжетного» стихотворения замкнулась, повествование закольцевалось. В построчно сжимающемся стихотворении поставленные в заглавие ножницы оказались выдвинутыми в центр, их бытийная значимость выявлена. Человек сдвинут в ряд пространственно фоновых «вещей». И если в таком ракурсе взглянуть на стихотворение «Ножницы», то в нем можно различить отчетливую приверженность С. Третьякова кубофутуристическим стратегиям: предмет, вещь становится точкой сосредоточения внимания художника и зрителя.

3.3. Фигурный образ ранней поэзии

Как известно, еще одной стратегией создания фигурного стиха в начале XX века было стремление (в том числе) кубофутуристов к графической

выразительности, к изображению описываемого предмета посредством буквенно-строчного абриса стихотворения. Хорошо известны фигурные стихи футуристов И. Зданевича, В. Каменского и снова Д. Бурлюка.

У В. Каменского в первую очередь речь может идти о «железобетонных поэмах» книги «Танго с коровами» (1914), название которых, можно предположить, подтолкнуло и С. Третьякова к типологически близкому заголовку «Железная пауза» (напомним, название 1919 года).

Одно из самых зримых стихотворений В. Каменского — «Полет Васи Каменского на аэроплане в Варшаве», в котором поэт не только в словах описывает момент взлета аэроплана и удаление его за горизонт над толпой восторженных зрителей, но и вырисовывает строками разной длины графический рисунок, фиксирующий взлет аэроплана с земли, подъем к облакам и превращения его в высоте — в изобразительной перспективе — в едва различимую в небе палочку, букву I, об этом см.: [Богданова, 2025в].

Рис. 4. В. Каменский. Полет Васи Каменского на аэроплане в Варшаве. 1914 г.

Не менее графично создан образ поезда-ихтиозавра у Д. Бурлюка в стихотворении «Плаксивый железнодорожный пейзаж» (1914).

Плаксивый железнодорожный пейзаж.
(иногда проходит поезд)
Насыпь изогнулась
Ихтиозавр
Лежащий в болоте

Забывших литавр
Ржавые травы
 вонючие воды
 неба прогнившего
 своды
 но гордо подъяты
 красные семафоры!..
 но злобно проклятый
 лукавствовали взоры
 чахлыя встречи
 изломаны плечи
Живая едва
Шелестит трава
Заржавелых литавр
Гниющий ихтиозавр
Железнодорожная насыпь
Бросить
 на сыпь
 А воздух гор = двухспальная
кровать [Бурлюк, 1999, с. 180].

Бурлюком в изобразительность вовлекается не только внешняя граница поэтических строк, но и их расположение на странице, и курсив — как выражение гибкости тела поезда-ихтиозавра, и даже жирный шрифт, окрашивающий черную голову чудовища.

Знакомый с подобными экспериментами футуристов-авангардистов С. Третьяков создал один из самых выразительных фигурных стихов, вошедший в «Железную паузу» — «Веер» (1913).

Отдельные критики рассматривают стихотворение «Веер» как состоящее из двух строф. Специалист в области прозиметрии Ю. Орлицкий пишет: «"Веер" <...> — это обычный рифмованный двухстолбцовый текст, довольно схематически изображающий главный предмет:

Всея	Пестрея,
В крае	Страдая
Пьяных	в павлиньих кружанах,
Маев,	Тепло горностаев
Пойте	Раскройте, закройте,
Явно	Чтоб плавно
Пейте	На флейте

Юно Разбрызгались луны,
Яд! Что в окнах плескучих стоят» [Орлицкий, 2019, с. 770].

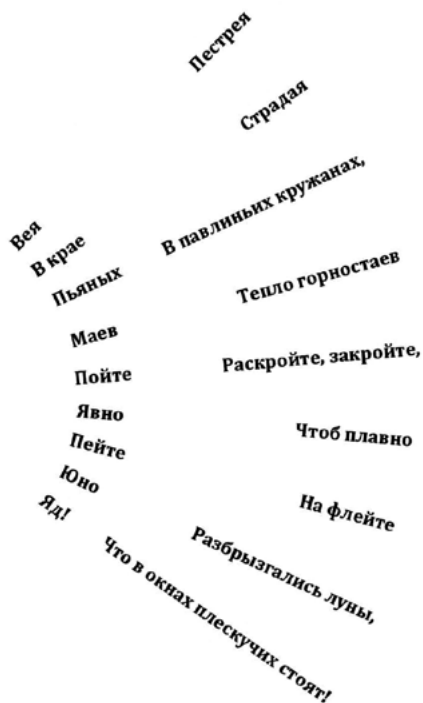

Рис. 5. С. Третьяков. Веер. 1913 г.

Отметим, что именно так стихотворение было опубликовано в сборнике «Железная пауза». Между тем совершенно очевидно, что только техническая ограниченность типографских возможностей дальневосточного издательства превратила «Веер» Третьякова в «обычный двухстолбцовый текст» и что создан он был, без сомнения, для зрительного восприятия. Именно это позволило в 1994 году представить стихотворение Третьякова в исконной графической аранжировке — в виде развернутого веера в «Зев-гме» С. Бирюкова [Бирюков, 1994, с. 166].

Обращает на себя внимание, что «обычный» текст Третьякова расположен необычно: столбцы-строфы не следуют друг за другом, а размещены на странице рядом, тем самым акцентируя особость восприятия текста — зрительного и смыслового. При этом стихотворение может читаться «по

столбцам», но с неменьшим содержательным потенциалом и в цельной раме двух столбцов, не теряя очарования и загадочности, в данном случае более близких северянинскому эгофутуризму, чем бурлюковскому кубо-.

В сходной графической стратегии создано и стихотворение С. Третьякова «Дорога» (1913), определенное Ю. Орлицким как «трехстолбцовое»: «первая часть <...> состоит из двух столбцов, зарифмованных между собой; двустрочный финал <...> размещен посередине и не зарифмован, то есть представляет собой отрезок свободного стиха» [Орлицкий, 2019, с. 770].

Бубенчики	Коленчатых
Троечных	Солнечных
Дужек.	Стружек?
Столбами	Над нами
Рябила	Стропила
Дорога.	Ночного.
Спицы	Раз тридцать
Баянили	Тиранили
Спевку.	Девку.
Хотите	Огните
Созвездий	Подъезды
Снегов?	Домов...
Истратилась ночь	
На звезды [Третьяков, 2019, с. 37].	

Как в случае с «Веером» стихотворение может прочитываться двумя способами — по вертикали двух столбцов или по горизонтали единого цельного столбца. При чтении «по вертикали» в тексте проступают два смысловых пласта: первый — сельский, пейзажный, изображение зимней снежной дороги, с бубенчиками тройки и мелькающими верстовыми столбами, второй — городской, ночной, с темными подъездами домов и городскими тайнами-преступлениями («тиранили»). Однако при чтении «по горизонтали» напряженный драматический сюжет меняет свои акценты: на передний план выступает ритм веселого расшника, забавная ритмическая игра, озорное веселье. И в обоих вариантах первые 12 строк завершаются самостоятельным свободным двустрочием о ночи и звездах.

Помня о двух столбцах «Веера» и сопоставляя их со столбцами «Дороги», можно представить, что поэт, в подражание онегинской, сознательно моделирует собственную — третьяковскую — строфу. И если «Веер» спустя много лет обрел свое зримое графическое оформление на типографской странице, то можно представить, что и «Дорога» могла иметь задуманную

автором свою оригинальную графику. В любом случае важно, что в подобных графических образах в стихах Третьякова проступает визуальная составляющая, характерная для футуристов-авангардистов.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, можно заключить, что рассмотрение ряда стихотворений С. Третьякова из сборника «Железная пауза», написанных в 1913 году, позволяет судить о том, что накануне перед тем, как войти в «Мезонин поэзии», и в короткое время пребывания в нем поэт со всей очевидностью тяготел не столько к поэтике умеренных презентистов или елейных эгоистов, сколько к радикальным практикам кубофутуристов. Неслучайно, В. Шершеневич, лидер «Мезонина поэзии», позднее в воспоминаниях признавался, что Третьяков «направлял группу в сторону кубофутуризма» [Шершеневич, 1990, с. 489].

Между тем хотя Третьяков и «тяготел к кубофутуристам / гилейцам, однако в их скандальных альманахах периода “бури и натиска” ни разу не публиковался» [Россомахин, 2019, с. 775]. Умеренность Третьякова проявилась в том, что участвовать в творческих скандалах ему не было органично. Дружба с В. Маяковским и знакомство с Д. Бурлюком не склонили Третьякова к группе «Гилея» — вероятно, в тот период личные контакты с В. Шершеневичем у поэта были сильнее, потому в 1913 году он примкнул не к кубофутуристам или «Центрифуге», но к новообразованному «Мезонину поэзии», — можно предположить, в том числе и в надежде на реализацию собственных принципов новой поэзии. Однако полугодичное пребывание в объединении Шершеневича не позволило ему развернуть собственные творческие представления, участников «Мезонина» не объединила общая идея. Свой поэтические эксперименты С. Третьяков продолжил позднее, оказавшись на Дальнем Востоке, где вместе с Н. Асеевым и Д. Бурлюком им была создана новая группа — «Творчество», когда характеристики регионального текста изменились и требовали новых подходов (ср. [Мулахи и др., 2021, с. 237—255]). Новая группа «Творчество» с очевидностью тяготела к кубофутуризму более, чем к эгофутуризму или центризму. В итоге можно заключить, что причастность С. Третьякова к группе «Мезонин поэзии» была не просто кратковременна, но и не плодотворна, даже находясь в рамках этого объединения, он явно и преимущественно демонстрировал приемы поэтики кубофутуристов.

Наиболее ярко и результативно художественная философия С. Третьякова, реализованная в его поэтическом творчестве, обнаружила себя уже на втором этапе его поэтической деятельности (об этапности см.: [Орлицкий, 2019, с. 766]) — в условиях нового социалистического строительства, ког-

да кубофутуристические тенденции переросли у поэта в приверженность приемам и принципам конструктивизма, опирающегося на ранний третьяковский «вещизм», устремленный к «литературе факта».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Бирюков С. Зевгма. Русская поэзия от маньеризма до постмодернизма / С. Бирюков. — Москва : Наука, 1994. — 285 с. — ISBN 5-02-009209-6.
2. Брюсов В. Вчера, сегодня и завтра русской поэзии / В. Брюсов // Среди стихов. 1894—1924. Манифесты, статьи, рецензии / вступ. ст. и комм. Н. А. Богомолова. — Москва : Советский писатель, 1990. — 714 с. — ISBN 5-265-00941-8.
3. Бурлюк Д. Плаксивый железнодорожный пейзаж / Д. Бурлюк // Поэзия русско-го футуризма / сост. и подгот. текста В. Н. Альфонсова и С. Р. Красицкого. — Санкт-Петербург : Академический проект, 1999. — С. 180. — ISBN 5-7331-0132-6.
4. Крематорий здравомыслия. — Москва : Мезонин поэзии, 1913. — 46 с.
5. Поэзия русского футуризма / сост. и подгот. текста В. Н. Альфонсова и С. Р. Красицкого. — Санкт-Петербург : Академический проект, 1999. — 749 с. — ISBN 5-7331-0132-6.
6. Русская поэзия «серебряного века». 1890—1917 : антология / сост. И. Багдасарян и др.; вст. ст. М. Л. Гаспарова. — Москва : Наука, 1993. — 782 с. — ISBN 5-02-011490-1.
7. Русская поэзия XX века. Антология русской лирики первой четверти XX века / сост. И. Ежов, Е. Шамурин ; ввод. ст. В. Полянского ; комм. к разд. «Библиография» И. Винокуровой, Т. Дмитриевой. — Москва : Амирус, ИРЦ «ИнфоДизайн», 1991. — 671 с.
8. Третьяков С. Ясныш. Стихи / С. Третьяков. — Чита : Птач, 1922. — 60 с.
9. Третьяков С. Железная пауза / С. Третьяков. — Владивосток : Типография И. Король, 1919. — 64 с.
10. Третьяков С. Итого. Собрание стихов и статей о поэзии / С. Третьяков ; сост. Д. Карпов. — Москва : Рутения, 2019. — 800 с.
11. Шершеневич В. Великолепный очевидец. Поэтические воспоминания 1910—1925 годов / В. Шершеневич // Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова / сост., указ. имен С. В. Шумихина, К. С. Юрьева ; вступ. ст., комм. С. В. Шумихина. — Москва : Московский рабочий, 1990. — 734 с.

Литература

1. Арсеньев П. Литература факта и проект литературного позитивизма в Советском Союзе 1920-х годов / П. Арсеньев. — Москва : Новое литературное обозрение, 2023. — 549 с. — ISBN 978-5-4448-2129-9.
2. Баринев А. «Я — адынтант революции» / А. Баринев // Гудок. — 2019. — № 23 (117). — 5 июля. — С. 3.
3. Бирюков С. У времени в плену (о Сергее Третьякове) / С. Бирюков // Авангард и трансформпоэтика. — Санкт-Петербург : Петрополис, 2024. — 436 с. — ISBN 978-5-9676-1610-5.
4. Богданова О. В. «Лучший поэт среди художников» : Давид Бурлюк / О. В. Богданова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2025а. — Т. 18. — Выпуск 9. — С. 3889—3900. — DOI: 10.30853/phil20250534.

5. Богданова О. В. «Я — равно и поэт и художник...» (Давид Бурлюк) (ч. 1 и 2) / О. В. Богданова // Вопросы культурологии. — 2025б. — Т. XXII. — № 9, 10. — DOI: 10.33920/nik-01-2509-01; 10.33920/nik-01-2510-03.

6. Богданова О. В. Опыты визуальной поэзии Василия Каменского / О. В. Богданова // Научный диалог. — 2025в. — Т. 14. — № 5. — С. 289—303. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-289-303.

7. Капинос Е. В. Словесный конструктивизм С. Третьякова / Е. В. Капинос // Сюжетология и сюжетография. — 2019. — № 2. — С. 56—83. — DOI: 10.25205/2410-7883-2019-2-56-83.

8. Красицкий С. Р. Поэты Бурлюки / С. Р. Красицкий // Стихотворения. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2002. — С. 5—65. — ISBN 5-7331-01163-6.

9. Львов К. Мастер речевки на заводе живой жизни. Как жил, творил и погиб футурист Сергей Третьяков [Электронный ресурс] / К. Львов. — 2020. — Режим доступа : <https://stg.old.urokiistorii.nppsatek.com/article/56776> (дата обращения 30.10.2025).

10. Мулахи С. Топос Египта в поэзии Серебряного века / С. Мулахи, Е. Н. Ельцова, С. М. Пинаев // Научный диалог. — 2021. — № 5. — С. 237—255. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-237-255.

11. Орлицкий Ю. Эволюция стиховой культуры Сергея Третьякова / Ю. Б. Орлицкий // Итого. Собрание стихов и статей о поэзии. — Москва : Рутения, 2019. — С. 766—774. — ISBN 978-5-6041057-9-5.

12. Россомахин А. «Мастер речевки на заводе живой жизни...» Поэтические книги Сергея Третьякова / А. Россомахин // Итого. Собрание стихов и статей о поэзии. — Москва : Рутения, 2019. — С. 775—779. — ISBN 978-5-6041057-9-5.

13. Сохарева Т. Сергей Третьяков : между травелогом и поэзией [Электронный ресурс] / Т. Сохарева. — 2021. — Режим доступа : <https://artguide.com/posts/2197> (дата обращения 30.10.2025).

14. Тропкина Н. Е. Образ Китая в лирике С. М. Третьякова / Н. Е. Тропкина, Т. Ван // Известия ВГПУ. — Филологические науки. — 2022. — № 8 (171). — С. 183—186.

15. Хофманн Т. Топографическая поэтика Сергея Третьякова / Т. Хофманн // Итого. Собрание стихов и статей о поэзии / сост. Д. Карпов. — Москва : Рутения, 2019. — 800 с. — ISBN 978-5-6041057-9-5.

16. Чубаров И. Литература факта post mortem левого проекта : Сергей Третьяков, Вальтер Беньямин и Варлам Шаламов / И. Чубаров // Russian Literature. — 2019. — Т. 103—105. — С. 305—3221.

Статья поступила в редакцию 14.09.2025,
одобрена после рецензирования 09.01.2026,
подготовлена к публикации 20.01.2026.

Material resources

Biryukov, S. (1994). *Zevgma. Russian poetry from Mannerism to Postmodernism*. Moscow: Nauka Publ. 285 p. ISBN 5-02-009209-6. (In Russ.).

Bryusov, V. (1990). Yesterday, today and tomorrow of Russian poetry. In: *Among Poems. 1894—1924. Manifestos, articles, reviews*. Moscow: Sovetskiy pisatel. 714 p. ISBN 5-265-00941-8. (In Russ.).

Burlyuk, D. (1999). The tearful railway landscape. In: *Poetry of Russian Futurism*. Saint Petersburg: Academic Project. P. 180. ISBN 5-7331-0132-6. (In Russ.).

- Poetry of Russian Futurism*. (1999). Saint Petersburg: Academic Project. 749 p. ISBN 5-7331-0132-6. (In Russ.).
- Russian poetry of the "Silver Age". 1890—1917: an anthology*. (1993). Moscow: Nauka Publ. 782 p. ISBN 5-02-011490-1. (In Russ.).
- Russian poetry of the XX century. Anthology of Russian lyrics of the first quarter of the XX century*. (1991). Moscow: Amirus, IRC "Infodesign". 671 p. (In Russ.).
- Shershenevich, V. (1990). The magnificent eyewitness. Poetic memoirs of 1910—1925. In: *My century, my friends and girlfriends. Memoirs of Marienhof, Shershenevich, Gruzinov*. Moscow: Moskovsky Rabochy Publ. 734 p. (In Russ.).
- The Crematorium of Sanity*. (1913). Moscow: Mezzanine of Poetry. 46 p. (In Russ.).
- Tretyakov, S. (1919). *The Iron pause*. Vladivostok: I. Korot Printing House. 64 p. (In Russ.).
- Tretyakov, S. (1922). *Yasnyshe. Poems*. Cheat: Ptach. 60 p. (In Russ.).
- Tretyakov, S. (2019). *Total. Collection of poems and articles about poetry*. Moscow: Ruthenia Publ. 800 p. (In Russ.).

References

- Arsenyev, P. (2023). *The literature of fact and the project of literary positivism in the Soviet Union of the 1920s*. Moscow: New Literary Review. 549 p. ISBN 978-5-4448-2129-9. (In Russ.).
- Barinov, A. (2019). "I am the adjutant of the Revolution". *Gudok*, 23 (117). 5 July. S. 3. (In Russ.).
- Biryukov, S. (2024). Time in captivity (about Sergei Tretyakov). In: *Avant-garde and transformpoetics*. St. Petersburg: Petropolis. 436 p. ISBN 978-5-9676-1610-5. (In Russ.).
- Bogdanova, O. V. (2025). Visual Poetry of Vasily Kamensky. *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 289—303. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-5-289-303>. (In Russ.).
- Bogdanova, O. V. (2025a). "The best poet among artists": David Burlyuk. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 18 (9): 3889—3900. DOI: 10.30853/phil20250534. (In Russ.).
- Bogdanova, O. V. (2025b). "I am both a poet and an artist..." (David Burlyuk) (parts 1 and 2). *Questions of cultural studies, XXII* (9,10). DOI: 10.33920/nik-01-2509-01; 10.33920/nik-01-2510-03. (In Russ.).
- Chubarov, I. (2019). Literature of fact post mortem of the left project: Sergey Tretyakov, Walter Benjamin and Varlam Shalamov. *Russian Literature*, 103—105: 305—3221. (In Russ.).
- Hofmann, T. (2019). The topographic poetics of Sergei Tretyakov. In: *Total. Collection of poems and articles about poetry*. Moscow: Ruthenia. 800 p. ISBN 978-5-6041057-9-5. (In Russ.).
- Kapinos, E. V. (2019). Tretyakov's verbal constructivism. *Storytology and storytography*, 2: 56—83. DOI: 10.25205/2410-7883-2019-2-56-83. (In Russ.).
- Krasitsky, S. R. (2002). Burliuki Poets. In: *Poems*. Saint Petersburg: Academic Project. 5—65. ISBN 5-7331-01163-6. (In Russ.).
- Lvov, K. (2020). *The master of recherking at the zhivoy zhizn factory. How the futurist Sergey Tretyakov lived, created and died*. Available at: <https://stg.old.urokiistorii.nppsatek.com/article/56776> (accessed 30.10.2025). (In Russ.).
- Mulahi, S., Eltsova, E. N., Pinaev, S. M. (2021). Topos of Egypt in Poetry of Silver Age. *Nauchnyi dialog*, 5: 237—255. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-5-237-255>. (In Russ.).

- Orlitsky, Yu. (2019). The Evolution of Sergei Tretyakov's Poetry Culture. In: *Total. Collection of poems and articles about poetry*. Moscow: Ruthenia. 766—774. ISBN 978-5-6041057-9-5. (In Russ.).
- Rossomakhin, A. (2019). "The master of re-forging at the factory of living life..." Poetry books by Sergei Tretyakov. In: *Total. Collection of poems and articles about poetry*. Moscow: Ruthenia Publ. 775—779. ISBN 978-5-6041057-9-5. (In Russ.).
- Sokhareva, T. (2021). *Sergey Tretyakov: between travelogue and poetry*. Available at: <https://artguide.com/posts/2197> (accessed 30.10.2025). (In Russ.).
- Tropkina, N. E., Wang, T. (2022). The image of China in the lyrics of S. M. Tretyakov. *Izvestiya VGPU. Philological sciences*, 8 (171): 183—186. (In Russ.).

*The article was submitted 14.09.2025;
approved after reviewing 09.01.2026;
accepted for publication 20.01.2026.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(1), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Захарова Н. В. Социальная сатира в прозе Китая в 30-е годы XX века : Лу Синь и Лао Шэ / Н. В. Захарова // Научный диалог. — 2026. — Т. 15. — № 10. — С. 264—278. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-264-278.

Zakharova, N. V. (2026). Genesis of Social Satire in Chinese Fiction during 1930s: Lu Xun and Lao She. *Nauchnyi dialog*, 15 (1): 264-278. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-264-278. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Социальная сатира в прозе Китая в 30-е годы XX века: Лу Синь и Лао Шэ

Захарова Наталья Владимировна
orcid.org/0000-0002-1434-1901
доктор филологических наук
radaeva2002@gmail.com

Институт мировой литературы
им. А. М. Горького
Российской академии наук
(ИМЛИ РАН)
(Москва, Россия)

Genesis of Social Satire in Chinese Fiction during 1930s: Lu Xun and Lao She

Natalia V. Zakharova
orcid.org/0000-0002-1434-1901
Doctor of Philology
radaeva2002@gmail.com

A. M. Gorky Institute
of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование генезиса и становление новой жанровой системы в литературе Китая в 30-е годы XX века. Источниками выступили прозаические произведения наиболее значимых китайских литераторов современной китайской словесности. Представлены результаты сопоставительного анализа сатирических рассказов Лу Синя (1881—1936) и романов с элементами фантастики Лао Шэ (1899—1966) и Чжан Тяньи (1906—1985). Доказано, что поиски новых жанровых форм проходили в условиях отказа от традиционалистского художественного сознания и перехода к индивидуально-творческому. Автор приходит к выводу о том, что на создателей китайской сатирической прозы повлияло усвоение опыта зарубежной литературы, в частности, знакомство с творчеством английских писателей XIX века. Представлена авторская концепция эволюции жанра социальной сатиры, зачатки которого отмечаются в китайской протонародной прозе XVIII—XIX века, что поможет созданию полной картины литературной жизни Китая в первой половине XX века. Новизна исследования видится в том, что впервые в российской синологии исследуется процесс перестройки жанровой системы китайской литературы, зарождения нового гибридного жанра социально-фантастической прозы с элементами сатиры.

Ключевые слова:

литература Кита; социальная сатира; Лу Синь; Лао Шэ; Чжан Тяньи.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the emergence and development of a new genre system in early twentieth-century Chinese literature. It draws on prose works by prominent writers from modern China to examine their contributions to literary innovation. Comparative analysis is conducted between satirical short stories by Lu Xun (1881–1936) and novels with elements of fantasy by Lao She (1899–1966) and Zhang Tianyi (1906–1985). It demonstrates that the search for novel generic forms occurred within an environment characterized by rejection of traditional artistic consciousness and transition towards individual creativity. The author argues that exposure to foreign literatures, particularly nineteenth-century English authors, influenced these creators' approach to social satire. A theoretical framework for understanding the evolution of this genre is presented, tracing its roots back to eighteenth- and nineteenth-century vernacular fiction. This work contributes significantly to our understanding of literary life in pre-war China through exploring the transformation of genre systems and the birth of hybrid genres combining social critique and fantasy. Its originality lies in being the first Russian Sinological investigation into such processes, thereby enriching comparative studies of Sino-Western literary influences.

Key words:

Chinese Literature; Social Satire; Lu Xun; Lao She; Zhang Tianyi.

УДК 821.581+82-4

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-264-278

Научная специальность ВАК
5.9.2. Литературы народов мира
5.9.3. Теория литературы

Социальная сатира в прозе Китая в 30-е годы XX века: Лу Синь и Лао Шэ

© Захарова Н. В., 2026

1. Введение = Introduction

В начале нынешнего столетия в России вектор изучения современной китайской литературы сместился с первых десятилетий XX века, первого этапа создания новейшей словесности, к первым десятилетиям XXI века — периоду стремительного развития уже утвердившейся современной литературы. Тем не менее в изучении литературного процесса в Китае в первой половине XX века остаются лакуны, восполнение которых поможет создать целостную картину эволюции современной литературы Китая в новой литературно-стадиальной ситуации начального этапа создания новейшей литературы.

Анализ сатирических произведений основоположника современной китайской литературы Лу Синя (鲁迅, 1881—1936) и сатирической повести с элементами фантастики Лао Шэ (老舍, 1899—1964) «Записки о Кошачьем городе» («猫城记») свидетельствует о том, что жанр социальной сатиры, зачатки которого встречаются в китайской простонародной прозе XVIII—XIX веков, в частности, в таких произведениях, как «Путешествие на Запад» («西游记») У Чэньэня (吴承恩, 1504—1582) и «Неофициальная история конфуцианцев» («儒林外史») У Цзинцзы (吴敬梓, 1701—1754), приобретает новые жанровые характеристики. Авторы сатирической прозы в первой половине XX века продолжили поиски новых жанровых форм, начало чему положили литературные эксперименты Лян Цичао (梁启超, 1873—1929), создавшего роман-антиутопию «Будущее нового Китая» («新中国未来记»).

Изучение китайской современной сатирической прозы, выявление ее типологических особенностей поможет определить закономерности рождения и эволюции новых жанровых структур в современной литературе Китая.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для исследования послужили прозаические произведения Лу Синя, в частности, его повесть «Подлинная история А-Кью» («A-Q正

传») и рассказы «Старые легенды в новой редакции» («故事新编»), а также сатирическая повесть с элементами фантастики «Записки о Кошачьем городе» Лао Шэ.

Предметом исследования стали генезис и формирование новой жанровой системы в литературе Китая в 30-е годы XX века. Для анализа жанра сатирических произведений указанных литераторов и проведения сопоставительного анализа были использованы статьи российских, английских и китайских литературоведов, посвященные как литературному процессу в Китае в 30-е годы XX века, так и творчеству Лу Синя и Лао Шэ, а также литературной ситуации в первой половине XX века и генезису сатирических жанров в Китае.

Известный советский синолог О. И. Фишман в монографии «Китайский сатирический роман» исследует истоки и эволюцию жанра, начиная с эпохи Цин (1644—1911), и отмечает, что «жанр сатирического романа в китайской литературе представляет интерес с точки зрения общих закономерностей развития художественной прозы и в плане художественного отражения реальной действительности [Фишман, 1966, с. 3]. Продолжая тему изучения генетики социально-утопических жанров, советский и российский ученый Д. Н. Воскресенский пишет о преобразовании традиционных жанров, «что привело к появлению социально-утопических романов и повестей. Изменения коснулись как объема сочинений: постепенно сокращалось количество глав и действующих персонажей, так и тематики: приоритетной становилась патриотическая (антиманьчжурская) направленность» [Воскресенский, 1994, с. 602]. Об этом же пишет и китайский исследователь А Ин в книге «История прозы поздней Цин» [А Ин, 2009, с. 189].

Крупнейший исследователь китайской литературы Л. Д. Позднеева в своей монографии «Лу Синь. Жизнь и творчество», анализируя жанровую специфику и стилистику произведений Лу Синя, остановилась на сборнике «Старые легенды в новой редакции». Она подчеркнула, что Лу Синь «осовременивал героев мифов, преданий, произведений не только китайской, но и иностранной литературы [Позднеева, 1959, с. 449].

В. И. Семанов, говоря о соотношении традиции и новаторства в творчестве Лу Синя, отмечал, что в понятие традиций «следует включать не только то, что бралось писателем сознательно, но и то, что входило в его произведения незаметно для него самого, а также то общее с национальной литературой, что возникало в его творчестве из-за сходных тенденций и потребностей развития» [Семанов, 1967, с. 147].

Из критических работ западных исследователей следует отметить монографию американского синоведа китайского происхождения С. Т. Ся «A History of Modern Chinese Fiction, 1917—1957». Нарушая традицию ки-

тайских исследователей, автор монографии избегает идеологических оценок творчества Лао Шэ: для него важна художественная ценность его произведений. С. Т. Ся отмечает, что в повести «Записки о Кошачьем городе» проявился талант Лао Шэ — сатирика, мастерски высмеивающего пороки китайского общества [Hsia, 1961, с. 546—549].

Китайские ученые Ван Вэйпин и Сюй Баодань в статье о литературном процессе исследуемого периода, и в частности об эволюции сатирических жанров, отмечают влияние западной литературы на формирование сатирических и юмористических романов писателей 30-х годов XX века [Ван Вэйпин и др., 2022, с. 15—16]. Китайская повествовательная проза и ее жанровые особенности стали предметом исследования многих современных китайских критиков. Ху Хуайчэнь, обращая внимание на новации литераторов Китая, подчеркивал влияние на них переводов французской и английской беллетристов [Ху Хуайчэнь, 2006, с. 25—30].

Литературному процессу в тридцатилетие, охватившее период с начала активизации движения «за новую литературу» в 1918 году и до первых дней Войны Соппротивления Японии (1937), посвящена монография современных китайских критиков Цянь Лицюня, Вэнь Жуминя и У Фухуэя. Коллективный труд интересен скорее как учебник по истории литературы исследуемого периода с акцентом на многочисленные литературные сообщества и печатные издания, что сближает его содержание с публикациями 50-х годов XX века, грешивших идеологической направленностью. Так, в подглаве «О сатире в произведениях Лао Шэ» авторы вообще не упоминают о повести «Записки о Кошачьем городе», считая ее недостойной внимания [Цянь Лицюнь и др., 1998, с. 251—254]. В отличие от Цянь Лицюня, Вэнь Жуминя и У Фухуэя, известный китайский критик Вэнь Жумэй в монографии «Трансформация реализма в новой литературе» отмечает, что «в число наиболее значимых писателей-реалистов входили Лао Шэ и Чжан Тяньи» [Вэнь Жумэй, 1988, с. 198].

Процесс перестройки жанровой системы китайской литературы, рождения нового гибридного жанра социально-фантастической прозы с элементами сатиры на примере произведений Лу Синя и Лао Шэ практически не исследован в российской синологии. Данная статья является продолжением изучения вопроса о «формировании новых литературных направлений» [Захарова, 2025], представленного в наших статьях «Объединение китайских литераторов «Юй сы» («Нити слов») и рождение новой китайской эссеистики» и «Деятельность Общества изучения литературы как фактор формирования реализма в Китае» [Захарова, 2023].

Методология исследования базируется на теоретических принципах историко-литературного, историко-культурного и сравнительно-историче-

ского анализа. Используются элементы нарратологического, интертекстуального и рецептивного подходов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Общественно-политическая ситуация в Китае в первой половине XX века как фактор, влияющий на литературный процесс в стране

Первая половина XX века в Китае была насыщена важными для политической, культурной и литературной жизни страны событиями. Это время можно разделить на три периода. Первый — с начала века до 1927 года — совпадал с завершением буржуазной революции 1925—1927 годов. На этот исторический отрезок приходится национально-освободительная Синьхайская революция 1911 года, положившая конец правлению маньчжурской династии (1644—1911 годы), и антифеодальное, демократическое движение «4-го мая» 1919 года — движение за новую культуру и литературу, приведшее к усилению борьбы представителей прогрессивной интеллигенции за демократизацию и модернизацию общества, выразившуюся в критике феодальной культуры и требовании замены письменного языка *вэньянь* (文言) на разговорный (байхуа, 白话). Это было время приобщения Китая к мировой культуре и литературе. Влияние прозы на европейских языках отмечают многие китайские современные исследователи [Ван Вэйпин и др., 2022, с. 15—28]. Картина литературной жизни страны складывалась из неоднозначных и противоречивых явлений, шла борьба между двумя типами художественного сознания: традиционного, основанного на конфуцианской идеологии, и новаторского, в формировании которого значительную роль играли рецепции японской, русской и англоязычной литератур. Новации, постепенно менявшие литературную ситуацию Поднебесной, наиболее ярко проявились в усилении места прозы на разговорном языке (сяошо, 小说) в общем корпусе словесности.

К 1920-м годам в Китае были созданы культурно-исторические предпосылки возникновения реалистического направления в литературе. Постепенный переход от просветительского метода, главенствующего еще в первое десятилетие XX века, к романтическому и реалистическому совпал с формированием основных теоретических принципов литературы Китая новейшего времени (现代文学, *сяньдай вэньсюэ*).

Второй период датируется десятилетием 1928—1937 годов, вобравшим в себя трагические в истории Китая события. В апреле 1927 года пришедшая к власти партия гоминьдан (国民党), возглавляемая Чан Кайши, начала преследование оппозиционно настроенных литераторов, наступил, по определению современных китайских литературоведов, период «воен-

ной смуты и непрерывной междоусобной борьбы гоминьдана и КПК <...> новая литература пребывала в постоянном хаосе и развивалась в очень политизированной атмосфере. <...> Литература 30-х годов существовала в атмосфере “борьбы и сопротивления” и развивалась с трудом» [Цянь Ли-цзюнь и др., 2024, с. 236]. В июне 1937 года началась Война Сопротивления Японии (1937—1945). Китайские критики, отмечая трудности развития литературы в этот период, тем не менее подчеркивают, что литературная ситуация складывалась «из развития и изменения трех направлений: литературы “левого крыла”, демократичной и либеральной, их расхождения и полемика по вопросам литературы и искусства и конкуренция в творчестве сделали литературу этих лет живой и разнообразной» [Там же, с. 239]. К этой оценке ситуации следует добавить, что на тридцатые годы приходится расцвет творчества самых значимых писателей Китая первой половины XX века — Лу Синя и Лао Шэ, творчество которых объединяет стремление использовать в своих сочинениях элементы сатиры и гротеска.

Третий период совпадает с началом Войны Сопротивления Японии (1937) и завершается образованием Китайской Народной Республики в 1949 году. Вслед за продвижением японских войск вглубь страны и оккупацией Пекина, главных центров литературной жизни в мирное время, литераторы, в том числе Лао Шэ, переехали в Нанкин и не сразу вернулись к творческой деятельности. Переориентация на военную и патриотическую тематику сказалась на художественном уровне их сочинений.

3.2. Лу Синь. От прозы с элементами сатиры к гротеску

Сатирическая проза (в том числе с элементами фантастики) не стала новым явлением в современной литературе Китая. Нельзя не согласиться с известным литературоведом-синологом В. И. Семановым, который отмечал, что «китайская сатирическая проза, возникшая еще в эпоху Тан, не раз пользовалась фантастическими формами и к середине XVIII в. подготовила появление знаменитой бытовой сатиры у Цзинцзы. Однако вплоть до конца XIX в. сатирический роман вновь (отчасти под давлением цензуры, отчасти из-за политической умеренности авторов, а порою и ради их определенного художественного замысла) облекается в фантастические одежды [Семанов, 1970, с. 39]. В то же время сатирическая проза социальной направленности, в которой ярко проявились фантастические элементы, — отличительная черта китайской прозы 30-х годов XX века. Ее предпосылки можно отметить уже в рассказе Лу Синя «Записки сумасшедшего» («狂人日记»), опубликованном в апреле 1918 года и ставшем точкой отсчета современной китайской литературы. Как пишет Л. Д. Позднеева, рассказ Лу Синя «положил конец средневековой и явился первым произведением новейшей литературы. <...> На смену фантастическим, авантюрным и

рыцарским романам, драмам и новеллам <...> Лу Синь ввел в литературу неприкрашенную действительность, новых героев — простых людей. Писатель открыл глаза китайцам на них самих. Наболевшие вопросы из жизни в его произведениях вырастали до значения общественных проблем» [Позднеева, 1959, с. 177]. Уже в рассказе «Записки сумасшедшего» (1918) читатели почувствовали стремление Лу Синя обличать пороки общества. Это стремление ярко проявилось в следующем сочинении Лу Синя — повести «Подлинная история А-Кью». Исследователи отмечают новаторство Лу Синя, избравшего для изображения пороков китайского общества сатирические краски, но сам Лу Синь считал, что его повесть выходит за рамки сатирического произведения. Об этом он писал в предисловии к русскому переводу «Подлинной истории А-Кью»: «хотя китайские критики объявили ее <...> сатирой», он выражал надежду, что «русские читатели, не зараженные нашей “традиционной мыслью”, увидят в повести нечто иное» [Лу Синь, 1989, с. 108]. Это «иное» было обличением социальных пороков — конфуцианской морали, которая, подобно «огромному камню», четыре тысячи лет подавляла китайский народ и в результате которой появились «герои», подобные главному персонажу повести — А-Кью.

Критике классической литературы, пронизанной конфуцианской идеологией, Лу Синь придает сатирическую окраску, в более поздних произведениях принимающую остроту гротеска. Во Введении к повести он рассуждает о жанре «Подлинной истории А-Кью», которую сначала называет биографией главного персонажа, употребляя термин, означающий жизнеописание героев конфуцианских официальных историй — чжуань «*传*». Затем задумывается, насколько соответствует его повествование избранному жанру, соотносит его с реестром жанров классической литературы. Лу Синь пишет: «<...> как назвать сочинение. Еще Конфуций сказал: “Если название неправильно, то и слова не повинуются”. Названий для подобных биографических трудов очень много: биография, официальная биография, автобиография, частная биография, неофициальная биография, дополнительная биография, краткая биография ... жаль только, что все они не подходят для моего сочинения» [Лу Синь, 1989, т. 2, с. 198—109]. У читателя не может не вызвать улыбку такое доскональное объяснение жанра сочинения, когда он узнает, что Лу Синь пишет историю нищего поденщика, не имеющего ни семьи и родственников, ни определенных занятий, неграмотного и даже не знающего своего имени. Единственное, что о нем известно, так это то, что он проживал в деревне Вэйчжуан. Сатира Лу Синя приобретает язвительный характер, когда он пишет о своем герое: «...вообще-то А-Кью был о себе весьма высокого мнения, а всех остальных жителей Вэйчжуан ни во что не ставил» [Лу Синь, 1989, Т. 2, с. 113].

Лу Синь подвергает критике конфуцианскую этику, в первую очередь — учение Конфуция о «благородном муже». С иронией Лу Синь пишет: «А-Кью с его “именитыми предками”, высокими званиями <...> был бы, в сущности, почти “совершенным человеком”, если бы не кое-какие физические недостатки. Особенно неприятно выглядели плешины — след неизвестно когда появившихся лишаев. Хотя плешины и были его собственные, но они, по-видимому, ничего не прибавляли к его достоинствам, поэтому он запрещал произносить при нем слово “плешь”, а также и другие слова, в которых содержался неприятный намек» [Лу Синь, 1989, с. 113]. Концептами «совершенный человек», «недостойный сын» — главные концепты учения Конфуция — в повести Лу Синя оперирует А-Кью — человек безродный, неграмотный, всеми презираемый. Такой диссонанс — это уже предтеча гротеска, который появится в прозе Лу Синя 30-х годов.

Лу Синь признавал, что на его сатирический стиль повлияли произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина. Можно отметить общие для двух авторов черты. Во-первых — использование аллегорий и иносказаний. Так же, как и М. Е. Салтыков-Щедрин, Лу Синь использовал эти фигуры речи в условиях жестокой цензуры, которой подвергались все его сочинения. Стараясь избежать давления цензуры, в 1920—30-е годы Лу Синь обращается историческим повествованиям «как средству раскрытия преемственности и обличения современности» [Позднеева, 1969, с. 449]. Еще в 1922 году Лу Синь написал рассказ «Гора Бучжоу» (позже он изменил название на «Починка небосвода»). Спустя девять лет Лу Синь создает цикл «Старые легенды в новой редакции», черпая сюжеты из исторических источников. Так, для сюжета рассказа «Починка неба» («补天») Лу Синь использует фрагменты мифов из философского памятника «Лецзы» (列子) (ок. V века до н. э.), «Хуайнаньцзы» (淮南子) (II век до н. э.) и «Лунь-хэн» (论衡) (Ван Чуна, 王充, 27 — 104 до н. э.); в рассказе «Покорение потопа» («里水»), он обращается к «Историческим запискам» («史记») Сыма Цяня (司马迁, 145—86 до н. э.).

У Лу Синя древние мифы и исторические фигуры обретают сатирическую форму и становятся носителями критики современных социальных проблем. Выбирая в качестве персонажей своих «Легенд» великих героев древности, мудрецов и божеств китайской мифологии, Лу Синь рисует их обычными, комичными, а порой и отталкивающими людьми. Так, в основе сюжета рассказа «Побег на луну» лежат отношения двух супругов, стрелка и красавицы Чанъэ, о которых бытует легенда, насчитывающая несколько тысячелетий. В рассказе Лу Синя легендарный стрелок И изображен жалким, неуверенным в себе мужчиной, испытывающим страх перед своей женой, Чанъэ, и старающимся во всем угодить ей: «Чанъэ, конечно, уже сердится, что я сегодня так поздно, — размышлял И, — даже не представ-

ляю, с какой миной она меня встретит. К счастью, есть курица, — может, это ее порадует. А я скажу: дорогая, чтобы ее раздобыть, мне пришлось проехать двести ли. Или нет, нехорошо — слишком уж смахивает на похвальбу» [Лу Синь, 1989, с. 370]. Это уже не сатира, а острый гротеск.

3.3. Лао Шэ. Фантастика и сатира как гибридный жанр повести «Записки о Кошачьем городе»

Сатирическую направленность прозы Лу Синя продолжил Лао Шэ в повести «Записки о Кошачьем городе» («猫猫城», 1932—1933).

Переводчик «Записок о Кошачьем городе» на русский язык и исследователь классической и современной китайской литературы В. И. Семанов считал, что роман Лао Шэ создан в традициях «Острова пингвинов» А. Франса. Был знаком Лао Шэ и с английской литературой, например, «Путешествием Гулливера» Дж. Свифта [Ху Хуайчэнь, 2006, с. 25—30]. Сам Лао Шэ говорил о влиянии на его творчество романа Уэллса «Первые люди на Луне». Однако не подлежит сомнению, что Лао Шэ прекрасно знал китайскую простонародную литературу и прозу на разговорном языке XVII века, в частности роман у Цзинцзы «Неофициальная история конфуцианцев», главная идея которого — «погоня за чинами и наживой губит общественные нравы и человеческие характеры» [Фишман, 1966, с. 73] — нашла отражение в «Записках о Кошачьем городе». Увлекался он и средневековыми новеллами чуаньци (传奇), сюжеты которых построены на приключениях героев в фантастических странах. Так, Ли Жучжэнь (李汝珍, 1763—1830), автор сатирического романа «Цветы в зеркале» (鏡花緣, опубликован в 1828 году), отправляет своих героев в путешествие по царствам Чернозубых, Псоголовых и даже Двудликих. Оказавшись в воинском лагере «Пьянство», герой встречается с целой стаей огромных пьяных котов, которые «преградили ему путь. Шатаясь во все стороны, они крутили головами и протягивали вперед лапы. — Мяу, мяу-у, вдруг запищали они, и Вэнь Сяо явственно услышал, как какой-то кот сказал: «Сыграем на пальцах, кому из нас выпить, вот тогда и пропустим тебя» [Ли Жучжэнь, 1959, с. 695]. Герой «Записок о Кошачьем городе» также оказывается в стране людей-кошек.

В романе Лао Шэ сочетаются две жанровые характеристики — фантастическая и сатирическая. О нереальности происходящего говорит само начало повествования: межпланетный корабль, на котором герой вместе со своим другом летел к Марсу, разбился, друг при крушении погиб. Рассказчик оказался в стране, в которой живут люди с кошачьими мордами и повадками кошек: они также осторожны, трусливы и коварны. Лао Шэ дает подробное описание людей-кошек: у них «длинное тонкое туловище и короткие руки и ноги <...>. Шея нормальная, головой они крутят на сто семьдесят градусов. Лицо и голова покрыты короткой шерстью» [Лао Шэ,

2024]. Кошки, населяющие Марс, только внешне отличаются от людей, во всем остальном их жизнь схожа с жизнью людей Земли.

Лао Шэ создает роман-антиутопию, то есть обращается к тому жанру, который был популярен в Китае в начале XIX века. В 1902 году прогрессивный китайский ученый и публицист Лян Цичао (1873—1929) публикует социально-утопический роман «Будущее нового Китая» («新中国未来记», 1902), который по замыслу близок к повести Уильяма Морриса «Вести ниоткуда, или Эпоха мира» (1891). Так же, как и Моррис, Лян Цичао в своем сочинении «строит образцовую социальную систему, изображая общество, живущее на основах полнейшего равенства, справедливости, свободы, вдохновенного труда — творчества» [Гениева, 1991, с. 358].

В романе нашли художественное воплощение насущные социальные проблемы, волновавшие писателя. Роман объединил просветительские иллюзии, романтическую утопию и стал примером социальной проницательности автора. Лян Цичао ставил задачу написать «прекрасную сказку, возможно, напоминающую исторический роман, но не исторический роман, что-то подобное трактату, но не трактат» [Цит. по: А Ин, 2009, с. 77]. Он замыслил свое сочинение как многоглавый роман, но, в отличие от классических китайских образцов этого жанра, использовал новые литературные приемы. По всей книге он вставляет сведения внефабульного характера, прибегает к повтору повествования: он был подобен стенографу, который записывает то, что говорят другие, однако постоянно добавляет собственный комментарий.

Действие романа происходит через 2513 лет после рождения Конфуция, то есть в 1962 году, когда народ всей страны отмечает пятьдесят лет с начала возрождения страны и «дружественные страны направляют в Китай глав правительств с поздравлениями» [Лян Цичао, 2008, с. 160].

Лян Цичао создает утопический образ обновленного Китая, прошедшего несколько фаз развития и ставшего сильным государством. Кошачий город Лао Шэ — это утопический Китай Лян Цичао, отраженный в кривом зеркале. Лао Шэ подчеркивает презрение и хитрость кошек по отношению к иностранцам: «поскольку люди-кошки не могут победить иностранцев, у них остается только одна надежда: что чужеземцы сами перебьют друг друга. <...> Иностранцы раскусили этот замысел. Они часто конфликтовали с Кошачьим государством, но никогда не доводили дело до конфликтов между остальными государствами [Лао Шэ, 1981, с. 222]. Однако именно война с иностранцами, нападшими на государство кошек, приводит к гибели кошачьей цивилизации.

Лао Шэ создает карикатурные образы всех социальных типов государства кошек, от простых людей, солдат, учеников, преподавателей до пред-

ставителей политической элиты. Особенно гротескными представлены дети: «Кошачьи дети — самые жизнерадостные существа в мире. Грязные (невероятно грязные, невозможно описать, до чего грязные!), худые, вонючие, уродливые, безносые, прыщавые, но очень жизнерадостные. Я увидел одного мальчишку, у которого физиономия вздулась, как глиняный горшок, рот даже закрыться не мог, щеки в кровь исцарапаны, а он бегал, прыгал и смеялся вместе со всеми. <...> Я не мог представить себе такого мальчишку в нормальной семье или школе. Да, он очень живой, но только общество идиотов могло породить грязных, худых, вонючих, уродливых, безносых и все-таки жизнерадостных детей» [Там же, с. 246]. Такие дети вырастают трусливыми, ленивыми и неграмотными кошками. Они уже сейчас живут в стране, в которой «царит подозрительность, эгоизм, подлость, жестокость. Ни капли доверия, широты, благородства! <...> Мрак, мрак, беспросветный мрак!» [Там же, с. 249]. Они копируют своих родителей, смысл жизни которых заключается в получении удовольствия от дурманных листьев.

Курение опиума стало трагедией, приведшей к деградации значительной части населения Китая, и одной из причин того, что страна к началу XX века стала колонией Японии, Англии, Германии и Франции. Лао Шэ пишет повесть «Записки о Кошачьем городе» в тридцатые годы, после завершения двух революций, прихода к власти военного диктатора Чан Кайши и запрета опиокурения. Однако основная масса китайцев оставалась неграмотной, нищенствовала. Писатель намеренно доводит описание морального и физического состояния людей-кошек до абсурда, он предупреждает своих соотечественников о том, что станет с ними и их детьми, если не будет осуществлено преобразование социального устройства китайского общества.

4. Заключение = Conclusions

Социальная сатира с элементами фантастики Лу Синя и Лао Шэ стала важнейшим явлением китайской литературы XX века.

Оба литератора стремились в художественных произведениях вскрыть социальные пороки современного им обществ: бюрократию, косность, лицемерие, ханжество.

В «Старых легендах в новой редакции» Лу Синь впервые в современной китайской литературе применяет новый художественный стиль — обращается к народным легендам и сказаниям, чтобы в условиях цензуры обличать недостатки современного Китая. Лу Синь использует приемы сатиры, иносказания и гротеска, усиливает те сатирические элементы, которые бытовали в китайской литературе в романах и новеллах, созданных на разговорном языке. Его стилистическую манеру продолжил Лао Шэ.

В романе «Записки о Кошачьем городе» он гармонично сочетает два жанра — фантастический и сатирический.

У сатирических произведений Лу Синя и Лао Шэ разная судьба. Лу Синь, признанный китайскими властями классик, практически не подвергался критике. Может быть, одна из причин этого — то, что все его сочинения были написаны до 1936 года и его репутация революционного писателя никогда не подвергалась сомнению. Повесть «Записки о Кошачьем городе» Лао Шэ, ставшая яркой сатирой на бюрократию китайского общества середины тридцатых годов, явилась пророческой: многие предсказанные писателем события стали происходить в начале так называемой «культурной революции» 1966—1976 годов. Не случайно маоистская критика вынудила Лао Шэ отречься от этой книги. После изменения политической ситуации в Китае в конце 80-х годов и осуждения злодеяний «культурной революции» «Записки о Кошачьем городе» Лао Шэ стали доступны читателям Китая и в переводах получили известность за рубежом.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Лао Шэ. Записки о Кошачьем городе* / Лао Шэ. — Пекин : Чжунго юй чубань гунсы, 2024. — 204 с. — ISBN 978-5057-5723-3 (老舍. 猫城记. 北京:中国友谊出版公司. — 2024. — 204 页).
2. *Лао Шэ. Избранное. Сборник* / Лао Шэ ; Перевод с китайского. — Москва : Прогресс, 1981. — 512 с.
3. *Ли Жучжэнь. Цветы в зеркале* / Ли Жучжэнь // Китайская литература. Хрестоматия. Древность. Средневековье. Новое время. — Москва : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР. 1959. — Т. 1. — С. 684—702.
4. *Лу Синь. Избранное* Перевод с китайского / Лу Синь. — Москва : Художественная литература, 1989. — 512 с. — ISBN 5-280-00696-3.
5. *Лу Синь. Предисловие к русскому переводу «Подлинной истории А-Кью»* / Лу Синь ; Перевод с китайского. — Москва : Художественная литература, 1989. — С. 107—108. — ISBN 5-280-00696-3.
6. *Лян Цичао. Будущее нового Китая* / Лян Цичао. — Наньнин : Гуанси шифань дасюэ чубаньшэ, 2008. — 166 с. — ISBN 978-7563-3776-7 (梁启超. 新中国未来记. 南:师范大学出版社. — 2008. — 166 页).

Литература

1. *А Ин. История прозы поздней Цин* / А. Ин. — Нанкин : Изд-во Цзянсу вэньи чубаньшэ, 2009. — 194 с. (阿英. 晚清小说史[南京]: 江苏文艺出版社. — 2009. — 194 页).
2. *Ван Вэйпин. Влияние китайской и западной литературы на формирование сатирических и юмористических романов Чжан Тяньи* / Ван Вэйпин, Сюй Баодань // Научные записки национального университета провинции Синань. — 2022. — № 3—01. —

С. 15—28 (王卫平, 许宝丹. 中西文学影响与张天翼讽刺幽默小说建构) / 西南民族大学学报 (人文社会科学版). 2022-03-01. 15—28 页).

3. *Воскресенский Д. Н.* Китайская литература / Д. Н. Воскресенский // История всемирной литературы в девяти томах. — Москва : Наука, 1994. — Т. 8. — С. 600—610.

4. *Вэнь Жумэй.* Трансформации реализма в новой литературе / Вэнь Жумэй. — Пекин : Изд-во Пекинского университета, 1988. — 301 с. (温儒敏. 新文学现实主义的流变. 北京:北京大学出版社. — 1988. — 301 页).

5. *Гениева Е. Ю.* Английская проза 70—90-х годов / Е. А. Гениева // История всемирной литературы в девяти томах. — Москва : Наука, 1991. — Т. 7. — С. 327—334. — ISBN 5-02-011439.

6. *Захарова Н. В.* Деятельность Общества изучения литературы как фактор формирования реализма в Китае / Н. В. Захарова // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2023. — Выпуск 4. — С. 163—168. — DOI: 10.20339/PhS.4-23.163.

7. *Захарова Н. В.* Объединение китайских литераторов «Юй сы» («Нити слов») и рождение новой китайской эссенстики / Н. В. Захарова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 178—193. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-3-178-195>.

8. *Позднеева Л. Д.* Лу Синь. Жизнь и творчество / Л. Д. Позднеева. — Москва : Издательство Московского университета, 1959. — 572 с.

9. *Семанов В. И.* Лу Синь и его предшественники / В. И. Семанов. — Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы. 1967. — 148 с.

10. *Семанов В. И.* Эволюция китайского романа. Конец XVIII — начало XX в. / В. И. Семанов. — Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы. 1970. — 343 с.

11. *Федоренко Н. Т.* Лао Шэ и его творчество / Н. Т. Федоренко ; Пер. с кит Лао Шэ. Избранное. Сборник. — Москва : Прогресс, 1981. — С. 5—16.

12. *Фишман О. Л.* Китайский сатирический роман / О. Л. Фишман. — Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы. 1966. — 195 с.

13. *Ху Хуайчэнь.* Изучение китайской повествовательной прозы / Ху Хуайчэнь. — Пекин : Изд-во Чжунго шуцзи чубаньшэ, 2006. — 182 с. (胡怀琛. 中国小说研究. 北京:中国书记出版社. — 2006. — 182 页).

14. *Цянь Лицюнь.* Три десятилетия современной китайской литературы (1917—1949) / Цянь Лицюнь, Вэнь Жуминь, У Фухуэй; пер. с кит. М. В. Семенюк, Е. А. Завидовской ; ред. Лю Жомэй. — Москва : Наука. Восточная литература, 2024. — 775 с. — ISBN 978-5-02-040593-6.

15. *Hsia C. T.* A History of Modern Chinese Fiction, 1917—1957 / C. T. Hsia. — New Haven : Yall-University Press, 1961. — 726 p.

Статья поступила в редакцию 21.09.2025,
одобрена после рецензирования 24.11.2025,
подготовлена к публикации 20.01.2026.

Material resources

Lao She. (1981). *Favourites. Collection*. Moscow: Progress Publ. 512 p. (In Russ.).

Lao She. (2024). *Notes about the Cat City*. Beijing: Zhongguo Yu chuban gongsi. 204 p. ISBN 978-5057-5723-3. (In Chin.).

Li Ruzhen. (1959). Flowers in the mirror. In: *Chinese Literature. The textbook. Antiquity. Middle Ages. A new time, I*. Moscow: State Educational and Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR. 684—702. (In Russ.).

- Liang Qichao. (2008). *The Future of the New China*. Nanning: Guangxi Shifan Daxue chubanshe. 166 p. ISBN 978-7563-3776-7. (In Chin.).
- Lu Xin. (1989). *Favorites Translated from Chinese*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 512 p. ISBN 5-280-00696-3. (In Russ.).
- Lu Xin. (1989). *Preface to the Russian translation of "The True Story of A-Q"*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 107—108. ISBN 5-280-00696-3. (In Russ.).

References

- A. Ying. (2009). *The history of the prose of the late Qing*. Nanjing: Jiangsu Wenyi chubanshe Publishing House. 194 p. (In Chin.).
- Fedorenko, N. T. (1981). *Lao She and his work*. Moscow: Progress Publ. 5—16. (In Russ.).
- Fishman, O. L. (1966). *Chinese satirical novel*. Moscow: Nauka Publ. The main editorial office of Oriental literature. 195 p. (In Russ.).
- Genieva, E. Y. (1991). English prose of the 70s—90s. In: *The History of World Literature in nine volumes*, 7. Moscow: Nauka Publ. 327—334. ISBN 5-02-011439. (In Russ.).
- Hsia, C. T. (1961). *A History of Modern Chinese Fiction, 1917—1957*. New Haven: Yale University Press. 726 p.
- Hu Huaichen. (2006). *The study of Chinese narrative prose*. Beijing: Zhongguo shuji chubanshe Publishing House. 182 p. (In Chin.).
- Pozdneeva, L. D. (1959). *Lu Xin. Life and work*. Moscow: Moscow University Press. 572 p. (In Russ.).
- Qian Lijun., Wen Zhumin., Wu Fuhui. (2024). *Three Decades of Modern Chinese Literature (1917—1949)*. Moscow: Nauka Publ. Oriental Literature. 775 p. ISBN 978-5-02-040593-6. (In Russ.).
- Semanov, V. I. (1967). *Lu Xin and his predecessors*. Moscow: Nauka Publ. The main editorial office of Oriental literature. 148 p. (In Russ.).
- Semanov, V. I. (1970). *The evolution of the Chinese novel. The end of the XVIII — beginning of the XX century*. Moscow: Nauka Publ. The main editorial office of Oriental literature. 343 p. (In Russ.).
- Voskresensky, D. N. (1994). Chinese literature. In: *History of World literature in nine volumes*, 8. Moscow: Nauka Publ. 600—610. (In Russ.).
- Wang Weiping., Xu Baodan. (2022). The influence of Chinese and Western literature on the formation of satirical and humorous novels by Zhang Tianyi. *Scientific Notes of the National University of Xinan Province*, 3—01: 15—28. (In Chin.).
- Wen Zhumei. (1988). *Transformations of Realism in New Literature*. Beijing: Publishing house of Beijing University. 301 p. (In Chin.).
- Zakharova, N. V. (2023). The activity of the Society for the Study of Literature as a factor in the formation of realism in China. *Philological Sciences. Scientific reports of the higher school*, 4: 163—168. DOI: 10.20339/PhS.4-23.163. (In Russ.).
- Zakharova, N. V. (2025). “Yü Sī” (“Threads of Words”) Literary Society and Birth of Modern Chinese Essayism. *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 178—195. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-3-178-195>. (In Russ.).

*The article was submitted 21.09.2025;
approved after reviewing 24.11.2025;
accepted for publication 20.01.2026.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(1), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Конурбаев М. Э. Интегративная текстология : модель многоуровневого анализа литературного произведения / М. Э. Конурбаев, С. М. Конурбаев // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 1. — С. 279—310. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-279-310.

Konurbaev, M. E., Konurbaev, S. M. (2026). Integrative Textology: A Multi-level Analysis Model of Literary Works. *Nauchnyi dialog*, 15 (1): 279-310. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-279-310. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Интегративная текстология: модель многоуровневого анализа литературного произведения

Конурбаев Марклен Эрикович¹

orcid.org/0000-0003-4710-9444

доктор филологических наук,
профессор,

кафедра английского языкознания,

корреспондирующий автор

1188067@gmail.com

Конурбаев Салават Маркленович²

orcid.org/0009-0009-0418-1113

аспирант,

кафедра английского языкознания

salavat@konurbaev.ru

¹ Финансовый университет
при Правительстве РФ
(Москва, Россия)

² Институт современного искусства
(Москва, Россия)

Integrative Textology: A Multi-level Analysis Model of Literary Works

Marklen E. Konurbaev¹

orcid.org/0000-0003-4710-9444

Doctor of Philology, Professor,
Department of English Linguistics,

corresponding author

1188067@gmail.com

Salavat M. Konurbaev²

orcid.org/0009-0009-0418-1113

post-graduate student,

Department of English Linguistics

salavat@konurbaev.ru

¹ Financial University
under the Government
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

² Institute of modern art
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование, направленное на обоснование и демонстрацию пятиосевой модели «филологического тензора» как теоретически значимого инструмента филологического анализа, предложенного в ответ на современные методологические вызовы. Используются философско-методологические методы моделирования на основе синтеза герменевтического, структуралистского, семиотического и культурологического подходов. Применён историко-типологический анализ для прослеживания эволюции литературных форм по каждой из выделенных осей. Научная новизна работы заключается в разработке новой концепции «филологического тензора» — пятиосевой модели целостного литературного анализа, которая интегрирует разрозненные подходы и преодолевает методологическую фрагментарность в понимании текста. Представлены результаты исследования: раскрыто содержание и функции пяти фундаментальных «осей» литературного произведения (Λόγος, Νόμος, Εἰκὼν, Πράξις, Γλῶσσα), показана их взаимосвязь. Прослежена эволюция литературных форм в каждом измерении — от синкретичного мифа древности до современных мультимедийных повествований. Подчёркнута практическая ценность предложенной модели для всестороннего анализа текстов разных эпох. Сделан вывод о том, что предложенная модель представляет собой универсальный подход к филологическому анализу и может быть применена как к классическим произведениям, так и к актуальным формам текста. Это свидетельствует о её гибкости и высоком эвристическом потенциале для современной филологии.

Ключевые слова:

эволюция литературных форм; герменевтика; культура; филологический анализ текста; тензор.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study aims to justify and demonstrate the five-axis model of a ‘philological tensor’ as a theoretically significant tool for philological analysis in response to contemporary methodological challenges. The research employs philosophical-methodological modeling techniques based on the synthesis of hermeneutic, structuralist, semiotic, and cultural approaches. An historical-typological analysis is applied to trace the evolution of literary forms along each axis identified within this framework. The scientific novelty lies in the development of an innovative concept of the ‘philological tensor,’ which serves as a unified model for comprehensive literary analysis by integrating fragmented methodologies into a cohesive whole. This paper presents findings that elucidate both the content and function of the five fundamental axes — Logos, Nomos, Eikon, Praxis, and Glossa — and their interconnectedness. It traces the evolution of literary forms across these dimensions from ancient syncretistic mythologies through modern multimedia narratives. Emphasis is placed on the practical value of this proposed model for analyzing texts spanning different eras comprehensively. The conclusion underscores its versatility and heuristic potential, suggesting applicability not only to classical works but also to current textual forms, thereby positioning it as a universal approach to philological inquiry.

Key words:

evolution of literary forms; hermeneutics; culture; text analysis in philology; tensor.

УДК 801.73+82.0+81'42

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-279-310

Научная специальность ВАК

5.9.3. Теория литературы

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Интегративная текстология: модель многоуровневого анализа литературного произведения

© Конурбаев М. Э., Конурбаев С. М., 2026

1. Введение = Introduction

Всякое подлинно литературное произведение представляет собой многослойное единство, в котором идеи неразрывно слиты с образами, сюжетная форма — с языковой материей, а эстетическое содержание — с историко-культурным контекстом. Столь сложный, живой организм текста не может быть адекватно понят, если анализ исходит исключительно из отдельных, разрозненных перспектив, разрывающих целое на части. Для его глубокого понимания необходим целостный метод, охватывающий основные стороны художественного целого: смысловую, структурно-композиционную, образно-символическую, медиальную и стилистическую.

Историческое развитие филологии шло по пути дифференциации, разделяя единый текст на несколько самостоятельных уровней исследования. Сформировались различные подходы, сосредоточенные на отдельных измерениях литературного анализа со своими выводами, которые нередко плохо коррелировали с общей смысловой перспективой и коммуникативной задачей текста. Так, герменевтика и литературно-критическая интерпретация искали в произведении внутренний смысл и мировоззренческое содержание; школы формального метода, структурализма и нарратологии, начиная от работ Б. В. Томашевского и В. Б. Шкловского [Шкловский, 1917], изучали сюжетно-композиционную организацию текста; семиотика и мифопоэтический анализ вникали в образно-символическую систему; медиаведение и культурология исследовали формы бытования произведения и его включённость в коммуникационные контексты; а лингвистика и поэтика слова сосредоточивались на языковой ткани и стилистических приёмах авторского письма. При этом названные дисциплины долгое время развивались относительно изолированно, каждая в собственной парадигме, что закрепило методологическую разобщённость филоло-

гии XX века. Каждый из упомянутых подходов внёс существенный вклад в науку о литературе, однако ни один в отдельности не способен охватить художественное целое во всей полноте его измерений.

Ограниченность частных методологий становится особенно очевидной в условиях современной культурной ситуации. Литературное бытие нашего времени характеризуется беспрецедентным многообразием: разрушается прежний единый канон, параллельно сосуществуют несхожие эстетические системы, пересекаются различные медиальные формы и жанровые эксперименты. Постмодернистское мышление отвергло универсальные «метанарративы», утвердив множественность локальных историй и дискурсов, а цифровая эпоха породила гибридные формы текста, совмещающие слово с визуальными и интерактивными элементами. В такой ситуации анализ, ограниченный одним измерением, неизбежно оказывается фрагментарным. Сосредоточившись лишь на отдельном аспекте, он рискует упустить из виду целое, что ведет к утрате цельности интерпретации. Таким образом, сложность современной формы литературного бытия явно указывает на необходимость формирования новой парадигмы.

Важно понимать, что необходим не просто суммарный набор разнородных методов, а их осмысленный синтез. Механическое наложение разрозненных подходов друг на друга не создаёт нового качества понимания; лишь внутренне скоординированное объединение методов, основанное на их взаимном дополнении, способно обеспечить по-настоящему целостное прочтение текста.

Концептуальным воплощением такого синтетического подхода выступает представление о литературном тексте как о многомерной системе. В этой системе разнородные элементы произведения связаны сложным узором внутренних соответствий, так что возникает равновесие между многообразием проявлений и единством художественного замысла. Можно условно назвать подобное многоаспектное единство «тензором» литературной формы, позволяющим выразить всю её сложность, не поступаясь внутренней стройностью. В математике тензор — величина, обладающая несколькими независимыми измерениями; здесь же этот термин используется метафорически для обозначения многомерной конструкции литературного анализа. Такой многомерный подход объединяет классическое наследие филологических методов с новейшими концепциями теории литературы, закладывая основы новой парадигмы целостного литературного анализа. В сущности, эти оси умозрительно складываются в структурное «древо» литературы: корни — архетипические основы, ствол — классическая традиция, ветви — новые формы и жанры, листья — конкретные тексты. Тем самым актуализируется изначальный идеал филологическо-

го познания — стремление охватить литературное произведение во всей полноте его смысла и формы. По сути, означенный интегративный подход возвращает исследователя к позиции «наилучшего читателя», который пытается постичь в тексте решительно всё [Винокур, 1990, с. 15—17].

Классические задачи филологии, впрочем, остаются неизменными на протяжении столетий: понять смысл текста, оценить его стиль, вписать произведение в историко-культурный контекст. Академик С. С. Аверинцев прямо определял филологию как «искусство понимать сказанное и написанное» [Аверинцев, 1969, с. 98—102]. Филологический анализ традиционно объединяет разные гуманитарные дисциплины вокруг произведения: так, Р. А. Будагов видел филологию как совокупность наук о культуре, запечатлённой в языке и литературе, предполагая необходимость синтеза истории, лингвистики и литературоведения для понимания текста [Будагов, 1980, с. 3—5]. В свою очередь, академик В. В. Виноградов подчёркивал, что постижение композиции и содержания произведения во многом зависит от учёта функционального своеобразия языка автора [Виноградов, 1959, с. 5—7].

Действительно, смысл литературного произведения никогда не бывает вполне конечным. Не существует заданной формулы смысла, раскрываемой по некому универсальному лекалу. Каждый великий текст многослоен и содержит возможность новых прочтений. Так, В. В. Виноградов подчёркивал, что понимание композиции и содержания произведения во многом зависит от учёта уникальных особенностей языка автора: анализ лексики, стиля и скрытой символики позволяет приблизиться к «духу» текста и обнаружить в нём новые смыслы. М. М. Бахтин указывал, что текст «живёт, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом)» [Бахтин, 1979], и лишь во встрече с новым контекстом «вспыхивает свет», освещающий смысловые глубины произведения. Если же искусственно закрыть этот диалог и свести всё к одному голосу, то исчезнет сама «бесконечность и бездонность смысла» художественного слова.

В созвучии с этими взглядами С. С. Аверинцев видел в литературном произведении не застывший объект, а именно открытое обращение автора к читателю. Художественный текст, по сути, «исполняется, когда его кто-то принимает», превращаясь в акт общения, а не оставаясь мёртвой «вещью». Иными словами, смыслы художественного текста принципиально незавершимы: они актуализируются и дополняются с каждым новым прочтением. Эта фундаментальная открытость смысла требует и соответствующего подхода — гибкого, многомерного анализа, учитывающего различные грани произведения в их единстве.

Важно отметить, что процесс понимания имеет не только филологический, но и философский характер [Мерло-Понти, 1999, с. 30—33]. В рамках

герменевтической традиции (Ф. Шлейермахер, Х.-Г. Гадамер и др.) понимание трактуется как диалог читателя с текстом, своеобразное «слияние горизонтов» эпохи автора и современности [Гадамер, 1988, с. 340—342; Рикёр, 2002, с. 46—49]. Междисциплинарный подход сближает филологию с философией языка, семиотикой и культурологией, расширяя инструментарий интерпретации [Потебня, 1862, с. 10—12; Шпет 1927, с. 5—7; Лотман, 1970, с. 7—9].

Современная культурная ситуация ставит перед филологом новые вызовы: фрагментарность культуры, исчезновение единого канона и множественность разрозненных нарративов ведут к утрате цельности интерпретации. Постмодернистское отвержение «метанарративов» и бурное развитие новых медиальных форм порождают риск рассечения смысла на изолированные фрагменты [Лиотар, 1998, с. 24—27; Бодрийяр, 2015, с. 120—122].

В новейшем литературоведении ведется поиск путей преодоления “кризиса интерпретаций” — например, В. В. Полонский отмечает необходимость возвращения к проверенным классическим принципам чтения [Полонский, 2016, с. 23—25] при одновременном учете новых реалий. В этих условиях возникает необходимость в принципиально новой многомерной методологии филологического анализа, способной интегрировать разнообразные аспекты существования текста и восстановить утрачиваемую в цифровую эпоху целостность прочтения. Отметим, что и современные исследователи трактуют художественный текст как «многоаспектное и многомерное образование» [Шатилова, 2015, с. 32] — что созвучно предлагаемой здесь модели. Интересный пример многопланового анализа предлагает И. Н. Иванова, рассматривая современную «северную прозу» через призму геопоэтики — синтеза пространства, мифа и языка [Иванова, 2015].

В данной статье предпринимается попытка ответа на указанные вызовы через предложенную нами концепцию «идеального тензора литературы». Эта модель — своего рода пятиосевой каркас филологического анализа художественного текста — интегрирует классические филологические традиции и современные теории в единое аналитическое пространство. Иными словами, предлагается многомерный подход, объединяющий смысловой, структурный, образно-символический, медиальный и языковой уровни анализа. Концепция «тензора» призвана синтезировать проверенные методы филологии с инновационными идеями герменевтики и семиотики, обеспечивая целостный подход к литературному произведению. В качестве ответа на вызовы современности в статье обосновывается модель «тензора» — интегральный подход к анализу текста, охватывающий основные измерения его бытия и объединяющий разрозненные методы в единую многомерную парадигму.

В нашем исследовании объектом анализа является письменное литературное (художественное) произведение. Анализируемые нами фольклорные тексты и мифологические нарративы рассматриваются постольку, поскольку они выступают исходными синкретическими формами, из которых исторически выросла литература. Следуя мысли Р. А. Будагова о филологии как науке, изучающей культуру, запечатлённую в языке и литературе, мы включаем мифологический и фольклорный материалы лишь для иллюстрации эволюции форм художественного слова, но основное внимание сосредоточено на авторских литературных текстах. Такой подход позволяет избежать размытости границ анализа и сохраняет фокус на собственно литературоведческом аспекте.

Современная цифровая эпоха лишь подтверждает необходимость подобного уточнения границ объекта: стираются пределы между собственно «текстом» и другими медиумами, литературные произведения обретают новые, гибридные формы. Исследователи отмечают, что в цифровой среде словесный текст легко сливается с визуальными и интерактивными элементами, меняя свою природу [Родионова, 2019]. Это обстоятельство усиливает вызов для филолога и требует разработки многомерных моделей анализа, способных охватить все аспекты сложного текстового целого. Подобные процессы конвергенции медиа и возникновения партисипативной культуры описаны в новейших работах как в российском, так и зарубежном литературоведении, в частности отмечаются тенденции к слиянию литературы с другими форматами повествования в рамках трансмедийности и электронных форм чтения. Эти факторы делают особенно актуальным переход к интегративной филологической методологии.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования являются теоретические работы по филологии, а также образцы художественных текстов разных эпох, иллюстрирующие выделенные пять измерений анализа. Исследование выполнено в русле современной теории литературы и философии художественного текста, а его методологическую основу составляет междисциплинарный подход. В работе интегрируются традиционные филологические методы с идеями герменевтики, структурализма, семиотики и культурологии.

Методологическая основа исследования опирается на сочетание классических филологических подходов. Каждый из них, как уже отмечалось выше, освещает отдельное измерение художественного текста. Так, герменевтика и традиционная литературная критика, как уже отмечалось выше, фокусируются на раскрытии внутреннего смысла и мировоззренческого содержания произведения. Формальная школа и нарратология анализируют

ют сюжетно-композиционную организацию и фабульную структуру текста — начиная от работ Б. В. Томашевского, разрабатывавшего понятия фабулы и сюжета в теории литературы [Томашевский, 1996]), и заканчивая современными нарратологическими моделями. Семиотический и мифопоэтический анализ (восходящий к трудам А. Н. Веселовского и В. Я. Проппа) проникает в образно-символическую систему и архетипические сюжеты произведения. Культурно-исторические и поликодовые подходы (от работ А. Н. Аверинцева о связи слова и культуры до новейших исследований мультимедийных повествований) изучают формы бытования текста, его включённость в коммуникационные контексты эпохи. Наконец, лингвостилистика и поэтика слова (традиция В. В. Виноградова) сосредоточены на изучении языковой ткани произведения, стилистических приёмов автора и «скрытой символики» слова. Каждый из перечисленных подходов внес ценный вклад в науку о литературе, но очевидно и ограничение каждого в отдельности: рассматривая произведение лишь по одному из указанных аспектов, сложно постичь его как художественное целое. Именно поэтому в новейшем литературоведении назрела потребность в интегративной методологии. Ещё Ю. Н. Тынянов рассматривал литературу как систему, где взаимодействуют традиция и инновация [Тынянов, 1929].

Многие исследователи призывают преодолеть методологическую разобщённость: С. И. Сухих отмечает, что для понимания сложной природы литературного произведения необходим синтез «комплексного» и «системного» подходов, объединяющий анализ элементов с учётом их взаимодействия в целостной структуре [Сухих, 2012, с. 299—300]. Наш подход отвечает этому призыву: он сочетает в себе разнородные перспективы в единой пятиосевой тензорной модели, стремясь, подобно идеям Г. Н. Пospelова, охватить литературу как систему во всем богатстве её элементов, методов и аспектов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Пятиосевая модель и её компоненты

Условно «идеальный текст» можно представить как многомерную структуру с большим разнообразием смыслообразующих связей, обусловленных авторским замыслом, культурой народа, на языке которого написано произведение, а также текущим историческим контекстом. Сочетание в одном пространстве художественной коммуникации лексических, семантических, синтаксических, тембрально-ритмических, аллюзивных элементов создает чрезвычайно пеструю картину смысловых потенциалов, которая очевидно нуждается в особом подходе. Это своего рода «тензор» с пятью взаимосвязанными осями. Такой подход позволяет разложить художественное произведение на несколько фундаментальных измерений.

Эти оси, образующие древо условно «идеального» тензора филологического анализа текста, обозначены греческими терминами и отражают разные аспекты его бытия:

1. Λόγος (Логос) — мировоззренческая, философская ось: идеологическое содержание, система ценностей и смыслов произведения.
2. Νόμος (Номос) — когнитивно-структурная ось нарратива: организация повествования, сюжетные законы и композиция.
3. Εἰκόν (Эйкон) — визуально-символическая ось: система образов, метафор, символов и визуальных представлений текста.
4. Πρᾶξις (Праксис) — медиальная ось: форма бытования текста, его медиум (устная или письменная традиция, сценическая форма, цифровая среда и т. д.) и способ существования в культуре [Лихачёв, 1983, с. 25—28].
5. Γλῶσσα (Глосса) — языковое и стилевое измерение: язык произведения, стиль, риторика и поэтика словесной формы.

Каждая из этих осей задаёт параметры воспринимаемой литературной формы. «Идеальный тензор» подразумевает, что произведение гармонично реализует все пять измерений: обладает глубоким смыслом (Логос), стройным повествованием (Номос), богатой образной системой (Эйкон), адекватной эпохе и культуре формой существования (Праксис) и выразительным языком (Глосса). Ниже мы рассмотрим подробно каждую ось древа тензора, опишем её структуру, типы изменений, примеры классических текстов и случаи отклонений, ведущих к выпадению текста из этого идеального многомерного пространства.

Λόγος — мировоззренческая (философская) ось

Формальные характеристики оси

Ось Логос определяет идеологическое и философское содержание текста. Она отражает базовое мировоззрение, лежащее в основе произведения: от религиозно-мифологического или космологического понимания мира до индивидуальной авторской философии. Формально Логос проявляется в теме и пафосе произведения, в том, какие вопросы бытия ставит текст и какие ценностные ответы подразумевает. Структурные параметры оси Логос — это степень сакральности или секулярности смыслов, масштаб охвата (космическое или локально-личное видение мира), наличие трансцендентных идей или, наоборот, ориентация на земной опыт. В идеале текст несёт цельную картину мира — как эпосы древности, где миф выступал моделью мироустройства, или как философские романы, предлагающие стройную систему идей.

Типы движения по оси Логос

Исторически и типологически мировоззренческая ось претерпевает значимые сдвиги:

1. Сакральное → профанное (индивидуально-экзистенциальное): переход от священного, мифологического миропонимания к светскому и личностному. Например, мифы и религиозные писания, считавшиеся носителями священной истины, сменяются авторской философской прозой, где каждый писатель сам конструирует свою систему смыслов. Таким образом, если миф был продуктом сакрального времени, то эпос и особенно роман принадлежат уже профанному времени — они выполняют преимущественно эстетическую, художественную функцию вымысла, а не роль не прерываемой священной истины).

2. Коллективное → авторское: смещение от коллективно разделяемого мировоззрения (племенной миф, религиозная догма) к частному взгляду автора. В традиционном эпосе или сказании картина мира выражает ценности всего сообщества; в модернистском романе — это уже уникальная философия отдельного писателя или героя.

3. Мифологическое (догматично цельное) → критико-философское (проблематичное): движение от цельной, неразрывной мифологической картины мира к отражению внутреннего разрыва между человеком и миром. Если в древнем эпосе мир и герой едины и вопросов не задаётся, то литература Нового времени полна сомнений, поисков смысла, ощущения расколотости (то, что Георг Лукач назвал «тоской по утраченной целостности эпоса») [Лукач, 1994, с. 74—75]. В философских романах XIX—XX веков (Ф. Достоевский, А. Камю) открыто ставятся мировоззренческие проблемы, которые эпос «блаженных времен» не знал.

Примеры литературных памятников

Идеальным полюсом оси Логос можно считать сакральные тексты и произведения, вмещающие целостное миропонимание. Античные эпосы — например, гомеровская «Илиада» — основаны на мифологическом мировоззрении: боги и судьба определяют ход событий, герой вписан в предначертанный космический порядок [Веселовский, 1940, с. 50—53]. Религиозные памятники, такие как Библия или индийский эпос «Махабхарата», прямо выражают сакральный Логос: они создавались как хранилища высших истин о мироздании. Средневековые христианские тексты (например, «Божественная комедия» Данте) совмещают теоцентрическую картину мира с авторским замыслом, реализуя высокую мировоззренческую ось. В Новое время примерами Логоса могут служить философские романы — скажем, «Доктор Фаустус» Т. Манна или «Братья Карамазовы» Ф. Достоевского, где через сюжет передаются сложные идеи о смысле жизни, добре и зле. С другой стороны, постмодернистская литература зачастую демонстрирует отклонение: вместо цельного мировоззрения — фрагментарность, ирония, отрицание метанарративов. Например, тексты

в духе постмодерна (Т. Пинчон, У. Эко) сознательно лишены единой философской позиции, играют с множественностью истин — тем самым они как бы «размыкают» ось Логос [Лиотар, 1998; Деррида, 2000].

Отклонения и утраты Логоса

Текст выходит за пределы идеального тензора по оси Логос, когда теряет глубину и мировоззренческую значимость. Возможные траектории утраты таковы:

— десакрализация: полная утрата сакральной или экзистенциальной проблематики. Произведение превращается лишь в развлечение без большого смысла. Например, некоторые утилитарные массовые жанры могут не содержать никаких философских вопросов — тогда текст плосок в измерении Логоса;

— фрагментация мировоззрения: когда в тексте намеренно отсутствует цельная позиция (как в радикально постмодернистской прозе), читатель не находит стержневого смысла — литературный «мир» распадается на отдельные отзвуки идей. Такое разрушение целостности может быть художественным приёмом, но с точки зрения идеального тензора оно означает неполноту мировоззренческого измерения;

— идеологическая односторонность: обратный полюс — когда мировоззрение есть, но оно представлено чрезмерно схематично или догматично. Например, прямолинейно агитационная литература (тоталитарная пропагандистская проза) может редуцировать сложность Логоса до одного лозунга, тем самым тоже обедняя измерение смысла.

Таким образом, ось Логос требует баланса — наличия в тексте глубокой, значимой идеи о мире, избегающей как пустоты смысла, так и прямолинейной зашоренности. В идеале мировоззренческая составляющая «просвечивает» сквозь все элементы произведения, делая его не просто повествованием, а носителем идеи.

Нóμος — нарративно-структурная ось

Формальные характеристики оси

Номос (буквально «закон») — это ось, отвечающая за построение повествования. Она определяет сюжетную архитектуру текста, логические и временные связи, когерентность и целостность истории. Формально сюда относятся композиционные элементы сюжета (завязка, конфликт, кульминация, развязка), принципы организации времени и пространства повествования (линейное время, циклическое, мифологическое «вне-время» и т. д.), а также степень структурной завершенности или фрагментарности повествования [Пропп, 1928, с. 15—18; Лотман, 1970, с. 85—87]. Номос — это внутренний закон рассказа, делающий набор событий именно нарративом. В идеальном случае структура повествования цельна, непротиво-

речива и осмыслена: каждое событие мотивировано, все части связаны причинно или тематически, есть ясное начало и финал, удовлетворяющие потребность в смысловом завершении.

Типы движения по оси Номос

Нарративные формы развивались от архаических ритуально-циклических структур к современным сложным и экспериментальным:

1. Ритуально-циклическое → линейно-каузальное: древнейшие повествования были тесно связаны с ритуалом и имели циклическую композицию (повторение мифологического круга событий, возвращение к изначальному состоянию, как в обрядовых действиях). Мифы об умирающем и воскресающем божестве, сказки с троекратными повторяющимися испытаниями — примеры циклического Номоса. Со временем нарративы эволюционировали к линейному причинно-следственному сюжету, отражающему рациональную логику истории (классический роман XIX века, где события развиваются прямолинейно во времени). Такой переход можно назвать сменой «ритуального закона» повествования на рационально-последовательный.

2. Коллективно-традиционный сюжет → авторская оригинальная композиция: в фольклоре сюжет строится по канону (типовые мотивы, известные всем ходы — например, во многих волшебных сказках герой проходит похожие этапы путешествия). Этот коллективный Номос обеспечивает узнаваемость истории. Письменная авторская литература отходит от шаблона: появляется новаторская композиция, экспериментальные структуры. Индивидуальный автор может нарушать хронологию (как Дж. Джойс в «Улиссе» или У. Фолкнер в своих романах), смещать повествовательные планы, разрывать канон — то есть вносить личный закон нарратива.

3. Замкнутый / единый нарратив → открытый / фрагментарный нарратив: классические эпические сюжеты и романы строились как единое целое, с чётким финалом (например, гомеровские поэмы или викторианские романы завершаются развязкой, воздающей героям по заслугам). В литературе модернизма и особенно постмодернизма появляется разомкнутая структура — открытый финал, фрагменты вместо цельного сюжета, множественность разрозненных эпизодов. Это движение от уверенной завершенности к принципиальной незавершённости отражает меняющееся отношение к познанию мира (уже нет уверенности, что историю можно рассказать до конца).

Примеры литературных памятников

Сильная ось Номос характерна для жанров, где структура — краеугольный камень впечатления. Эпические поэмы античности и раннего Средневековья (от шумерского «Эпоса о Гильгамеше» до «Одиссеи» Го-

мера) обладают строгим нарративным каркасом: события следуют в установленном порядке, часто соответствующем мифологическим циклам (приключения Одиссея — череда испытаний, которая замыкается его возвращением домой). Трагедии древности (Эсхил, Софокл) и классические романы (например, О. Бальзак, Л. Н. Толстой) демонстрируют отточенное композиционное мастерство: экспозиция, нарастающий конфликт, кульминация и финальная развязка четко выверены, создавая ощущение неотвратимости исхода (например, структура «Антигоны» Софокла строго логична, а в «Войне и мире» Л. Н. Толстого сложнейшие линии сходятся к финалу, образуя гармоническое целое). Напротив, литературный авангард XX века проиллюстрировал отклонения оси Номос: в романе «Улисс» Дж. Джойса внешний сюжет, на первый взгляд, хаотичен (хотя внутренне связан с мифом), произведения типа «Тошнота» Ж.-П. Сартра или абсурдистские пьесы (С. Беккет «В ожидании Годо») практически отказываются от традиционного сюжета. В таких текстах сюжет либо заменяется потоком сознания, либо топчется на месте в цикле бессобытийности, нарушая каноны классического Номоса.

Отклонения и утраты Номоса

Если сюжетно-композиционная ось нарушена, текст рискует потерять воспринимаемость как осмысленное целое:

— распад нарратива: крайний случай — отсутствие какого-либо связанного сюжета. Текст превращается в набор разрозненных фрагментов, которые не складываются в историю. Хотя подобный приём может быть намеренным (постмодернистская мозаичность), чрезмерное разрушение структуры приводит к тому, что произведение утрачивает форму повествования и воспринимается скорее как поток впечатлений или эссе;

— шаблонная структура: обратная проблема — когда нарратив слишком жёстко следует клише и канону, лишён творческой свежести. Скажем, второсортный жанровый роман, воспроизводящий однотипный сюжет без отклонений, формально имеет Номос, но он обесмыслен шаблонностью. Читатель чувствует чрезмерную предсказуемость, интерес пропадает — структура слишком явно выступает как трафарет, лишённый художественной ценности;

— логические разрывы и несогласованность: если в сюжете остаются необъяснённые нелогичные моменты, причинно-следственные связи нарушены, то когерентность истории страдает. Пример — слабый киносценарий, где герой вдруг меняет цель без мотивации, или роман с обилием «дыр» в сюжете. Такая история не убеждает и фактически выпадает из идеальной формы тензора, ведь внутренний закон повествования не соблюден.

В идеале ось Номос обеспечивает баланс традиции и новаторства: структура должна быть достаточно упорядоченной, чтобы история имела форму, и достаточно оригинальной, чтобы удерживать внимание. Идеальный Номос — это ситуация, когда сюжет кажется одновременно неизбежным и неожиданным, удовлетворяя и рациональное, и эстетическое чувство.

Εἰκόν — образно-символическая ось

Формальные характеристики оси

Эйкон («образ» или «икона») отвечает за визуально-символический строй произведения. Сюда относится вся совокупность художественных образов: персонажи-архетипы, метафоры, символы, аллегории, зрительные и эмоциональные образы, создаваемые текстом в воображении читателя. Формальные параметры включают богатство и связность образной системы, наличие ключевых символов, метафорическую насыщенность языка, единство или пестроту образной картины. Идеальное произведение обладает цельной системой образов, в которой отдельные мотивы и метафоры связываются в символическое целое (например, образ креста, проходящий через весь роман, или господствующая метафора пути). Кроме того, ось Эйкон включает иконичность — способность текста вызывать перед глазами читателя яркие картины, визуальные или чувственные представления.

Типы движения по оси Эйкон

Образный строй литературы эволюционировал вместе с культурным воображением:

1. Универсально-мифологическая образность → индивидуально-авторская образность: древние тексты опирались на коллективные архетипы и символы, понятные всему народу (солнце как божество, герой-драконоборец как универсальный символ добра и т. п.). Их образы часто типичны и повторяются от мифа к мифу. Новое время привнесло авторскую оригинальность в создании образов — каждый поэт стремился к уникальной метафоре, к индивидуальному символу. Например, у символистов (Ш. Бодлер, Д. Мережковский) возникает собственная система изобразительных мотивов, у модернистов — «личные мифы» (у Джойса в «Улиссе» образ Дублина сплетён с мифом об Одиссее, но переосмыслен авторски).

2. Конкретно-чувственная образность → абстрактно-интеллектуальная: движение от наглядных, предметных образов к более отвлечённым символам. Средневековая литература любила олицетворения (аллегорические фигуры Добродетели и Греха), зримо представляя эти фундаментальные концепты. В XX веке появляются сложные символы, понятные только через интеллектуальное усилие (например, у Ф. Кафки замок или

насекомое «таракан» — многозначные аллегории положения человека). По оси Эйкон это переход от иконического (образ как картинка) к знаковому (образ-идея).

3. Сакрально-ритуальная символика → игровая, ироническая образность: в мифе и эпосе образ имел магическую силу (произнесение имени = вызов сущности; ритуальное слово = действие). Художественная литература, особенно постмодерна, зачастую играет с символами, лишая их «святости». Например, в постмодернистском романе священные ранее образы (ангел, крест, король) могут появляться в гротескном виде, цитироваться и пародироваться. Происходит смещение от образа-иконы (почитаемого) к образу-цитате (иронически употребляемому).

Примеры литературных памятников

Образцовые тексты по оси Эйкон — это те, которые славятся своей образностью и символикой. Поэмы Гомера — кладёшь ярких зрительных образов: щит Ахилла, сцены боя, боги на Олимпе — всё рисуется выпукло и зримо. Библейская «Книга Откровения» (Апокалипсис) — пример экстремально насыщенной символами литературы: образы семиглавого Зверя, Жены, Дракона приобрели архетипическое значение. Средневековый роман о Граале и «Божественная комедия» Данте представляют собой системы образов, где каждый эпизод аллегоричен. В более близкие нам эпохи отметим литературу романтизма (например, поэзию У. Блейка или В. Жуковского) — её тексты строились на символах ночи, звёзд, ангелов, придающих произведениям многослойность. Символисты (М. Волошин, А. Блок) сознательно создали целые мифопоэтические вселенные образов (город, цвет, музыка как символ) [Лосев, 1976, с. 130—132]. Даже реалистическая литература, казалось бы, отрицавшая условный символизм, имеет мощный образный ряд: вспомним «Преступление и наказание» Ф. Достоевского — Петербург в нём не просто город, а давящий лабиринт (образ душевного состояния Раскольникова), сны Свидригайлова наполнены знаками и предчувствиями. Напротив, литература, бедная на образы, выглядит сухо. Например, чрезмерно дидактические сочинения, где автор больше рассуждает, чем рисует, или утилитарные жанры (некоторые научно-фантастические романы грешат избыточным вниманием к идее в ущерб образности) — такие тексты демонстрируют ослабленную ось Эйкон.

Отклонения и утраты Эйкон

Когда разрушается образная система, произведение теряет эстетическую притягательность и глубину:

— шаблонность и клишированность образов: вместо живых образов — избитые клише. Если в любовном романе герои описаны штампами (он — «высокий брюнет с пронизывающим взглядом», она — «прекрасная

как роза» и т. п.), образная ось слабеет. Читатель не получает нового визуального опыта, текст не рождает свежих картин — он воспринимается как вторичный;

— отсутствие символического слоя: литература становится слишком буквальной. Например, в утилитарной прозе, лишённой метафор, всё говорится «в лоб». Это делает текст плоским — нет многозначности. (Ведь система образов в художественном тексте — сложный механизм, призванный обогащать текст, придавать ему глубину.) Если же многозначность устранена, произведение ближе к протоколу или инструкции, но не к искусству;

— разрыв единства образов: в некоторых неудачных произведениях символы могут вводиться, но не развиваться и не связываться между собой. Например, если в начале повествования мелькает образ, обещающий стать метафорическим лейтмотивом, а потом о нём забывают, общая образная ткань рвётся. Текст воспринимается эклектично, образная система несостоятельна, — что снижает художественную ценность произведения.

Хорошо выстроенная ось Эйкон делает текст ярким и глубоким. Образы воздействуют на эмоции и бессознательное читателя, символы добавляют уровни смысла. Идеальный текст пронизывает воображение читателя своей образностью — буквально рисует мир и идеи в формах ощущений. Без этого литература утрачивает свою магию и перестаёт отличаться от сухого пересказа.

Πράξις — медиальная ось (форма бытования текста)

Формальные характеристики оси

Πраксис (буквально «действие», практика) в нашем контексте — это способ существования произведения, его медиум и форма подачи. Сюда относится всё, что касается материальной и перформативной стороны текста: устная или письменная форма, манера исполнения или чтения, форма публикации, жанровая природа, вплоть до технических средств (рукопись, книга, театр, кино, цифровой файл). Формальные параметры оси Πраксис — это, во-первых, тип коммуникации: непосредственное исполнение (как в фольклоре — сказитель и аудитория) или опосредованное (напечатанная книга, рассчитанная на индивидуальное чтение); во-вторых, степень коллективности создания: фольклор коллективно порождается традицией, тогда как авторская литература производится индивидом; в-третьих, долговечность носителя: миф, живущий в памяти поколений, vs. интернет-пост, который может исчезнуть завтра. Идеальный текст по оси Πраксис оптимален для своего содержания: например, лирическое стихотворение идеально вписывается в письменную поэтическую традицию, а пьеса — в сценическое воплощение.

Типы движения по оси Праксис

Эволюция форм бытования литературы показывает ряд ключевых переходов:

1. Устная (аудитивная) форма → письменная (визуальная) форма: древнейшие повествования существовали устно, передаваясь из уст в уста. Гомеровские поэмы исполнялись рапсодами под аккомпанемент, содержание приспособлялось к слушателям. Переход к письменности зафиксировал текст, сделав его стабильнее, но убрав живое звучание. Далее эра печатной культуры (появление книгопечатания) и позже цифровая эпоха (электронные книги, онлайн-тексты). Происходит движение от непосредственного присутствия рассказчика к самостоятельному существованию текста вне автора.

2. Коллективное творчество → индивидуальное авторство: фольклорные эпосы, сказки и песни создавались всем народом, цепочкой исполнителей устного текста — их автор неизвестен, каждый вносил изменения. Постепенно возникает культ автора: уже в античности выделяются конкретные создатели (Гомер — полулегендарный; затем — драматурги, философы), в Новое время авторское право закрепляет индивидуальное создание. В современном мире практически любое произведение связано с конкретным именем. Например, сказка существует в вариантах и принадлежит всем, а роман представлен единым каноническим текстом, подписанным определённым писателем.

3. Традиционные медиа → интерактивные и мультимедийные формы: литературный текст долгое время жил на страницах книги или на сцене театра. XX век добавил кино как новую форму бытования нарратива, XXI век — цифровую интерактивную среду. Появились гипертексты, визуальные новеллы, интерактивные игры, где сюжет может меняться в зависимости от действий читателя / игрока. Это радикально меняет Праксис: аудитория из пассивной превращается в соучастника. К примеру, традиционный эпос слушатель воспринимал пассивно, а в современных интерактивных историях (визуальные романы, RPG) пользователь сам выбирает траекторию сюжета.

Примеры литературных памятников

Ось Праксис можно проиллюстрировать, сопоставив различные формы существования текста. Фольклор: эпические песни вроде древнерусского «Слова о полку Игореве» (пусть дошедшего до нас в записи) или сербские гуслярские эпосы исполнялись устно перед аудиторией — это коллективное переживание, где успех текста зависел от живого исполнения. Драма: пьесы У. Шекспира в елизаветинском театре — пример текста, рассчитанного на сцену, на зрелищное воплощение; без постановки они теряют часть смысла

(чтение пьесы vs. просмотр её в театре — различные опыт и восприятие). Роман Нового времени, например произведения Дж. Остин, уже предполагает индивидуального читателя с книгой в руках — интимный опыт, немислимый в прежнюю эпоху. В XIX веке возникают и серийные журнальные публикации (Ч. Диккенс печатал романы по главам в журналах), что тоже влияло на форму — текст делился на выпуски и удерживал внимание аудитории от номера к номеру. В XX веке видим экспансию кино и телевидения: литература начинает экранизироваться, сюжет обретает новую медиальную жизнь (скажем, «Властелин колец» Дж. Р. Р. Толкина ныне известен и как фильм — это другой уровень Праксиса). Цифровые примеры — гипертекстовый роман «Afternoon, a story» (1987) М. Джойса, где читатель кликами выбирает развитие сюжета, или современные веб-новеллы и фанфики на онлайн-платформах, которые постоянно обновляются и интерактивно обсуждаются читателями. Всё это — разные узлы оси Праксис.

Отклонения и утраты Праксиса

Если форма бытования не соответствует тексту или нарушена, произведение может «выпасть» из культурного обихода:

— утрата медиума: например, если устное произведение никем не было записано и забыто носителями, оно исчезает бесследно. Фольклор жив, пока его рассказывают. (Р. Якобсон и П. Богатырёв ввели понятие «предварительной цензуры коллектива» [Богатырёв и др., 1929]: если индивидуально созданный в устной традиции текст не принят коллективом и не усваивается, он обречён на гибель. В письменной литературе, напротив, непонятый современниками текст может сохраниться на бумаге и быть оценён потомками. Таким образом, нарушение передачи по каналу коммуникации — смерть текста);

— неадекватность формы содержанию: когда сложный роман пытаются пересказать в упрощённом комиксе или, наоборот, простую сказку раздувают до многотомного эпоса, несоответствие медиума может погубить впечатление. Если, скажем, тонкая лирика требует тишины печатной страницы, а её пытаются воплотить в шумном блокбастере, заложенный смысл теряется;

— устаревшая технология: текст может выпасть из тензора, если форма его хранения становится недоступной. Например, произведения, записанные на устаревших носителях (перфокарты, редкие форматы файлов), оказываются невостребованными. В истории — переход от пергамента к бумаге: многое не переписывалось и исчезло. Сегодня — цифровая уязвимость: сайт, на котором публиковался сетевой роман, закрылся, и файл утрачен безвозвратно. Тензор предполагает идеальную сохранность оси Праксис. Однако реальность часто вносит коррективы.

В идеале форма существования выбирается так, чтобы максимально донести содержание до аудитории и обеспечить долговечность. Идеальный Праксис — это когда текст, форма и аудитория находятся в полном соответствии. Тогда произведение укореняется в культуре: как предание, которое постоянно пересказывают; как книга, что переиздается веками; или как цифровой проект, который длительно поддерживается сообществом.

Глосса — языковой и стилистический уровень

Формальные характеристики оси

Глосса (буквально «язык, языковой стиль») — пятая ось, связанная с языком, стилем и словесным выражением текста. Это уровень лексики, фразеологии, синтаксиса, художественного стиля, речевых характеристик персонажей — всего, что составляет словесную ткань литературы [Якобсон, 1987, с. 22—25]. Формальные параметры: богатство словаря, наличие или отсутствие диалектизмов, архаизмов, неологизмов; степень поэтичности или простоты речи; единый высокий стиль или многостильность; отшлифованность формы или нарочитая небрежность. Ось Глосса проявляется и в стилистической иерархии текста: используются ли разные регистры (например, сочетание высокого и просторечного слога у М. А. Булгакова) или текст выдержан в одном тоне. Как отмечал М. М. Бахтин, в романе взаимодействуют различные социальные диалекты и голоса, образуя многоголосие текста [Бахтин, 1979, с. 225—227]. Идеальный литературный тензор предполагает выразительный, уместный языковой строй: речь, которая понятна, образна и гармонирует с содержанием.

Типы движения по оси Глосса

История литературы — это ещё и история языковых стилей:

1. Высокий, канонический стиль → сниженный, разговорный стиль: древние и классические жанры имели канон языка. Эпосы писались приподнятым слогом, героическим гекзаметром (Гомер), трагедии — стихами высокого стиля. Любое отступление от этого считалось нарушением. В Новое время, особенно с развитием романа, литературный язык спускается с пьедестала к разговорной речи. Роман вводит простонародный диалог, просторечие. Например, у А. С. Пушкина в «Евгении Онегине» — смесь книжного и разговорного стилей, а у Ф. М. Достоевского персонажи говорят живым языком улиц. Ось Глосса демонстрирует демократизацию: от условно-возвышенного языка — к многоязычию и простоте. Как отмечал М. М. Бахтин, эпический мир знал единственный «готовый» язык, общий для героев и автора, а в новую эпоху каждый социальный диалект и жаргон взаимодействуют, рождая полифонический многоязычный мир романа [Бахтин, 1979, с. 226].

2. Монологизм → полифония: в традиционных жанрах прошлого звучал, как правило, единый голос автора или сказителя, и лишь изредка персонажам позволялось говорить своим особым стилем. Однако развитие жанра романа привело к появлению настоящей полифонии в бахтинском смысле — множественности равноправных голосов. В полифоническом романе речь разных персонажей не просто стилистически различается, но отражает самостоятельные позиции и сознания, а авторский голос уже не доминирует над другими. Такая диалогичность ярко проявляется, например, в романе М. А. Булгакова “Мастер и Маргарита”: Мастер и Иешуа ведут повествование в высоком стиле, Воланд использует архаичные интонации, бюрократы говорят канцеляритом. Различие этих голосов не сводится к стилю — каждому из них соответствует свой ценностный мир. Тем самым речь в тексте приобретает объемное многоголосие, и структура романа становится подлинно диалогичной.

3. Регламентированность → игра и эксперимент: классическая риторика строго предписывала нормы (жанр определял стиль: ода — высокий слог, комедия — простой). Современная литература позволяет стилевые эксперименты: смешение жанровых языков, сознательное нарушение норм (поток сознания у Дж. Джойса разрушает синтаксис, у Д. Хармса — абсурдные сочетания слов). Язык стал объектом игры, что расширило границы выразительности.

Примеры литературных памятников

Языковой гений — отличительная черта великих текстов. Высокий слог эпоса видим в «Энеиде» Публия Вергилия или в древнеиндийском эпосе на санскрите: специальные эпитеты, повторяющиеся формулы («быстроногий Ахилл») — всё это создавало монументальность речи. Средневековые сказания, летописи писались особым книжным стилем (старославянском в Древней Руси, на латыни в Европе) — эта архаическая отстранённость языка подчеркивала значимость содержания. С переходом к национальным языкам литературы (Данте на тосканском, Д. Чосер на английском) начинается развитие разнообразных стилей. У Шекспира явил чудо: в его пьесах высокий стих соседствует с прозой простолюдинов, шуты говорят на грубом жаргоне — то есть представлен целый спектр Глоссы. Реалисты XIX века (Л. Толстой, Г. Флобер) добивались того, чтобы язык незримо служил отражению жизни: выверяли фразы, подбирали точные слова. Модернисты и авангардисты решились на смелые опыты: от зауми В. Хлебникова до многоязычия романа «Поминки по Финнегану» Дж. Джойса, где английский перемешан с десятками языков. Каждый такой памятник иллюстрирует либо торжество, либо вызов оси Глосса. Например, у В. В. Набокова («Лолита») — чрезвычайно изощренный английский стиль, игра

слов, аллитерации; а у Э. Хемингуэя — предельно простой язык, короткие фразы. Оба случая по-своему идеальны: стиль соответствует замыслу. А вот переводная или адаптированная литература часто страдает: знаменитый пример — советские цензурные переводы, упрощавшие и нивелировавшие стиль оригинала, из-за чего ось Глосса искажается.

Отклонения и утраты Глоссы

Языковой и стилистический уровень — хрупкая материя, и его ослабление заметно снижает художественность текста:

— оскудение языка: бедный словарный запас, примитивный синтаксис, однообразие — всё это делает текст тривиальным. Например, некоторые современные шаблонные детективы написаны максимально простым, утилитарным языком — они читаются легко, но не оставляют эстетического впечатления. Тензорная ось Глосса здесь минимальна: язык лишь средство передачи сюжета, а не носитель красоты;

— стилистическое несоответствие содержанию возникает, когда выбранный автором стиль неуместен для темы произведения. Например, чрезмерно высокопарный, торжественный язык при изложении по сути простого сюжета способен вызвать непреднамеренный комический эффект. И наоборот, если детский рассказ написан чересчур официально-бюрократическим языком, читатель может испытывать отторжение. В целом, при дисгармонии между содержанием и стилем восприятие текста искажается: серьёзная идея, поданная в неподходящей форме, теряет убедительность (если только подобное несоответствие не является осознанным художественным приёмом автора). Идеальный тензор подразумевает согласованность: языковая ось (Γλῶσσα) должна поддерживать смысловую (Λόγος) и сюжетно-композиционную (Νόμος) оси, а не противоречить им;

— архаизация и утрата понятности: язык может настолько устареть, что становится барьером перед адекватным восприятием. Классические тексты через века становятся трудны для новых читателей без комментариев. Например, чтение без адаптации «Калевалы» в подлиннике или даже «Слова о полку Игореве» — непосильная задача для массового читателя. Без обновления или перевода такие тексты выпадают из современного культурного обихода, их тензорная ось Глосса разрывается с аудиторией. Чтобы вернуть их в актуальное пространство, требуется филологическая работа по «перешифровке» языка.

В идеале языковой стиль должен быть живым, выразительным и понятным целевой аудитории, не приноситься в жертву ни излишней усложнённости, ни неоправданному упрощению. Идеальная Глосса — это голос автора и героев, который звучит аутентично, красиво и в лад всему остальному в произведении.

3.2. Тензорная иерархия: от осей к целостному тексту

Пять описанных осей — это наиболее абстрактный уровень рассмотрения идеального литературного произведения. Они подобны пяти «измерениям», пронизывающим текст. Однако, как любая модель, тензорная структура проявляется на разных уровнях иерархии — от общего к частному. Можно вообразить древо, где корнями служат фундаментальные оси, стволом — жанрово-структурные принципы, ветвями — конкретные элементы текста, а листьями — отдельные слова и образы в произведении.

На верхнем уровне абстракции находятся пять осей: мировоззренческая, нарративная, образная, медиальная, языковая. Это своего рода идеальные требования или потенции текста. В реальном произведении все они должны найти воплощение. Спускаясь на уровень ниже, мы видим, как оси конкретизируются:

Логос определяет тематику и идею: например, выбранный автором жанр может зависеть от Логоса (эпос подходит для выражения космического мировоззрения, детектив — для моралистической загадки, притча — для духовного поучения). Конкретнее — главы и сцены могут нести символику определённых идей, диалоги персонажей раскрывают философские позиции.

Номос формируется в сюжетно-композиционных элементах: завязка представляет исходный мир, конфликт — столкновение законов или ценностей (связано с Логосом), кульминация — разрешение по внутренним законам истории. Даже абзацы и фразы выстраиваются во времени — это микро-Номос. То есть структурная ось пронизывает текст от общей схемы до порядка слов.

Эйкон проявляется через систему образов и мотивов: на уровне всего текста — сквозные метафоры, лейтмотивы, символы, которые повторяются (например, мотив дороги в романе, символ крыльев или теней). На уровне глав — каждый эпизод может иметь свой яркий образ, вместе они образуют единое полотно. Наконец, на минимальном уровне — отдельные удачные сравнения, меткие эпитеты, которые, как пиксели, складываются в общую картину.

Праксис задаёт форму жанра и медиума: уровень целого — выбор жанра (скажем, автор решает, что его идея лучше воплотится как драма, — значит, Логос и Номос должны реализовываться в диалогах и актах, а Эйкон — в визуальных образах на сцене). Уровень частей — разделение на песни, главы, сцены может диктоваться традицией (например, роман в письмах представляет собой серию писем, публикация романа по главам в журнале также влияет на форму). Даже отдельное слово в тексте несёт на себе отпечаток медиума: скажем, устный эпос использует формульные по-

вторы для запоминания, а в письменном романе таких повторов нет — там действуют иные приёмы связности.

Глосса пронизывает каждое предложение и диалог: на уровне целого — общий тон (например, эпопея: возвышенный стиль от начала до конца; или постмодерн: пёстрая смена стилей). На уровне целого — общий тон (например, эпопея характеризуется возвышенным стилем от начала до конца; постмодернистский роман, напротив, пёстро сменяет стили). На уровне фрагмента — отдельная сцена может быть написана официальным языком (скажем, судебное заседание в романе — протокольная речь) или просторечием (разговор рабочих — жаргон). Минимальный уровень — выбор конкретного слова, синонима, порядок слов в предложении — всё это кирпичики стилового строя.

Таким образом, идеальный тензор пронизывает текст на всех уровнях. От замысла до последней точки — во всём присутствуют все пять измерений. Мы можем представить это иерархически:

I. Абстрактный уровень: пять осей как принципы.

II. Уровень жанра / формы: ось Праксис конкретизируется выбором жанра (роман, поэма, драма), Логос — выбором темы / идеи, Номос — типом сюжета (приключенческий, психологический и т. д.), Эйкон — образной доминантой (например, преобладание реалистических бытовых образов vs. преобладание мифологических символов в произведении), Глосса — стилем (реализм, барокко, минимализм).

III. Уровень сюжета и структуры: распределение ролей (герой как носитель Логоса, антагонист как контрЛогос), композиция сцен (Номос), сеть лейтмотивов (Эйкон), разделение на части, главы (Праксис), полифония голосов (Глосса).

IV. Уровень локальных элементов: конкретная сцена — это микро-модель: у неё есть свой мини-Логос (идея сцены), своя структура развития (начало-конец сцены — Номос), образы в описаниях (Эйкон), формат представления (например, сон героя — особый «медиум» внутри текста, или письмо внутри романа) и стиль реплик и описаний (Глосса).

V. Уровень фраз и слов: даже отдельная метафора, например, «ночь рассыпала звёзды, как зерно», несёт Логос (настроение, идею — связь природы и жизни), обладает структурой сравнения (Номос), образностью (Эйкон — визуальный образ звёзд-зёрен), указывает на литературно-письменную речь, а не протокол (Праксис), и выполнена в определённых словах поэтического регистра (Глосса).

На самом нижнем уровне — конкретный текст («глосса» в исходном греческом смысле — слово, словесная оболочка). Это листья на нашем древе. Они питаются соками всех ветвей: смысловая наполненность слов идет от

Логоса, положение в синтаксической структуре — от Номоса, образность каждого слова (коннотации, звучание) — от Эйкона, уместность слова для данного жанра и ситуации — от Праксиса, и собственно лексическое и стилистическое качество — от Глоссы. Так идеальный тензор буквально пронизывает весь текст: в каждом элементе присутствует отпечаток всех пяти осей.

В целом произведении все уровни сложены воедино. Мы как читатели можем анализировать текст, «поднимаясь» по вертикали — от красивой фразы (Глосса) к образу и символу в ней (Эйкон), оттуда к роли этой фразы в сюжете (Номос), далее к её вкладу в главную идею (Логос) и пониманию, почему она выражена именно так, в таком жанре и форме (Праксис). Такой анализ и есть расслоение текста по тензорным осям. В обратную сторону — при создании произведения — автор часто интуитивно мыслит именно так: выбирает, **что** сказать (Логос), **как** построить рассказ (Номос), в **каких образах** (Эйкон), в **какой форме подать** (Праксис) и **каким языком написать** (Глосса). Когда все пять решений удачны, получается творение, приближающееся к идеалу.

3.3. Историческая динамика тензора литературы

Диахронический взгляд на литературный тензор показывает, как менялись приоритеты и состояние каждой оси на разных этапах культуры. Литература развивается неравномерно: порой одна ось выходит на первый план, другие остаются в тени, затем баланс смещается. Можно проследить несколько крупных сдвигов — своеобразную историческую динамику тензора от древности к постмодерну.

От сакрального мифа к постмодернистской деконструкции (Логос и не только). В эпоху архаики литературе (если расширить понятие до мифа) была присуща безусловная сакральность Логоса. Миф — это сакральный Логос, объясняющий мир в терминах божественного порядка. Номос мифа также особый: мифическое время циклично, священные события повторяются ритуально. Эйкон мифа максимально конкретен и универсален: каждый миф предлагает архетипические образы (космическое яйцо, мировое древо, бог-громовержец). Праксис мифа — устный рассказ в общинном кругу, неразличимость автора. Глосса — архаический язык заклинаний, часто ритмичный, с формулами. Постепенно, с появлением эпоса, начинается переход к профанному: как заметил один исследователь, если миф — продукт сакрального, то эпос и роман уже принадлежат профанному времени, они имеют прежде всего эстетическую функцию вымысла в отличие от «истинного». В античной Греции философы противопоставляют *логос* как рациональное слово — *мифосу* как преданию. Логос-ось становится более рациональной: возникают философские трактаты, драма ставит социальные и этические вопросы (Эсхил, Еврипид). Однако вплоть до сред-

невековья сакральный компонент силён — литература служит религии (агиография, богослужебные тексты) или как минимум высокой морали. Ренессанс и Просвещение делают решительный шаг к секуляризации: Логос становится светским, человек — мерой всех вещей. Праксис меняется — бурный расцвет печатной книжной культуры, появляются авторы-творцы (М. де Сервантес, У. Шекспир). Номос — от канонических сюжетов к эксперименту (роман «Дон Кихот» разрушает рыцарский канон). Эйкон — смешение христианских символов с античными мифологемами и новыми аллегориями (у того же Шекспира призрак отца Гамлета — образ, выходящий за пределы строгой церковной догмы). Глосса — переход к народным национальным языкам.

К XIX веку складывается относительно сбалансированный тензор классической литературы: великие романы (В. Гюго, Л. Н. Толстой, Ч. Диккенс) содержат мощный гуманистический Логос (но не догматический, а философский), крепкий Номос (сюжеты тщательно построены), богатейший Эйкон (образные системы — от реалистических деталей до символических мотивов, как у Г. Мелвилла в «Моби Дике» — белый кит как многозначный символ), традиционный Праксис (книга-роман как доминирующая форма, читаемая тысячами, автор — признанный гений) и разнообразную, но всё ещё нормативную Глоссу (литературный язык отточен, хотя допускается определённый просторечный диалог). Этот период можно назвать классическим балансом — когда оси относительно уравновешены и идеал «высокой литературы» сравнительно ясен.

Модернизм начала XX века расшатывает баланс: происходит своеобразный взрыв тензора. Различные направления акцентируют разные оси, порой в ущерб другим:

1. Символисты рубежа XIX—XX веков (С. Малларме, русский “серебряный век”) максимально усилили образно-символическую составляющую (Εἰκόν) и экспериментировали с языком произведений (Γλῶσσα): их творчество характеризуется смелыми лингвистическими опытами, изящными, но трудными для однозначного понимания образами и намеренной смысловой неясностью. Логос в таких текстах часто принимает мистический характер или спрятан “в глубине” произведения, то есть не выражен напрямую и подразумевается через систему символов, требующую расшифровки от читателя. Нарративная ось (Νόμος) при этом нередко оказывается разомкнутой (например, вместо чёткого сюжета у символистов встречается лирическая поэма — фрагментарное повествование без явной фабулы). Медиальная ось (Πρᾶξις) тоже смещена: символистское искусство ориентировано на узкий “элитарный” круг книжной культуры, рассчитывая на подготовленного читателя.

2. Авангард (футуризм, дада) пошёл на радикальные эксперименты с Глоссой: заумный язык, отказ от грамматики — ось языка стала главной, но Логос и Номос почти уничтожены (смысл зачастую намеренно отрицался, сюжет заменён потоками сознания или коллажем).

3. Реализм и неореализм в целом сохраняли относительно сбалансированное соотношение всех осей, хотя со временем под воздействием идеологических и исторических факторов акценты смещались. Так, в середине XX века возникает социалистический реализм с навязанным “идеологическим” Λόγος (чрезмерным, односторонним), при этом Νόμος остаётся классическим, устойчивым.

4. Экзистенциалисты (А. Камю, Ж.-П. Сартр) — сильный индивидуальный Логос (философия абсурда, экзистенции), нарочито упрощённая Глосса (сдержанный стиль), классический Номос (в целом традиционные сюжеты, притчеобразные), Эйкон умеренный (метафоры простые), Праксис — роман и драма.

Постмодернизм (конец XX века) объявил глобальную децентрализацию культуры. Пятиосевая структура литературы в этот период заметно искажена, нарочито деформирована:

— логос: деконструкция всякой «большой идеи», вместо цельного мировоззрения — ирония, игра с чужими идеями. Иными словами, ось Логос не исчезает, но намеренно искажается: постмодерн как бы заявляет, что нет единого логоса, но есть много его локальных проявлений и имитаций;

— номос: нелинейность, фрагментарность, коллаж из цитат, нарушенная причинность — деконструкция традиционного нарратива. Например, роман И. Кальвино «Если однажды зимней ночью путешественник» состоит из начал десяти разных романов — сюжет нарочно разбит и незавершен;

— эйкон: тотальное смешение символов разных эпох и пластов культуры (интертекстуальность). Священные образы берутся в кавычки. Эйкон перегружен отсылками, но часто намеренно поверхностен (картинки без глубины, симулякры по терминологии Ж. Бодрийяра);

— праксис: литературный текст становится лишь частью медийного поля. Появляется понятие «трансмедийности»: история может параллельно разворачиваться через книгу, фильм, комикс, игру. Автор уже не выступает безраздельным «демиургом» — нередко читатель или фанатское сообщество соучаствует в сотворчестве (например, фантастика с открытым финалом, дописываемым поклонниками). Подобные явления детально исследованы в рамках концепции конвергентной культуры и культуральной миграции сюжета;

— глосса: стили смешиваются все — высокая литература соединяется с массовым сленгом, жанровые клише намеренно пародируются (на-

пример, В. Пелевин в одном романе имитирует то советский протокол, то буддийскую притчу, то интернет-сленг). Наблюдается тенденция к упрощению языка под влиянием массовой культуры, с другой стороны — сохраняются нишевые сложные стилиевые практики.

В итоге постмодернистская литература сознательно демонстрирует нарушение идеального тензора — это часть её эстетики. Она показывает «выпадение» текста из традиционных осей: нет сакрального смысла, нет цельного сюжета, образы — цитаты, форма — гибридная, язык — эклектичный. Этот исторический этап словно разобрал древо на части. Однако, как ни парадоксально, даже постмодерн не уничтожил сами оси, а лишь радикально переосмыслил их. Логос превратился в мета-логос (иронию над идеями), Номос — в мета-нарратив (рассказ о невозможности рассказа), Эйкон — в бесконечные зеркала образов, Праксис — в эксперимент с медиумами, Глосса — в одновременную смычку всех языковых регистров.

3.4. Современность и интерактивная культура

В XXI веке литература продолжает менять свои основные формы. Интерактивная культура (компьютерные игры, интерактивные рассказы, VR-истории) — новый шаг по оси Праксис. Например, ролевая видеоигра, по сути, берёт на себя функцию романа-эпопеи: большой мир, множество героев, квестовый Номос (сюжет из множества нелинейных заданий), визуальный Эйкон (графика), мировоззренческие развилки (игрок выбирает мораль — Логос) и часто обширные тексты диалогов (Глосса) плюс озвучивание. Таким образом, границы литературы расширяются. Эпос возвращается, но в новом виде — как интерактивный эпос. Исследователи литературы отмечают появление феномена *неомифологизма*: массовая культура создала современные мифы (супергерои, саги типа «Звёздных войн»), у которых свой Логос (борьба добра и зла, героический путь), свой Номос (бесконечные сериалы подобно фольклорным циклам), яркий аудиовизуальный Эйкон, трансмедийный Праксис (фильмы, книги, комиксы, игры в единой вселенной) и язык, понятный глобально (смесь простоты с условными «магическими» терминами). Это интересный виток: фактически возврат к мифу на новом уровне технологического развития.

В то же время литература как искусство слова не исчезает. Происходит синтез: высоколитературные произведения XXI века перенимают у постмодерна свободу, но восстанавливают некоторые оси. К примеру, в жанре магического реализма (Г. Г. Маркес, Х. Мураками) видим возвращение сакрального и мифологического Логоса внутри современного романа, Эйкон — богатейший (магические образы), Номос — вполне традиционный (история семьи или героя), Глосса — яркая, сочетающая простоту с поэтичностью. Другой пример — неомифологический роман (Дж. Р. Р. Толкин

с его вселенной Средиземья): автор заново создаёт миф с нуля, но для современного читателя. Здесь Логос намеренно архаизирован (борьба добра и зла, языческая мифология), Номос эпически размерен, Эйкон — основан на фольклорных образах (эльфы, драконы), Праксис — жанр фэнтези (роман-книга, но породивший медиафраншизу, ушедшую в кино и игры), Глосса — тоже смесь старинного слога с современной понятностью.

4. Заключение = Conclusions

Итоговую историческую эволюцию тензора литературы можно представить так: он совершил круг от синкретического мифа (где все оси неразлично слиты во всемогущем слове) через дифференциацию (эпос, драму, роман — выделение разных граней) и деконструкцию (постмодерн — радикальное разъединение осей) — к новому поиску целостности на более высоком уровне осознания (речь, разумеется, идет об эволюции формы). Мы видим, что идеальный литературный тензор — ценностная модель, к которой литература стремится, хотя полностью ее не достигает. Каждый период выдвигает свои приоритеты, но истинно великая литература любой эпохи тем и велика, что максимально многомерна. Эпос Гомера, трагедии Шекспира, романы Л. Н. Толстого, поэзия Т. С. Элиота или проза Г. Г. Маркеса — все они по-своему проявляют полноту пяти измерений.

Рассмотренная в статье идея «древа идеального тензора» помогает понять литературу как сложное многослойное целое с различными, но одинаково необходимыми компонентами. Тем самым реализуется давний принцип, провозглашенный Г. Н. Пospelовым: изучать литературное произведение как внутренне взаимосвязанную систему, а не совокупность разрозненных аспектов [Пospelов, 1982, с. 140—142]. Условно продолжая метафору древа, можно сказать: его корни — архетипические основы (миф, слово, ритуал), ствол — классическая традиция, ветви — новые формы и жанры, листья — конкретные тексты. Это древо растёт, меняется с эпохами, старые листья опадают (устаревают формы), вырастают новые. Но пять главных ветвей филологического тензора — Логос, Номос, Эйкон, Праксис, Глосса — остаются тем каркасом, без которого не распустится ни один цветок под названием «литературное произведение». Знание о них помогает и читателю глубже ценить книги, и автору осознавать своё творчество в многомерном пространстве возможностей.

Таким образом, тензорная модель демонстрирует свой потенциал как универсальный инструмент филологического анализа. Пять фундаментальных осей служат прочным каркасом, на котором зиждется любое литературное произведение — от эпоса античности до цифрового гипертекста. Не случайно выдающиеся произведения разных эпох ценны своей много-

мерностью: будь то эпос Гомера, трагедии У. Шекспира, романы Л. Н. Толстого или постмодернистские опыты, каждое из них по-своему проявляет полноту всех пяти измерений. Это означает, что предложенная модель применима как к анализу классических текстов, укоренённых в канонических традициях, так и к прочтению новейших форм нарратива — литературных, медиальных, гибридных. Например, ось Праксис учитывает и устную, и письменную форму, а также цифровую среду существования произведения, что позволяет эффективно применять тензорный подход при изучении мультимедийных жанров XXI века.

Важно подчеркнуть, что концепция тензора не ограничивается рамками описанной модели — напротив, она представляет собой развивающееся направление исследования, обладающее высоким эвристическим потенциалом. Подобно живому организму, литература постоянно эволюционирует, порождая новые формы и идеи. Соответственно, и тензорная методология может расширяться и усложняться, подстраиваясь под изменения литературного процесса и открывая всё новые грани анализа. Идея тензора призвана стимулировать дальнейшие поиски в теории литературы, предлагая целостную, но гибкую модель, способную вместить богатство классического наследия и инновации современной культуры. Иными словами, «дерево идеального тензора литературы» выступает не статичной схемой, а плодотворной концептуальной основой, которая уже зарекомендовала себя в анализе художественных текстов и обещает новые открытия в будущем.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Литература

1. *Аверинцев С. С.* Похвальное слово филологии / С. С. Аверинцев // Юность. — 1969. — № 1. — С. 98—102.
2. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — Москва : Искусство, 1979. — 423 с.
3. *Богатырёв П. Г.* Die Folklore als eine besondere Form des Schaffens [«Фольклор как особая форма творчества»] / П. Г. Богатырёв, Р. О. Якобсон // Donum natalicium Schrijnen. Verzameling van opstellen door oud-leerlingen en bevriende vakgenooten opgedragen aan Prof. Dr. Joseph Schrijnen bij gelegenheid van zijn zestigsten verjaardag, 3 Mei 1929. — Nijmegen : N. V. Dekker & Van der Vegt, 1929. — S. 900—913.
4. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. О. А. Печенкиной. — Москва : Изд. дом «Постум», 2015. — 238 с. — ISBN 978-5-91478-023-1.
5. *Будагов Р. А.* Филология и культура. — Р. А. Будагов. — Москва : Изд-во МГУ, 1980. — 303 с.

6. *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика / А. Н. Веселовский ; под ред. В. М. Жирмунского. — Ленинград : Гослитиздат, 1940. — 648 с.
7. *Виноградов В. В.* О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. — Москва : Гослитиздат, 1959. — 654 с.
8. *Винокур Г. О.* Филологические исследования: лингвистика и поэтика / Г. О. Винокур. — Москва : Наука, 1990. — 451 с. — ISBN 5-02-011436-7.
9. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод : основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер ; пер. с нем. ; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. — Москва : Прогресс, 1988. — 699 с. — ISBN 5-01-001035-6.
10. *Деррида Ж.* О грамматологии / Ж. Деррида ; пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. — Москва : Ad Marginem, 2000. — 511 с. — ISBN 5-93321-011-0.
11. *Дженкинс Г.* Конвергентная культура : Столкновение старых и новых медиа / Г. Дженкинс ; пер. с англ. А. Гасилина. — Москва : Рипол Классик, 2019. — 384 с. — ISBN 978-5-386-13461-7.
12. *Иванова И. Н.* Северный текст в современной отечественной прозе : версия Дмитрия Новикова / И. Н. Иванова // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 1—2. — С. 187.
13. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар ; пер. с фр. Н. А. Шматко. — Москва : Ин-т экспериментальной социологии ; Санкт-Петербург : Алетеия, 1998. — 159 с. — ISBN 5-89329-107-7.
14. *Лихачёв Д. С.* Текстология : на материале русской литературы X—XVII вв. / Д. С. Лихачёв ; 2-е изд., перераб. и доп. — Ленинград : Наука, 1983. — 645 с.
15. *Лосев А. Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. — Москва : Искусство, 1976. — 367 с.
16. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. — Москва : Искусство, 1970. — 387 с.
17. *Лукач Г.* Теория романа : опыт историко-философского исследования форм большой эпики / Г. Лукач // Новое литературное обозрение. — 1994. — № 9. — С. 19—78.
18. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти ; пер. с фр. ; под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. — Санкт-Петербург : Ювента ; Наука, 1999. — 605 с. — ISBN 5-02-026807-0.
19. *Полонский В. В.* Филология vs философия? в поисках выхода из тупика интерпретаций / В. В. Полонский // Studia Litterarum. — 2016. — № 1. — С. 14—25.
20. *Поспелов Г. Н.* Целостно-системное понимание литературных произведений / Г. Н. Поспелов // Вопросы литературы. — 1982. — № 3. — С. 139—155.
22. *Потебня А. А.* Мысль и язык / А. А. Потебня. — Харьков : [б. и.], 1862. — 300 с.
23. *Пропп В. Я.* Морфология сказки / В. Я. Пропп. — Ленинград : Academia, 1928. — 152 с.
24. *Райан М.-Л.* Narrative as Virtual Reality 2 : Revisiting Immersion and Interactivity in Literature and Electronic Media / М.-Л. Райан. — Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2015. — 304 p. — ISBN 9781421417974.
25. *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций : очерки о герменевтике / П. Рикёр ; пер. с фр. И. Вдовиной. — Москва : КАНОН-пресс-Ц, 2002. — 416 с. — ISBN 5-85691-035-4.
26. *Родионова А. А.* Текстуальность в цифровую эпоху : текст и действие / А. А. Родионова // Цифровой учёный: лаборатория философа. — 2019. — Т. 2. — № 1. — С. 88—99.

27. Сухих С. И. Методология литературоведения : комплексный и системный методы анализа литературы / С. И. Сухих // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. — 2012. — № 6 (1). — С. 298—303.
28. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. — Москва : Аспект Пресс, 1996. — 240 с.
29. Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы / Ю. Н. Тынянов. — Ленинград : Прибой, 1929. — 189 с.
30. Шатилова Л. М. Современные методы и подходы к исследованию художественного текста / Л. М. Шатилова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 7 (2). — С. 199—202.
31. Шкловский В. Б. Искусство как приём / В. Б. Шкловский // Сборники по теории поэтического языка. — 1917. — Выпуск II. — С. 3—14.
32. Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова (этюды и вариации на темы Гумбольдта) / Г. Г. Шпет. — Москва : Гос. акад. художеств. наук, 1927. — 219 с.
33. Якобсон Р. О. Работы по поэтике / Р. О. Якобсон ; сост. М. Л. Гаспаров. — Москва : Прогресс, 1987. — 464 с. — ISBN 978-5-0000-0000-0.

Статья поступила в редакцию 16.09.2025,
одобрена после рецензирования 20.10.2025,
подготовлена к публикации 20.01.2026.

References

- Averintsev, S. S. (1969). The praiseworthy word of philology. *Youth*, 1: 98—102. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1979). *Aesthetics of literary creativity*. Moscow: Iskustvo Publ. 423 p. (In Russ.).
- Baudrillard, J. (2015). *Simulacra and simulation*. Moscow: Publishing house "Postumus". 238 p. ISBN 978-5-91478-023-1. (In Russ.).
- Bogatyrev, P. G., Jacobson, R. O. (1929). Die Folklore als eine besondere Form des Schaffens "Folklore as a special form of creativity". In: *Donum natalicium Schrijnen. Verzameling van opstellen door oud-leerlingen en bevriende vakgenooten opgedragen aan Prof. Dr. Joseph Schrijnen bij gelegenheid van zijn zestigsten verjaardag, 3 Mei 1929*. Nijmegen: N. V. Dekker & Van der Vegt. 900—913. (In Germ.).
- Budagov, R. A. (1980). *Philology and culture*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 303 p. (In Russ.).
- Derrida, J. (2000). *About grammatology*. Moscow: Ad Marginem. 511 p. ISBN 5-93321-011-0. (In Russ.).
- Gadamer, H.-G. (1988). *Truth and method: fundamentals of philosophical Hermeneutics*. Moscow: Progress Publ. 699 p. ISBN 5-01-001035-6. (In Russ.).
- Ivanova, I. N. (2015). The Northern text in modern Russian prose: Dmitry Novikov's version. *Modern problems of science and education*, 1—2: P. 187. (In Russ.).
- Jenkins, G. (2019). *Convergent culture: The clash of old and new media*. Moscow: Ripol Classic. 384 p. ISBN 978-5-386-13461-7. (In Russ.).
- Likhachev, D. S. (1983). *Textual criticism: based on the material of Russian literature of the X—XVII centuries*. Leningrad: Nauka. 645 p. (In Russ.).
- Losev, A. F. (1976). *The problem of symbol and realistic art*. Moscow: Iskustvo Publ. 367 p. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1970). *The structure of a literary text*. Moscow: Iskustvo Publ. 387 p. (In Russ.).

- Lukach, G. (1994). Theory of the novel: the experience of historical and philosophical research of the forms of great epic. *New literary Review*, 9: 19—78. (In Russ.).
- Lyotard, J.-F. (1998). *The state of postmodernity*. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Alethea. 159 p. ISBN 5-89329-107-7. (In Russ.).
- Merleau-Ponty, M. (1999). *Phenomenology of perception*. Saint Petersburg: Juventus; Nauka Publ. 605 p. ISBN 5-02-026807-0. (In Russ.).
- Polonsky, V. V. (2016). Philology vs philosophy? in search of a way out of the impasse of interpretations. *Studia Litterarum*, 1: 14—25. (In Russ.).
- Pospelov, G. N. (1982). Holistic and systematic understanding of literary works. *Questions of literature*, 3: 139—155. (In Russ.).
- Potebnya, A. A. (1862). *Thought and language*. Kharkov: [b. i.]. 300 p. (In Russ.).
- Propp, V. Ya. (1928). *Morphology of a fairy tale*. Leningrad: Academia. 152 p. (In Russ.).
- Riker, P. (2002). *Conflict of Interpretations: Essays on hermeneutics*. Moscow: CANON Press. 416 p. ISBN 5-85691-035-4. (In Russ.).
- Rodionova, A. A. (2019). Textuality in the digital age: text and action. *Digital Scientist: the Philosopher's Laboratory*, 2 (1): 88—99. (In Russ.).
- Ryan, M.-L. (2015). *Narrative as Virtual Reality 2: Revisiting Immersion and Interactivity in Literature and Electronic Media*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 304 p. ISBN 9781421417974. (In Russ.).
- Shatilova, L. M. (2015). Modern methods and approaches to the study of literary text. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 7 (2): 199—202. (In Russ.).
- Shklovsky, V. B. (1917). Art as a technique. *Collections on the theory of poetic language*, II: 3—14. (In Russ.).
- Shpet, G. G. (1927). *The inner form of the word (studies and variations on Humboldt themes)*. Moscow: State Academy of Sciences. arts. Sciences. 219 p. (In Russ.).
- Sukhoi, S. I. (2012). Methodology of literary criticism: complex and systematic methods of literature analysis. *Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 6 (1): 298—303. (In Russ.).
- Tomashevsky, B. V. (1996). *Theory of literature. Poetics*. Moscow: Aspect Press. 240 p. (In Russ.).
- Tynyanov, Yu. N. (1929). *Archaists and innovators*. Leningrad: Priboy Publ. 189 p. (In Russ.).
- Veselovsky, A. N. (1940). *Historical poetics*. Leningrad: Goslitizdat. 648 p. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1959). *On the language of fiction*. Moscow: Goslitizdat. 654 p. (In Russ.).
- Vinokur, G. O. (1990). *Philological research: linguistics and poetics*. Moscow: Nauka Publ. 451 p. ISBN 5-02-011436-7. (In Russ.).
- Yakobson, R. O. (1987). *Works on poetics*. Moscow: Progress Publ. 464 p. ISBN 978-5-0000-0000-0. (In Russ.).

*The article was submitted 16.09.2025;
approved after reviewing 20.10.2025;
accepted for publication 20.01.2026.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(1), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Нужная Т. В. Петербургский текст : идейно-художественное своеобразие романа С. Арно «Доктор Рюйш и его дети» / Т. В. Нужная // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 1. — С. 311—328. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-311-328.

Nuzhnaya, T. V. (2026). Petersburg Text: Ideological and Artistic Uniqueness of Sergey Arno's Novel "Doctor Ruysch and His Children". *Nauchnyi dialog*, 15 (1): 311-328. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-311-328. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Петербургский текст:
идейно-художественное
своеобразие романа С. Арно
«Доктор Рюйш и его дети»**

Нужная Татьяна Владимировна

orcid.org/0000-0002-5662-1311

доктор филологических наук, доцент,
кафедра иностранных языков
в сфере экономики и права
ta_nu@mail.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

**Petersburg Text:
Ideological and Artistic
Uniqueness of Sergey Arno's
Novel "Doctor Ruysch
and His Children"**

Tatyana V. Nuzhnaya

orcid.org/0000-0002-5662-1311

Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Languages
in Economics and Law
ta_nu@mail.ru

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование идейно-художественного своеобразия романа современного петербургского писателя Сергея Арно «Доктор Рюйш и его дети», ранее не становившегося предметом специального анализа. Произведение анализируется в контексте его принадлежности к литературному феномену «петербургского текста». Уделяется внимание понятию «петербургский текст», исследуется его история и современное состояние. Показано, что «петербургский текст» продолжает свое существование в наши дни. Отмечается, что автор романа обращается к историческим реалиям, но наполняет их новым оригинальным содержанием и сюжетными вариациями. Выявляется идейное своеобразие романа «Доктор Рюйш и его дети». Выявлено использование оригинальных принципов построения текста (прием мизанабим, метатекст). Выделены две повествовательные линии. Показано, что Арно обращается к двум историческим сюжетам: основанию Кунсткамеры как ярчайшему петербургскому культурному факту и загадочной голландской истории жизни ученого-анатома Фредерика Рюйша. Анализируются художественные особенности романа. Установлено, что основными комическими приемами в романе становятся черный юмор, абсурд, сатира и гротеск. Доказывается, что такое сочетание художественного вымысла с описанием современной реальности XXI века привносит в литературу новое видение истории, оригинальный подход к сюжетным мотивировкам и новую художественную ценность.

Ключевые слова:

русская литература; современная петербургская проза; идейно-художественное своеобразие; мизанабим; Сергей Арно.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the ideological and artistic uniqueness of contemporary St. Petersburg writer Sergey Arno's novel "Doctor Ruysch and His Children", which has not previously been subjected to specialized analysis. The work is examined within the context of its belonging to the literary phenomenon known as "Petersburg text." Attention is given to defining this concept, exploring its history, and assessing its current state. It is demonstrated that the "Petersburg text" continues to exist in today's literature. The author's engagement with historical realities is noted, but it is emphasized that these are imbued with new original content and narrative variations. The unique thematic features of the novel "Doctor Ruysch and His Children" are identified. Original principles of textual construction (mise-en-abyme, metatextuality) are highlighted. Two narrative strands are distinguished. The first focuses on the foundation of the Kunstkamera as a significant cultural event in St. Petersburg, while the second delves into the enigmatic Dutch life story of anatomist Frederik Ruysch. An examination of the novel's aesthetic characteristics follows. It is established that black humor, absurdity, satire, and grotesque serve as primary comic devices. These elements contribute to an innovative blend of fictional imagination and depictions of twenty-first-century reality, introducing fresh perspectives on historical narratives, unconventional approaches to plot motivations, and enhanced artistic value.

Key words:

Russian Literature; Contemporary St. Petersburg Prose; Ideological-Aesthetic Specifics; Mise-en-Abyme; Sergey Arno

Петербургский текст: идейно-художественное своеобразие романа С. Арно «Доктор Руйш и его дети»

© Нужная Т. В., 2026

1. Введение = Introduction

Исследование идейно-художественных особенностей современной литературы, отражающей ключевые проблемы и вызовы эпохи, а также выявление индивидуальных творческих методов авторов позволяют определить и охарактеризовать векторы развития гуманитарной мысли нашего времени, что обусловило актуальность изучения прозы С. Арно в настоящей статье.

Петербургская проза часто становится объектом анализа в литературоведении. Важнейшей работой, посвященной исследованию литературы Петербурга, является монография В. Н. Топорова [Топоров, 2003]. Т. К. Ермоченко в своей диссертации «Поэтика новой петербургской прозы конца XX — начала XXI веков», обращаясь к творчеству современных петербургских писателей, выявляет центральные мотивы и образы, а также место петербургской повести в литературном процессе [Ермоченко, 2008]. Этому же ученому принадлежит статья об апокалиптическом мотиве в петербургской прозе. Ю. Н. Сипко рассматривает традиции модернистской эстетики в творчестве петербургских писателей [Сипко, 2006]. Е. Н. Жаднова представила опыт выявления современных подходов к изучению проблемы петербургского текста [Жаднова, 2013]. Критик и публицист В. Кавторин исследует зарождение жанра петербургской повести в 30-е годы XX века и его дальнейшее развитие в начале нового столетия [Кавторин, 2009]. К. А. Рогова обращается к творчеству петербургского писателя Д. А. Гранина, исследуя его роман «Мой лейтенант» [Рогова, 2013].

Петербургская литература сегодня многолика и разнообразна. Ее жанровые разновидности привлекательны для исследователей. Среди популярных петербургских писателей можно назвать Сергея Арно — автора пятнадцати романов, лауреата различных премий, директора Фонда братьев Стругацких, члена Союза писателей России. Произведения С. Арно уже

привлекали внимание литературоведов [Щеглова, 2025; Нужная, 2025], однако роман «Доктор Рюйш и его дети» [2023] еще не изучался.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель исследования — выявление идейно-художественного своеобразия петербургского текста в романе С. Арно «Доктор Рюйш и его дети». Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: прояснить понятие «петербургский текст», его историю и современное состояние; определить идейное своеобразие романа «Доктор Рюйш и его дети»; выделить и охарактеризовать способы создания комического в исследуемом романе, определяющие его художественное своеобразие.

Теоретическую базу исследования составили работы авторитетных отечественных исследователей в области исторической поэтики [Бахтин, 1975], мифопоэтики [Топоров, 1995], семиотики [Лотман, 1984], художественной образности текста [Арутюнова, 1999; Арутюнова, 1990], мифологии [Barthes, 2002], а также современные работы по русской литературе XX—XXI веков, см. монографии В. Н. Топорова [Топоров, 2003], М. М. Голубкова [Голубков, 2001], Н. Анциферова [Анциферов, 1990], статьи Т. К. Ермоченко [Ермоченко, 2008], Л. Е. Муравьевой [Муравьева, 2016] и др.

В статье используются культурно-исторический, биографический и сравнительно-сопоставительный методы, позволяющие достичь поставленных задач.

Практическая значимость заключается в возможности применения результатов исследования в подготовке рабочих программ лекционных курсов по современной русской литературе, филологическому анализу текста для высших учебных заведений или специализированных школьных программ.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Петербургский текст: история и современность

Петербургская литература исторически имела особое значение в развитии общекультурного и языкового кода России. Недаром Санкт-Петербург называют культурной столицей нашей Родины. По мнению выдающегося исследователя русской культуры Владимира Николаевича Топорова, Петербург можно рассматривать как «особый художественный текст, включающий и сам объект, и его отражения в творчестве литераторов» [Топоров, 2003, с. 5]. В. Топоров совместно с Ю. Лотманом ввели понятие «петербургский текст», в котором город определяется как модель, порождающая множество разных текстов и являющаяся особой семиотической системой. Этот тезис дал новый импульс к исследованию петербургской

литературы и систематизации имеющихся до этого знаний. Ученые выделили определенные маркеры (исторический, природный, мифологический, культурный и языковой), которые позволяют распознать петербургский текст, становящийся «сверх-текстом» для последующих поколений писателей и поэтов. Теория «петербургского текста» вызвала множество дискуссий, не прекращающихся по сей день. Некоторые исследователи полагают, что «петербургский текст» заканчивается творчеством А. Белого и А. Ахматовой. Другие считают, что «петербургский текст» первой половины XX века переходит в эмиграцию. Высказывается мнение, что «ленинградская литература», соотносительная с периодом изменения названия города с Санкт-Петербурга на Ленинград, представляет собой особую «главу» «петербургского текста», другие склонны не согласиться с таким подходом. В любом случае можно говорить о способности «петербургского текста» к некоторой трансформации, о приобретении им новых модуляций, способности модифицироваться под воздействием внешних факторов: «Выявленные исследователями новые коннотации установленных В. Топоровым элементов Петербургского текста не расшатывают, а, напротив, укрепляют теорию Петербургского текста, делая ее более гибкой, способной к трансформациям и поэтому — жизнеспособной» [Жаднова, 2013, с. 73]. Базовые маркеры «петербургского текста» остаются неизменными, что позволяет согласиться с наличием этого литературного феномена.

Мифопоэтическое пространство города многократно становилось объектом изображения, осмысления и даже самостоятельным персонажем в художественной литературе, критике и научных исследованиях. До середины XIX века длилось становление и развитие самой петербургской темы, а именно — «введение основных объектов города, как “природных”, так и “культурных”, связанных с цивилизационной деятельностью человека, в литературу» [Топоров, 2003, с. 6]. В эпоху Пушкина впервые прозвучал «отклик» России на явление Петербурга. Далее следовали Гоголь, Лермонтов, Достоевский, поэты Серебряного века и многие другие. Интересно то, что для петербургской «укорененности» не столь значим факт рождения на этой земле. Главное для писателя — постичь суть города, суметь отразить его сверхэмпирическое начало. В этом метафизическом осмыслении Санкт-Петербурга формируется и особый, признанный уже повсеместно, «петербургский» тип человека, а за ним и персонажа, героя, образа. Так появляется своеобразный «петербургский текст» русской литературы.

Петербургская литература нашего времени активно развивается в разнообразных направлениях (психологический реализм, мистический или мифологический реализм, женская проза, метамодернизм; см. об этом: [Нужная, 2021] и др.) и жанровых формах (философский и интеллекту-

альный роман, различные формы фантастической литературы, социальная сатира, роман-гротеск, роман-пастиш и др.). Союз писателей Санкт-Петербурга, входящий в состав Союза писателей России, является достойным преемником предшествующей эпохи. Петербургские писатели чутко отзываются на социальные изменения и предлагают читателю яркие произведения, привлекающие свою аудиторию.

Рубеж веков является переломной эпохой, отражающей изменения в культурной и литературной жизни общества. Современная петербургская литература как наследница Серебряного века обладает той же неповторимой оригинальностью, углубленным психологизмом, реалистичностью с легким налетом фантастики и в тоже время мифологичностью. Период перестройки конца 80-х — начала 90-х, когда читатель предпочитал простую, развлекательную, незамысловатую прозу, быстро закончился. Произошел возврат к социальной роли литературы, поскольку ее познавательная или когнитивная функция всегда отличали русскую прозу.

В поэтике петербургской прозы можно выделить традиционные мотивы (классификация предложена Т. К. Ермоченко): мотив двоевластия природы и культуры, апокалипсический мотив, мотив миражности, мотив столкновения «властелина судьбы» и «маленького человека», мотив братства, мотив проникновения реалий петровского времени в современность, мотив взаимодействия Европы и Азии, а также некоторые обновленные мотивы, характерные для начала нового тысячелетия: мотив оживающего изображения, мотив двойничества и мотив противостояния божественного и животного начал в человеке [Ермоченко, 2008]. Эти мотивы реализуются в различных жанровых формах, где чаще всего преобладает роман, реже рассказ или повесть.

К «петербургскому тексту» можно отнести и роман современного петербургского писателя С. Арно «Доктор Рюйш и его дети», что доказывается выявленным идейным и художественным своеобразием данного текста.

3.2. Идейное своеобразие романа «Доктор Рюйш и его дети»

Действие романа происходит в двух разноплановых реальностях: в наше время в Петербурге в доме современного писателя Сергея и в конце XVII века в Амстердаме в доме известного врача-анатома Фредерика Рюйша. Писатель Сергей работает над романом об ученом-анатоме докторе Рюйше, который прославился тем, что изобрел уникальное средство балъзамирования, позволяющее сохранять мертвые тела в неизменном виде. Такой сюжетообразующий прием имеет название *мизанабим* (фр. *mise en abyme*) — принцип «матрешки» или рассказ в рассказе. Термин восходит к средневековой геральдике, где внутри большого герба изображали маленький герб (*abyme*). Этот прием широко использовался в живописи того вре-

мени: например, на картине в зеркальном отражении изображены объекты, которые являются центральными на большом полотне («Менины» Д. Веласкеса, «Портрет четы Арнольфини» Я. ван Эйка и др.). Так возникает эффект рекурсии — уменьшающейся перспективы изображаемого объекта.

В наше время в кино и литературе *мизанабим* стал обобщенно пониматься как изображение объекта внутри объекта: роман в романе, фильм в фильме, сон во сне и т. п. Примеры использования этого приема можно найти во многих европейских и русских художественных произведениях: «Декамерон» Боккаччо, «Дон Кихот» Сервантеса, сборник арабских сказок «Тысяча и одна ночь», повести Гоголя, «Отрочество» Л. Толстого, «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова, «Петербург» А. Белого и др. В современном кинематографе возможность построить многоуровневые конструкции посредством мизанабима привлекает внимание художников в направлении артхаус. В литературе термин *мизанабим* впервые употребил в начале XX века французский писатель Андре Жид. В отечественном литературоведении синонимом для термина *мизанабим* выступают термины *геральдическая конструкция* и *редупликация*. В последние годы названный прием соотносится с поэтикой метапрозы (такие произведения встречаются в современной европейской литературе, например роман Г. Мюссо «Бумажная девушка») [Нужная и др., 2023]. Так, мизанабим — прием, способствующий новому текстопостроению и смыслопорождению.

В романе «Доктор Рюйш и его дети» С. Арно опирается именно на данный прием — мизанабим: главный герой пишет роман о таинственных событиях, происходящих в XVII веке в Амстердаме, и в то же время в его окружении случаются загадочные происшествия. С одной стороны, непосредственно в фабуле романа эти события никак не соприкасаются, с другой стороны, чувствуется некоторое мистическое взаимовлияние двух сюжетных линий. Сам автор-повествователь говорит о взаимосвязи своего творческого процесса с реальными внешними событиями: «Обычно, когда роман уже подходит к концу, случаются какие-нибудь неожиданные и неприятные происшествия» [Арно, 2023, с. 397]. Еще более необычный поворот сюжета романа приобретает тогда, когда в реальную жизнь рассказчика врываются отголоски событий из его написанного романа: в папке бухгалтера одной фирмы — Татьяны Владимировны — находятся документы о продаже / покупке тел погибших людей, ровно так же, как герой параллельной сюжетной линии — доктор Рюйш — покупал в XVII веке тела казненных для последующего изготовления своих экспонатов. Автор-рассказчик не менее чем читатель, находится в полном недоумении: «Я пребывал в каком-то абсурде. <...> Куда же я влип?! Я оказывался героем собственного романа, а это уже бред... Это галлюцинация! Этого не может

быть!» [Арно, 2023, с. 403]. Вот именно здесь, в концовке произведения, и пересекаются две повествовательные линии: «средневековая амстердамская» и «современная петербургская», причем последняя оказывается розыгрышем влюбленной девушки. Такой замысловатый и оригинальный принцип сюжетосложения держит читателя в напряжении до конца текста.

Интересна фигура нарратора в романе «Доктор Рюйш и его дети»: автор-рассказчик, он же — писатель Сергей, говорит о своих книгах и не без самоиронии дает себе оценочную характеристику: «Да если с пристрастием почитать мои книжки, то сложится впечатление, что для меня растлить малолетку — обычное дело» [Арно, 2023, с. 279]. Такой прием выводит текст романа на уровень метатекста, поскольку читатель тут же отсылается к предыдущим произведениям настоящего писателя Сергея Арно («Живодерня», «Квадрат для покойников», «День всех влюбленных»). Несмотря на полную реалистичность и достоверность образа творческого человека с нарратором, как с настоящим писателем, часто происходят необычные события: странные регулярные телефонные звонки, во время которых неизвестный голос ругает писателя непонятно за что (эта тайна так и не раскрывается в романе), подозрительная слежка, покушение, таинственное исчезновение соседки и появление молодой девушки в его квартире, а иногда писателя посещают видения, в которых он вновь чувствует себя молодым и встречается со своим погибшим другом.

Автор романа поднимает общечеловеческие вопросы о ценности жизни, познании, творчестве, стремлении каждого постичь тайну бытия, вложив их в уста своего героя, а импульсом к таким размышлениям становится встреча с молодой девушкой-соседкой Мариной. Пусть история этой девушки была лишь розыгрышем, она вернула писателю то, о чем он когда-то мечтал, но забыл: «...она напомнила мне о Тайне, к которой я стремился в юности. И это дает мне возможность начать жизнь с чистого листа» [Арно, 2023, с. 422]. Слова, а главное, вопросы юной девушки часто становятся для писателя поводом задуматься о чем-то, понять или вспомнить то, что осталось в прошлом. Да и само ее присутствие приносит писателю творческое вдохновение: «Как только эта девушка появилась у меня в квартире, роман пошел на удивление хорошо» [Арно, 2023, с. 300]. Таким образом, в системе персонажей романа роль Марины чрезвычайно важна, но ее образ загадочен и неоднозначен. Девушка задумывает и реализует сложный сценарий розыгрыша соседа-писателя, руководствуясь собственным чувством влюбленности и отъездом мамы в пансионат, но история ее чувств не раскрывается. Марина действует как типичная обольстительница: устраивает ужин при свечах, облачаясь в соблазнительные наряды, изображая слабость и беспомощность. Однако при этом она не выглядит

малообразованной, недалекой девушкой. Девушка много читает, размышляет о жизненных ценностях и имеет необычное хобби: она собирает последние слова людей: «Вот в этой тетрадке собрано около тысячи последних слов умирающих <...> Когда-нибудь я соберу книгу и издам ее под названием «Последние слова»» [Арно, 2023, с. 292]. Таким необычным образом переплетаются интересы главных персонажей в повествовательной «петербургской линии», и протягивается связующая нить со второй «амстердамской линией»: доктор Рюйш сохраняет тела умерших методом балъзамирования, а Марина — последние слова покидающих этот свет.

Не менее ярким идейным своеобразием обладает и параллельная повествовательная линия, связанная с доктором Рюйшем. Фабула построена на истории об открытии средневековым анатомом специального состава балъзамирования тел и желаний Петра I заполучить этот секретный состав. В основе сюжета лежит достоверная история поездки российского царя в Голландию и покупки коллекции доктора Рюйша. Именно коллекция забалъзамированных экспонатов легла в основу одного из интереснейших музеев Петербурга — Кунсткамеры, которая была открыта Петром Великим в 1714 году. Коллекция анатомических препаратов была приобретена Петром в 1717 году и до сих пор хранится в Кунсткамере с каталогом-описанием самого Фредерика Рюйша: «...почти все, что входило в первые 10 каталогов Рюйша, было куплено за 30 000 золотых гульденов и доставлено в Россию» [Экспозиции ...].

Искусство балъзамирования в романе С. Арно является метафорой бессмертия, подсознательной защитой от страха смерти, страха быть забытым, исчезнуть, раствориться. Однако именно страх быть забалъзамированным, то есть не погребенным по христианским традициям, а выставленным на показ экспонатом, был одним из самых ужасных в эпоху доктора Рюйша. Здесь вспоминается романтическая баллада Роберта Саути «Предостережение хирурга» (1798), в которой умирающий хирург, купавший и вскрывавший для изучения мертвые тела, страшно боится сам стать таким экспонатом для своих учеников и просит после смерти заключить его тело в свинцовый гроб:

За мной придут мои ученики
И кость отделят мне от кости;
Я, разорвавший дома мертвецов,
Не успокоюсь на погосте (пер. Н. Гумилева)
[Эолова арфа: Антология баллады]

Именно такой страшной участи — быть забалъзамированными — боются грабители, влезшие в дом доктора Рюйша в надежде украсть записи его секрета.

Седьмая глава романа называется «Бессмертие смерти». Доктору Рюйшу удалось достичь желаемых результатов: «И однажды вечность открыла ему свою Тайну. Фредерик Рюйш изобрел способ, при котором забальзамированные им тела детей и взрослых выглядели как живые» [Арно, 2023, с. 313]. Что интересно: желание остаться в вечности, быть признанным и известным характерно для главного персонажа «петербургской линии» писателя Сергея, о чем он сам неоднократно говорит, но реализуется это желание в трудах главного героя «амстердамской линии» — доктора Рюйша. Таким образом, работая над романом об известном анатоме, писатель-рассказчик опосредованно соприкасается с этой желанной вечностью.

Авторское определение искусства бальзамирования — *«рюйшевское искусство»* — подчеркивает идею «бессмертия смерти» не только через упоминание практики сохранения останков физического тела, но и через отсылку к искусству как высшей культурной форме. Ученый-анатом составлял из своих экспонатов замысловатые инсталляции, украшая и располагая тела в определенном порядке, создавая «скульптурные» композиции, которые должны были производить высокое эстетическое впечатление на зрителей: «...мертвый ребенок, играющий на скрипке с веночком на голове», «два скелетика братьев-близнецов, семимесячных плодов, сидят в душераздирающе трогательных позах у гроба третьего братишки» [Там же, с. 315]. Сам доктор Рюйш называл такие композиции анатомо-поэтическими. Действительно, экспозиции ученого навеяли немало поэтических образов писателям и поэтам того времени, посетившим дом анатома.

Примечательно название романа: «Доктор Рюйш и его дети». Образ ребенка как продолжателя рода сам по себе символизирует бессмертие, — и тем поразительней история детей ученого, которые с малолетнего возраста помогают отцу в его ужасающе-завораживающих экспериментах. Дочери Рюйша — Рахиль — на тот момент было 9 лет, сыну Генриху — 11: «Дети были руками и глазами Фредерика Рюйша, он был головой» [Там же, с. 317]. Автор не акцентирует внимание на детских образах, не создает их психологические портреты, но мимолетные штрихи портретных характеристик вполне позволяют читателю представить себе детей ученого-анатома. Рахиль, например, имела определенный эстетический вкус, сама составляла некоторые композиции. Генрих хорошо рисовал, но ему не хватало усидчивости. В духе черного юмора автором высказывается мысль о том, что таким образом Рюйш давал детям возможность развивать творческие способности и даже обдумывал идею создания детского кружка, чтобы соседские ребятишки могли заниматься подобным творчеством. Ярko и жизнерадостно звучат в романе диалоги отца со своими детьми, в которых обсуждаются новые поступившие после казни трупы, их физио-

логические особенности и возможности использования для новых композиции. С. Арно как бы невзначай поднимает интереснейшую тему — способность детской психики адаптироваться к восприятию окружающей действительности. Как известно, отношение к смерти меняется по мере взросления. Детям скорее свойственно постижение животного мира через эксперимент, иногда через разрушение, а не созидание. Именно поэтому столь завораживающе описываются композиции из забальзамированных тел, выполненные руками детей доктора Рюйша. Рахиль и Генрих в силу своего детского любопытства и жизнерадостности на все смотрели с интересом: «Удовольствие несла не только жизнь, но и смерть, с которой они встречались каждый день и к которой привыкли» [Арно, 2023, с. 341].

Десакрализация смерти происходит через противоположное явление — сакрализацию сохранения человеческой плоти. Любовь к своему делу и страстное желание добиться максимально лучших результатов ввергают доктора Рюйша в глубокий страх. Он страшно боится, что секрет его препарата украдут, тогда любой анатом сможет добиться идеального сохранения мертвой плоти. Он боится, что его коллекция, которую он составлял долгие годы, может сгореть (пожары случались достаточно часто в то время). Он и думать не может о продаже своей коллекции. Для него его экспонаты были живыми: в минуты особой тревоги он поднимался на второй этаж и бродил по комнатам, разговаривая со своими мертвецами, как с живыми, «...ведь именно он, Фредерик Рюйш, бросив вызов тлению, дал этим существам новую жизнь» [Там же, с. 338].

Еще одним значимым идейным элементом романа становится тема «города уродов», «города дураков». Речь идет о необычайном увлечении российского царя всевозможными природными и человеческими аномалиями. После своих европейских путешествий Петр I увлекся медициной и стоматологией: он посещал операции и вскрытия в госпиталях и сам пробовал проводить некоторые хирургические манипуляции. Еще больше Петр I заинтересовался аномалиями развития человека, когда инкогнито посетил Голландию и посмотрел коллекцию анатома Фредерика Рюйша.

Главной страстью доктора Рюйша было бальзамирование трупов с аномалиями развития, он даже пытался выяснить, «что нужно: подрезать или проколоть, чтобы родился ребенок, непохожий на всех?» [Арно, 2023, с. 344]: «...он искал этот секрет в их внутренности и во внутренностях здоровых, рождавших монстров людей» [Там же]. Напомним, что и у Петра I была идея женить придворных карликов и великанов для продолжения рода. Такой интерес к необычным людям существовал в то время во всем мире.

В 1704 году российский царь издал указ о том, чтобы в столицу — в Петербург — со всей страны везли «монстров». Прибывавших селили и

давали работу при Кунсткамере, они выступали и в качестве живых экспонатов. Так Кунсткамера стала своего рода маленьким «городом» в городе, «городом уродцев», где жителей кормили, поили и обеспечивали работой. Возможно, тогда-то и родилась легенда о городе, где каждый необычно выглядящий человек будет чувствовать себя нормальным, где аномалии будут реальностью, а нормальность — необычностью. Мечту о таком городе и описывает автор романа, задавая читателю провокационный риторический вопрос: «А кто вообще сказал, что то, как выглядит большинство людей, есть правильный вид человека? Может быть, это и есть брак, возмнивший себя правильным?» [Арно, 2023, с. 298].

Именно в этом отрывке романа находится тот самый «петербургский текст», здесь можно выявить специфику авторского отношения к городу, скрытую, но от того не менее страстную любовь к этому городу — городу монстров, городу счастья, мрачному и величественному загадочному городу со своей душой: «Ведь Петру удалось вложить в него то, чего нет у других европейских городов, — душу. Душу уродливую, душу иную» [Арно, 2023, с. 394]. Роман «Доктор Рюйш и его дети» входит в сборник под названием «Иное измерение», в котором каждый текст так или иначе затрагивает петербургскую тему. Однако именно в этом романе историческая основа демонстрирует глубокое авторское понимание и осмысление петербургской тематики. В заключительной главе автор не без иронии замечает, что только здесь, в городе сотен дворцов, мостов и парков, в красивейшем городе, построенном на болоте под тяжелым вечно пасмурным небом, души умерших монстров обретают покой. Все эти души попадают именно сюда, и «только благодаря монстрам стоит Петербург уже триста лет в месте пропащем, гиблом, неживом» [Там же, с. 421].

Текст романа обрамляется достоверной исторической канвой, однако авторское воображение С. Арно расцвечивает эту историю, наполняя ее необычными деталями, сюжетными поворотами, детективными разветвлениями и мистическими элементами. Так, в «петербургской» сюжетной линии основная интрига разворачивается вокруг истории продажи секрета бальзамирования доктора Рюйша. Свою методику доктор никому не раскрывал, но существует легенда, что его слуга Гуго тайно продал этот секрет Петру I с просьбой сохранить тайну до кончины ученого. Сохраняя интригу практически до конца произведения, автор романа все же констатирует, что «хитрый Гуго надул российского царя, продав ему известный всем способ консервации трупов, а не бальзамирования» [Там же, с. 395]. Это исторически верно, так как секрет методики анатома не открыт до сих пор, хотя сейчас можно установить, какие вещества он использовал [Радзюн, 2024].

3.3. Способы создания комического в романе «Доктор Рюйш и его дети»

Анализ художественного своеобразия романа С. Арно «Доктор Рюйш и его дети» позволяет предположить, что основными приемами являются черный юмор, абсурд, сатира и гротеск. Чудовищно гротескно выглядит описание коллекции доктора Рюйша, где особое внимание уделялось детским экспонатам: «Человеческие эмбрионы в подобных композициях украшались сухими цветочками, крошечными свечками, бисерными браслетиками, колье и поясками» [Арно, 2023, с. 315]. При этом автор-рассказчик, ссылаясь на описания современников Рюйша, видевших эту коллекцию, повествует о выставках совершенно бесстрастно, отстраненно и безэмоционально, что создает эффект полной достоверности повествования. Авторская отсылка к историческому факту, что доктор Рюйш сам снабжал свои экспонаты поэтическими надписями на латинском языке, усиливает эффект художественного приема «черного юмора». Такой прием максимально погружает читателя в страшную атмосферу анатомической реальности XVII века.

Контраст между темой и формой ее выражения — отличительная черта черного юмора. Таким примером в романе С. Арно может служить намеренное употребление уменьшительно-ласкательных суффиксов при описании человеческих останков, что образно нивелирует сакральное отношение к смерти: «Только чувствительные детские пальчики могли составить крохотный экспонат, прикрепить малепусенькую берцовую косточку к тазобедренной, составить косточки позвоночника и, если что-нибудь вдруг сломается в непрочном препарате, аккуратненько починить» [Там же, с. 317]. Автор описывает прием сохранения человеческих останков как величайшее искусство, а систему кровеносных сосудов в различных органах сравнивает с природными живыми и неживыми объектами (дерево, змея, гнездо и т. п.). Устами своих героев автор романа не высказывает циничных суждений на табуированные темы (болезнь, смерть, насилие), скорее сам сюжет (основанный на исторических реалиях) предопределяет выбор определенных средств словесной выразительности.

Использование элементов черного юмора в произведении призвано создавать неожиданный комический эффект. В романе С. Арно такой эффект чаще встречается в «петербургской линии», несмотря на то, что «амстердамская линия» больше насыщена действительно страшными деталями и анатомическими подробностями. Комически пугающей в «петербургской линии» представляется история телефонных звонков неизвестного субъекта писателю Сергею, во время которых звонивший произносил всевозможные ругательства в адрес писателя, никак не объясняя своего поступка. Этот факт в совокупности с возможным, но непонятным пре-

следованием и автомобильным нападением создает ощущение нагнетания напряжения вокруг главного героя романа. Произведенный такими приемами эффект пробуждает у читателя воображение.

«Основными характеристиками литературных произведений с использованием черного юмора являются сочетание юмора и страха, поиск порядка в беспорядке, стремление к игровой манере повествования» [Гао Юй, 2022, с. 460]. Все эти характеристики ярко представлены в романе С. Арно. Когда в квартиру писателя среди ночи вдруг приходит Марина — дочка соседки — с рассказом о том, что похитили ее мать, герой как будто бы и не удивляется, поскольку подсознательно был готов к непредвиденному развитию событий в своей жизни. Именно после этих заявлений здравомыслящий и рассудительный герой начинает методично разбираться в необычных, запутанных и довольно мистических обстоятельствах пропажи своей соседки.

Комичными элементами абсурда в романе представляются эпизоды, когда «похитители» — Шнур и Леонтьев — известные современные исполнители песен — нападают на писателя (причем в романе так и не проявляется настоящие ли это известные певцы или лица, очень на них похожие) и когда Марина в своей квартире показывает Сергею потайную комнату, в которой «живет барабашка». Как и в случае использования приема черного юмора, прием абсурда вводится в повествование простым будничным языком, создавая максимальный эффект реальности происходящего.

Само несоответствие жизненной ситуации (похищение матери) и поведения Марины (спокойное пребывание в квартире писателя, приготовление завтраков и ужинов, интерес к творчеству Сергея) предопределяет некую игровую основу дальнейшей повествовательной линии. Читатель «чувствует подвох», но, не в силах разгадать этот детективный сюжет, остается в напряжении до конца повествования.

Немало в «петербургской линии» и элементов гротеска. Одним из признаков гротеска является сочетание несочетаемого: высокого и низкого. Комично выглядит авторское сравнение творческого процесса создания художественного произведения с кулинарным процессом приготовления холодца: «...мозг работает как бы отдельно от тебя, и страшно только расплескать этот слабенький бульончик из мыслей, пену всю снять вовремя лишнюю, следить, чтобы не перекипел, чтобы на медленном огоньке томился под крышечкой...» [Арно, 2023, с. 301]. Не менее значимым признаком гротеска является социальная сатира, направленная на высмеивание определенных пороков общества. Таких примеров можно больше найти в «амстердамской линии» романа. А в «петербургской линии» встречается немало примеров авторской самоиронии. Это и легкая насмешка над собственными романами: «...со мной теща две недели не разговаривала,

прочитав “Квадрат для покойников”...» [Там же, с. 279], —и даже авторский сарказм: мысленное забивание героем несуществующего осинового колышка себе в грудь [Там же, с. 397].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, современная петербургская литература гармонично развивается, достойно продолжая традиции великих предшественников. Она наполняется новыми сюжетами, персонажами и образами, не пренебрегая обращением к историческим реалиям. Можно с уверенностью сказать, что «петербургский текст» продолжает свое существование в творчестве петербургских писателей XXI века, одним из которых является С. И. Арно.

Идейное своеобразие романа С. Арно «Доктор Рюйш и его дети» заключается в использовании оригинального сюжетобразующего приема — мизанабима; выделении двух повествовательных линий — «петербургской» и «амстердамской»; во введении образа-нарратора — писателя Сергея, транслирующего авторский взгляд на самые актуальные этические проблемы современности; в обращении к ярчайшему петербургскому историческому сюжету (основанию Кунсткамеры) и загадочной голландской истории жизни ученого-анатома Фредерика Рюйша.

Роман «Доктор Рюйш и его дети» обладает ярко выраженным художественным своеобразием за счет использования многочисленных комических приемов: черный юмор, абсурд, сатира и гротеск. История доктора Рюйша вдохновляла писателей во все времена, но такое сочетание художественного вымысла с современной реальностью XXI века привносит в литературу новое видение истории, оригинальный подход к сюжетным мотивировкам и новую художественную ценность.

Крайне интересными представляются перспективы дальнейшего исследования: это и выявление поэтики отдельного авторского текста на примерах конкретных произведений, позволяющих глубже понять литературный процесс нашего времени; и продолжение исследования «петербургского текста», то есть творчества современных петербургских писателей; и определение магистральных направлений развития современной русской литературы.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Арно С. И. Иное измерение / С. И. Арно. — Санкт-Петербург : Фонд братьев Стругацких по оказанию поддержки премии Аркадия и Бориса Стругацких [АБС-премии] и современной фантастической литературе, 2023. — 484 с. — ISBN 978-5-6049373-8-9.

2. Голубков М. М. Русская литература XX века : После раскола / М. М. Голубков. — Москва : Аспект Пресс, 2001. — 267 с. — ISBN 5-7567-0155-9.
3. Кавторин В. О новой петербургской прозе / В. Кавторин // Нева. — 2009. — № 11. — С. 211—218.
4. Щеглова Е. П. Гоголя на десерт, пожалуйста! Сергей Арно / Е. П. Щеглова // Вопросы литературы. — 2025. — № 1. — С. 94—107. — DOI: 10.31425/0042-8795-2025-1-94-107.
5. Экспозиции и коллекции Кунсткамеры [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.kunstkamera.ru/exposition/kunst_hist/5/5_2/ (дата обращения 21.10.2025).
6. Эолова арфа : Антология баллады / Сост., предисл., коммент. А. А. Гугнина. — Москва : Высш. шк., 1989. — 671 с.

Литература

1. Анциферов Н. Душа Петербурга / Н. Анциферова. — Ленинград : Агентство «Лира», 1990. — 249 с. — ISBN 5-08-000106-2.
2. Арутюнова Н. Д. Теория метафоры : сборник / Н. Д. Арутюнова ; пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. — Москва : Прогресс, 1990. — 512 с. — ISBN 5-01-001599-4.
3. Арутюнова Н. Д. Семиотические концепты. Образ / Н. Д. Арутюнова // Язык и мир человека. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — С. 32.
4. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. — Москва : Художественная литература, 1975. — С. 234—407.
5. Гао Юй. Дети как объект черного юмора в прозе Даниила Хармса / Гао Юй // Мир науки, культуры, образования. — 2022. — № 6 (97). — С. 460—463.
6. Ермоченко Т. К. Поэтика новой петербургской прозы конца XX — начала XXI веков : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Т. К. Ермоченко. — Брянск, 2008. — 237 с.
7. Жаднова Е. Н. Современные подходы к изучению проблемы петербургского текста русской литературы / Е. Н. Жаднова // Известия Саратовского университета. Нов. серия. Сер. Филология. Журналистика. — 2013. — Т. 13. — Выпуск 4. — С. 70—74.
8. Лотман Ю. О семиосфере / Ю. Лотман. — Тарту : Учен. зап. Тарт. гос. ун-та, 1984. — Выпуск 641. — С. 5—23.
9. Муравьева Л. Е. Mise en abyme and text-within-a-text / Л. Е. Муравьева // Новый филологический вестник. — 2016. — № 2 (37). — С. 42—52.
10. Нужная Т. В. Модернистские тенденции в романах «Осень» Али Смит и «Парадокс близнецов» Светланы Еремеевой / Т. В. Нужная // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2. Искусствоведение. Филологические науки. — 2021. — № 2. — С. 76—80. — DOI: 10.46418/2079-8202_2021_2_12.
11. Нужная Т. В. Мистический реализм в современной петербургской прозе : роман-гротеск С. Арно «Дом Гаргалезиса» / Т. В. Нужная // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2025. — Т. 18. — Выпуск 8. — С. 3489—3495. — DOI: 10.30853/phil20250481.
12. Радзюн А. Б. Новый взгляд на старую коллекцию / А. Б. Радзюн // Кунсткамера. — 2024. — № 4 (26). — С. 80—95. — DOI: 10.31250/2618-8619-2024-4(26)-80-95.
13. Рогова К. А. О «петербургском тексте» в современной художественной литературе / К. А. Рогова // Мир русского слова. — 2013. — № 1. — С. 77—85.

14. Сунко Ю. Н. Экзистенциальное содержание петербургской прозы конца XX века : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Ю. Н. Сунко. — Ставрополь, 2006. — 224 с.

15. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического : Избранное / В. Н. Топоров. — Москва : Издательская группа «Прогресс» — «Культура», 1995. — 624 с. — ISBN 5-01-003942-7.

16. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы : Избранные труды / В. Н. Топоров. — Санкт-Петербург : «Искусство-СПб», 2003. — 616 с. — ISBN 5210015459.

17. Barthes R. Mythologies / R. Barthes // Oeuvres complètes. — Paris : Seuil. — 2002. — Т. 1. — Pp. 671—871.

Статья поступила в редакцию 15.08.2025,
одобрена после рецензирования 02.12.2025,
подготовлена к публикации 20.01.2026.

Material resources

Arno, S. I. (2023). *Another dimension*. St. Petersburg: Strugatsky Brothers Foundation for Supporting the Arkady and Boris Strugatsky Prize [ABS-prize] and Modern Fantasy Literature. 484 p. ISBN 978-5-6049373-8-9. (In Russ.).

Expositions and collections of the Kunstkamera. Available at: https://www.kunstkamera.ru/exposition/kunst_hist/5/5_2/ (accessed 21.10.2025). (In Russ.).

Golubkov, M. M. (2001). *Russian literature of the twentieth century: After the Split*. Moscow: Aspect Press. 267 p. ISBN 5-7567-0155-9. (In Russ.).

Kavtorin, V. (2009). About the new Petersburg prose. *Neva*, 11: 211—218. (In Russ.).

Shcheglova, E. P. (2025). Gogol for dessert, please! Sergey Arno. *Questions of literature*, 1: 94—107. DOI: 10.31425/0042-8795-2025-1-94-107. (In Russ.).

The Aeolian Harp: An Anthology of Ballads. (1989). Moscow: Higher School. 671 p. (In Russ.).

References

Antsiferov, N. (1990). *The Soul of Petersburg*. Leningrad: Agency “Lira”. 249 p. ISBN 5-08-000106-2. (In Russ.).

Arutyunova, N. D. (1990). *Theory of metaphor: collection*. Moscow: Progress. 512 p. ISBN 5-01-001599-4. (In Russ.).

Arutyunova, N. D. (1999). Semiotic concepts. Image. In: *Language and the human world*. Moscow: Languages of Russian Culture. P. 32. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1975). The forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics. In: *Questions of literature and aesthetics*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 234—407. (In Russ.).

Barthes, R. (2002). Mythologies. In: *Oeuvres complètes*, 1. Paris: Seuil. 671—871.

Ermochenko, T. K. (2008). *Poetics of new Petersburg prose of the late XX — early XXI centuries*. PhD Diss. Bryansk. 237 p. (In Russ.).

Gao Yu. (2022). Children as an object of black humor in the prose of Daniil Kharms. *The world of science, Culture, and Education*, 6 (97): 460—463. (In Russ.).

Lotman, Yu. (1984). *About the semiosphere*, 641. Tartu: Scientific Journal. Tart. State University. 5—23. (In Russ.).

- Muravyeva, L. E. (2016). Mise en abyme and text-within-a-text. *New Philological Bulletin*, 2 (37): 42—52. (In Russ.).
- Nuzhnaya, T. V. (2021). Metamodern tendencies in the novels “Autumn” by Ali Smith and “The Twin Paradox” by Svetlana Yermeyeva. *Bulletin of the St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 2. Art history. Philological sciences*, 2: 76—80. DOI: 10.46418/2079-8202_2021_2_12. (In Russ.).
- Nuzhnaya, T. V. (2025). Mystical realism in modern Petersburg prose: S. Arnault’s Grotesque novel “The House of Gargalesis”. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 18 (8): 3489—3495. DOI: 10.30853/phil20250481. (In Russ.).
- Radzyun, A. B. (2024). A new look at the old collection. *Kunstkamera*, 4 (26): 80—95. DOI: 10.31250/2618-8619-2024-4(26)-80-95. (In Russ.).
- Rogova, K. A. (2013). On the “Petersburg text” in modern fiction. *The world of the Russian word*, 1: 77—85. (In Russ.).
- Sipko, Yu. N. (2006). *The existential content of St. Petersburg prose of the end of the XX century*. PhD Diss. Stavropol. 224 p. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1995). *The Myth. The ritual. Symbol. Image: Studies in the field of the Mythopoeic: Selected Works*. Moscow: Progress Publishing Group — Kultura. 624 p. ISBN 5-01-003942-7. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (2003). *The Petersburg text of Russian Literature: Selected Works*. Saint Petersburg: Iskustvo-SPB. 616 p. ISBN 5210015459. (In Russ.).
- Zhadnova, E. N. (2013). Modern approaches to the study of the problem of the St. Petersburg text of Russian literature. *Proceedings of the Saratov University. New. series. Ser. Philology. Journalism*, 13 (4): 70—74. (In Russ.).

*The article was submitted 15.08.2025;
approved after reviewing 02.12.2025;
accepted for publication 20.01.2026.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(1), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Сенина Е. В. Образ восприятия Китая в путевых заметках «Странствия по Востоку» Милана Йовановича / Е. В. Сенина // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 1. — С. 329—346. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-329-346.

Senina, E. V. (2026). Perception of China in Milan Jovanović's Travel Notes "Wanderings in the East". *Nauchnyi dialog*, 15 (1): 329-346. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-329-346. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Образ восприятия Китая в путевых заметках «Странствия по Востоку» Милана Йовановича

Сенина Екатерина Владимировна

orcid.org/0000-0002-4724-7890

WoS ResearcherID: ABG-8257-2022

Scopus Author ID: 57225148435

кандидат филологических наук,
кафедра китайского, вьетнамского,
бирманского, тайского, лаосского
и кхмерского языков
e.senina@my.mgimo.ru

Московский государственный институт
международных отношений
(университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Perception of China in Milan Jovanović's Travel Notes “Wanderings in the East”

Ekaterina V. Senina

orcid.org/0000-0002-4724-7890

WoS ResearcherID: ABG-8257-2022

Scopus Author ID: 57225148435

PhD in Philology,
Department of Chinese,
Vietnamese, Burmese, Thai, Lao
and Khmer Languages
e.senina@my.mgimo.ru

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье впервые в отечественном литературоведении объектом исследования становится книга путевых заметок сербского писателя Милана Йовановича (Морского) (1834—1896) «Странствия по Востоку» (1894—1895). Путевые заметки Йовановича рассматриваются в контексте китайско-сербских отношений на рубеже XIX—XX веков. Целью исследования является анализ образа восприятия Китая и китайцев в сербской литературе на примере данного произведения. В качестве основного материала исследования выбраны главы «Китайское море» и «Гонконг». Автор с позиции художественного образа восприятия, как категории имагопозитики, проанализировал Китай, китайцев и китайскую культуру в произведении Йовановича, что представляет ценность для изучения культурных связей между Китаем и Сербией. В работе представлен образ восприятия китайцев, их сравнение с другими нациями, отношение к ним иностранцев, а именно — европейцев, отношение китайцев к религии, образ родины, образ восприятия китайской женщины. Сделан вывод о заметном вкладе Милана Йовановича в разрушение мифа о «недвижности» и «застойности» Китая и китайцев, созданного европейской литературой, и в целом создание позитивного образа восприятия Китая в преддверии наметившейся там коренной ломки общественного сознания и идеологии.

Ключевые слова:

Милан Йованович; имагология; образ китайцев; сербская литература; путевые заметки; китайско-сербские культурные связи.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article represents a pioneering study within Russian literary scholarship focusing on the travel notes book by Serbian writer Milan Jovanović (Marine) (1834–1896), titled “Wanderings in the East” (1894–1895). The author examines these travel notes against the backdrop of Sino-Serbian relations at the turn of the nineteenth to twentieth centuries. The primary objective is an analysis of how China and its people are perceived through this work as part of Serbian literature. Specifically analyzed chapters include “Chinese Sea” and “Hong Kong.” Employing artistic perception as a central category of imagology, the author investigates representations of China, Chinese individuals, and their culture within Jovanović’s text. These findings contribute significantly towards understanding cultural connections between Serbia and China. Additionally, the article discusses depictions of the Chinese compared with other nationalities, foreigner perspectives, particularly European views, religious beliefs among the Chinese, notions of homeland, and perceptions of Chinese women. Ultimately, it concludes that Jovanović made substantial contributions toward dispelling myths about China’s stagnation created by European literature, while also contributing positively to shaping future public consciousness transformations and ideological shifts in China.

Key words:

Milan Jovanović; Imagology; Image of the Chinese; Serbian Literature; Travel Notes; Cultural Relations Between China and Serbia

УДК 821.163.41Йованович.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-329-346

Научная специальность ВАК
5.9.2. Литературы народов мира

Образ восприятия Китая в путевых заметках «Странствия по Востоку» Милана Йовановича

© Сенина Е. В., 2026

1. Введение = Introduction

Милан Йованович «Морской» (Milan Jovanovic Morski) (1834—1896), доктор медицинских наук, один из самых известных писателей-путешественников Сербии XIX века, отразил свои впечатления о поездке в Китае и представление об этой стране в путевых заметках «Странствия по Востоку» (1894—1895). Легкий язык произведения передает широкий спектр эмоций: от радости и печали до уважения и страха перед этой незнакомой восточной страной. Своими путевыми заметками Йованович внес заметный вклад в историю развития китайско-сербских культурных связей. Каким был Китай в глазах Йовановича? Как он понимал материальную и духовную жизнь китайцев? И как он оценивал взаимодействие между Китаем и Европой? Прояснение этих вопросов поможет не только пролить свет на историю и развитие китайско-сербских отношений, но и в контексте этнопсихологических категорий «свой / чужой» представить своеобразие восприятия Китая в сербской литературе.

Ввиду недостаточной изученности путевых заметок Йовановича отечественными специалистами и фрагментарного освещения данной проблематики зарубежными исследователями [Ewertowski, 2015, pp. 190—202; Ewertowski, 2016, с. 40—57; Ewertowski, 2020; 彭裕超, 2019, с. 155—169] избранная тематика приобретает особую значимость и актуальность в рамках настоящего исследования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В настоящее время изучение художественных образов того или иного этноса в глазах другого в отечественной и китайской науке уже начинает закрепляться в качестве самодостаточной темы [Забияко и др., 2021, с. 166—171; Ван, 2020, с. 280—283], при этом отечественные изыскания по данной теме фокусируются, что совершенно оправданно, на образах взаимного восприятия русских и китайцев. Это обусловливается не только теоретическим интересом, но и прикладной ценностью соответствующих

исследований для их авторов. Образы восприятия «другого» в контексте российско-китайских отношений выступают объектом междисциплинарных исследований: философских и этнопсихологических [Забияко, 2009], культурологических [Цуй, 2011], религиоведческих [Благодер, 2024;], социологических [Алагуева, 2007; Злобина, 2021], исторических [Фу Лин и др., 2018], литературоведческих [Бурдина и др., 2022; Цмыкал и др., 2023; Ван, 2021, с. 16—24], лингвистических [Го Лицзюнь, 2020, с. 26—36]. Появляются работы, посвященные изучению образа Китая в других литературах, например в американской [Ленина, 2020].

Китайско-сербские культурные связи до настоящего времени комплексно не изучались отечественными специалистами. Отдельные их аспекты затрагивались в работах, посвященных политическому, экономическому и практическому взаимодействию Китая и Сербии, в основном в рамках реализации проекта «один пояс — один путь» [Душко, 2018; с. 88—101; Юн, Пакулин, 2021, с. 24—253; Фролова, 2020, с. 61—75; Пономарева и др., 2020, с. 117—137].

В сербоязычной литературе имеются работы, посвященные китайско-сербскому культурному взаимодействию. Издан ряд специализированных трудов как о китайско-сербских культурных связях, их истории и развитии [Pušić, 1998; Novačić, 1999; Pušić, 2006; Pušić, 2019, с. 345—353; Pušić, 2021, с. 149—160; Филипович, 2024, с. 28—34; Kinesko srpski odnosi, 2009], так и о самом Йовановиче [Велькович, 2020, с. 47—102; Maksimović, 2008, pp. 623—638; Kostadinovic, 2012, pp. 205—220; Liguori, 2015.]. В 2006 году профессор Белградского университета, китаевед Радосав Пушич (Radosav Pušić) отредактировал и издал книгу с сербскими путевыми заметками о Китае «Поднебесная империя — сербы о Китае (1725—1940)» (Podnebesko carstvo: Srbi o Kini 1725—1940), в которую вошли путевые заметки о Китае из книги «Странствия по Востоку» — глава «Гонконг» [Pušić, 2006].

Несмотря на то, что практическое сотрудничество Китая и Сербии в разных сферах, в том числе в гуманитарной и культурной, развивается довольно активно, тем не менее в китайской гуманитарной науке не так много работ, посвященных китайско-сербскому культурному взаимодействию [Чжао, 2022, с. 136—139; Цзинь Сяолэй, 2022, с. 35—44; Цзинь Сяолэй и др., 2024, с. 50—60 и др.]. Отметим, что всего лишь одна работа посвящена творчеству Милана Йовановича [Пэн Юйчао, 2019, с. 155—169].

Не фигурировавшие ранее в отечественном литературоведческом дискурсе и вводимые нами в научный оборот труды китайских и сербских исследователей легли в основу проведенного анализа.

Материалом исследования послужили путевые заметки сербского писателя Милана Йовановича «Странствия по Востоку», ранее не переведен-

ные на русский язык. Работа выполнена на основе историко-генетического, историко-культурного, структурно-семантического, сопоставительного методов, биографического и переводческого подходов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Жизненный путь и опыт Милана Йовановича

Прежде чем перейти к анализу литературного произведения, следует обратиться к биографии писателя, так как личность автора [Роднянская, 1987, с. 13], личный опыт человека всегда накладывает отпечаток на его творчество и деятельность в целом.

Милан Йованович (Морской) (Milan Jovanović Morski) был человеком многогранным: писателем-путешественником, драматургом, романистом, профессиональным врачом и профессором. Родился в семье капитана Иллирийского пограничного полка в селе Ярковац (Jarkovac), Воеводина, северная Сербия, 24 апреля 1834 года. В 1846 году окончил шестилетнюю австро-венгерскую школу. В 1848 году после битвы на Ярковаче семья была вынуждена переехать во Вршац, где Милан продолжил обучение в младшей гимназии. Любознательный сербский мальчик был замечен спахией Петаром Ягодичем (Петар Јагодић), который профинансировал обучение Милана в старшей гимназии в Темешваре (Тимишоара). Обязательными предметами были латынь, немецкий, венгерский и греческий, а французский и игра на музыкальном инструменте по выбору — факультативными. Очевидно, что разностороннее образование Йовановича берет начало в этой гимназии. Полученный аттестат зрелости давал право поступить в любой университет или академию Австрийской Империи. В 1862 году (по другим данным — в 1855 году) [Велькович, 2020, с. 53] Йованович поступил в одно из самых престижных мест — на медицинский факультет Венского университета. Был одним из всего лишь 23 сербов, изучающих медицину в Вене. Там же он был первым председателем общества сербских студентов из Воеводины. В 1865 году по окончании университета вернулся на родину, где преподавал судебную медицину и гигиену в Высшей школе Белграда (ныне в этом здании расположен Музей Вука и Доситея). В 1867 году получил степень доктора наук в Лейпциге [Jovanović Simić, 2016, с. 56—58]. Йованович был первым профессором гигиены в Сербии и внес весомый вклад в развитие этой науки в своей стране. Также он преподавал физику, химию, географию в Женской гимназии. Был членом литературного общества в Нови-Саде и одним из основателей журнала «Клен» (Javor) (1874). Пьеса Йовановича «Королевская сестрица» (Краљева сеја) произвела фурор в театральных кругах и ставилась во многих городах с 1864 по 1870 годы.

Благодаря своему таланту и самоотверженной работе Йованович вскоре получил признание в медицинском сообществе. С 1876 по 1878 годы сопровождал князя Николу I Петровича в Черногорию в качестве личного врача, а также был придворным врачом, учителем и воспитателем князя Данило II Александра. Будучи человеком пытливого ума, с 1878 по 1882 годы он трудился врачом на судах австро-венгерской судоходной компании «Австрийский Ллойд» (Österreichischer Lloyd). Именно за частые путешествия он и получил прозвище «Морской» и «Бомбейский». На торговых судах побывал в многочисленных путешествиях на Ближний Восток, в Индию и на Дальний Восток, достигнув Южно-Китайского моря, оказался в Гонконге. То, что он увидел на Востоке, стало для Йовановича совершенно новым опытом и дало «много пищи для размышлений». С большим интересом и вовлеченностью он наблюдал за происходящим, подробно описывал увиденное и прочувствованное и всерьез задумался о «великом другом», о Востоке и о культурной идентичности своего народа. Этот опыт оказался весьма полезным для сербского литературного мышления и национального самосознания сербов.

Наиболее важные литературные произведения Йовановича были созданы во время его путешествий на Восток и впоследствии опубликованы в различных сербских газетах: «Сербская заря» (Srpska zora), «Сербская иллюстрированная газета» (Srpske ilustrirane novine) и «Родина» (Otadžbina). В 1882 году по завершении путешествия он вернулся в Белград, где занимался медицинской практикой и продолжил литературную деятельность, собрав свои восточные путевые заметки в две книги «С моря, с суши» (Smora i sa suva) (1892) и «Странствия по Востоку» (2 тома) (Tamo amo po Istoku) (1894—1895). В данной работе мы сосредоточимся на главах «Китайское море» и «Гонконг» из второго тома «Странствий по Востоку».

Помимо путевых заметок, Йованович также писал пьесы, романы и учебники по медицине, однако художественные произведения не стали так популярны, как травелоги автора. Также широкую известность получили его путевые заметки «Вверх и вниз по Неаполю» (Gore i dole po Napulju), изданные уже после смерти писателя в 1898 году [Liguori, 2015].

Кроме того, Йованович был постоянным членом отделения физики, математики и отделения искусств Сербского ученого общества, секретарем Сербского медицинского общества, членом-корреспондентом и действительным членом Академии художеств, редактором журнала «Родина» и участником многочисленных культурных и национальных мероприятий [Велькович, 2020, с. 47—102].

Йованович скончался в Белграде 6 июля 1896 года в возрасте 62 лет.

3.2. Восприятие Китая и китайцев в «Странствиях по Востоку»

Книга «Странствования по Востоку» состоит из двух томов, изданных в Белграде Сербским литературным обществом (Srpska književna zadruga) и типографией Королевства Сербия (Državna štamparija Kraljevine Srbije) в 1894 и 1895 годах. Оба тома объемом по 200 страниц. Первый том состоит из глав: 1) Александрия (Египет); 2) Суэцкий канал; 3) Побережье Красного моря; 4) Аден; 5) На море; 6) Бомбей; 7) Цейлон; 8) Приложение: словарь. Главы второго тома: 9) Калькутта; 10) Бенгалия; 11) Малайское море; 12) Сингапур; 13) Китайское море; 14) Гонконг; 15) Приложение: словарь. Содержание каждой главы организовано в соответствии с географией и хронологией путешествия. Композиционно главы не связаны между собой и передают впечатления писателя от каждого места пребывания. Порядок глав запечатлел тот маршрут, по которому Йованович попал в Китай, а именно в Гонконг.

Йованович представил образы китайцев через сравнение с представителями иных этнических групп, таких как греки, арабы, турки и т. д. Подобный приём позволил ему яснее обозначить специфику китайской культуры и этнографические черты путём обращения к этносам, хорошо знакомым самому автору и читателю. Например, в тексте упоминается, что китайцы похожи на греков: «Китайцы, как и греки, путешествуют как одна семья, помогая друг другу и защищая друг друга в трудные времена, и мне было приятно видеть на Малайском архипелаге, с каким энтузиазмом они приходили на помощь» (здесь и далее перевод наш. — *Е. С.*) [Jovanović, 1895, с. 140].

Путешественник отмечал также, что «китайцы, в отличие от арабов, очень молчаливы и не любят шуметь, они всегда спокойно занимаются своими делами» [Jovanović, 1895, с. 144]. Несмотря на то, что на улицах Китая всегда очень шумно, собеседники будто бы пытаются перекричать друг друга, однако когда китаец занят каким-то делом, то он сосредоточен.

Не обходит стороной автор и чайную культуру Китая — и снова через сравнение, но уже с турками: «Как турок взял бы с собой в дорогу свой собственный “кофейник”, так каждый китаец носит с собой чайную утварь: чайник и несколько чашек для каждого члена семьи. После еды они всегда заваривают себе чашку чая и наслаждаются им со спокойствием и благоговением, присущим людям Востока» [Jovanović, 1895, с. 146].

Эти наблюдения, сделанные путешественником на основе сопоставлений, приводят его к первым выводам, обобщающим его впечатления от знакомства с новым для него народом: «От этих китайцев я начал понимать, что многие физические и моральные проблемы в нас, вероятно, происходят от нашей слишком богатой и возбуждающей на вкус пищи. Я не знаю, предупреждал ли Конфуций свой народ придерживаться золотой

середины, как учили нас великие люди нашей нации. Если это так, то можно с уверенностью сказать, что китайцы лучше прислушиваются к словам великих людей, чем мы. В Китае нет напитков с крепким вкусом или алкоголя, поэтому здесь нет пьянства, не говоря уже об алкоголизме. За последние десять дней я не услышал ни единого недружелюбного слова от людей на борту. Они похожи на гармоничную семью» [Jovanović, 1895, с. 105].

Автор прибегает к суждениям-компаративам, стремясь создать благоприятный образ китайского этноса и его культурных характеристик, в отличие от западной литературы того времени, в которой чаще подмечались худшие стороны китайской жизни. Еще с конца XVIII века представления о Китае в Европе стали соотноситься с деспотизмом, желтой опасностью, отсталостью, застывшим миром, консерватизмом, нищетой, голодом, разрухой, древностью (Ш. Монтескье, Ж-Ж. Руссо, И. Г. Гердер, Ф. Гегель, А. Смит, Дж. С. Милль и др.), а «опиумные войны» (1839—1842) еще более усугубили этот образ. Китай стал превращаться в «полуколонию» европейских держав [Ленина, 2020, с. 46], и формирование негативного образа диктовалось геополитическими и социальными реалиями. Китайцы относились к иностранцам как к «варварам»; в то время появилось особенно много нелюбимых именовании иностранцев, для европейцев — одни, для русских — другие [Забияко и др., 2020, с. 135—151]. Это было следствием того, что иностранцы, по свидетельству Йовановича, относились к китайцам как к «рабскому скоту». Например, по прибытии в Гонконг на борту обнаружили мертвого старика китайца. Йованович очень растерялся и испугался, что не обнаружил его прежде, ведь он был врачом на корабле и должен был следить за состоянием здоровья пассажиров, чтобы на борту не распространялись инфекции. Но местный врач-англичанин, осматривая прибывший корабль, в ответ на сетования путешественника лаконично сказал: «А, это китаец!» [Jovanović, 1895, с. 154]. Такое отношение возмутило Йовановича, писавшего с горькой иронией: «Да это же был всего лишь китаец! Из четырехсот миллионов погиб всего один человек <...> Насколько дешева жизнь в Китае, настолько же неценна она в глазах англичан <...> в глазах англичан китайцы, как и другие азиатские или африканские народы их колоний, — *рабочий скот, который, поскольку его нельзя продать, стоит столько же, сколько стоит его труд. Те же из этого скота, которые больше не могут работать, не стоят ничего, потому что их шкура не является, в отличие от скота, предметом торговли...* Молодой военный врач был, как видим, чистокровным, благовоспитанным англичанином! Отсюда нетрудно понять отношение китайцев к “иностранцам”, и не стоит удивляться их враждебному отношению к ним, когда они оказываются в их власти. Народ, чья раса ему дорога, отчаянно жаждет мести,

когда чувствует себя презируемым и униженным иностранцем. И это презрение, это унижение китайский народ переживает сильнее других. Потому что в своей древней культуре он достиг той высоты, с которой человек может осознать свою человеческую природу и права, которые природа ему дарует в человеческом обществе. *Мы, европейцы, любим пренебрежительно отзываться об азиатских “дикарях”, возможно, чтобы оправдать наши жестокие действия по отношению к ним в глазах невежественного европейского мира»* [Ibid., с. 154—155]. Размышления путешественника об угнетенном положении китайцев и их исторической памяти вызваны, вероятно, тем, что для сербского мировосприятия не менее важен вопрос о национальном сопротивлении, так как Сербия долгое время находилась под властью Габсбургов (XVI—XIX века), и затем, после обретения независимости в 1878 году, обстановка в стране тоже оставалась напряженной, особенно во время правления Обреновичей [Кузьмичева, 2023, с. 158]. Писатель наблюдал то, что было близко его самосознанию. Йованович желал, чтобы сербские читатели могли увидеть и понять лучшее в китайцах, примеряя к чужому этносу собственный культурный опыт.

Религиозность — одна из констант сербской культуры. Православная вера была «основой для самосознания сербов, их самоидентификации» [Кузьмичева, 2023, с. 157]. В школе в Ярковаце, где учился Йованович, а затем в младшей гимназии во Вршаце среди предметов были основы вероучения, церковное пение и т. д. Поэтому отношение к религии и ее восприятие китайцами также оказывается в «модусе схватывания» писателя: «Китайцы сильно отличаются от мусульман. Когда им нужно найти религиозное утешение и поддержку, они поднимаются к пагоде и загадывают желание. А мусульмане, будь то на море или в пустыне, есть ли там мечеть или нет, регулярно в установленное время поклоняются своему пророку, словно находясь в мечети. Я должен признать, что китайский подход к религиозному поклонению гораздо ближе к подходу византийцев и римлян. Они стремятся к чувственному восприятию, а не к душевному утешению. Когда я бродил по Гонконгу, я часто, как и в Индии, удивлялся тому, что их религиозные обычаи очень похожи на наши» [Jovanović, 1895, с. 147]. Как верно подмечает Йованович, такое «чувственное восприятие» свойственно как китайским религиозным традициям, так и христианским. Человечество стремится к универсальности (А. Н. Веселовский), а подсознательное, безотчетное узнавание в «чужом» «своего» позволяет людям находить общий язык [Говенько, 2018, с. 31]. Другая яркая деталь организации быта, подмеченная путешественником и осмысленная через соотнесение «чужого» со «своим», тоже касается религиозности китайцев: «У женщин, постоянно живущих на лодках, есть свой очаг на крыше. Я наблюдал, как они готовят

обед... Жилище под крышей уютно обставлено и содержится в чистоте. В углу обычно стоит *икона*, а перед ней лампада, *точно такая же, как у нас*. Такие лампы можно увидеть и на алтарях брахманов в Индии, но эти *китайские большие похожи по форме на наши*. Нет ни дома, ни лавки, где бы в углу не стояла икона с изображением какого-нибудь бородатого и лохматого святого, перед которым горит лампада. Это свидетельствует о преданности китайцев своей вере. А поскольку на всей территории Китая единая религия (буддизм), то, *вероятно, именно это и лежит в основе привязанности китайцев к своей родине*» [Jovanović, 1895, с. 162].

В китайском сознании издавна укоренилось восприятие родины как земли, «обладающей притягательной, целительной силой, являющейся священной» [Фэн, 2023, с. 45, 54—55, 160]. Именно так и описывает китайское отношение к родине сербский путешественник: «Где бы ни поселился китаец, он остается китайцем. Он никогда не смешивается с другой расой, он всегда будет жить отдельно — для себя и, приобретя что-то, вернется на родину» [Jovanović, 1895, с. 162]. Известно, что китайцы, прибывавшие в конце XIX века на российский Дальний Восток на заработки (мыть золото, охотиться на пушного зверя), через какое-то время, накопив деньги, возвращались на родину. Чаще всего это были выходцы из провинции Шаньдун с ее неблагоприятными климатическими условиями — засухами и наводнениями, частыми эпидемиями. Йованович также обращает на это внимание: «Годами он [китаец] будет жить там, где ему нравится, там, где колонизируются его племена, но стариков в этих колониях редко можно увидеть. Когда китаец чувствует приближение конца жизни, он отправляется умирать на родину. И только тех, кто умирает от тяжелой болезни или лишен возможности вернуться, хоронят в колониях» [Jovanović, 1895, с. 162].

Особенно привлекали внимание путешественника детали быта, не свойственные его культуре. Его поразило, как китаянки относятся к своей внешности и гигиене, и этот особый модус схватывания был обусловлен, конечно, спецификой восприятия действительности врачом-гигиенистом. С интересом он наблюдал, как китаянки расчесывают волосы и делают высокие прически, вычесывая, какие предметы, выполненные из необычных материалов (костей, бамбука, металла), для этого используют. Он описал женскую одежду, так как она ничем не отличалась от мужской: длинные до колен синие рубахи и широкие брюки. Но больше всего он был впечатлен тактичностью, трудолюбием, выносливостью, ловкостью и даже какой-то мужской спортивностью китаянок. Они выполняли дела молча, аккуратно, при этом держа или неся на спине ребенка: «Женщины были одеты лучше: у каждой было длинное синее льняное платье, застегивающееся на левом плече, и широкие штаны из той же ткани, доходившие до колена,

а на ногах — туфли, тоже из хлопчатобумажной ткани. Очевидно, на них была только эта одежда, потому что я не заметил ни на одной из них нательного белья. Чистоплотность этих женщин была образцовой, так как каждое утро они мылись и тщательно вытирались полотенцем. Они проделывали эту процедуру толпами, не испытывая при этом дискомфорта, на виду у мужчин, которые равнодушно наблюдали за этим, и на протяжении всего пути я не заметил у них никакой непристойности: все они были так серьезны, словно сидели за обедом. Волосы каждой женщины были тщательно расчесаны, а голова украшена различными иголками, шарообразные концы которых торчали по обеим сторонам головы. Если вообще можно говорить о роскоши у этих людей, то она была только на голове» [Jovanović, 1895, с. 141]; «В порту заходили или выходили на берег многочисленные лодки, и <...> большинство рулевых этих судов — женщины. Если бы они не были у руля, то гребли бы веслом и двигались бы они ничуть не медленнее, чем мужчины. Так как вчера я видел силу этих худых женщин, то сегодня я не испытывал удивления, когда видел, как они ловко управляли тяжелыми веслами обеими руками» [Ibid, с. 161]. Путешественник дает одобрительную характеристику поведению женщин: «По правде говоря, поведение китайнок по отношению к нам иностранцам было исполнено серьезности и такта, несмотря на все равнодушие их мужского мира. Оно было “корректным / правильным”, как мы называем это у нас. Я не мог усмотреть в этом поведение ничего, *что говорило бы о подчинении китайнок мужьям*. Думаю, сравнение китайнки с “цивилизованной” европейской женщиной во многом было бы в пользу первой, поэтому я не буду углубляться в эту неблагоприятную тему» [Ibid., с. 150].

Йованович описывает и свои наблюдения над социальной иерархией в Китае, сравнивая ее с реалиями своей страны. При этом автор избегает осуждения: «За исключением небольшой части ученых, состоящих на государственной службе, всё население Китая принадлежит к рабочему классу. И поскольку в этом обществе нет касты, как в Индии, каждый рабочий может дослужиться до уровня торговца собственными усилиями. Только для государственной службы, которая ему интересна, ему требуется долгая и трудная подготовка. Поэтому ученые в Китае пользуются огромным уважением: их ценят, потому что их мало <...>. Репутация “авторитетов” в Китае достаточно характеризуется двумя явлениями: перед китайским судьей они отвечают лёжа, а перед выдающимися государственными деятелями — дерзко. Если вспомнить, что перед нашими епископами делают то же самое, что и перед индийскими раджами и буддийскими монахами, мы заметим влияние иерархической культуры Востока на нашу церковную иерархию <...> вся общественная жизнь в Китае основана на иерархии.

Отсюда застой в Китае, но отсюда и устойчивость его государственных институтов» [Jovanović, 1895, с. 170].

В целом можно сказать, что Йованович, ориентируясь на собственные этнические установки, смог понять культуру китайцев и представить ее в позитивном свете. Он сумел запечатлеть традиционный образ жизни китайцев, их религиозные традиции, а также их поведенческие этнические стереотипы.

4. Заключение = Conclusions

XIX век был пиком развития западного колониализма в Китае. Отношение Запада к Китаю как «отсталой» стране было снисходительным. На этом фоне высокая оценка Йовановичем китайской культуры и национального характера в его путевых заметках была проявлением солидарности с Китаем и китайской нацией. В своей книге он дал своего рода подробный отчет о китайских обычаях, людях и социальных явлениях. Его восхищение восточной страной и сочувствие китайцам, терпевшим лишения, переплелись в его восприятии с переживаниями за свою страну, страдавшую от разорения турками-османами и Австро-Венгерской империей.

Фиксируя яркие приметы «чужого» в китайцах, проецируя восприятие китайцев на собственный опыт и мировоззрение, Йованович создал новый, позитивный образ китайца для сербской и европейской культуры. Он смог уловить то, что делало китайцев понятными ему: стойкое следование своей вере и традициям и любовь к родине. Сербский писатель сумел запечатлеть те исторические и духовные процессы, которые определяли жизнь китайца. Сквозь призму сложившихся образов сербский читатель получил возможность лучше понять не только китайские ментальные установки, но и свои собственные.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Роднянская И. Б. Автор образ / И. Б. Роднянская // Литературный энциклопедический словарь / [подгот. Е. И. Бонч-Бруевич и др.] ; под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. — Москва : [б. и.], 1987. — 750 с.
2. Jovanovic M. Tamo amo po istoku / M. Jovanovic. — Belgrade : [s. n.], 1895. — Vol. 2. — 210 p.

Литература

1. Алагуева Т. Образ россиян в глазах китайцев и образ китайцев в глазах россиян на сопредельной территории / Т. Алагуева, К. Васильева, А. Островский // Проблемы Дальнего Востока. — 2007. — № 4. — С. 126—134.

2. *Благодер Ю. Г.* Заметки о Китае и Русской духовной миссии в Пекине на страницах российских журналов религиозной направленности (вторая половина XIX в.) / Ю. Г. Благодер // *Религиоведение*. — 2024. — № 2. — С. 25—34. — DOI: 10.22250/20728662_2024_2_25.
3. *Бурдина С. В.* Образ Китая в поэзии В. Перелешина / С. В. Бурдина, А. А. Арустамова, Т. Хэ // *Научный диалог*. — 2022. — № 11 (1). — С. 186—199. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-186-199.
4. *Ван Ю.* Образ восприятия японцев в китайской литературе антияпонского сопротивления (на материале повести Сяо Цзюня «Деревня в августе») / Ю. Ван // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Народы и культуры Северо-Восточного Китая* / под редакцией А. П. Забияко, А. А. Забияко. — Благовещенск : Амурский государственный университет, 2020. — Выпуск 13. — С. 280—283.
5. *Ван Ю.* Поэтика названия сборника Юй Дафу "л;ё" (1921) как образ восприятия и самовосприятия / Ю. Ван // *Гуманитарный вектор*. — 2021. — Т. 16. — № 1. — С. 16—24. — DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-1-16-24.
6. *Велькович С.* Милан Йованович Морской (1843—1896) / С. Велькович // *Жизнь и деятельность сербских учёных*. — 2020. — С. 47—102.
7. *Го Лицзюнь.* Образ цифрового Китая в российских средствах массовой информации / Го Лицзюнь // *Научный диалог*. — 2020 — № 1 (10) — С. 26—36. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-26-36
8. *Говенько Т. В.* К истории идеалов : неизвестная работа А. Н. Веселовского / Т. В. Говенько // *Традиционная культура. Научный альманах*. — 2018. — Т. 19. — № 1. — С. 31—35.
9. *Душко Д.* Перспективы и проблемы привлечения китайских инвестиций в экономику Сербии / Д. Душко // *Управленческое консультирование*. — 2018. — № 6 (114). — С. 88—101. — DOI: 10.22394/1726-1139-2018-5-88-101.
10. *Забияко А. А.* Лаомаоцзы, ходя, фазан, тирьда : образы взаимовосприятия китайцев и русских / А. А. Забияко, А. П. Забияко, Ж. Чжан // *Проблемы Дальнего Востока*. — 2020. — № 5. — С. 135—151. — DOI: 10.31857/S013128120011409-0.
11. *Забияко А. А.* Художественный образ восприятия инокультуры как категория имагопоэтики / А. А. Забияко, Е. В. Сенина // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. — 2021. — Т. 18. — № 1. — С. 166—171. — DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-166-171.
12. *Забияко А. П.* Этническое сознание и этнокультурные константы как фактор русско-китайских отношений / А. П. Забияко // *Русские и китайцы : этномиграционные процессы на Дальнем Востоке* / под ред. А. П. Забияко — Благовещенск : Изд-во Амур. гос. ун-та, 2009. — С. 124—140. — ISBN 978-5-93493-132-8.
13. *Злобина Ю. И.* Образ нации в социологическом аспекте этнокультурного восприятия России в массовом сознании китайцев / Ю. И. Злобина // *Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве*. — 2021. — Т. 1. — № 10. — С. 66—73.
14. *Кузьмичева Л. В.* Сербия между Востоком и Западом. Проблемы выбора пути в период становления независимого государства в XIX — начале XX в. / Л. В. Кузьмичева // *Доминанты сербской культуры : лекции по сербской культуре, истории и языку* / под редакцией Е. И. Якушкиной. — Москва : МАКС Пресс, 2023. — 320 с.
15. *Ленина Д. А.* Образ Китая в творчестве Перл Бак : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / Д. А. Ленина. — Нижний Новгород, 2020. — 233 с.

16. Пономарева Е. Г. Балканское дыхание Пекина (Стратегия и тактика китайского присутствия в странах Западных Балкан) / Е. Г. Пономарева, Д. Д. Крыканов // Полития : Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). — 2020. — № 1 (96). — С. 117—137. — DOI: 10.30570/2078-5089-2020-96-1-117-137.
17. Пэн Юйчао. Образ Китая в «Странствиях по Востоку» Милана Йовановича / Юйчао Пэн // Европейские исследования языка и культуры. — 2019. — Т. 1. — С. 155—169. (彭裕超. 米兰·约万诺维奇的《徘徊在东方》及其中的中国形象 // 欧洲语言文化研究2019年第1辑/ 总第9辑 155-169 页。).
18. Филипович А. "Железная Дружба" между Китаем и Сербией : результаты и тенденции развития сотрудничества / А. Филипович // Актуальные вопросы региональных исследований. Современное социально-экономическое и политическое развитие стран Европы и Азии : Материалы XI международной научно-практической студенческой конференции на иностранных языках, Новосибирск, 21—22 ноября 2024 года. — Новосибирск : Новосибирский государственный технический университет, 2024. — С. 28—34.
19. Фролова И. Ю. Интересы и проблемы Китая на Балканах / И. Ю. Фролова // Проблемы национальной стратегии. — 2020. — № 4 (61). — С. 61—75.
20. Фу Лин. Имидж Китая в России : формирование образа страны в контексте инициативы «Один пояс и один путь» / Фу Лин, Ма Ися, Ху Фань // Научный диалог. — 2018. — № 6. — С. 198—208. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-6-198-208.
21. Фэн И. Образ родины в русской и китайской литературе дальневосточного фронта 20—40-х гг. XX в. : диссертация ... кандидата филологических наук : 5.9.1 / И. Фэн. — Москва, 2023. — 198 с.
22. Цзинь Сяолэй. Распространение китайской культуры в Сербии в постюгославскую эпоху / Цзинь Сяолэй // Исследование китайской культуры и коммуникации. — 2022. — № 2. — С. 35—44. (金晓蕾.“后南斯拉夫时代”中国文化在塞尔维亚的传播 // 中华文化与传播研究·2022,第2期 35-44.).
23. Цзинь Сяолэй. Распространение китайской культуры в Сербии с XVIII по XX век / Сяолэй Цзинь, Р. Пушич // Международное китаеведение. — 2024. — № 4. — С. 50—60. (金晓蕾.拉多萨夫·普西奇. 18-20世纪中国文化在塞尔维亚的传播[J]. 国际汉学. 2024. 第4期. 50-60 页。).
24. Цмыкал О. Е. Китайский религиозный синкретизм в рассказе (новелле) о необычайном (на материале цикла «Китайская быль» И. Г. Баранова) / О. Е. Цмыкал, Я. В. Зиненко // Религиоведение. — 2023. — № 4. — С. 59—70. — DOI: 10.22250/20728662_2023_4_59.
25. Цуй Ю. Образы Китая и России в межкультурной коммуникации : диссертация ... кандидата культурологии : 24.00.01 / Ю. Цуй — Комсомольск-на-Амуре, 2011. — 127 с.
26. Чжао Л. Китайско-Сербские отношения на современном этапе / Л. Чжао // Международные отношения : история, теория, практика : материалы XII научно-практической конференции молодых ученых факультета международных отношений Белорусского государственного университета, Минск, 03 февраля 2022 года. — Минск : Белорусский государственный университет, 2022. — С. 136—139.
27. Юн С. М. Взаимодействие Китая и стран Центральной и Восточной Европы в рамках инициативы "Пояса и пути" и формата "17+1" / С. М. Юн, В. С. Пакулин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. — 2021. — Т. 14. — № 2. — С. 241—253. — DOI: 10.21638/spbu06.2021.207.
28. Ewertowski T. Graecia capta ferum victorem cepit? / T. Ewertowski // Relations between Europe and China in the Travelogue ‘Tamo amo po istoku’ of Milan Jovanović. In Boym

et cetera, ed. Aleksander W. Mikołajczak, Monika Miazek-Męczyńska, and Rafał Dymczyk. — Poznań : Humanistic and Interdisciplinary Research Group AMU, 2015. — Pp. 190—202.

29. Ewertowski T. The Image of the Chinese in the Southeast Asian Contact Zone. National Comparisons in the Travelogues of Milan Jovanović and Władysław Michał Zaleski / T. Ewertowski // *Imagology and Comparative Literature*. — 2016. — Vol. 6. — № 2. — Pp. 40—57. — DOI: 10.17223/24099554/6/2.

30. Ewertowski T. Sights of China : Markers of Otherness in Polish and Serbian Travel Writings (1842—1949) / T. Ewertowski // *Voyages and Travel Accounts in Historiography and Literature*. — 2020. — Vol. 2 — Pp. 217—234 — DOI: 10.22618/TP.HMWR.2020VTA2.289.012.

31. Jovanović J. S. Velikani srpske medicine — 19. Vek i prva polovina 20. Veka / J. S. Jovanović // *Srpska akademija nauka i umetnosti, Muzej nauke i tehnike, Srpsko lekarsko društvo*. — Beograd : [b. i.], 2016. — Str. 56—58.

32. *Kinesko srpski odnosi (odrednica)*, u : *Enciklopedija srpskog Naroda*. — Beograd : Zavod za udžbenike, 2008. — 497 str.

33. Kostadinovic A. Putnicka projekcija intime (putopisna prica Milana Jovanovica Morskog) / A. Kostadinovic // *Filologija i univerzitet*. — Proceedings. Nis : Filozofski fakultet. — 2012. — Pp. 205—220.

34. Liguori M. Vedi Napoli e poi muori: Napulj u srpskim putopisima od 1851. do 1951. godine / M. Liguori. — Novi Sad : Službeni glasnik, 2015. — 152 str.

35. Maksimović G. Putopisna proza Milana Jovanovića Morskog / G. Maksimović // *Zbornik Matice srpske za književnost i jezik*. — 2008. — Vol. 56. — № 3. — Pp. 623—638.

36. Novačić A. Kina : zmajevi dolaze / A. Novačić. — Belgrade : Verzal press, 1999. — 289 str.

37. Pusic R. Podnebesko carstvo. Srbi o Kini 1725—1940 (putopisi i clanci) / R. Pusic. — Belgrade : Cigoja stampa, 2006. — 269 p. — ISBN 978-86-7558-441-4.

38. Pusic R. Kapija od zada. Putopisi Srba o Kini : 1725—1935 / R. Pusic. — Belgrade : BIBLIOTEKA GRADA BEOGRADA, 1998. — 312 p.

39. Pusic R. Jezik kao smisao i besmisao puta : delo Milorada Pavića u NR Kini / R. Pusic // *Zbornik radova Milorad Pavić : stanovnik svetske književnosti*. — Novi Sad : Matica Srpska, 2019. — Pp. 345—353.

40. Pusic R. Kulturnoistorijske veze Kine i Srbije : 1725—1975 / R. Pusic // *Almanah Instituta Konfucije*. — 2021. — № XXIII—XXIV. — Pp. 149—160.

*Статья поступила в редакцию 11.09.2025,
одобрена после рецензирования 06.01.2026,
подготовлена к публикации 20.01.2026.*

Material resources

Jovanovic, M. (1895). *Tamo amo po istoku*, 2. Belgrade: [s. n.]. 210 p. (In Bosnian.).

Rodnyanskaya, I. B. (1987). The author's image. In: *Literary encyclopedic dictionary*. Moscow: [b. i.]. 750 p. (In Russ.).

References

Alagueva, T., Vasilyeva, K., Ostrovsky, A. (2007). The image of Russians in the eyes of the Chinese and the image of the Chinese in the eyes of Russians in the neighboring territory. *Problems of the Far East*, 4: 126—134. (In Russ.).

- Blagoder, Yu. G. (2024). Notes on China and the Russian ecclesiastical Mission in Beijing on the pages of Russian religious journals (the second half of the 19th century). *Religious Studies*, 2: 25—34. DOI: 10.22250/20728662_2024_2_25. (In Russ.).
- Burdina, S. V., Arustamova, A. A., He T. (2022). Image of China in Poetry of V. Pereleshin. *Nauchnyi dialog*, 11 (1): 186—199. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-1-186-199>. (In Russ.).
- Cui Yu. (2011). *Images of China and Russia in intercultural communication*. PhD Diss. Kom-somolsk-on-Amur. 127 p. (In Russ.).
- Dusko, D. (2018). Prospects and problems of attracting Chinese investments into the Serbian economy. *Management consulting*, 6 (114): 88—101. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-5-88-101. (In Russ.).
- Ewertowski, T. (2015). Graecia capta ferum victorem cepit? In: *Relations between Europe and China in the Travelogue 'Tamo amo po istoku' of Milan Jovanović*. In Boym et cetera, ed. Aleksander W. Mikołajczak, Monika Miazek-Męczyńska, and Rafał Dymczyk. Poznań: Humanistic and Interdisciplinary Research Group AMU. 190—202. (In Bosnian.).
- Ewertowski, T. (2016). The Image of the Chinese in the Southeast Asian Contact Zone. National Comparisons in the Travelogues of Milan Jovanović and Władysław Michał Zaleski. *Imagology and Comparative Literature*, 6 (2): 40—57. DOI: 10.17223/24099554/6/2. (In Bosnian.).
- Ewertowski, T. (2020). Sights of China: Markers of Otherness in Polish and Serbian Travel Writings (1842—1949). *Voyages and Travel Accounts in Historiography and Literature*, 2: 217—234 DOI: 10.22618/TP.HMWR.2020VTA2.289.012. (In Bosnian.).
- Feng, I. (2023). *The image of the Motherland in Russian and Chinese literature of the Far Eastern frontier of the 20-40s of the twentieth century*. PhD Diss. Moscow. 198 p. (In Russ.).
- Filipovich, A. (2024). “Iron Friendship” between China and Serbia: results and trends in the development of cooperation. In: *Topical issues of regional studies. Modern socio-economic and political development of the countries of Europe and Asia: Proceedings of the XI International Scientific and Practical Student Conference in Foreign languages, Novosibirsk, November 21—22, 2024*. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University. 28—34. (In Russ.).
- Frolova, I. Y. (2020). China’s interests and problems in the Balkans. *Problems of national strategy*, 4 (61): 61—75. (In Russ.).
- Fu Ling, Ma Yixia, Hu Fan. (2018). Image of China in Russia: Country Image Forming in Context of “One Belt, One Road” Initiative. *Nauchnyi dialog*, 6: 198—208. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-6-198-208. (In Russ.).
- Govenko, T. V. (2018). Towards the history of ideals: the unknown work of A. N. Veselovsky. *Traditional culture. Scientific almanac*, 19 (1): 31—35. (In Russ.).
- Guo Lijun. (2020). The Image of Digital China in the Russian Media. *Nauchnyi dialog*, 1 (10): 26—36. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-10-26-36>. (In Russ.).
- Jin Xiaolei. (2022). The spread of Chinese culture in Serbia in the post-Yugoslav era. *A study of Chinese culture and communication*, 2: 35—44. (In Chin.).
- Jin Xiaolei., Pushich, R. (2024). The spread of Chinese culture in Serbia from the 18th to the 20th century. *International Sinology*, 4: 50—60. (In Chin.).
- Jovanović, J. S. (2016). Velikani srpske medicine — 19. Vek i prva polovina 20. Veka. In: *Srpska akademija nauka i umetnosti, Muzej nauke i tehnike, Srpsko lekarsko društvo*. Beograd: [b. i.]. 56—58. (In Bosnian.).

- Kinesko srpski odnosi (odrednica), u: Enciklopedija srpskog Naroda.* (2008). Beograd: Zavod za udžbenike. 497 str. (In Bosnian.).
- Kostadinovic, A. (2012). Putnicka projekcija intime (putopisna prica Milana Jovanovica Morskog). *Filologija i univerzitet. Proceedings. Nis: Filozofski fakultet.* 205—220. (In Bosnian.).
- Kuzmicheva, L. V. (2023). Serbia between East and West. Problems of choosing a path during the formation of an independent state in the 19th — early 20th century. In: *The Dominants of Serbian culture: Lectures on Serbian Culture, History and Language.* Moscow: MAKSS Press. 320 p. (In Russ.).
- Lenina, D. A. (2020). *The image of China in the work of Pearl Buck.* PhD Diss. Nizhny Novgorod. 233 p. (In Russ.).
- Liguori, M. (2015). *Vedi Napoli e poi muori: Napulj u srpskim putopisima od 1851. do 1951. Godine.* Novi Sad: Službeni glasnik. 152 str. (In Bosnian.).
- Maksimović, G. (2008). Putopisna proza Milana Jovanovića Morskog. *Zbornik Matice srpske za književnost i jezik,* 56 (3): 623—638. (In Bosnian.).
- Novačić, A. (1999). *Kina: zmajevi dolaze.* Belgrade: Verzal press. 289 str. (In Bosnian.).
- Peng Yuchao. (2019). The Image of China in Milan Yovanovitch's "Travels in the East". *European Studies of Language and Culture, 1:* 155—169. (In Chin.).
- Ponomareva, E. G., Krykanov, D. D. (2020). The Balkan breath of Beijing (Strategy and tactics of the Chinese presence in the Western Balkans). *Politics: Analysis. The chronicle. Prognosis (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics), 1* (96): 117—137. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-96-1-117-137. (In Russ.).
- Pusic, R. (1998). *Kapija od zada. Putopisi Srba o Kini: 1725—1935.* Belgrade: BIBLIOTEKA GRADA BEOGRADA. 312 p. (In Bosnian.).
- Pusic, R. (2006). *Podnebesko carstvo. Srbi o Kini 1725—1940 (putopisi i clanci).* Belgrade: Cigoja stampa. 269 p. ISBN 978-86-7558-441-4. (In Bosnian.).
- Pusic, R. (2019). Jezik kao smisao puta: delo Milorada Pavića u NR Kini. In: *Zbornik radova Milorad Pavić: stanovnik svetske književnosti.* Novi Sad: Matica Srpska. 345—353. (In Bosnian.).
- Pusic, R. (2021). Kulturnoistorijske veze Kine i Srbije: 1725—1975. *Almanah Instituta Konfucije, XXIII—XXIV:* 149—160. (In Bosnian.).
- Tsmykal, O. E., Zinenko, Ya. V. (2023). Chinese religious syncretism in a story (novella) about the extraordinary (based on the material of the cycle "Chinese Past" by I. G. Baranov). *Religious Studies, 4:* 59—70. DOI: 10.22250/20728662_2023_4_59. (In Russ.).
- Velkovic, S. (2020). Milan Jovanovic Morskoy (1843—1896). *The life and work of Serbian scientists.* 47—102. (In Russ.).
- Wang, Yu. (2020). The image of Japanese perception in Chinese literature of anti-Japanese resistance (based on the novel by Xiao Jun "Village in August"). In: *Russia and China on the Far Eastern borders. Peoples and Cultures of Northeast China, 13.* Blagoveshchensk: Amur State University. 280—283. (In Russ.).
- Wang, Yu. (2021). The poetics of the title of Yu Dafu's collection "I;e" (1921) as an image of perception and self-perception. *Humanitarian vector, 16* (1): 16—24. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-1-16-24. (In Russ.).
- Yun, S. M., Pakulin, V. S. (2021). Interaction between China and the countries of Central and Eastern Europe within the framework of the Belt and Road Initiative and the 17+1 format. *Bulletin of St. Petersburg University. International relations, 14* (2): 241—253. DOI: 10.21638/spbu06.2021.207. (In Russ.).

- Zabiyako, A. A., Senina, E. V. (2021). Artistic image of perception of foreign culture as a category of imagopoetics. *Social and humanitarian sciences in the Far East*, 18 (1): 166—171. DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-166-171. (In Russ.).
- Zabiyako, A. A., Zabiyako, A. P., Zhang, J. (2020). Laomaotzi, hoda, pheasant, thirda: images of mutual perception of Chinese and Russians. *Problems of the Far East*, 5: 135—151. DOI: 10.31857/S013128120011409-0. (In Russ.).
- Zabiyako, A. P. (2009). Ethnic consciousness and ethnocultural constants as a factor of Russian-Chinese relations. In: *Russians and Chinese: ethnomigration processes in the Far East*. Blagoveshchensk: Publishing House of Amur State University. 124—140. ISBN 978-5-93493-132-8. (In Russ.).
- Zhao, L. (2022). Sino-Serbian relations at the present stage. In: *International relations: history, theory, practice: proceedings of the XII scientific and practical conference of young scientists of the Faculty of International Relations of the Belarusian State University, Minsk, February 03, 2022*. Minsk: Belarusian State University. 136—139. (In Russ.).
- Zlobina, Yu. I. (2021). The image of the nation in the sociological aspect of the ethnocultural perception of Russia in the mass consciousness of the Chinese. *Social integration and development of ethnocultures in the Eurasian space*, 1 (10): 66—73. (In Russ.).

*The article was submitted 11.09.2025;
approved after reviewing 06.01.2026;
accepted for publication 20.01.2026.*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORY

.....

Александр Николаевич Усенко, канд. истор. наук (Ростов-на-Дону)
Алексей Хасанович Абазов, д-р истор. наук (Нальчик)
Андрей Анатольевич Аганов, канд. истор. наук (Ростов-на-Дону)
Анна Ивановна Татарникова, канд. истор. наук (Тобольск)
Валерия Николаевна Красивская, канд. истор. наук (Москва)
Виталий Александрович Бондарев, д-р истор. наук (Ростов-на-Дону)
Виталий Викторович Прилуцкий, д-р истор. наук (Брянск)
Вячеслав Викторович Калинов, д-р истор. наук (Москва)
Елена Владимировна Бодрова, д-р истор. наук (Москва)
Жанна Александровна Сорокина, аспирант (Брянск)
Ирина Васильевна Черказьянова, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Ирина Викторовна Алферова, д-р истор. наук (Брянск)
Кирилл Андреевич Уланов, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Марина Хасанбиевна Бербекова, канд. истор. наук (Нальчик)
Махач Мустафаевич Вагабов, д-р истор. наук (Москва)
Мурат Владимирович Дышеков, канд. истор. наук (Нальчик)
Ольга Ивановна Рудая, канд. истор. наук (Ростов-на-Дону)
Сардана Николаевна Копырина, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Юлия Георгиевна Кокорина, д-р филол. наук (Москва)

Информация для цитирования:

Абазов А. Х. Общественный капитал в деятельности управления Центра Кавказской линии на рубеже 1840—50-х годов : Кабардинская общественная сумма / А. Х. Абазов, М. Х. Бербекова, М. В. Дышеков // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 1. — С. 348—365. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-348-365.

Abazov, A. Kh., Berbekova, M. Kh., Dyshekov, M. V. (2026). Public Capital in Administration of Caucasus Line Center at Turn of 1840s to 1850s: Kabardian Public Fund. *Nauchnyi dialog*, 15 (1): 348-365. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-348-365. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Общественный капитал в деятельности управления Цentra Кавказской линии на рубеже 1840—50-х годов: Кабардинская общественная сумма

Абазов Алексей Хасанович
orcid.org/0000-0003-4004-7009
доктор исторических наук, профессор,
корреспондирующий автор
alex_abazov@list.ru

Бербекова Марина Хасанбиевна
orcid.org/0000-0002-3981-623X
кандидат исторических наук, доцент
yucatan_line@mail.ru

Дышеков Мурат Владимирович
orcid.org/0009-0008-4659-5704
кандидат исторических наук, доцент
dugurl@mail.ru

Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х. М. Бербекова
(Нальчик, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой
поддержке внутреннего гранта
Кабардино-Балкарского государственного
университета им. Х. М. Бербекова
(договор № 36 от 28.01.2025 г.)
в рамках программы «Приоритет 2030»

Public Capital in Administration of Caucasus Line Center at Turn of 1840s to 1850s: Kabardian Public Fund

Alexey Kh. Abazov
orcid.org/0000-0003-4004-7009
Doctor of History, Professor,
corresponding author
alex_abazov@list.ru

Marina Kh. Berbekova
orcid.org/0000-0002-3981-623X
PhD in History, Associate Professor
yucatan_line@mail.ru

Murat V. Dyshekov
orcid.org/0009-0008-4659-5704
PhD in History, Associate Professor
dugurl@mail.ru

Kabardino-Balkarian State University
named after H. M. Berbekov
(Nalchik, Russia)

Acknowledgments:

The research was carried out with
the financial support of an internal grant from
the Kabardino-Balkarian State University
named after Kh. M. Berbekov (contract № 36,
January 28, 2025) within the framework
of “the Priority 2030 program”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование истории развития общественного капитала в деятельности управления Центра Кавказской линии на рубеже 1840—50-х годов на примере Кабардинской общественной суммы. Источниками выступили неопубликованные документы управления Центра, Кабардинского временного суда, приставских управлений и начальников крепостей. Рассмотрены организационные основы деятельности учреждений власти по управлению общественным капиталом, источники доходов и статьи расходования средств Общественной суммы. Подчеркивается, что она представляла собой комплексный финансовый институт и аккумулировала денежные средства, собираемые с представителей кабардинского, части осетинского, карачаевского, абазинского народов и жителей тахтамышевских аулов. Сообщается, что некоторое время она носила собирательное название «Кабардинская общественная сумма Большой и Малой Кабарды и других народов». Доказано, что истоки формирования общественного капитала как совокупности денежных средств относятся к рубежу 1840—50-х годов. Установлено, что к этому времени складываются основные принципы ее функционирования, которые применялись властями и общественностью вплоть до 1917 года. Отмечается, что собираемые средства направлялись на финансирование значимых проектов (строительство школы, выплаты учителям и т. п.).

Ключевые слова:

Кавказ; Центр Кавказской линии; Кабардинский временный суд; приставские управления; общественный капитал; Кабардинская общественная сумма.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the history of public capital development within the administration of the Caucasus Line Center during the turn of the 1840s to 1850s through an analysis of the Kabardian Public Fund. Unpublished documents from the administrative center, the temporary court of Kabarda, district administrations, and fort commandants were utilized as sources. The organizational foundations for managing this public fund are examined, including its revenue streams and expenditure categories. It is emphasized that the fund functioned as a comprehensive financial institution, accumulating funds collected from representatives of various ethnic groups such as the Kabards, part of Ossetians, Karachais, Abazins, and residents of Takhtamyshiev villages. At one point, it was collectively referred to as “The Kabardian Public Fund of Greater and Lesser Kabarda and Other Peoples.” The origins of this form of public capital accumulation can be traced back to the late 1840s and early 1850s when key principles governing its operation began to take shape, which remained applicable until 1917. Collected resources were primarily directed towards funding important projects like school construction and teacher salaries.

Key words:

Caucasus; Caucasus Line Center; Temporary Court of Kabarda; District Administrations; Public Capital; Kabardian Public Fund.

УДК 94(470.64)“184/185”

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-348-365

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Общественный капитал в деятельности управления Центра Кавказской линии на рубеже 1840—50-х годов: Кабардинская общественная сумма

© Абазов А. Х., Бербекова М. Х., Дышеков М. В., 2026

1. Введение = Introduction

Одним из направлений интеграции Центрального Кавказа в состав Российской империи в середине XIX века было формирование финансовых институтов при учреждениях власти. Именно с этого времени началось складывание неизвестного ранее коренным жителям финансового института — общественного капитала, формировавшегося на основе различных по видовой принадлежности денежных сборов (пошлин за вывоз леса для торговли, штрафов за правонарушения, выручки от продаж с аукционов имущества беглецов и бесхозных вещей) и выступавшего источником финансирования целого ряда социальных проектов (строительство школы, выплата вознаграждения учителям, наем специалистов для обучения местных жителей рецептам некоторых европейских блюд). На рубеже 40—50-х годов XIX века роль такого института на Центральном Кавказе выполняла подконтрольная начальнику Центра Кавказской линии (далее — ЦКЛ) Кабардинская общественная сумма (далее — КОС).

Следует отметить, что в истории финансовых отношений на Кавказе Кабардинская общественная сумма имела большое значение, она содействовала укреплению позиций Российской империи на Центральном Кавказе и формированию основ для социально-экономического развития коренного населения региона вплоть до революционных событий 1917 года. Ее масштабы и оборот финансового капитала к началу XX века стали столь велики, что представители власти и общественности приступили к обсуждению возможности учреждения на ее основе народного банка. Однако о начальных этапах ее функционирования известно немного.

В историографии социально-политической истории народов Центрального Кавказа встречаются разные версии относительно даты ее создания: Д. Н. Прасолов и М. Х. Бербекова считали, что она была создана во второй четверти XIX века [Прасолов, 2022, с. 59; Бербекова, 2023, с. 34], И. С. Пазов — в 1856 году [Пазов, 2018, с. 50], Ж. А. Калмыков — в 1859 году [Кал-

мыков, 1981, с. 116], Т. Х. Кумыков и М. В. Дышеков — в 1889 году [Дышеков, 2001, с. 231]. Вместе с тем анализ источников показывает, что именно на рубеже 40—50-х годов XIX века общественная сумма стала приобретать очертания финансового института с некоторыми элементами казначейских учреждений, определялась роль в ее управлении со стороны начальника Центра Кавказской линии, уточнялись функции по сбору денег с населения и учету их движения начальниками крепостей и укреплений и руководителями таких учреждений локального судебно-административного контроля (далее — УЛСАК), как Кабардинский временный суд (далее — КВС) и приставские управления. Кроме того, до настоящего времени сохраняются источники, которые дают возможность определить организационную основу по управлению Суммой, выявить и охарактеризовать каналы ее пополнения и направления расходования средств, очертить круг народов, вовлеченных в орбиту отношений по ее формированию. Все это подчеркивает актуальность исследования истории складывания и функционирования общественного капитала в деятельности управления Центра Кавказской линии на рубеже 40—50-х годов XIX века для более глубокого понимания особенностей втягивания местных жителей в имперскую систему финансовых отношений, укоренения фискальной функции институтов власти в механизме российского аппарата государства на Центральном Кавказе и т. п.

Актуальность поставленной проблемы усиливается и с учетом того, что вопросы истории складывания и функционирования Общественной суммы на Центральном Кавказе во второй половине 40-х — 50-е годы XIX века в историографии рассматривались фрагментарно. Общие сведения о функционировании Суммы в последней трети XIX — начале XX веков содержатся в трудах Г. Баева [Баев, 1908], И. Ф. Мужева [Мужев, 1955], Д. Н. Прасолова [Прасолов, 2017; Прасолов, 2019], И. С. Пазова [Пазов, 2019; Пазов, 2021]. При этом истокам ее формирования и функционирования в период до введения Центральном Кавказе системы военно-народного управления в конце 1850-х — начале 60-х годов в них не уделялось должного внимания, однако с начала 2020-х годов интерес исследователей к данной тематике так или иначе стал повышаться, что связано с расширением тематического диапазона и достижениями исторической эвристики в этом направлении. Некоторые аспекты функционирования Суммы в этот период отчасти затрагивались в научных работах Д. Н. Прасолова [Прасолов, 2022], И. Р. Марзей (Нахушевой) [Нахушева 2020; Марзей, 2021], Д. М. Алхасовой [Алхасова, 2024], М. Х. Бербековой [Бербекова, 2023а; Бербекова, 2023b], А. Р. Беппаева [Беппаев, 2025]. Несмотря на это, комплексного рассмотрения эта тема до настоящего времени не получила, хотя доступная источниковая база дает возможности для проведения изысканий.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование проводится в основном с опорой на делопроизводственные материалы Управления Центра Кавказской линии, Кабардинского временного суда, приставских управлений Малой Кабарды, дигорского и абазинского народов, карачаевского и абазинского народов, тахтамышевских аулов и воинских начальников Нальчикской, Урухской, Черекской, Георгиевской крепостей. Материалы излечены из фондов УЦГА АС КБР (ф. И-2 «Управление Кабардинской округа», ф. И-6 «Управление Центра Кавказской линии», ф. И-26 «Кабардинская общественная сумма») и опубликованных сборников архивных документов [Из истории Кабардинского временного суда ..., 2008]. Материалы Управления Центра и временного суда этого времени отражают политику Российской империи в отношении народов Центрального Кавказа, направленную на установление контроля над регионом и интеграцию его в состав государства. Делопроизводственные материалы приставских управлений позволяют изучить специфику управления народами региона, а также особенности их взаимоотношений с российской администрацией и между собой.

Большой корпус документов содержит информацию о движении денежных средств, которые в итоге составляли основу общественного капитала региона. В ходе исследования были изучены предписания начальника Центра Кавказской линии казначею управления, временному суду, приставским управлениям, военным начальникам крепостей; рапорты служащих КВС, приставов и войсковых начальников крепостей начальнику ЦКЛ; шнуровые книги «на записку прихода и расхода» денежных средств Суммы за 1846—1858 годы; ежемесячные ведомости (выписки из шнуровых книг) о приходе, расходе и остатке средств Общественной суммы; аукционные листы; ведомости расположенных на Центральном Кавказе постов и карантинных о численности повозок и арб, количестве леса, провезенного через контрольные точки, и др. Анализ выявленных источников позволяет выделить ключевые аспекты формирования и использования общественного капитала, в том числе и установить особенности функционирования КОС, а также ее доходные и расходные статьи.

Исследование выстраивалось с опорой на принципы историзма, объективности, системности, опоры на исторические источники, историографическую традицию и историко-системный, историко-генетический и проблемно-хронологический методы. Применяя принцип *историзма*, изучена динамика деятельности Кабардинской общественной суммы в строгом соответствии со временем и географическим расположением управления Центра и УЛСАК с учетом исторического контекста и факторов, влиявших на их функционирование. Принцип *объективности* послужил осно-

вой для получения достоверных данных путем анализа репрезентативных источников и исключения личных оценок при изучении ключевых аспектов проблемы. Применение принципа *системности* дало возможность представить общественный капитал населения Центрального Кавказа как финансовый институт, представлявший совокупность денежных средств, собираемых группой учреждений власти и УЛСАК по разным статьям доходов (пошлины за вывоз леса на продажу, денежные штрафы в наказание за преступления, выручка с аукционных торгов). Принцип *опоры на исторические источники* применялся для проведения анализа и подготовки заключений по теме исследования в строгом соответствии с результатами подборки репрезентативных делопроизводственных документов (в том числе и с применением элементов статистического обобщения — ведомости, отчеты и т. п.), отражавших деятельность начальника Управления Центра, его казначея, руководителей УЛСАК и воинских начальников расположенных на территории Центрального Кавказа крепостей и укреплений. Для оценки уровня изученности темы и подготовки к исследованию функционирования общественного капитала в деятельности управления ЦКЛ на рубеже 40—50-х годов XIX века использовался *принцип историко-графической традиции*, принимались во внимание текущие наработки в области исторических исследований по данному вопросу.

Применение *историко-системного* метода дало возможность выполнить структурно-функциональное исследование работы управления Центра Кавказской линии и учреждений локального судебно-административного контроля в сфере управления общественным капиталом. Для изучения истории Общественной суммы на рубеже 40—50-х годов XIX века был использован *историко-генетический* подход, это дало возможность исследовать организационные основы этого финансового института на начальном этапе его функционирования возникновения и сделать обобщения о его роли в развитии региона. Применение *проблемно-хронологического* метода позволило изучить особенности деятельности Общественной суммы в условиях изменения административно-территориального устройства Центрального Кавказа с учетом исторических проблем и хронологической последовательности событий.

Все это дает возможность определить роль общественного капитала и место Общественной суммы в системе финансовых отношений на Центральном Кавказе в условиях интеграции народов региона в социально-экономическое пространство Российской империи на рубеже 1840-х — 50-х годов, исследовать особенности организации деятельности учреждений власти и локального судебно-административного контроля по управлению общественным капиталом, охарактеризовать источники доходов и статьи расходования средств суммы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Организация деятельности учреждений власти по управлению общественным капиталом

Одной из функций управления Центра Кавказской линии на рубеже 40—50-х годов XIX века было управление накапливавшимся общественным капиталом [УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, ед. хр. 831, л. 1]. Для этого управление использовало ряд методов и механизмов. Так, пополнение и расходование средств Общественной суммы осуществлялось на основе специальных предписаний начальника Центра [Там же, л. 3]. Учреждением, ответственным за учет и движение средств по КОС, был КВС [Там же, л. 1]. В делопроизводственных документах в качестве ответственного за ведение Суммы упоминался служащий управления Центра — «центральный казначей» [Там же, л. 14]. Это говорит о том, что управление ЦКЛ к этому времени сформировало четко выстроенную систему для контроля и распоряжения общественными финансами с распределением ответственности между подведомственными структурами и должностными лицами.

Примечательно, что Общественная сумма аккумулировала средства, собираемые не только с кабардинского населения Центрального Кавказа, но и с представителей соседних с ними народов, также находившихся в подведомственности начальника Центра. Например, в первой половине 50-х годов XIX века в приходных статьях Общественной суммы фиксировались средства, взыскиваемые в крепости Нальчик за вывоз леса на продажу с «кабардинцев и других лиц» [УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, ед. хр. 1297, л. 42 об.]. В ходе исследования установлены факты взносов в КОС средств, собранных с кабардинцев — жителей Большой и Малой Кабарды; части осетин, проживавших на подведомственной дигорскому приставу территории [Там же, л. 68]; населения, подведомственного приставу карачаевского и абазинского народов [УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, ед. хр. 1297, л. 86; УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, ед. хр. 1295, л. 15]; «тахтамышевских» народов [УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, ед. хр. 1295, л. 46] и т. д. Кроме того, в первой половине 50-х годов XIX века в рапортах секретаря временного суда начальнику Центра в отношении нее неоднократно применялось собирательное название «Кабардинская общественная сумма Большой и Малой Кабарды и других племен» [УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, ед. хр. 1297, л. 34]. Это дает возможность говорить о КОС как о финансовом механизме, охватывавшем более широкую территорию и население, чем исключительно территорию и население Кабарды.

Для учета и фиксирования всех случаев движения денежных средств Общественной суммы в Кабардинском временном суде велась специальная шнуровая книга «на записку прихода и расхода» [УЦГА АС КБР, ф. И-16,

оп. 1, ед. хр. 831, л. 1; УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, ед. хр. 1297, л. 1]. В шнуровой книге фиксировались все операции, произведенные в течение календарного года, а также отражались сведения об остатках предыдущего финансового года. Шнуровая книга выдавалась суду из управления Центра. Суд был обязан ежемесячно предоставлять на проверку в управление Центра выписки из шнуровой книги (отчеты) [УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, ед. хр. 831, л. 1]. В выписках (ведомостях), как и в шнуровой книге, фиксировались сведения о приходе, расходе и остатках денежных средств за предшествовавший отчётному месяц. Ответственным за ведение шнуровой книги и подготовку ежемесячных выписок из нее был секретарь временного суда [Там же, л. 7]. Кроме того, в приставских управлениях в пределах своей подведомственности велся дополнительный внутренний учет поступления денежных средств, что фиксировалось в своих учетных шнуровых книгах. Например, в каждом приставском управлении велась шнуровая книга «на записку прихода и расхода штрафных денег, взыскиваемых за разные проступки» [Из истории Кабардинского временного суда ..., 2008, с. 182]. В делопроизводственной практике встречались и более специализированные учетные книги. В 1851—1854 годах в приставстве карачаевского и абазинского народов велась книга «на записку в приход суммы, собираемой с вольнопромышленников, вывозивших лес из карачаевских дач» [УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, ед. хр. 1297, л. 135—140 об.]. В ходе исследования установлено, что собираемые по этим позициям средства также направлялись соответствующими руководителями УЛСАК в управление Центра для приобщения к Общественной сумме.

Однако, полагаем, Общественная сумма как комплексный финансовый институт, аккумулирующий собираемые с представителей большинства народов Центрального Кавказа средства, складывалась постепенно. В историографии были установлены факты функционирования общественных касс на уровне отдельных УЛСАК. В частности, А. Р. Беппаев выявил и охарактеризовал некоторые особенности функционирования малокабардинской общественной суммы в 1848—1849 годах и определил ее как временный финансовый институт, объединенный впоследствии с Общественной суммой [Беппаев, 2025, с. 16]. При этом, по его мнению, в отношении малокабардинской суммы применялись такие же методы управления, как и в отношении основной: сумма пополнялась за счет сборов с населения за вывоз леса на продажу, штрафов в качестве наказания за преступления за преступления, денег от продажи с аукционных торгов имущества беглецов; ответственным за сбор средств был пристав Малой Кабарды; собранные средства передавались в распоряжение начальника Центра Кавказской линии; сведения о приходе и расходе денежных средств фиксировались

уполномоченным сотрудником управления Центра в специальной шнуровой книге [Там же] и т. п. Сам же исследователь уточняет, что в начале 50-х годов XIX века малокабардинская общественная сумма в документах не упоминалась, а собираемые приставом с населения средства направлялись в управление ЦКЛ для приобщения к основной КОС [Там же].

Все это говорит о складывании к началу 50-х годов XIX века развитой системы учета и контроля денежных средств в управлении Центра Кавказской линии и подведомственных ему структурах с использованием шнуровых книг и других форм документирования финансовых операций в качестве основного инструмента управления в многоуровневой военно-административной иерархии.

3.2. Источники доходов Кабардинской общественной суммы

На рубеже 40—50-х годов XIX века Кабардинская общественная сумма пополнялась в основном за счет средств, собранных с местного населения в виде пошлин за вывоз леса за пределы Кавказской линии на продажу, за счет уплаты штрафов за правонарушения по решению суда и приставов, а также денег, вырученных от продаж с аукционных торгов имущества лиц, самовольно покинувших место жительства и переселившихся на неподконтрольные России территории.

Основным каналом пополнения Общественной суммы в исследуемый период были средства, собранные с местных жителей в виде пошлин за вывоз за пределы Кавказской линии леса на продажу [УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, ед. хр. 831, л. 4]. Это был самый массовый и самый стабильный доход Суммы. Так, например, анализ ведомостей за 1854 год о взимании денег с населения региона показывает, что в течение года было сделано более 1200 отметок о фактах вывоза леса для продажи за пределы линии [УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, ед. хр. 1297, л. 115 об.]. О каждом таком факте (совокупности фактов) и о размерах собранных средств секретарь КВС сообщал начальнику Центра [УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, ед. хр. 831, л. 5]. В свою очередь, он в отношении каждого из них направлял обратно в суд предписание о зачислении вырученных средств в доход Суммы. Анализ делопроизводственных источников показывает, что в числе учреждений, собиравших пошлины за вывоз леса и направлявших рапорта об этом начальнику Центра, в то время были контролировавшая центральный в регионе карантинный пост Екатериноградская карантинная контора [Там же, л. 8], а также — Прохладненская карантинная застава [Там же, л. 89 об.], КВС [Там же, л. 24 об.], Черекское [Там же, л. 40] и Урухское укрепления [Там же, л. 43], Нальчикская и Георгиевская крепости [УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, ед. хр. 1297, л. 111]. Кроме того, в первой половине 50-х годов XIX века по этой части в управление Центра аналогичные све-

дения и собранные денежные средства также направляли пристав Малой Кабарды [УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, ед. хр. 1297, л. 4; УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, ед. хр. 297, л. 21 об.], пристав дигорского народа [УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, ед. хр. 1297, л. 4 об.], пристав карачаевского и абазинского народов, пристав тахтамышевских аулов [УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, ед. хр. 1295, л. 46]. Для учета этих денег на постах и карантинах составлялись специальные ежемесячные ведомости о численности повозок и арб, количестве проведенного через контрольные точки леса и размере собранных сумм [УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, ед. хр. 831, л. 9—10 об.]. Также ведомости составляли и приставы. Как правило, почти во всех таких случаях, начальник Центра также принимал решение о направлении полученных денежных средств в Кабардинский временный суд для приобщения к Сумме [Там же, л. 8 об.]. Примечательно, что в доход суммы поступали и денежные средства, вырученные от продажи изъятых лесов при попытках его несанкционированного провоза за пределы Линии (то есть без разрешительного билета) [Там же, л. 38 об.].

Средства, собранные судом и приставами в качестве штрафов за правонарушения, также составляли один из основных каналов пополнения Общественной суммы [Там же, л. 25 об.]. Право начальника Центра Кавказской линии распоряжаться взысканной по этой части суммой было закреплено в прокламации главнокомандующего войсками на Кавказской линии генерала от инфантерии А. П. Ермолова еще в 1822 году [Из истории Кабардинского временного суда ..., 2008, с. 10]. Во второй половине 40-х годов XIX века в суде и приставах велись специальные учетные книги, в которых фиксировались сведения о поступлении штрафных денег [Из истории Кабардинского временного суда..., 2008, с. 182]. Эти средства также направлялись начальнику Центра, а тот в свою очередь принимал решения об обращении их в доход Общественной суммы.

Также одним из каналов пополнения Кабардинской общественной суммы в то время были средства, вырученные от продаж с аукционных торгов «бесхозных вещей» [УЦГА АС КБР, ф. И-26, оп. 1, ед. хр. 1, л. 1] и имущества лиц, бежавших на неподконтрольные России территории (абреков) [УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, ед. хр. 831, л. 3]. Напомним, что для Центрального Кавказа борьба с абречеством активизировалась после вторжения в Кабарду отрядов имама Шамиля осенью 1846 года. Однако случаи продаж с аукционных торгов имущества таких беглецов и направление вырученных денег на пополнение Общественной суммы встречались в практике и в середине 50-х годов XIX века. Так, например, на основании анализа предписания начальника Центра временному суду видно, что 8 мая 1855 года от пристава тахтамышевских народов были получены

денежные средства, вырученные от продажи «с аукционного торга скота, принадлежащего бежавшему ногайцу» [УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, ед. хр. 1295, л. 46]. Точная сумма, которая шла на пополнение Общественной суммы, определялась на основании сделанной в аукционном (или продажном) листе записи. Сами же аукционные листы также имели утвержденную форму. В них помещался перечень распроданного имущества, общая сумма вырученных средств и сведения об его новых собственниках [Там же]. После проведения торгов аукционные листы направлялись для учета и принятия дальнейших решений начальнику Центра. В свою очередь, он принимал решения передать вырученные таким способом деньги в доход Общественной суммы.

3.3. Статьи расходования средств Кабардинской общественной суммы

Анализ шнуровых книг и выписок из них показывает, что в числе каналов расходования средств Общественной суммы во второй половине 40-х годов XIX века были отчисления на восстановление разрушенных в результате вторжения в Кабарду в 1846 году отрядов имама Шамиля охраненных постов (в частности, Урванского, Аргуданского и Новочегемского) [Там же, л. 7], а также на погашение ранее взятых из суммы займов. Краткосрочные займы из суммы брались на обеспечение казенных экстраординарных расходов временного суда [Там же, л. 7], на содержание находившихся в нальчикской крепости аманатов и «азиатских арестантов» [Там же, л. 39].

Другим каналом расходования средств Суммы была оплата проживания членов временного суда в домовладениях жителей Нальчикского форштадта в периоды исполнения судьями своих обязанностей. Для учета этих обстоятельств в суде велись списки членов суда, квартирующих у жителей форштадта, с указанием сумм, необходимых для погашения квартплаты [Там же, л. 15].

В первой половине 50-х годов XIX века за счет средств Общественной суммы компенсировались выплаты сверх определенных штатным расписанием казенных окладов некоторым служащим КВС (например, в 1854 году — секретарю [УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, ед. хр. 1297, л. 39; УЦГА АС КБР, ф. И-26, оп. 1, ед. хр. 1, л. 3], двум писарям [УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, ед. хр. 1297, л. 39], милиционеру — охранной страже суда [УЦГА АС КБР, ф. И-2, оп. 1, ед. хр. 47, л. 51]).

Были и разовые выплаты за счет средств Суммы — например, организация праздника в 1844 году в честь пожалования Николаем I знамени кабардинскому народу [Прасолов, 2022, с. 60], покупка инструмента для проведения ремонтных работ в подведомственном управлению Центра воен-

ных укреплениях вместо похищенного при вторжении Шамиля [УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, ед. хр. 831, л. 26]; компенсация стоимости ошибочно конфискованного и проданного с аукционных торгов имущества [Там же, л. 28]; оплата услуг приезжего специалиста по обучению местных жителей основам швейцарского сыроварения [УЦГА АС КБР, ф. И-26, оп. 1, ед. хр. 1, л. 3]; приобретение портретов императора Александра I (писанного на холсте масляными красками в натуральную величину) для временного суда и школы [УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, ед. хр. 1295, л. 49] и т. п. На основании предписания начальника ЦКЛ временному суду от 1 февраля 1854 года в расходную статью Общественной суммы предлагалось записать 2655 руб. на строительство и содержание школы в крепости Нальчик для обучения 25 детей представителей знатных кабардинских фамилий [УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, ед. хр. 1297, л. 120—120 об.]. В структуру этих расходов входили траты на строительство и отопление помещения, приобретение белья и обуви для учеников, их обеспечение учебными принадлежностями, провиантом, оплату вознаграждения за работу учителей русского и арабского языков, компенсация их расходов за проживание в крепости Нальчик [УЦГА АС КБР, ф. И-2, оп. 1, ед. хр. 47, л. 102] и т. п.

Анализ делопроизводственных документов управления Центра Кавказской линии позволяет установить и другие каналы расходования средств Общественной суммы. Так, в во второй половине 40-х — первой половине 50-х годов XIX века за счет средств Суммы содержалось здание управления Центра [Прасолов, 2022, с. 88], оплачивались канцелярские расходы состоявших при суде народного депутата и двух письмоводителей эзекуторов [УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, ед. хр. 1297, л. 5], а также издержки на печать бланков билетов на вывоз за линию леса на продажу [Там же, л. 14 об.]. Примечательно, что за печать бланков билетов деньги из Суммы направлялись в Штаб войск Кавказской линии и Черномории [Там же, л. 103] — надведомственное для управления Центра учреждение. В 1854 году из средств суммы были оплачены работы специалиста из управления ЦКЛ по размежеванию «кабардинских земель, следуемые ему на проезды и порции, согласно предоставленного им расчёта» [Там же, л. 35], также ему были возмещены средства, затраченные на «прогоны» во время проведения работ [Там же, л. 35].

Случалось, что приставы просили начальника Центра Кавказской линии о выделении средств из КОС на некоторые нужды, связанные с управлением подведомственным им населением. Например, 14 июня 1854 года пристав карачаевского и абазинского народов войсковой старшина Тургиев в рапорте начальнику Центра писал о крайней нужде «в деньгах по настоящим смутным обстоятельствам для необходимых расходов» и отмечал: «...

из суммы, имеющей собираться в нынешнем году в штраф с карачаевских и других подведомственных мне народов, третья часть должна поступать в пользу судей, а остальные две части должны мною отправляться Вашему Превосходительству для обращения в Кабардинскую общественную сумму...» [Там же, л. 86]. На основе этого пристав Тургиев просил у начальника Центра решения самостоятельно распоряжаться причитавшейся ему третью от общей суммы, собранной им с карачаевского и абазинского населения региона в качестве штрафов за правонарушения [Там же].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, к середине 40-х годов XIX века Кабардинская общественная сумма стала важным финансовым инструментом управления Центра Кавказской линии и представляла собой своеобразный поэтапно складывавшийся общественный капитал, который систематически пополнялся за счет сборов с населения пошлин за вывоз леса для торговли, штрафов за правонарушения, выручки от продаж с аукционов имущества беглецов и бесхозных вещей и служил источником финансирования ряда таких значимых социальных проектов, как организация работ по строительству школы в крепости Нальчик, обеспечение финансовых выплат в качестве поощрения за работу ее учителей, найм специалистов в области кулинарии, приобретение портретов императора для суда и школы и т. п. К настоящему времени в исследовательской практике накопились лишь фрагментарные сведения о функционировании Общественной суммы на рубеже 40—50-х годов XIX века, а прирост научных знаний по этой теме осуществлялся в основном за счет поиска и введения в оборот новых архивных документов. Вместе с тем доступные для исследования делопроизводственные документы управления ЦКЛ и УЛСАК дают возможность наметить новые векторы изучения проблемы и создать основу для последующего комплексного исследования истории системы финансовых учреждений на Центральном Кавказе на этапах интеграции в состав России.

Исследование показало, что основным распорядителем средств Общественной суммы на рубеже 40—50-х годов XIX века был начальник Центра. Для этого он опирался на действующую институциональную основу в лице совокупности подведомственных ему приставских управлений и Кабардинского временного суда и взаимодействовал с воинскими начальниками расположенных на Центральном Кавказе крепостей и укреплений. Ответственным за хранение и контроль суммы был служащий управления Центра в должности центрального казначея. Учет движения денежных средств и ведение шнуровой книги возлагались на секретаря временного суда. Приставы и начальники крепостей и укреплений собирали целевые

денежные средства с представителей подведомственного населения, вели их учет и передавали для дальнейшего распоряжения начальнику Центра. Все это позволяет говорить о том, что система распоряжения средствами Общественной суммы в указанный период характеризовалась централизованным управлением с четким разделением обязанностей и опорой на развитую административную иерархию.

В ходе исследования установлено, что на рубеже 40—50-х годов XIX века Общественная сумма представляла собой комплексный финансовый институт и аккумулировала денежные средства, собираемые с представителей кабардинского, части осетинского, карачаевского, абазинского народов и жителей тахтамышевских аулов, и некоторое время носила собирательное название «Кабардинская общественная сумма Большой и Малой Кабарды и других народов». Это подчеркивает ее роль как централизованного финансового органа, охватывавшего широкую территорию и различные народы.

В рассматриваемый период основным источником дохода Общественной суммы являлись средства, собранные с представителей местного населения через взимание пошлин за вывоз леса за пределы Кавказской линии с целью реализации, штрафные выплаты, назначаемые временным судом и приставами за различные нарушения. Кроме того, в доходную часть КОС включались денежные средства, полученные в результате аукционных продаж имущества лиц, которые без разрешения покинули свои места проживания и переехали на территории, не подконтрольные Российской империи. Средства суммы по распоряжению начальника ЦКЛ расходовались на восстановление охранных постов и укреплений, разрушенных в результате вооружённых нападений, содержание здания управления Центра, оплату проживания членов суда в Нальчикском форштадте, выплату сверх определенных штатным расписанием казенных окладов некоторым служащим суда, проведение коллективных празднеств, приобретение портретов императора для учреждений власти, строительство и содержание школы в крепости Нальчик, печать бланков билетов на вывоз за линию леса на продажу, оплату труда специалистов по направлениям деятельности управления Центра и т. п. Это говорит о том, что КОС являлась самофинансируемым институтом, деятельность которого напрямую зависела от сборов с местного населения и мер по обеспечению порядка и контроля в регионе управления ЦКЛ и подведомственных ему УЛСАК.

Все это дает возможность охарактеризовать Общественную сумму в деятельности управления Центра Кавказской линии на рубеже 40—50-х годов XIX века как важный финансовый инструмент с некоторыми элементами казначейских учреждений и фискальных функций, который за-

ложил прочную основу для развития общественного капитала в регионе после перехода к военно-народному управлению в 60-е годы XIX века. Истоки формирования общественного капитала как совокупности денежных средств, собираемых в виде пошлин, выручки от аукционных торгов и штрафов за преступления с подведомственного Центру Кавказской линии населения, относятся к рубежу 40—50-х годов XIX века. В это время складывались основные принципы ее функционирования, которые применялись в практиках властей и общественности вплоть до революционных событий 1917 года: основным распорядителем средств Общественной суммы было высшее должностное лицо в регионе (на рубеже 40—50-х годов XIX века — начальник Центра), основным исполнителем — уполномоченное должностное лицо (казначей управления Центра); собираемые средства направлялись на финансирование значимых проектов.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Из истории* Кабардинского временного суда 1822—1858 гг. — Пятигорск : РИА-КМВ, 2008. — 228 с.
2. УЦГА АС КБР. — *Управление* Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики (г. Нальчик). Ф. И-2. Управление Кабардинской округа ; Ф. И-16. Управление Центра Кавказской линии ; Ф. И-26 Кабардинская общественная сумма.

Литература

1. *Алхасова Д. М.* Управление Центра Кавказской линии в административной системе и политической практике Российской империи в 30—50-е гг. XIX в. : диссертация ... кандидата исторических наук : 5.6.1. / Д. М. Алхасова. — Ставрополь, 2024. — 224 с.
2. *Баев Г. В.* Народный кредит в Терской области / Г. В. Баев. — Владикавказ : Тип. Сергея Назарова, 1908. — 56 с.
3. *Беппаев А. Р.* Становление основ и методов управления народным капиталом на Центральном Кавказе в конце 1840-х годов (на примере малокабардинской общественной суммы) / А. Р. Беппаев // *Электронный журнал "Кавказология"*. — 2025. — № 1. — С. 15—26. — DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-15-26.
4. *Бербекова М. Х.* Общественный капитал в системе финансово-экономических отношений Нальчикского округа Терской области во второй половине XIX — начале XX в. : диссертация ... кандидата исторических наук : 5.6.1. / М. Х. Бербекова. — Нальчик, 2023. — 206 с.
5. *Бербекова М. Х.* Доходы и расходы Кабардинской общественной суммы в 50-х — начале 60-х годов XIX века по материалам учетных книг / М. Х. Бербекова // *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН*. — 2023. — № 1 (111). — С. 63—70. — DOI: 10.35330/1991-6639-2023-1-111-63-70.

6. Дышеков М. В. Трансформация традиционной элиты Кабарды и Балкарии во второй половине XIX — начале XX в. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / М. В. Дышеков. — Нальчик, 2001. — 204 с.
7. Калмыков Ж. А. Некоторые общественно-политические органы управления Кабарды и Балкарии в пореформенный период / Ж. А. Калмыков // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. — Нальчик : Эльбрус, 1980. — С. 105—120.
8. Кумыков Т. Х. Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX — начале XX в. / Т. Х. Кумыков. — Нальчик : Эльбрус, 2002. — 448 с.
9. Марзей И. Р. Система приставских управлений на Северном Кавказе в 1769—1864 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 5.6.1. / И. Р. Марзей. — Нальчик, 2021. — 193 с.
10. Мужев И. Ф. 1905 год в Кабарде / И. Ф. Мужев. — Нальчик : Кабардинское книжное изд-во, 1955. — 88 с.
11. Нахушева И. Р. Приставское управление в Кабарде в 1769—1858 гг. : динамика, полномочия, персоналии / И. Р. Нахушева // Электронный журнал «Кавказология». — 2020. — № 3. — С. 60—78. — DOI: 10.31143/2542-212X-2020-3-60-78.
12. Пазов И. С. Финансы и экономика Нальчикского округа в начале XX века (1905—1917 гг.) / И. С. Пазов // Электронный журнал «Кавказология». — 2018. — № 4. — С. 42—64. — DOI: 10.31143/2542-212X-2018-4-42-64.
13. Пазов И. С. Общественный капитал Нальчикского округа в начале XX века / И. С. Пазов // Современные исследования социальных проблем. — 2019. — Т. 11. — С. 170—190. — DOI: 10.12731/2077-1770-2019-3-170-190.
14. Пазов И. С. Структура и функции органов власти Нальчикского округа Терской области в 1888—1917 гг. / И. С. Пазов // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. — 2021. — № 4 (102). — С. 55—61.
15. Прасолов Д. Н. Развитие местного самоуправления у кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX — начале XX в. / Д. Н. Прасолов. — Нальчик : Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. — 120 с.
16. Прасолов Д. Н. Съезды доверенных в практиках местного самоуправления кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX — начале XX в. / Д. Н. Прасолов. — Нальчик : Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. — 208 с. — ISBN 978-5-91766-169-8.
17. Прасолов Д. Н. Съезды доверенных в политической культуре кабардинцев и балкарцев / Д. Н. Прасолов. — Нальчик : Принт-Центр, 2022. — 240 с. — ISBN 978-5-907499-92-8.
18. Прасолов Д. Н. Кабардинская сельская община во второй половине XIX — начале XX в. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.07 / Д. Н. Прасолов. — Нальчик, 2001. — 222 с.

*Статья поступила в редакцию 03.08.2025,
одобрена после рецензирования 17.12.2025,
подготовлена к публикации 20.01.2026.*

Material resources

From the history of the Kabardian Provisional Court of 1822—1858. (2008). Pyatigorsk: RIA—KMOV. 228 p. (In Russ.).

UCGA AS KBR — *Department of the Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic (Nalchik). F. I-2. Kabardian District Administration; F. I-16. Department of the Center of the Caucasian line; F. I-26 Kabardian public sum.* (In Russ.).

References

- Alkhasova, D. M. (2024). *Management of the Center of the Caucasian line in the administrative system and political practice of the Russian Empire in the 30—50s of the XIX century*. PhD Diss. Stavropol. 224 p. (In Russ.).
- Baev, G. V. (1908). *People's credit in the Tersk region*. Vladikavkaz: Type. Sergei Nazarov. 56 p. (In Russ.).
- Beppaev, A. R. (2025). The formation of the foundations and methods of managing people's capital in the Central Caucasus in the late 1840s (on the example of the Malokabardinsky social sum). *Electronic journal "Kavkazologiya"*, 1: 15—26. DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-15-26. (In Russ.).
- Berbekova, M. H. (2023). Income and expenses of the Kabardian public sum in the 50s — early 60s of the XIX century based on accounting books. *Proceedings of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 1 (111): 63—70. DOI: 10.35330/1991-6639-2023-1-111-63-70. (In Russ.).
- Berbekova, M. H. (2023). *Social capital in the system of financial and economic relations of the Nalchik district of the Tersk region in the second half of the XIX — early XX century*. PhD Diss. Nalchik. 206 p. (In Russ.).
- Dyshekov, M. V. (2001). *Transformation of the traditional elite of Kabarda and Balkaria in the second half of the XIX — early XX century*. PhD Diss. Nalchik. 204 p. (In Russ.).
- Kalmykov, J. A. (1980). Some socio-political governing bodies of Kabarda and Balkaria in the post-reform period. In: *From the history of feudal Kabarda and Balkaria*. Nalchik: Elbrus. 105—120. (In Russ.).
- Kumykov, T. H. (2002). *Public thought and education of the Adygys and Balkarian-Karachays in the XIX — early XX century*. Nalchik: Elbrus. 448 p. (In Russ.).
- Marzey, I. R. (2021). *The system of bailiff offices in the North Caucasus in 1769—1864*. PhD Diss. Nalchik. 193 p. (In Russ.).
- Muzhev, I. F. (1955). *1905 in Kabarda*. Nalchik: Kabardian Book Publishing House. 88 p. (In Russ.).
- Nakhusheva, I. R. (2020). Bailiff's office in Kabarda in 1769—1858: dynamics, powers, personalities. *The electronic journal "Kavkazologiya"*, 3: 60—78. DOI: 10.31143/2542-212X-2020-3-60-78. (In Russ.).
- Pazov, I. S. (2018). Finance and economics of Nalchik district at the beginning of the XX century (1905—1917). *Electronic journal "Kavkazologiya"*, 4: 42—64. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-4-42-64. (In Russ.).
- Pazov, I. S. (2019). The social capital of the Nalchik district at the beginning of the 20th century. *Modern studies of social problems*, 11: 170—190. DOI: 10.12731/2077-1770-2019-3-170-190. (In Russ.).
- Pazov, I. S. (2021). The structure and functions of the authorities of the Nalchik district of the Tersk region in 1888—1917. *Proceedings of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 4 (102): 55—61. (In Russ.).
- Prasolov, D. N. (2001). *Kabardian rural community in the second half of the XIX — early XX century*. PhD Diss. Nalchik. 222 p. (In Russ.).

- Prasolov, D. N. (2017). *The development of local self-government among Kabardians and Balkarians in the second half of the XIX — early XX century*. Nalchik: Publishing Department of IGI KBSC RAS. 120 p. (In Russ.).
- Prasolov, D. N. (2019). *Congresses of Kabardians and Balkarians trusted in the practices of local self-government in the second half of the XIX — early XX century*. Nalchik: Publishing Department of IGI KBSC RAS. 208 p. ISBN 978-5-91766-169-8. (In Russ.).
- Prasolov, D. N. (2022). *Congresses of Kabardians and Balkarians trusted in political culture*. Nalchik: Print Center. 240 p. ISBN 978-5-907499-92-8. (In Russ.).

*The article was submitted 03.08.2025;
approved after reviewing 17.12.2025;
accepted for publication 20.01.2026.*

Информация для цитирования:

Аганов А. А. Северо-Кавказское краевое отделение Всесоюзного Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (1924—1935 годы) / А. А. Аганов // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 1. — С. 366—382. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-366-382.

Aganov, A. A. (2026). North Caucasian Regional Branch of All-Union Society of Former Political Exiles and Special Settlers (1924—1935). *Nauchnyi dialog*, 15 (1): 366-382. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-366-382. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Северо-Кавказское краевое отделение Всесоюзного Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (1924—1935 годы)

Аганов Андрей Анатольевич
orcid.org/0000-0002-8123-6765
кандидат исторических наук,
старший преподаватель
Институт сквозных технологий
Aganoff.a@yandex.ru

Донской государственный
технический университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

North Caucasian Regional Branch of All-Union Society of Former Political Exiles and Special Settlers (1924–1935)

Andrey A. Aganov
orcid.org/0000-0002-8123-6765
PhD in History, Senior Lecturer,
Institute of End-to-End Technologies
Aganoff.a@yandex.ru

Don State Technical University
(Rostov-on-Don, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена исследованию деятельности Северо-Кавказского краевого отделения Всесоюзного Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев в 1924—1935 годах. Актуальность исследования обусловлена необходимостью привлечения внимания исследователей к деятельности советских общественных организаций и их отделений на территории различных регионов СССР. В качестве источниковой базы исследования используются неопубликованные делопроизводственные документы, материалы личного происхождения и периодической печати из Государственного архива Ростовской области. Выявлены основные направления деятельности Северо-Кавказского краевого отделения Всесоюзного Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Прослеживается история организации с момента её учреждения до прекращения деятельности (март 1921— август 1935). Автор приходит к выводу о том, что отделение Общества находилось в состоянии кризиса еще до убийства советского государственного и партийного деятеля С. М. Кирова, после которого в Советском Союзе начался поиск «врагов» среди представителей общественных организаций, в том числе среди бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Подчеркивается, что в июне 1935 года советские власти ликвидировали Всесоюзное Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев и его региональные отделения после заявления руководства организации о самороспуске.

Ключевые слова:

ветераны революционного движения; Всесоюзное Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев; Северо-Кавказское краевое отделение; убийство Кирова.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article investigates the activities of the North Caucasian regional branch of the All-Union Society of Former Political Exiles and Special Settlers during the period from 1924 to 1935. The relevance of this study lies in its contribution to understanding Soviet public organizations and their branches across different regions of the USSR. Unpublished archival documents, personal materials, and periodicals from the State Archive of Rostov Oblast form the basis for this research. The main areas of activity of the North Caucasian regional branch are identified. The history of the organization is traced from its establishment until it ceased operations (March 1921 – August 1935). It is concluded that the branch was already experiencing a crisis before the assassination of Soviet state and party leader Sergei M. Kirov, which led to widespread purges among representatives of various public organizations, including former political exiles and special settlers. Emphasis is placed on the fact that in June 1935, following an announcement by the leadership about self-dissolution, Soviet authorities liquidated both the All-Union Society and all its regional divisions.

Key words:

veterans of revolutionary movements; All-Union Society of Former Political Exiles and Special Settlers; North Caucasian Regional Branch; murder of Kirov.

Северо-Кавказское краевое отделение Всесоюзного Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (1924—1935 годы)

© Аганов А. А., 2026

1. Введение = Introduction

Исследование деятельности региональных отделений Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (далее — ОПК, Общество) становится актуальным при работе с неопубликованными архивными документами, посвященными взаимодействию между советской властью и политически активной частью общества. До начала коллективизации и политических репрессий против представителей технической интеллигенции в конце 1920-х годов общественные организации, несмотря на диктат Всесоюзной коммунистической партии большевиков (ВКП(б)), имели определенную автономию от партийно-государственных структур.

После Февральской революции политические каторжане и ссыльнопоселенцы, являвшиеся профессиональными революционерами и членами различных политических партий, были амнистированы Временным правительством. Октябрьская революция разделила их на две части. Одни выступили на стороне большевиков, а другие — против них. После победы в Гражданской войне перед большевиками стояла важная задача, которая заключалась в сохранении политической власти в мирных условиях. В рамках этого они приступили к окончательному разгрому своих политических противников — эсеров, меньшевиков, анархистов. Но некоторые из них, признав победу большевиков, смирились с поражением. Одни стали работать в советских органах государственной власти, а другие направили свои силы на изучение жизни и быта революционеров на каторге и в ссылке до падения династии Романовых. Именно последние вместе с отдельными представителями Российской коммунистической партии большевиков (РКП(б)) выступили инициаторами создания организации, объединяющей в своих рядах бывших политических каторжан и ссыльнопоселенцев.

ОПК было создано с целью сохранения исторической памяти о развитии революционного движения в позднеимперской России. Для того чтобы стать членом Общества необходимо было принадлежать к числу политиче-

ских каторжан или ссыльнопоселенцев, то есть приговорённых к каторге или ссылке за совершение политических преступлений до Февральской революции. Потенциальные кандидаты должны были доказать, что они сохранили в период заключения или после освобождения «моральный уклад, считавшийся обязательным» [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 666, л. 20] для революционеров (не подавали прошений о помиловании или заявлений о раскаянии в период отбывтия наказания), а также иметь рекомендации не менее чем от 3-х членов организации. В ряды организации не принимались революционеры, которые были осуждены «за активную борьбу против Советской власти» [Там же]. Помимо сохранения исторической памяти о событиях прошлого Общество выполняло и социальные задачи: оказывало финансовую помощь пожилым революционерам, распределяло денежную помощь, обеспечивало их санаторно-курортным лечением и жильём.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

При изучении историографии, посвященной деятельности ОПК, выделяются два этапа — советский и постсоветский. Для первого этапа ключевым был анализ основных направлений деятельности организации. Коротко упоминала о деятельности Общества Г. Д. Алексеева [Алексеева, 1974, с. 248]. Историки Л. И. Алаторцева и М. И. Удальцева проанализировали роль журнала «Каторга и ссылка» в изучении истории революционного движения в России [Алаторцева и др., 1982]. Они пришли к выводу о том, что создание данного журнала свидетельствовало о «бережном отношении к революционным традициям рабочего класса, крестьянства, демократической интеллигенции как важному средству коммунистического воспитания трудящихся» [Там же, с. 114]. Н. Ф. Васильева в своей кандидатской диссертации [Васильева, 1990] проанализировала деятельность организации по изучению и пропаганде истории социал-демократической ссылки в Сибири. Она впервые обратила внимание на то, что в условиях проведения новой экономической политики (нэп) в Советском Союзе организация активно занималась общественно-политической, культурно-просветительской и исследовательской работой, а в 1930-х годах на неё стало оказываться усиленное давление со стороны ВКП(б).

Для постсоветского этапа историографии характерно то, что исследователи попытались проанализировать феномен ОПК и деятельность его региональных структур. Немецкий историк М. Юнге изучил историю Общества с момента основания и до его ликвидации [Юнге, 2015]. Он пришел к выводу, что организация до ликвидации сохраняла определенную автономию и пыталась преодолеть ограничения, наложенные на неё партийно-государственными структурами. Ю. А. Курбатов в одном из своих исследований [Курбатов, 1993, с. 70—73] обратил внимание на участие

общественной организации в решении проблемы безработицы. В другой своей работе он провел источниковедческий анализ устава Общества [Курбатов, 1995, с. 56—63].

На данный момент исследователи продолжают дискутировать о деятельности ОПК. До настоящего времени ученые уже отчасти проанализировали деятельность региональных отделений Общества. Это позволяет сравнить специфику этой деятельности с работой Северо-Кавказского краевого отделения организации.

А. В. Аверьянов и Н. В. Шишканов изучили политико-просветительскую деятельность Таганрогской группы Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев во второй половине 1920-х годов [Аверьянов и др., 2023, с. 70—77]. Они обратили внимание на то, что Таганрогская группа в период проведения нэпа занималась активной просветительской деятельностью среди различных групп населения Таганрога, главной целью которой была «популяризация революционного наследия» [Там же, с. 75]. Я. В. Леонтьев проанализировал деятельность артели «Политкаторжанин» в Хосте [Леонтьев, 2006, с. 59—64], где работали бывшие политкаторжане и ссыльнопоселенцы, и выяснил, что многие её члены были репрессированы во время «Большого террора». Уже упоминавшийся выше историк Ю. А. Курбатов в других своих работах изучил общественно-политическую деятельность Одесского [Курбатов, 1992, с. 85—89] и Саратовского отделений ОПК [Курбатов, 1993, с. 86—100]. С. А. Папков [Папков, 2009, с. 94—107] и А. Н. Дяшкова [Дяшкова, 1992, с. 13—19] изучили деятельность отделения Общества в Сибири и в Якутии. Они пришли к выводу о том, что на 1920-е годы пришелся расцвет Сибирского и Якутского отделений, который сменился в первой половине 1930-х годов усилением контроля ВКП(б) за их деятельностью.

Диссертации Н. Б. Алиевой [Алиева, 1993], И. Т. Камболовой [Камболова, 2011] и Н. И. Капустиной [Капустина, 2005] посвящены деятельности региональных советских общественных организаций, с которыми активно сотрудничало Северо-Кавказское отделение ОПК. Таким образом, деятельность отделений региональных советских общественных организаций изучена фрагментарно.

В настоящем исследовании используется идеографический метод, который позволяет описать деятельность Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев на территории Юга Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР), так как процесс создания, развития и ликвидации региональных отделений организации до сих пор остаётся неисследованным. Помимо этого, автором использовался и проблемно-хронологический подход, в рамках которого проанализирован

процесс создания регионального отделения организации и его самоопределение как носителя традиций о каторге и ссылке до революции.

Источниками при написании исследования послужили материалы Государственного архива Ростовской области (ГАРО). Фонд ф. Р-3594 содержит информацию о работе организации на территории Юга РСФСР и представлен следующими видами исторических источников: делопроизводственной документацией, материалами личного происхождения, периодической печатью.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Создание Северо-Кавказского отделения Всесоюзного Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев и его деятельность на первом этапе существования

ОПК было создано 12 марта 1921 года [Юнге, 2015, с. 11] в Москве в день 4-й годовщины амнистии заключенных по политическим преступлениям, объявленной Временным правительством после Февральской революции. Идея о создании подобной организации принадлежала бывшим политкаторжанам и ссыльнопоселенцам, которые хотели сохранить память [Там же, с. 45] о погибших во время правления династии Романовых товарищах, в том числе через проведение исследовательских работ по истории каторги и ссылки. Данная инициатива была поддержана и руководством РКП(б). Помимо сохранения исторической памяти ОПК должно было оказывать материальную поддержку членам Общества, находившимся в затруднительном положении. Первым руководителем (старостой) ОПК был участник революционного движения, бывший политкаторжанин М. П. Томский. Подавляющую часть членов организации составляли представители [Там же, с. 59] социалистических партий: меньшевики, эсеры, бундовцы, а также анархисты. Из-за этого организация находилась под постоянным контролем со стороны советских властей. В 1927 году руководителем организации стал советский партийный и государственный деятель Е. М. Ярославский. Он усилил партийный контроль над организацией.

В 1924 году Общество было преобразовано в союзную организацию [Там же, с. 159]. С этого момента на территории различных регионов страны стали создавать филиалы и отделения организации. Так, на территории Юга РСФСР возникли несколько отделений: грозненское, донское, ейское, краснодарское, новороссийское, сочинское, таганрогское, терское. Северо-Кавказское краевое отделение Всесоюзного ОПК было учреждено на базе Донского отделения в 1924 году [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 120, л. 27] в Ростове-на-Дону. В 1934 году в результате административно-территориальных преобразований Северо-Кавказский край был разделен

на две части: Азово-Черноморский край с центром в Ростове-на-Дону и Северо-Кавказский край с центром в Пятигорске). Из-за этого организация также подверглась реорганизации, и далее в тексте будет идти речь об Азово-Черноморском краевом отделении Общества. За время своего существования отделение возглавляли несколько человек. Старостой (так называлась должность руководителя) с момента основания отделения и по январь 1928 года был известный участник революционного движения на Северном Кавказе, осужденный по делу «Новороссийской республики», член Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) меньшевиков, а с 1920 года — член РКП(б) И. Д. Гольман. С января по ноябрь 1928 года старостой отделения был [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 120, л. 19] А. С. Гендлин, но после его повышения и отъезда из Северо-Кавказского края 30 ноября 1928 года новым руководителем снова стал И. Д. Гольман, возглавлявший организацию до своей смерти 1 сентября 1934 года. После его кончины и до ликвидации отделение возглавлял ответственный секретарь организации, руководитель коммунистической фракции А. А. Бутолин. Руководящим органом краевого отделения являлся Совет, в состав которого входил [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 665, л. 47] староста И. Д. Гольман, коммунист Г. В. Черепакин, бывшие члены «Народной воли» Г. Н. Добрускина-Михайлова, В. А. Броневский, И. И. Попов.

С расширением объема работ руководство Северо-Кавказского краевого отделения ОПК приняло решение усовершенствовать организационную структуру. В результате было образовано несколько комиссий: архивная, культурная, хозяйственная, ветеранская, организационная. Архивная комиссия проводила работы в советских архивах для создания исторических трудов, посвященных истории революционного движения, а также запрашивала информацию для подтверждения биографических данных потенциальных членов отделения или родственников ушедших из жизни политкаторжан. Культурная комиссия организовывала мероприятия, приуроченные к важным для политкаторжан датам. Хозяйственная комиссия занималась улучшением быта членов отделения, организацией питания. Ветеранская комиссия оказывала помощь членам отделения, ставшим инвалидами, помогая добиться назначения пенсии или выделяя путевки для лечения на курортах. Организационная комиссия занималась приемом в Общество новых членов.

Северо-Кавказское отделение ОПК осуществляло свою деятельность за счет доходов, формируемых из различных источников. Часть дохода организация получала за счет членских взносов, уплачиваемых политкаторжанами. За первый квартал 1931 года организация получила 565 руб. [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 669, л. 30], процентов по банковскому счету — 520 руб.

[Там же], а также 5800 руб. [Там же] возвратной ссуды в кассу взаимопомощи. Определенный доход отделение получало за счет квартиплаты, которую оплачивали политкаторжане. Финансовую поддержку выделяли краевые и городские органы власти [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 669, л. 31]. Расходы отделения на зарплату обслуживающему персоналу и на страховые взносы в 1931 году планировались в размере [Там же] 23 225 руб. Расходы «по шефской школе, по конвойному батальону» [Там же] должны были составить 1000 руб., ветеранская комиссия планировала потратить 2550 руб., на столовую в Ростове-на-Дону организация собиралась выделить 400 руб. на оборудование клуба — 725 руб., «на усиление кассы взаимопомощи» [Там же] — 1000 руб. Всего краевое отделение планировало потратить в 1931 году 37 675 руб. Субсидии от краевых и городских органов власти позволяли ему осуществлять свою деятельность в необходимом объеме.

Вступление в ряды краевого отделения давало его членам возможность получать от организации помощь. Так, бывшие политкаторжане при возникновении трудных ситуаций могли получать от отделения средства из кассы взаимопомощи, путевки на лечение в санатории, помощь в улучшении бытовых условий. Для улучшения бытовых условий членов отделения городской совет г. Ростова-на-Дону передал отделению дом [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 659, л. 26], в котором стали проживать бывшие политкаторжане вместе со своими семьями. При отделении руководство открыло столовую, обслуживающую только членов Общества. В конце 1930 года в результате работы руководящих органов в Северо-Кавказском краевом отделении ОПК состояло [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 659, л. 20] 143 человека.

3.2. Основные направления деятельности организации

Краевое отделение ОПК уделяло огромное внимание проведению культурно-просветительской работы. В рамках реализации данного направления организация занималась в числе прочего сохранением исторической памяти. Так, в 1925 году она отметила 100-летие восстания декабристов и 20-летие Первой русской революции 1905 года. В рамках празднования юбилеев организация организовала ряд памятных вечеров, её члены выступили с докладами в государственных учреждениях и на предприятиях. Помимо этого Северо-Кавказским краевым отделением ОПК в рамках празднования 100-летия восстания декабристов была издана брошюра «Декабристы», автором которой выступила Г. Н. Добрускина-Михайлова, в прошлом член «Народной воли» и член Общества. Были изданы две книги о Первой русской революции, взято шефство над библиотекой им. Декабристского восстания в Ленгродке и над школой имени народовольца М. Р. Попова, учеников которой организация обеспечила «горячими завтраками и пальто» [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 665, л. 20].

Организация активно взаимодействовала и с Северо-Кавказским краевым отделением МОПР. Данное сотрудничество стало возможным благодаря тому, что руководители организации занимали важные посты в региональном отделении МОПРа. Например, староста отделения И. Д. Гольман был председателем [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 120, л. 7] краевого отделения МОПРа и входил в состав Центрального комитета союзной организации, а Г. В. Черепяхин был его заместителем [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 602, л. 46]. Члены Северо-Кавказского отделения ОПК по поручению МОПРа делали доклады для различных слоёв населения по истории каторги и ссылки до Февральской революции, писали и публиковали статьи в советских журналах, а также устраивали вечера воспоминаний. Так, в 1927 году к 10-летию Октябрьской революции региональное отделение ОПК и МОПРа совместно издали газету «Пути октября», в которой опубликованы воспоминания бывших политкаторжан об их участии в революционных событиях начала XX века [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 602, л. 29].

Организация занималась решением жилищных проблем своих членов. Особых успехов в этом достигли две группы политкаторжан: Донская и Таганрогская. В рамках соглашения с городскими органами власти Донская группа в Ростове-на-Дону сумела [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 665, л. 47] обеспечить ряд своих членов жильем. Ей было выделено здание, в котором жили члены Общества и проводились заседания руководящих органов Северо-Кавказского отделения ОПК. Таганрогская группа для решения жилищных проблем обращалась к городским властям с просьбой о «надстройке 3-го этажа» [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 691, л. 15] над домом филиала и выделила для этого необходимые средства.

Не менее важным направлением работы краевого отделения являлось трудоустройство бывших политкаторжан. Для решения данной проблемы группы политкаторжан создали артели в Ростове-на-Дону, Таганроге, Краснодаре, Кисловодске, а в Хосте — колхоз, в которых работали члены Общества. Наиболее успешными были артели политкаторжан в Ростове-на-Дону и Таганроге. Артель в Ростове-на-Дону занималась производством «маленьких клепочек, баночек» [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 659, л. 27]. При этом политкаторжане, работавшие в артелях, получали «большие заработки» [Там же]. Это было связано с тем, что артели продавали свои изделия по высоким ценам. Таганрогская артель помимо производства товаров участвовала и в политической жизни города. Так, на выборах в Таганрогский городской совет она выставила своего кандидата [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 691, л. 8], который в итоге был избран в его состав.

Большое значение краевое отделение придавало работе по воспитанию подрастающего поколения в духе коммунистической идеологии. Для

выполнения данной задачи группы политкаторжан на территории региона брали шефство над школами. Особых успехов в воспитании подрастающего поколения достигла Таганрогская группа. В подшефной начальной школе № 2 её члены проводили лекции на «выпускном утреннике учащихся и родителей» [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 695, л. 2], а за успехи в учебе лучшие ученики были премированы «на 200 рублей» [Там же].

3.3. Начало кризиса Северо-Кавказского отделения ОПК

В начале 1930-х годов усилились кризисные явления в работе Северо-Кавказского краевого отделения ОПК. Об этом свидетельствует доклад [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 659, л. 11—32] старосты регионального отделения И. Д. Гольмана на IV-й краевой конференции Северо-Кавказского отделения Общества, проходившей в Ростове-на-Дону с 10 по 12 апреля 1931 года. Так, в начале доклада Гольман отметил, что многие члены Совета регионального отделения организации не посещают его заседания в связи с тем, что они «очень заняты своей основной работой» [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 659, л. 11], а также по причине того, что они «относятся к этой работе не с тем должным вниманием, которое следует уделять этой работе» [Там же]. Он подверг критике и деятельность Совета краевого отделения из-за его «оторванности от периферии» [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 659, л. 16]. По его мнению, это приводило к тому, что организация не шла «нога в ногу с той линией, которую намечает» [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 659, л. 17] ВКП(б). Гольман заявил, что ситуацию удалось переломить лишь в результате празднования 25-летия юбилея Первой русской революции в 1930 году. Так, краевое отделение стало принимать участие в выполнении пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза Советских Социалистических Республик (СССР), отправило осенью 1930 года 6 бригад в колхозы, а 6 членов Общества выступили в октябре 1930 года по радио, прочитав свои воспоминания, и провели экскурсии в музеи революции в Ростове-на-Дону [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 659, л. 18].

После этого Гольман раскритиковал работу групп краевого отделения. Он отмечал [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 659, л. 21], что группы политкаторжан в Краснодаре, Сочи и Кисловодске не занимаются проведением агитационно-пропагандистской работы. Особенно жесткой критике подверглись краснодарская и кисловодская группы, члены которых постоянно конфликтовали между собой, что Гольман замечал лично во время их проверок.

Докладчик отметил ряд недостатков в работе комиссий отделения. Так, организационная комиссия провела в 1930 году 5 заседаний [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 659, л. 20], на которых было рассмотрено 34 вопроса, касавшихся в основном приема новых членов. Гольман заявил, что группы, входящие в состав Северо-Кавказского краевого отделения, рекомендуют

в члены Общества людей, которые не желают участвовать в его деятельности, а один из таких кандидатов «был судим Советской властью» [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 659, л. 23]. Староста отметил, что в 1930 — начале 1931 годов отделение получило 60 [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 659, л. 24] заявлений на вступление в Общество. Из них организационная комиссия одобрила только 38 [Там же].

По мнению Гольмана, ветеранская комиссия часто оказывала помощь тем членам краевого отделения, которые «вообще не дают никакой пользы» [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 659, л. 25] и не занимались общественной работой. Он заявил, что организация должна тратить деньги «на тех товарищей, которые работают и теряют силы» [Там же]. Особенно жесткой критике со стороны Гольмана подверглось домовое управление и касса взаимопомощи. В своем выступлении он отметил, что «политкаторжане совсем не хотят платить за квартиру» [Там же]. Так, при заработной плате в 400 руб. в месяц ряд членов Общества «должны по 5—6 мес. за квартиру» [Там же]. При этом на ремонт дома в 1930—1931 годах было потрачено [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 659, л. 26] 6000 руб., и планировалось выделить еще [Там же] 4000 руб. Гольман высказал возмущение в отношении того, что члены отделения, которые не являются пенсионерами, относятся к кассе как к «неисчерпаемому собезу» [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 659, л. 26] из-за того, что они не возвращают деньги обратно и при этом получают заработную плату в размере 300—400 руб. [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 659, л. 26]. Так, на момент заседания краевой конференции члены отделения должны были отдать 5400 руб. [Там же].

Гольман отмечал, что артели краевого отделения — «это ящики Пандоры» [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 659, л. 27] в связи с тем, что они создают много проблем. Выделяя артели в Ростове-на-Дону и Таганроге, которые были лучше организованы, Гольман заявил, что особое беспокойство у него вызывала артель в Краснодаре, занимавшаяся лишь получением высокой прибыли, а не «улучшением качества, снижения себестоимости и цен» [Там же]. Гольман отмечал, что колоссальные наценки на товары в краснодарской артели отделения приводят к тому, что её будут считать «частной, спекулянтской лавочкой» [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 659, л. 28], в том числе из-за того, что в ней работают лица, не связанные с отделением.

Для улучшения работы отделения участники краевой конференции постановили избранному Совету создать годовой план работы организации, «разбив его на кварталы» [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 659, л. 206], и усилить музейную работу. Помимо этого, Совету поручалось установить «теснейшую связь с периферией и руководить всей её культурно-пропагандистской и политико-просветительской работой» [Там же]. Несмотря на принятые решения, организация так и не смогла выйти из кризиса.

3.4. Ликвидация Общества и его отделений

В 1930 году у организации на территории Северного Кавказа появился новый конкурент — отделение Всесоюзного Общества старых большевиков (ВОСБ) [Аганов и др., 2025, с. 350], в котором состояли большевики, имевшие дореволюционный партийный стаж. Оно пользовалось полной поддержкой региональных органов власти и партийных структур и за несколько лет своего существования активно включилось в проведение на территории региона агитационно-пропагандистской работы и мероприятий по сохранению исторической памяти о революционных событиях начала XX века. При этом отдельные члены Общества в 1930 году вошли в состав регионального отделения ОПК. Так, в конце 1930 года членами организации стали известные старые большевики И. Д. Ченцов [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 606, л. 11] и М. Н. Корчин [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 261, л. 4].

После свёртывания НЭПа и начавшихся политических репрессий в конце 1920-х годов со стороны партийно-государственных структур был резко усилен надзор за работой Общества и его отделений. С этого момента Северо-Кавказское краевое отделение организации было вынуждено поддерживать любые политические акции властей по поиску «вредителей». Так, в апреле 1931 года на IV-й краевой конференции отделения староста И. Д. Гольман заявил [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 659, л. 1] о том, что он полностью одобряет действия советских властей по изгнанию из Общества тех политкаторжан, которые подверглись политическим репрессиям в рамках процесса «Союзного бюро меньшевиков», проходившего в начале марта 1931 года.

В конце 1934 года положение организации резко ухудшилось. Во-первых, это было связано с тем, что 1 сентября 1934 года в кремлевской больнице в Москве скончался староста отделения И. Д. Гольман. У нового руководителя отделения А. А. Бутолина не было такого авторитета, как у его предшественника. Во-вторых, это было связано с тем, что 1 декабря 1934 года был убит советский государственный и партийный деятель С. М. Киров. После его убийства в стране усилились [Конквест, 1991, с. 287] политические репрессии, начался поиск «врагов народов» среди членов советских общественных организаций. Так, в мае 1935 года было ликвидировано [Трофимова, 2018, с. 172] ВОСБ и его отделения. 23 июня 1935 года в Москве состоялось заседание Пленума Центрального Совета ОПК. На нем было принято решение «ходатайствовать перед ЦИК о роспуске» [Юнге, 2015, с. 490] организации и просить его взять на себя материальное обеспечение членов Общества. В качестве формальной причины самороспуска Пленум указал то, что организация получает подавляющую часть доходов от государства, которое может отныне

самостоятельно обеспечивать нужды политкаторжан. 25 июня 1935 года вышло Постановление Президиума Центрального исполнительного комитета (ЦИК) СССР «О ликвидации Общества бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев» [Постановление ..., 1935, с. 557—558]. Власти решили «удовлетворить просьбу» [Там же, с. 557] руководства организации о его самороспуске.

После опубликования властями решения о ликвидации организации Президиум Азово-Черноморского краевого исполнительного комитета создал [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 675, л. 38] 29 августа 1935 года комиссию для ликвидации регионального отделения ОПК. Она, помимо этого, должна была разработать «порядок дальнейшего обеспечения материальных нужд политкаторжан и ссыльно-поселенцев» [Там же] в соответствии с решением Президиума ЦИК СССР от 17 августа 1935 года [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 675, л. 39]. Согласно распоряжению властей, дальнейшее обслуживание нужд бывших членов Общества «в Краях и областях» [Там же] возлагалось на отделы социального обеспечения.

Сохранившиеся источники показывают, что Азово-Черноморский краевой отдел социального обеспечения до середины 1937 года занимался [ГАРО, ф. Р3594, оп. 1, д. 673, л. 19] удовлетворением бытовых нужд бывших членов Общества, но дальнейших упоминаний о его деятельности по поддержке политкаторжан не сохранилось. Весьма вероятно, что это было связано с тем, что многие члены регионального отделения стали жертвами начавшегося «Большого террора».

4. Заключение = Conclusions

Отмечаем, что Северо-Кавказское отделение Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев сыграло важную роль в сохранении исторической памяти о революционном движении в России в конце XIX — начале XX веков. Наибольшая активность регионального отделения пришлась на период нэпа. Во многом это было связано с тем, что переход к нэпу принес с собой определенное смягчение внутривластного режима, установленного в стране лидерами правящей коммунистической партии. Пользуясь некоторой автономией и действуя в условиях относительной свободы, организация добилась определенных результатов при проведении политико-просветительской деятельности среди населения (несмотря на то, что большая часть членов общества не участвовала в этой работе). В 1920-х годах Северо-Кавказское отделение ОПК активно помогало своим членам: давало путевки в санатории, оказывало финансовую поддержку, улучшало бытовые условия, трудоустраивало членов общества в создаваемые при группах политкаторжан артели.

Кризис в работе отделения Общества наступил на рубеже 1920—1930-х годов, в условиях свертывания нэпа и ужесточения внутривластного курса. В это время идеологи компартии занялись созданием официальной истории революционного движения. Представления о таковом, декларируемые и пропагандируемые ОПК, далеко не всегда вписывались в официальный канон. Одновременно усилились противоречия между руководством регионального Северо-Кавказского отделения организации и входящими в его состав группами. Хотя основная масса внутренних конфликтов возникала по финансово-материальным причинам — из-за стремления отдельных членов Общества использовать его денежные средства в личных целях, — все это наносило удар по престижу организации. Конфликты в Обществе привели к спаду активности его деятельности, препятствовали планированию его работы и т. д.

Ликвидация регионального отделения Общества политкаторжан состоялась после убийства С. М. Кирова, обусловившего усиление политических репрессий и поиск «врагов» среди представителей общественных организаций, многие из которых не являлись членами правящей партии. К моменту упразднения организация полностью утратила свою независимость от советской власти и активно участвовала в проводимых ею идеологических кампаниях. Немаловажную роль сыграла и смерть старосты регионального отделения И. Д. Гольмана, который имел определенный авторитет. Закрытие организации привело к тому, что беспартийные деятели отныне не могли легально заниматься исследованиями, посвященными истории революционного движения, и пропагандировать собственную трактовку событий конца XIX — начала XX веков. Многие члены краевого отделения Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев не пережили начавшийся в 1937 году «Большой террор».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРО — *Государственный архив* Ростовской области. Ф. Р-3594. (Азово-Черноморское краевое отделение общества политических каторжан и ссыльных поселенцев). Оп. 1. Д. 120. Л. 7, 19, 27 ; Ф. Р-3594. Оп. 1. Д. 261. Л. 4 ; Ф. Р-3594. Оп. 1. Д. 602. Л. 29, 46 ; Ф. Р-3594. Оп. 1. Д. 606. Л. 11 ; Ф. Р-3594. Оп. 1. Д. 659. Л. 1, 11—18, 20—21, 23—26, 28—32, 206 ; Ф. Р-3594. Оп. 1. Д. 665. Л. 20, 47 ; Ф. Р-3594. Оп. 1. Д. 666. Л. 20 ; Ф. Р-3594. Оп. 1. Д. 669. Л. 30, 31 ; Ф. Р-3594. Оп. 1. Д. 673. Л. 19 ; Ф. Р-3594. Оп. 1. Д. 675. Л. 38, 39 ; Ф. Р-3594. Оп. 1. Д. 691. Л. 8, 15 ; Ф. Р-3594. Оп. 1. Д. 695. Л. 2.

2. *Постановление Президиума ЦИК СССР. О ликвидации Общества бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев. 25 июня 1935 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1935 г. Отдел первый. — Москва : [б. и.], 1947. — С. 557—558.*

Литература

1. *Аверьянов А. В.* Политико-просветительская деятельность Таганрогской группы Всесоюзного общества бывших политзаключенных и ссыльнопоселенцев в 1925—1930 гг. / А. В. Аверьянов, Н. В. Шишканов // Научная мысль Кавказа. — 2023. — № 3 (115). — С. 70—77. — DOI: 10.18522/2072-0181-2023-115-70-77.
2. *Аганов А. А.* Северо-Кавказское краевое отделение Всесоюзного общества старых большевиков (1930—1935 годы) / А. А. Аганов, О. А. Елдинов // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5 (115). — С. 344—363. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-344-363.
3. *Алаторцева Л. И.* Журнал «Каторга и ссылка» и его роль в изучении истории революционного движения в России / Л. И. Алаторцева, М. И. Удальцова // История СССР. — 1982. — № 4. — С. 100—115.
4. *Алексеева Г. Д.* Общество бывших политических каторжан и ссыльнопоселенцев / Г. Д. Алексеева // Большая советская энциклопедия. — 1974. — Т. 18. — С. 248.
5. *Алиева Н. Б.* Образование и деятельность организации МОПР на Северном Кавказе (1923—1929 гг.) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Н. Б. Алиева. — СПб, 1993. — 191 с.
6. *Васильева Н. Ф.* Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев и его роль в изучении и пропаганде истории социал-демократической ссылки в Сибирь (1921—1935 гг.) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Н. Ф. Васильева. — Иркутск, 1990. — 282 с.
7. *Дяшкова А. Н.* Деятельность Якутской секции Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев / А. Н. Дяшкова // Вопросы общественно-политической и социально-экономической истории Якутии : сборник научных статей. — Якутск : Издательство ЯГУ, 1992. — С. 13—19.
8. *Камболова И. Т.* Добровольные общества Северной Осетии в советской общественно-политической системе 1920—1930-х гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / И. Т. Камболова. — Владикавказ, 2011. — 196 с.
9. *Капустина Н. И.* Развитие общественных организаций Ставрополя в 1920-е гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Н. И. Капустина. — Пятигорск, 2005. — 231 с.
10. *Конквест Р.* Большой террор / Р. Конквест. — Москва : Ракстникс, 1991. — 432 с.
11. *Курбатов Ю. А.* Общественно-политическая деятельность Одесского отделения ОПК / Ю. А. Курбатов // Глазами молодых историков. Материалы науч. конф. молодых ученых Саратова. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1992. — С. 85—89. — ISBN 5-292-01447-8.
12. *Курбатов Ю. А.* Общество политкаторжан и безработица. Из записной книжки историка / Ю. А. Курбатов // Проблемы философии, истории, культуры. Материалы научной конференции ученых Саратова. — Саратов : Изд-во СГТУ, 1993. — С. 70—73.
13. *Курбатов Ю. А.* Саратовское отделение Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1924—1935 / Ю. А. Курбатов // Культура русских и немцев в поволжском регионе. — 1993. — № 1. — С. 86—100.
14. *Курбатов Ю. А.* Устав Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев как историографический источник. 1921—1924 / Ю. А. Курбатов // Исторические воззрения как форма общественного сознания : материалы научной межвузовской конференции (Саратов, 2—4 июня 1995 г.). — Саратов : Издательство СГУ, 1995. — Ч. 2. — С. 56—63.

15. Леонтьев Я. В. Из истории артели "Политкаторжанин" в Хосте / Я. В. Леонтьев // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР : к 70-летию начала "Большого террора" : Материалы III Всероссийской научной конференции. — Краснодар : Компания «Волонтер», 2006. — С. 59—64. — ISBN 5902044553.

16. Папков С. А. Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев в Сибири (1924—1935 гг.) / С. А. Папков // Институты гражданского общества в Сибири (XX — начало XXI в.). — Новосибирск : Изд-во Новосибирского государственного университета (НГУ), 2009. — С. 94—107.

17. Трофимова А. М. Общество старых большевиков : путь от ленинской гвардии к сталинской лекторской группе / А. С. Трофимова // Вестник Костромского государственного университета. — 2018. — № 1. — С. 168—173.

18. Юнге М. Революционеры на пенсии. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1921—1935 / М. Юнге. — Москва : АИРО-XXI, 2015. — 640 с. — ISBN 978-5-91022-302-2.

Статья поступила в редакцию 02.08.2025,
одобрена после рецензирования 28.11.2025,
подготовлена к публикации 21.01.2026.

Material resources

GARO — *State Archive of the Rostov region. F. R-3594. (Azov-Black Sea regional branch of the Society of political convicts and exiled settlers)*. (In Russ.).

Resolution of the Presidium of the Central Executive Committee of the USSR. On the liquidation of the Society of Former Political Prisoners and Exiled Settlers. June 25, 1935. (1947). In: *Collection of laws and orders of the Worker's and Peasant's Government of the USSR for 1935, Department One*. Moscow: [b. i.]. 557—558. (In Russ.).

References

Aganov, A. A., Eldinov, O. A. (2025). North Caucasus Regional Branch of All-Union Society of Old Bolsheviks (1930—1935). *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 344—363. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-5-344-363>. (In Russ.).

Alatortseva, L. I., Udaltsova, M. I. (1982). Katorga and Exile magazine and its role in the study of the history of the revolutionary movement in Russia. *History of the USSR*, 4: 100—115. (In Russ.).

Alekseeva, G. D. (1974). Society of former political convicts and exiled settlers. *Great Soviet Encyclopedia*, 18: P. 248. (In Russ.).

Alieva, N. B. (1993). *Education and activities of the organization of the PRI in the North Caucasus (1923—1929)*. PhD Diss. St. Petersburg, 191 p. (In Russ.).

Averyanov, A. V., Shishkanov, N. V. (2023). Political and educational activities of the Taganrog group of the All-Union Society of former Political Prisoners and exiled settlers in 1925—1930. *Scientific Thought of the Caucasus*, 3 (115): 70—77. DOI: 10.18522/2072-0181-2023-115-70-77. (In Russ.).

Conquest, R. (1991). *The Great Terror*. Moscow: Rakstnieks Publ. 432 p. (In Russ.).

Dyashkova, A. N. (1992). Activity of the Yakut section of the Society of political prisoners and exiled settlers. In: *Issues of socio-political and socio-economic history of Yakutia: a collection of scientific articles*. Yakutsk: YAGU Publishing House. 13—19. (In Russ.).

- Junge, M. (2015). *Retired revolutionaries. All-Union Society of Political prisoners and exiled settlers. 1921—1935*. Moscow: AIRO-XXI. 640 p. ISBN 978-5-91022-302-2. (In Russ.).
- Kambolova, I. T. (2011). *Voluntary societies of North Ossetia in the Soviet socio-political system of the 1920s and 1930s*. PhD Diss. Vladikavkaz. 196 p. (In Russ.).
- Kapustina, N. I. (2005). *The development of public organizations in Stavropol in the 1920s*. PhD Diss. Pyatigorsk. 231 p. (In Russ.).
- Kurbatov, Yu. A. (1992). Socio-political activity of the Odessa branch of the Military industrial Complex. In: *Through the eyes of young historians. Materials of the scientific conference of young scientists of Saratov*. Saratov: Sarat Publishing House. University. 85—89. ISBN 5-292-01447-8. (In Russ.).
- Kurbatov, Yu. A. (1993). Saratov branch of the All-Union Society of Political Prisoners and exiled settlers. 1924—1935. *Culture of Russians and Germans in the Volga region, 1*: 86—100. (In Russ.).
- Kurbatov, Yu. A. (1993). Society of political prisoners and unemployment. From the notebook of a historian. In: *Problems of philosophy, history, culture. Materials of the scientific conference of Saratov scientists*. Saratov: SSTU Publishing House. 70—73. (In Russ.).
- Kurbatov, Yu. A. (1995). The Charter of the Society of Political Prisoners and exiled settlers as a historiographical source. 1921—1924. In: *Historical views as a form of public consciousness: proceedings of the scientific interuniversity conference (Saratov, June 2—4, 1995), 2*. Saratov: SSU Publishing House. 56—63. (In Russ.).
- Leontiev, Ya. V. (2006). From the history of the artel “Political convict” in Khost. In: *Problems of the history of mass political repression in the USSR: on the 70th anniversary of the beginning of the “Great Terror”: Proceedings of the III All-Russian Scientific Conference*. Krasnodar: Volontar Company. 59—64. ISBN 5902044553. (In Russ.).
- Papkov, S. A. (2009). Society of former political prisoners and exiled settlers in Siberia (1924—1935). In: *Institutes of civil society in Siberia (XX — early XXI century)*. Novosibirsk: Publishing House of Novosibirsk State University (NSU). 94—107. (In Russ.).
- Trofimova, A. M. (2018). The society of the old Bolsheviks: the path from the Leninist Guard to the Stalinist lecture group. *Bulletin of Kostroma State University, 1*: 168—173. (In Russ.).
- Vasilyeva, N. F. (1990). *The All-Union Society of Former Political prisoners and exiled settlers and its role in the study and propaganda of the history of Social-democratic exile in Siberia (1921—1935)*. PhD Diss. Irkutsk. 282 p. (In Russ.).

*The article was submitted 02.08.2025;
approved after reviewing 28.11.2025;
accepted for publication 21.01.2026.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(1), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Алферова И. В. Оппозиционные тенденции в российской печати на фоне политического кризиса 1915—1917 годов / И. В. Алферова, Ж. А. Сорокина // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 1. — С. 383—403. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-383-403.

Alferova, I. V., Sorokina, Z. A. (2026). Opposition Trends in Russian Periodicals Amid Political Crisis of 1915—1917. *Nauchnyi dialog*, 15 (1): 383-403. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-383-403. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Оппозиционные тенденции в российской печати на фоне политического кризиса 1915—1917 годов

Алферова Ирина Викторовна

orcid.org/0000-0002-8951-2744

доктор исторических наук, профессор,
кафедра отечественной истории,
корреспондирующий автор
alferovairi@yandex.ru

Сорокина Жанна Александровна

аспирант,

кафедра отечественной истории
to-janna@yandex.ru

Брянский

государственный университет
(Брянск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 25-28-00933
«Печать в публичной сфере как
актор интеграции и самоорганизации
российского общества
в условиях Первой мировой войны»

Opposition Trends in Russian Periodicals Amid Political Crisis of 1915–1917

Irina V. Alferova

orcid.org/0000-0002-8951-2744

Doctor of History, Professor,
Department of National History,
corresponding author
alferovairi@yandex.ru

Zhanna A. Sorokina

postgraduate student,

Department of National History
to-janna@yandex.ru

Bryansk State University

(Bryansk, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 25-28-00933
“The press in the public
sphere as an actor of integration
and self-organization
of Russian society in the conditions
of the First World War”

© Алферова И. В., Сорокина Ж. В., 2026

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению влияния массовой периодической печати на российское общественное мнение в условиях, предопределивших серьезные политические катаклизмы в 1917 году. Показано, что особенности развития отечественной науки в послереволюционные годы предопределили недостаточное внимание научного сообщества к ряду важных проблем, связанных с историей Первой мировой войны. Отмечается, что в постсоветский период изучение участия России в военном конфликте значительно активизировалось, в том числе с привлечением широкого круга новых документов, среди которых важное место принадлежит материалам периодической печати. Проанализирован ряд российских газет, которые являлись важнейшей составляющей общекультурного контекста военных лет, выступали в качестве субъекта идеологического влияния и одновременно — объекта воздействия на них военных событий. Подчеркивается значение газетного контента, который не только отражал российские реалии на фронте и в тылу, но и по большей части «конструировал» их в общественном сознании в тесной связи с редакционной повесткой. Демонстрируется возрастание оппозиционности периодической печати, которая по мере нарастания проблем на фронте и в тылу оказывала все большее влияние на формирование протестных настроений.

Ключевые слова:

Первая мировая война; периодическая печать; общественное мнение; газетный контент; система управления; кризис 1917 года.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article investigates how mass-circulation periodical press influenced public opinion in Russia during a critical period leading up to the severe political turmoil of 1917. It highlights that the development of domestic scholarship after the Revolution initially overlooked several important issues related to World War I history. In post-Soviet times, however, research on Russia's involvement in this conflict intensified significantly, including the use of newly discovered archival materials, with particular emphasis placed on periodical publications. The study analyzes various Russian newspapers as essential components of wartime cultural discourse and instruments of ideological influence. These newspapers not only reflected realities at both frontlines and home but also actively constructed them within public consciousness through editorial agendas. Furthermore, it demonstrates how increasing oppositional tendencies in the print media contributed substantially to shaping protest sentiments amidst growing challenges faced by military operations and internal discontent.

Key words:

World War I; Periodical Press; Public Opinion; Newspaper Content; Governance System; 1917 Crisis

УДК 94(470.4)“1915/1917”:352+94(47).083

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-383-403

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Оппозиционные тенденции в российской печати на фоне политического кризиса 1915—1917 годов

© Алферова И. В., Сорокина Ж. В., 2026

1. Введение = Introduction

Изучение Первой мировой войны во всей совокупности её аспектов, определение её влияния на последующее развитие событий сохраняют свою актуальность для современной исторической науки. Несмотря на интенсификацию исследовательских усилий отечественных и зарубежных учёных в последние десятилетия, существует необходимость критического осмысления существующего массива фактологических данных, извлечённых из исторических источников и научной литературы, а также важным остается введение в научный оборот новых, ещё не изученных документов. Важное место среди них принадлежит периодической печати, не только отражавшей на своих страницах ход военных действий, различные оценки происходившего на фронте и в тылу, но и формировавшей общественное мнение по тем или иным вопросам, что в конечном счете обеспечивало социальные действия масс.

«В эпоху мировых кризисов и революций и тираж, и значение газет возрастают с особенной быстротой» [Керженцев, 1919, с. 7]. Причем воздействие периодической печати распространялось даже на те группы населения страны, которые не владели грамотой, но получали в пересказе информацию, почерпнутую из контента газет. Печать превратилась в годы войны в средство формирования основных политических, экономических, нравственных представлений населения воевавших государств. В своем интервью одной из газет российский военный министр констатировал: «... значение печати до такой степени очевидно, что было бы трюизмом распространяться о ее роли. Да, конечно, все признают, все видят, что печать содействует общему делу» [Ардов, 1915].

Современные исследователи справедливо относят к периоду Первой мировой войны уникальный опыт создания посредством периодической печати в Российской империи «основных механизмов реализации политических задач» [Толчинская, 2014, с. 26]. Наступило время, когда властным структурам при принятии политических решений стало необходимо не

только учитывать мнения оппонентов, но и заботиться о том, как полученный результат будет воспринят печатью, а через нее — общественностью. В газетах на этот счет высказывалась такая точка зрения: «Печально, но как-то так бывает, что в эти глубоко важные дни там, где рвется связь с печатью, где проявляют невнимание к ней, там всегда начинается неуспех..., исчезает и связь с душой всей страны, иссякает какой-то питающий источник» [Ардов, 1915].

Советская историография, по идеологическим соображениям отрицавшая либерально-реформистский путь развития России, давала крайне тенденциозные оценки так называемым «буржуазным» периодическим изданиям. Например, «Новое время» оценивалось в качестве «одной из наиболее реакционных газет», занявших место «на самом правом фланге урапатриотической и шовинистической печати...» [Бережной, 1975, с. 29].

Московская газета «Русское слово» советскими исследователями оценивалась, по сравнению со столичным «Новым временем», более положительно с уклоном на ее высокую осведомленность по всем вопросам экономической и политической жизни [Там же, с. 75]. Советский историк печати А. Н. Боханов в монографии, посвященной буржуазной российской печати, определял «Русское слово» как оппозиционную газету, «но отнюдь не партийную», она «не является органом ни прогрессистов, ни кадетов, ни какой-либо партии вообще» [Боханов, 1984, с. 58]. Однако при этом советские исследователи периодической печати периода Первой мировой войны обвиняли издание в якобы сознательном замалчивании вопросов политической борьбы.

Для советской исторической науки было характерно подчеркнутое одобрение пути хаотичной революционной ломки, «всегда сопровождавшейся большими социальными издержками и нестабильностью в обществе» [Коваленко, 2012, с. 9—10]. «Новое время» и «подобные ему газеты» обвинялись в том, что они «атаковали малейшие попытки высказать какие-либо более или менее трезвые мысли и представить действительно правдивые факты из жизни фронта и тыла» [Там же]. В вину этим изданиям ставилось то, что они «обслуживали» частный капитал и стремились к получению наибольшей прибыли.

Действительно, коммерческая деятельность являлась одной из главных в функционировании таких издательств, как «Русское слово», «Новое время», «Биржевые ведомости»: нельзя не учитывать большие денежные затраты, требовавшиеся для выпуска прессы такого уровня (стоимость оборудования, большой формат, объем более 10 страниц, тиражность). При этом массовость подобных изданий обеспечивалась не только использованием новейших издательских технологий, но и, прежде всего, актуальной

информационной составляющей, проблематикой контента, рассчитанной на представителей различных социальных групп, способом подачи материала. Здесь под «массовыми» понимаются издания, которые публиковали материалы, содержавшие информацию о текущих событиях на фронте и в тылу, политике, экономике, культуре и спорте, предназначенную для широкой аудитории, и были доступными для каждого как по стилю изложения, так и по цене.

Так, современная исследовательница периодической печати Н. Б. Симонова отмечает: «“Новое время” читал широкий круг русского общества, известный, влиятельный, правящий круг. Благодаря такой связи “Новое время” пользовалось привилегией быть более осведомлённой (в источнике так. — *И. А., Ж. С.*), чем даже официальные органы» [Симонова, 2009, с. 34]. Задача получения выгоды по мере затягивания войны реализовывалась на фоне все большей политизации контента этих газет. Причем освещение всякого рода ситуаций по мере нарастания проблем на фронте и в тылу приобретало все более оппозиционный характер по отношению к мероприятиям российского правительства.

Интересное наблюдение по поводу ряда газет, считавшихся «партийными», а именно — «Речи», «Русских ведомостей», «Утра России», высказал российский историк Ф. А. Гайда. Автор отмечает, что «...эти “партийные” издания реально являлись независимыми и осуществляли собственную политику, нередко влияя на самих членов соответствующих партий» [Гайда, 2003, с. 25].

Учитывая охват читательской аудитории этих периодических изданий, они становились значимыми акторами воздействия на общественное сознание. Неслучайно немецкий генерал и политик Эрих Людендорф выделял «Новое время» (наряду с «Times» в Англии, «Temps» во Франции) как «руководящую газету», обладавшую «сильной национальной основой», и сожалел об отсутствии подобного издания в Германии [Потапов, 1926, с. 60].

В появившихся в последние десятилетия научных трудах, посвященных периодической печати, меняется исследовательская оптика. Ученых интересует не только специфика отражения военной реальности 1914—1917 годов на страницах периодической печати, но и ее возможности формировать и транслировать определенные представления, тем самым определяя общественные настроения. Однако чаще всего такие работы, ограничиваясь интерпретацией отдельных печатных изданий или выборочной проблематикой, не претендуют на масштабные обобщения [Белогурова, 2006; Эйдук, 2008; Фишер, 2009; Котов, 2011; Борщук, 2011; Абдрашитов, 2012; Филиппова, 2012; Морозова, 2015].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследователи периодической печати относят к наиболее авторитетным в плане влияния на общественные настроения и мнения в годы Первой мировой войны следующие периодические издания: петроградские — «Новое время», «Вечернее время», «Речь», «Биржевые ведомости», «День», «Современное слово» и московские — «Русское слово», «Русские ведомости», «Утро России». Материалы части из них были интерпретированы в статье с целью наглядно продемонстрировать процесс проявления оппозиционности периодической печати по мере нарастания проблем на фронте и в тылу.

Теоретическими и методологическими основами исследования являлись принципы объективности и критического подхода к источникам.

Синтетический характер материалов периодической печати, который отмечается современными исследователями, предполагает обращение к прессе как к особой группе источников, который сочетает в себе законодательные акты, распоряжения, указы, эго-документы, научные описания, путевые заметки и т. д. Это предопределило при написании работы сочетание различных методов исследования. Во-первых, применение типологического метода, отражающего последовательность изменений и раскрывающего общие черты и специфику изданий, сгруппированных по различным критериям, например, целям и задачам, которые ставили перед собой их учредители, политической ориентации издателей, характеру аудитории, на которую была рассчитана периодика, и т. д.

Использование сравнительного (компаративного) анализа, который позволил выделить и сопоставить основные характеристики ключевых в рассматриваемый временной отрезок периодических изданий, выявить причинно-следственные связи трансформации редакционных политик изданий, превращение их в оппозиционные, получить более полное представление о влиянии газет на общественное мнение.

Применялись также традиционные методы исторического исследования, прежде всего проблемно-хронологический, согласно которому становление периодической печати, изменение ее контента рассматривались поэтапно, согласно нарастанию в Российской империи внутривнутриполитических проблем.

Историко-сравнительный метод использовался при выявлении сходств и различий среди самих периодических изданий по их возможностям воздействия как на читателей, так и на властные структуры. Наконец, историко-системный метод позволил выявить определенную систему в формировании и функционировании информационной среды Российской империи в годы Первой мировой войны.

В статье учитывались научные наработки ряда авторов, в которых содержится новый, непредвзятый взгляд на дореволюционную периодику, рассматриваются правила, нормы издательской среды, разбираются проблемные моменты работы печатных изданий [Жирков, 2012; Раскин и др., 2022].

При проведении источниковедческого анализа материалов периодики военного времени учитывались влияние на контент изданий цензуры, не позволявшей полномасштабно освещать происходившие события, и некоторая идеологическая заданность публикаций, обусловленная концепцией той или иной газеты.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Российские периодические издания накануне и в начале Первой мировой войны

Уже в предвоенные годы наметилась тенденция к расширению влияния периодической печати в России, на что косвенным образом указывали возросшие расходы на издание ряда газет и рост тиражей. Так, например, выпуск московской газеты «Русское слово» в 1912 году обходился издательству в сумму почти в 2,5 млн руб., а в 1913 году — в 3,3 млн руб. [Боханов, 1984, с. 63]. Чаще всего популярность газеты обуславливалась ее отказом от сословной и партийной ориентации и стремлением к удовлетворению самых разнообразных информационных запросов читателей.

Тираж «Русского слова» по сведениям, представленным председателем Московской военно-цензурной комиссии генерал-майором А. М. Добровольским председателю Главной военно-цензурной комиссии в Петроград, в октябре 1914 года составлял 0,5 млн экземпляров, в 1917 году он достиг 1 млн экземпляров, то есть за время войны увеличился в два раза [РГВИА, ф. 13839, оп. 1, д. 2, л. 74]. В издании, подготовленном к 50-летию издательской деятельности И. Д. Сытина, были приведены более точные цифры: в 1913 году — 325 700; в 1914 году — 619 500; в 1915 году — 655 300, в 1916 году — 739 000 [Полвека для книги ..., 1916, Приложение].

Столь подробные сведения о численности других выходивших газет, к сожалению, невозможно собрать, поскольку их редакции такую информацию официально не предоставляли, а редакционные документы в своем большинстве не сохранились. О популярности, а значит, и о тиражности петроградских и московских газет можно судить по интересу к ним со стороны военной цензуры. Например, в 1914 году, наряду с сохранившимися и в последующие годы своих читателей «Биржевыми ведомостями», «Вечернем временем», «Новым временем», «Петроградской газетой», «Днем», «Речью», цензурировались газеты, которые уже к концу первого года войны

или прекратили своё существование, или утратили интерес со стороны цензуры: «Полдень», «Последние вечерние известия», «Славянин», «Русские чтения», «Вечернее звено» и др. [РГИА, ф. 778, оп. 2, 1914—1917].

Далеко не все издания способны были конкурировать с ведущими газетами. По сведениям «Русского слова», сбор информации требовал колоссального труда: «В каждом городе России найти человека, чуткого к общественным вопросам, внимательного и осторожного к верности сообщаемых фактов, способного к журнальной работе, живого, отзывчивого, умеющего загораться, что необходимо при спешке “огневой” газетной работы, — и при том человека, на которого редакция могла бы вполне положиться, за которого могла бы принять на себя полную ответственность, — задача неимоверно трудная» [Полвека для книги ..., 1916, с. 406]. Еще в большей степени эти негласные правила стали проявляться в условиях Первой мировой войны.

Московская газета «Утро России», возглавляемая братьями Рябушинскими, изначально являлась рупором политических воззрений партии прогрессистов в Государственной Думе. В 1913 году, то есть незадолго до начала войны, газета оказалась убыточной и для покрытия расходов по ее изданию (в сумме до 75 тыс. руб.) было подписано соглашение, по которому представители московской торгово-промышленной буржуазии обязались в 1914, 1915 и 1916 годах равными ежегодными платежами внести суммы: «П. П. Рябушинский — 100 тыс. руб., Н. Д. Морозов — 60 тыс., В. П. Рябушинский — 50 тыс., А. И. Коновалов — 40 тыс., Г. М. Марк (Торговый дом Voгау) — 15 тыс., С. И. Четвериков — 15 тыс., М. Н. Бардыгин — 15 тыс., Д. В. Сироткин — 10 тыс., А. Г. Карпов — 9 тыс., П. А. Бурышкин — 6 тыс., А. И. Кузнецов — 6 тыс., К. К. Арно — 6 тыс. и С. Н. Третьяков — 6 тыс. руб. [Лаверычев, 1988, с. 97].

В условиях войны финансовая ситуация газеты изменилась. Публикации, в которых затрагивались вопросы российского предпринимательства при переходе российской промышленности на военные рельсы, закономерно расширяли круг читательской аудитории газеты. В ряды читателей включались не только предприниматели центральных губерний России и других регионов, но и многочисленные работники предприятий, простые обыватели. Издание превратилось в информационно насыщенное, оперативно откликавшееся на все вопросы экономической и политической жизни. Тираж к осени 1915 года по самым скромным подсчетам составлял более 35 тыс. экземпляров [Там же, с. 128].

Монархическая система управления, которую поддерживала редакция газеты «Утро России», по ее мнению, являлась обязательной для сплочения народа в условиях войны. Официальная государственная пропаганда, которую разделяла газета, строилась на отводимой царю роли вождя на-

ции, на концепции нерушимости единения государя и его подданных, на провиденциальной сущности самодержавной власти.

Однако следование этим принципам не помешало газете «Утро России» превратиться в оппозиционное издание. Продвигая эти идеи, редакция утверждала необходимость «проявлять творческую инициативу», осуществлять деятельность там, «где ее не было», способствовать реализации идей, которые «претворяются в работу». Газета устанавливала принципы своих действий, которые вступали в противоречие с неповоротливостью государственного аппарата, с инертностью мышления чиновников, превращаясь тем самым в оппозиционную: «...печать организует, она является самым мощным координирующим началом для патриотической работы во всей стране» [Ардов, 1915].

Московская газета «Русские ведомости», выходившая с 1863 года и оценённая как наиболее серьёзное буржуазное издание конца XIX и начала XX веков, отличалась академическим характером, поскольку на ее страницах печатались аналитические обзоры ученых-профессоров экономических и общественных наук [Вертинский, 1931, с. 78]. Известная представительница дореволюционной либеральной оппозиции А. В. Тыркова-Вильямс заявляла, что «Московские “Русские ведомости” по духу и по составу сотрудников почти сливались с кадетскими, но это старинная, влиятельная газета партийным указкам не подчинялась» [Шевцов, 1997, с. 56]. Начиная с 1890-х годов газета превратилась в крупное доходное предприятие [Боханов, 1984, с. 69]. Тем не менее в условиях Первой мировой войны газета была вынуждена отказаться от научного стиля подачи материалов, обратившись к актуальным проблемам современности и обсуждениям действий правительства. Издание фактически предлагало своим читателям альтернативные способы разрешения многочисленных кризисных ситуаций, зачастую расходящиеся с официальной позицией власти.

Монархический принцип правления поддерживали и многочисленные газеты «кадетской прессы», за что и подвергались критике со стороны советских исследователей. Петербургский комитет по делам печати в качестве наиболее влиятельных из них выделял «Петербургскую газету», «Речь», «Право», «Современное слово» [Шевцов, 1997, с. 56]. Эти издания также разделяли лозунг: «Войны до победного конца!» Однако призывы к самопожертвованию и продолжению активной борьбы на фронте сочетались с вычленением особой роли общественных структур в оказании помощи армии, в мобилизации промышленности и в достижении победных целей, что в корне отличало позицию этих политических сил от официальной и сближало с господствовавшими на различных этапах войны общественными настроениями.

Крупные российские газеты «благодаря внедрению новейших методов в типографское и редакторское дело завоёвывают читательскую аудиторию оперативностью информации, яркостью изложения материала, изданием приложений, устройством различных лотерей и конкурсов» [Боханов, 1984, с. 69—70]. Однако именно «удовлетворение общественных нужд» в условиях Первой мировой войны оказалось на одном из первых мест в государственной и политической жизни страны, и участие прессы в решении насущных вопросов через распространение социальной и экономической информации заняло особое место в повседневной практике значительной части населения.

Редакция «Русского слова» раскрывала механизм своей деятельности в этом направлении: «В тех случаях, когда требуется особая защита общественных интересов, редакция, кроме посылки специальных корреспондентов, поручает ещё одному из публицистов съездить на место и знакомиться с вопросом. Таким образом достигается то, что редакция, а с ней читатель, как бы постоянно присутствует там, где происходят события большого общественного интереса» [Полвека для книги ..., 1916, с. 406].

Через периодическую печать, вне ее партийной принадлежности, через критику действовавших властных структур проводилась мысль о необходимости общественного участия в управлении политическими и экономическими процессами в стране, что находило отклик у значительной части населения. На определенных этапах войны газеты являлись и для официальных властей основным способом повлиять на общественность через их возможности выхода на массовую аудиторию.

Большинство решений на самом деле принималось вне участия новостных изданий, но при необходимости мобилизовать общество, вовлечь его в необходимые действия сложно было обойтись без влиятельных средств печати. Однако на этом пути возникала проблема, преодолевать которую удавалось зачастую только административным путем, поскольку от редактора газеты зависело определение того, что станет новостью, достойной для размещения на страницах его издания, и как о ней следует рассказывать читателям. В этом также заключалась причина потенциального конфликта между печатью и властными структурами.

Таким образом, массовые издания, представленные в статье, за счет высокого качества и количества представляемой на их страницах информации, новых, передовых для того времени способов подачи материала находили своих читателей среди самых широких слоев населения. Такие органы печати, остававшиеся в стороне от партийных пристрастий и стремившиеся в своих публикациях опираться на взвешенные факты, почерпнутые из собранных собственными корреспондентами материалов, явля-

лись авторитетными как для обычных читателей, так и для представителей власти, которые в газетах искали ответы на насущные политические и экономические вопросы.

3.2. Печать и цензура в годы войны

В годы войны включение прессы в общественную жизнь не ослабевало даже из-за ограничений, связанных с распространением информации. Уже на второй день с момента объявления военных действий, 20 июля 1914 года, в стране была введена военная цензура, и периодические издания дружно признали ее необходимость: «Война требует тайны, и все должны с тем мириться, это знает “малый ребенок”, строгое соблюдение такой тайны приносит огромную пользу» [Ардов, 1915]. Однако вслед за этим признанием возник вопрос, на который в условиях войны так и не удалось найти универсальный ответ. Каковы пределы ограничений, которые следовало обязательно соблюдать для охраны интересов государства, и как они соотносились необходимостью информированности населения?

Например, в начале ноября 1914 года занимавший должность начальника Генерального штаба генерал от инфантерии М. А. Беляев в специальной телеграмме отмечал, что в периодической печати появляются корреспонденции и статьи, «дающие слишком много сведений о пунктах боев, уходе кавалерийских дивизий на отдых и прочем, что слишком ясно обрисовывает нашу группировку. Подобные корреспонденции, безусловно, недопустимы, и необходимо принять решительные меры к недопущению появления в печати подобных сведений» [РГВИА, ф. 13839, оп. 1, д. 2, л. 98].

Начальник штаба главнокомандующего Юго-Западного фронта в своей телеграмме от 26 апреля 1915 года констатировал, «что в повременных изданиях начали появляться фотографии из района действий армий, несовместимые с сохранением военного секрета» [РГВИА, ф. 13839, оп. 1, д. 2, л. 220] и т. д.

В вопросе о цензурных ограничениях возникали различные ситуации, вплоть до курьезных. Так, газета «Голос Москвы», несмотря на «категорический запрет» цензуры, в феврале 1915 года опубликовала в № 40 статью, которая была до этого не допущена к печати. Цензурный комитет постановил сообщить московскому градоначальнику о необходимости принятия относительно издания репрессивных административных мер. Однако позднее выяснилось, что злого умысла со стороны редакции не было и что статья была напечатана вследствие небрежности служащих, которые не удостоверились, разрешена ли она военной цензурой к напечатанию или нет. С учетом полученных объяснений и извинений было решено не требовать принятия репрессивных административных мер в отношении газеты [РГВИА, ф. 13839, оп. 1, д. 2, л. 195]. В другой ситуации редактору «Рус-

ского слова» была запрещена публикация официальной международной телеграммы от 10 марта 1915 года, пропущенной на телеграфе военной цензурой [РГВИА, ф. 13839, оп. 1, д. 2, л. 207]. Такие эпизоды достаточно широко были представлены в отношениях цензуры с печатью.

Накопленный предыдущий опыт показал, что отсутствие или значительное урезание распространяемых сведений неминуемо влечет за собой расползание слухов, которые в определенных случаях наносят огромный вред общественному спокойствию. Так, газета «Утро России» рассказывала о специально назначенной сенаторской ревизии, занимавшейся расследованием в Москве причин московских беспорядков 27—29 мая. Подавляющее число показаний свидетелей погромов предприятий, связанных с лицами немецкого происхождения, сводилось к утверждению слухов «об отравлении немцами воды». Московские власти вынуждены были официально сообщить скрытые ранее сведения о «случаях гастрических заболеваний на некоторых фабриках». По утверждению газеты, если бы печать дала полученную ей от санитарного управления официальную информацию, крупных беспорядков удалось бы избежать. Однако на такую публикацию требовалось особое разрешение, так как в условиях военного времени это означало нарушение закона о военной цензуре, которая, согласно изданным циркулярам, не имела права разрешить печатать подобные сведения, поскольку речь шла об эпидемии, способной вызвать панику среди населения. В результате паника все равно возникла, но под влиянием слухов и с далеко идущими последствиями [Ардов, 1915].

В экономической сфере отсутствие достоверных сведений порождало неверные оценки происходившего. Газета «Утро России» отмечала, что в очень болезненном вопросе о постоянном росте цен в условиях войны мнения газет в большинстве были далеки от главных причин явления. «Впоследствии органы печати, высказавшись совершенно искренно и *bona fide* (*Bona fide* переводится как *добросовестность*. — И. А., Ж. С.) суждение о спекуляции как основной причине дороговизны, изменили свой взгляд, а если бы они с самого начала были “поставлены в известность” об истинной основной причине явления, разве не было бы лучше? Ошибка произошла от незнания. Но бывают случаи, когда печать обладает полным знанием вопроса и, однако, не может сделать необходимого шага и принести всю ту пользу, какую могла бы принести» [Ардов, 1915].

При этом установленные ограничения нередко оказывались расплывчатыми и недостаточно четкими даже для самой военной цензуры. Например, в мае 1915 года последовал запрет на любое обсуждение в печати вопросов участия промышленности в снабжении армии [РГВИА, ф. 13839, оп. 1, д. 2, л. 245], и только 19 июля, то есть два месяца спустя, последовало уточнение:

«Общие мероприятия и предположения по мобилизации промышленности оглашать можно, но без точного указания и особенно количества оборудования заводов, мест их нахождения и особенно количества выделяемых предметов вооружения и снаряжения» [РГВИА, ф. 13839, оп. 1, д. 2, л. 288].

Доскональное соблюдение цензурных запретов грозило для печати потерей читательского интереса, поэтому она шла на определенные нарушения предписаний. Усугубляло положение то обстоятельство, что военная цензура имела силу «высочайше» утвержденного закона, и в принципиальных случаях нарушение запретов влекло серьезные наказания для редакторов газет и для самих изданий.

3.3. Нарастание «оппозиционности» среди российских периодических изданий

Отступление из Галиции, дезорганизация экономики изменили настроения публикаций, размещаемых в газетах в апреле-мае 1915 года, порождая сомнения в способности правительства обеспечить ведение победоносной войны.

Недовольство определенными представителями верховной власти, а также отдельными мероприятиями царской администрации в ходе затянувшегося военного конфликта обуславливало появление «неодобрительных» материалов даже на страницах монархических газет. Показательна в этом смысле реплика государственного контролера П. А. Харитонova на заседании Совета Министров 16 августа 1915 года, обсуждавшего вопрос о печати, которая, по словам И. Л. Горемыкина «черт знает, что такое начала себе позволять».

П. А. Харитонов предложил «прихлопнуть <...> газеты разных направлений, слева и справа, — аргументировав это тем, что «“Земщина” и “Русское знамя” вредят не меньше разных “Дней”, “Ранних утр” и т. п. органов». Министр иностранных дел С. Д. Сазонов добавил к сказанному: «“Новое” и “Вечернее время” тоже хороши. Я считаю их не менее вредными, чем разные листки, рассчитанные на сенсацию и тираж» [Тяжелые дни ..., 1926, с. 75—76].

Упомянутые П. А. Харитоновым издания ярко выраженного правого толка, «Земщина» и «Русское знамя», при всех особенностях черносотенной печати и возможных в связи с этим преувеличениях в сторону оправдания действия властей, в своих публикациях периодически указывали на существование реальных политических и экономических проблем. Так, пытаясь опровергнуть якобы неправдоподобные слухи, распространяемые вокруг добычи угля, газета «Земщина» в одной из публикаций весны 1916 года невольно указывала на имевшиеся и грядущие проблемы: «Страшная дороговизна материалов, рук, кем-то распространяемые слухи

то о реквизиции, то об уменьшении предельных цен, неподача вагонов и много других причин — сильно расшатали положение средних и мелких шахтовладельцев, добывающих более половины всего извлекаемого угля. <...> Никаких ссуд на усиление добычи антрацита не дают, а причин, влияющих на её уменьшение, — сколько угодно» [Череп-Спиридонович, 1916].

Более того, в этой статье рассказывалось об «источнике видимости» экономического подъема, связанного с добычей угля в Донбассе. Для получения необходимого количества вагонов шахтовладельцы, видя, что вагонов дают в 4—5 раз менее просимого количества, стали запрашивать в 4—5 пять раз более действительно нужного, причём указывали цифры якобы имеющихся у них запасов во столько же раз преувеличенные. Автор публикации в газете утверждал: «Эти дутые цифры послужили базой для официальной статистики. На самом деле, весь уголь давно распродан, иногда трем-четырем покупателям один и тот же запас» [Там же].

Критические публикации в периодических изданиях расширенного информационного содержания были направлены как простому читателю, так и тем, кто обязан был исправлять возникшие недостатки. Такого рода деятельность повышала эффективность прессы как средства социальной связи населения страны с существовавшей системой управления [Пронин, 1971, с. 99]. Вероятно, неслучайно даже газета «Земщина», также стремившаяся привлечь на свою сторону массового читателя, стала допускать на своих страницах довольно резкий тон в отношении не своих оппонентов, а в адрес руководящих структур: «Ясно, что к предстоящей зиме резать дрова и торф будет некому и вывозить будет не на чем. Добыча нефти, вследствие дороговизны и нехватки труб, будет сокращена» [Череп-Спиридонович, 1916]. Газета «Утро России» с удовлетворением отмечала: «Мы поняли, что есть вещи, которых не только не следует скрывать во имя государственного блага, но которые именно ради блага России должно распространять, делать всеобщим достоянием» [Ардов, 1915].

Поскольку император являлся постоянным читателем отдельных газет (в частности, «Нового времени»), то и он был вовлечен в эти отношения, а почерпнутые массовым читателем из периодических изданий сведения интегрировались в общественное мнение, которое на протяжении почти года войны использовало язык патриотизма, утверждая, что Россия была предана царю и его придворным. Однако с наступлением многочисленных трудностей как на фронте, так и в тыловых территориях империи настрой газет стал меняться, а официальная пропаганда позволяла читающей публике задуматься о значении войны и о приносимых жертвах.

В качестве примеров можно привести выдержку из газеты «Утро России», относящуюся к 15 декабря 1916 года. В редакционной статье с при-

мечательным названием «Последние минуты» ее автор заявлял: «Именно во имя победы мы должны сказать громко: “С этим судорожно отмирающим режимом мы идем к смерти и гибели. Победы с ним не будет!”» [Последние минуты..., 1916]. В другой своей статье газета «Утро России» констатировала: «Единственно, чем возможно сейчас утешиться, это сознанием, что всё совершающееся на наших глазах — последние, быть может, “импульсы” давно изжитого, но, увы, слишком живучего прошлого. Это цепкое прошлое <...> дошло, видимо, до крайних пределов возможного. За этими пределами или пропасть, или резкий поворот. Других путей нет» [Отставка ..., 1916].

В тот же день в своей статье высказывало схожие мысли «Русское слово»: «Раскрылась в полной мере вся ужасная картина развала власти, обнажено было всё разлагающее влияние “скрытых и безответственных” сил. Ослепительный свет, брошенный на самые тёмные, закулисные углы власти, не мог их очистить, но он нанёс её престижу небывалый и непоправимый урон» [Русское слово, 1916, № 288, 14 декабря].

Московские «Русские ведомости» поместили на своих страницах рассуждения известного писателя В. Г. Короленко. Автор отмечал, что правительство долгое время применяло неразумные репрессии, когда имело к тому и формально-«законную», и фактическую возможность. «Это вызывало и накапливало в обществе раздражение и гнев. Теперь оно пытается сделать то же, но уже без фактической возможности осуществления. Это раздражает ещё больше, раздражает даже без ближайших последствий» [Короленко, 1916].

«Новое время» проявляло некоторую умеренность в оценках существовавшей в стране ситуации. По этому поводу иронизировала газета «День» в своей заметке «Что думать и что говорить»: «“Новое время” боится, что думать одно, а писать другое придется еще один раз» [Что думать ..., 1916]. При этом «Новое время» также проявляло склонность к критической оценке ситуации, сложившейся в стране. Например, статья «Пуришкевич и правые», напечатанная 16 декабря 1916 года, содержала рассуждения о праве на критику правительственных структур даже со стороны тех, кто традиционно выступал с поддержкой любых начинаний властей: «То, что министры назначаются Государем Императором, отнюдь не означает того, чтобы министры имели право на преимущественное представительство в сущности и интересах монархии. <...> Если у нас есть свобода слова и печати, то независимые монархисты не только могут, но и обязаны следить за деятельностью назначенных чиновников и подвергать эту деятельность свободной гласности и критике, руководствуясь благом отечества» [Пуришкевич и правые ..., 1916].

Газета «День» негативно оценивала деятельность верхней палаты российского парламента: «За целое десятилетие своего законодательного существования наш Государственный совет единственный раз вышел из повиновения, единственный раз возвысился до степени понимания задач переживаемого государством исторического момента и сказал нужное и важное слово, не сочтя возможным изолировать себя от всей страны...» [Верхняя палата ..., 1916]. Далее газета обсуждала немедленно вслед за этим последовавшие слухи о том, что эта внезапная независимость не останется без последствий и что «бюрократы, призванные негодными для управления страной и выработки законопроектов, оказываются годными и полезными в качестве законодателей!» [Там же].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, в определенные периоды, носившие переломный характер, а таким этапом в истории явилась мировая война, принцип дифференциации периодических изданий на основе их изначальной специализации переставал соответствовать реалиям или по крайней мере не проявлялся однозначно в повседневной практике. В таких условиях на первое место выходила информационная составляющая этих изданий, являвшаяся главным критерием доверия к ним со стороны общества. Такая печать была способна воздействовать на население страны, с ней вынуждены были считаться правящие круги и политические партии, она становилась эталоном для остальной прессы. В газетах отдел статей и фельетонов превратился в самый важный и ответственный, поскольку именно его материалы отражали политическое мнение газеты.

Оппозиционность периодических изданий заключалась в том, что они были способны определять и направлять отношение населения к тем или иным проблемам, непрерывно возникавшим в стране в условиях войны, заставляя власть обращать внимание на предложенные ими способы их решения через привлечение к ним внимания общества. Это достигалось посредством альтернативной интерпретации событий и независимой репрезентации фактов, отличной от официальных версий, представленных органами власти. «СМИ не могут указать нам, что думать, они могут только указать, что нам думать о чем-то» [Лиллекер, 2010, с. 40].

Таким образом, оппозиционная печать стимулировала дискуссии, способствовала формированию связей с общественностью посредством адресного обращения к читательской аудитории.

Тон газетных заметок, их заголовки, специальное внимание, уделённое тому или иному аспекту события, употреблённые эпитеты и даже знаки препинания неизменно выявляли отношение самой газеты к происшед-

шему [Керженцев, 1919, с. 52—53]. Отсюда проистекали особенности отношений прессы с властными структурами. «Даже издания, проявляющие величайшую готовность угодить, а иногда даже и потрафить, всё равно не избавлены от репрессии» [Ст. Ив., 1916].

На передний план в оценке периодических изданий, ориентированных на сохранение своих читателей в контексте выбора содержания материалов и ракурса освещения событий с учетом взглядов и настроений аудитории, выходила оперативность и определенная направленность в освещении новостей. По утверждению редакции газеты «Русское слово», граф С. Ю. Витте оценивал следующим образом оперативность информации, собираемой ведущими изданиями: «Но такой быстроты в собирании сведений нет даже и у правительства!» [Полвека для книги..., 1916, с. 406]. Для читателей это обстоятельство также играло важнейшую роль наряду с высокой оценкой газет, умевших сохранять общее направление своего содержания, уже получившего массовое признание. Ради сохранения этого своего статуса газеты периодически отступали от требований цензуры, заботясь лишь о том, чтобы их публикации напрямую не были связаны с разглашением военной тайны.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Ардов Т. Мобилизация печати / Т. Ардов // Утро России. — 1915. — № 173. — 25 июня.
2. Верхняя палата // День. — 1916. — № 345. — 14 декабря.
3. Короленко Вл. Печатный станок и пишущая машина / Вл. Короленко // Русские ведомости. — 1916. — № 289. — 15 декабря.
4. Отставка А. Ф. Трепова // Утро России. — 1916. — № 361. — 28 декабря.
5. Полвека для книги. 1866—1916 : Лит.-худож. сб., посвящ. 50-летию изд. деятельности И. Д. Сытина. — Москва : Сытин, 1916. — 610 с.
6. Последние минуты // Утро России. — 1916. — № 348. — 14 декабря.
7. Пуришкевич и правые // Новое время. — 1916. — № 14650. — 16 декабря.
8. РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив. — Ф. 13839. Оп. 1. Д. 2.
9. РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 778. — Оп. 2. — 1914—1917 гг. Военная цензура при Петроградском комитете по делам печати Главного управления по делам печати МВД.
10. Русское слово. — 1916. — № 288. — 14 декабря.
11. Ст. Ив. Печать и блок // День. — 1916. — № 151. — 4 июня.

12. *Тяжелые дни* (Секретные заседания Совета Министров — 16 июля — 2 сентября 1915 года) — А. Яхонтова // Архив русской революции. — Берлин : [б. и.], 1926. — Т. 18. — 136 с.

13. *Череп-Спиридонович А. И.* Нельзя терять времени / А. И. Череп-Спиридонович // Земщина. — 1916. — № 2359. — 19 мая.

14. *Что думать и что говорить* // День. — 1916. — № 345. — 14 декабря.

Литература

1. *Абдрашитов Э. Е.* Российские подданные в Германии в августе 1914 г., и формирование образа германского врага в годы Первой мировой войны / Э. Е. Абдрашитов // Научные ведомости белгородского государственного университета. — Серия : История. Политология. — 2012. — Т. 21. — № 1 (120). — С. 170—177.

2. *Белогурова Т. А.* Русская периодическая печать и проблемы внутренней жизни страны в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.) / Т. А. Белогурова. — Смоленск : Смоленский ЦНТИ, 2006. — 130 с. — ISBN 5-93738-027-4.

3. *Бережной А. Ф.* Русская легальная печать в годы Первой мировой войны / А. Ф. Бережной. — Ленинград : [б. и.], 1975. — 152 с.

4. *Борищукова Е. Д.* Пропаганда патриотизма в годы Первой мировой войны в русской публицистике / Е. Д. Борщукова // Клио. — 2011. — № 1. — С. 59—61.

5. *Борищукова Е. Д.* Публицистика времен Первой мировой войны и формирование общественного сознания российского общества / Е. Д. Борщукова // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. — 2011. — № 2. — С. 103—106.

6. *Боханов А. Н.* Буржуазная пресса России и крупный капитал : конец XIX в. — 1914 г. / А. Н. Боханов. — Москва : Наука, 1984. — 152 с.

7. *Вертинский Н. С.* Газета в России и СССР : XVII—XX вв. / Н. С. Вертинский. — Москва ; Ленинград : Государственное социально-экономическое изд-во, 1931. — 168 с.

8. *Гайда Ф. А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.) / Ф. А. Гайда. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. — 432 с. — ISBN 5-8243-0309-6.

9. *Жирков Г. В.* От «народной» войны к народной трагедии : история русской журналистики 1914—1917 годов : учеб. пособие / Г. В. Жирков. — Санкт-Петербург : С.-Петерб. гос. ун-т, Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2012. — 97 с.

10. *Керженцев П. М.* Газета. Ее организация и техника / П. М. Керженцев. — Москва : [б. и.], 1919. — 158 с.

11. *Коваленко Н. А.* К вопросу о либерально-реформистском пути развития постсамодержавной и постсоветской России / Н. А. Коваленко // Научный вестник МГТУ ГА. — 2012. — № 182. — С. 7—12.

12. *Котов Б. Н.* Образ российских немцев в русской прессе накануне Первой мировой войны / Б. Н. Котов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2011. — № 3—2. — Т. 13. — С. 391—398.

13. *Лаврычев В. Я.* По ту сторону баррикад. (из истории борьбы московской буржуазии с революцией) / В. Я. Лаврычев. — Москва : Наука, 1988. — 355 с.

14. *Лиллекер Д.* Политическая коммуникация. Ключевые концепты / пер. с англ. С. И. Остнек / Д. Лиллекер. — Харьков : Гуманитарный центр, 2010. — 300 с.

15. *Морозова Н. В.* Эволюция «Образа врага» в сознании русского общества в годы Первой мировой войны (по материалам центральной печати) / Н. В. Морозова. — Волгоград : Волгоградский ГАУ, 2015. — 335 с. — ISBN 978-5-85536-979-3.

16. Потапов Н. М. Печать и война / Н. М. Потапов. — Москва ; Ленинград : Гос. воен. изд-во, 1926. — 84 с.
17. Пронин Е. И. Печать и общественное мнение / Е. И. Пронин. — Москва : Издательство МГУ, 1971. — 132 с.
18. Раскин Д. И. Периодическая печать России как исторический источник : учебное пособие / Д. И. Раскин, Л. К. Рябова. — Санкт-Петербург : Лема, 2022. — 100 с. — ISBN 978-5-00105-713-0.
19. Симонова Н. Б. Система периодической печати России (вторая половина XIX — начало XX в.) / Н. Б. Симонова. — Новосибирск : Новосибирский гос. ун-т, 2009. — 132 с. — ISBN 978-5-94356-665-3.
20. Толчинская Т. И. Печать в борьбе за общественное мнение в России в 1900—1930-х годах : традиции и особенности исторической эволюции (на примере центральных и региональных газет) / Т. И. Толчинская. — Пятигорск : [б. и.], 2014. — 152 с.
21. Филиппова Т. А. «Враг с Востока». Образы и риторики вражды в русской сатирической журналистике начала XX века / Т. А. Филиппова. — Москва : АИРО-XXI, 2012. — 384 с. — ISBN 978-5-91022-188-2.
22. Фишер Л. А. Образ Германии в русской прессе 1905—1914 гг. / Л. А. Фишер // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2009. — № 97. — С. 80—85.
23. Шевцов А. В. Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века / А. В. Шевцов. — Санкт-Петербург : Изд-во Рос. нац. б-ки, 1997. — 315 с. — ISBN 5-7196-0979-2.
24. Эйдук Д. В. Германия и немцы в русской печати, июль — октябрь 1914 г. (по материалам газеты «Утро России») / Д. В. Эйдук // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 2008. — Сер. 2. — Выпуск 2. — С. 104—111.

Статья поступила в редакцию 05.08.2025,
одобрена после рецензирования 02.12.2025,
подготовлена к публикации 01.01.2026.

Material resources

- A. F. Trepov's resignation. (1916). *Morning of Russia*, 361. December 28. (In Russ.).
- Ardov, T. (1915). Mobilization of the press. *Morning of Russia*, 173. June 25. (In Russ.).
- Art. Iv. (1916). *Print and block. Day*, 151. June 4. (In Russ.).
- Half a century for a book. 1866—1916: Lit.-art collection, dedicated. To the 50th anniversary of the publishing activity of I. D. Sytin.* (1916). Moscow: Sytin. 610 p. (In Russ.).
- Hard days (Secret meetings of the Council of Ministers. July 16 — September 2, 1915) — A. Yakhontova. (1926). In: *Archive of the Russian Revolution*, 18. Berlin: [b. i.]. 136 p. (In Russ.).
- Korolenko, V. (1916). Printing press and typewriter. *Russian Vedomosti*, 289. December 15. (In Russ.).
- Purishkevich and the right. (1916). *Novoe vremya*, 14650. December 16. (In Russ.).
- RGIA — Russian State Historical Archive. F. 778. Op. 2. 1914—1917. *Military censorship under the Petrograd Press Committee of the Main Directorate for Press Affairs of the Ministry of Internal Affairs.* (In Russ.).
- RGVIA — Russian State Military Historical Archive. F. 13839. Op. 1. D. 2. (In Russ.).
- Russian word*, 288. December 14. (1916). (In Russ.).

- Skull-Spiridonevich, A. I. (1916). There is no time to waste. *Zemshchyna*, 2359. May 19th. (In Russ.).
- The last minutes. (1916). *Morning of Russia*, 348. December 14. (In Russ.).
- The Upper House. (1916). *Day*, 345. December 14. (In Russ.).
- What to think and what to say. (1916). *Day*, 345. December 14. (In Russ.).

References

- Abdrashitov, E. E. (2012). Russian subjects in Germany in August 1914, and the formation of the image of the German enemy during the First World War. *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: History. Political science*, 21 / 1 (120): 170—177. (In Russ.).
- Belogurova, T. A. (2006). *The Russian periodical press and the problems of the country's internal life during the First World War (1914 — February 1917)*. Smolensk: Smolenskiy Central Research Institute. 130 p. ISBN 5-93738-027-4. (In Russ.).
- Berezhnoy, A. F. (1975). *The Russian legal press during the First World War*. Leningrad: [b. i.]. 152 p. (In Russ.).
- Bokhanov, A. N. (1984). *The bourgeois press of Russia and big capital: the end of the 19th century — 1914*. Moscow: Nauka Publ. 152 p. (In Russ.).
- Borshukova, E. D. (2011). Journalism during the First World War and the formation of public consciousness of Russian society. *Bulletin of the N. A. Nekrasov Moscow State University*, 2: 103—106. (In Russ.).
- Borshukova, E. D. (2011). Propaganda of patriotism during the First World War in Russian journalism. *Klio*, 1: 59—61. (In Russ.).
- Eiduk, D. V. (2008). Germany and the Germans in the Russian press, July — October 1914 (based on the materials of the newspaper “Morning of Russia”). *Bulletin of St. Petersburg University*, 2: 104—111. (In Russ.).
- Filippova, T. A. (2012). *“The enemy from the East”. Images and rhetoric of hostility in Russian satirical Journalism of the early 20th century*. Moscow: AIRO-XXI. 384 p. ISBN 978-5-91022-188-2. (In Russ.).
- Fischer, L. A. (2009). The image of Germany in the Russian press of 1905—1914. *Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen*, 97: 80—85. (In Russ.).
- Gaida, F. A. (2003). *The liberal opposition on its way to power (1914 — spring 1917)*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 432 p. ISBN 5-8243-0309-6. (In Russ.).
- Kerzhentsev, P. M. (1919). *Newspaper. Its organization and technology*. Moscow: [b. i.]. 158 p. (In Russ.).
- Kotov, B. N. (2011). The image of Russian Germans in the Russian press on the eve of the First World War. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 3—2 (13): 391—398. (In Russ.).
- Kovalenko, N. A. (2012). On the question of the liberal-reformist path of development of post-Great Power and post-Soviet Russia. *Scientific bulletin of MSTU GA*, 182: 7—12. (In Russ.).
- Laverychev, V. Ya. (1988). *On the other side of the barricades. (from the history of the struggle of the Moscow bourgeoisie with the revolution)*. Moscow: Nauka Publ. 355 p. (In Russ.).
- Lilleker, D. (2010). *Political communication. Key concepts*. Kharkiv: Humanitarian Center. 300 p. (In Russ.).

- Morozova, N. V. (2015). *The evolution of the “Enemy Image” in the consciousness of Russian society during the First World War (based on the materials of the central press)*. Volgograd: Volgograd State Agrarian University. 335 p. ISBN 978-5-85536-979-3. (In Russ.).
- Potapov, N. M. (1926). *Print and War*. Moscow; Leningrad: State Military. publishing house. 84 p. (In Russ.).
- Pronin, E. I. (1971). *The press and public opinion*. Moscow: Moscow State University Publishing House. 132 p. (In Russ.).
- Raskin, D. I., Ryabova, L. K. (2022). *The periodical press of Russia as a historical source: a textbook*. Saint Petersburg: Lema. 100 p. ISBN 978-5-00105-713-0. (In Russ.).
- Shevtsov, A. V. (1997). *Publishing activity of the Russian non-socialist parties of the beginning of the XX century*. St. Petersburg: Publishing House of Russian National b-ki. 315 p. ISBN 5-7196-0979-2. (In Russ.).
- Simonova, N. B. (2009). *The system of periodical printing in Russia (the second half of the XIX — early XX century)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University. 132 p. ISBN 978-5-94356-665-3. (In Russ.).
- Tolchinskaya, T. I. (2014). *The press in the struggle for public opinion in Russia in the 1900s and 1930s: traditions and features of historical evolution (on the example of central and regional newspapers)*. Pyatigorsk: [b. i.]. 152 p. (In Russ.).
- Vertinsky, N. S. (1931). *Newspaper in Russia and the USSR: XVII—XX centuries*. Moscow; Leningrad: State Socio-Economic Publishing House. 168 p. (In Russ.).
- Zhirkov, G. V. (2012). *From the “people’s” war to the people’s tragedy: the history of Russian journalism in 1914—1917: textbook the manual*. St. Petersburg: St. Petersburg State University, Higher School of Journalism. and mass. Communications. 97 p. (In Russ.).

*The article was submitted 05.08.2025;
approved after reviewing 02.12.2025;
accepted for publication 01.01.2026.*

Информация для цитирования:

Бодрова Е. В. Внедрение результатов научно-исследовательской деятельности в нефтяной отрасли промышленности СССР во второй половине 1960-х годов : достижения и просчеты / Е. В. Бодрова, В. В. Калинов, В. Н. Красивская // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 1. — С. 404—427. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-404-427.

Bodrova, E. V., Kalinov, V. V., Krasivskaya, V. N. (2026). Implementation of Research Outcomes in Soviet Oil Industry during Late 1960s: Successes and Missteps. *Nauchnyi dialog*, 15 (1): 404-427. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-404-427. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Внедрение результатов научно-исследовательской деятельности в нефтяной отрасли промышленности СССР во второй половине 1960-х годов: достижения и просчеты

Бодрова Елена Владимировна¹

orcid.org/0000-0001-7889-3054

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой гуманитарных
и социальных наук
bodrova@mirea.ru

Калинов Вячеслав Викторович²

orcid.org/0000-0002-9709-7720

доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой истории
kafedra-i@yandex.ru

Красивская Валерия Николаевна¹

orcid.org/0000-0003-0107-4717

кандидат исторических наук,
доцент кафедры гуманитарных
и социальных наук,
корреспондирующий автор
krasivskaya93@yandex.ru

¹ МИРЭА — Российский
технологический университет
(Москва, Россия)

² Российский государственный
университет нефти и газа (национальный
исследовательский университет)
имени И. М. Губкина
(Москва, Россия)

Implementation of Research Outcomes in Soviet Oil Industry during Late 1960s: Successes and Missteps

Elena V. Bodrova¹

orcid.org/0000-0001-7889-3054

Doctor of History, Professor,
Head of the Department of Humanities
and Social Sciences
bodrova@mirea.ru

Vyacheslav V. Kalinov²

orcid.org/0000-0002-9709-7720

Doctor of History, Associate Professor,
Head of the Department of History
kafedra-i@yandex.ru

Valeriya N. Krasivskaya¹

orcid.org/0000-0003-0107-4717

PhD in History, Associate Professor,
Department of Humanities
and Social Sciences,
corresponding author
krasivskaya93@yandex.ru

¹ MIREA — Russian
Technological University
(Moscow, Russia)

² National University of Oil
and Gas «Gubkin University»
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация :

Исследуется проблема реализации государственной политики СССР в сфере внедрения результатов НИОКР в нефтяной промышленности во второй половине 1960-х годов, выявляются факторы, определившие противоречивые результаты. Целью публикации является исследование хода реализации принимаемых центральными органами управления решений по ускорению научно-технического прогресса во второй половине 1960-х годов на примере нефтяной отрасли промышленности. В качестве основы для исследования привлечены и впервые вводятся в научный оборот к настоящему времени рассекреченные документы из фондов Российского государственного архива новейшей истории. В качестве базовой для изучения проблемы использована теория модернизации. Доказано, что отраслевые научно-исследовательские и проектные организации нефтяной промышленности в этот период реализовывали проекты в области совершенствования техники и технологии бурения скважин, добычи и транспорта нефти и газа. Подчеркнуто, что главным принципом оставалась разработка нефтяных месторождений с применением наиболее эффективных технологических решений, обеспечивающих максимальное снижение капитальных вложений в их обустройство и разбуривание. Показано, что это обеспечивало значительные объемы нефтедобычи, но сказывалось негативно в дальнейшем на социально-экономическом развитии как вновь осваиваемых нефтяных провинциях, так и всего нефтегазового комплекса страны.

Ключевые слова :

научно-исследовательские разработки; нефтяная отрасль; Советский Союз; внедрение; техническое перевооружение; государственная научно-техническая политика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract :

This study investigates the implementation of state policies regarding research and development outcomes in the oil industry of the USSR during the late 1960s, identifying factors that contributed to mixed results. The objective is to analyze how central authorities' decisions aimed at accelerating technological progress were implemented within this period, using the oil sector as a case study. For the first time, declassified documents from the Russian State Archive of Contemporary History are introduced into scholarly discourse. Modernization theory serves as the theoretical framework for exploring these issues. It is demonstrated that scientific-research organizations and design institutes within the oil industry pursued projects focused on improving drilling techniques, extraction methods, and transportation systems for both crude oil and gas. Emphasis was placed on developing new fields through efficient technologies that minimized capital investments required for infrastructure and exploration activities. While this approach led to substantial increases in production volumes, it had adverse long-term consequences for socio-economic development across newly exploited regions and throughout the national petroleum complex.

Key words :

research and development; oil industry; Soviet Union; implementation; technical modernization; state science and technology policy.

УДК 94:001.891.573(47)“1965/1970”

DOI : 10.24224/2227-1295-2026-15-1-404-427

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Внедрение результатов научно-исследовательской деятельности в нефтяной отрасли промышленности СССР во второй половине 1960-х годов: достижения и просчеты

© Бодрова Е. В., Калинов В. В., Красивская В. Н., 2025

1. Введение = Introduction

В условиях радикально меняющейся геополитической ситуации достижение технологической независимости находится в ряду важнейших факторов, обеспечивающих национальную безопасность РФ. Изучение исторического опыта СССР в сфере разработки и реализации государственной научно-технической политики, технического перевооружения нефтегазового комплекса (НГК) страны во второй половине 1960-х годов позволяет выявить как механизмы, обеспечившие эффективность в ходе реализации планов, так и допущенные просчеты.

Отечественными и зарубежными исследователями изучены различные аспекты реализации проводимых в это время экономических реформ, предприняты усилия к выявлению причин торможения модернизационных процессов в ключевых отраслях, включая нефтяную промышленность [Ленчук и др., 2020; Cooper, 1991, p. 6; Natural Resources..., 2015, p. 18; Ranieri, 2016; Nekrasov, 2017, p. 172—173]. Однако авторами рассматриваются преимущественно вопросы развития нефтегазового комплекса СССР в этот период в контексте модернизационных процессов [Алексеев, 2000], трудностей освоения труднодоступных регионов [Карпов и др., 2002], взятого руководством страны курса на форсирование экспорта углеводородов [Славкина, 2007]. Справедливым представляется вывод Т. М. Братченко и А. С. Сенявского о том, что в 1970—1980-е годы СССР не смог удержать статус одного из лидеров НТП, между тем необходимы были рывок к новому технологическому уровню, структурная перестройка экономики [Братченко и др., 2007, с. 35—36]. Главной причиной торможения Г. И. Ханнин называет просчеты руководства страны [Ханнин, 2008, с. 224—225]. Ю. П. Бокарев, соглашаясь с этим выводом, также пишет о некомпетентности, низком уровне образования управленцев, нежелании перемен [Бокарев, 2007, с. 124]. Д. Б. Кувалин фиксирует утрату в эти годы центральными органами партийно-государственного управления контроля над эконо-

мической политикой ведомств, стремившихся самостоятельно определять конкретные задачи [Кувалин, 2009, с. 72].

В значительном количестве публикаций последних лет рассматриваются различные аспекты проблемы освоения Западной Сибири в указанный период [Брехунцов и др., 2023 ; Бородин и др., 2023 ; Барабанова, 2021]. В частности, авторы в большинстве случаев достаточно негативно оценивают форсирование темпов и методы, используемые при эксплуатации новых месторождений [Комгорт и др., 2016]. В ряде работ нами были исследованы ранее не доступные архивные документы, позволяющие проанализировать всю сложность ситуации в нефтегазовом комплексе СССР на рубеже 1960—1970-х годов [Бодрова и др., 2023].

Однако проблема внедрения научно-технических достижений в нефтяной отрасли нуждается, на наш взгляд, в специальном рассмотрении, так как торможение именно в этой сфере во многом предопределило технологическое отставание, нарастание кризисных явлений в экономике в целом. Новизна исследования определяется как рассмотрением ранее недостаточно изученной проблемы, так и значимостью введения в научный оборот ранее недоступных документов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Базовой в ходе исследования стала теория модернизации, основные положения которой обуславливают правомерность изучения различных этапов, направлений и форм проводимой государственной научно-технической политики в контексте трансформационных изменений российского общества.

Анализ статистических данных, материалов позволяет согласиться с выводами о том, что научный и технический прогресс обеспечил в этот период условия для дальнейших сдвигов в структуре экономики ведущих стран. Это определяло развитие таких направлений в машиностроении, которые обеспечивали переход во всех отраслях к механизации и автоматизации промышленных процессов, непрерывному производству. Появление ряда новых ключевых отраслей, развивающихся с невероятной скоростью, обуславливало необходимость создания смежных производств, форсирование процесса внедрения результатов НИОКР, формирование адекватного новым требованиям научно-технического прогресса кадрового потенциала.

Статистические сборники, опубликованные и неопубликованные документы подтверждают выводы исследователей о том, что в Советском Союзе в исследуемый период был создан мощный научно-технический потенциал: количественный состав сотрудников научной сферы повысился до 644 тыс. [Народное хозяйство ..., с. 812] Только в АН СССР в 1968 году

работали 106 тыс. ученых [РГАНИ, ф. 5, оп. 60, д. 41, л. 21—22], там создавались новые отделения, филиалы. Строились новые научные центры. Бюджетные ассигнования в науку за первую половину 1960-х годов увеличились в 2 раза [Народное хозяйство ..., с. 889]. Несомненными и в настоящее время представляются преимущества советской системы высшего технического образования: бесплатное обучение, эффективная система отбора поступающих, целевого обучения и распределения. Сложно переоценить заслуги деятельности сети научно-технических обществ, благодаря которым было организовано 180 тысяч семинаров, школ, курсов. Читались лекции, издавались научные и научно-технические журналы. Продолжилась деятельность с 1958 года восстановленного Общества изобретателей и рационализаторов [АРАН, ф. 1, оп. 36, д. 358, л. 83].

Но результаты внедрения научно-технических разработок в исследуемый период невозможно оценить однозначно. Так, например, архивные документы свидетельствуют о прогрессе по отдельным направлениям в сфере научного приборостроения [РГАЭ, ф. 9480, оп. 9, д. 877, л. 6-7]. Первая половина 1960-х годов справедливо характеризуется как звездный час в истории вычислительной техники [Бодрова и др., 2024, с. 364—380 ; Крайнева, 2023, с. 37—48 ; Прохоров, 2023, с. 980—988 и др.]. Перечень других достижений также значителен. В 1968 году в Государственном реестре было зарегистрировано 30,1 тыс. изобретений, однако только треть изобретательских предложений признавалась в качестве изобретений. Большая часть разработок не защищалась авторскими свидетельствами и патентами [РГАНИ, ф. 5, оп. 61, д. 55а, л. 216.].

К настоящему времени рассекреченные документы из фонда Аппарата ЦК КПСС Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) дают возможность с большей степенью достоверности и объективности выявить возникающие в этой сфере проблемы, их причины, а также оценить достижения. В основном документы руководителей министерств и ведомств, ведущих ученых, экспертов (отчеты, служебные записки, обращения) направлялись в Центральный комитет партии под грифом «Секретно», не предназначались для публикации, но содержали весьма полную информацию по тому или иному вопросу. Авторы пытались привлечь внимание руководства страны к действительно серьезным проблемам, приводили конкретные примеры, ссылались на данные о развитии той или иной сферы в ведущих странах. В их ряду — дефицит отечественного современного оборудования для нефтегазового комплекса страны, нехватка средств для осуществления НИОКР, слабость опытно-экспериментальной базы НИИ, отсутствие специального института, ведущего разработку автоматизированных систем управления в нефтедобывающей промышленности.

Значительная часть исследователей определяет в качестве рубежного в эволюции государственной научно-технической политики Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 24 сентября 1968 года «О повышении эффективности работы научно-исследовательских и проектных организаций» [Быковская, 2005, с. 316], в котором говорилось о «крайне великих» сроках освоения научных достижений, недостатках системы экономического стимулирования НИОКР, слабости научной базы на предприятиях, НИИ и вузов. Государственному комитету Совета Министров СССР по науке и технике, Госплану, Госстрою, Академии наук, министерствам и ведомствам, советам министров союзных республик предписывалось при разработке планов предусматривать «более широкое использование» новейших достижений отечественной и зарубежной науки и техники, оценивать деятельность НИИ и проектно-конструкторских организаций по технико-экономической эффективности новых изделий и технологий, процессов, разработанных на основе изобретений и проданных за рубеж лицензий [О мероприятиях по повышению ..., 1970, с. 111].

Изученные нами документы и материалы позволяют осуществить анализ хода выполнения этого решения в нефтяной промышленности, выявить как достижения, так и просчеты.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Анализ данных о выполнении Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 24 сентября 1968 года, представленных Министерством нефтяной промышленности

Особую ценность в ходе исследования проблемы представила справка о выполнении Миннефтепромом СССР указанного выше Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, подготовленная в июне 1970 года начальником Главного технико-экономического управления министерства А. К. Караевым и хранящаяся в настоящее время в фонде Аппарата ЦК КПСС РГНИ [РГНИ, ф. 5, оп. 62, д. 124, л. 63]. В документе акцентировалось внимание на том факте, что значительное повышение объемов добычи нефти за период с 1965 по 1969 годы с 241,7 млн т до 326 млн т было достигнуто не только за счет ввода в разработку новых нефтяных провинций и площадей, но и посредством усовершенствования технологии и техники разработки месторождений и добычи нефти, значительного увеличения объемов буровых работ и капитального строительства. В качестве основных особенностей развития научно-исследовательских и проектных работ в отрасли авторами назывались дальнейшее наращивание научного потенциала подведомственных научно-исследовательских организаций; расширение научных связей промышленных предприятий и институтов

с научно-исследовательскими организациями других министерств и ведомств; поиск и осуществление новых форм организации и управления научными исследованиями и проектными работами, укрепления прямых связей с производством.

В результате, подчеркивали составители документа, наука в нефтедобывающей отрасли стала еще больше, чем раньше, приобретать черты своеобразной предварительной части производственного процесса; труд научных работников превращался в средство интенсификации производственных процессов и стал носить чисто прикладной характер. Одновременно повышалась экономическая эффективность законченных и внедряющихся проектов институтов, увеличивались затраты на проведение научных исследований и конструкторских разработок, повышалась окупаемость научных исследований. Об этом свидетельствуют и данные, приведенные в таблице (табл. 1).

Таблица 1

Затраты на проведение научных исследований
и конструкторских разработок (данные по Миннефтепрому СССР)
[РГАНИ, ф. 5, оп. 62, д. 124, л. 64—65]

Наименование	1965	1966	1967	1968	1969	1970 (план)
Объем ассигнований на НИР по Министерству, млн руб.	40,3	44,7	45,6	47,8	50,3	52,2
В том числе:						
по институтам и организациям, подчиненным Министерству	34,8	39,3	39,02	40,8	42,2	43,3
по организациям других Министерств и ведомств	5,5	5,4	6,58	7,0	8,1	8,9

С одной стороны, эти данные демонстрируют растущую заинтересованность отраслевых институтов и организаций в развитии НИР, в повышении возможностей собственных НИИ и других организаций (конструкторских бюро и др.). Рост объемов затрат отрасли на финансирование НИОКР, выполненных для отрасли организациями других министерств и ведомств, в частности вузами страны, за пятилетие оказался значительным — 47 %. Одновременно в эти годы по темпам роста объемов НИР собственных научно-исследовательских организаций Миннефтепром отставал от родственных отраслей промышленности. Так, например, если с 1967 по 1970 годы объем работ научных организаций Мингазпрома вырос на 36 %, а Министерства нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности — на 23 %, то по Миннефтепрому рост составил лишь около 5 % [Там же,

л. 65]. В качестве причины торможения специалистами министерства называлось сдерживание развития нефтяной науки со стороны Государственного комитета по науке и технике при Совете Министров СССР в тех пропорциях, которые были необходимы для выполнения задач по наращиванию объемов добычи, освоению новых регионов и совершенствованию техники и технологии бурения и нефтедобычи. Другой причиной определялось несоответствие затрат на отраслевую науку в СССР и в США [Там же, л. 65]. Заметим в связи с этим, что, согласно данным журнала «Мировая экономика и международные отношения», затраты на исследования и разработки в нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности США только за 1969 год составили 505 млн дол. В СССР за 1969 год на эти цели было направлено лишь около 151,5 млн руб., или 29,5 % от вышеуказанной суммы [Экономическое положение ..., 1970, с. 10].

Одновременно отметим, что в Советском Союзе в исследуемый период изменялась структура финансирования НИОКР: наблюдалось прогрессирующее снижение доли ассигнований из государственного бюджета на эти цели и соответствующий рост участия собственных средств предприятий министерства, то есть отчислений на НИР, учтенных в себестоимости добычи нефти. Если в 1965 году из госбюджета Миннефтепром получил 60,8 % средств для реализации НИР, то в 1969 году доля этих затрат составила 44,2 %, а в 1970 году она снизилась до 42,3 % [РГАНИ, ф. 5, оп. 62, д. 124, л. 65.]. Согласно документу, бюджетными ассигнованиями обеспечивались, главным образом, затраты на работы по важнейшим проблемам, вошедшим в общегосударственные координационные планы и на научные исследования по геологоразведочной тематике. Тем не менее, благодаря некоторому росту ассигнований на развитие науки в целом, Миннефтепром получил возможность укрепить существующие НИИ, а также создать ряд новых исследовательских центров. Так, например, в 1965 году появились и успешно развивались Всесоюзный научно-исследовательский институт организации, управления экономики нефтегазовой промышленности (ВНИИОЭНГ), Северо-Кавказский нефтяной научно-исследовательский институт (СевКавНИИ), Восточный научно-исследовательский нефтегазовый институт по технике безопасности и промсанитарии (ВостНИИТБ), с 1966 года в Киеве в качестве самостоятельной организации начал функционировать Украинский научно-исследовательский и проектный институт нефтедобычи (УкрНИИПНД). В 1970 году был образован еще ряд отраслевых НИИ. Данные свидетельствуют об увеличении количества тем выполняемых исследований в отрасли, но затраты на одну плановую тему практически не изменились. Так, если в 1965 году затраты на одну плановую тему в среднем составили 41 тыс. руб., то в 1969 году — 43 тыс.

руб. Среднее количество плановых тем, выполнявшихся институтами отрасли в конце 1960-х годов, составляло от 950 до 1050 в год.

О стремлении реализовать правительственные решения, нацеленные на повышение активности внедрения результатов НИР, свидетельствует сокращение количества тем, устранение параллельности и повторяемости тем. Так, в 1967 году Миннефтепромом было исключено из проектов тематических планов, представленных институтами совместно с объединениями, 235 тем (25 %), в 1968 году — 152 темы (20 %). Часть изъятых тем заменялась на более актуальные и эффективные. Подобный подход позволял наиболее точно увязать исследовательские работы различных направлений (бурение, добыча и т. д.), правильно использовать средства, выделяемые на науку [Там же, л. 67].

Изученные документы свидетельствуют и о лучшем кадровом укомплектовании отраслевой науки (табл. 2).

Таблица 2

Численность персонала НИИ Миннефтепрома
во второй половине 1960-х годов [Там же, л. 67]

Категории персонала / год	1965	1966	1967	1968	1969
Общая численность персонала институтов	13444	14457	13973	14297	14759
В том числе:					
— научных работников	4922	5202	5208	5278	5330
Из них:					
— докторов наук	65	68	70	78	91
— кандидатов наук	579	686	764	577	953

Согласно изученным данным, при росте численности персонала на 9,5 % численность докторов и кандидатов наук выросла на 38,5 %, при этом 49,5 % из них получили степень в 1965—1969 годах.

Во исполнение Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 февраля 1964 года № 163 и от 5 августа 1966 года № 603 [О дальнейшем развитии ..., с. 44] Миннефтепром расширял связи с научными организациями других министерств и ведомств, а также с вузами с целью привлечения наиболее крупных ученых и квалифицированных коллективов для решения важных проблем развития нефтяной промышленности. В 1970 году к разработкам тематики различного характера помимо институтов Министерства было привлечено еще 76 научно-исследовательских и конструкторских организаций других министерств и ведомств, 26 вузов. Наиболее значимые объемы работ выполнялись Азербайджанским научно-

исследовательским и проектно-конструкторским институтом нефтяного машиностроения (АзИНМАШ), Государственным научно-исследовательским и проектным институтом нефтяного машиностроения (Гипронефтемаш), Особым конструкторским бюро по бесштанговым насосам (ОКБ БН), Всесоюзным научно-исследовательским и проектно-конструкторским институтом комплексной автоматизации нефтяной и газовой промышленности (ВНИИканефтегаз), Всесоюзным научно-исследовательским и конструкторским институтом химического машиностроения «НИИхиммаш» [РГАНИ, ф. 5, оп. 62, д. 124, л. 68.]. В вузах функционировало 16 отраслевых научно-исследовательских лабораторий (НИЛ) Миннефтепрома. Затраты на работы, выполненные вузами для Миннефтепрома в 1970 году, составили 2064 млн руб. Основными способами финансирования НИР вузами являлись прямые договоры с нефтедобывающими организациями. Данные о наиболее значительных объемах содержатся в таблице (табл. 3).

Таблица 3

Затраты на работы, выполненные вузами
для Миннефтепрома в 1970 году [Там же, л. 66]

Вуз, организация	Сумма, тыс. руб.
МИНХ и ГП им. И. М. Губкина	500
АЗИНфетехим им. Азизбекова	417
Уфимский нефтяной институт	195
Грозненский нефтяной институт	170
МИСИ им. Куйбышева	180

Если в 1965 году в целом вузами для Миннефтепрома было выполнено работ на сумму 1373,0 тыс. руб., то в 1969 году — 2011,0 тыс. руб.

Одновременно данные, представленные в таблице 4, свидетельствуют об определенном снижении объемов капитальных вложений во второй половине 1960-х годов в строительство баз отраслевых институтов.

Таблица 4

Состояние капвложений в строительство баз институтов,
млн руб. [Там же, л. 67]

Объемы капвложений / Год	1965	1966	1967	1968	1969	всего
Общее кол-во капитальных вложений	6,66	9,01	8,69	8,19	7,69	40,51
А) по НИИ объем капвложений	3,8	5,57	5,64	5,49	4,92	25,42
Б) по проектным институтам объем капвложений	2,86	2,44	3,05	2,7	3,04	15,09

В качестве причин снижения объемов капитальных вложений назывался систематический срыв заданий Минпромстроем и Мингазпромом. Так, новый корпус экспериментального завода Всесоюзного научно-исследовательского института буровой техники (ВНИИ БТ) в Панках (реконструкция завода) сметной стоимостью 2,8 млн руб. строился около 5 лет, а затем подрядная организация сняла всех рабочих с этого объекта. Стройорганизации Мингазпрома более 5 лет занимались строительством лабораторного корпуса для Всесоюзного научно-исследовательского института по креплению скважин буровым раствором в Краснодаре. Такое же положение сложилось со строительством здания Тюменского проектного и научно-исследовательского института нефтяной и газовой промышленности «Гипротюменнефтегаз». Сроки строительства объектов растягивались на 3—6 лет [Там же, л. 71].

Значительный интерес для нашего исследования представляют и данные об эффективности работы отраслевых НИИ. Специалисты Миннефтепрома в качестве критерия для определения и сопоставления результативности работы отраслевых НИИ справедливо использовали такой показатель, как экономическая эффективность внедрения на предприятиях законченных проектов института. При среднем количестве планируемых тем около тысячи в год заканчивались разработкой в 1965 году — 538 тем, в 1966 — 526, в 1967 — 489, в 1968 — 571, в 1969 — 597 тем [Там же, л. 74]. Суммарный эффект от завершенных тем за 5 лет составил 704,2 млн руб. Министерство потратило за это время 196,1 млн руб. Экономический эффект на один вложенный рубль составил 2,58 руб. [Там же, л. 75].

Представленные данные позволяют утверждать, что наиболее успешно реализовывались проекты, связанные с проблемами техники и технологии буровых работ (в 1966 году были внедрены результаты по 138 темам, в 1969 году — по 163). По геологической тематике проекты заканчивались внедрением в среднем 140 тем в год. Так, например, в результате использования новой техники и технологий за 1967—1969 годы повысилась средняя проходка на долото и средние механические скорости с 32,2 м до 34,1 м и с 9,2 м/час до 9,48 м/час в эксплуатационном бурении. Основной рост показателей работы долот был достигнут прежде всего за счет расширения ассортимента долот, улучшения технологии бурения, внедрения алмазного бурового инструмента. За 1968—1969 годы было рекомендовано к серийному производству 40 типоразмеров долот и бурильных головок. Созданные институтами СевКавНИИ и Уфимским нефтяным НИИ (УфНИИ) испытатели пластов, используемые в процессе бурения, нашли широкое применение. В 1969 году подобным образом были исследованы 1876 пластов, тогда как в 1967 году — лишь 1179. Полагаем, что во многом

это было связано с деятельностью министра нефтяной промышленности страны В. Д. Шашина, который огромное внимание уделял оптимизации процессов бурения.

Между тем неблагоприятная ситуация складывалась в области исследования вопросов, связанных с техникой и технологией добычи нефти: в 1965 году было закончено 84 темы, а в 1969 году — только 58 [Там же, л. 74—77]. Но выделим одно из наиболее значимых достижений этих лет в нефтедобыче — широкое внедрение систем разработки месторождений с применением методов поддержания пластового давления путем контурного и внутриконтурного заводнения. За 1969 год 72 % всей нефти было добыто из месторождений, разрабатываемых именно этим методом [Там же, л. 79]. Получила развитие блоковая система заводнения, продолжались работы по внедрению закачки воды с повышенным давлением нагнетания, реальной закачки воды при дифференцированном давлении. В Западной Сибири впервые нашел применение метод закачки пластовых термальных вод. Их использование имело значительное преимущество перед поверхностными водами, так как они не требовали специальной подготовки, обладали более высокими отмывающими способностями. Применение этого метода позволяло начинать работы по поддержанию пластового давления практически одновременно с вводом месторождения в эксплуатацию.

3.2. Результаты внедрения новых технологий при освоении Западно-Сибирской нефтегазовой провинции

Для нашего исследования представляют интерес материалы, направленные 17 ноября 1970 года в ЦК КПСС Министром В. Д. Шашиним и позволяющие оценить масштабы внедрения новых технологий при освоении Западно-Сибирской нефтегазовой провинции. Указывая на необходимость использования опыта освоения нефтяных запасов Татарии, Башкирии, Поволжья, он одновременно обращал внимание на значение учета местных специфических условий. В числе принципиально новых решений в области разработки, обустройства и эксплуатации западносибирских нефтяных месторождений автором назывался метод ускоренного ввода в разработку месторождений, в соответствии с которым наиболее изученные участки месторождений вводились в опытно-промышленную разработку еще на стадии из разведки и доразведки. Так, в 1970 году по первоочередным участкам разработки только по 4-м месторождениям — Самотлорскому, Правдинскому, Советскому и Мамонтовскому — планировалось добыть около 7 млн т нефти. Перспективным он называл и метод разбуривания эксплуатационных и нагнетательных скважин, который осуществлялся по редким сеткам. Более 70 % нефтеносных площадей разбуривались с плотностью 49—64 га на скважину и около 30 % — по сеткам 40 га на скважину

[РГАНИ, ф. 5, оп. 62, д. 100, л. 117—118]. Заметим, что в других нефтедобывающих районах плотность сетки была больше примерно в 2 раза. За счет разряжения сеток по разрабатываемым во второй половине 1960-х годов месторождениям отпадала необходимость в бурении около 3000 скважин. В результате на многопластовых месторождениях Главтюменнефтегаза эксплуатационные объекты укрупнялись, что позволяло объединить от 2 до 4 продуктивных пластов. При этом сокращалось количество эксплуатационных и нагнетательных скважин.

Осуществлялось и форсированное освоение систем поддержания пластового давления. Разрыв между началом эксплуатации и закачкой воды в пласты оказался сокращенным до минимума, а на Правдинском и Самотлорском месторождениях начало закачки практически совпало с началом эксплуатации.

Заметим в связи с этим, что в настоящее время эксперты весьма неоднозначно оценивают результаты применения подобных методов. Так, А. А. Иголкин их называл «варварскими, браконьерскими»: начиная разработку месторождения, не думали о том, что с ним будет всего через 5—10 лет. Таковы были установки «сверху» [Иголкин, 2008, с. 91]. Резко негативно оценивал интенсификацию отбора нефти на Самотлорском месторождении Г. Г. Вахитов. По его словам, она была доведена до абсурда, осуществлялась без всяких разумных ограничений [Вахитов, 2005, с. 522—526].

Но системы заводнения обеспечивали устойчивую и стабильную добычу по всему фонду скважин. Почти по всем западносибирским месторождениям было достигнуто превышение фактического дебита скважин над проектным. Между тем основные месторождения Башкирии, например, осваялись с разрывом между началом эксплуатации и началом закачки в 3—4 года и снижением пластового давления при этом на 40—50 атм.

Особую роль в создании систем поддержания пластового давления имело применение впервые в мире в столь крупных масштабах закачки термальных альб-сеноманских вод в продуктивные пласты. Использование этих вод повышало конечную нефтеотдачу пластов примерно на 5 %. Всего с начала разработки западносибирских месторождений до 1970 года было закачано в пласты около 52 млн м³ подземных вод (70 % от всей закачанной воды). Расчетная годовая эффективность от применения термальных вод только по Усть-Балыкскому месторождению составила 4,5 млн руб. [РГАНИ, ф. 5, оп. 62, д. 100, л. 118].

При освоении Западно-Сибирской нефтегазовой провинции внедрялся метод одновременной совместно-раздельной эксплуатации двух пластов одной скважиной. К 1 октября 1970 года он был внедрен на 102 скважинах

с приростом добычи нефти около 3 млн т и на 60 нагнетательных скважинах с приростом закачки воды около 7 млн м³. Использовались новые методы и в области бурения нефтяных и нагнетательных скважин. Форсированный режим бурения за счет применения двух насосов, применение гидромониторных долот и др. позволяли достичь 1 млн м проходки 26 буровыми бригадами [Там же, л. 119].

Заметим, что ни в одном нефтедобывающем районе страны (в сопоставимых условиях) не были достигнуты такие рекордные показатели проходки на одну буровую бригаду, как в Западной Сибири. С 1964 по 1969 годы буровики Тюмени увеличили коммерческую скорость с 1043 м до 2662 м на станок / месяц при плане 1970 года 2700 м на станок / месяц.

Но, действительно, главным принципом оставалась разработка нефтяных месторождений с применением наиболее эффективных технологических решений, обеспечивающих максимальное снижение капитальных вложений в их обустройство и разбуривание. В. П. Карпов в связи с этим справедливо формулирует выводы о «штурмовщине», «форсированной нефтедобыче без оглядки на растущие проблемы материально-технической базы комплекса», о грубом нарушении проектных уровней отбора нефти на месторождениях в сторону их произвольного увеличения. В результате нефтяники в 1970-х годах разделились на оптимистов, выступающих за продолжение использования «варварских» способов нефтедобычи, и на пессимистов, пытавшихся настаивать на необходимости бережного отношения к земле и людям [Карпов, 2004, с. 52—60].

В реальности с самого начала промышленного освоения месторождений осуществлялось поддержание пластового давления преимущественно путем внутриконтурного разрезания залежей на блоки. Общий объем закачки воды в продуктивные пласты западносибирских месторождений в 1975 году превысил 210 млн м³. В результате обеспечивались весьма высокие темпы отбора промышленных запасов нефти — до 5—8 %/год. Предусматривалось производство кустовых насосных станций наземного и подземного типа, а также дальнейшее совершенствование этого оборудования. За 1971—1975 годы было внедрено около 87 блочных автоматизированных кустовых станций типа БКНС-2 и БКНС-3 и порядка 80—90 кустовых насосных станций подземного типа [РГАНИ, ф. 5, оп. 62, д. 100, л. 122.].

3.3. Меры, принимаемые Миннефтепромом для ускорения технического перевооружения отрасли

Внедрялись новые методы нефтедобычи и в других регионах страны. В 1969 году продолжал осуществляться первый в практике нефтедобычи в СССР эксперимент закачки водного раствора поверхностно-активных веществ (ПАВ) на Николо-Березовской площади Арланского месторож-

дения по разработкам УфНИИ. Полученные результаты подтверждали необходимость широкого внедрения этого метода на подобных месторождениях. В этом же году была начата закачка обогащенного газа высокого давления на опытном участке Ключевского месторождения объединения «Краснодарнефтегаз». На опытном участке Минибаевской площади Ромашкинского месторождения закачка оторочки растворителя позволила повысить коэффициент нефтеотдачи пластов. На месторождениях Озек-Суат объединения «Ставропольнефтегаз» продолжалась закачка газа высокого давления. За время осуществления этого процесса дополнительно было добыто около 200 тыс. т нефти. Велась широкие исследовательские и опытно-промышленные работы по термическим методам увеличения нефтеотдачи пласта. В 1969 году за счет тепловых методов дополнительно было получено более 400 тыс. т нефти. Татарским научно-исследовательским нефтяным институтом (ТатНИИ), СевКавНИИ, Куйбышевским государственным НИИ нефтяной промышленности (КуйбышевНИИНП) разрабатывались и испытывались образцы оборудования для одновременной раздельной эксплуатации двух пластов в нефтяных и нагнетательных скважинах [РГАНИ, ф. 5, оп. 62, д. 124, л. 79—80].

В целом количество научных работ, выполненных на уровне изобретений научными организациями за 1966 год, составило 44, за 1967 — 49, 1968 — 55, 1969 — 80. На 1 июня 1970 года насчитывались 33 патентуемые темы, по ним был уже к этому времени получен 41 патент в капиталистических странах, в том числе в 1965 году — 3, 1966 — 4, 1967 — 9, 1968 — 10, 1969 — 9. Продолжались предварительные переговоры по трем лицензионным темам: роторно-турбинный способ бурения — с представителями японских фирм; высокомошные турбины — с представителями фирм Франции и США; остеклование внутренней поверхности насосно-компрессорных труб — с представителями фирм Франции, Канады, Мексики. Однако к июню 1970 года с ними не удалось заключить ни одного лицензионного соглашения [Там же, л. 80—81].

Изученные документы свидетельствуют о стремлении руководства министерства проводить единую техническую политику в отрасли в части совершенствования технологических процессов и повышения уровня автоматизации. Это подтверждает совместный Миннефтепрома, Министерства приборостроения, средств автоматизации и систем управления и Министерства химического и нефтяного машиностроения Приказ от 27 февраля 1969 года № 99/41/63, которым определялись основные положения по обустройству и автоматизации нефтедобывающих предприятий, применяемые при проектировании и строительстве новых и реконструируемых нефтедобывающих предприятий, подлежащих автоматизации в 1970—1975 годах

с применением блочного автоматизированного оборудования. Согласно этим положениям, на автоматизированных нефтедобывающих предприятиях должны были применяться однотрубные напорные схемы сбора нефти и газа, при которых продукция скважины транспортировалась бы через все технологические установки, включая пункт подготовки нефти, без применения промежуточных перекачечных станций за счет давления на устьях скважин вне зависимости от способа их эксплуатации. Схема сбора включала скважины, автоматизированные замерные устройства и единый центральный для всего предприятия или площади с законченным технологическим циклом пункт сбора и подготовки нефти, на котором осуществляется сепарация всех ступеней, подготовка и внешняя перекачка товарной продукции — нефти и газа, а также пластовой воды. Типовая схема предусматривала минимальное количество технологического оборудования и максимальную его концентрацию в местах обслуживания. Этим же приказом были определены и степень автоматизации всех технологических объектов, и объемы телемеханизации на нефтедобывающем предприятии, предлагалась типовая структура организации и управления автоматизированными нефтедобывающими предприятиями. Принятая однотрубная схема сбора продукции скважин в сравнении с существующими двухтрубными схемами позволяла на 20—30 % сократить протяженность нефтегазопроводных коллекторов, сократить до минимума технологические потери нефти, сосредоточить обслуживающий персонал на центральном пункте сбора, обеспечить надежную автоматизацию технологических процессов, довести удельную численность персонала до 0,5 чел. на одну скважину [Там же, л. 82—83].

Документы подтверждают, что с начала 1970-х годов стало придавать-ся гораздо большее значение работе территориальных НИИ и проектных организаций. Согласно постановлению Государственного комитета по науке и технике (ГКНТ) при Совете Министров СССР и приказу Министра нефтяной промышленности от 17 марта 1970 года № 127 на базе существующих НИИ и проектных институтов создавались территориальные комплексные научно-исследовательские и проектные институты: КраснодарНИПИнефть, ВолгоградНИПИнефть и другие — всего 12. В целом в составе Министерства создавалось 16 территориальных комплексных НИИ и проектных институтов с одним филиалом. Они размещались непосредственно в районах нефтедобычи, входили в состав нефтедобывающих объединений и отвечали за ускорение использования в промышленности новейших достижений науки и техники и внедрение их при проектировании разведки и разработки нефтяных месторождений. Такие региональные организации в районах нефтедобычи позволяли повышать качество

и сокращать сроки проектирования и освоения нефтяных месторождений в целом. В отличие от ранее существовавшей структуры, когда все институты подчинялись единому руководящему центру (Главному техническому управлению), от которого они получали все лимиты по труду, фонды зарплаты, им же рассматривались и утверждались все тематические планы этих институтов, при новой организации научно-исследовательских и проектных работ в отрасли все 26 специализированных и территориальных институтов передавались в подчинение 22 главным управлениям Министерства нефтяной промышленности и нефтедобывающим объединениям [Там же, л. 91—92]. Однако такое рассредоточение институтов затрудняло возможность оперативного решения вопросов общего для институтов характера, маневрирования фондами и ассигнованиями на капитальное строительство, отчетности институтов и т. д.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, изучение к настоящему времени рассекреченных документов из фонда Аппарата ЦК КПСС РГНИ дает возможность более достоверно проанализировать ход реализации сентябрьского 1968 года Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР на примере нефтяной отрасли промышленности, оценить состояние научно-технического потенциала нефтяной отрасли промышленности во второй половине 1960-х годов, результаты принятых руководством министерства нефтяной промышленности мер по ускорению разработки важнейших НИР и их внедрению в производство.

Проведенное исследование продемонстрировало, что в исследуемый период предпринимались попытки усилить материальное стимулирование научно-технического прогресса, реорганизовать структуру управления промышленностью. Определялись конкретные мероприятия с целью совершенствования форм и методов организации науки, научно-исследовательских работ, усиления их связи с производством [Решения партии ..., 1970, с. 317—322]. Создавались, в частности, специализированные хозяйственные производственно-технические объединения и научно-исследовательские институты на крупных промышленных предприятиях. Предусматривалась организация поощрительных фондов за счет доходов, получаемых от внедрения научных идей. Изученные данные позволяют утверждать, что отраслевые научно-исследовательские и проектные организации нефтяной промышленности в этот период вели работы в области совершенствования техники и технологии бурения скважин, добычи и транспорта нефти и газа. Причем важнейшие проблемы — создание и освоение серийного производства оборудования, труб нефтяного сортамента техно-

логического назначения, породоразрушающего инструмента, материалов для буровых растворов, автоматизированных систем в отрасли, техники подъема жидкости из скважин и ряд других — решались с привлечением научно-исследовательских организаций других министерств и ведомств, исследовательских лабораторий вузов. Эти организации привлекались через координационные планы НИР, утверждаемые ГКНТ при Совете Министров СССР, либо привлекались на основе договоров, заключенных с организациями Министерства нефтяной промышленности. На эти цели выделялись значительные средства (более 8 млн руб., или 15,5 % общих затрат по Министерству) [РГАНИ, ф. 5, оп. 62, д. 124, л. 95.].

В ряду достижений этого периода отметим активизацию работ по созданию средств автоматики и приборов. В 1969 году было принято к промышленному производству 4 образца приборов, в 1970 году — 21. Но этого было явно недостаточно. Особое внимание уделялось подготовительной работе по осуществлению комплексной автоматизации процессов нефтедобычи. Основным направлением явилось создание комплексно-автоматизированных промыслов на вновь обустраиваемых площадях с целью резкого повышения производительности труда. К 1975 году планировалось внедрить комплексную автоматизацию на 119 предприятиях, месторождениях и площадях [Там же, л. 97]. Но, как сообщал 27 апреля 1970 года секретарь обкома Ф. А. Табеев, разработка ряда важнейших проблем в области комплексной механизации и автоматизации нефтепромыслов Татарии и создания там АСУ в объединении «Татнефть» (а этот проект определялся в качестве первоочередного и должен был в дальнейшем тиражироваться по всей отрасли) велась неудовлетворительно [РГАНИ, ф. 5, оп. 62, д. 100, л. 38].

Анализ планов НИР отраслевых институтов позволил выделить следующие основные направления, которые считались приоритетными на ближайшее пятилетие: создание и освоение обеспечивающих значительное увеличение скорости бурения способов и комплексов средств для бурения глубоких нефтяных и газовых скважин в различных геологических и климатических условиях, а также для бурения сверхглубоких скважин (более 10 км) с целью изучения глубинного строения недр земли; разработка и освоение автоматизированных систем сбора, подготовки и транспорта нефти и попутного газа на промыслах; создание нового технологического оборудования для добычи нефти и попутного газа, которое соответствовало бы по своим показателям лучшим мировым промышленным образцам; разработка и освоение эффективных методов воздействия на нефтяные пласты, обеспечивающих конечное повышение нефтеотдачи. Планировалось выделение значительных средств. Сметная стоимость этих работ составляла более 100 млн руб., в том числе направлялось на НИР — 70 млн руб. Капи-

тальные вложения на сооружение экспериментальных и опытно-промышленных установок предусматривались в размере около 85 млн руб. Годовая экономическая эффективность от внедрения этих разработок должна была составить около 200 млн руб. [РГАНИ, ф. 5, оп. 62, д. 124, л. 103—104].

Исследование показало, что в ряду важнейших направлений называлось обустройство новых промыслов Западной Сибири и Мангышлака по наиболее прогрессивным схемам сбора нефти с максимальной концентрацией технологических объектов в пунктах обслуживания с применением блочных, транспортабельных и полностью автоматизированных установок.

Однако наряду с достижениями отметим и ряд негативных результатов, которые были обусловлены, на наш взгляд, прежде всего просчетами в управлении. Так и не был создан специализированный НИИ по автоматизированным системам управления в нефтедобывающей промышленности. Недостаточными темпами велись работы по строительству опытно-экспериментальных баз институтов, что в значительной мере сказывалось на качествах и сроках массового внедрения создаваемой техники и технологических процессов. Всего в составе Министерства к 1970-му году насчитывалось 26 НИИ, 15 НИЛ, 3 конструкторских организации, 14 проектных института, но не было ни одного вычислительного центра, технологического института и бюро. При количестве выполняемых по плану 1050 тем было получено только 205 авторских свидетельств и 9 патентов [Там же, л. 103—104].

Подобные данные свидетельствовали о торможении технического перевооружения нефтяной отрасли промышленности, являвшейся одной ключевых. Полагаем, что материалы и справки, полученные от других ведомств, обусловили появление в 1970-х годах ряда правительственных решений, касающихся вопросов повышения эффективности работы научных организаций и ускорения использования в народном хозяйстве достижений науки и техники. Они были призваны повысить ответственность НИИ, КБ и проектных организаций за уровень научных исследований, конструкторских, проектных и технологических разработок. Их деятельность должна была оцениваться адекватно полученным результатам. В 1970-е годы создавались и новые организационные формы, призванные обеспечить связь науки с производством. Но следует признать, что кардинального перелома в научно-технической сфере не произошло. В ряду важнейших причин назовем очевидные просчеты в планировании, отсутствие единого координирующего научно-исследовательскую деятельность органа, ведомственную разобщенность, слабое взаимодействие гражданского и оборонного секторов, игнорирование рекомендаций ведущих экспертов.

Заявленный вклад авторов : все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors : the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. АРАН — *Архив* Российской академии наук. Ф. 1. (Конференция Императорской Академии наук ; Конференция Российской Академии наук ; Конференция Академии наук СССР ; Общее Собрание и Президиум Академии наук СССР, Российской академии наук) Ф. 1. Оп. 36. Д. 358. Л. 83.

2. *Народное хозяйство СССР в 1968 году* : Статистический ежегодник / Центральное Статистическое Управление СССР. — Москва : Статистика, 1969. — 831 с.

3. *О дальнейшем развитии* научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях : Постановление Центрального Комитета КПСС, Совета Министров СССР 20 февраля 1964 г. № 163 // Собрание постановлений правительства СССР за 1964 г. № 1—25. — Москва : Юридическая литература, [б. г.]. — С. 44.

4. *О мероприятиях* по повышению эффективности работы научных организаций и ускорению использования в народном хозяйстве достижений науки и техники : Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, 24 сентября 1968 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : Сборник документов. — Москва : Политиздат, 1970. — Т. 7. — С. 111.

5. *О привлечении крупных ученых* к участию в работе промышленных предприятий в качестве консультантов : Постановление Совета министров СССР 5 августа 1966 г. № 603 // Собрание постановлений правительства СССР за 1966 г. № 1—25. — Москва : Юридическая литература, [б. г.]. — С. 302.

6. РГАНИ — *Российский* государственный архив новейшей истории. Ф. 5 (Аппарат ЦК КПСС (1935—1991 гг.)). Ф. 5. Оп. 60. Д. 41. Л. 21—22 ; Оп. 61. Д. 55а. Л. 216 ; Оп. 62. Д. 100. Л. 38, 117—119, 122 ; Оп. 62. Д. 124. Л. 63—68, 71, 74—77, 79—83, 91—92, 95, 97, 103—104.

7. РГАЭ — *Российский* государственный архив экономики. Ф. 9480 (Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике (ГКНТ СССР)). Ф. 9480. Оп. 9. Д. 877. Л. 6—7.

8. *Решения партии и правительства* по хозяйственным вопросам : Сборник документов. — Москва : Политиздат, 1970. — Т. 7. — 686 с.

Литература

1. *Алексеев В. В.* Волны российских модернизаций / В. В. Алексеев // Опыт российских модернизаций XVIII—XX века. — Москва : Наука, 2000. — 244 с. — ISBN 5-02-010204-0.

2. *Барабанова К. С.* Нефть в исторической памяти освоения севера Западной Сибири / К. С. Барабанова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2021. — № 3 (72). — С. 15—21. — DOI: 10.26105/SSPU.2021.72.3.002.

3. *Бодрова Е. В.* Изменение правительственного курса в отношении развития вычислительной техники в СССР во второй половине 1960-х годов / Е. В. Бодрова, В. В. Калинов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 2. — С. 364—380. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-364-380.

4. Бодрова Е. В. Государственная политика в нефтегазовом секторе СССР в 1950—1970-е гг. : достижения и просчеты / Е. В. Бодрова, В. В. Калинов, В. Н. Красивская // Локус : люди, общество, культуры, смыслы. — 2023. — Т. 14. — № 3. — С. 57—72. — DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-57-72.
5. Бокарев Ю. П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе. 1970—1980-е годы / Ю. П. Бокарев. — Москва : Наука, 2007. — 380 с. — ISBN 5-02-035261-6.
6. Бородин В. Н. Ведущая роль Западно-Сибирского научно-исследовательского геологоразведочного нефтяного института в освоении нефтегазового потенциала Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции и развитии минерально-сырьевой базы страны / В. Н. Бородин, М. В. Комгорт, И. И. Нестеров // Георесурсы. — 2023 — Т. 25. — № 1. — С. 24—35. — DOI: 10.18599/grs.2023.1.3.
7. Братченко Т. М. Раннеиндустриальная модернизация дореволюционной России / Т. М. Братченко, А. С. Сенявский // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2007. — Т. 9. — № 2. — С. 35—36.
8. Брехунцов А. М. Освоение Западной Сибири — проект государственного масштаба второй половины XX века / А. М. Брехунцов, В. Н. Битюков // Георесурсы. — 2023. — № 1. — С. 3—12. — DOI: 10.18599/grs.2023.1.1.
9. Быковская Г. А. Исторический опыт разработки и реализации партийно-государственной научно-технической политики в Российской Федерации (1917—1991 гг.) : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Г. А. Быковская. — Москва, 2005. — 611 с.
10. Вахитов Г. Г. Полвека отечественной нефтедобычи : от взлета к падению / Г. Г. Вахитов // Нефть страны Советов. Проблемы истории нефтяной промышленности СССР (1917—1991 гг.). — Москва : Древлехранилище, 2005. — С. 522—526. — ISBN 5-93646-085-1.
11. Иголкин А. А. Нефтяной фактор во внешнеэкономических связях России за последние 100 лет / А. А. Иголкин // Экономический вестник Ростовского государственного университета. — 2008. — Т. 6. — № 1. — С. 91.
12. Карпов В. П. Нефтегазовый профиль индустриализации Тюменской области. 1960—80-е годы / В. П. Карпов // Налоги. Инвестиции. Капитал. — 2004. — № 5—6. — С. 52—60.
13. Карпов В. П. Очерки истории отечественной нефтяной и газовой промышленности / В. П. Карпов, Н. Ю. Гаврилова. — Тюмень : Нефтегазовый университет, 2002. — 171 с. — ISBN 5-88465-400-6.
14. Комгорт М. В. «Сочтемся славой» : Томск и Тюмень в нефтегазовой Сибири 1950—1980-х гг. / М. В. Комгорт, В. П. Карпов // Вестник Томского государственного университета. — 2016. — № 8. — С. 72—77. — DOI: 10.17223/15617793/408/10.
15. Крайнева И. А. Научно-техническая политика в области вычислительной техники в период позднесоветской модернизации 1960—1980-е гг. / И. А. Крайнева // История науки и техники. — 2023. — № 5. — С. 37—48. — DOI: 10.25791/intstg.5.2023.1420.
16. Кувалин Д. Б. Экономическая политика и поведение предприятий : механизмы взаимного влияния / Д. Б. Кувалин. — Москва : МАКС пресс, 2009. — 319 с. — ISBN 978-5-317-02938-8.
17. Ленчук Е. Б. Стратегическое планирование в государственном управлении : опыт, возможности и перспективы / Е. Б. Ленчук, Ф. Г. Войтоловский, Д. Б. Кувалин // Проблемы прогнозирования. — 2020. — № 6. — С. 44—55. — DOI: 10.47711/0868-6351-183-46-55.

18. Прохоров С. П. Основополагающий вклад Академии наук в становление компьютерных наук и компьютерных технологий / С. П. Прохоров // Вестник РАН. — 2023. — Т. 93. — № 10. — С. 980—988. — DOI: 10.31857/S0869587323100092.
19. Славкина М. В. Великие победы и упущенные возможности : влияние нефтегазового комплекса на социально-экономическое развитие СССР в 1945—1991 гг. / М. В. Славкина. — Москва : Нефть и газ, 2007. — 383 с. — ISBN 978-5-7246-0398-0.
20. Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время / Г. И. Ханин. — Новосибирск : НГТУ, 2008. — Т. 1. — 515 с. — ISBN 978-5-7782-0903-9.
21. Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Обзор за 1969 г. и начало 1970 г. : приложение к журналу // Мировая экономика и международные отношения. — 1970. — №8. — С. 10.
22. Cooper J. The Soviet Defense Industry : Conversion and Reform / J. Cooper. — London : The Soviet defence industry, 1991. — 111 p. — ISBN 0876091176.
23. *Natural Resources and Economic Growth. Learning from History* / edited by Marc Badia-Miró, Vicente Pinillaand, Henry Willebald. — London : Routledge, 2015. — 394 p. — ISBN 9781315769356.
24. Nekrasov V. L. The Soviet Union Engages the World : Decision-Making in the Soviet Energy Sector under Khrushchev / V. L. Nekrasov // Cold War Energy. A Transnational History of Soviet Oil and Gas. — 2017. — Pp. 165—199. — DOI: 10.1007/978-3-319-49532-3_6.
25. Ranieri R. Adjusting Europe's Energy Policies in the "Golden" Oil Years / R. Ranieri // L'Europe et la question energetique. Le annees 1960—1980. — Bruxelles : Presses universitaires de Provence, 2016. — 338 p. — ISBN 9782807600324.

Статья поступила в редакцию 28.07.2025,
одобрена после рецензирования 02.12.2025,
подготовлена к публикации 21.01.2026.

Material resources

- ARAN — *Archive of the Russian Academy of Sciences. F. 1. (Conference of the Imperial Academy of Sciences; Conference of the Russian Academy of Sciences; Conference of the USSR Academy of Sciences; General Meeting and Presidium of the USSR Academy of Sciences, Russian Academy of Sciences) F. 1. Op. 3b. D. 358. L. 83.* (In Russ.).
- Decisions of the party and the government on economic issues: Collection of documents, 7.* (1970). Moscow: Politizdat. 686 p. (In Russ.).
- National Economy of the USSR in 1968 year: Statistical Yearbook / Central Statistical Office of the USSR.* (1969). Moscow: Statistik Publ. 831 p. (In Russ.).
- On attracting major scientists to participate in the work of industrial enterprises as consultants: Resolution of the Council of Ministers of the USSR on August 5, 1966, № 603. In: *Collection of Resolutions of the Government of the USSR for 1966, № 1—25.* Moscow: Yuridicheskaya literatura, [b.g.]. P. 302. (In Russ.).
- On measures to improve the efficiency of scientific organizations and accelerate the use of scientific and technological achievements in the national economy: Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR, September 24, 1968. (1970). In: *Decisions of the Party and the government on economic issues: Collection of documents, 7.* Moscow: Politizdat Publ. P. 111. (In Russ.).

- On the further development of research work in higher educational institutions: Resolution of the Central Committee of the CPSU, Council of Ministers of the USSR on February 20, 1964, № 163. In: *Collection of Resolutions of the Government of the USSR for 1964, № 1*—25. Moscow: Yuridicheskaya literatura, [b. g.]. P. 44. (In Russ.).
- RGAE — *Russian State Archive of Economics. F. 9480 (State Committee of the Council of Ministers of the USSR for Science and Technology (GKNT USSR)). F. 9480. Op. 9. D. 877. L. 6—7.* (In Russ.).
- RGANI — *Russian State University archive of modern History. F. 5 (Apparatus of the Central Committee of the CPSU (1935—1991)).* (In Russ.).

References

- Alekseev, V. V. (2000). Waves of Russian modernization. In: *Experience of Russian modernization of the XVIII—XX century*. Moscow: Nauka Publ. 244 p. ISBN 5-02-010204-0. (In Russ.).
- Badia-Miró, M., Vicente Pinillaand, Henry Willebald. (eds.). (2015). *Natural Resources and Economic Growth. Learning from History*. London: Routledge. 394 p. ISBN 9781315769356.
- Barabanova, K. S. (2021). Oil in the historical memory of the development of the North of Western Siberia. *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*, 3 (72): 15—21. DOI: 10.26105/SSPU.2021.72.3.002. (In Russ.).
- Bodrova, E. V., Kalinov, V. V. (2024). Change of government policy regarding the development of computing technology in the USSR in the second half of the 1960s. *Nauchnyi dialog*, 13 (2): 364—380. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-364-380. (In Russ.).
- Bodrova, E. V., Kalinov, V. V., Krasavskaya, V. N. (2023). State policy in the USSR oil and gas sector in the 1950s and 1970s: achievements and miscalculations. *Locus: people, society, cultures, meanings*, 14 (3): 57—72. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-57-72. (In Russ.).
- Bokarev, Yu. P. (2007). *The USSR and the formation of a post-industrial society in the West. The 1970s and 1980s*. Moscow: Nauka Publ. 380 p. ISBN 5-02-035261-6. (In Russ.).
- Borodkin, V. N., Krasavskaya, M. V., Nesterov, I. I. (2023). The leading role of the West Siberian Scientific Research Geological Exploration Petroleum Institute in the development of the oil and gas potential of the West Siberian oil and gas province and the development of the country's mineral resource base. *Geo resources*, 25 (1): 24—35. DOI: 10.18599/grs.2023.1.3. (In Russ.).
- Bratchenko, T. M., Senyavsky, A. S. (2007). Early industrial modernization of pre-revolutionary Russia. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 9 (2): 35—36. (In Russ.).
- Brekhuntsov, A. M., Bitukov, V. N. (2023). Development of Western Siberia — a national-scale project of the second half of the twentieth century. *Georesources*, 1: 3—12. DOI: 10.18599/grs.2023.1.1. (In Russ.).
- Bykovskaya, G. A. (2005). *Historical experience in the development and implementation of party-state scientific and technical policy in the Russian Federation (1917—1991)*. Doct. Diss. Moscow. 611 p. (In Russ.).
- Cooper, J. (1991). *The Soviet Defense Industry: Conversion and Reform*. London: The Soviet defence industry. 111 p. ISBN 0876091176.
- Igolkin, A. A. (2008). The oil factor in Russia's foreign economic relations over the past 100 years. *Economic Bulletin of Rostov State University*, 6 (1): P. 91. (In Russ.).

- Karpov, V. P. (2004). Oil and gas profile of industrialization of the Tyumen region. 1960—80s. *Taxes. Investment. Capital*, 5—6: 52—60. (In Russ.).
- Karpov, V. P., Gavrilova, N. Y. (2002). *Essays on the history of the Russian oil and gas industry*. Tyumen: Oil and Gas University. 171 p. ISBN 5-88465-400-6. (In Russ.).
- Khanin, G. I. (2008). *The economic history of Russia in modern times, 1*. Novosibirsk: NSTU. 515 p. ISBN 978-5-7782-0903-9. (In Russ.).
- Komgort, M. V., Karpov, V. P. (2016). “Let’s count glory”: Tomsk and Tyumen in the oil and gas Sibiriade of the 1950s and 1980s. *Bulletin of Tomsk State University*, 8: 72—77. DOI: 10.17223/15617793/408/10. (In Russ.).
- Kraïneva, I. A. (2023). Scientific and technical policy in the field of computing technology during the late Soviet modernization of the 1960s—1980s. *History of science and technology*, 5: 37—48. DOI: 10.25791/intstg.5.2023.1420. (In Russ.).
- Kuvalin, D. B. (2009). *Economic policy and behavior of enterprises: mechanisms of mutual influence*. Moscow: MAKS press. 319 p. ISBN 978-5-317-02938-8. (In Russ.).
- Lenchuk, E. B., Voitlovsky, F. G., Kuvalin, D. B. (2020). Strategic planning in public administration: experience, opportunities and prospects. *Problems of forecasting*, 6: 44—55. DOI: 10.47711/0868-6351-183-46-55. (In Russ.).
- Nekrasov, V. L. (2017). The Soviet Union Engages the World: Decision-Making in the Soviet Energy Sector under Khrushchev. *Cold War Energy. A Transnational History of Soviet Oil and Gas*. 165—199. DOI: 10.1007/978-3-319-49532-3_6.
- Prokhorov, S. P. (2023). The fundamental contribution of the Academy of Sciences to the development of computer science and computer technology. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 93 (10): 980—988. DOI: 10.31857/S0869587323100092. (In Russ.).
- Ranieri, R. (2016). Adjusting Europe’s Energy Policies in the “Golden” Oil Years. In: *L’Europe et la question energetique. Le annees 1960—1980*. Bruxelles: Presses universitaires de Provence. 338 p. ISBN 9782807600324.
- Slavkina, M. V. (2007). *Great victories and missed opportunities: the impact of the oil and gas complex on the socio-economic development of the USSR in 1945—1991*. Moscow: Oil and Gas. 383 p. ISBN 978-5-7246-0398-0. (In Russ.).
- The economic situation of capitalist and developing countries. Review for 1969 and early 1970: an appendix to the journal. (1970). *World Economy and International Relations*, 8: P. 10. (In Russ.).
- Vakhitov, G. G. (2005). Half a century of domestic oil production: from rise to fall. In: *Oil of the Soviet country. Problems of the history of the USSR oil industry (1917—1991)*. Moscow: Drevlekhranizhe. 522—526. ISBN 5-93646-085-1. (In Russ.).

*The article was submitted 28.07.2025 ;
approved after reviewing 02.12.2025 ;
accepted for publication 21.01.2026.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(1), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Бондарев В. А. Торговля и предпринимательство как формы адаптации крестьянства к условиям колхозной системы в 1930-х годах (на материалах Юга России) / В. А. Бондарев // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 1. — С. 428—446. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-428-446.

Bondarev, V. A. (2026). Trade and Entrepreneurship as Forms of Adaptation to Collectivization in Russian South during 1930s. *Nauchnyi dialog*, 15 (1): 428-446. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-428-446. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Торговля
и предпринимательство
как формы адаптации
крестьянства к условиям
колхозной системы
в 1930-х годах
(на материалах Юга
России)**

Бондарев Виталий Александрович
orcid.org/0000-0003-4558-3564
доктор исторических наук, доцент,
кафедра истории и культурологии
vitalijj-bondarev27@rambler.ru

Донской государственный
технический университет
(Ростов-на-Дон, Россия)

**Trade and Entrepreneurship
as Forms of Adaptation
to Collectivization
in Russian South
during 1930s**

Vitaly A. Bondarev
orcid.org/0000-0003-4558-3564
Doctor of History, Associate Professor,
Department of History
and Cultural Studies
vitalijj-bondarev27@rambler.ru

Don State
Technical University
(Rostov-on-Don, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются торгово-рыночные отношения как элемент сельской действительности 1930-х годов на материалах трех аграрных южно-российских регионов: Дона, Кубани и Ставрополя. Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью роли торговли и предпринимательства в адаптации сельского населения к новым социально-экономическим условиям, возникшим в результате сплошной коллективизации.

Сообщается, что большинство хозяйств колхозников и единоличников носили натуральный характер и реализовывали на рынке небольшую часть продукции, чтобы получить необходимые для уплаты налогов и покупки предметов быта деньги.

Отмечается, что торговля и предпринимательство способствовали росту хозяйственной самостоятельности колхозников и упрочению позиций единоличников, поэтому большевики не только ужесточали контроль над рынком, но и осуществили ряд масштабных мероприятий по ослаблению мелкотоварных деревенских хозяйств. Доказано, что такие меры, как плотный административный контроль, повышенное налогообложение, конфискация земельных излишков у крестьян, серьезно повлияли на дееспособность мелкотоварных личных подсобных хозяйств колхозников и привели к практически полному исчезновению некооперированного сектора деревни в конце 1930-х годов.

Ключевые слова:

единоличники; коллективизация; колхозная деревня; колхозы; крестьянство; личное подсобное хозяйство; предпринимательство; рынок; торговля.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates trade-market relations within rural life during the 1930s using archival materials from three agricultural regions in southern Russia: Don, Kuban, and Stavropol. The research highlights a significant gap in understanding how trade and entrepreneurship contributed to peasants' adaptation to new socio-economic conditions resulting from comprehensive collectivization policies. It is argued that most peasant households were predominantly self-sufficient, selling only minor portions of their produce on markets primarily for acquiring funds necessary for tax payments and purchasing basic consumer goods. Additionally, it demonstrates that these activities fostered greater economic autonomy among collective farmers and strengthened the position of individual smallholders, prompting Soviet authorities to intensify market control measures and implement large-scale initiatives aimed at weakening small commodity-producing village farms. Evidence shows that administrative controls, increased taxation, and confiscation of land surpluses significantly impaired the viability of small personal subsidiary plots owned by collective farmers, leading almost entirely to the disappearance of non-cooperative sectors in villages by the late 1930s.

Key words:

independent farmers; collectivization; collective farm village; kolkhozes; peasantry; private subsidiary farming; entrepreneurship; market; trade.

Торговля и предпринимательство как формы адаптации крестьянства к условиям колхозной системы в 1930-х годах (на материалах Юга России)

© Бондарев В. А., 2026

1. Введение = Introduction

Развернутая в Советском Союзе в конце 1920-х — начале 1930-х годов сплошная коллективизация сельского хозяйства представляла собой комплекс масштабных государственных мероприятий, социально-экономическое содержание которых было предельно жестко детерминировано коммунистической идеологией. Творцы коллективизации стремились не просто создать крупные сельхозпредприятия-колхозы, гораздо более эффективные в сравнении с огромной массой безнадежно устаревших и малопродуктивных крестьянских parcelлярных хозяйств, а перевести деревню на социалистический путь развития. Колхозы являлись средством, тогда как конечной целью сплошной коллективизации выступало построение социализма, а значит, ликвидация капитализма в аграрной сфере. Отсюда проистекали широко распространенные на рубеже 1920—1930-х годов попытки радикал-большевиков вновь, как в годы Гражданской войны, обобществить в колхозах все крестьянское имущество, запретить частную торговлю, установить между городом и деревней прямой продуктообмен.

Однако радикализм коллективизаторов в кратчайшие сроки спровоцировал кризисные явления в экономике и вызвал массовые протесты крестьянства. Все это заставило И. В. Сталина сделать ряд примирительных жестов, в числе которых было и разрешение сельхозпредприятиям и рядовым аграриям торговать произведенной ими продукцией. Тем самым, успокоив взбурдаженное население деревни, большевики вынужденно согласились с сохранением на селе торгово-рыночных отношений, которые в 1930-х годов и вплоть до исчезновения СССР приобрели облик колхозной торговли.

Проблематика колхозной торговли отнюдь не нова в историографии. В советской литературе сформировавшиеся в период коллективизации торгово-рыночные отношения трактовались как неотъемлемый компонент советской торговли, избавленной от перекупщиков и спекулянтов и

являвшейся органической частью социалистического устройства. Подчеркивалась важная роль колхозного рынка в снабжении горожан продуктами питания по доступным ценам, в развитии сельхозпроизводства в колхозах, в повышении материального уровня колхозников [Рубинштейн, 1964; Дихтяр, 1965; Белянов, 1970; Глотов, 1979; Тленкопачев, 1982; История ..., 1986]. Подобные вопросы освещаются и в постсоветской литературе [Тепцов, 1990; Кулев, 1993; Безгин и др., 2005; Твердюкова, 2007; Осокина, 2008; Бабашкин и др., 2015; Чупрынников, 2020; Осьмачко, 2021]. Наряду с этим, восполняя пробелы и умолчания советской историографии, современные исследователи уделяют пристальное внимание торговле и предпринимательству как формам экономической активности жителей колхозной деревни, позволявшим им приспособливаться к новым условиям жизни и хозяйствования [Фицпатрик, 2001; Пянкевич, 2008; Мариненко, 2012; Веронская и др., 2024]. Данный аспект проблемы рассматривал и автор настоящей публикации [Бондарев, 2006].

Однако все же в рамках означенной проблематики еще сохраняются недостаточно изученные аспекты, среди которых следует отметить такие, как многообразие предпринимательских стратегий колхозников и единоличников, степень их распространения в деревне, их эффективность как способов адаптации сельского населения к сложным и непривычным условиям колхозной системы, соответствие деловой активности аграриев советскому законодательству, «черный» и «серый» рынки на селе и в городе и т. д. Заполнение отмеченных лакун позволит детализировать представления не только о жизнедеятельности населения колхозной деревни 1930-х годов, но и о социально-экономическом устройстве СССР. Изучение торговли и предпринимательства позволяет говорить о том, что таковые, вопреки распространенным заблуждениям, играли важную роль на протяжении советских десятилетий как в деревне, так и в городе, успешно адаптируясь к плановой экономике и компенсируя её недостатки. В свою очередь, понимание значения торгово-рыночных отношений в СССР дает возможность точнее определить как причины крушения советского цивилизационного проекта, так и истоки фермерского движения, торговли, рынка, предпринимательской деятельности в постсоветской России, которые, на первый взгляд, возникли мгновенно и буквально ниоткуда.

2. Материалы, методы, обзор = Materials, Methods, Review

Эмпирической базой представленной публикации выступают материалы Дона, Кубани и Ставрополя, которые в настоящее время административно оформлены в Российской Федерации как Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края. В 1930-х годах административная

принадлежность перечисленных регионов неоднократно менялась. С середины 1920-х годов они находились в составе Северо-Кавказского края, с января 1934 года — Северо-Кавказского (Ставрополье) и Азово-Черноморского (Дон и Кубань) краев, а с 1937 года приобрели современные границы. Вне зависимости от административных преобразований отмеченные южно-российские регионы во многом схожи, поскольку являются аграрными, с развитым сельским хозяйством и заметным удельным весом сельских жителей в составе населения. Наряду с другими житницами СССР, Дон, Кубань и Ставрополье подверглись коллективизации в первую очередь. Поэтому региональные материалы вполне репрезентативны при изучении устройства колхозной деревни и, в частности, формировавшихся в 1930-х годах торгово-рыночных отношений.

Основными компонентами источниковой базы нашего исследования выступают архивные документы и материалы, публикации в прессе, свидетельства и воспоминания современников. Нами были проанализированы документы из фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО), Государственных архивов Ростовской области (ГАРО) и Ставропольского края (ГАСК). Методологический инструментарий представлен историко-генетическим и проблемно-хронологическим методами, путем применения которых удалось проследить процесс формирования товарно-рыночных отношений в коллективизированной деревне, выявить их особенности, установить трансформации торгово-предпринимательской деятельности колхозников и единоличников под влиянием социально-экономических условий и аграрной политики советского государства.

3. Результаты и обсуждения = Results and Discussion

Юридическим базисом колхозной торговли выступил ряд правительственных постановлений 1932 года. ЦК ВКП(б) и СНК СССР 6 мая приняли постановление «О плане хлебозаготовок из урожая 1932 года и о разветвлении колхозной торговли хлебом», а 10 мая — постановление «О плане скотозаготовок и о мясной торговле колхозов, колхозников и единоличных трудящихся крестьян» [Коллективизация ..., 1957, с. 411—412, 416—417]. 20 мая было издано постановление ЦИК и СНК СССР «О порядке производства торговли колхозов, колхозников и трудящихся единоличных крестьян и уменьшении налога на торговлю сельскохозяйственными продуктами» [Решения ..., 1967, с. 388—389]. Данными нормативно-правовыми актами законодатель разрешал колхозам, колхозникам и некооперированным крестьянам (единоличникам) свободно продавать на рынке часть про-

изведенной ими продукции, но при ценовом контроле со стороны властей и только после выполнения обязательных государственных заготовок.

Для правительства разрешение колхозной торговли являлось очередным способом преодоления кризисных явлений в деревне, примирения с крестьянством, улучшения продовольственного снабжения горожан, которые теперь могли покупать продукты питания на рынках по сравнительно доступным ценам. Что касается аграриев, то многие из них стремились использовать колхозный рынок в своих интересах и, применяя как разрешенные законом, так и полу- или противозаконные методы торговли и предпринимательства, пытались приспособиться к стремительно изменявшейся под воздействием коллективизации сельской действительности.

3.1. Направления, методы и масштабы торгово-предпринимательской деятельности колхозников и единоличников в 1930-х годах

В 1930-х годах сельское население не являлось единым ни в социальном плане, ни по степени вовлеченности в торгово-рыночные отношения. Несмотря на размах коллективизации, в первой половине 1930-х годов колхозники еще не стали безраздельно доминирующим социальным типом на селе. К 1934 году в деревне оставалось не менее 9 млн хозяйств единоличников — 40 % к общей массе крестьянских дворов [Зеленин, 1993, с. 35], в том числе среди крестьянских хозяйств Северо-Кавказского края единоличный сектор занимал в 1933 году около 35,3 % [РГАЭ, ф. 1562, оп. 82, д. 272, л. 86]. В 1934 году в реорганизованном Северо-Кавказском крае единоличники составляли 44,4 % [РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 117, л. 18], в Азово-Черноморском крае — до 20 % [Трагедия, 2002, с. 139]. Разница в социальном положении колхозников и единоличников оказывала определенное влияние на их коммерческое целеполагание, предпринимательскую активность, количество реализуемой на рынке продукции.

Для основной массы колхозников и единоличников Юга России, как и всей страны, торговля на рынке являлась вынужденной мерой. Колхозников заставляла продавать свою продукцию нужда в наличных деньгах, возникавшая вследствие особенностей оплаты труда в колхозах. Во-первых, колхозники получали зарплату раз в год, после сбора урожая: в конце года, в зависимости от количества выработанных трудодней, им выдавалась часть выращенной колхозом сельхозпродукции (в первую очередь хлеба) и выплачивались деньги. Во-вторых, на всем протяжении 1930-х годов размеры денежной оплаты трудодней были невелики. По статистике, в колхозах Дона и Кубани на один трудодень в 1931—1934 годах выдавалось в среднем 0,40 — 0,43 руб., в 1935 году — 0,93 руб. и только в 1936 году — 1,80 руб. [Шеболдаев, 1936, с. 4; Коллективизация ..., 1972, с. 615]. Поскольку среднестатистический колхозник вырабатывал в году 200—

300 трудодней, на руки он мог получить от 80 до 540 руб. Столь скромных сумм не хватало ни на уплату налогов, ни на покупку необходимых в быту промышленных товаров: одежды, обуви, домашней утвари и пр.

Для получения дополнительных денежных доходов колхозникам требовался выход на рынок. Характерны воспоминания одной из донских крестьянок о такой вынужденной коммерции: «Как деньги нам трудно доставались!.. Тыквенных семечек наберу и продаю стаканом. Стакан был в доме единственный, а дети разбили его... Так бумажкой его подвязала и ходила так на базар, семечки продавала... Надо ж копеек!» [Голоса, 1996, с. 281].

Колхозники могли реализовать на рынке часть сельхозпродукции, полученной на трудодни, если поступления от колхоза были существенны. Поскольку же в большинстве случаев оплата трудодней была невысокой, колхозники обычно торговали теми продуктами, которые производили в своих личных подсобных хозяйствах (ЛПХ). Хотя установленные законом размеры ЛПХ были невелики (южно-российские колхозники могли пользоваться приусадебным участком 0,25 — 0,5 га и держать одну корову, одну — две свиноматки с приплодом, до 10 овец и коз, неограниченное количество птицы [История ..., 1959, с. 427, 428]), именно эти хозяйства давали жителям села основную часть как натуральных продуктов, так и денег [Зеленин, 1994, с. 118].

Обрисованные выше хозяйства колхозников, которые продавали на рынке сравнительно небольшую часть своей продукции, могут быть охарактеризованы как натуральные. Для них торговля на рынке сельхозпродукцией являлась необходимым подспорьем, чтобы получить наличные деньги и свести концы с концами.

Таковы же были и многие хозяйства единоличников, которые тоже сталкивались с проблемой дефицита наличности. Часть единоличников пополняла свои финансы путем найма на сезонную или постоянную работу в колхозы и совхозы, предприятия и учреждения, что нередко было сопряжено с практически полным отказом от ведения собственного хозяйства. Но для тех единоличников, которые занимались сельским хозяйством и не имели сторонних источников дохода, продажа выращенной ими продукции являлась едва ли не единственным способом получить наличные деньги, необходимые для уплаты налогов и покупки предметов быта.

Наряду с натуральными хозяйствами в коллективизированной деревне 1930-х годов действовали ЛПХ и единоличники, которые делали ставку на производство товарной продукции и активное участие в торгово-рыночных отношениях. Эти хозяйства правомерно трактовать как мелкотоварные. Ориентируясь на рынок, такие колхозники стремились компенсировать рыночными доходами низкую оплату трудодней либо и вовсе обеспе-

чить свою хозяйственную независимость от колхоза. Для единоличников же, не желавших отказаться от ведения собственного хозяйства, активная торговля и предпринимательство являлись занятиями более важными, чем для колхозников. Если у колхозников имелись два основных источника дохода (ЛПХ и колхоз), то единоличники могли рассчитывать лишь на собственное хозяйство, которое к тому же не имело возможностей развиваться вследствие государственных ограничений и находилось под постоянным налогово-административным давлением. С учетом мизерных размеров своих хозяйств (которые невозможно было увеличить законным способом) единоличникам приходилось следить за рыночной конъюнктурой, подстраивать под нее свое производство и, зачастую, выращивать монокультуры, наиболее востребованные покупателями. По этой причине, удельный вес мелкотоварных хозяйств в некооперированном (единоличном) секторе деревни был выше, чем у колхозников; по крайней мере, источники позволяют сделать такое осторожное предположение.

В большинстве своем мелкотоварные хозяйства концентрировались в сельских населенных пунктах, расположенных поблизости от стабильных рынков сбыта: городов, промышленных центров, курортов и т. п. Так, многие жители станицы Георгиевской (Ставрополье) имели крупные огороды, потому что продавали продукцию в расположенный поблизости город Георгиевск и курорты Кавказских Минеральных Вод [РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 118, л. 18]. Порой мелкотоварные хозяйства представляли собой внушительную группу в общей массе дворов колхозников и особенно единоличников. В частности, в 1934 году в Северо-Кавказском крае единоличники, занимавшиеся товарным садоводством и огородничеством, составляли 15—20 % от всех единоличных хозяйств края [РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 118, л. 83].

Опираясь на содержание источников, можно утверждать, что наиболее эффективная стратегия мелкотоварных хозяйств заключалась в возделывании садовых, огородных и бахчевых культур, которые всегда пользовались спросом у горожан и курортников. Особенно прибыльным занятием было выращивание и продажа свежей зелени, ягод и фруктов. По подсчетам финансовых органов, в Северо-Кавказском крае в 1934 году один гектар пашни приносил единоличникам всего лишь 400 руб. дохода, тогда как 0,25 га бахчи давали 650 руб., 0,30 га огородных культур — 700—800 руб., а 0,18 га винограда — и вовсе 5 760 руб. [РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 117, л. 25] По данным на 1939 год, в Славянском районе Краснодарского края прибыль колхозников, торговавших выращенными в своих садах вишнями, доходила до 10 тыс. руб. [Краснодарский край ..., 1997, с. 853].

В погоне за прибылью колхозники и единоличники расширяли площади наиболее выгодных в коммерческом плане сельхозкультур. Так,

в 1934 году в станице Белореченской Азово-Черноморского края единоличники сокращали посевы зерновых культур, но отвели под бахчи 90 га (вместо 20 га, запланированных органами власти), а под овощи — 45 га вместо 32 га по плану [Степанов, 1934]. В 1939 году в Орджоникидзевском крае 72,8 % совокупных площадей местных ЛПХ занимали картофель, овощи и бахчевые культуры, а в 1940 году их удельный вес достиг 75 % [ГАСК, ф. 1886, оп. 2, д. 86, л. 2].

Препятствием для увеличения товарной продукции в ориентированных на рынок хозяйствах колхозников и единоличников выступали небольшие размеры их земельных участков. Пытаясь обойти это препятствие, земледельцы применяли две основные стратегии. Первая, не нарушавшая закон, заключалась в максимально рациональном использовании земли. Владельцы ЛПХ, ограниченные 0,5 га, сажали на участке несколько фруктовых деревьев, а на остальной площади сеяли зерновые или выращивали огородные, бахчевые и другие культуры [Краснодарский край ..., 1997, с. 825]. Во втором случае колхозники и единоличники расширяли площадь земельного участка, захватывая колхозные земли. Такие противозаконные захваты носили массовый характер. Показательны итоги обмера земельных участков колхозников, проведенные в Ростовской области в 1939 году: в ходе обмеров было установлено, что колхозники захватили у коллективных хозяйств более 54 тыс. га [ЦДНИ РО, ф. 9, оп. 1, д. 202, л. 132].

Теми или иными способами, но владельцы мелкотоварных хозяйств обзаводились крупными земельными участками. Так, в 1934 году некоторые единоличники Петровского района Северо-Кавказского края владели участками более 5—6 га [РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 118, л. 89]. К началу 1939 года в 50 районах Краснодарского края колхозники пользовались участками 0,7—1 га, иногда 1,22—1,25 га, а то и 2 га [Краснодарский край ..., 1997, с. 823, 824].

Наряду с торговлей жители коллективизированной деревни занимались предпринимательской деятельностью. Не всегда сельское предпринимательство 1930-х годов было связано с аграрным производством. Наиболее распространенными его видами в селах и станицах Юга России были перепродажа сельхозпродуктов и промтоваров, частный извоз, сдача жилья в аренду, и т. п.

На наш взгляд, нечто среднее между обычной торговлей и предпринимательством на Дону, Кубани и Ставрополье представляла собой продажа просяных веников, нередко упоминаемая в источниках. Колхозники и единоличники выращивали на своих участках просо и сорго, но продавали не столько пшено, сколько веники, изготовленные из стеблей этих растений. Такие веники пользовались большим спросом у населения. По имеющимся

данным, «гектар веников» приносил торговцам до 2 тыс. руб.: при среднем урожае, с одного гектара можно было получить сырье для изготовления примерно 700 веников, продававшихся по цене 3 руб. за штуку [РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 117, л. 23].

Распространенным видом предпринимательства являлась аренда тягловой силы, а именно лошадей. Занимались этим, как правило, единоличники, потому что колхозникам в законодательном порядке запрещалось держать лошадей в ЛПХ (по мнению Ш. Фицпатрик, наличие лошади в хозяйстве вообще было «главной отличительной чертой положения единоличника... от колхозника» [Фицпатрик, 2001, с. 173]). К тому же множество единоличников тоже не имели тягла, поскольку содержать его было довольно дорого, поэтому владельцы лошадей не знали отбоя от клиентов.

В частности, к ним обращались, когда надо было вспахать приусадебный участок или скосить колосовые. Подобные услуги стоили недешево. Современники свидетельствовали, что в середине 1930-х годов плата за вспашку одного гектара огорода на Юге России составляла от 100 до 150 руб. [РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 118, л. 96; ЦДНИРО, ф. 166, оп. 1, д. 112, л. 147], а за уборку урожая хозяева лошадей требовали себе часть собранной продукции — от 25 % до 50 %, а то и больше [РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 118, л. 96; Радин, 1933].

Весьма доходным промыслом являлся частный извоз, которым, по вышеотмеченным причинам, занимались единоличники. Их клиентами были не только сельские жители, но даже предприятия и учреждения, в связи с чем владельцы лошадей нередко совершали длительные поездки и преодолевали, по выражению известного литературного персонажа, «дистанции огромного размера». Так, единоличники Вознесенского сельсовета Виноделенского района Северо-Кавказского края в 1934 году зарабатывали перевозкой грузов с железнодорожной станции Дивное в Калмыкию [РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 118, л. 10]: ближайший крупный населенный пункт Калмыкии — село Приютное — располагался от Дивного более чем в 25 км. В источниках встречаются сообщения, что единоличники из Северо-Кавказского края возили грузы в Закавказье (Тифлис, Баку) и даже в Москву [РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 117, л. 23], то есть более чем за 1 тыс. км. Для ряда единоличников занятие извозом становилось настолько прибыльным, что они полностью сосредотачивались на нем и отказывались от сельхозпроизводства.

Сдача жилья внаем представляла собой распространенный способ заработка, особенно в прикурортных селениях. Иной раз предприимчивые единоличники и колхозники содержали своего рода постоянные дворы, что приносило им хорошие доходы и позволяло не усердствовать на работах в колхозе. Правда, чрезмерная активность в таком гостиничном бизнесе,

шедшая рука об руку с игнорированием работы в колхозе, могла повлечь за собой исключение из коллективного хозяйства. Именно такое наказание было применено в 1933 году в отношении колхозницы Крыловой из Азово-Черноморского края, которая жила на «нетрудовые доходы» от сдачи квартиры и содержания постоянного двора [ГАРО, ф. р-1390, оп. 7, д. 448, л. 6].

Следует, конечно, отметить и перепродажу продуктов питания и промтоваров, что именовалось в Уголовном кодексе СССР спекуляцией. Этим занимались как колхозники, так и единоличники, хотя, по всей видимости, последние были более склонны к указанному занятию в силу особенностей своего социального положения. Выбор предметов спекуляции и цена на них определялись спросом со стороны населения. Так, в голодном 1933 году перекупщики торговали зерном и мукой: по сообщениям из кубанской станицы Ново-Титаровской, здесь цена за блюдец муки составляла 2—3 рубля [ЦДНИРО, ф. 166, оп. 1, д. 23, л. 4]. Обычным явлением была спекуляция промышленными товарами. Перекупщики приобретали их в лавках потребкооперации тех районов, куда данные товары поставлялись в большем количестве, и везли в сельскую глубинку, ощущавшую дефицит предметов быта. В 1938 году Ростовский обком ВКП(б) констатировал подобную противозаконную деятельность со стороны предприимчивых колхозников ряда донских районов, хорошо обеспеченных промтоварами (тканями, велосипедами и пр.), и требовал от правоохранительных органов усилить борьбу со спекуляцией [ЦДНИРО, ф. 9, оп. 1, д. 64, л. 153—154].

3.2. Торгово-рыночные отношения колхозной деревни в контексте аграрной политики советского государства 1930-х годов

Как уже отмечалось, разрешая в начале 1930-х годов частную торговлю в деревне, партийно-советское руководство стремилось снизить антиколхозные настроения крестьянства и улучшить продовольственное обеспечение горожан. Тот факт, что торгово-рыночные отношения укрепляют хозяйственную самостоятельность единоличников и колхозников и их независимость от колхозов, не устраивал большевиков. В итоге, разрешив колхозный рынок, правительство СССР стремилось держать его под полным контролем и решительно препятствовало укреплению индивидуальных крестьянских хозяйств с помощью торговли и предпринимательства. В советском лексиконе это именовалось «борьбой с мелкобуржуазной стихией» и «частнособственническими пережитками».

В рамках означенной задачи мало было просто контролировать процесс ценообразования на сельском рынке и бороться с перекупщиками. Следовало проводить комплексные мероприятия, нацеленные на недопущение развития единоличных хозяйств и ЛПХ колхозников, на их превращение в мелкотоварные хозяйства, которые упрочивали свои позиции пу-

тем активного участия в рыночных отношениях и, тем самым, становились опасными конкурентами хозяйств коллективных, угрозой для колхозной системы. К услугам правительства был широкий набор административных и финансовых инструментов, которые применялись против единоличников и стремившихся к самостоятельности колхозников с начала 1930-х годов. Наиболее же активным и масштабным административно-финансовое давление на индивидуальные хозяйства стало с середины 1930-х годов.

В июле 1934 года в Москве состоялось совещание руководства компартии, участники которого с обоснованной тревогой говорили, что единоличник, используя торговлю и предпринимательство, не только сравнительно успешно приспособился к колхозной системе, но подает колхозникам нежелательный пример самостоятельного хозяйствования и даже сманивает некоторых из них на выход из коллективных хозяйств. Терпеть подобное лидеры ВКП(б) не намеревались и постановили предельно ужесточить административный контроль за некооперированным сектором деревни и максимально усилить налоговое давление на единоличников. С 1934 года единоличники должны были выполнять обязательные государственные поставки зерна на 50 % больше, чем колхозы (до этого на 10—15 % больше). Причем если до 1934 года единоличники не сдавали зерно со сверхплановых посевов, то теперь и таковые облагались налогом в половинном размере. Единовременный налог 1934 года для единоличников был увеличен вдвое: до 331 млн руб. против 166—170 млн руб. в 1932—1933 годах [Фицпатрик, 2001, с. 176].

Чтобы лишить единоличников доходов от извоза, правительство повысило налоги на лошадей и обязало правления колхозов предоставлять колхозникам в пользование лошадей и транспорт за определенную плату. Впрочем, колхозы часто игнорировали эту обязанность, а единоличники настолько дорожили лошадьми как одним из наиболее ценных активов, что всячески старались сохранить и приумножить их поголовье даже при условии повышенного налогообложения. Например, в Ростовской области численность единоличников снизилась с 5136 хозяйств в 1936 году до 4132 хозяйств к январю 1938 года. Но за то же время был зафиксирован «рост поголовья скота всех видов у единоличников», в том числе поголовье лошадей выросло на 41,6 % [ЦДНИРО, ф. 9, оп. 1, д. 46, л. 46]. В связи с этим правительство предприняло более решительные меры, издав в 1938 году закон «О государственном налоге на лошадей единоличных хозяйств». Согласно закону единоличники в РСФСР должны были платить за единственную лошадь в хозяйстве 400—500 руб. и по 700—800 руб. «за каждую следующую лошадь сверх одной головы» [Сборник ..., 1945, с. 154].

Последним мощным ударом по единоличникам со стороны советского государства стало принятое ЦК ВКП(б) и СНК СССР в мае 1939 года зна-

менитое постановление «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания», согласно которому земельные участки единоличников сокращались до 0,2—1,2 га. Самое же главное заключалось в том, что постановление предусматривало обмер земель единоличников и изъятие у них лишних площадей [Важнейшие решения ..., 1948, с. 285], что и было выполнено органами власти на местах. В частности, в Краснодарском крае у единоличников конфисковали 818 га излишков [Краснодарский край ..., 1997, с. 832], в Ростовской области — 1106 га [ЦДНИ РО, ф. 9, оп. 1, д. 202, л. 132].

Ожидаемым результатом вышеперечисленных государственных мероприятий стало неуклонное сокращение некооперированного сектора южно-российской деревни. Если в первой половине 1934 года на Дону, Кубани и Ставрополье насчитывалось 380,7 тыс. хозяйств единоличников, то к 1936 году — 76,4 тыс., а в 1940 году — не более 8 тыс. [Бондарев, 2006, с. 385, 392] Многие единоличники вступили в колхозы, другие вовсе порвали с деревней и переселились в города, рабочие поселки и т. д.

Одновременно был усилен контроль за ЛПХ. С середины 1930-х годов местные партийно-советские органы проводили проверки землепользования колхозников, изымая излишки приусадебных участков. Наиболее же масштабные обмеры ЛПХ с конфискацией излишков прошли в рамках реализации вышеупомянутого майского (1939 год) постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания». Только в Краснодарском крае у колхозников было изъято и возвращено колхозам 47,3 тыс. га [Краснодарский край ..., 1997, с. 837]. Кроме того, в постановлении впервые вводился обязательный к выработке минимум трудодней, невыполнение которого могло повлечь за собой исключение из колхоза с автоматической потерей права пользования земельным участком. Реализация постановления способствовала повышению трудовой дисциплины в колхозах и серьезно подорвала хозяйственные возможности мелкотоварных ЛПХ, ориентировавшихся на рынок.

Вместе с тем даже означенные жесткие государственные меры не привели к полному исчезновению мелкотоварных крестьянских хозяйств в коллективизированной деревне. В частности, отдельные садово-огородные хозяйства единоличников сумели приноровиться к непрерывному государственному давлению и продолжали существовать. По статистике, к весне 1941 года в Ростовской области уцелели 898 единоличных хозяйств [ГАРО, ф. р-4034, оп. 8, д. 4, л. 75], причем большинство из них группировались в тех районах и сельских населенных пунктах, которые находились вблизи городов как стабильных рынков сбыта. Так, в Новочеркасском сельском районе осталось 30 хозяйств единоличников, в Азовском районе — 57, в Багаевском районе — 67 [ГАРО, ф. р-4034, оп. 8, д. 3, л. 1, 3, 7]. По-

следний из указанных районов отличался наиболее высокой численностью единоличников, потому что районный центр — станция Багаевская — находился недалеко от Ростова-на-Дону и славился своими овощами, прежде всего огурцами. Налаженный огуречный промысел позволял наиболее предприимчивым местным единоличникам выживать под административно-налоговым прессом. То же самое можно сказать и о целом ряде ЛПХ колхозников, продолжавших получать существенные доходы от продажи на рынке товарной сельхозпродукции.

4. Заключение = Conclusions

Констатируем, что торгово-рыночные отношения, сформировавшиеся в советской колхозной деревне 1930-х годов как результат компромисса между большевиками и крестьянством, с самого начала стали жизненно важными для массы сельских жителей Советского Союза, и в частности южно-российских регионов. Возможность свободно продавать сельхозпродукцию на рынке позволяла и колхозникам, и единоличникам сравнительно успешно приспособиться к условиям колхозной системы и минимизировать, насколько это было возможно, ее негативное воздействие на их жизнедеятельность и материальное положение их семей. Колхозники использовали торгово-рыночные отношения, чтобы компенсировать низкую оплату труда (особенно в денежном выражении), получить новый источник доходов и тем самым добиться некоторой хозяйственной самостоятельности и независимости от колхозов. Единоличники рассматривали рынок как важное условие своей хозяйственной деятельности, поскольку могли продавать там произведенные в собственном хозяйстве продукты по устраивающей их цене. Значительное количество колхозников и единоличников стремились подстроить свои хозяйства под запросы рынка и выращивать товарную продукцию, приносящую крупные и стабильные доходы. Наиболее предприимчивые жители деревни специализировались на коммерции, занимаясь частным извозом, сдачей жилья внаем, спекулируя на рынке и т. д.

Представители большевистской политической элиты понимали пользу товарно-рыночных отношений в деревне и были готовы мириться с их сохранением (временным, как надеялись идеологи коммунизма), но лишь до тех пор, пока таковые не угрожали колхозной системе. Поскольку же торговля и предпринимательство способствовали росту хозяйственной самостоятельности колхозников и упрочению позиций единоличников, большевики не только неустанно крепили контроль над рынком, но и осуществили ряд масштабных мероприятий по ослаблению мелкотоварных деревенских хозяйств. Все эти меры — плотный административный контроль, повышенное налогообложение, конфискация земельных излишков

у крестьян — серьезно повлияли на дееспособность мелкотоварных ЛПХ колхозников и привели к практически полному исчезновению некооперированного сектора деревни в конце 1930-х годов. Однако никакие запретительные мероприятия не были способны полностью ликвидировать торгово-предпринимательскую деятельность сельских жителей, которая стимулировалась сущностными чертами плановой экономики с её перманентным дефицитом предметов ширпотреба, их низким качеством, неравенством в снабжении города и деревни промышленными товарами. Как в 1930-х годах, так и на всем протяжении советской эпохи торговля и предпринимательство оставались важными занятиями экономически активной части сельского населения СССР, и в том числе Дона, Кубани и Ставрополя.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Важнейшие* решения по сельскому хозяйству за 1938—1946 гг. — Москва : Изд-во сельскохозяйственной литературы, 1948. — 640 с.
2. ГАРО — *Государственный* архив Ростовской области, Ф. Р-1390. «Северо-Кавказское краевое земельное управление», Оп. 7, 1933—1941 гг. Д. 448 ; Ф. Р-4034. «Статистическое управление Ростовской области», Оп. 8, 1937—1945 гг., Д. 3, 4.
3. ГАСК — *Государственный* архив Ставропольского края, Ф. 1886. «Статистическое управление Орджоникидзевского края», Оп. 2, 1937—1941 гг., Д. 86.
4. *Голоса* крестьян : Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах / Сост. и обработчик Е. М. Ковалев. — Москва : Аспект Пресс, 1996. — 413 с. — ISBN 5-7567-0054-4.
5. *История* колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917—1958 гг. В 2-х т. — Москва : Госюриздат, 1959. — Т. 1. — 518 с.
6. *Коллективизация* сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства 1927—1935. — Москва : Изд-во АН СССР, 1957. — 575 с.
7. *Коллективизация* сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927—1937 гг.) / Под. ред. П. В. Семернина и Е. Н. Осколкова. — Краснодар : Кн. изд-во, 1972. — 823 с.
8. *Краснодарский* край в 1937—1941 гг. Документы и материалы / Пред. ред. коллегии А. А. Алексеева. — Краснодар : Эдви, 1997. — 1120 с. — ISBN 5-7992-0002-0.
9. *Радин Ал.* Саботаж в Полтавской / Ал. Радин // Социалистическое земледелие. — 1933. — 9 января.
10. РГАСПИ — *Российский* государственный архив социально-политической истории, Ф. 17. «Пленумы ЦК ВКП(б)», Оп. 120. 1930—1941 гг., Д. 117, 118.
11. РГАЭ — *Российский* государственный архив экономики. Ф. 1562. «Центральное статистическое управление (ЦСУ) СССР», Оп. 82. 1930—1941 гг., Д. 272.
12. *Решения* партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов за 50 лет. В 5 т. — Москва : Политиздат, 1967. — Т. 2. — 800 с.

13. *Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР*. 1938—1944 гг. — Москва : Изд-во «Ведомостей Верховного Совета СССР», 1945. — 359 с.
14. *Степанов И.* Плоды забвения работы с единоличниками / И. Степанов // *Молот*. — 1934. — 12 сентября.
15. *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание : Документы и материалы в 5-ти томах*. 1927—1939 / Отв. ред. Ю. Мошков. — Москва : РОССПЭН, 2002. — Т. 4. — 1055 с. — ISBN 5-8243-0040-2.
16. ЦДНИРО — *Центр* документации новейшей истории Ростовской области, Ф. 9. «Ростовский областной комитет коммунистической партии», Оп. 1, 1937—1941 гг., Д. 46, 64, 202.
17. *Шеболдаев Б. П.* Край неисчерпаемых возможностей / Б. П. Шеболдаев // *Колхозница*. — 1936. — № 10. — С. 3—8.

Литература

1. *Бабашкин В. В.* Особенности аграрного реформирования 1930 — 1950-х годов / В. В. Бабашкин, С. И. Толстов // *Историческая психология и социология истории*. — 2016. — Т. 9. — № 2. — С. 216—234.
2. *Безгин М. А.* Аграрный строй в России в 1930—1980-е гг. / М. А. Безгин, Т. М. Димони // *Экономическая история*. Ежегодник. — 2005. — Т. 2005. — С. 448—481.
3. *Белянов В. А.* Личное подсобное хозяйство при социализме / В. А. Белянов. — Москва : Экономика, 1970. — 184 с.
4. *Бондарев В. А.* Крестьянство и коллективизация : многоукладность социально-экономических отношений деревни в районах Дона, Кубани и Ставрополя в конце 20-х — 30-х годах XX века / В. А. Бондарев. — Ростов-на-Дону : Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. — 520 с. — ISBN 5-87872-141-4.
5. *Веронская М. В.* Крестьянское хозяйство как путь к предпринимательству в России : история и современность / М. В. Веронская, Е. Г. Гужва // *Экономика и предпринимательство*. — 2024. — № 2 (163). — С. 129—134.
6. *Глотов И. Ф.* Общественное сельскохозяйственное производство и личное подсобное хозяйство / И. Ф. Глотов. — Москва : Колос, 1979. — 271 с.
7. *Дихтяр Г. А.* Советская торговля в период социализма и развернутого строительства коммунизма / Г. А. Дихтяр. — Москва : Наука, 1965. — 401 с.
8. *Зеленин И. Е.* Был ли «колхозный неонэп»? / И. Е. Зеленин // *Отечественная история*. — 1994. — № 2. — С. 105—121.
9. *Зеленин И. Е.* Коллективизация и единоличник (1933-й — первая половина 1935 г.) / И. Е. Зеленин // *Отечественная история*. — 1993. — № 3. — С. 35—55.
10. *История советского крестьянства. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927—1937* / Отв. ред. И. Е. Зеленин. — Москва : Наука, 1986. — Т. 2. — 448 с.
11. *Кулев В. М.* Культура труда и быта российской деревни / В. М. Кулев. — Самара : СамВек, 1993. — 132 с.
12. *Мариненко Л. Е.* Торговля и система снабжения в восточносибирской деревне в 1930-е гг. / Л. Е. Мариненко. — Красноярск : Изд-во СибФУ, 2012. — 158 с. — ISBN 978-5-98153-178-1.
13. *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия» : Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927—1941 / Е. А. Осокина. — Москва : РОССПЭН, 2008. — 351 с. — ISBN 978-5-8243-1083-2.

14. Осьмачко С. Г. Сталинская аграрная политика в 1930-е годы : проблема личного подсобного хозяйства / С. Г. Осьмачко // Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны. — 2021. — № 1 (12). — С. 164—169.

15. Пянкевич В. Л. Крестьянское аграрное предпринимательство в России. 1930—1950-е гг. / В. Л. Пянкевич // Политика. Общество. Человек : к 85-летию доктора исторических наук, профессора А. З. Ваксера. — Санкт-Петербург : Европейский Дом, 2008. — С. 194—205. — ISBN 978-5-8015-0222-9.

16. Рубинштейн Г. Л. Развитие внутренней торговли в СССР / Г. Л. Рубинштейн. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1964. — 396 с.

17. Твердюкова Е. Д. Колхозная торговля Ленинграда 1930-х годов / Е. Д. Твердюкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. — Сер. 2 : История. — 2007. — № 4. — С. 126—133.

18. Тепцов Н. В. Аграрная политика : На крутых поворотах 20—30-х годов / Н. В. Тепцов. — Москва : Наука, 1990. — 205 с. — ISBN 5-07-001347-5.

19. Тленкопачев М. Б. Личное подсобное хозяйство: состояние и перспективы / М. Б. Тленкопачев. — Нальчик : Эльбрус, 1982. — 141 с.

20. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. — Москва : РОССПЭН, 2001. — 422 с. — ISBN 5-8243-0238-3.

21. Чупрынников С. А. Организация советской колхозной торговли в 1930-х гг. (на материалах Кубани) / С. А. Чупрынников // Манускрипт. — 2020. — Т. 13. — Выпуск 12. — С. 92—96.

Статья поступила в редакцию 21.07.2025,
одобрена после рецензирования 27.11.2025,
подготовлена к публикации 21.01.2026.

Material resources

Alekseev, A. A. (ed.). (1997). *Krasnodar Territory in 1937—1941. Documents and materials*. Krasnodar: Edvi. 1120 p. ISBN 5-7992-0002-0. (In Russ.).

CDNIRO — *Central Research Institute for Documentation of the Modern History of the Rostov region*, F. 9. “Rostov Regional Committee of the Communist Party”, Op. 1, 1937—1941, 46, 64, 202. (In Russ.).

Collection of laws of the USSR and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 1938—1944. (1945). Moscow: Publishing house “Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR”. 359 p. (In Russ.).

Collectivization of agriculture. The most important resolutions of the Communist Party and the Soviet government 1927—1935. (1957). Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 575 p. (In Russ.).

Decisions of the Party and the government on economic issues. Collection of documents for 50 years. In 5 volumes, 2. (1967). Moscow: Politizdat. 800 p. (In Russ.).

GARO — *The State Archive of the Rostov region*, F. R-1390. “North Caucasian Regional Land Administration”, Op. 7, 1933—1941, 448; F. R-4034. “Statistical Office of the Rostov region”, Op. 8, 1937—1945, 3, 4. (In Russ.).

GASK — *State Archive of the Stavropol Territory*, F. 1886. “Statistical Office of the Ordzhonikidze Territory”, Op. 2, 1937—1941, 86. (In Russ.).

History of collective farm law. Collection of legislative materials of the USSR and the RSFSR. 1917—1958. In 2 volumes, 1. (1959). Moscow: Gosyurizdat. 518 p. (In Russ.).

- Moshkov, Y. (ed.). (2002). *The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession: Documents and materials in 5 volumes, 4. 1927—1939*. Moscow: ROSSPEN. 1055 p. ISBN 5-8243-0040-2. (In Russ.).
- Radin, A. I. (1933). Sabotage in Poltava. *Socialist agriculture. January 9th*. (In Russ.).
- RGAE — Russian State Archive of Economics. F. 1562. Central Statistical Office of the USSR, Op. 82. 1930—1941, 272.12. (In Russ.).
- RGASPI — Russian State Archive of Socio-political History, F. 17. “Plenums of the Central Committee of the CPSU(b)”, Op. 120. 1930—1941, 117, 118. (In Russ.).
- Semernin, P. V., Oskolkov, E. N. (eds.). (1972). *Collectivization of agriculture in the North Caucasus (1927—1937)*. Krasnodar: Publishing House. 823 p. (In Russ.).
- Sheboldaev, B. P. (1936). Krai inexhaustible possibilities. *Kolkhoznitsa*, 10: 3—8. (In Russ.).
- Stepanov, I. (1934). The fruits of oblivion of working with individuals. *Hammer. September 12*. (In Russ.).
- The most important decisions on agriculture for 1938—1946*. (1948). Moscow: Publishing House of agricultural literature. 640 p. (In Russ.).
- Voices of the peasants: Rural Russia of the XX century in peasant memoirs*. (1996). Moscow: Aspect Press. 413 p. ISBN 5-7567-0054-4. (In Russ.).

References

- Babashkin, V. V., Tolstov, S. I. (2016). Features of agrarian reform in the 1930s — 1950s. *Historical psychology and sociology of history*, 9 (2): 216—234. (In Russ.).
- Belyanov, V. A. (1970). *Personal subsidiary farming under socialism*. Moscow: Ekonomika Publ. 184 p. (In Russ.).
- Bezgin, M. A., Dimoni, T. M. (2005). The agrarian system in Russia in the 1930s—1980s. *Economic history. Yearbook, 2005*: 448—481. (In Russ.).
- Bondarev, V. A. (2006). *Peasantry and collectivization: the complexity of socio-economic relations of villages in the Don, Kuban and Stavropol regions in the late 20s — 30s of the XX century*. Rostov-on-Don: Publishing House of the Russian Scientific Research Center of Higher School of Economics. 520 p. ISBN 5-87872-141-4. (In Russ.).
- Chuprynnikov, S. A. (2020). The organization of Soviet collective farm trade in the 1930s (based on the materials of Kuban). *Manuscript*, 13 (12): 92—96. (In Russ.).
- Dikhtyar, G. A. (1965). *Soviet trade in the period of socialism and the extensive construction of communism*. Moscow: Nauka Publ. 401 p. (In Russ.).
- Fitzpatrick, S. (2001). *The Stalinist peasants. The social history of Soviet Russia in the 30s: the village*. Moscow: ROSSPEN. 422 p. ISBN 5-8243-0238-3. (In Russ.).
- Glotov, I. F. (1979). *Public agricultural production and private subsidiary farming*. Moscow: Kolos Publ. 271 p. (In Russ.).
- Kulev, V. M. (1993). *Culture of labor and everyday life of the Russian village*. Samara: SamVek. 132 p. (In Russ.).
- Marinenko, L. E. (2012). *Trade and supply system in the East Siberian village in the 1930s*. Krasnoyarsk: SibFU Publishing House. 158 p. ISBN 978-5-98153-178-1. (In Russ.).
- Osmachko, S. G. (2021). Stalin’s agrarian policy in the 1930s: the problem of personal subsidiary farming. *Bulletin of the Yaroslavl Higher Military School of Air Defense*, 1 (12): 164—169. (In Russ.).
- Osokina, E. A. (2008). *Behind the facade of “Stalin’s abundance”: Distribution and market in the supply of the population during the years of industrialization. 1927—1941*. Moscow: ROSSPEN. 351 p. ISBN 978-5-8243-1083-2. (In Russ.).

- Pyankevich, V. L. (2008). Peasant agrarian entrepreneurship in Russia. 1930s—1950s. In: *Politics. Society. The man: on the 85th anniversary of the Doctor of Historical Sciences, Professor A. Z. Vaxer*. Saint Petersburg: European House. 194—205. ISBN 978-5-8015-0222-9. (In Russ.).
- Rubinstein, G. L. (1964). *The development of domestic trade in the USSR*. Leningrad: Leningrad State University Publishing House. 396 p. (In Russ.).
- Teptsov, N. V. (1990). *Agrarian policy: At the sharp turns of the 20—30s*. Moscow: Nauka Publ. 205 p. ISBN 5-07-001347-5. (In Russ.).
- Tlenkopachev, M. B. (1982). *Personal subsidiary farming: state and prospects*. Nalchik: Elbrus Publ. 141 p. (In Russ.).
- Tverdyukova, E. D. (2007). Kolkhoz trade of Leningrad in the 1930s. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 2: History*, 4: 126—133. (In Russ.).
- Veronskaya, M. V., Guzhva, E. G. (2024). Peasant farming as a path to entrepreneurship in Russia: history and modernity. *Economics and entrepreneurship*, 2 (163): 129—134. (In Russ.).
- Zelenin, I. E. (1993). Collectivization and the individual (1933 — the first half of 1935). *Russian history*, 3: 35—55. (In Russ.).
- Zelenin, I. E. (1994). Was there a “collective farm neonep”? *Russian history*, 2: 105—121. (In Russ.).
- Zelenin, I. E. (ed.). (1986). *The history of the Soviet peasantry. The Soviet peasantry during the socialist reconstruction of the national economy. The end of 1927—1937*, 2. Moscow: Nauka Publ. 448 p. (In Russ.).

*The article was submitted 21.07.2025;
approved after reviewing 27.11.2025;
accepted for publication 21.01.2026.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(1), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Кокорина Ю. Г. События последнего года Второй мировой войны в зеркале индийской прессы (по материалам газеты «The Hindustan Times» 1944—1945 годов) / Ю. Г. Кокорина, М. М. Вагабов // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 1. — С.470—466. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-447-466.

Kokorina, Yu. G., Vagabov, M. M. (2026). Final Year of World War II Reflected in Indian Press Coverage: Materials from “The Hindustan Times” (1944–1945). *Nauchnyi dialog*, 15 (1): 447-466. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-447-466. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

НАУЧНАЯ УНИВЕРСИТЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

LIBRARY.RU

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

События последнего года Второй мировой войны в зеркале индийской прессы (по материалам газеты «The Hindustan Times» 1944—1945 годов)

Кокорина Юлия Георгиевна

orcid.org/0000-0002-2496-3958

доктор филологических наук,

кандидат исторических наук,

профессор кафедры

«Гуманитарные дисциплины»,

корреспондирующий автор

kokorina@inbox.ru

Вагабов Махач Мустафаевич

orcid.org/0000-0002-6949-9490

доктор исторических наук,

профессор кафедры

«Гуманитарные дисциплины»

9162803@mail.ru

Московский
политехнический университет
(Москва, Россия)

Final Year of World War II Reflected in Indian Press Coverage: Materials from “The Hindustan Times” (1944–1945)

Yulia G. Kokorina

orcid.org/0000-0002-2496-3958

Doctor of Philology,

PhD in History, Professor,

Department of Humanities,

corresponding author

kokorina@inbox.ru

Makhach M. Vagabov²

orcid.org/0000-0002-6949-9490

Doctor of History, Professor,

Department of Humanities

9162803@mail.ru

Moscow Polytechnic
University
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На основе анализа газетного дискурса индийской прессы периода Второй мировой войны выявляется, как на страницах одной из газет, выступившей источником, был представлен и оценен вклад Советского Союза в победу над гитлеровской экспансией. Статья написана на материале индийской газеты «Хиндустан Таймс» (The Hindustan Times), выходившей на английском языке в Дели в 1944—1945 годах. Доступ к материалам предоставлен при содействии «Русского дома» в Мумбаи, источник впервые вводится в научный оборот. Проверяется гипотеза, что пресса союзников в годы Второй мировой войны объективно освещала роль СССР в разгроме захватнических войск Германии. Указывается, что индийская пресса представляла мнения как Британского руководства, так и простого народа Индии. На основе оценок, которые даются военным операциям советских войск в опубликованных в газете статьях, сделан вывод о том, что «Хиндустан Таймс» в своих публикациях выражает нескрываемое восхищение подвигом советского народа и Красной Армии, признает ведущую роль СССР в разгроме гитлеровской Германии. Отмечается, что простое население Индии высоко оценивало роль Советского Союза в победе над врагом. Утверждается, что индийцы не только считали СССР победителем Германии, но и видели в ней борца за права колониальных народов. Подчеркивается, что высказанная российскими исследователями гипотеза об адекватном отражении в прессе союзников времен Второй мировой войны вклада СССР в победу над врагом находит свое подтверждение.

Ключевые слова:

история Второй мировой войны; индийская пресса; победа над Германией; Хиндустан Таймс.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines how Soviet Union's contribution to defeating Nazi Germany was presented and evaluated through newspaper discourse during World War II. It is based on materials published by India's English-language daily, "The Hindustan Times," which circulated in Delhi between 1944 and 1945. Access to these sources has been made possible with support from the Russian Cultural Center in Mumbai, marking their first scholarly utilization. The research tests a hypothesis that allied press objectively reflected the role of the USSR in overcoming German aggression. Findings indicate that articles published in "The Hindustan Times" expressed unabashed admiration for the heroics of the Soviet people and Red Army while acknowledging the leading role played by the USSR in crushing Hitler's expansionist forces. Additionally, it highlights public opinion within India that viewed the Soviet Union not only as victorious against Germany but also as an advocate for colonial peoples' rights. Overall, this work confirms previous hypotheses advanced by Russian scholars regarding accurate portrayal of the USSR's wartime contributions in Allied media outlets.

Key words:

History of World War II; Indian press coverage; defeat of Germany; The Hindustan Times

УДК 94(47).084.8:070(540)“1944”

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-447-466

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история

События последнего года Второй мировой войны в зеркале индийской прессы (по материалам газеты «The Hindustan Times» 1944—1945 годов)

© Кокорина Ю. Г., Вагабов М. М., 2026

1. Введение = Introduction

Современная действительность со всей очевидностью демонстрирует, что средства массовой информации играют важную роль в формировании общественного мнения и могут использоваться в качестве инструмента влияния и распространения определенных взглядов. В наши дни предпринимается попытка исказить историческую память о Второй мировой войне, внедряется и распространяется концепция о «равной ответственности» СССР и Германии за «военные преступления», как это заявлено в резолюции Европарламента №2019/2819 «О влиянии исторической памяти на будущее Европы». В сознание европейского читателя вкладывается идея о примате Великобритании и США в победе над гитлеровской Германией, определяющем значении Западного, Средиземноморского и Тихоокеанского фронтов в разгроме государств «оси», о преступлениях солдат Красной Армии на освобождаемых землях Западной Европы [Кульков и др., 1988; Морозов, 2015 Atkinson, 2003; Bellamy, 2007; Roberts, 2006]. Политики многих стран Восточной Европы инициируют снос мемориалов советским воинам, погибшим при освобождении этих государств, стремясь вытравить из памяти народов представление о Советском Союзе как стране-освободителе [Гришин, 2015]. Поэтому несомненной актуальностью обладает обращение к новому историческому источнику — англоязычной индийской прессе середины XX века с целью выявить отношение правящих кругов Великобритании и простого народа Индии к Советскому Союзу в годы совместных побед на фронтах Второй мировой войны.

Обычно в центре внимания исследователей оказываются центральные издания стран-союзников [Малаховская и др., 2019; Суржик, 2015; Суржик, 2015]. Новизна данного исследования заключается в том, что вводится в научный оборот новый исторический источник — публикации одного из центральных средств массовой информации Индии — газеты «Хин-

дустан Таймс», выходящей и выходящей в Индии на английском языке. Подробно данный источник буде охарактеризован далее.

В качестве методологической основы исследования избрано понятие об «образе чужого», раскрываемого индийским изданием для своего читателя. Таким «чужим» предстает для индийской прессы советский народ и Красная Армия. Исследованием «образа чужого» занимается специальная дисциплина в рамках исторического знания — имагология, центральным понятием которой является «имагема или национальный образ, национальные стереотипы. В основе концепции лежит предположение, что любая культура делится на свою и чужую, причем своя воспринимается как “естественная”, сама собой разумеющаяся, а чужая — нет. Соприкосновение с другой культурой, взаимодействие с ней вызывает ощущение и понимание относительности ценностей, культур и самой социальной реальности» [Сенявская, 2006, с. 8].

Приводимая «Хиндустан Таймс» информация рассматривается нами в ракурсе нового направления в отечественной историографии, получившего название «антропология войны». «Военная антропология — новая и сравнительно молодая междисциплинарная отрасль науки, интегрирующая достижения, предметные области и исследовательский инструментарий военной психологии, социологии, педагогики, истории, культурологии, медицины и других дисциплин, изучающих человека в единстве его разнообразных проявлений, биопсихосоциальных параметров, областей и форм деятельности в экстремальных военных ситуациях, в условиях подготовки к ним и преодоления их последствий» [Сенявская, 2023, с. 46]. В наши дни ученые говорят об «антропологическом повороте» в военной истории [Гладышев, 2017]. Мы рассматриваем «человеческое измерение» войны в публикациях газеты «Хиндустан Таймс». В последние годы в России выходят работы, в которых высказывается мнение о том, что пресса союзников была объективна в оценке вклада Советского Союза в победу над врагом [Нарочицкая, 2024; Семикина и др., 2023]. Наша статья призвана проверить эту гипотезу.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Данная статья написана на материале индийской газеты «Хиндустан Таймс» (The Hindustan Times), выходящей на английском языке в Дели в 1944—1945 годах. Авторы статьи искренне благодарят сотрудников «Русского дома» в Мумбаи за возможность использовать материалы, практически не известные российскому читателю. Целью работы является раскрытие специфики отражения вклада СССР в победу над Германией одним из крупнейших индийских средств массовой информации. Сообщения

«Хиндустан Таймс» демонстрируют отношение стран-союзников к СССР в годы войны как на уровне руководителей государств, так и простых жителей, в том числе и рядовых индийцев. В этом состоит большая ценность данного источника.

В российской историографии характеристика индийской прессы военных лет — явление редкое. В своей кандидатской диссертации Н. И. Никифорова рассмотрела состояние индийских монополий в области медиаиндустрии, в том числе и на материале «Хиндустан Таймс», но в другой хронологический период — в конце 1960-х годов [Никифорова, 1971]. Работа Н. И. Никифоровой выполнена в идеологическом ключе, характерном для советской историографии, и имеет ценность только как первый опыт обращения к изучению индийских СМИ. В современной российской науке изучается состояние индийских СМИ в XXI веке [Матвиенко, 2008], развитие крупных медиаконцернов в Индии [Матвиенко, 2008]. Практически единственной работой на русском языке, посвященной истории индийской прессы, является диссертация В. В. Матвиенко [Матвиенко, 2008]. В своем историческом очерке автор опирается в основном на труд индийского исследователя С. Натарджана (S. Natarjan) [Natarjan, 1962], который, рассматривая историю развития индийской прессы, высказывает мнение, что Вторую мировую войну нельзя считать более важным фактором этого развития, чем борьба индийского народа за независимость. Сведения об истории издания «Хиндустан Таймс» мы представляем по работам В. В. Матвиенко и С. Натарджана.

«Хиндустан Таймс» была основана в 1923 году как ежедневная газета на английском языке, выходящая в Дели [Natarjan, 1962, p. 259]. Она относится к так называемой «джутовой прессе». Индийский капитализм развивался прежде всего в джутовой промышленности, и первые капиталисты-индийцы стали понимать необходимость и доходность от выпуска газет. Первопроходцем в этой области являлась группа Бирлы. В 1927 году она приобрела газету «Хиндустан Таймс», которая стала выходить на хинди [Natarjan, 1962, p. 259; Матвиенко, 2008, с. 35]. Во время борьбы за независимость «Хиндустан Таймс» публиковала репортажи о демонстрациях и насильственных акциях, завершавшихся арестами [Natarjan, 1962, p. 263]. Особенностью индийской прессы являлось отсутствие СМИ, которые можно было бы назвать общенациональными. «Общезвестные газеты «Тайме оф Индия», «Индиан экспресс», «Хиндустан Таймс» выходили в основном в четырех крупнейших городах и прилегающих к ним районах: Дели, Калькутте, Бомбее и Мадрасе. «Хиндустан Таймс» относилась и сейчас принадлежит к числу самых крупных газет Индии: ее тираж составляет в наши дни 126 тысяч экземпляров [Матвиенко, 2008, с. 67]. Читателями

«Хиндустан Таймс» были представители крупного и среднего капитала, а также интеллигенция [Там же, с. 35]. Газета была учреждена крупным информационным агентством ЮНИ, инициаторами создания которого были представители крупного индийского бизнеса. Принадлежащие им крупнейшие газеты Индии, среди которых и «Хиндустан Таймс», «не испытывали затруднений в получении как внутренней, так и иностранной информации. Внутренние новости агентство получало через свои отделения и корреспондентов в столицах штатов <...> Иностранную информацию ЮНИ получало от Ассошиэйтед пресс, ДПА (Западная Германия) и Танюг (Югославия)» [Матвиенко, 2008, с. 37].

Нами использованы номера «Хиндустан Таймс», выходившие в 1944—1945 годах, в которых помещены сообщения о завершающих сражениях войны. Газета выходила на десяти полосах, часть из которых предоставлялась для публикации фоторепортажей о событиях, описываемых в издании. Сообщения о событиях на фронтах помещались, как правило, на первых полосах газеты, аналитические статьи имели продолжение и на других страницах издания. В своих сообщениях с европейского театра военных действий газета опирается преимущественно на иностранные информационные агентства, прежде всего Рейтер и Ассошейтед пресс оф Америка. Тем ценнее размышления ее собственных обозревателей и заметки корреспондентов издания, отражающие взгляд индийцев на события в Европе.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Мы сгруппировали сообщения «Хиндустан Таймс» и принадлежавшего тому же издательскому концерну еженедельника, распределив их согласно ключевым темам, оказавшимся в фокусе внимания индийской прессы.

3.1. Индийская пресса о судьбе европейских стран

В 1944 году газета «Хиндустан Таймс», характеризуя Яско-Кишиневскую операцию советских войск, писала: «Русские войска форсировали реку Прут и сейчас находятся на территории Румынии. Об этом сообщил Министр иностранных дел СССР М. Молотов в заявлении о позиции России по отношению к Румынии. Он заявил, что Россия не будет захватывать территорию Румынии или предпринимать усилия по изменению ее социального строя» (здесь и далее перевод наш. — Ю. К., М. В.) [Red ..., 1944, p. 1]. Газета приводит выдержки из сообщений Совинформбюро, газеты «Правда» и московского радио, с восторгом пишет: «Советская пехота, моторизованные войска и танковые части нанести единый удар и выбили немецкие и румынские части с их позиций. Враги в панике бежали назад к переправе. Тогда советские автоматчики уничтожали вражеских солдат, а советские танки громили массы врагов, дезориентированных и

толпившихся, как овцы. Советские саперы наладили переправу на баржах и паромах. В течение первых часов сражения советские войска захватили небольшой, но важный плацдарм на другом берегу реки, который постоянно расширялся» [Ibid]. Газета пишет об освобождении советскими войсками Кишинева и пятидесяти городов в Одесской области, о разгроме 282-й немецкой дивизии, в ходе которого 400 гитлеровцев были убиты и более 500 взяты в плен [Ibid]. Газета сообщает: «Наступление в Румынии продолжает развиваться. Острые удара направлено на 15 миль вглубь территории Румынии, красные занимают деревни за рекой Прут» [Fierce, 1944, p. 1]. «Солдаты маршала Конева заняли хорошую дорогу, ведущую к Яссам, разбили авангард войск Манштейна и атаковали город. Немецкие части предпринимают активные попытки с поддержкой авиации остановить это наступление» [Ibid]. «Танковые и мотострелковые части генерала Малиновского всего лишь в 18 милях от Одессы и части Конева стойко обороняются по обеим берегам Днестра на севере и северо-западе. На западной оконечности фронта маршал Жуков разгромил последние вражеские части на Буковине и продолжил свое движение через Карпаты» [Ibid].

«Хиндустан Таймс» цитирует пресс-конференцию М. Молотова, при этом ее оценка сателлитов Германии отнюдь не положительная. Это видно по цитате из выступления советского Наркома Иностранных дел о том, что «граница с Румынией будет установлена по договору 1940 года, который Румыния вероломно нарушила в 1941 году по указке Гитлеровской Германии» [No Designs, 1944, p. 1]. Читателям было важно узнать позицию метрополии, и газета сообщает, что «правительственные круги в Лондоне горячо приветствовали заявление М. Молотова о Румынии как содержащее важный психологический момент. Эти круги надеются, что заявление произведет отрезвляющий эффект на румынское правительство, которое должно понять, что это — последний шанс завершить войну, пока не поздно» [Ibid]. Поводя итог, издание указывает: «Слова М. Молотова адресованы Румынии, но они долетели и до ушей Болгарии, и, насколько она сможет их услышать, Венгрии. Народы этих восточных сателлитов Германии сейчас поняли, на что надеяться и чего страшиться. Они могут рассчитывать на подобное отношение. М. Молотов не обсуждал вопрос о Финляндии в своем интервью для прессы. Мир понимает, что Финляндия должна принять жизненно важное решение. Сейчас опять советская политика предстает сверх ожидания терпеливой и либеральной, оставляя выбор за самими народом Финляндии» [Ibid]. Противоречит оно и усердно распространяемым оценкам наших бывших союзников по Варшавскому договору советской политики как «оккупационной». «ООН не могла не приветствовать тепло заявление М. Молотова как отвечающее принципам Атлантиче-

ской Хартии, которые она воплощает на практике. Вчерашнее заявление Москвы подчеркивает величие этих принципов» [Ibid], — отмечает газета со ссылкой на агентство «Рейтер». Со ссылкой на то же агентство газета дает маленькое сообщение о начале советско-финских переговоров в Стокгольме [Sovet-Finnish, 1944, p. 1]. При этом газета сообщает: «Многие обозреватели не уверены в том, что правительство Финляндии искренне хочет мира. По их мнению, доктор У. Паасиакиви, который проводит переговоры с Москвой, послал вторую миссию только для того, чтобы побыстрее удовлетворить оппозицию» [Finland, 1944, p. 1]. В словах журналистов издания сквозит поддержка решений Советского Правительства: «Послание Москвы свидетельствует, что русские дают финнам шанс спасти себя от летней кампании, которая может окончиться для финнов катастрофой» [Nazi, 1944, p. 1], тогда как «официальный Лондон отрицает возможность надежды на капитуляцию Финляндии» [Ibid].

Со ссылкой на агентство «Рейтер» газета сообщает о дебатах в английском парламенте по поводу применимости Атлантической Хартии к Германии. Председатель Палаты Лордов лорд Кранбон заявил, что правительство в ближайшее время выступит с заявлением, и призвал Палату Общин проявлять терпение и сдерживать эмоции [Atlantic, 1944, p. 1].

3.2. Отношение к успехам Советского Союза в войне

На первой полосе газеты «Хиндустан таймс» опубликована заметка «Красная Армия в пригородах Севастополя», в которой со ссылкой на американского корреспондента Джеймса Флеминга (James Flemming) сообщается: «Красная Армия этим утром заняла пригороды Севастополя. Она захватила большой аэропорт за городом, контролирует все дороги, ведущие в порт, и передовые части находятся в двух-трех милях от Севастополя. Немцы считают, что город будет взят в течение восьми часов» [Red, 1944, p. 1]. Газета отмечает, что в боях в лесистой части Крымских гор значительную помощь Красной армии оказали партизаны, которые отрезали путь врагу к отступлению [Ibid]. Приводит она и слова румынского агентства: «Взятие Тернополя, крупного железнодорожного узла, и разгром немецкого сопротивления в направлении Львова были заявлены в сегодняшнем приказе И. В. Сталина. Тернополь находится в 75 милях от Львова» [Ibid]. Ссылаясь на Совинформбюро, газета сообщает, что «немецкий гарнизон, окруженный в Тернополе, состоящий из пяти пехотных дивизий и ряда специальных частей, — в целом 16 000 человек, включая 2 400 офицеров, — сдался» [Ibid].

Особое место издание отводит рассуждениям о судьбе Англии. Обозреватель газеты «Хиндустан Таймс» цитирует слова немецкого командования: «Только чудо может спасти Англию от разгрома в течение трех

недель», — и приводит факторы, помешавшие Гитлеру захватить Англию. Среди них — кампания в Египте и на Балканах, высадка в Италии и победа над Роммелем в Северной Африке, успехи союзников на Средиземноморском театре военных действий [Architects, 1945, p. 1]. В словах обозревателя сквозит симпатия к Советскому Союзу, признание его ведущей роли в сохранении Великобританией независимости. Не скрывая восхищения, он пишет: «Красная Армия была первой силой, сломавшей немецкую военную машину, которая действовала не только миллионы людей и новейшее оборудование, но и прошла огнем и мечом по городам и селам десяти стран Европы. Именно доблестный русский народ первым показал нацистам, что дух крепче стали, что агрессия не пройдет. И, в конце концов, именно русский рабочий, солдат, крестьянин, летчик и моряк есть тот, кто встретил всю ярость немецкого нападения в 1941—1942 годах и сделал возможным для англо-американских войск собрать свои силы и превратить Англию в острое, направленное против немецких сил в Западной Европе» [Ibid]. Говоря о победе под Сталинградом, корреспондент отмечает, что «непобедимая Красная Армия начала свое наступление в июне 1943 года и завершила водружением красного знамени над Берлином. Красная Армия опрокидывала сильную оборону немцев везде. Преследователь превратился в преследуемого, и по его логову в Германии маршировали колонны мстителей» [Ibid]. Эта позиция коренным образом отличается от современных попыток нивелировать роль Советского Союза в победе над гитлеровской Германией.

3.3. Индийская пресса об успехах союзников

Интересна информация индийских газет о подготовке открытия Второго фронта. Приводя слова военного комментатора контролируемого Германией «Скандинавского телеграмм-бюро» в Стокгольме о том, что вторжение союзников ожидается в конце апреля 1944 года [Invasion, 1944, p. 1], газета отмечает: «Точная дата зависит от согласия союзников» [Ibid].

Высадка в Нормандии и в Италии не была неожиданностью для врага: «Немецкое командование ожидает, что союзники предпримут наступление в Италии одновременно с высадкой в Западной Европе» [Ibid]. При этом в сообщении газеты звучит совершенно однозначная оценка характера действий союзников в Италии: «Концентрация британских и американских сил в последнее время в районе Неттуно не соответствует обычной их пассивности на итальянском фронте» [Ibid]. Немецкому командованию была ясна тактика союзных войск: газета ссылается именно на сообщения немецкого радио о том, что «военные эшелоны покидают Лондон и доставляют войска в порты на Ла-Манше на востоке и юго-востоке» [Ibid].

3.4. Безоговорочная капитуляция: особенности подписания

Со ссылкой на американское информационное агентство газета «Хиндустан Таймс Уикли» сообщает о массовой сдаче немцев союзникам и о том, что «немецкая миссия, которая была окружена, во главе с генерал-адмиралом фон Фрейдбургом, главнокомандующим немецким флотом, подписала статьи о безоговорочной капитуляции немецких сухопутных, воздушных и военно-морских сил перед Канадской Первой армией и Британской Второй армией в 6:25 вчера. Фельдмаршал Монгомери подписал от лица командующего объединенными силами союзников генерала Эйзенхауэра» [Nazi, 1945, p. 1]. Корреспондент подчеркивает, что «решение о безоговорочной капитуляции не было согласовано с Советским Правительством» [Ibid]. В сообщениях издания прослеживается факт, который стал известен сразу после войны: немецкие войска с готовностью сдавались в плен западным союзникам и оказывали ожесточенное сопротивление Красной Армии. Это подтверждает сообщение «Хиндустан Таймс»: «Генерал Деверс доложил генералу Эйзенхауэру этим утром, что группа армий G под командованием генерала Шульца была окружена Южной группой армий. Капитуляция подписана в воскресенье ночью, и обе стороны по радио сегодня объявили о прекращении огня по всей линии фронта. В группу армий G входили три армии — Первая, Седьмая и Девятая. Капитуляция, по словам газеты, означала «прекращение военных действий на южном фронте» [German, 1945, p. 1].

О стремлении представить своим читателям максимально полную информацию говорит внимание издания к событиям в Чехословакии, где осталась группировка в 2 500 000 немецких солдат. Эта группировка «полностью окружена русскими и американскими войсками. Две союзные армии разделяет полоса шириной лишь в 70 миль, по которой немецкие конвои направляются в Австрию, — доложил генерал Пэттен, находящийся в трех милях от Линца» [Last, 1945, p. 1]. Как следует из этого отрывка, в разгроме последних немецких группировок Красная Армия и союзники действовали слаженно.

Газета сообщает подробности взятия Берлина: когда документ о сдаче Берлина был подписан и парламентарии двух сторон двигались навстречу друг другу, офицер, возглавлявший советскую делегацию, был ранен снайпером в голову. «Битва разгорелась вновь с невиданной жестокостью, русские обрушили на город такое море огня, которое берлинцы не могли представить. На следующий день немецкий генерал Велдинг лично перешел линию соприкосновения и объявил, что гарнизон Берлина готов к полной капитуляции. Немцы начали выходить из руин, но без знаков различия на мундирах. Когда колонны немцев проходили мимо здания, в котором засе-

ли эсесовцы и люди Гимmlера, они открыли огонь по колонне, что вызвало необходимость объявить о полной капитуляции через громкоговорители, прежде чем последние выстрелы стихли» [Way, 1945, p. 1].

Газета «Хиндустан Таймс» вышла 8 мая 1945 года с огромным заголовком на первой полосе: «Конец войне в Европе» — и фотографией красного знамени, развевающегося над Рейхстагом: «Германия безоговорочно капитулировала перед Великобританией, США и Россией. Капитуляция была подписана в 2:45 (по французскому времени) в небольшом школьном здании, где располагалась ставка генерала Эйзенхауэра. Генерал-полковник Йодль, новый начальник штаба Германии, подписал с немецкой стороны». Газета сообщает, что «генерал Эйзенхауэр не присутствовал на подписании. Генерал Бигл Смит, начальник штаба генерала Эйзенхауэра, поставил подпись от имени Объединенного союзного командования, Генерал Иван Суслопаров подписал со стороны России, и генерал Франсуа Сэве — со стороны Франции» [London, 1945, p. 1]. Этот отрывок иллюстрирует ситуацию, когда союзники поспешили подписать мир с Германией, не поставив в известность высшее советское руководство.

Газета дословно воспроизводит обращение немецкого правительства к народу Германии о безоговорочной капитуляции [German, 1945, p. 1].

Только после требования советской стороны «безоговорочная капитуляция немецких сухопутных, военно-морских и воздушных сил перед союзниками была ратифицирована в Берлине, военные действия прекращены по всему фронту в одну минуту после полуночи. Прекращение огня объявлено по всей линии фронта» [Cease, 1945, p. 1], — заявил Уинстон Черчилль 9 мая 1945 года. Газета особенно обращает внимание на слова Уинстона Черчилля о том, что «немцы на местах сопротивляются русским войскам, но, продолжая делать это после полуночи сегодняшнего дня, они ставят себя вне защиты законов военного времени и будут атакованы всеми союзными силами» [Ibid].

3.5. Антропология войны в зеркале индийской прессы

Антропология войны — это ее «человеческое измерение», обращение к судьбам людей, воюющих на противоположных сторонах. Выше мы приводили характеристику данной концепции по работам Е. С. Сеньявской [Сеньявская, 2023]. О том, что немецкие войска предпочитали капитулировать на Западном фронте, говорят слова корреспондента газеты: «Западные союзники захватили в плен больше, чем составляла численность союзных армий на поле боя» [Greatest, 1945, p. 1].

Обозреватель «Хиндустан Таймс» акцентирует внимание на различии в подходах руководства СССР и союзников к судьбе пленных немцев. «Они могут оставаться в плену годами. Согласно правилу, военнопленные

остаются в плену до достижения мира, которое до сих пор не согласовано. Тем не менее некоторые из них привлекались к земляным работам для преодоления экономических трудностей в Центральной Европе, но Советское Правительство опять заявило, что немецкие пленные должны ликвидировать те разрушения, которые нанесла их армия» [Ibid].

Особый интерес представляет статья собственного обозревателя газеты «Хиндустан Таймс», в которой раскрывается динамика изменения отношения рядовых индийцев к событиям Второй мировой войны. Это не социологическое исследование в современном смысле слова, а рассказ о наблюдениях и элементарных обобщениях. «С развитием военных действий “человек с улицы” говорил так: “Это — игра остроумия. Смеется тот, кто смеется последним”. Чемберлен считал себя умным, начиная дружбу с Гитлером. Он думал, что Гитлер и Сталин поглотят друг друга и он будет смеяться последним. Сталин подписал Пакт о ненападении с Гитлером и считал, что он будет смеяться последним. Потом Гитлер напал на Сталина, и Черчилль воображал, что они оба уничтожат себя в изнурительной борьбе, и он будет смеяться последним. Но Сталин опрокинул гитлеровские войска и взял Берлин; он смеется последним. Будет ли он действительно смеяться последним и дальше?» [Man-in-the-streets, 1945, p. 3].

Корреспондент говорит о сметливости и своеобразном политическом чутье рядовых индийцев. «Простой человек не поддерживал ни одну из сторон конфликта. Он не знал, на чьей стороне правда, но понимал, что если дела Германии или Японии действительно таковы, какими они изображаются, то страны «оси» роют себе могилу. Правда должна восторжествовать. Но, видя положение дел в Индии и отношение британцев к индийцам, он желал знать, действительно ли правда на стороне союзников. Эти сомнения исчезли, когда Россия и Америка вступили в войну. Росли ощущения того, что страны-союзники имеют больше шансов выиграть войну» [Ibid].

О трезвой оценке народом Индии ситуации на фронтах и о симпатии к борьбе советского народа говорит наблюдение обозревателя «Хиндустан Таймс» о том, что «когда Гитлер напал на Россию, не напал на Великобританию, инстинктивная реакция народа Индии была следующей: “Это — фатальный шаг. Он означает конец Гитлера”» [Ibid]. Простые люди симпатизировали России и «считали, что Германия будет разгромлена Россией. Они с удовольствием услышали о победах под Москвой, а потом под Сталинградом. Но в течение долгих месяцев, пока русские и немцы сражались, простые люди в Индии думали, что эти две страны истощат друг друга и союзники получают двойное убийство. Но этого не случилось» [Ibid]. При этом «простые крестьяне в Индии считали, что именно русские первыми дойдут до Берлина. Предчувствия оправдались» [Ibid].

С Советским Союзом народ Индии связывал надежду на освобождение от колониальной зависимости. Газета «Хиндустан Таймс» публикует небольшую заметку о торжестве: «Индийские рабочие и моряки присутствовали на праздновании Дня Победы в Индийском Рабочем центре. Стены были украшены красными флагами и портретами маршала Сталина и Пандит Неру. Господин Кверши, секретарь Центра, сказал: “Мы рады победе Красной Армии, армии освобождения. Мы надеемся, что придет день, когда эта храбрая армия сокрушит империализм, как она сокрушила фашизм”» [Red, 1945, p. 1].

Симпатией к ведущим политическим и военным деятелям СССР проникнуты слова корреспондента о том, что М. Молотов «имеет прекрасное чувство юмора и уверенно держится под перекрестным огнем вопросов английских и американских корреспондентов» [No Designs, 1944, p. 1], и характеристика А. М. Василевского как человека, «который сделал возможными залпы победного салюта и чей блестящий ум стоит за всеми значительными советскими наступлениями» [Marshal, 1944, p. 1].

3.6. Отношение к политике СССР

Газета публикует статью Джона Паркера (John Parker) «Советская национальная политика выдержала испытание войной», в которой он, как глава парламентской делегации, рассказывает о результатах посещения СССР, в частности, Украины (Донбасс), Азербайджана, Узбекистана и Туркмении. Дж. Паркер говорит о народах, которые были переселены как пособники фашистов. Наибольший интерес автора статьи вызывает посещение республик Средней Азии, в которых активно развиваются образование и культура, открываются русские и национальные театры, организуются балетные труппы. «Скоро Шекспира в Средней Азии будут ставить чаще, чем в Великобритании», — пишет автор [Parker, 1945, p. 4]. Дж. Паркер указывает на стремление Советской власти как можно скорее сформировать кадры национальной интеллигенции. Акцентируя внимание на сложностях национальной политики в Прибалтийских республиках, автор высказывает надежду, что «они предпочтут инкорпорацию в СССР более, чем в Рейх» [Ibid].

Рассказывая о том, как празднуют День Победы в разных странах, газета пишет: «В Москве этот день начался тихо, без официального объявления о приближающемся праздновании, но магазины, работавшие всю ночь, были полны толпами народа, желавшего приобрести чуть больше для приема гостей в честь Дня Победы» [World, 1945, p. 1].

Миссис Черчилль заявила, что «дружба, которая установилась между Советским Союзом и англоговорящими народами продолжается, растет и укрепляется, что является залогом счастья во всем мире; она будет иметь

продолжение в будущем, охватывая не только наш жизненный срок, но и жизни наших детей, внуков и правнуков» [Plea, 1945, p. 1].

Интересные сведения публикует «Хиндустан Таймс» о либеральной политике Советского правительства по отношению к населению Германии. Со ссылкой на корреспондента агентства «Рейтер» газета приводит слова советского полковника: «Немецкий народ в основном не такой плохой. Он был инфицирован вирусом фашизма, и первое свойство фашистской политики — это пропагандистский гнет своего народа. С уходом фашизма не ясно, почему немцы не могут считаться нормальной нацией» [Liberal, 1945, p. 1]. Газета подчеркивает, что в Советской оккупационной зоне немцы могут сами выбирать мэра города, кандидатура которого утверждается военным командованием, тогда как в американской оккупационной зоне мэр назначается военным командованием. Вопреки утверждениям нацистской пропаганды, есть много свидетельств того, что советские солдаты с уважением относились к немецким женщинам, играли с немецкими детьми. «Бесконечные колонны повозок, в которых запряжены лошади, и других транспортных средств, стада скота движутся обратно по военным дорогам, что является заслугой, безусловно, великой Русской Армии, которая останется неоспоримой в сердце Германии» [Ibid].

Но уже в первые послевоенные дни намечается изменение отношения союзников к СССР. Газета, опираясь на мнение агентства «Ассошейтед пресс оф Америка», рассказывает о том, что Турция опасается попыток Советского Союза изменить общественный строй в Турецкой Республике с целью получить контроль над проливами [Soviet, 1944, p. 1].

О курсе западных союзников на изоляцию Советского Союза говорит статья обозревателя Дж. Дж. Сингха (J. J. Singh). Он выступил с рассмотрением итогов встреч в Сан-Франциско и отметил, что западные страны, которые не смогли смириться со статусом СССР как ведущей военной державы в Европе и Азии, взяли курс на изоляцию Советского Союза. «Британская делегация ведет сомнительную игру, пытаясь столкнуть Россию и США, а самой остаться в тени», — пишет обозреватель [Singh, 1945, p. 1].

Но это была только намечающаяся тревожная тенденция. А на тот момент газета публиковала поздравления лидеров союзных стран с победой во Второй мировой войне. «Я твердо убежден, что от дружбы и взаимопонимания между народами Великобритании и России зависит будущее человечества», — сказал Уинстон Черчилль [Victory, 1945, p. 7]. Король Великобритании в обращении к Председателю Верховного Совета СССР М. И. Калинину отметил: «Наше продолжающееся сотрудничество является основой для честного, законного и стабильного мира <...> Я приветствую храбрую Красную Армию и стойкий советский народ, чье упорное

сопротивление и решительное наступление стало значительным вкладом в победу Объединенных Наций» [Ibid].

4. Заключение = Conclusions

Подводя итог, необходимо отметить, что в освещении вклада СССР в победу над Германией индийская пресса демонстрировала свою уникальную перспективу. Введя в научный оборот неизвестный российскому читателю исторический источник — публикации одной из ведущих индийских газет «Хиндустан Таймс» последних военных лет, мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, высказанная российскими исследователями гипотеза об адекватном отражении в прессе союзников времен Второй мировой войны вклада СССР в победу над врагом находит свое подтверждение. «Хиндустан Таймс» в своих публикациях выражает нескрываемое восхищение подвигом советского народа и Красной Армии, признает ведущую роль СССР в разгроме Гитлеровской Германии. Этот вывод формируется на основе оценок, которые даются военным операциям советских войск в опубликованных в газете статьях. Кроме того, процитированные в газетных публикациях лидеры Великобритании также указывали на дружественное отношение народов Великобритании к Советскому Союзу.

Во-вторых, с точки зрения имагологии, охарактеризованной нами во введении к данной работе, образ советского народа представлен на страницах издания исключительно в позитивном свете. Подтверждается этот вывод и рассмотрением публикаций «Хиндустан Таймс» в ракурсе военной антропологии. Индийское издание описывает положительное отношение простого народа к Советскому Союзу не только как к победителю фашизма, но и оплоту антиколониализма.

В-третьих, индийская пресса приводит факты, опровергающие измышления современных западных историков о жестокости советских «оккупационных» властей, о насильственном навязывании освобожденным странам коммунистической идеологии, о вмешательстве во внутренние дела других стран со стороны СССР. Индийское издание выражает озабоченность по поводу формирующейся в правящих кругах Запада сразу же после победы над врагом политики изоляции СССР на международной арене, что было вызвано неприятием возросшего авторитета Советской страны в глазах народов Европы и Азии.

Развитием данной темы может стать изучение позиции ведущих изданий Индии военных лет относительно ключевых событий Второй мировой войны, сравнение оценок этих событий индийской «правой» и «левой» прессой.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Architects of Fascist Order Drop out the History* // The Hindustan Times : [newspaper]. — 1945. — May 8. — P. 1.
2. *Atlantic Charter for Germany* // The Hindustan Times: [newspaper]. — 1944. — Aril 5. — P. 1.
3. *Cease Fire in Europe* // The Hindustan Times : [newspaper]. — 1945. — May 9. — P. 1.
4. *Fierce Nazi Counterattacks To Stem Fed Advance* // The Hindustan Times : [newspaper]. — 1944. — Aril 5. — P. 1.
5. *Finland's Desigion* // The Hindustan Times : [newspaper]. — 1944. — Aril 5. — P. 1.
6. *German Announcement* // The Hindustan Times : [newspaper]. — 1945. — May 8. — P. 1.
7. *German Resistance in South practically over* // The Hindustan Times Weekly : [newspaper]. — 1945. — May 6. — P. 1.
8. *Greatest Surrender in History* // The Hindustan Times : [newspaper]. — 1945. — May 8. — P. 1.
9. *Invasion of Continent et the end of This Month* // The Hindustan Times Weekly : [newspaper]. — 1944. — April 23. — P. 1.
10. *Last Battles to be in Czechoslovakia* // The Hindustan Times Weekly : [newspaper]. — 1945. — May 6. — P. 1.
11. *Liberal Russian Policy Towards German civilians* // The Hindustan Times : [newspaper]. — 1945. — May 11. — P. 1.
12. *London to celebrate "V-Day" today* // The Hindustan Times : [newspaper]. — 1945. — May 8. — P. 1.
13. *Man-in-the-streets reaction to World War II* // The Hindustan Times : [newspaper]. — 1945. — May 8. — P. 3.
14. *Marshal Vasilevski* // The Hindustan Times : [newspaper]. — 1944. — Aril 17. — P. 1.
15. *Nazi Empire is Jitters* // The Hindustan Times : [newspaper]. — 1944. — Aril 5. — P. 1.
16. *Nazi Generals Negotiations with Monty* // The Hindustan Times Weekly : [newspaper]. — 1945. — May 6. — P. 1.
17. *No Designs on Integrity of Romania* // The Hindustan Times : [newspaper]. — 1944. — Aril 4. — P. 1.
18. *Parker J. Soviet National Policy Stands test of War* / J. Parker // The Hindustan Times : [newspaper]. — 1945. — May 8. — P. 4.
19. *Plea for continuing Anglo-Soviet Friendship* // The Hindustan Times : [newspaper]. — 1945. — May 10. — P. 1.
20. *Red Army in Suburbs of Sevastopol* // The Hindustan Times : [newspaper]. — 1944. — Aril 17. — P. 1.
21. *Red Army will one day crush imperialism* // The Hindustan Times : [newspaper]. — 1945. — May 8. — P. 4.

22. *Red Troops about 20 miles From Odessa* // The Hindustan Times : [newspaper]. — 1944. — April 4. — P. 1.
23. *Singh J. J. Western Powers may Force Russia into isolationism* / J. J. Singh // The Hindustan Times : [newspaper]. — 1945. — May 11. — P. 1.
24. *Soviet eyes of Straits : Turkey's fears* // The Hindustan Times : [newspaper]. — 1945. — May 10. — P. 1.
25. *Soviet-Finnish Negotiations* // The Hindustan Times : [newspaper]. — 1944. — April 4. — P. 1.
26. *Victory Messages exchanged between allied leaders* // The Hindustan Times : [newspaper]. — 1945. — May 11. — P. 7.
27. *Way Berlin Surrender Was Delayed* // The Hindustan Times Weekly : [newspaper]. — 1945. — May 6. — P. 1.
28. *World celebrates coming of peace* // The Hindustan Times : [newspaper]. — 1945. — May 9. — P. 1.

Литература

1. *Гладышев А. В.* Антропологический поворот в военной истории / А. В. Гладышев // Диалог со временем. — 2017. — Выпуск 59. — С. 136—150.
2. *Гришин А. А.* Великая Отечественная война и ее фальсификаторы / А. А. Гришин // Вестник Московского университета МВД России. — 2015. — № 5. — С. 10—13.
3. *Кульков Е.* Правда и ложь о Второй мировой войне / Е. Кульков, О. Ржешевский, И. Чельшев. — Москва : Воениздат, 1988. — 294 с. — ISBN 5-203-00243-6
4. *Малаховская В. В.* Британские СМИ в период Второй мировой войны : особенности функционирования / В. В. Малаховская, А. К. Малаховский // Манускрипт. — 2019. — Т. 12. — Выпуск 1. — С. 66—74. — DOI: 10.30853/manuscript.2019.1.14.
5. *Матвиенко В. В.* Развитие и проблемы функционирования медиаконцернов в Индии: на примере газетно-журнального объединения «Таймс оф Индия»: диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / В. В. Матвиенко. — Москва, 2008. — 149 с.
6. *Морозов Ю. В.* Фальсификация итогов Второй Мировой войны в рамках информационной борьбы против России / Ю. В. Морозов // Национальные интересы : приоритеты и безопасность. — 2015. — № 25. — С. 50—63.
7. *Нарочницкая Н.* Возвращение украденных смыслов : правда о Великой Отечественной войне в англоязычной прессе 1941—1945 годов [Электронный ресурс] // Международная жизнь. — 2024. — № 1. — Режим доступа : <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2938> (дата обращения 5.04.2025).
8. *Никифорова Н. И.* Пресса индийских монополий : «Индиан экспресс», «Таймс оф Индия», «Хиндустан Тайме», «Стейтсмен» 1967—1971 гг. : автореферат ... кандидата исторических наук : 10.01.10 / Н. И. Никифорова. — Москва, 1971. — 26 с.
9. *Семикин Д. В.* Специфика освещения событий Сталинградской битвы зарубежными журналистами / Д. В. Семикин, Ю. Г. Семикина // Сталинградская битва : правда и вымыслы (по материалам мировой печати) : материалы 5-й Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Сталинградской битвы (Россия, Москва, 23 октября 2023 г.). — Москва : Московский Политех, 2023. — С. 211—215. — ISBN 978-5-276-02819-4.
10. *Сенявская Е. С.* Военная антропология в новых исторических условиях / Е. С. Сенявская // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2023. — Т. 45. — № 8. — С. 46—54. — DOI: 10.15393/uchz.art.2023.974.

11. Сениявская Е. С. Противники России в войнах XX века : эволюция «образа врага» в сознании армии и общества / Е. С. Сениявская. — Москва : РОССПЭН, 2006. — 288 с. — ISBN 5-8243-0782-2.

12. Суржик Д. В. «Бомбы могут убить, но им никогда не сломить твёрдого духа жителей Лондона / Д. В. Суржик // Военно-исторический журнал. — 2015. — № 4. — С. 28—33.

13. Суржик Д. В. Борьба за морально-боевой дух англичан в годы Второй мировой войны / Д. В. Суржик // Вестник МГПУ им М. А. Шолохова. — Серия «История и политология». — 2015. — № 1. — С. 48—61.

14. Atkinson R. An Army at Dawn. The War in North Africa, 1942—1943 / R. Atkinson. — New York : Henry Holt and Company, 2003. — 704 с. — ISBN 978-1-4104-6321-0.

15. Bellamy C. Absolute War : Soviet Russia in the Second World War / C. Bellamy. — New York : Pan Books, 2007. — 814 p. — ISBN 978-0-3305-1004-2.

16. Roberts G. Stalin's Wars. From World War to Cold War, 1939—1953 / G. Roberts. — New Haven : Yale University Press, 2006. — 468 p. — ISBN 0300112041, 9780300150407.

17. Natarajan S. History of the Press in India / S. Natarajan. — Bombay, New Delhi, Madras : Asia Publishing House, kolkata, 1962. — 442 p.

Статья поступила в редакцию 10.05.2025,
одобрена после рецензирования 22.12.2025,
подготовлена к публикации 21.01.2026.

Material resources

Architects of Fascist Order Drop out the History. (1945). *The Hindustan Times*: [newspaper]. May 8. P. 1.

Atlantic Charter for Germany. (1944). *The Hindustan Times*: [newspaper]. Aril 5. P. 1.

Cease Fire in Europe. (1945). *The Hindustan Times*: [newspaper]. May 9. P. 1.

Fierce Nazi Counterattacks To Stem Fed Advance. (1944). *The Hindustan Times*: [newspaper]. Aril 5. P. 1.

Finland's Design. (1944). *The Hindustan Times*: [newspaper]. Aril 5. P. 1.

German Announcement. (1945). *The Hindustan Times*: [newspaper]. May 8. P. 1.

German Resistance in South practically over. (1945). *The Hindustan Times Weekly*: [newspaper]. May 6. P. 1.

Greatest Surrender in History. (1945). *The Hindustan Times*: [newspaper]. May 8. P. 1.

Invasion of Continent et the end of This Month. (1944). *The Hindustan Times Weekly*: [newspaper]. April 23. P. 1.

Last Battles to be in Czechoslovakia // The Hindustan Times Weekly : [newspaper]. — 1945. — May 6. — P. 1.

Liberal Russian Policy Towards German civilians // The Hindustan Times : [newspaper]. — 1945. — May 11. — P. 1.

London to celebrate "V-Day" today. (1945). *The Hindustan Times*: [newspaper]. May 8. P. 1.

Man-in-the-streets reaction to World War II. (1945). *The Hindustan Times*: [newspaper]. May 8. P. 3.

Marshal Vasilevski. (1944). *The Hindustan Times*: [newspaper]. Aril 17. P. 1.

Nazi Empire is Jitters. (1944). *The Hindustan Times*: [newspaper]. Aril 5. P. 1.

Nazi Generals Negotiations with Monty. (1945). *The Hindustan Times Weekly*: [newspaper]. May 6. P. 1.

- No Designs on Integrity of Romania. (1944). *The Hindustan Times: [newspaper]*. Aril 4. P. 1.
- Parker, J. (1945). Soviet National Policy Stands test of War. *The Hindustan Times: [newspaper]*. May 8. P. 4.
- Plea for continuing Anglo-Soviet Friendship. (1945). *The Hindustan Times: [newspaper]*. May 10. P. 1.
- Red Army in Suburbs of Sevastopol. (1944). *The Hindustan Times: [newspaper]*. Aril 17. P. 1.
- Red Army will one day crush imperialism. (1945). *The Hindustan Times: [newspaper]*. May 8. P. 4.
- Red Troops about 20 miles From Odessa. (1944). *The Hindustan Times: [newspaper]*. Aril 4. P. 1.
- Singh, J. J. (1945). Western Powers may Force Russia into isolationism. *The Hindustan Times: [newspaper]*. May 11. P. 1.
- Soviet eyes of Straits: Turkey's fears. (1945). *The Hindustan Times: [newspaper]*. May 10. P. 1.
- Soviet-Finnish Negotiations. (1944). *The Hindustan Times: [newspaper]*. Aril 4. P. 1.
- Victory Messages exchanged between allied leaders. (1945). *The Hindustan Times: [newspaper]*. May 11. P. 7.
- Way Berlin Surrender Was Delayed. (1945). *The Hindustan Times Weekly: [newspaper]*. May 6. P. 1.
- World celebrates coming of peace. (1945). *The Hindustan Times: [newspaper]*. May 9. P. 1.

References

- Atkinson, R. (2003). *An Army at Dawn. The War in North Africa, 1942—1943*. New York: Henry Holt and Company. 704 p. ISBN 978-1-4104-6321-0.
- Bellamy, C. (2007). *Absolute War: Soviet Russia in the Second World War*. New York: Pan Books. 814 p. ISBN 978-0-3305-1004-2.
- Gladyshev, A. V. (2017). The anthropological turn in military history. *Dialogue with time*, 59: 136—150. (In Russ.).
- Grishin, A. A. (2015). The Great Patriotic War and its falsifiers. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 5: 10—13. (In Russ.).
- Kulkov, E., Rzheshesky, O., Chelyshev, I. (1988). *The truth and lies about the Second World War*. Moscow: Voenizdat Publ. 294 p. ISBN 5-203-00243-6. (In Russ.).
- Malakhovskaya, V. V., Malakhovsky, A. K. (2019). British media during the Second World War: features of functioning. *Manuscript*, 12 (1): 66—74. DOI: 10.30853/manuscript.2019.1.14. (In Russ.).
- Matvienko, V. V. (2008). *Development and problems of functioning of media corporations in India: on the example of the newspaper and magazine association "Times of India"*. PhD Diss. Moscow. 149 p. (In Russ.).
- Morozov, Yu. V. (2015). Falsification of the results of the Second World War in the framework of the information struggle against Russia. National interests: priorities and security, 25: 50—63. (In Russ.).
- Narochnitskaya, N. (2024). Returning stolen meanings: Truth about the Great Patriotic War in English-language press of 1941—1945. In: *The International Affairs*, No. 1. Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2938> (accessed 5.04.2025). (In Russ.).
- Natarajan, S. (1962). *History of the Press in India*. Bombay, New Delhi, Madras: Asia Publishing House, Kolkata. 442 p.
- Nikiforova, N. I. (1971). *The press of Indian monopolies: "Indian Express", "Time of India", "Hindustan Times", "Statesman" 1967—1971*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 26 p. (In Russ.).

- Roberts, G. (2006). *Stalin's Wars. From World War to Cold War, 1939—1953*. New Haven: Yale University Press. 468 p. ISBN 0300112041, 9780300150407.
- Semikin, D. V., Semikina, Yu. G. (2023). Specifics of the coverage of the events of the Battle of Stalingrad by foreign journalists. In: *The Battle of Stalingrad: Truth and Fiction (based on the materials of the world press): proceedings of the 5th International Scientific and Practical Conference dedicated to the 80th anniversary of the Battle of Stalingrad (Russia, Moscow, October 23, 2023)*. Moscow: Moskovsky Polytech. 211—215— ISBN 978-5-276-02819-4. (In Russ.).
- Senyavskaya, E. S. (2023). Military anthropology in new historical conditions. *Scientific notes of Petrozavodsk State University*, 45 (8): 46—54. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.974. (In Russ.).
- Senyavskaya, E. S. (2006). *Opponents of Russia in the wars of the twentieth century: The evolution of the “enemy image” in the minds of the army and society*. Moscow: ROSSPEN. 288 p. ISBN 5-8243-0782-2. (In Russ.).
- Surzhik, D. V. (2015). Bombs can kill, but they will never break the firm spirit of London residents. *Military Historical Journal*, 4: 28—33. (In Russ.).
- Surzhik, D. V. (2015). The struggle for the moral and fighting spirit of the British during the Second World War. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University named after M. A. Sholokhov. The series “History and Political Science”, 1*: 48—61. (In Russ.).

*The article was submitted 10.05.2025;
approved after reviewing 22.12.2025;
accepted for publication 21.01.2026.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(1), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Прилуцкий В. В. Мормоны и мормонское квазигосударство на страницах российских популярных иллюстрированных журналов (начало 1870-х годов) / В. В. Прилуцкий // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 1. — С. 467—485. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-467-485.

Prilutsky, V. V. (2026). Mormons and Quasi-state of Mormonism in Russian Popular Illustrated Periodicals (Early 1870s). *Nauchnyi dialog*, 15 (1): 467-485. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-467-485. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

НАУЧНАЯ УНИВЕРСИТЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

eLIBRARY.RU

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Мормоны и мормонское квазигосударство на страницах российских популярных иллюстрированных журналов (начало 1870-х годов)

Прилуцкий Виталий Викторович

orcid.org/0000-0002-7328-4927

доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей истории
и международных отношений
vitaliypr@yandex.ru

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского
(Брянск, Россия)

Mormons and Quasi-state of Mormonism in Russian Popular Illustrated Periodicals (Early 1870s)

Vitaly V. Prilutsky

orcid.org/0000-0002-7328-4927

Doctor of History, Professor,
Department of General History
and International Relations
vitaliypr@yandex.ru

Bryansk State Academician
I. G. Petrovski University
(Bryansk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается восприятие американских мормонов (Церкви Иисуса Христа Святых последних дней) в России, содержащееся в материалах российских иллюстрированных литературных, политических и научно-популярных журналов «Нива», «Живописное обозрение стран света» и «Всемирная иллюстрация» (1870—1873 годы). Показано, что успешное освоение мормонами обширных незаселенных территорий в районе Большого Соленого озера и Скалистых гор Северной Америки выглядело в XIX веке необычным явлением. Сделан вывод, что статьи в отечественных периодических изданиях основывались преимущественно на сведениях, заимствованных из зарубежной (западноевропейской и американской) прессы и публицистики. Установлено, что уникальный феномен мормонов, стремившихся на практике реализовать свою религиозную и социальную утопию, многие журналисты и публицисты — современники событий понять не смогли. Сообщается, что статьи о «святых последних дней» в отечественных иллюстрированных журналах были полны непроверенных слухов и противоречивых оценок (в них указывалось на очевидные успехи мормонов в освоении территории Юта и их трудолюбие, но при этом осуждалась их «глупость» и «нелепые» верования). Отмечается, что российские журналисты разделились в попытках осмысления мормонов: от негативного и критического отношения к общине до нейтрального и полного симпатий описания религиозного сообщества.

Ключевые слова:

новые религиозные движения; мормоны; Церковь Иисуса Христа Святых последних дней; Джозеф Смит-младший; Бригам Янг; отражение исторических событий в российской периодике.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines how American Mormons (Church of Jesus Christ of Latter-day Saints) were perceived by the Russian public through articles published in popular illustrated literary, political, and scientific journals such as “Niva,” “Illustrated Review of Countries” (“Zhivopisnoe Obozrenie Stran Sveta”), and “Worldwide Illustration” (“Vsemirnaya Illyustratsiya”) during the period from 1870 to 1873. It highlights that the successful colonization of vast uninhabited territories in the region of Great Salt Lake and Rocky Mountains in North America appeared as an unusual phenomenon in the nineteenth century. The analysis reveals that these journalistic accounts primarily relied on information borrowed from foreign sources, including Western European and American press materials. The research demonstrates that many contemporary journalists and commentators failed to comprehend the unique phenomenon of Mormons attempting to implement their religious and social utopia in practice. Articles about the “Latter Day Saints” in Russian illustrated magazines were filled with unchecked rumors and contradictory assessments, praising the evident achievements of Mormons in settling Utah territory and highlighting their industriousness while simultaneously criticizing them for their supposed naïveté and absurd beliefs. Furthermore, it is noted that Russian journalists diverged significantly in their interpretations of Mormonism, ranging from negative and critical attitudes towards the community to neutral or sympathetic portrayals of this religious group.

Key words:

new religious movements; Mormons; Church of Jesus Christ of Latter-day Saints; Joseph Smith Jr.; Brigham Young; reflection of historical events in Russian media.

УДК 94(73)“1830/1873”

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-467-485

Научная специальность ВАК
5.6.2. Всеобщая история

Мормоны и мормонское квазигосударство на страницах российских популярных иллюстрированных журналов (начало 1870-х годов)

© Прилуцкий В. В., 2026

1. Введение = Introduction

Религиозное движение мормонов («святых последних дней»), возникшее в 1830 году в западной части штата Нью-Йорк, получило мировую известность в середине XIX века. Основателем новой американской религии был пророк Джозеф Смит-младший (1805—1844) [Brodie, 1995; Remini, 2002; Bushman, 2005; Marquardt, 2005]. Джозефу Смиту в 1827 году якобы явился ангел, открывший местонахождение священной «Книги Мормона», впоследствии переведенной им на английский язык и опубликованной в 1830 году [History ..., 1902—1932, p. 18—35, 71—75; Shipps, 1985, p. 11—24]. Мормоны вели активную миссионерскую деятельность в восточных штатах США, Канаде, Англии, Скандинавии, некоторых других странах Западной Европы. Новообращенные должны были переселиться в Америку, чтобы принять участие в создании утопического религиозного сообщества, известного как «Сион» или «Новый Иерусалим» [O'Dea, 1957; Mauss, 1994; Bushman, 2008, p. 35—48, 84—86]. «Святые последних дней» сыграли значительную роль в освоении западных земель США. В 1847 году во главе с новым пророком Бригамом Янгом (1801—1877) они начали переселение на территорию Юты, где построили свою столицу — г. Солт-Лейк-Сити. На Дальнем Западе «святые» создали квазигосударственное теократическое образование Дезерет (получившее неофициальное название «страна пчел-медоносов») [Allen, 1976, p. 217—288; Saints ..., 2018—2024]. Наиболее яркой и одновременно самой скандальной особенностью мормонской общины являлась практика полигамии [Brodie, 1995, p. 334—347, 457—488; Ostling, 2007, p. 56—76; Bowman, 2012, p. 124—151]. О многоженстве, тайно введенном Джозефом Смитом еще в 1831 году, было официально и открыто объявлено Церковью Иисуса Христа Святых последних дней в 1852 году [Наше наследие ..., 1996, 1999, с. 97].

Целью данной статьи является исследование освещения темы мормонов в российских литературных, политических и научно-популярных

журналах в рассматриваемый исторический период (начало 1870-х годов). В большинстве публикаций в эпоху Российской империи создавался негативный образ мормонов и их лидеров. Но часть статей в отечественной периодической печати отличалась объективностью в оценках движения «святых последних дней» и относительно высоким уровнем научности. Новизна исследования состоит в том, что данная тема в российской историографии не нашла должного освещения, является практически неисследованной.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Теоретико-методологическая основа работы сформирована на базе принципов историзма, объективности, системности, проблемно-хронологического и сравнительно-исторического методов исследования.

Рассмотрены статьи об американских мормонах 1870—1873 годов в популярных отечественных иллюстрированных журналах «Нива», «Живописное обозрение стран света» и «Всемирная иллюстрация». Периодические издания данного направления второй половины XIX — начала XX веков являлись предшественниками современных научно-популярных журналов. Они занимались иллюстрированным описанием последних новостей мира (преимущественно в странах Европы) и событий прошлого.

«Нива» — наиболее популярный иллюстрированный еженедельный журнал «литературы, политики и современной жизни» «для семейного чтения», рассчитанный на широкий круг читателей. Выходил в Санкт-Петербурге в 1869—1918 годах большим тиражом, достигавшим абсолютно рекордных 275 тыс. экз. (1904 год). В 1870—1875 годах и в 1887—1892 годах журнал «Нива» редактировал известный русский писатель-беллетрист, редактор и консервативный журналист Виктор Петрович Ключников (1841—1892). Он получил широкую известность среди читателей своим первым «антинигилистическим», осуждающим революционное движение, романом «Марево», напечатанным в 1864 году в журнале «Русский вестник» знаменитого консервативного публициста и издателя М. Н. Каткова.

«Всемирная иллюстрация» — еженедельный иллюстрированный журнал умеренного либерального направления с художественно-литературным содержанием. Выходил в Санкт-Петербурге в 1869—1898 годах тиражом до 10 тыс. экз. и был рассчитан на массового читателя. Являлся одним из самых популярных среди подобных изданий в Российской империи. С ним сотрудничали известные русские литераторы, писатели, поэты и журналисты.

«Живописное обозрение стран света» — еженедельный иллюстрированный журнал с популярным естественно-историческим содержанием.

Выходил в Санкт-Петербурге в 1872—1905 годах (с небольшим перерывом в 1900—1902 годах). Первым редактором-издателем и одним из авторов материалов этого журнала (1872—1875 годы) был педагог, картограф, географ, этнограф, публицист, чиновник особых поручений Никита Иванович Зуев (1823—1890). Особую ценность для данного исследования имеет статья в журнале «Живописное обозрение» известного дальневосточного золотопромышленника, купца первой гильдии, мецената Михаила Дмитриевича Бутина (1835—1907), совладельца фирмы «Торговый дом братьев Бутиных» (1866—1892 годы). В 1872 году российский предприниматель путешествовал на поезде по США, побывал в Юте и, вероятно, лично встречался с Бригамом Янгом. В одном из своих «писем из Америки» он описал посещение мормонской территории на американском Дальнем Западе, кратко охарактеризовал образ жизни и быт ее насельников [Бутин, 1873].

Во второй половине XIX века авторы статей о мормонах в российской периодической печати часто опирались на сведения о «стране мормонов» известного французского путешественника и ученого-натуралиста Жюль Реми (1826—1893). Он совершил в августе — сентябре 1855 года поездку из Калифорнии в Юту. Впечатления о встрече со «святыми последних дней», а также основные сведения из истории данного религиозного движения и характеристику его специфического квазигосударственного образования он изложил в книге «Путешествие в страну мормонов». Работа была написана на французском языке и вышла в свет в Париже в 1860 году [Rémy, 1860]. Российские авторы также черпали сведения о мормонах из переведенных и изданных на русском языке книг «Новая Америка» (1867 год) и «Духовные жены» (1868 год) известного британского путешественника, историка, писателя, журналиста, литературного критика и религиоведа Уильяма Хепворта Диксона (1821—1879) [Диксон, 1868; Диксон, 1869]. В конце 1860-х годов Диксон путешествовал по Америке и Российской империи, исследуя различные религиозные группы.

На рубеже XX и XXI веков российские ученые начали исследование мормонов, анализируя преимущественно их теологию и религиозную культуру [Девина, 2000; Элбакян, 2003; Элбакян, 2004; Элбакян, 2018; Егоров, 2022; Головушкин, 2025]. Изучением проблематики данной статьи занимался историк, религиовед, главный редактор журнала «Наука и религия» Сергей Георгиевич Антоненко (1974—2021). В своих работах он рассмотрел в основных чертах восприятие мормонов и их учения российскими интеллектуалами, писателями и публицистами дореволюционного периода (1857—1917 годы): Ф. М. Достоевским, П. Л. Лавровым, В. С. Соловьевым, М. М. Ковалевским, Л. Н. Толстым и др. Но отражение мормонизма в российских популярных журналах 1870-х годов не становилось

объектом его исследования. Антоненко также представил краткий обзор сведений о «святых последних дней», содержащихся в отечественной литературе в советскую эпоху (1917—1991 годы) и в постсоветский период (1990—2000-е годы) [Антоненко, 2007а; Антоненко, 2007б].

Автором данной статьи ведется работа по изучению истории Мормонской церкви с центром в Юте, различных течений в раннем движении «святых последних дней» и отражения рассматриваемой темы в отечественной периодической печати XIX века [Прилуцкий, 2024а; Прилуцкий, 2024б].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Общие сведения об истории и религиозных верованиях мормонов в российской периодической печати до 1870 года

Первые упоминания о «святых последних дней» в отечественной периодической печати относятся к 1850 году. В статьях российских публицистов, как правило, кратко излагалась история религиозного движения и деятельность «американского пророка» Джозефа Смита. Авторы части статей и небольших сообщений установить не удалось. Но, как правило, ими были представители редакции того или иного периодического издания. Небольшие статьи часто являлись перепечатками фрагментов путевых заметок и дневников иностранных (западноевропейских) туристов и немногочисленных русских путешественников [Олифф, 1856; Путешествие ..., 1856; Rémy, 1860; Диксон, 1868; Бутин, 1873; Славинский, 1873 и др.]. Значительные по объему тексты в отечественных научно-популярных и литературных журналах были написаны на основе данных свидетельств очевидцев и трудов первых зарубежных исследователей мормонизма. Российские журналисты и публицисты давали им собственные комментарии.

Известия о мормонах, содержащиеся в российской периодической печати, издававшейся до 1860 года, часто отличались сенсационностью. В них присутствовали необъективные оценки исторических событий. Они включали множество непроверенных, недостоверных и искаженных данных, откровенных небылиц и анекдотов о «святых последних дней», перепечатанных со страниц западноевропейской прессы. В качестве примера приведем небольшую по объему заметку в журнале «Отечественные записки» (1857 год): «...Духовно-светский глава общества мормонов имеет в некоторых отношениях сходство с средневековым восточным Старцем Горы (т. е. лидером ассасинов). С одной стороны, он вырывает преступников из рук правосудия, когда хочет им покровительствовать, с другой, у него есть наемные убийцы, частью индейцы, частью мормоны, которые по первому знаку поражают кинжалом того, на кого им указали» [Мормоны в Англии ..., 1857]. Бригам Янг якобы отравил прошлого президента верховного суда Юты и

пытался отравить действующего руководителя судебной инстанции. В Утахе (Юте) существует «скандалёзное многоженство»; «открываются вещи, которые должны возбудить во всех добродетельных американцах глубокое негодование против этого пустынного Гоморра. Стычка, по мнению газеты “Times”, неизбежна; эта газета готова проповедовать крестовый поход против бесстыдного скопища убийц» [Там же]. Мормонизм — «поразительно грубое лжеучение», мормоны — «мерзостное скопище», а их «успехи» с точки зрения «некоторых моралистов» — «признак общественного распада Соединенных Штатов». «Мормоны, говорят, увлекают в свою общину множество женщин в Англии и в самой Америке. Эмиссары Бриггама Юнга всюду отыскивают маленьких девочек, чтобы воспитывать их в мормонской вере. То же делается в Турции для сераля» [Там же].

В этом же российском журнале спустя десятилетие была опубликована серия статей известного российского социолога, философа и историка, одного из основных идеологов народничества Петра Лавровича Лаврова (1823—1900) «Североамериканское сектаторство». Данная статья — одна из первых попыток научного осмысления в конце 1860-х годов феномена мормонов, которому он давал социально-экономическое и социально-психологическое объяснение. Лавров справедливо полагал, что в мормонизм вовлекаются в основном наименее обеспеченные и образованные слои населения США и стран Западной Европы. В условиях жесткой конкуренции бедняки, вступая в теократическую мормонскую общину, готовы отказаться от либеральных свобод. «Масса отсталых, слабых, неумелых, недоразвитых» может «сплотиться и действовать общими силами» в рамках религиозной организации для реализации своих целей, которые они не в состоянии достичь в одиночку и без поддержки других [Лавров, 1868, № 7, с. 278—279].

По его мнению, мормонские миссионеры распространяли «радостную весть» «между матросами, рабочими в доках, простыми земледельцами, уличными носильщиками и им подобными людьми». Это «действительно такого рода весть, какую несчастные и недовольные хотят услышать». «Они проповедуют против мира и обычаев мирских», «говорят, что необходима великая перемена», «обещают бедным более счастливое время и более светлое жилище». Мормонские миссионеры предлагали «голодным — кусок хлеба, бездомным скитальцам — кров, обнаженным — одежду, мастерам — фабрики, крестьянам — фермы <...> Земля, по их мнению, составляет часть неба», а поскольку «земля и все, что на ней, принадлежит Богу, то они объявляют, что все ее сокровища составляют истинное наследие его святых». До богачей и ученых «миссионеру нет никакого дела»; «его область — отдаленные закоулки города, а не большие блестя-

щие улицы <...> Святой возвращается гораздо в низших слоях общества, отыскивая жертв сего мира, о которых кроме его никто, по-видимому, не заботится <...> В нуждах и стремлениях бедных он находит готовое поле для своей проповеди. Но он не хвалит нищих за то, что они бедны; напротив, он проповедует, что богатство — добро, и обещает, подкрепляя свои слова тысячами примеров, что святые разбогатеют трудом своих рук и благословением Бога <...> И те, которые приходят <...> встречают действительно то, что им нужно: в первую же минуту заботливость, материальную и нравственную поддержку» [Там же, с. 282—283].

П. Л. Лавров также подробно описал религиозную ситуацию в США в конце 1860-х годов, охарактеризовал «религиозное состояние североамериканцев». Большое значение, по его мнению, в Америке имел ривайвизм. Но главной отличительной чертой американской религиозной жизни рассматриваемой эпохи являлось сектантство [Лавров, 1868, № 4, с. 404—408], о котором писали и другие исследователи. Так, в одной из заметок в журнале «Нива» в 1873 году утверждалось: «Нигде нет такой веротерпимости и такой полной свободы исповедовать кому и что угодно, как в Америке, что ясно доказывается существованием таких нелепых сект, каковы мормоны и последователи Нозса (община библейских коммунистов-перфекционистов (1836—1879 годы) Дж. Х. Нойеса), и нигде нет такого множества разных сект, расколов, религиозных общин и тому подобного, как именно в Америке» [Религиозная ..., 1872].

3.2. «Святые последних дней» в отечественных иллюстрированных журналах рассматриваемой эпохи: правда и домыслы

Публикации в отечественной периодической печати начала 1870-х годов также содержали сенсации, непроверенные и необоснованные слухи в отношении мормонов и их пророков. Подобная тематика пользовалась популярностью у значительной части читающей публики. Но одновременно в статьях некоторых исследователей наблюдалось повышение уровня объективности в освещении «мормонского вопроса». Одним из авторов статей по движению мормонов в рассматриваемый исторический период являлся редактор еженедельного журнала «Нива», журналист-консерватор В. П. Ключников. В 1870 году на страницах данного периодического издания он утверждал, что одной из главных тем дискуссий в политической элите США стала «перезревшая» проблема мормонов. Ключников опубликовал небольшую статью по данной теме. В ней он утверждал: «Наступает критическая минута, является вопрос: что делать с мормонами? Каким образом истребить в Утахе многоженство, этот остаток варварских времен?». «По известиям из Вашингтона видно, что Конгресс в скором времени намерен серьезно заняться мормонским вопросом. Вопрос этот не

требовал немедленного разрешения, пока “святых” отделяли от восточных и западных штатов Скалистые горы и обширная степь, — тем более что первая попытка против них увенчалась результатом не особенно лестным для Соединенных Штатов» (в 1857—1858 годах). «Но степь теперь уже более не существует; она, равно, как и Скалистые горы, прорезана железной дорогой» (построенной в 1869 году). «Прижатые с двух сторон двумя течениями (переселенцев), из которых одно прет от Миссури, другое — от берегов Тихого океана, мормоны тщетно упираются против слияния с общим американским населением». Автор статьи считал, что «нельзя предполагать, чтобы стали выгонять самих мормонов из Утаха, но будут приняты энергические меры против многоженства» [Клюшников, 1870].

В статье В. П. Клюшникова содержались также непроверенные сведения о возможном исходе мормонов с территории Юты: «По последним известиям с Соляного озера, Бригтэму Юнгу, мормонскому пророку, недавно было весьма многозначительное откровение. Надо заметить, что на его имя, как главы общины, в английском банке хранится изрядный куш: 25 млн долл. Откровение ему было такого рода, чтобы он употребил эту сумму на выселение мормонов на Сандвичевы острова. Говорят, что “святые” Соляного озера встретили первые слухи об этом весьма явными проявлениями неудовольствия» [Там же]. «Очевидно..., что сам пророк понимает, что влияние Тихоокеанской железной дороги в какой-нибудь год или два вынудит его либо отказаться от многоженства, либо уйти из Утаха» [Там же]. Клюшников также охарактеризовал произошедший в середине XIX века раскол в рядах мормонов и появление на Среднем Западе движения джозефитов, находившегося в оппозиции бригамитам Юты: «Сыновья Джозефа Смита, основателя секты и ее первого пророка, стали в положение, враждебное Бригтэму Юнгу, и обвиняют его в ереси, утверждая, что отец их, первый и единственный истинный пророк, осуждал многоженство. У них теперь уже составила очень сильная партия между “святыми”. Многие мормоны, отказавшиеся от многоженства, возвратились в свою прежнюю родину — в Индепенденс..., перекупили там свои прежние земли и намереваются на прежнем месте вновь поставить мормонский храм» [Там же].

Схожие сведения о «святых последних дней» приводились также в анонимных статьях 1870—1871 годов в еженедельном журнале «Всемирная иллюстрация». Удивительно точные детали и мелкие подробности из истории Мормонской церкви переплетались в них с откровенным вымыслом и небылицами из жизни и быта «святых». В данных статьях утверждалось, что «поводом к последнему расколу среди мормонов послужило учение о многоженстве. Сыновья первого пророка Иосифа Смита

Александр и Давид <...> открыто стали восставать против многоженства, основываясь на первоначальном учении своего отца <...> Хотя оба Смита несколько не отступают от учения “книги мормонов”, но тот факт, что они восстали против полигамии, служащей одною из главных основ теперешнего общественного строя “государства мормонов”, и встретили большое сочувствие среди населения Утаха, ясно свидетельствует, что мормонство близко к падению. Недовольство догматом многоженства особенно сильно проявляется между замужними женщинами» [Утах ..., № 74, 1870]. В другой статье сообщалось следующее: «...Недавно, когда открылась железная дорога Тихого Океана, Брайгем Юнг, предвидя, что более удобное сообщение привлечет к Соляному озеру большое число “неверных”, наплыв которых неминуемо поколеблет его царство, объявил на торжественном собрании в храме, что ему было откровение и голос свыше требовал, чтобы он отправился в Лондон, вынул бы там из банка деньги мормонов и поселился бы на Сандвичевых островах <...> Такое неслыханное нахальство окончательно поколебало доверие к пророку в среде “верующих”, и многие стали открыто высказывать сомнения, относительно подлинности божественных откровений, получаемых Брайгемом Юнгом» [Там же]. Однако данные утверждения не соответствовали действительности.

Ошибочными или недостоверными были также сведения о суде над главой мормонов и его позорном бегстве, содержащиеся в статье 1871 года: «...взял верх закон: многоженство послужило предлогом для президента Гранта начать судебное преследование против пророка мормонов и других мормонских патриархов <...> Обвиненный и преданный суду пророк мормонов успел бежать из города Соленого озера ... и скрыться вблизи границ Мексики ... под конвоем двадцати мормонских кавалеристов <...> Но какая судьба должна постигнуть 17 жен пророка и его 60 детей? Часть его семейства, вероятно, бежала с ним вместе, т. к. он уехал из Солт-Лэкс-Сити в пяти фургонах» [Мормоны ..., 1871].

В российских популярных журналах начала 1870-х годов перепечатавали самые общие сведения о мормонах. Как правило, в них содержались достоверные факты из ранней истории движения «святых последних дней». В статьях были подробно охарактеризованы события с момента рождения Джозефа Смита, нахождения им Книги Мормона и начала миссионерской деятельности до переселения религиозного объединения в Юту и на западные территории Америки в 1847 году. Однако трактовка данных событий носила субъективный характер: «Свод нелепых учений, перемешанный с разного рода несообразными и изобретенными самим Смитом преданиями, был выдан им за составленный им перевод “золотой книги” и возбудил толпу до высшей степени экзальтации <...> Новообразо-

ванная религия стала быстро распространяться между невежественными классами населения Северной Америки и нашла себе адептов даже в более образованных классах Англии, Скандинавии и других государствах Европы» [Утах ..., 1870, № 72, с. 362].

Журналисты и публицисты любили описывать столицу «мормонского царства» — Солт-Лейк-Сити: «Город “святых” простирается на две мили в ширину и стоит на правом берегу реки “Иордана”, в расстоянии семи или восьми миль от Соляного озер <...> Обширность города, заключающего в себе 15 тыс. жителей, объясняется тем, что каждому поселенцу мормону отводится огромный участок земли. Город разделяется на 21 квартал, окруженный палисадником; в каждом квартале живет епископ» [Там же, с. 363].

3.3. Свидетельства о Юте путешественника М. Д. Бутина

Русский путешественник М. Д. Бутин весной 1873 года опубликовал в журнале «Живописное обозрение стран света» свои впечатления о посещении Юты, в которой побывал в период с 3 по 15 августа 1872 года. Они мало чем отличались от записок других туристов из Европы, побывавших в Америке, но автора в особенности привлекало горное дело — сфера его профессиональных интересов. Бутин был крайне удивлен феномену мормонов — странного, необъяснимого, необычного явления для западной цивилизации, зародившегося, однако, в ее недрах: «Штат Утах был заселен индейцами до 1846 года; затем его заняли мормоны...» [Бутин, 1873, с. 243].

Русский путешественник побывал в Юте в то время, когда в ней начались радикальные социально-экономические изменения, связанные с завершением строительства и началом эксплуатации Первой Трансконтинентальной железной дороги (1869). Завершался период автаркии, относительной политической независимости и замкнутости сообщества «святых последних дней» [Arrington, 1958, p. 240—244]. На западные земли хлынул поток англоязычных мигрантов, которые не принадлежали к Мормонской церкви: «Железная дорога и открывшиеся рудники вызвали сильный наплыв сюда народа, так что мормонам приходится подумывать о том, куда перенести свое тихое пристанище» [Бутин, 1873, с. 242].

Бутин в своей характеристике экономического развития Юты и успехов мормонов в ведении хозяйства был солидарен со свидетельствами большинства путешественников второй половины XIX века. Они отмечали большие достижения «святых последних дней» в освоении земель Запада. Полупустынный климат Юты и ее обширные пастбища позволяли заниматься скотоводством, птицеводством, но делали затруднительным земледелие, для которого было необходимо создание ирригационных систем. Считается, что мормоны были первыми в англосаксонском мире, успешно

осуществившими орошение засушливых территорий с помощью построенных водных каналов [Brough, 1898, p. 1, 3, 52—54]. Овощеводство и плодоводство стали важной отраслью хозяйства Юты, а фруктовые сады — характерной ее особенностью. В горных долинах выращивали яблони, персики, абрикосы, сливы, вишни, груши, смородину, виноград, малину, клубнику, крыжовник, сахарную свеклу. Предпринимались даже попытки культивирования хлопчатника [Creer, 1947, p. 342—347, 366, 379].

Посетившие Юту американцы из восточных штатов и иностранцы восхищались городом Солт-Лейк-Сити, казавшимся райским местом, «оазисом в пустыне», островком цивилизации, затерявшимся среди Скалистых гор и гигантских безлюдных территорий [Ibid., p. 380—382; On the Way ..., 2010, p. 122, 135—136, 151, 169—170, 175—176]. Бутин писал: «В настоящее время главная улица весьма населена; устроены и строятся великолепные гостиницы и магазины. Молитвы свои мормоны отправляют в табернакуле: это громаднейшее здание, в 15 сажень ширины и 60 длины, со сводом без колонн; в нем помещается великолепный орган с 3-мя тыс. труб, из которых самая большая в 50 футов, а самая малая — 7 дюймов <...> В городе 15 тыс. жителей, несколько школ, театр, музей и 5 газет, из которых одна, ежедневная, посвящена специально горному делу» [Бутин, 1873, с. 242].

Бутин оставил описание мормонского пророка Бригама Янга: «Попав в город, созданный Брейгамом Юнгом, мне, конечно, любопытно было увидеть этого человека, заставившего в наше время десятки тысяч людей последовать своему учению, основанному на своих личных расчетах и удовлетворении человеческих страстей. Впрочем, это учение уже сильно начинает падать, и мормонки уже не считают удобным и выгодным делаться многими зараз женами одного человека. В настоящее время Брейгаму Юнгу уже около 70 лет, но он для своих лет кажется еще очень молод. Это человек среднего роста, довольно полный, весьма живой и любезный...» [Там же, с. 242]. «Странное чувство уносит путешественник, оставляющий город Соленого озера. ... Все еще не верится, что в наше время в одном из уголков цивилизованного мира живет большая семья последователей учения Брейгама Юнга, открыто выдающего себя за пророка и не менее открыто принимающего жертвоприношения яблоками и долларами за выдачу разрешения приобрести себе лишнюю жену. Как человек современный, Юнг держится учения о подоходном налоге» [Там же, с. 243].

Особое внимание Бутин уделял развивавшейся горнорудной промышленности американского Запада: «Рудники Утаха открыты 3 года тому назад; на них работает от 5 до 6 тыс. рудокопов» [Там же, с. 242]. Известно, что до «серебряной лихорадки» мормоны пытались наладить добычу же-

лезной руды и выплавку металла [Creer, 1947, p. 350—357]. Крупнейшие в мире залежи серебра в Юте были обнаружены мормонскими пионерами еще в 1847 году, но из-за удаленности территории геологоразведка и добыча начались только спустя 20 лет.

В статье Бутина нашло отражение не только бурное развитие мормонского региона, но и серьезные трудности, с которыми столкнулись первопоселенцы. Засушливый климат Юты, наличие горных хребтов и пустынь создавали проблемы для колонизации [Creer, 1947, p. 345—347]. Суровые природные условия нередко приводили к массовому падежу скота во время зимовок. Существовала угроза нападения со стороны враждебных индейцев. Ограниченность ресурсов (в некоторых районах остро ощущалась даже нехватка древесины), дефицит рабочей силы и слабо развитая транспортная инфраструктура являлись препятствием для освоения мормонами Юты и роста ее экономики.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в русских популярных иллюстрированных журналах начала 1870-х годов наблюдалась эволюция в восприятии темы мормонов. Первоначально представления о движении «святых последних дней» формировались преимущественно на основе предвзятых мнений и слухов. Это было обусловлено ограниченным доступом к достоверным данным о событиях, происходивших в далекой Америке. Сведения о мормонах поступали преимущественно через вторичные каналы: западноевропейские газеты и книги путешественников-иностранцев. Эти материалы часто были наполнены уже сформировавшимися стереотипами, негативными образами и неверными интерпретациями. Преобладали сенсационные сюжеты. В них мормоны были представлены как «сектанты», практикующие странные обычаи, такие как многоженство. Подобные характеристики закрепляли преимущественно отрицательное восприятие «святых последних дней» среди российских читателей.

После начала конфликтов между мормонами и федеральным правительством США (с 1857 года) тема приобрела политический оттенок. В мормонах авторы статей видели серьезную угрозу обществу и государству, но подлинные причины возникновения противоречий часто оставались непонятными. Дело в том, что религиозное движение мормонов изначально противопоставило себя традиционным христианским конфессиям, вызвав противодействие со стороны властей штатов и американцев-немормонов. Насилие с обеих сторон вылилось в вооруженные конфликты — Мормонские войны (1833—1884 годы). Под давлением местного проте-

стантского населения, настроенного враждебно, «святые последних дней» вынуждены были мигрировать из штата Нью-Йорк дальше на Запад, найдя в 1847 году убежище на еще незаселенной европейцами территории Юты.

В отечественной периодической печати не нашли отражения подлинные преступления мормонов (действия тайных боевых отрядов данитов («ангелов-разрушителей») в 1838 году, уничтожение каравана переселенцев в 1857 году (резня в Маунтин-Медоуз), кровавое подавление восстания морриситов в 1862 году, учение об «искуплении кровью» Бригама Янга и др.). Жалобы на «тиранию мормонов» и насильственное насаждение ими своих обычаев привели к вторжению федеральной армии (Ютская война 1857—1858 годов), после которого конфронтация мормонской общины с американским правительством продолжалась до 1890-х годов.

Российские журналисты почти не уделяли внимания трудолюбию «святых последних дней», их колоссальным усилиям по колонизации Горного Запада — отдаленной от «цивилизации» территории с тяжелыми природными условиями в глубине североамериканского континента. «Собирание Израиля» для того, чтобы «воздвигнуть Царство Божье» в новой «земле обетованной», являвшейся «дикой местностью», «пустыней», требовало реализации, казалось, невыполнимых задач. Караваны мормонских пионеров-первопроходцев преодолевали расстояние от Иллинойса до Юты (1,3 тыс. миль, 2,1 тыс. км) по Великим равнинам за несколько месяцев. Несмотря на труднопроходимый ландшафт, малопригодные для сельского хозяйства климат и почвы Западной Америки, новый «божий народ», одержимый религиозным рвением, превратил Юту в экономически процветающий край. В Юте мормоны (преимущественно бедняки-мигранты из восточных штатов, Канады и Западной Европы), опираясь на принципы взаимопомощи и кооперации, развивали сельское хозяйство, начали добычу полезных ископаемых и даже приступили к созданию местной промышленности.

В статьях же российских публицистов преобладал поверхностный подход к изучению деятельности мормонов и сути их религиозных убеждений. Но постепенно информированность отечественных журналистов возросла, улучшалось качество публикаций, в которых подчеркивалась уникальность адаптации мигрантов к новым для них сложным природным условиям Скалистых гор.

Однако авторы даже наиболее объективных и обстоятельных статей в популярных русских журналах в начале 1870-х годов упрощенно интерпретировали феномен мормонизма. Они упускали важные аспекты развития данной общины, такие как идеалы построения совершенного общества («Сион» или «Новый Иерусалим»). Во многом это было связано с объек-

тивными причинами, затруднявшими получение актуальной и точной информации, что препятствовало непредвзятому восприятию в России явлений американской социальной и религиозной жизни в XIX веке. Среди них следует отметить географическую удаленность, отсутствие регулярных коммуникаций, политические, экономические и культурные различия между двумя странами. В изучаемую эпоху российские читатели сталкивались с фрагментарностью сведений о «святых последних дней» и непониманием глубинных аспектов мормонства. Данная работа иллюстрирует сложность межкультурного общения и передачи знаний в эпоху относительно медленного распространения информации.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Бутин М. Д. Письма из Америки (Продолжение) / М. Д. Бутин // Живописное обозрение стран света. — 1873. — 22 апреля. — № 16. — С. 241—247.
2. Диксон В. Духовные жены. В 2 ч. / В. Диксон. — Санкт-Петербург : Русская книжная торговля, 1869. — 380 с.
3. Диксон В. Новая Америка. В 2 ч. / В. Диксон. — Санкт-Петербург : Русская книжная торговля, 1868. — 398 с.
4. Лавров П. Л. Североамериканское сектаторство. Статья первая / П. Л. Лавров // Отечественные записки. — 1868. — № 4. — С. 403—470.
5. Лавров П. Л. Североамериканское сектаторство. Статья третья / П. Л. Лавров // Отечественные записки. — 1868. — № 7. — С. 269—318.
6. Ключников В. П. Мормоны / В. П. Ключников // Нива. — 1870. — № 4. — С. 64.
7. Мормоны // Всемирная иллюстрация. — 1871. — 4 декабря. — Т. VI. — № 23 (153). — С. 363.
8. Мормоны и их успехи в Англии // Иностранные известия. Отечественные записки. — 1857. — Июль. — Т. CXIII. — С. 136—137.
9. Олифф Ш. Северная Америка в наше время / Ш. Олифф // Пантеон. — 1856. — Т. 26. — № 4. — С. 1—48.
10. Путешествие немецкого туриста по Американскому матерiku из Сан-Луи в Калифорнию // Пантеон. — 1856. — Т. 26. — № 4. — С. 50—66.
11. Религиозная секта в Америке // Живописное обозрение стран света. — 1873. — 28 июня. — № 26. — С. 416.
12. Славинский Н. Е. Письма об Америке и русских переселенцах / Н. Е. Славинский. — Санкт-Петербург : Книжный магазин для иногородных, 1873. — 303 с.
13. Утах, столица «святых последнего дня» и раскол в этой религиозной секте // Всемирная иллюстрация. — 1870. — 16 мая. — Т. III. — № 72. — С. 362—263.
14. Утах, столица «святых последнего дня» и раскол в этой религиозной секте (Окончание) // Всемирная иллюстрация. — 1870. — 30 мая. — Т. III. — № 74. — С. 390.
15. History of the Church of Jesus Christ of Latter-day Saints. In 7 volumes / Edited by B. H. Roberts. — Salt Lake City : Deseret News, 1902—1932. — Vol. I (1805—1833). — 604 p.

16. *On the Way to Somewhere Else: European Sojourners in the Mormon West, 1834—1930* / edited by M. W. Homer. — Salt Lake City : The University of Utah Press, 2010. — 420 p. — ISBN 978-0-87480-994-7.

17. *Rémy J. Voyage au pays des Mormons* / J. Rémy. — Paris : E. Dentu, 1860. — 433 p.

Литература

1. *Антоненко С. Г. Мормоны в России. Путь длиной в столетие : Опыт историко-культурного исследования* / С. Г. Антоненко. — Москва : Родина, 2007а. — 304 с. — ISBN 9-785-91189-005-6.

2. *Антоненко С. Г. Путь длиной в столетие. Формирование образа мормонов в российском общественном сознании* / С. Г. Антоненко // Родина. — 2007б. — № 8. — С. 116—121.

3. *Головушкин Д. А. Мормонский фундаментализм как «другой» американизм* / Д. А. Головушкин // Религиоведение. — 2025. — № 1. — С. 86—96. — DOI: 10.22250/20728662-2025-1-86-96.

4. *Девина И. В. Мормоны : религиозные основания культуры* / И. В. Девина // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3. Философия. — 2000. — № 3. — С. 160—175.

5. *Егоров В. А. Церковь Иисуса Христа Святых последних дней : 190 лет со дня основания и 200 лет со дня Первого видения* / В. А. Егоров // Многообразие религиозных форм современной России. — Санкт-Петербург : Издательство РХГА, 2022. — С. 39—62.

6. *Наше наследие. Краткая история Церкви Иисуса Христа Святых последних дней.* — Солт-Лейк-Сити : Церковь Иисуса Христа Святых последних дней, 1996, 1999. — 152 с.

7. *Прилуцкий В. В. Первые сведения о мормонах в российской периодической печати (1850—1857 гг.)* / В. В. Прилуцкий // Вестник Брянского государственного университета. — 2024а. — № 1 (59). — С. 77—83. — DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-01-77-83.

8. *Прилуцкий В. В. Религиозные и социокультурные группы в истории США : монография* / В. В. Прилуцкий. — Брянск : Издательство ИП Худовец Р.Г., 2024б. — 312 с. — ISBN 978-5-6051156-8-7.

9. *Элбакян Е. С. Церковь Иисуса Христа Святых последних дней : история и современность* / Е. С. Элбакян // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. — 2004. — № 3. — С. 44—69.

10. *Элбакян Е. С. Церковь Иисуса Христа Святых последних дней : прошлое и настоящее* / Е. С. Элбакян // Религиоведение. — 2003. — № 4. — С. 23—40.

11. *Элбакян Е. С. Мормонизм и протестантизм: сравнительный анализ* / Е. С. Элбакян, Н. В. Шабуров // Концепт : философия, религия, культура. — 2018. — № 4 (8). — С. 84—109. — DOI: 10.24833/2541-8831-2018-4-8-84-109.

12. *Allen J. The Story of the Latter-day Saints* / J. Allen, G. M. Leonard. — Salt Lake City : Deseret Book Co., 1976. — 722 p. — ISBN 0-87747-594-6.

13. *Arrington L. J. Great Basin Kingdom. An Economic History of the Latter-day Saints, 1830—1900* / L. J. Arrington. — Cambridge : Harvard University Press, 1958. — 534 p. — ISBN 059825711X.

14. *Bowman M. B. The Mormon People : The Making of an American Faith* / M. B. Bowman. — New York : Random House, 2012. — 350 p. — ISBN 978-0679644903.

15. *Brodie F. M.* No Man Knows My History : The Life of Joseph Smith / F. M. Brodie. — New York : Vintage Books, 1995. — 576 p. — ISBN 978-0679730545.
16. *Brough C. H.* Irrigation in Utah / C. H. Brough. — Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1898. — 227 p.
17. *Bushman R. L.* Joseph Smith : Rough Stone Rolling / R. L. Bushman. — New York : Alfred A. Knopf, 2005. — 740 p. — ISBN 1-4000-4270-4.
18. *Bushman R. L.* Mormonism : A Very Short Introduction / R. L. Bushman. — New York : Oxford University Press, 2008. — 145 p. — ISBN 978-0-19-531030-6.
19. *Creer L. H.* The Founding of an Empire: The Exploration and Colonization of Utah, 1776—1856 / L. H. Creer. — Salt Lake City : Bookcraft, 1947. — 469 p.
20. *Marquardt H. M.* The Rise of Mormonism, 1816—1844 / H. M. Marquardt. — Longwood, Florida : Xulon Press, 2005. — 696 p. — ISBN 978-1597814706.
21. *Mauss A. L.* The Angel and the Beehive : The Mormon Struggle with Assimilation / A. L. Mauss. — Urbana & Chicago : University of Illinois Press, 1994. — 257 p. — ISBN 978-0-252-02071-1.
22. *O'Dea T. F.* The Mormons / T. F. O'Dea. — Chicago : The University of Chicago Press, 1957. — 288 p. — ISBN 978-0-226-61743-5.
23. *Ostling R. N.* Mormon America : The Power and the Promise / R. N. Ostling, J. K. Ostling. — New York : HarperOne, 2007. — 504 p. — ISBN 978-0-06-143295-8.
24. *Remini R. V.* Joseph Smith / R. V. Remini. — New York : Viking, Penguin Group, 2002. — 190 p. — ISBN 0-670-03083-X.
25. *Saints* : The Story of the Church of Jesus Christ in the Latter Days. In 4 volumes. — Salt Lake City : Deseret Book Co., 2018—2024. — Vol. 1—2. — ISBN 978-1629737102, ISBN 978-1629726489.
26. *Shipp J.* Mormonism : The Story of a New Religious Tradition / J. Shipp. — Chicago : University of Illinois Press, 1985. — 211 p. — ISBN 978-0252011597.

Статья поступила в редакцию 16.09.2025,
одобрена после рецензирования 05.12.2025,
подготовлена к публикации 23.01.2026.

Material resources

- Butin, M. D. (1873). Letters from America (Continued). *Pictorial survey of the countries of the world*, 16: 241—247. (In Russ.).
- Dixon, V. (1868). *New America. At 2 o'clock*. St. Petersburg: Russian Book Trade. 398 p. (In Russ.).
- Dixon, V. (1869). *Spiritual wives. At 2 o'clock*. St. Petersburg: Russian Book Trade. 380 p. (In Russ.).
- Klyushnikov, V. P. (1870). Mormons. *Niva*, 4: P. 64. (In Russ.).
- Lavrov, P. L. (1868). North American sectarianism. The first article. *Otechestvennye zapiski (hereinafter — OZ)*, 4: 403—470. (In Russ.).
- Lavrov, P. L. (1868). North American sectarianism. The third article. *OZ*, 7: 269—318. (In Russ.).
- Mormons and their successes in England. (1857). *Foreign news. Domestic notes*, CXIII: 136—137. (In Russ.).
- Mormons. (1871). *World illustration*, VI / 23 (153): P. 363. (In Russ.).
- Oliff, S. (1856). North America in our time. *Pantheon*, 26 (4): 1—48. (In Russ.).

- Homer, M. W. (ed.). (2010). *On the Way to Somewhere Else: European Sojourners in the Mormon West, 1834–1930*. Salt Lake City: The University of Utah Press. 420 p. ISBN 978-0-87480-994-7.
- Religious sect in America. (1873). *Pictorial survey of the countries of the world*, 26: P. 416. (In Russ.).
- Rémy, J. (1860). *Voyage au pays des Mormons*. Paris: E. Dentu. 433 p. (In French.).
- Roberts, B. H. (ed.). (1902—1932). *History of the Church of Jesus Christ of Latter-day Saints. In 7 volumes, I*. Salt Lake City: Deseret News. 604 p.
- Slavinsky, N. E. (1873). *Letters about America and Russian immigrants*. St. Petersburg: Bookstore for nonresidents. 303 p. (In Russ.).
- The journey of a German tourist across the American mainland from St. Louis to California. (1856). *Pantheon*, 26 (4): 50—66. (In Russ.).
- Utah, the capital of the “latter-day saints” and the schism in this religious sect. (1870). *World Illustration*, III (72): 362—263. (In Russ.).
- Utah, the capital of the “latter-day saints” and the schism in this religious sect (Ending). (1870). *World Illustration*, III (74): P. 390. (In Russ.).

References

- Allen, J., Leonard, J. M. (1976). *The Story of the Latter-day Saints*. Salt Lake City: Deseret Book Co. 722 p. ISBN 0-87747-594-6.
- Antonenko, S. G. (2007a). *Mormons in Russia. A century-long Journey: The Experience of Historical and Cultural Research*. Moscow: Rodina LLC. 304 p. ISBN 9-785-91189-005-6. (In Russ.).
- Antonenko, S. G. (2007b). The century-long path. Formation of the image of Mormons in the Russian public consciousness. *Rodina*, 8: 116—121. (In Russ.).
- Arrington, L. J. (1958). *Great basin kingdom: An economic history of the Latter-day Saints, 1830–1900*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 534 p. ISBN 059825711X.
- Bowman, M. B. (2012). *The Mormon People: The Making of an American Faith*. New York: Random House. 350 p. ISBN 978-0679644903.
- Brodie, F. M. (1995). *No Man Knows My History: The Life of Joseph Smith*. New York: Vintage Books. 576 p. ISBN 978-0679730545.
- Brough, C. H. (1898). *Irrigation in Utah*. Baltimore, MD: The Johns Hopkins Press. 227 p.
- Bushman, R. L. (2005). *Joseph Smith: Rough Stone Rolling*. New York: Alfred A. Knopf. 740 p. ISBN 1-4000-4270-4.
- Bushman, R. L. (2008). *Mormonism: A Very Short Introduction*. New York: Oxford University Press. 145 p. ISBN 978-0-19-531030-6.
- Creer, L. H. (1947). *The founding of an empire: The exploration and colonization of Utah, 1776–1856*. Salt Lake City, UT: Bookcraft. 469 p.
- Devina, I. V. (2000). Mormons: religious foundations of culture. Social Sciences and Humanities. *Russian and foreign literature. Series 3. Philosophy*, 3: 160—175. (In Russ.).
- Egorov, V. A. (2022). The Church of Jesus Christ of Latter—day Saints: 190 years since its foundation and 200 years since the First Vision. In: *The diversity of religious forms in modern Russia*. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Fine Arts. 39—62. (In Russ.).
- Elbakyan, E. S. (2003). The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints: past and present. *Religious studies*, 4: 23—40. (In Russ.).
- Elbakyan, E. S. (2004). The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints: history and modernity. *Bulletin of the Moscow University. Series 7. Philosophy*, 3: 44—69. (In Russ.).

- Elbakyan, E. S., Shaburov, N. V. (2018). Mormonism and Protestantism: a comparative analysis. *Concept: philosophy, religion, culture*, 4 (8): 84—109. DOI: 10.24833/2541-8831-2018-4-8-84-109. (In Russ.).
- Golovushkin, D. A. (2025). Mormon fundamentalism as a “different” Americanism. *Religious Studies*, 1: 86—96. DOI: 10.22250/20728662-2025-1-86-96. (In Russ.).
- Marquardt, H. M. (2005). *The Rise of Mormonism, 1816—1844*. Longwood, Florida: Xulon Press. 696 p. ISBN 978-1597814706.
- Mauss, A. L. (1994). *The Angel and the Beehive: The Mormon Struggle with Assimilation*. Urbana & Chicago: University of Illinois Press. 257 p. ISBN 978-0-252-02071-1.
- O’Dea, T. F. (1957). *The Mormons*. Chicago: The University of Chicago Press. 288 p. ISBN 978-0-226-61743-5.
- Ostling, R. N., Ostling, J. K. (2007). *Mormon America: The Power and the Promise*. New York: HarperOne. 504 p. ISBN 978-0-06-143295-8.
- Our legacy. (1996, 1999). *A brief history of the Church of Jesus Christ of Latter-day Saints*. Salt Lake City: Church of Jesus Christ of Latter-day Saints. 152 p. (In Russ.).
- Prilutsky, V. V. (2024). *Religious and socio-cultural groups in the history of the USA: a monograph*. Bryansk: Publishing house of IP Khudovets R. G. 312 p. ISBN 978-5-6051156-8-7. (In Russ.).
- Prilutsky, V. V. (2024). The first information about Mormons in the Russian periodical press (1850—1857). *Bulletin of the Bryansk State University*, 1 (59): 77—83. DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-01-77-83. (In Russ.).
- Remini, R. V. (2002). *Joseph Smith*. New York: Viking, Penguin Group. 190 p. ISBN 0-670-03083-X.
- Saints: The Story of the Church of Jesus Christ in the Latter Days. In 4 volumes, 1—2.* (2018—2024). Salt Lake City: Deseret Book Co. ISBN 978-1629737102, ISBN 978-1629726489.
- Shipps, J. (1985). *Mormonism: The Story of a New Religious Tradition*. Chicago: University of Illinois Press. 211 p. ISBN 978-0252011597.

*The article was submitted 16.09.2025;
approved after reviewing 05.12.2025;
accepted for publication 23.01.2026.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(1), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Рудая О. И. Колхозная система как индикатор патриотических настроений в советской деревне 1930-х годов (по материалам Юга России) / О. И. Рудая, А. Н. Усенко // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 1. — С. 486—507. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-486-507.

Rudaya, O. I., Usenko, A. N. (2026). Collectivization as an Indicator of Patriotic Sentiment in Soviet Rural Society during 1930s: A Case Study from Southern Russia. *Nauchnyi dialog*, 15 (1): 486-507. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-486-507. (In Russ.).

Web of Science®

DOAJ

НАУЧНАЯ УНИВЕРСИТЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

eLIBRARY.RU

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Колхозная система как индикатор патриотических настроений в советской деревне 1930-х годов (по материалам Юга России)

Рудая Ольга Ивановна

orcid.org/0000-0001-8955-121X

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории и культурологии
oiru2011@yandex.ru

Усенко Александр Николаевич

orcid.org/0009-0008-8464-7683

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории и культурологии,
корреспондирующий автор
allexsandr@bk.ru

Донской государственный
технический университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

Collectivization as an Indicator of Patriotic Sentiment in Soviet Rural Society during 1930s: A Case Study from Southern Russia

Olga I. Rudaya

orcid.org/0000-0001-8955-121X

PhD in History, Associate Professor,
Department of History
and Cultural Studies
oiru2011@yandex.ru

Alexander N. Usenko

orcid.org/0009-0008-8464-7683

PhD in History, Associate Professor,
Department of History
and Cultural Studies,
corresponding author
allexsandr@bk.ru

Don State Technical University
(Rostov-on-Don, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье анализируется колхозная система как важнейший фактор патриотических настроений в советской деревне 1930-х годов. Обозначенная проблематика не получила должного осмысления в исторической литературе, что и определяет ее научную актуальность и новизну. Исследование основано на материалах Юга России как одного из аграрных регионов СССР. В качестве источников выступили опубликованные и архивные материалы и документы. Авторское внимание направлено на исследование изменений в патриотических настроениях сельского населения в эпоху социалистических преобразований. Установлено, что форсированная и насильственная коллективизация оказала разрушительное воздействие на психологическое состояние сельчан, утративших доверие к власти. Обосновано мнение, что в первой половине 1930-х годов в результате аграрной модернизации и деструктивных методов ее проведения патриотизм в деревне был существенным образом деформирован. Путем сравнительно-исторического анализа доказано, что в условиях повышения уровня жизни в колхозах и целенаправленной политики государства по патриотическому воспитанию молодежи во второй половине 1930-х годов любовь к Родине вновь утвердилась как фундаментальная ценность сельского общества.

Ключевые слова:

СССР; коллективизация; колхозная система; крестьянство; казачество; патриотизм; социальный протест.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article analyzes collectivized agriculture as a critical factor influencing patriotic sentiment among rural populations in the Soviet Union during the 1930s. The study highlights that this topic has not received adequate attention within historical scholarship, thereby underscoring its academic relevance and novelty. Based on archival records and published materials primarily sourced from southern regions of Russia — an important agricultural area — the research investigates shifts in peasant attitudes toward their homeland amidst socialist transformations. It argues that forced and violent collectivization efforts severely undermined villagers' psychological well-being by eroding trust in authority. Consequently, the first half of the decade witnessed significant distortion of traditional patriotic values due to agrarian modernization policies implemented through destructive methods. However, comparative-historical analysis demonstrates that improvements in living standards within collective farms combined with state-driven initiatives for youth-oriented patriotic education restored love for country as a foundational value in rural society by the late 1930s.

Key words:

Soviet Union; Collectivization; Collective Farm System; Peasantry; Cossacks; Patriotism; Social Protest

УДК 94(470.62/.63)“193”

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-486-507

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Колхозная система как индикатор патриотических настроений в советской деревне 1930-х годов (по материалам Юга России)

© Рудая О. И., Усенко А. Н., 2026

1. Введение = Introduction

Рубеж 1920—1930-х годов вошёл в историю советского государства как начало грандиозных преобразований, названных И. В. Сталиным «великим переломом». Данное определение достаточно четко отразило сущность и особенности социально-экономических, общественно-политических и культурных процессов, которые происходили в СССР в 1930-е годы. Сталинская модернизация привела к созданию современной промышленности и аграрного производства, развитию культуры и укреплению обороноспособности страны. Однако зачастую она проводилась методами принуждения и насилия и сопровождалась огромными жертвами. Наиболее трагическим событием эпохи модернизации стала сплошная коллективизация сельского хозяйства, встретившая массовое сопротивление крестьян и превратившая советскую (российскую) деревню в пространство ожесточенных конфликтов.

В советской литературе проблематика социального противостояния в период коллективизации освещалась в соответствии с положениями «Краткого курса истории ВКП(б)», в котором утверждалось, что против колхозного строительства выступали исключительно кулаки, тогда как основная масса крестьян поддерживала власть при создании колхозов и раскулачивании [История ..., 1938, с. 290—292]. Подобные выводы регулярно воспроизводились в трудах советских историков [История советского крестьянства ..., 1986; Краев, 1954; Селунская, 1961; Трапезников, 1959]. Напротив, в постсоветский период отечественные исследователи, как и зарубежные, отмечали, что сопротивление политике коллективизации оказывали не только кулаки, но и значительная часть сельских жителей. Причем антиколхозные протесты в начале 1930-х годов были настолько активными и массовыми, что, по мнению ряда авторов, их правомерно трактовать как «крестьянскую войну» [Виола 2010; Грациози, 2008; Зеленин, 2006; Ивницкий, 1994; Фицпатрик, 2001; Хлевнюк, 2010].

Наряду с народными выступлениями исследователи анализируют и общественные настроения в эпоху «великого перелома». Специалисты констатируют, что многие крестьяне крайне негативно относились не только к колхозам, но и к сталинскому режиму, осуществлявшему сплошную коллективизацию насильственными методами. Лишь к концу 1930-х годов основная масса сельчан в большей или меньшей степени примирилась со сложившимся в стране социально-экономическим и политическим строем [Безгин и др., 2019, с. 243—259; Евдокимов и др., 2014, с. 153—156; Кедров, 2013; Лившин и др., 2002; Свирина, 1993; Слезин и др., 2022, с. 453—469].

Вместе с тем в изучении крестьянского восприятия аграрных преобразований сохраняется ряд малоисследованных аспектов, одним из которых является деформация базового компонента общественного сознания — патриотизма. Причины антипатриотизма среди крестьян в условиях коллективизации очевидны, но требуется осмысление его масштабов, форм и региональных (этносоциальных) особенностей. Необходимо установить факторы, под влиянием которых антипатриотические и антигосударственные настроения в деревне к концу 1930-х годов постепенно сошли на нет, охарактеризовать мероприятия государства по формированию лояльности к Родине. Обозначенная проблематика наряду с научно-теоретической обладает и прикладной актуальностью. Поскольку патриотизм является фундаментальной основой общества, недопущение его эрозии (в том числе путем использования исторического опыта) чрезвычайно важно в современных условиях. В связи с этим необходимо установить динамику патриотических настроений в деревне в 1930-е годы и выявить воздействие на них коллективизации и колхозной системы.

2. Материалы, методы, обзор = Materials, Methods, Review

Исследование было проведено на основе материалов южно-российских регионов: Дона, Кубани, Ставрополя, находившихся на рубеже 1920—1930-х годов в административных границах Северо-Кавказского края, с января 1934 года — Северо-Кавказского и Азово-Черноморского краев, а в 1937 году ставших самостоятельными субъектами РСФСР как Ростовская область, Краснодарский и Орджоникидзевский (позднее — Ставропольский) края. Выбор данных районов в контексте изучения коллективизации и связанных с ней социально-политических и культурных процессов не случаен. Во-первых, это аграрные регионы с развитым полеводством, в которых преобразования проводились наиболее активно. Согласно постановлению ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» от 5 января 1930 года,

Северный Кавказ наряду с Поволжьем должен был завершить сплошную коллективизацию уже осенью того же года «или, во всяком случае, весной 1931 года» [Трагедия ..., 2000, с. 85]. Предельно сжатые сроки позволяли исполнителям на местах широко применять меры принуждения и административного давления на хлеборобов, у которых возникало естественное желание к сопротивлению.

Во-вторых, следует указать на социокультурную специфику южно-российских регионов, где заметную долю сельского населения составляли донские, кубанские и терские казаки. В менталитете казачьих сообществ, которые формировались в постоянной борьбе с врагами и на протяжении столетий несли службу по защите границ, патриотизм являлся базовым компонентом, поэтому его деформация выглядит более чем контрастно.

Источниковой базой исследования выступают письма, свидетельства и воспоминания современников, а также архивные материалы, извлеченные из фондов Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) и Государственного архива Ростовской области (ГАРО). Методологический инструментарий включает в себя проблемно-хронологический метод и контент-анализ. С помощью первого удалось проследить динамику патриотических настроений в деревне на протяжении 1930-х годов, а контент-анализ позволил сформулировать вывод о том, насколько широко были распространены среди возмущенного коллективизацией крестьянства ожидания иностранной интервенции, воспринимавшейся как избавление от власти большевиков.

3. Результаты и обсуждения = Results and Discussion.

В ноябре 1929 года была опубликована статья И. В. Сталина «Год великого перелома», в которой утверждалось, что компартия смогла «повернуть основные массы крестьянства в целом ряде районов» на социалистический путь развития и что теперь крестьяне вступают в колхозы «не отдельными группами..., а целыми селами, волостями, районами, даже округами» [Сталин, 1953, с. 125, 132]. По утверждению советского лидера, организация коллективных хозяйств становилась массовым и повсеместным явлением. Данная статья послужила сигналом к развертыванию сплошной коллективизации, когда местные партработники всеми способами стремились ее форсировать.

Безусловно, в это время на селе имелись сторонники колхозов, на которых могло опереться правительство при проведении аграрной модернизации. Однако вопреки сталинским высказываниям основная масса крестьян в конце 1920-х годов не проявляла особого желания переходить на путь коллективного земледелия. Поэтому представители власти проигнорировали

рекомендации XV съезда ВКП(б), провозгласившего в декабре 1927 года курс на коллективизацию, которая должна носить добровольный характер. Коллективизация «по-сталински» проводилась путем применения не только агитационно-пропагандистских мероприятий, но и прямого административного давления, угроз и насилия. Как выразился один из современников, во время коллективизации чиновники предпочитали не агитировать крестьян за колхозы, а угрожать им, показывая «на дуло револьвера и на тюрьму» [Тепцов, 2002, с. 52]. Все это закономерным образом провоцировало массовые антиколхозные протесты в деревне, в том числе и на Юге России.

3.1. Нравственные деформации сельского населения Юга России в условиях «великого перелома» (конец 1920 — начало 1930-х годов)

Сопrotивление крестьянства насильственной коллективизации имело самые разные формы — от массового забоя скота, чтобы не отдавать его в обобщественное стадо, до стихийных бунтов и попыток поднять вооруженное восстание. Так, в 1930 году органами ОГПУ в деревне было зафиксировано около 32 тыс. различных акций протеста: агитации против колхозов, распространение листовок с антиправительственными призывами, волнения, террористические акты в отношении представителей власти и просоветских активистов, создание тайных организаций и пр. Их количество в 2,5 раза превышало показатели 1929 года, когда сотрудники госбезопасности насчитали до 12,8 тыс. антиколхозных и антиправительственных выступлений [Данилов и др., 1999, т. 1., с. 8—9]. В целом по СССР в 1930 году было зафиксировано около 13,8 тыс. массовых выступлений (с участием до 2,5 млн чел.), что более чем в 10 раз превышало данные 1929 года [Бондарев, 2005, с. 365]. Северо-Кавказский край отличался повышенной степенью недовольства, поэтому аналитики ОГПУ в отчёте от 17 марта 1930 года отнесли его к числу регионов, «сильно пораженных» протестным движением [Ивницкий, 1995, с. 267].

Подобные действия представляли серьезную угрозу для политического режима и причинили огромный ущерб сельскому хозяйству. Даже по официальным сведениям, которые И. В. Сталин сообщил в своем выступлении на XVII съезде ВКП(б), в СССР в первой половине 1930-х годов наблюдалось сильное сокращение скотопоголовья. В процентном соотношении в 1933 году по сравнению с 1929 годом в стране осталось только 49,1 % лошадей, 55,6 % крупного рогатого скота, 34,3 % овец и коз и т. д. [Сталин, т. 13, с. 321]. Северо-Кавказский край понес ещё более высокие потери по причине ожесточенного сопротивления местных крестьян и казачков сплошной коллективизации. По имеющимся данным, в 1933 году в крае оставалось лишь 33,6 % поголовья лошадей, 48,5 % крупного рогатого скота, 41 % овец и коз [Бондарев, 2006, с. 193].

В то же время форсированная коллективизация нанесла мощный удар по морально-нравственному состоянию и общественному настрою сельского населения. Анализ разнообразных источников свидетельствует о широком распространении среди его представителей настроений, которые можно обозначить как «ожидания интервенции».

Сплошная коллективизация, носившая насильственный характер, существенным образом подрывала доверие населения к власти. Результатом этого стала готовность множества сельских жителей поддержать иностранную интервенцию. Угроза вторжения со стороны зарубежных держав и белоэмигрантов в СССР воспринималась его гражданами как неотвратимая. Логичным казалось нападение в условиях ослабления обороноспособности государства внутривнутриполитическим кризисом и крестьянскими восстаниями. Более того, советское руководство неоднократно заявляло о вероятности интервенции. Показательна «военная тревога» 1927 года, когда официальные лица СССР прогнозировали близкую войну с Британией. Алармистские утверждения были характерны и для 1930-х годов. Достаточно вспомнить выступление И. В. Сталина на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 года, подчеркнувшего, что нельзя снижать темпы строительства, поскольку Советский Союз еще больше отстанет от развитых капиталистических стран, а «отсталых бьют» [Сталин, 1953, т. 13, с. 38]. Обобщая подобные опасения, деятель компартии К. Радек констатировал, что в начале 1930-х годов «мировая буржуазия... взялась за постановку интервенции» в отношении СССР [Радек, 1934, с. 2].

Советские лидеры, заявлявшие о возможности нападения капиталистических держав, рассчитывали использовать фактор внешней угрозы в целях консолидации общества. Однако спровоцированные «великим переломом» острый социальный конфликт и резкое падение жизненного уровня вели к тому, что алармистская риторика способствовала не сплочению, а фрагментации общества и обострению противостояния. Слушая утверждения партийных функционеров о высокой вероятности иностранной агрессии, крестьяне полагали, что она действительно «не за горами». Советские чиновники сами способствовали распространению в деревне «ожиданий интервенции».

В начале 1930-х годов слухи о скором вторжении капиталистических держав на территорию СССР широко распространились в обществе, включая сельское население. Их наличие было характерно и для сел и станиц Дона, Кубани и Ставрополья. Судачили о самых разных вариантах интервенции: на Советский Союз готовились нападать (или даже уже напали) Япония, Китай, Польша или сразу вся Европа, США и даже «весь мир» [ГАРО,

ф. р-1185, л. 116.]. Так, в 1930 году кубанские казаки писали своим родственникам-белоэмигрантам о том, что, вероятно, Китай собирается напасть на СССР [Крестная ноша..., 1994, с. 179]. В следующем году в казачьих станицах Юга России «усиленно» поговаривали, что «Европа скоро будет идти войной на нас, так многие и работать не хотят. Говорят, хоть бы Бог дал скорей» [Крестная ноша ..., 1994, с. 224]. Весной 1934 года в станице Екатерининской Белокалитвенского района Азово-Черноморского края антисоветски настроенные жители распространяли слухи о близкой войне с Японией [ЦДНИРО, ф. 166, л. 142—143]. Тогда же подобные вести разносились и по Пролетарскому району данного края [ЦДНИРО, ф. 166, л. 56]. После прихода в Германии в январе 1933 года к власти А. Гитлера среди участников интервенции против СССР стал упоминаться и Третий рейх.

Длинный перечень вероятных агрессоров объяснялся в первую очередь тем, что Советский Союз находился во враждебном капиталистическом окружении и мог ожидать нападения с разных сторон. Сказывалась также особенность слухов как неverified информации, которая базировалась на домыслах и эмоциях и транслировалась в обществе по принципу «испорченного телефона». Важным фактором их распространения являлась и национальная принадлежность жителей советской деревни. В частности, согласно датированным декабрем 1933 года аналитическим материалам ОГПУ по Северо-Кавказскому краю, ожидания нападения гитлеровской Германии на СССР были весьма распространены в немецких колониях края [ЦДНИРО, ф. 166, л. 51—70].

Значительная часть сельского социума с нетерпением ждала интервенции, полагая, что она прекратит коллективизацию и ликвидирует колхозы. Об этом свидетельствуют зафиксированные в источниках высказывания и письма сельчан, призывавших к скорейшей интервенции. «Боже милосердный, где наши спасители? Идите скорей, какой угодно ценой...» [Крестная ноша ..., 1994, с. 114] — этот отчаянный призыв содержится в письме казака родственникам-белоэмигрантам, чье участие в нападении на Советский Союз, как надеялся автор, станет обязательным. Летом 1930 года один из раскулаченных ссыльнопоселенцев в письме к родным выразил общие ожидания следующими словами: «С трепетом жадных сердец ждем войны, думаю, что должно это слово сбыться» [Трагедия ..., 2000, т. 2, с. 521].

Более того, немало антисоветски настроенных жителей, к которым примыкали крестьяне, чья лояльность власти была серьезно подорвана коллективизацией, горели желанием поддержать интервентов и с оружием в руках выступить против большевиков. Источники первой половины 1930-х годов изобилуют подобными заявлениями. В частности, в мае 1930 года сотрудники ОГПУ фиксировали среди высланных на Урал кулаков, в числе которых

были уроженцы южнороссийских регионов, намерения поднять восстание против советской власти в случае интервенции: «Скоро начнется война, а мы ударим с тылу» [Там же, с. 446]. Весной 1934 года среди сельского населения Пролетарского и Сальского районов Азово-Черноморского края звучали высказывания: «Скорее бы война, мы им (большевикам. — *О. Р. А. У.*) вспомним, ведь миллионы арестованных ожидают этого момента», «будет война..., все пойдем против Соввласти» [ЦДНИРО, ф. 166, л. 56]. В 1933 году Я. Мартинс, молодой колхозник из села Великокняжеское на Ставрополье, написал письмо лично «рейхсканцлеру Гитлеру», в котором жаловался на продовольственные затруднения, критиковал коммунистический режим и выражал готовность помогать «немецким социал-фашистам» в их подрывной работе против СССР. «Было бы очень желательно», — обращался Я. Мартинс к А. Гитлеру, — «чтобы мы с вами имели переписку... Мы будем с большой радостью выполнять работу, которая будет вами на нас возложена» [Бондарев и др., 2024, с. 350—351].

В ряде случаев антисоветски настроенные жители пытались перейти от слов к делу и подготовиться к военной интервенции, чтобы оказать помощь агрессору. В марте 1931 года сотрудники Секретно-политического отдела ОГПУ, проанализировав формы и динамику протестного движения в 1930 году, докладывали руководству о том, что «в деятельности кулачества и контрреволюционных элементов в деревне в последнее время все отчетливее вырисовывается повстанческая линия борьбы с установкой на решительное выступление к моменту ожидаемой ими интервенции» [Трагедия ..., 2000, т. 2, с. 787]. На Юге России наиболее известным примером повстанческой организации, ожидавшей скорой интервенции, является группа А. С. Сенина, который в досоветский период и во время Гражданской войны имел чин есаула в войске Донском. В годы коллективизации в Вешенском районе Северо-Кавказского края он создал тайную организацию, которая намеревалась установить связь с иностранными государствами с помощью «прилетевшего самолетом из-за границы генерала Алфёрова». А. С. Сенин планировал поднять восстание возмущенных коллективизацией казаков, рассчитывая на поддержку зарубежья [Донские казаки ..., 2022, с. 103].

Известно, что органы госбезопасности были склонны преувеличивать степень активности и организованности антисоветски настроенных сельских жителей. На основе анализа процитированных отчетов ОГПУ может сложиться впечатление, что к началу 1931 года в СССР существовали организованные тайные общества, готовившие вооруженное восстание на случай войны с капиталистическими державами. Действительность не подтверждала подобного алармизма. Крестьянские волнения во все времена отличались низкой степенью организации и централизации, что перма-

нентно приводило к их поражению. Что же касается казаков, более сплоченных в силу корпоративной солидарности, то понесенные ими потери в ходе Гражданской войны и репрессий конца 1920 — начала 1930-х годов максимально снизили их протестный потенциал. Нередко сотрудники органов госбезопасности буквально «конструировали» заговорщические объединения. Согласно обоснованным выводам исследователей, организация есаула А. С. Сенина являлась плодом провокации ОГПУ [Донские казаки ..., 2022, с. 103—105].

Однако очевидно и то, что среди противников коллективизации имелось немало желающих оказать помощь интервентам, и Я. Мартинс был не единственным. Тот же А. С. Сенин и его единомышленники, не являясь хорошо вооруженной группой, были настроены враждебно по отношению к советскому политическому режиму и приветствовали бы интервенцию. Антипатриотические настроения стали закономерным ответом крестьянства и казачества на коллективизацию.

3.2. Тенденции общественных настроений в коллективизированной деревне во второй половине 1930-х годов

Вопреки надеждам оппозиционно настроенных к коммунистическому режиму граждан, вооруженного вторжения иностранных государств в Советский Союз в первой половине 1930-х годов не произошло. Данное обстоятельство вызывало разочарование у противников советской власти, понимавших, что без вмешательства извне вероятность её свержения минимальна. Показательны эмоциональные претензии одного из донских казаков к своим родственникам-белоэмигрантам, жившим за границей. С великим возмущением он писал: «Что же вы... и в 1931 году ничего не будете делать?! Газеты пишут то об интервенции, то о папе Римском — все на бумаге, а на деле ничего нет!» [Крестная ноша ..., 1994, с. 196].

Отсутствие интервенции способствовало затуханию протестного движения в советской (российской) деревне, успокоению крестьянства и ослаблению антипатриотических настроений. Однако существовали и более значимые факторы, оказавшие влияние на изменение настроений сельского социума во второй половине 1930-х годов.

Среди них в первую очередь следует назвать масштабные репрессивные акции, которые сталинский режим проводил в отношении действительных, потенциальных и мнимых противников. Репрессии осуществлялись на протяжении 1930-х годов, достигнув пика в период сплошной коллективизации, раскулачивания и «Большого террора» 1937—1938 годов. По подсчетам одного из наиболее авторитетных исследователей сталинских репрессий В. Н. Земскова, в «кулацкой ссылке» в 1930—1940 гг. побывало не менее 2,3 млн крестьян, из которых около 700 тыс. умерло из-за

тяжелых условий содержания [Земсков, 2012, с. 13]. В 1937—1938 годах было осуждено по политическим обвинениям свыше 1,3 млн чел., из них смертной казни подверглись 682 тыс. [Земсков, 2012, с. 7] Кроме того, в ходе «кулацкой операции» НКВД только в 1937 году были арестованы и осуждены свыше 553 тыс. чел., более 239 тыс. из которых расстреляны [Трагедия ..., 2004, т. 5, с. 46]. Репрессии естественным образом сокращали численность активных противников политического режима и способствовали подчинению ему общества.

Нельзя не отметить и позитивные тенденции в колхозной деревне, четко проявившиеся во второй половине 1930-х годов. Несмотря на обусловленные крестьянским протестом тактические отступления (публикация статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов»), правительство не собиралось отказываться от коллективизации. В 1937 году в колхозах было объединено 93 % крестьянских дворов и 99,1 % посевных площадей страны, в 1940 году — уже 96,9 дворов и 99,9 посевных площадей [Достижения ..., 1957, с. 25]. Наряду с расширением колхозной системы происходило ее организационно-экономическое укрепление. Государство снабжало аграрный сектор техникой и агроспециалистами, предоставляло колхозам льготы и ссуды. Результатом этих мер стал рост благосостояния колхозного крестьянства по сравнению с началом 1930-х годов, когда коллективизация сильно дестабилизировала ситуацию в деревне и стала одной из причин страшного голода 1932—1933 годов.

По статистике, во второй половине 1930-х годов увеличилась оплата труда колхозников. Если в первой половине десятилетия средние размеры выдач на трудодни в целом по стране составляли 1—2 кг зерна, то во второй половине — от 5 до 12 кг [Хейнман, 1939, с. 71]. Позитивная динамика начислений была характерна и для южнороссийских регионов. Так, в колхозах Дона и Кубани в 1931 году средние выплаты по трудодню составляли 2,3 кг зерна, а в 1936 году — 5,7 кг [Бондарев, 2006, с. 267]. В урожайном 1937 году в Орджоникидзевском крае в целом ряде колхозов на трудодни выдавалось 4—7 кг зерна [Бондарев, 2006, с. 275]. Улучшение материально-бытовых условий крестьянства закономерным образом снижало протестные настроения в деревне.

Необходимо учитывать и целенаправленную и последовательную политику государства по воспитанию молодого поколения в духе любви и верности социалистической Родине. На ее реализацию были направлены усилия школ, культурных и общественных учреждений. Основанная в 1927 году добровольческая организация — Общество содействия обороне и авиационно-химическому строительству СССР (Осоавиахим) — уже спустя два года насчитывала 4 млн чел., а к концу 1940 года — 13 млн

[Мельников, 1973, с. 152—153, 158]. При Осоавиахиме было создано множество военно-спортивных кружков и клубов, в которых занималась городская и сельская молодежь. В частности, в 1939 году в различных кружках проходили обучение 19,8 % молодых колхозников и 7,9 % колхозниц СССР [Социалистическое сельское хозяйство ..., 1939, с. 109]. В рамках своей деятельности Осоавиахим осуществлял не только военную подготовку, но и патриотическое воспитание молодежи.

Во второй половине 1930-х годов все больше советских граждан убеждалось в том, что формировавшийся в стране социально-экономический и общественно-политический строй наряду с отрицательными чертами имеет и преимущества. Исследователи справедливо отмечают, что советскую систему помимо бесправия и зависимости рядовых обывателей от власти характеризовали: возросшая социальная мобильность, исчезновение безработицы и эксплуатации человека человеком, доступность социальных благ широким слоям населения [Гордон и др., 1989, с. 222—223].

Результатом влияния перечисленных факторов стало постепенное снижение протестной активности земледельцев во второй половине 1930-х годов. Разумеется, говорить о полном исчезновении оппозиционно настроенных групп не приходится. Некоторое количество сельчан, в том числе казаков, продолжали высказываться о своей готовности поддерживать иностранную интервенцию в СССР, если таковая случится [Павлова, 2004, с. 191; Скорик, 2009, с. 380—389]. Так, в 1940 году отдельные жители Арзгирского района Орджоникидзевского края выражали надежды на восстановление «капиталистического строя с помощью интервенции» [ГАНИСК, ф. 1, л. 56], а среди кубанских казаков были такие, кто заявлял, что выступит против большевиков в случае войны с гитлеровской Германией: «Пусть только дадут оружие, а там посмотрим, кого будем защищать» [Краснодарский край ..., 1997, с. 868]. Данные настроения уже не доминировали в сельской среде. Наоборот, происходила постепенная адаптация крестьян к условиям колхозной системы, и в деревне отчетливо проявились рост доверия к власти и усиление патриотических настроений, особенно среди молодежи.

Заявления о полной поддержке крестьянством политики компартии и лично И. В. Сталина в 1930-е годы постоянно звучали на торжественных мероприятиях и официальных форумах: съездах, пленумах, конференциях, совещаниях и т. п. Очевидно, что подобные клятвы верности не совсем точно отражали всю сложность социально-политической ситуации в СССР, где даже на исходе 1930-х годов часть общества сохраняла антисоветскую ориентацию и лелеяла надежды на агрессию извне. Однако наилучшим свидетельством укрепления просоветских и патриотических

настроений в стране в целом и в колхозной деревне в частности являются не слова, а дела. И крестьяне, и казаки доказали свою верность Родине во время Великой Отечественной войны.

Нападение гитлеровской Германии на СССР стало для антисоветски настроенных граждан исполнением их многолетней мечты об интервенции, которая наконец-то восстановит дооктябрьские порядки. Некоторая часть сельских жителей пошла на службу к нацистам, полагая, что они уничтожат колхозы. Имеющиеся материалы позволяют утверждать, что большинство коллаборантов являлись людьми старшего возраста, пострадавшими от коллективизации и раскулачивания. Так, проведенный В. А. Бондаревым анализ биографий донских полицейев из сельского населения показал, что значительная часть из них встретила «год великого перелома» во взрослом возрасте (17—45 лет), хорошо помня коллективизацию и имея давние счеты к большевикам [Берлявский и др., 2021, с. 36; Бондарев, 2007, с. 649—652].

Но таких недоброжелателей советской системы в деревне оказалось немного. На Дону, Кубани и Ставрополье активные пособники гитлеровских оккупантов — бургомистры, старосты населенных пунктов, полицей и пр. — составляли доли процента от общего числа местных жителей [Берлявский и др., 2021, с. 39]. Такое же соотношение наблюдалось и на всей оккупированной территории СССР, где полицейев насчитывалось 60—70 тыс. на более чем 80 млн населения [Дробязко, 2004, с. 196]. Казаки, которых нацисты рассматривали в качестве главных союзников в установлении своего «нового порядка», не оправдали возлагавшихся на них надежд. По подсчетам С. И. Дробязко, к апрелю 1943 года на стороне немцев в составе казачьих коллаборационистских частей воевало не более 25 тыс. солдат и офицеров [Там же, с. 162]. Основная масса сельского и городского населения СССР в годы войны сплотилась вокруг советской власти, встав на защиту Родины.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, можно констатировать, что сплошная форсированная коллективизация, развернутая в СССР на рубеже 1920—1930-х годов, при всей своей значимости стала серьезным социальным раздражителем для сельского общества. Она спровоцировала массовое крестьянское сопротивление и повлекла за собой огромные материальные потери и людские жертвы. Коллективизация не только ухудшила отношения между крестьянами и властью, но и деформировала их чувство патриотизма. Ярким свидетельством этого стало широкое распространение в конце 1920 — первой половине 1930-х годов настроений, которые можно характеризовать как

«ожидания интервенции». Многие жители деревни, в том числе крестьяне и казаки Юга России, не надеясь самостоятельно противостоять коллективизации, рассчитывали на вторжение иностранных держав и были готовы его поддержать.

Однако подобные настроения постепенно ослабевали как в результате перманентных репрессивных акций, осуществляемых сталинским режимом в отношении оппозиционно настроенных граждан, так и по мере организационно-хозяйственного укрепления колхозной системы и повышения благосостояния ее жителей. Важнейшим фактором укрепления патриотических чувств стала хорошо продуманная и последовательная политика государства по воспитанию подрастающих поколений в духе верности социалистическому Отчеству. К концу 1930-х годов антипатриотизм, захлестнувший деревню во время коллективизации, был предельно минимизирован. Подавляющее большинство крестьян и казаков выразили свою готовность защищать Родину от внешней агрессии.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРО — *Государственный архив* Ростовской области. Ф. Р-3759. «Исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся Заветинского района Ростовской области». Оп. 1. 1937—1945 гг. Д. 20.
2. ГАРО. Ф. Р-4034. «Статистическое управление Ростовской области». Оп. 8. 1937—1945 гг. Д. 1.
3. ГАРО. Ф. Р-1185. Северо-Кавказское краевое управление Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции (НК-РКИ). 1925—1933 гг. Оп. 2. Д. 55. Л. 116.
4. ГАНИСК — *Государственный архив* новейшей истории Ставропольского края. Ф. 1. Орджоникидзевский краевой комитет ВКП(б). 1938—1945 гг. Оп. 1. Д. 753. Л. 56.
5. *Достижения советской власти за 40 лет в цифрах*. Статистический сборник. — Москва : Государственное статистическое издательство, 1957. — 370 с.
6. *Завещано помнить...* Донские архивы — 70-летию Великой Победы: сборник документов и материалов / Научный редактор Е. Ф. Кринко. — Ростов-на-Дону : Альтаир, 2015. — 279 с. — ISBN 978-5-91951-261-5.
7. *История* Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. — Москва : Издательство ЦК ВКП(б) «Правда». 1938. — 451 с.
8. *История* колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. — Москва : Госюриздат, 1959. — 518 с.
9. *История* советского крестьянства. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927—1937 / Ответственный редактор И. Е. Зеленин. — Москва : Наука, 1986. — Т. 2. — 448 с.

10. *Краснодарский край в 1937—1941 гг. Документы и материалы* / Председатель редакционной коллегии А. А. Алексеева. — Краснодар : Эдви, 1997. — 1120 с.
11. *На защите Родины. Партийная организация Дона в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Сборник документов.* — Ростов-на-Дону : Книжное издательство, 1980. — 374 с.
12. *Народное хозяйство Ростовской области. Статистический сборник.* — Ростов-на-Дону : Ростовское отделение издательства «Статистика», 1971. — 214 с.
13. *Народное хозяйство Ростовской области за 20 лет* / Под общей редакцией А. И. Гозулова. — Ростов-на-Дону : Ростиздат, 1940. — 436 с.
14. РГАЭ — *Российский государственный архив экономики*. Ф. 1562. «Центральное статистическое управление (ЦСУ) СССР». Оп. 324. 1941—1948 гг. Д. 184.
15. *Сельскохозяйственный словарь-справочник* / Главный редактор А. И. Гайстер. — Москва-Ленинград : Государственное издательство колхозной и совхозной литературы, 1934. — 1280 стб.
16. *Социалистическое сельское хозяйство СССР. Статистический сборник.* — Москва-Ленинград : Госпланиздат, 1939. — 128 с.
17. *Сталин И. В. Год великого перелома. К XII годовщине Октября* / И. В. Сталин // Сочинения. — Москва : Госполитиздат, 1953. — Т. 12. — С. 118—135.
18. *Сталин И. В. О задачах хозяйственников : Речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г.* / И. В. Сталин // Сочинения. — Москва : Госполитиздат, 1953. — Т. 13. — С. 38.
19. *Сталин И. В. Отчетный доклад XVII съезду ВКП(б) о работе ЦК ВКП(б). 26 января 1934 г.* / И. В. Сталин // Сочинения. — Москва : Госполитиздат, 1953. — Т. 13. — С. 321.
20. *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 т. 1927—1939* / Ответственный редактор Н. А. Ивницкий. — Москва : РОССПЭН, 1999—2006.
21. *Трудящиеся Дона — фронту. Сборник документов* / Научный редактор В. И. Кузнецов. — Ростов-на-Дону : Книжное издательство, 1965. — 88 с.
22. ЦДНИРО — *Центр документации новейшей истории Ростовской области*. Ф. 9. «Ростовский областной комитет коммунистической партии». Оп. 1. 1937—1945 гг.
23. ЦДНИРО. Ф. 166. Политсектор машинно-тракторных станций (МТС) Северо-Кавказского краевого земельного управления (крайзу). 1932—1934 гг. Оп. 1. Д. 112. Л. 142—143.
24. ЦДНИРО. Ф. 166. Политсектор машинно-тракторных станций (МТС) Северо-Кавказского краевого земельного управления (крайзу). 1932—1934 гг. Оп. 1. Д. 113. Л. 56.
25. ЦДНИРО. Ф. 166. Политсектор машинно-тракторных станций (МТС) Северо-Кавказского краевого земельного управления (крайзу). 1932—1934 гг. Оп. 1. Д. 12. Л. 51—70.

Литература

1. *Анисков В. Т. Война и судьбы российского крестьянства* / В. Т. Анисков. — Вологда-Ярославль : Изд-во Вологодского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1998. — 286 с. — ISBN 5-87590-119-5.
2. *Анисков В. Т. Крестьянство против фашизма. 1941—1945. История и психология подвига* / В. Т. Анисков. — Москва : Памятники исторической мысли, 2003. — 500 с. — ISBN 5-88451-139-6.

3. Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны / Ю. В. Арутюнян. — 2-е изд., доп. — Москва : Наука, 1970. — 466 с.
4. Безгин В. Б. Политика коллективизации и крестьянское сопротивление (по материалам Козловского округа Центрально-Черноземной области) / В. Б. Безгин, В. П. Николашин // Научный диалог. — 2019. — № 6. — С. 243—259. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-6-243-259>.
5. Берлявский Л. Г. «За малым исключением, это все лица... бравирующие своим контрреволюционным прошлым...и пресмыкающиеся перед оккупантами». Полиции оккупированных районов Ростовской области в 1942—1943 гг. / Л. Г. Берлявский, В. А. Бондарев // Военно-исторический журнал. — 2021. — № 6. — С. 34—41.
6. Бондарев В. А. Российское крестьянство в условиях аграрных преобразований в конце 20 — начале 40-х годов XX века (на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев) : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / В. А. Бондарев. — Новочеркасск, 2007. — 789 с.
7. Бондарев В. А. Крестьянство и коллективизация : Многоукладность социально-экономических отношений деревни в районах Дона, Кубани и Ставрополя в конце 20—30-х годах XX века / В. А. Бондарев. — Ростов-на-Дону : Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. — 520 с. — ISBN 5-87872-141-4.
8. Бондарев В. А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни : История преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20 — начале 50-х годов XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополя / В. А. Бондарев. — Ростов-на-Дону : Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. — 580 с. — ISBN 5-87872-141-4.
9. Бондарев В. А. «Многоуважаемый Рейхсканцлер господин Гитлер» : об анти-советских настроениях в немецких колониях СССР в 1932—1933 гг. / В. А. Бондарев, О. И. Рудая // ШАГИ/STEPS. — 2024. — Т. 10. — № 3. — С. 350—351. — DOI: [10.22394/2412-9410-2024-10-2-346-352](https://doi.org/10.22394/2412-9410-2024-10-2-346-352).
10. Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления / Л. Виола. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 367 с. — ISBN 978-5-8243-1311-6.
11. Водолацкий В. П. Казачий Дон : очерки истории и культуры / В. П. Водолацкий, А. П. Скорик, Р. Г. Тикиджян. — Ростов-на-Дону : Терра, 2005. — 448 с. — ISBN 5-98254-051-X.
12. Воскобойников Г. Л. Казачество и социализм. Исторические очерки / Г. Л. Воскобойников, Д. К. Прилепский. — Ростов-на-Дону : Книжное издательство, 1986. — 160 с.
13. Гордон Л. А. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30—40-е годы / Л. А. Гордон, Э. В. Клопов. — Москва : [б. и.], 1989. — С. 222—223.
14. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917—1933 / А. Грациози. — Москва : РОССПЭН, 2008. — 136 с. — ISBN 5-8243-0209-X.
15. Донские казаки в СССР / отв. ред. Г. Г. Матишов. — Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2022. — 336 с. — ISBN 978-5-4358-0241-2.
16. Дробязко С. И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941—1945 гг. / С. И. Дробязко. — Москва : Эксмо, 2004. — 608 с.
17. Евдокимов В. П. Социальное поведение крестьянства Мордовии в конце 1920 — первой половине 1930-х гг. : от конфронтации до адаптации / В. П. Евдокимов, Т. Д. Надькин // Гуманитарные науки и образование. — 2014. — № 4. — С. 153—156.

18. *Зайцев В. П.* Годы суровых испытаний. Партийная организация Ростовской области в годы Великой Отечественной войны / В. П. Зайцев. — Ростов-на-Дону : Книжное издательство, 1967. — 128 с.
19. *Земсков В. Н.* О масштабах политических репрессий в СССР (против спекуляций, извращений и мистификаций) / В. Н. Земсков // Былые годы. — 2012. — № 4. — С. 6—17.
20. *Земсков В. Н.* Патриотический трудовой подвиг советского крестьянства в годы Великой Отечественной войны / В. Н. Земсков // Мир и политика. — 2010. — № 10 (49). — С. 28—47.
21. *Зеленин И. Е.* Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930—1939 : политика, осуществление, результаты / И. Е. Зеленин. — Москва : Наука, 2006. — 315 с.
22. *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х гг.) / Н. А. Ивницкий. — Москва : Интерпракс, 1994. — 272 с.
23. *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов. По материалам Политбюро ЦК ВКП(б) и ОГПУ / Н. А. Ивницкий // Судьбы российского крестьянства. — Москва : Изд-во РГГУ, 1995. — С. 249—297.
24. *История советского крестьянства : в 5 т. / отв. ред. И. Е. Зеленин.* — Москва : Наука, 1986. — Т. 2. — 448 с.
25. *История советского крестьянства : в 5 т. / отв. ред. М. А. Вылцан.* — Москва : Наука, 1987. — Т. 3. — 448 с.
26. *Источники победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 / отв. ред. Г. А. Куманев.* — Москва : Наука, 1985. — 312 с.
27. *Кедров Н. Г.* Лапти сталинизма : политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы / Н. Г. Кедров. — Москва : РОССПЭН, 2013. — 280 с. — ISBN 978-5-8243-1815-9.
28. *Кирсанов Н. А.* Великая Отечественная война 1941—1945 гг. : национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта / Н. А. Кирсанов, С. И. Дробязко // Отечественная история. — 2001. — № 6. — С. 60—75.
29. *Колесник А. Д.* Ополченческие формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны / А. Д. Колесник. — Москва : Наука, 1988. — 266 с.
30. *Краев М. А.* Победа колхозного строя в СССР / М. А. Краев. — Москва : Госполитиздат, 1954. — 720 с.
31. *Крестная ноша. Трагедия казачества / сост. В. С. Сидоров.* — Ростов-на-Дону : Гэфест, 1994. — Ч. 1. — 511 с.
32. *Ленинский путь донской станицы / науч. ред. Ф. И. Поташев, С. А. Андронов.* — Ростов-на-Дону : книжное издательство, 1970. — 275 с.
33. *Лившин А. Я.* Власть и общество: диалог в письмах / А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. — Москва : РОССПЭН, 2002. — 208 с.
34. *Маркусенко И. С.* Дон в Великой Отечественной войне / И. С. Маркусенко. — Ростов-на-Дону : Издательство РГУ, 1977. — 180 с.
35. *Мельников В. В.* Культурная революция и комсомол / В. В. Мельников. — Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 1973. — 281 с.
36. *Очерки истории партийных организаций Дона.* — Ростов-на-Дону : Книжное издательство, 1973. — Ч. 2. — 764 с.
37. *Павлова Т. А.* Отношение казачества Сталинградской области к войне с фашистской Германией и его поведение в условиях немецкой оккупации / Т. А. Павлова // Клио. — 2004. — № 4. — С. 188—195.

38. Радек К. Мы успели — они опоздали / К. Радек // Молот. — 1934. — 28 января. — С. 2.
39. Свирина М. Ю. Общественные настроения колхозного крестьянства 1933 — начало 1941 гг. (по материалам Центрального Черноземья) : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / М. Ю. Свирина. — Москва, 1993. — 21 с.
40. Селунская В. М. Борьба Коммунистической партии Советского Союза за социалистическое преобразование сельского хозяйства (октябрь 1917—1934 гг.) / В. М. Селунская. — Москва : Высшая школа, 1961. — 205 с.
41. Селюнин В. А. Трудовой Дон — фронту : исторический очерк / В. А. Селюнин. — Ростов-на-Дону : Книжное издательство, 1985. — 200 с.
42. Синицын А. М. Всенародная помощь фронту. О патриотических движениях советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — 2-е изд. / М. А. Синицын. — Москва : Воениздат, 1985. — 319 с.
43. Скорик А. П. Казачество Юга России в 30-е годы XX века : исторические коллизии и опыт преобразований : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / А. П. Скорик. — Ставрополь, 2009. — 540 с.
44. Слезин А. А. Общественные настроения крестьян поколения «революционного перелома» на рубеже 1920—1930-х годов / А. А. Слезин, К. А. Якимов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 453—469. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-453-469.
45. Тепцов Н. В. В дни великого перелома. История коллективизации, раскулачивания и крестьянской ссылки в России (СССР) в письмах и воспоминаниях : 1929—1933 гг. / Н. В. Тепцов. — Москва : Звонница, 2002. — 416 с.
46. Трапезников С. П. Исторический опыт КПСС в социалистическом преобразовании сельского хозяйства / С. П. Трапезников. — Москва : Госполитиздат, 1959. — 447 с.
47. Трут В. П. Дорогой славы и утрат : казацьи войска в период войн и революций / В. П. Трут. — Москва : Яуза : Эксмо, 2007. — 539 с.
48. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы : деревня / Ш. Фицпатрик. — Москва : РОССПЭН, 2001. — 422 с.
49. Хейнман С. А. Рост благосостояния колхозной деревни / С. А. Хейнман. — Москва : Государственное социально-экономическое издательство, 1939. — 104 с.
50. Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры / О. В. Хлевнюк. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 479 с. — ISBN 978-5-8243-1314-7.

Статья поступила в редакцию 20.08.2025,
одобрена после рецензирования 10.12.2025,
подготовлена к публикации 17.01.2026.

Material resources

- Achievements of the Soviet government in 40 years in numbers. Statistical collection.* (1957). Moscow: State Statistical Publishing House. 370 p. (In Russ.).
- Alekseeva, A. A. (ed.). (1997). *Krasnodar Territory in 1937—1941. Documents and materials.* Krasnodar: Edvi Publ. 1120 p. (In Russ.).
- CDNIRO. F. 166. *Political sector of machine and tractor stations (MTS) of the North Caucasus Regional Land Administration (krayzu). 1932—1934. Op. 1. D. 12. L. 51—70.* (In Russ.).
- Defending the Motherland. The party organization of the Don in the Great Patriotic War of 1941—1945. Collection of documents.* (1980). Rostov-on-Don: Book Publishing House, 1980. 374 p. (In Russ.).

- Gaister, A. I. (ed.). (1934). *Agricultural dictionary*. Moscow-Leningrad: State Publishing House of Collective Farm and State Farm Literature. 1280 p. (In Russ.).
- GANISK — *The State Archive of the Modern History of the Stavropol Territory*. (In Russ.).
- GARO — *The State Archive of the Rostov region*. F. R-3759. “Executive Committee of the Council of Worker’s Deputies of the Zavetinsky district of the Rostov region.” (In Russ.).
- GARO. F. R-1185. *North Caucasus Regional Administration of the People’s Commissariat of Workers and Peasant’s Inspection (NK-RKI). 1925—1933 Op. 2. 55. L. 116*. (In Russ.).
- GARO. F. R-4034. “Statistical Office of the Rostov region.” Op. 8. 1937—1945, 1. (In Russ.).
- Gozulov, A. I. (ed.). (1940). *National economy of the Rostov region for 20 years*. Rostov-on-Don: Rostizdat. 436 p. (In Russ.).
- History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). A short course*. (1938). Moscow: Publishing House of the Central Committee of the CPSU(b) “Pravda”. 451 p. (In Russ.).
- Ivnitsky, N. A. (ed.). (1999—2006). *The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. Documents and materials in 5 volumes 1927—1939*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.).
- Krinko, E. F. (ed.). (2015). *Bequeathed to remember... The Don Archives dedicated to the 70th Anniversary of the Great Victory: a collection of documents and materials*. Rostov-on-Don: Altair. 279 p. ISBN 978-5-91951-261-5. (In Russ.).
- Kuznetsov, V. I. (ed.). (1965). *Workers of the Don Front. Collection of documents*. Rostov-on-Don: Book Publishing House. 88 p. (In Russ.).
- National economy of the Rostov region. Statistical collection*. (1971). Rostov-on-Don: Rostov branch of the publishing house “Statistics”. 214 p. (In Russ.).
- RGAE — *Russian State Archive of Economics*. F. 1562. “Central Statistical Office of the USSR”. Op. 324. 1941—1948. D. 184. (In Russ.).
- Socialist agriculture of the USSR. Statistical collection*. (1939). Moscow-Leningrad: Gosplanizdat. 128 p. (In Russ.).
- Stalin, I. V. (1953). On the tasks of business executives: A speech at the First All-Union Conference of Workers of Socialist Industry on February 4, 1931. In: *Essays*, 13. Moscow: Gospolitizdat. P. 38. (In Russ.).
- Stalin, I. V. (1953). Report to the XVII Congress of the CPSU(b) on the work of the Central Committee of the CPSU(b). January 26, 1934. In: *Essays*, 13. Moscow: Gospolitizdat. P. 321. (In Russ.).
- Stalin, I. V. (1953). The Year of the Great Turning point. On the XII anniversary of October. In: *Essays*, 12. Moscow: Gospolitizdat. 118—135. (In Russ.).
- The history of collective farm law. Collection of legislative materials of the USSR and the RSFSR*. (1959). Moscow: Gosyurizdat. 518 p. (In Russ.).
- TSDNIRO — *Documentation Center for the modern history of the Rostov region*. F. 9. “Rostov Regional Committee of the Communist Party.” Op. 1. 1937—1945. (In Russ.).
- TSDNIRO. F. 166. *Political sector of machine and tractor stations (MTS) of the North Caucasus Regional Land Administration (krayzu). 1932—1934. Op. 1. D. 112. l. 142—143*. (In Russ.).
- TSDNIRO. F. 166. *Political sector of machine and tractor stations (MTS) of the North Caucasus Regional Land Administration (krayzu). 1932—1934. Op. 1. D. 113. L. 56*. (In Russ.).
- Zelenin, I. E. (ed.). (1986). *The history of the Soviet peasantry. The Soviet peasantry during the socialist reconstruction of the national economy. The end of 1927—1937, 2*. Moscow: Nauka Publ. 448 p. (In Russ.).

References

- Aniskov, V. T. (1998). *The war and the fate of the Russian peasantry*. Vologda-Yaroslavl: Publishing House of the Vologda Institute of Advanced Training and Retraining of Teaching Staff. 286 p. ISBN 5-87590-119-5. (In Russ.).
- Aniskov, V. T. (2003). *The peasantry against fascism. 1941—1945. History and psychology of heroism*. Moscow: Monuments of Historical Thought. 500 p. ISBN 5-88451-139-6. (In Russ.).
- Berlyavsky, L. G., Bondarev, V. A. (2021). “With few exceptions, these are all individuals ... flaunting their counterrevolutionary past ... and groveling before the occupiers.” Policemen of the occupied areas of the Rostov region in 1942—1943. *Military Historical Journal*, 6: 34—41. (In Russ.).
- Bezgin, V. B., Nikolashin, V. P. (2019). Policy of Collectivization and Peasant Resistance (Based on Materials of Kozlovsky District of Central Chernozyem Region). *Nauchnyi dialog*, 6: 243—259. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-6-243-259>. (In Russ.).
- Bondarev, V. A. (2005). *Fragmentary modernization of the post-October village: The history of transformations in agriculture and the evolution of the peasantry in the late 20s and early 50s of the XX century on the example of the grain regions of the Don, Kuban and Stavropol*. Rostov-on-Don: Publishing House of the Russian Scientific Research Center of Higher School of Economics. 580 p. ISBN 5-87872-141-4. (In Russ.).
- Bondarev, V. A. (2006). *Peasantry and collectivization: The complexity of socio-economic relations of villages in the Don, Kuban and Stavropol regions in the late 20—30s of the XX century*. Rostov-on-Don: Publishing House of the Russian Scientific Research Center of Higher School of Economics. 520 p. ISBN 5-87872-141-4. (In Russ.).
- Bondarev, V. A. (2007). *The Russian peasantry in the conditions of agrarian transformations in the late 20s — early 40s of the XX century (based on the materials of the Rostov region, Krasnodar and Stavropol territories)*. Doct. Diss. Novocherkassk. 789 p. (In Russ.).
- Bondarev, V. A., Rudaya, O. I. (2024). “Esteemed Reich Chancellor Mr. Hitler”: on anti-Soviet sentiments in the German colonies of the USSR in 1932—1933. *STEPS/STEPS*, 10 (3): 350—351. DOI: 10.22394/2412-9410-2024-10-2-346-352. (In Russ.).
- Drobiazko, S. I. (2004). *Under the banners of the enemy. Anti-Soviet formations in the German Armed Forces. 1941—1945*. Moscow: Eksmo. 608 p. (In Russ.).
- Essays on the history of Don party organizations*, 2. (1973). Rostov-on-Don: Book Publishing House. 764 p. (In Russ.).
- Evdokimov, V. P., Nagkin, T. D. (2014). Social behavior of the Mordovian peasantry in the late 1920s and the first half of the 1930s: from confrontation to adaptation. *Humanities and Education*, 4: 153—156. (In Russ.).
- Fitzpatrick, S. (2001). *The Stalinist peasants. The Social History of Soviet Russia in the 30s: a Village*. Moscow: ROSSPEN Publ. 422 p. (In Russ.).
- Gordon, L. A., Klopov, E. V. (1989). *What was that? Reflections on the prerequisites and outcomes of what happened to us in the 30—40s*. Moscow: [b. i.]. 222—223. (In Russ.).
- Graziosi, A. (2008). *The Great Peasant War in the USSR. The Bolsheviks and the peasants. 1917—1933*. Moscow: ROSSPEN. 136 p. ISBN 5-8243-0209-X. (In Russ.).
- Harutyunyan, Yu. V. (1970). *The Soviet peasantry during the Great Patriotic War*. Moscow: Nauka Publ. 466 p. (In Russ.).
- Heinman, S. A. (1939). *The growth of the welfare of the collective farm village*. Moscow: State Socio-Economic Publishing House. 104 p. (In Russ.).

- Ivnitskiy, N. A. (1994). *Collectivization and dispossession (early 30s)*. Moscow: Interprax. 272 p. (In Russ.).
- Ivnitskiy, N. A. (1995). Collectivization and dispossession in the early 30s. Based on the materials of the Politburo of the Central Committee of the CPSU(b) and OGPU. In: *The fate of the Russian peasantry*. Moscow: Publishing House of the Russian State Agrarian University. 249—297. (In Russ.).
- Kedrov, N. G. (2013). *The bast shoes of Stalinism: the political consciousness of the peasantry of the Russian North in the 1930s*. Moscow: ROSSPEN. 280 p. ISBN 978-5-8243-1815-9. (In Russ.).
- Khlevnyuk, O. V. (2010). *The owner: Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship*. Moscow: ROSSPEN. 479 p. ISBN 978-5-8243-1314-7. (In Russ.).
- Kirsanov, N. A., Drobiazko, S. I. (2001). The Great Patriotic War of 1941—1945: national and volunteer formations on different sides of the front. *Russian history*, 6: 60—75. (In Russ.).
- Kolesnik, A. D. (1988). *Militia formations of the Russian Federation during the Great Patriotic War*. Moscow: Nauka Publ. 266 p. (In Russ.).
- Kraev, M. A. (1954). *Victory of the collective farm system in the USSR*. Moscow: Gospolitizdat. 720 p. (In Russ.).
- Kumanev, G. A. (ed.). (1985). *Sources of the victory of the Soviet people in the Great Patriotic War of 1941—1945*. Moscow: Nauka Publ. 312 p. (In Russ.).
- Livshin, A. Ya., Orlov, I. B. (2002). *Power and society: a dialogue in letters*. Moscow: ROSSPAN, 2 packed="". 208 p. (In Russ.).
- Markusenko, I. S. (1977). *Don in the Great Patriotic War*. Rostov-on-Don: Publishing House of the Russian State University of Economics. 180 p. (In Russ.).
- Matishov, G. G. (ed.). (2022). *Don Cossacks in the USSR*. Rostov-on-Don: Publishing House of the UNC RAS. 336 p. ISBN 978-5-4358-0241-2. (In Russ.).
- Melnikov, V. V. (1973). *The Cultural Revolution and the Komsomol*. Rostov-on-Don: Publishing house of Growth. University. 281 p. (In Russ.).
- Pavlova, T. A. (2004). The attitude of the Cossacks of the Stalingrad region to the war with Nazi Germany and their behavior under German occupation. *Klio*, 4: 188—195. (In Russ.).
- Potashev, F. I., Andronov, S. A. (eds.). (1970). *Lenin's way of the Don village*. Rostov-on-Don: Book Publishing House. 275 p. (In Russ.).
- Radek, K. (1934). We made it — they were too late. *Hammer*. January 28. P. 2. (In Russ.).
- Selunskaya, V. M. (1961). *The struggle of the Communist Party of the Soviet Union for the socialist transformation of agriculture (October 1917—1934)*. Moscow: Vysshaya Shkola Publ. 205 p. (In Russ.).
- Selyunin, V. A. (1985). *Labor Don — Front: a historical essay*. Rostov-on-Don: Book Publishing House. 200 p. (In Russ.).
- Sinitsyn, A. M. (1985). *National assistance to the front. On the patriotic movements of the Soviet people during the Great Patriotic War of 1941—1945*. Moscow: Voenizdat Publ. 319 p. (In Russ.).
- Skorik, A. P. (2009). *Cossacks of the South of Russia in the 30s of the XX century: historical collisions and experience of transformations*. Doct. Diss. Stavropol. 540 p. (In Russ.).
- Slezin, A. A., Yakimov, K. A. (2022). Public Sentiment among Peasantry of “Revolutionary Turning Point” Generation at turn of 1920—1930s. *Nauchnyi dialog*, 11 (8): 453—469. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-8-453-469>. (In Russ.).

- Svirina, M. Y. (1993). *Public sentiments of the collective farm peasantry 1933 — early 1941 (based on the materials of the Central Chernozem region)*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 21 p. (In Russ.).
- Teptsov, N. V. (2002). *In the days of the great Turning point. The history of collectivization, dekulakization and peasant exile in Russia (USSR) in letters and memoirs: 1929—1933*. Moscow: Belfry. 416 p. (In Russ.).
- The burden of the Cross. The Tragedy of the Cossacks, 1*. (1994). Rostov-on-Don: Hephaestus. 511 p. (In Russ.).
- Trapeznikov, S. P. (1959). *The historical experience of the CPSU in the socialist transformation of agriculture*. Moscow: Gospolitizdat. 447 p. (In Russ.).
- Trut, V. P. (2007). *The road of glory and loss: Cossack troops during wars and revolutions*. Moscow: Yauza: Eksmo. 539 p. (In Russ.).
- Viola, L. (2010). *Peasant revolt in the era of Stalin. Collectivization and the culture of peasant resistance*. Moscow: ROSSPEN. 367 p. ISBN 978-5-8243-1311-6. (In Russ.).
- Vodolatsky, V. P., Skorik, A. P., Tikijyan, R. G. (2005). *Cossack Don: essays on history and culture*. Rostov-on-Don: Terra. 448 p. ISBN 5-98254-051-X. (In Russ.).
- Voskoboinikov, G. L., Prilepsky, D. K. (1986). *Cossacks and socialism. Historical essays*. Rostov-on-Don: Book Publishing House. 160 p. (In Russ.).
- Vyltsan, M. A. (ed.). (1987). *The history of the Soviet peasantry: in 5 volumes, 3*. Moscow: Nauka Publ. 448 p. (In Russ.).
- Zaitsev, V. P. (1967). *The years of severe trials. The party organization of the Rostov region during the Great Patriotic War*. Rostov-on-Don: Book Publishing House. 128 p. (In Russ.).
- Zelenin, I. E. (2006). *Stalin's "revolution from above" after the "great turning point". 1930—1939: policy, implementation, results*. Moscow: Nauka Publ. 315 p. (In Russ.).
- Zelenin, I. E. (ed.). (1986). *History of the Soviet peasantry: in 5 volumes, 2*. Moscow: Nauka Publ. 448 p. (In Russ.).
- Zemskov, V. N. (2010). The patriotic labor feat of the Soviet peasantry during the Great Patriotic War. *Peace and Politics, 10 (49)*: 28—47. (In Russ.).
- Zemskov, V. N. (2012). On the scale of political repression in the USSR (against speculation, perversions and hoaxes). *Bygone years, 4*: 6—17. (In Russ.).

*The article was submitted 20.08.2025;
approved after reviewing 10.12.2025;
accepted for publication 17.01.2026.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(1), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Татарникова А. И. Развитие сети сельских поселений Западной Сибири под воздействием социально-экономических преобразований 1930—1950-х годов / А. И. Татарникова // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 1. — С. 508—529. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-508-529.

Tatarnikova, A. I. (2026). Development of Rural Settlement Networks in Western Siberia under Impact of Socio-Economic Transformations during 1930s to 1950s. *Nauchnyi dialog*, 15 (1): 508-529. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-508-529. (In Russ.).

Web of Science®

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Развитие сети сельских поселений Западной Сибири под воздействием социально-экономических преобразований 1930—1950-х годов

Татарникова Анна Ивановна
orcid.org/0000-0002-0854-4956
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Лаборатории истории Сибири
tatob777@yandex.ru

Тобольская комплексная научная
станция
Уральского отделения Российской
академии наук
(Тобольск, Россия)

Development of Rural Settlement Networks in Western Siberia under Impact of Socio-Economic Transformations during 1930s to 1950s

Anna I. Tatarnikova
orcid.org/0000-0002-0854-4956
PhD in History,
senior research scientist,
Laboratory of Siberian History
tatob777@yandex.ru

Tobolsk complex scientific station
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Tobolsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена характеристике развития сельской поселенческой сети Западной Сибири в период индустриализации, которая сопровождалась коллективизацией, реализацией серии мероприятий по укрупнению колхозов через присоединение хуторов (1930—1950-е годы). Характеризуется расселенческая политика государства этого периода и ее влияние на такие показатели развития сети поселений, как типическая структура, численность, величина (людность). На основе неопубликованных архивных данных о перемещении и включении однодворных крестьянских хозяйств в состав поселений и об укрупнении колхозов, на материалах Всесоюзной переписи населения 1959 года определяются особенности развития поселений сельского типа в регионе. Проводится сопоставление их численности и плотности с аналогичными показателями по РСФСР и ее отдельным административно-территориальным единицам. Отмечается сокращение численности сельского населения, неравномерность процесса урбанизации в субрегионах Западной Сибири, увеличение типического разнообразия населенных пунктов за счет изменения форм хозяйствования в виде образования колхозов и совхозов, появления центральных усадеб, отделений, ферм. Определяется рост людности поселений вследствие целенаправленной политики государства по укрупнению населенных пунктов за счет переселения экономически слабых хуторов и выселков и включения их в состав более крупных поселений.

Ключевые слова:

сеть сельских поселений; Западная Сибирь; расселенческая политика; типология поселений; людность поселений.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the evolution of rural settlement networks in Western Siberia during the period of industrialization characterized by collectivization and a series of measures aimed at consolidating collective farms through the incorporation of homesteads into larger settlements from the 1930s to the 1950s. It explores state resettlement policies during this era and their impact on key indicators such as typical structure, population size, and density of rural settlements. Based on unpublished archival data regarding the movement and inclusion of single-household peasant farms within settlements, as well as consolidation efforts for collective farms, and drawing upon materials from the All-Union Population Census of 1959, the study identifies distinctive features of village-type settlement development in the region. The analysis compares these figures with similar metrics across the RSFSR and its administrative divisions. Notable findings include a decline in rural populations, uneven urbanization trends across subregions of Western Siberia, increased typological diversity due to changes in farming practices resulting in the formation of collective farms, state farms, central farmsteads, branches, and agricultural facilities. Furthermore, it highlights an increase in settlement sizes driven by deliberate government policies that prioritized merging smaller economically weak homesteads and outlying hamlets into larger communities.

Key words:

rural settlement network; Western Siberia; resettlement policy; settlement typology; settlement population size

УДК 94:314.925(571.1)“193/195”

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-508-529

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Развитие сети сельских поселений Западной Сибири под воздействием социально-экономических преобразований 1930—1950-х годов

© Татарникова А. И., 2026

1. Введение = Introduction

Система расселения и сеть населенных пунктов как ее неотъемлемый элемент всегда испытывали на себе влияние совокупности природно-географических, социально-экономических, демографических, политико-правовых, конкретно-исторических и иных факторов, определяющих тип и форму расселения, структурные особенности поселенческой сети, величину составляющих ее единиц.

XX век стал периодом смены эволюционного вектора развития поселенческой сети страны и составляющих ее территорий, что было связано с кардинальными переменами во всех сферах общественной жизни, вызванными модернизационной перестройкой и происходящими в ее рамках индустриализацией и урбанизацией.

Перечисленные процессы затронули не только городскую, но и сельскую систему расселения, изменили ее рисунок, густоту (плотность) поселенческой сети, типическую структуру и численность населенных пунктов, их величину, функциональные взаимосвязи.

Политика советской власти в деревне, сначала направленная на сселение хуторов и укрупнение колхозов, позже — на ликвидацию «неперспективных» деревень, привела к сокращению числа сельских поселений, изменению их внешнего облика и функций. Одновременно наблюдался рост количества несельскохозяйственных населенных пунктов — промышленных, транспортных и проч.

Превращение страны из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную изменило сельскую поселенческую сеть, ее демографические характеристики, место в народнохозяйственном комплексе, что имело неблагоприятные социально-экономические последствия, влияние которых до сих пор сохраняется в сельской местности.

Анализ трансформации сети сельских поселений под воздействием государственной расселенческой политики, социально-экономических

процессов, происходящих в стране, помогает прогнозировать дальнейшую эволюцию системы расселения, сети населенных пунктов как ее составляющей. Актуальность изучения данной темы определяется необходимостью проведения взвешенной политики, которая сможет обеспечить устойчивое развитие сельских территорий и решение социальных проблем современной российской деревни.

Целью настоящего исследования выступает характеристика развития сельской поселенческой сети Западной Сибири в 1930—1950-е годы в условиях социально-экономических преобразований, проводившихся руководством страны.

Качественные и количественные показатели развития сельских населенных пунктов представлены по состоянию на 1 января 1960 года, однако в работе также прослеживается влияние политико-правовых, демографических, социально-экономических факторов предшествующего периода на состояние сельской поселенческой сети региона в конце 1950-х годов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Концептуальной основой для настоящего исследования послужили идеи советских географов С. А. Ковалева, изучавшего зависимость величины (людности) поселений от их производственных функций [Ковалев, 1963], и Э. Б. Алаева, выделившего два типа населенных пунктов — центральные и периферийные [Алаев, 1983].

Развитие сети сельских поселений Западной Сибири рассматривается нами в контексте теории модернизации, поэтому интерес для нас представляют предложенные В. Г. Зеляком модели модернизации: «чрезвычайная» (1930—1950-е годы); «совнархозовская» (1957—1965 годы); «социально ориентированная» (1965 — начало 1990-х годов) [Зеляк, 2014, с. 10]. Трансформация сельской поселенческой сети региона исследуется в работе в границах первых двух моделей.

Особую теоретическую значимость имеют выводы А. С. Сенинского об урбанизационном переходе (транзите общества от сельского к городскому) как закономерном процессе, связанном с индустриальным развитием и проходившем в нашей стране в основном по инициативе «сверху» [Сенинский, 2003, с. 304]. Урбанизационный переход оказал влияние на сельское расселение, величину сети поселений и функциональные взаимосвязи внутри нее.

Немаловажное значение теоретико-методологического характера представляют для исследования труды, посвященные формированию и функционированию системы расселения на локальном и региональном уровнях [Алексеев, 1987; Зайончковская, 1991; Мазур, 2012; Зубаревич, 2013].

В отечественной исторической науке проблема эволюции сельской поселенческой сети в России и ее субрегионах в разные исторические периоды изучена слабо. Особенно большой исследовательский вакуум характерен для советского периода функционирования сети.

Безусловно, в историографии есть работы, в которых освещаются отдельные аспекты данной темы. Так, особенности образования и развития отдельных типов сельских поселений рассмотрены в публикациях Е. В. Демчик и А. Е. Савицкой, А. Ю. Слабухи, А. А. Плясули и др. [Демчик и др., 2018; Слабуха, 2019; Плясуля, 2022].

В работах М. А. Вылцана, Т. М. Димони, Р. Р. Хисамутдиновой, Л. Н. Мазур, О. В. Усольцевой, Е. В. Соколовой исследованы последствия политики сселения хуторов и укрупнения колхозов для развития сельской поселенческой сети [Вылцан, 1998; Димони, 1998; Хисамутдинова, 2002; Мазур, 2007; Усольцева, 2015; Соколова, 2017].

Влияние индустриализации и урбанизации на сельское расселение, соотношение городского и сельского населения рассмотрели А. В. Задорин, М. Г. Меерович, В. А. Исупов и др. [Задорин, 2012; Меерович, 2014; Исупов и др., 2016].

Автором представленного исследования ранее были охарактеризованы в нескольких публикациях особенности развития сети сельских поселений на территории Тюменской области, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов в 1930—1950-е годы [Татарникова, 2024a; Татарникова, 2024b]. Полученные данные позволяют выявить общие тенденции и специфику функционирования системы расселения в названных субрегионах.

Вместе с тем комплексные исследования по функционированию сети поселений Западной Сибири в 1930—1950-е годы отсутствуют, что придает изучению данной темы особую актуальность.

Материалами для исследования послужили хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва) постановления СНК СССР о сселении колхозников с бывших хуторов в колхозы, мерах поощрения перехода колхозников-хуторян на централизованную усадьбу [ГАРФ, ф. Р5446], а также данные Всесоюзной переписи населения 1959 года, представленные в Российском государственном архиве экономики [РГАЭ, ф. 1562]. Последние дают сведения о численности и типах сельских населенных пунктов в районах Западной Сибири по состоянию на 1 января 1960 года.

Также в работе использовались сводные таблицы Центрального статистического управления при Совете министров РСФСР о населенных местах по данным переписи 1959 года [Сельские, 1961].

Для сопоставления некоторых показателей развития сельских поселений были востребованы списки населенных мест Сибирского края 1928 года [Список, 1928; 1929].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Государственная расселенческая политика 1930—1950-х годов и ее отражение на состоянии сети сельских поселений

Одним из ключевых показателей развития территорий, их хозяйственной освоенности выступает сложившаяся система расселения. Она играет роль опорного каркаса — несущей основы, состоящей из наиболее значительных поселений, выполняющих функции административных и социально-экономических центров, соединенных транспортными коммуникациями. В масштабе всей страны и ее отдельных регионов опорный каркас расселения является важнейшим элементом территориальной структуры хозяйства и территориальной организации жизни общества в целом.

Переход СССР к экономике мобилизационного типа в конце 1920-х — 1930-е годы с целью превращения в самодостаточное индустриально развитое государство с большим промышленным потенциалом привел к изменениям в расселенческой политике. Ее основной задачей было пространственное перераспределение населения по территории страны для обеспечения нужд индустриализации необходимой рабочей силой [Меев-рович, 2014, с. 121].

Промышленное освоение территорий, развертывание добывающего производства в местах крупных месторождений угля, руд, нефти, газа и т. п. потребовали концентрации рабочих рук, образования в непосредственной близости от построенных фабрик и заводов новых рабочих поселений, создания необходимой социальной инфраструктуры.

Процесс индустриализации проводился преимущественно за счет коллективизации, в рамках которой путем объединения единоличных крестьянских хозяйств создавались коллективные хозяйства (колхозы), призванные обеспечить рост продуктивности сельскохозяйственного производства, снабдить города продовольствием, высвободить рабочие руки из числа населения деревни для строительства крупных промышленных объектов в городах и на месторождениях.

Индустриализация и коллективизация повлекли за собой существенное изменение социально-экономического типа сельских поселений. С начала 1930-х годов происходит активное создание коллективных хозяйств, вокруг которых появляются животноводческие фермы, мастерские, гаражи и т. п.

Первоначально, в 1930-е годы, колхозы создавались на базе одного или нескольких сравнительно небольших населенных пунктов, поэтому их ве-

личина по количеству дворов и людности была невелика. Однако преобладание мелких колхозов препятствовало созданию крупного обобществленного сельскохозяйственного производства и, как следствие, затрудняло механизацию производственных процессов, использование специальной техники, задействование труда квалифицированных специалистов. Мелкие экономически слабые колхозы отличались низкой товарной продуктивностью, требовали повышенных государственных дотаций на усиление материально-технической базы.

В стремлении установить всеобъемлющий контроль за трудовой деятельностью и дисциплиной крестьян, повысить эффективность сельскохозяйственного производства, усилить его связь с рынком советское руководство принимает решение о ликвидации «распыленных» мелких хуторов и их сселении на центральные усадьбы колхозов. Это решение закрепляется постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 27 мая 1939 года «О мерах охраны общественных земель колхозников от разбазаривания». В нем содержалось требование «ликвидировать расположенные в общественных полях колхозов хуторские приусадебные участки колхозников, имеющиеся в районах различных областей... и сселить этих колхозников к одному месту, наделив их приусадебными участками в местах сселения по уставным нормам. Закончить эту работу к 1 сентября 1940 года» [О мерах ..., 1958, с. 109].

Осенью 1939 года СНК СССР принимает постановление «О мерах поощрения перехода колхозников-хуторян на центральную колхозную усадьбу», в котором говорилось, что ликвидация хуторского расселения должна производиться в одних случаях путем переселения хуторских хозяйств в близлежащие селения, в других — путем создания новых селений [ГАРФ, ф. Р5446, оп. 16, д. 1232, л. 15].

В качестве мер, которые должны были стимулировать переход хуторских хозяйств на центральные усадьбы, предусматривалось: «1) предоставление льгот по сельскохозяйственному налогу на год или два; 2) освобождение на год от обязательных поставок продукции с приусадебных посевов переселяющихся дворов; 3) выделение средств на долгосрочное кредитование колхозников на перенесение построек и обзаведение ими на месте переселения; 4) выделение долгосрочного кредита колхозам для строительства культурно-бытовых учреждений и хозяйственных построек на месте новых селений; 5) выделение специальных средств на строительство школ, больниц и других учреждений во вновь создаваемых селениях» [ГАРФ, ф. Р5446, оп. 16, д. 1232, л. 16].

Кредиты на сселение хуторов, перевозку домов и хозяйственных построек с бывших участков хуторского землепользования на центральную усадьбу, приобретение гвоздей, леса, оконных стекол государство предо-

ставляло через Сельхозбанк. Кредит выдавался сроком на пять лет, а его размер составлял 400—500 р. на каждого домохозяина [ГАРФ, ф. 5446, оп. 23, д. 3194, л. 42].

Однако далеко не каждый из хуторян имел возможность получить от государства кредит. Зачастую, из-за недостатка средств, таких крестьян насильно в кратчайшие сроки со всеми пожитками свозили в центральные поселки.

Сселение хуторов привело к сокращению масштабов поселенческой сети, способствовало оттоку сельского населения в города.

1930—1950-е годы стали временем, когда региональная система расселения переживала трансформацию за счет не только сселения хуторов, но и образования населенных пунктов промышленного типа в районах нового хозяйственного освоения. Так, в рамках реализации конкретных планов «очагового» промышленного строительства в Кузбассе, государство осуществляло в богатых лесом слабозаселенных северных районах Западной Сибири принудительную миграцию рабочей силы преимущественно за счет ссыльных, политзаклученных, спецпереселенцев, эвакуированных. Обеспечение трудовыми ресурсами экономически перспективных территорий сопровождалось изменением рисунка расселения, возникновением новых поселений в виде рабочих поселков, часть из которых спустя непродолжительное время получили статус города (Междуреченск, Осинники, Березовский и др.).

Великая Отечественная война внесла свои коррективы в функционирование поселенческой сети тыловых регионов страны. Вследствие миграции населения, вызванной призывом в армию, эвакуацией, депортацией отдельных этнических групп, произошла перестройка промышленности и сельского хозяйства Западной Сибири, увеличилась численность городского населения, но сократилось число сельских жителей. Размещение эвакуированных промышленных предприятий стимулировало развитие населенных пунктов городского типа, расположенных вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали.

В послевоенный период реорганизация сети поселений продолжилась, что было связано в первую очередь с дальнейшим хозяйственным (особенно промышленным) освоением региона.

В начале 1950-х годов была инициирована кампания по укрупнению колхозов. В целях улучшения управляемости сельским хозяйством, обеспечения быстрого роста колхозного производства и повышения его эффективности советское руководство приступило к объединению мелких, экономически слабых колхозов с сильными. Несколько мелких колхозов преобразовывались в совхозы, считавшиеся более производительной формой хозяйствования.

В Сибири, как и в целом по стране, укрупнение колхозов осуществлялось принудительно, форсированными темпами. По подсчетам В. А. Исупова, в период с 1950 по 1956 годы число колхозов в регионе снизилось в три раза, с 1956 по 1965 годы — в четыре раза, с 1965 по 1985 годы — в полтора раза. Если в 1956 году в Юго-Западной Сибири функционировало 2858 колхозов и 251 совхоз, то в 1960 году — 1196 колхозов и 371 совхоз [Исупов, 2012, с. 138].

В укрупненных колхозах выделялась центральная усадьба, располагавшаяся, как правило, в наиболее крупном селении. Остальные колхозы выполняли функцию подсобных хозяйств.

Параллельно с созданием укрупненного сельскохозяйственного производства государство приступило к реконструкции сельской местности, суть которой сводилась к созданию такой модели расселения, которая бы обеспечивала благоприятные условия труда и быта сельского населения. В основе этой модели лежала идея сближения города и деревни путем благоустройства населенных пунктов, развития их инфраструктуры (строительства клубов, библиотек, столовых, бань, школ, почты и т. п.).

Развернувшееся во второй половине 1950-х годов капитальное строительство в деревне затронуло в первую очередь наиболее «перспективные» сельские населенные пункты — центральные усадьбы, где, помимо учреждений социокультурной инфраструктуры, возводились новые фермы, мастерские, склады, перерабатывающие предприятия. В периферийных, малонаселенных поселениях строительство было минимальным.

В Западносибирском регионе в состав укрупненного колхоза входили в среднем пять–шесть населенных пунктов.

Благоустройство села, признанного центральной усадьбой, должно было повысить его привлекательность для жителей соседних селений, со временем перебивавшихся на постоянное место жительства в более благоустроенный населенный пункт.

С началом масштабной кампании по ликвидации «неперспективных» деревень (конец 1950-х годов) переселение из малолюдных селений в «перспективные» крупные села привело к перестройке всей сельской поселенческой сети страны. Ее модернизация выразилась в сокращении дисперсности расселения за счет ликвидации большого числа мелких населенных пунктов, увеличении дворности и людности укрупненных поселений, повышении уровня благоустройства последних. Произошли изменения в типической структуре поселенческой сети: появились селения со статусом «центральная усадьба», «отделение», РТС (ремонтно-техническая станция) и др.

Следствиями индустриализации и урбанизации стали усиление миграции сельского населения в города и поселки городского типа, формиро-

вание новых типов сельского расселения — создание производственных центров (усадб) колхозов и совхозов, объединявших несколько деревень; изменение статуса ряда сельских населенных пунктов несельскохозяйственного типа путем их перевода в категорию поселков городского типа; ликвидация «неперспективных» населенных пунктов.

3.2. Типическая структура и численность сельской поселенческой сети Западной Сибири в конце 1950-х годов

Государственная политика в области народного хозяйства СССР была направлена на форсированное развитие страны, ее индустриализацию, интеграцию периферийных районов в общенациональную экономику, преодоление их отставания от центра. Проводимые советским руководством экономические преобразования отразились на системе расселения через изменение типологии и функций населенных пунктов, их величины по количеству дворов и числу жителей. Существовавшее ранее разграничение понятий «слобода», «выселок», «починок», «деревня», «поселок» утратило свое значение.

Укрупнение колхозов привело к дифференциации сельских поселений в зависимости от их места в системе производства на центральные усадьбы и подконтрольные им отделения, фермы, бригады колхоза (совхоза).

В период индустриализации, строительства новых предприятий, дорог, электростанций, радиостанций в сельской местности возникло большое количество мелких и мельчайших населенных пунктов, носивших случайные названия и не соответствовавших сложившемуся пониманию типа сельского поселения.

Всего при подготовке и проведении Всесоюзной переписи населения 1959 года было зафиксировано более ста типов сельских населенных пунктов, которые можно сгруппировать по сфере деятельности населения и роли в территориальной организации производства таким образом:

- 1) слободы, местечки, поселки, заводы, фабрики — типы сельского поселения, значительная часть жителей которых не связана с сельским хозяйством;
- 2) села, деревни, хутора, аулы, выселки, заимки, стойбища — селения, жители которых заняты исключительно сельским хозяйством;
- 3) совхозы, РТС, колхозы, центральные усадьбы, отделения — населенные пункты, возникшие или связанные с образованием колхозов или совхозов;
- 4) фермы, станы, отгонные пастбища, пасеки, точки, гурты — мелкие сельские населенные места, преимущественно временного характера;
- 5) подсобные хозяйства, опытные участки, опытные станции, питомники, пункты заготзерна или заготскота, рыбные хозяйства — подсобные либо опытные хозяйства различных организаций;

6) лесничества, лесопункты, лесные дачи, лесоучастки, лесобазы, кордоны, лесоперевалочные базы — поселения, связанные с разведением и эксплуатацией лесных угодий;

7) разъезды, пристани, станции, полустанки, блокпосты, казармы, бакенщики, шлюзы, перекаты, перевозки, дорожные участки — населенные места, связанные с эксплуатацией различных видов путей сообщения;

8) мельницы, метео-, радио-, электроподстанции, нефтекачки, нефтебазы, склады, геопартии, пожарные посты, водокачки — мелкие населенные пункты при различных предприятиях, организациях, как правило, не связанных с сельским хозяйством;

9) больницы, детские дома, школы, пионерские лагеря, дома инвалидов, лечебницы, санатории, дома отдыха — мелкие населенные места при учреждениях здравоохранения и просвещения;

10) бараки, зимовки, сторожки, дома, землянки — одиночные строения временного характера.

Согласно данным переписи 1959 года, в пределах РСФСР и ее административно-территориальных единиц насчитывалось 294 тыс. сельских поселений. Наибольшим количеством населенных пунктов отличались Кировская (16 236) и Калининская (современная Тверская) (14 354) области [Сельские ..., 1961, с. 22].

Среди административно-территориальных единиц Западносибирского региона по количеству сельских поселений лидировал Алтайский край, в котором функционировало 5453 селения [Там же, с. 604]. Вслед за ним в порядке убывания количества населенных пунктов располагались: Тюменская область — 3312; Омская — 3175; Новосибирская — 3123; Курганская — 2531; Кемеровская — 2458; Томская — 1763 [Там же, с. 570, 634, 626, 538, 618, 642]. Всего в Западной Сибири насчитывалось 21 815 сельских поселений (7,4 % поселенческой сети РСФСР).

В среднем один сельский район в РСФСР состоял из 146 населенных пунктов. В Западной Сибири данный показатель был ниже — 90 поселений на один район. Наибольшее количество селений приходилось на Кемеровскую область (в среднем 128 населенных пунктов на район), наименьшее — на Алтайский край (75 селений).

В условиях проводимой в 1950-е годы политики по благоустройству сельских поселений в первую очередь подлежали укрупнению населенные пункты постоянного характера, жители которых были заняты сельским хозяйством в колхозах и совхозах (села, деревни, аулы, хутора), а также поселки при различного рода промышленных предприятиях и организациях.

Всего таких населенных мест в РСФСР насчитывалось 253,2 тыс. В них проживало 53,2 млн сельских жителей, что составляет 86,1 % всех

сельских населенных мест и 96,8 % всего сельского населения Федерации [Там же, 1961, с. 24]. С учетом, что из этой группы поселений в первую очередь укрупнению подлежали те, в которых проживало до 100 человек, подобных населенных пунктов набиралось 133 тыс. Они охватывали 11,5 % сельского населения. В Западной Сибири данные показатели составляли соответственно 949 и 22 % [подсчитано по: Сельские ..., 1961, с. 118—121].

Села, деревни, хутора составляли группу самых распространенных типов населенных пунктов. В регионе в совокупности функционировало 12 362 селений данной категории (56,7 % региональной сети поселений). Лидерами по количеству сел, деревень и хуторов были Алтайский край (2699) и Омская область (2630).

Статус поселка, гораздо реже — слободы, местечка имели 3762 населенных пункта (17,2 % поселенческой сети). Из них 1688 располагались в Алтайском крае (44,9 %), причем почти все они числились как поселки.

К числу колхозов, совхозов, РТС относилось 656 селений (3 % всей сети). Бесспорным лидером по количеству населенных пунктов данного типа была Новосибирская область, на территории которой существовало 221 селение указанной группы (33,7 % от общего количества поселений перечисленных статусов).

Населенные места при фермах, пасаках, станах, гуртах, пастбищах носили в основном временный характер и имели немногочисленное население (до 50 человек на каждое). Больше всего поселений перечисленных типов имелось в Алтайском крае (640), меньше — в Тюменской области (15). Всего в регионе функционировало 1032 селения данной группы (4,7 % от всей его поселенческой сети).

В группу населенных пунктов со статусом подсобного хозяйства, опытной станции входили 390 селений (1,8 % сельской поселенческой сети региона). Количество поселений характеризуемой категории варьировалось в административно-территориальных единицах от 31 (Томская область) до 67 (Новосибирская область).

Наибольшее количество сельских населенных мест при лесоразработках, лесоохране, лесоразведении имелось в Алтайском крае (153) и Тюменской области (126). В целом в регионе насчитывалось 617 селений рассматриваемой категории (2,8 % от сети поселений).

Поселения при железнодорожных, шоссейных, водных путях сообщения больше всего были распространены в Новосибирской области (257) и Алтайском крае (243). Наименьшим количеством таких населенных пунктов обладала Томская область (52). Общее количество поселений указанного ряда составляло 1127 (5,2 % региональной сети поселений).

Метео-, радио- электроподстанций и мельниц как населенных мест, согласно переписи 1959 года, в Западной Сибири было 103 (0,5 % сети). Из них 26 (25,2 %) располагалось в Курганской области.

При различного рода учреждениях здравоохранения и просвещения находилось 96 населенных мест (0,4 % поселенческой сети). Большим количеством селений подобного типа отличалась Тюменская область (24).

Одинокных домов, бараков учтено 165 (0,8 % сети). Из них 65 приходилось на Алтайский край (39,4 % всех населенных мест данного типа).

В целом, сельская поселенческая сеть Западной Сибири отличалась пестрой типической структурой, неравномерностью размещения, низкой плотностью. Если в РСФСР на один сельский населенный пункт приходилось в среднем 58 км², то в Западносибирском регионе — 114 км² [подсчитано по: Сельские ..., 1961, с. 32—33]. Максимально плотной была сеть сельских поселений в Кемеровской (27 км²) и Курганской (28 км²) областях, наиболее разреженной — в Тюменской области, включая Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий национальные округа (524 км²).

3.3. Численность населения и величина сельских поселений региона в конце 1950-х годов

Политика 1930—1950-х годов по обеспечению задач индустриализации трудовыми ресурсами, сселению хуторов и укрупнению колхозов не могла не сказаться на демографических процессах, особенно на соотношении численности городского и сельского населения, величине поселений. Если в 1939 году в Западной Сибири проживало приблизительно 8 927, 3 тыс. чел., то к 1960 году — 12 250, 7 тыс. чел. При этом в 1939 году соотношение городского и сельского населения составляло соответственно 28,9 и 71,1 %. Спустя два десятилетия (к 1960 году) данный показатель составил 50,0 и 50,0 % [Исупов, 2016, с. 144; Сельские, 1961, с. 32—33].

Западносибирский регион отставал по показателям численности городского населения от центральной части РСФСР, где к 1960 году уже произошел урбанизационный переход, то есть доля городского населения стала больше, чем доля сельского (табл. 1). Однако входящие в Западную Сибирь субрегионы имели разный уровень урбанизированности.

Самой урбанизированной территорией была промышленно развитая Кемеровская область, 77,6 % населения которой проживало в городской местности (городах и поселках городского типа).

Быстрое развитие областного центра как важнейшего промышленного и транспортного узла ускорило урбанизационные процессы в Новосибирской области, где доля горожан в структуре населения к 1960 году составила 55,9 %.

Таблица 1

Численность и плотность населения в административно-территориальных единицах Западной Сибири на 1 января 1960 г.*

Адм.-террит. единица	Население, тыс. чел.		Доля сельского населения, %	Площадь, тысяч км ²	Чел. на один км ²
	всего	в т. ч. сельское			
РСФСР	117 534,3	54 983,6	46,8	17075,4	6,9
Западная Сибирь, в том числе:	12 250,7	6124,3	50,0	2498,2	4,9
Алтайский край**	2683,2	1794,5	66,9	261,7	10,3
Кемеровская обл.	2785,9	624,2	22,4	95,5	29,2
Курганская обл.	999,2	665,3	66,6	71,0	14,0
Новосибирская обл.	2298,5	1014,3	44,1	178,2	12,9
Омская обл.	1644,6	917,6	55,8	139,4	11,8
Томская обл.	746,8	386,9	51,8	316,9	2,4
Тюменская обл.***	1092,5	721,5	66,0	1435,5	0,8

* Подсчитано по: [Сельские ..., 1961, с. 32—33].

** Включая данные по Горно-Алтайской автономной области

*** Включая данные по Ханты-Мансийскому и Ямало-Ненецкому национальным округам

На пороге урбанизационного перехода оказались в это время Томская и Омская области, численность городских жителей в которых достигла порядка 44—48 % всего населения.

В развитых в сельскохозяйственном отношении Алтайском крае и Курганской области, а также в малопригодной для земледелия северной части Тюменской области по-прежнему сохранялось значительное численное преобладание сельского населения (свыше 65 %) над городским.

Перечисленные административно-территориальные единицы Западной Сибири отличались не только разным уровнем урбанизированности, но и степенью населенности (плотностью населения). Наиболее высокой плотностью населения отличалась Кемеровская область (29,2 чел. на км²), занимавшая по данному показателю 31-е место среди 72-х административно-территориальных единиц РСФСР. Значительно отставала от нее Курганская область, преобладающая часть населения которой была занята в сельском хозяйстве (14,0 чел. на км²). Тройку лидеров замыкала Новосибирская область (12,9 чел. на км²).

Низкая плотность населения была присуща Томской и Тюменской областям (соответственно 2,4 и 0,8 чел. на км²). По плотности населения Тюменская область занимала 68-е место из 72-х в Федерации, опережая лишь Камчатскую, Магаданскую области и Якутскую автономную республику.

Таким образом, плотность населения Кемеровской области превышала аналогичный показатель по региону почти в 6 раз, по РСФСР — в 4,2 раза. Плотность населения Тюменской области (за счет ее северных районов), наоборот, была в 6,1 раза ниже, чем в целом по Западной Сибири, и в 8,6 раза ниже, чем по РСФСР.

Представленные в таблице 2 данные демонстрируют величину сельских поселений в административно-территориальных единицах региона. Обращает на себя внимание тот факт, что средняя людность сельских населенных пунктов в Западной Сибири была в 1,5 раза выше таковой в целом по РСФСР.

Наиболее крупной людностью поселений отличались Алтайский край и Новосибирская область. Они занимали по характеризующему показателю соответственно 15-е и 16-е место среди 72-х административно-территориальных единиц Федерации (1-е место принадлежало Тувинской республике — в среднем 866 чел. на одно сельское поселение). Даже в Тюменской области средний показатель людности сельского поселения (218 чел.) был в 1,2 раза выше, чем в РСФСР.

Таблица 2

Количество и людность сельских населенных пунктов
в административно-территориальной структуре Западной Сибири
на 1 января 1960 года*

Адм.-террит. единица	Кол-во сельских насел. пунктов	В среднем чел. на один сельский насел. пункт	Максим. средний размер селения (чел.)	Миним. средний размер селения (чел.)
РСФСР	294 059	187	—	—
Западная Сибирь	21 815	281	1053	40
в том числе:				
Алтайский край**	5453	329	1053	40
Кемеровская обл.	2458	254	382	74
Курганская обл.	2531	263	408	160
Новосибирская обл.	3123	325	691	211
Омская обл.	3175	289	426	183
Томская обл.	1763	219	408	151
Тюменская обл.***	3312	218	437	84

* Подсчитано по: [Сельские ..., 1961, с. 539, 571, 605, 619, 627, 635, 643].

** Включая данные по Горно-Алтайской автономной области

*** Включая данные по Ханты-Мансийскому и Ямало-Ненецкому национальным округам

Максимальная средняя людность была присуща сельской поселенческой сети отдельных районов Алтайского края и Новосибирской области.

В Алтайском крае высокой средней людностью населенных пунктов отличались Поспелихинский (1053 чел.), Егорьевский (945 чел.) и Романовский (900 чел.) районы, в Новосибирской — Кочковский (691), Краснозерский (647) и Доволенский (585) [Сельские ..., 1961, с. 605, 627].

В Тюменской области высокий уровень людности был характерен для селений Тазовского (437 чел.), Пуровского (414) и Исетского (408) районов. Среди омских поселений высокой средней людностью обладали населенные пункты Одесского (426 чел.), Полтавского (407) и Горьковского (382) районов [РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, д. 3784, л. 46, 73 об, 75].

В Курганской области многолюдными селениями характеризовались Сафакулевский (408 чел.), Уксянский (390) и Шатровский (349) районы, в Томской — Кожевниковский (408), Зырянский (365) и Пышкино-Троицкий (318) [Там же, с. 539, 643].

Среди районов Кемеровской области наибольшей людностью выделялись селения Прокопьевского (382 чел.), Ленинск-Кузнецкого (368) и Гурьевского (362) районов [Там же, с. 619].

Селения с наименьшей людностью были присущи Кош-Агачскому району Алтайского края (40 чел.), Таштагольскому району Кемеровской области (74 чел.) и Приуральскому району Тюменской области (84 чел.).

Сравнение показателей людности сельских поселений по ряду административно-территориальных единиц Западной Сибири в исторической динамике позволяет говорить о возрастании величины населенных пунктов к 1960 году. Так, если в 1926 году средняя людность селений Новосибирского округа составляла 147 жителей, то в 1960 году — 325 [подсчитано по: Список ..., 1928, с. 422—524; Сельские ..., 1961, с. 627]. Людность томских поселений в 1926 году насчитывала в среднем 103 чел., в 1960 году — 219 [подсчитано по: Список ..., 1929, с. 1—217; Сельские ..., 1961, с. 643].

Заметное повышение людности сельских населенных пунктов, учитываемая набирающую обороты урбанизацию, было связано со сселением хуторов и укрупнением сельскохозяйственного производства, а не с приростом населения в сельской местности.

4. Заключение = Conclusions

Система расселения Западной Сибири и сельская поселенческая сеть как ее неотъемлемый элемент в период 1930—1950-х годов претерпели значительную трансформацию. В результате ускоренной индустриализации и сопровождавшей ее насильственной коллективизации изменились численность, типическая структура и величина сельских населенных пунктов.

В 1930-е годы под лозунгом борьбы с индивидуальным крестьянским землепользованием началось сселение хуторов, которые, по мнению властей,

тормозили проведение коллективизации, способствовали сохранению у крестьян «частнособственнических» пережитков. Это стало причиной переселения хуторян (нередко насильственного) либо в прежние места их проживания, либо в колхозные поселки. Итоги проводимой политики проявились в исчезновении десятков тысяч хуторов и выселков, существенном сокращении масштабов сельской поселенческой сети, сжатии границ обжитого пространства.

Ликвидация селений-однодворок сельскохозяйственного назначения и переход к укрупнению колхозов стимулировали миграцию населения из сельской местности в города. К концу 1950-х годов соотношение городского и сельского населения Западной Сибири в целом выравнивалось, а в Кемеровской и Новосибирской областях численность горожан превысила численность деревенских жителей. Основа для дальнейшего урбанизационного перехода в регионе была подготовлена именно в этот период.

Укрупнение колхозов и начало ликвидации «неперспективных» деревень привели к дальнейшей перестройке всей сети сельских поселений, выразившейся в сокращении числа мелких населенных пунктов, увеличении дворности и людности укрупненных поселений, повышении уровня благоустройства последних.

В типической структуре сельской поселенческой сети появились новые типы населенных пунктов: центральные усадьбы, отделения, фермы, заготпункты, производственные бригады и др. Развитие железнодорожных и водных путей сообщения увеличило число селений со статусом станции, разъезда, будки, пристани, блокпоста, казармы. Вовлечение рассматриваемой территории в индустриальное развитие страны привело к появлению таких типов населенных мест, как радио- и электростанции, нефтекачки, нефтебазы, геопартии. Тем не менее основную часть сельской сети поселений, как и раньше, составляли села, деревни и поселки (примерно 57 % всей сети).

Всесоюзная перепись населения 1959 года зафиксировала на территории Западной Сибири 21 815 сельских населенных пунктов (7,4 % поселенческой сети РСФСР). Из них 5453 поселения приходилось на Алтайский край (25 % региональной сети). Самой малочисленной сетью отличалась Томская область — 1763 селения (8,9 % региональной сети).

Один сельский населенный пункт в регионе приходился в среднем на 114 км², в то время как по РСФСР этот показатель составлял 58 км². Максимальной плотностью отличалась сеть сельских поселений Кемеровской (27 км²) и Курганской (28 км²) областей, минимальной — Тюменская область, в которой за счет северных слабозаселенных районов на одно селение приходилось 524 км².

Для административно-территориальных единиц Западной Сибири были характерны большие диспропорции в плотности населения. Наи-

более высокой плотностью населения обладала промышленно развитая Кемеровская область (29,2 чел. на км²), низкой — Томская и Тюменская (соответственно 2,4 и 0,8 чел. на км²).

Высокая средняя людность поселений была присуща поселенческой сети Алтайского края (329 чел.) и Новосибирской области (325 чел.), низкая — Тюменской (218 чел.) и Томской (219 чел.). При этом самым высоким уровнем людности отличалась поселенческая сеть Поспелихинского района Алтайского края (1053 чел.), низким — Кош-Агачского района Горно-Алтайской автономной области (40 чел.).

Увеличение людности сельских поселений в конце 1950-х годов происходило одновременно с сокращением их численности, растущим миграционным оттоком сельского населения в города. Величина населенных пунктов по числу жителей росла «благодаря» ликвидации хуторов и выселков, укрупнению колхозов. Как показали последующие десятилетия, непродуманная расселенческая политика государства в 1930—1950-е и последующие годы привела к дальнейшему раскрестьяниванию и реконструкции деревни, следствием которых стало исчезновение тысяч сельских поселений.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. Р5446 — Совет министров СССР.
2. *О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания* : Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 27 мая 1939 г. // История колхозного права : Сб. законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917—1958 гг. Т. II. (1937—1958). — Москва : Госюриздат, 1958. — С. 107—110.
3. РГАЭ — *Российский государственный архив экономики*. Ф. 1562 — Центральное статистическое управление.
4. *Сельские населенные места РСФСР* (по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г.) / Центральное статистическое управление при Совете министров РСФСР. — Москва : [б. и.], 1961. — 754 с.
5. *Список населенных мест Сибирского края*. — Новосибирск : Типография «Советская Сибирь», 1928. — Т. 1 : Округа Юго-Западной Сибири. — 831 с.
6. *Список населенных мест Сибирского края*. — Новосибирск : Типография «Советская Сибирь», 1929. — Т. 2 : Округа Северо-Восточной Сибири. — 952 с.

Литература

1. *Алаев Э. Б.* Социально-экономическая география : понятийно-терминологический словарь / Э. Б. Алаев. — Москва : Мысль, 1983. — 290 с.
2. *Алексеев А. И.* Региональные проблемы долгосрочного развития сельского расселения / А. И. Алексеев. — Йошкар-Ола : Марийский НИИ, 1987. — 13 с.

3. *Вылцан М. А.* Сселение хуторов в 30-х гг. / М. А. Вылцан // Особенности российского земледелия и проблемы расселения IX—XX вв. : XXVI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы : Тезисы докладов и сообщений. — Москва : Институт российской истории РАН, 1998. — С. 156—158.

4. *Димони Т. М.* Сселение хуторов на Европейском Севере России в конце 1930-х гг. (на материалах Вологодской области) / Т. М. Димони // Особенности российского земледелия и проблемы расселения IX—XX вв. : XXVI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы : Тезисы докладов и сообщений. — Москва : Институт российской истории РАН, 1998. — С. 159—162.

5. *Задорин А. В.* Поселенческая структура Красноярского края в конце 50 — конце 80-х гг. XX в. / А. В. Задорин // Вестник Красноярского государственного педагогического университета. — 2012. — № 1. — С. 338—344.

6. *Зайончковская Ж. А.* Демографическая ситуация и расселение / Ж. А. Зайончковская. — Москва : Наука, 1991. — 132 с. — ISBN 5-02-003395-2.

7. *Зеляк В. Г.* Горно-промышленный комплекс Северо-Востока России : становление и развитие (конец 1920-х — начало 1990-х) : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / В. Г. Зеляк. — Томск, 2014. — 386 с.

8. *Зубаревич Н. В.* Трансформация сельского расселения и сети услуг в сельской местности / Н. В. Зубаревич // Известия РАН. Серия географическая. — 2013. — № 3. — С. 26—28. — DOI: 10.15356/0373-2444-2013-3-26-38.

9. *Исупов В. А.* Раскрестянивание сибирской деревни в советский период : основные тенденции и этапы / В. А. Исупов // Российская история. — 2012. — № 1. — С. 129—141.

10. *Исупов В. А.* Население Западной Сибири в годы Второй мировой войны : 1939—1945 гг. / В. А. Исупов, Н. С. Коробейникова, М. А. Семенов // Демографическое обозрение. — 2016. — № 3 (2). — С. 143—168.

11. *Ковалев С. А.* Сельское расселение : географическое исследование / С. А. Ковалев. — Москва : Издательство Московского университета, 1963. — 371 с.

12. *Мазур Л. Н.* Политика советского государства в области сельского расселения. 1950—1980-е гг. : Истоки трагедии российской деревни / Л. Н. Мазур // Государственная власть и крестьянство в XX — начале XXI века : Сборник материалов международной научно-практической конференции. — Коломна : Коломенский государственный педагогический институт, 2007. — Ч. 1. — С. 338—348.

13. *Мазур Л. Н.* Российская деревня в условиях урбанизации : региональное измерение (вторая половина XIX — XX в.). — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2012. — 471 с. — ISBN 978-5-7996-0756-2.

14. *Меерович М. Г.* Соцгорода в Сибири : градостроительная и расселенческая политика в СССР в период индустриализации / М. Г. Меерович // Баландинские чтения. — 2014. — № 3. — С. 121—127.

15. *Плясуля А. А.* Форсированное совхозное строительство в Западной Сибири (1928—1931 гг.) / А. А. Плясуля // Исторический курьер. — 2022. — № 4 (24). — С. 111—122. — DOI: 10.31518/2618-9100-2022-4-10.

16. *Сенявский А. С.* Урбанизация в России в XX в. : роль в историческом процессе / А. С. Сенявский. — Москва : Наука, 2003. — 286 с. — ISBN 5-02-008863-3.

17. *Соколова Е. В.* Основные причины и этапы исчезновения деревень Тарского Прииртышья в советский период / Е. В. Соколова // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. — 2017. — № 3 (23). — С. 207—217.

18. Татарникова А. И. Сеть сельских поселений на территории современной Тюменской области в 1930—1950-е гг. : численность, величина, типическая структура / А. И. Татарникова // Манускрипт. — 2024а. — Т. 17. — Выпуск 4. — С. 603—607. — DOI: 10.30853/mns20240091.

19. Татарникова А. И. Реорганизация системы размещения населения Северо-Западной Сибири как отражение социально-экономической политики СССР в 1930—1950-е гг. / А. И. Татарникова // Научный диалог. — 2024b. — Т. 13. — № 6. — С. 478—497. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-478-497.

20. Усольцева О. В. Социально-экономические условия изменения сельского расселения Томской области во второй половине 1940-х — начале 1960-х гг. / О. В. Усольцева // Вестник Томского государственного университета. История. — 2015. — № 2 (34). — С. 69—77. — DOI: 10.17223/19988613/34/11.

21. Хисамутдинова Р. П. Ошибки и просчеты, допущенные при укрупнении колхозов Урала в 1950—1952 гг. / Р. П. Хисамутдинова // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2002. — № 7. — С. 146—151.

Статья поступила в редакцию 04.08.2025,
одобрена после рецензирования 26.11.2025,
подготовлена к публикации 04.01.2026.

Material resources

GARF — *The State Archive of the Russian Federation. F. P5446 — Council of Ministers of the USSR.* (In Russ.).

List of populated places in the Siberian Region, 1. (1928). Novosibirsk: Printing House “Soviet Siberia”. 831 p. (In Russ.).

List of populated places in the Siberian Region, 2. (1929). Novosibirsk: Printing House “Sovetskaya Sibir”. 952 p. (In Russ.).

On measures to protect public lands of collective farms from squandering: Resolution of the Council of People’s Commissars of the USSR and the Central Committee of the CPSU (b) dated May 27, 1939. (1958). (1958). In: *History of collective farm law: Collection of legislative materials of the USSR and the RSFSR. 1917—1958. Vol. II. (1937—1958).* Moscow: Gosyurizdat. 107—110. (In Russ.).

RGAE — *Russian State Archive of Economics. F. 1562 — Central Statistical Office.* (In Russ.). *Rural settlements of the RSFSR (according to the All-Union Population Census of 1959) / Central Statistical Office under the Council of Ministers of the RSFSR.* (1961). Moscow: [b. i.]. 754 p. (In Russ.).

References

Alaev, E. B. (1983). *Socio-economic geography: a conceptual and terminological dictionary.* Moscow: Mysl Publ. 290 p. (In Russ.).

Alekseev, A. I. (1987). *Regional problems of long-term development of rural settlement.* Yoshkar-Ola: Mari Research Institute. 13 p. (In Russ.).

Dimoni, T. M. (1998). Settlement of farms in the European North of Russia in the late 1930s (based on materials from the Vologda region). In: *Features of Russian agriculture and problems of settlement in the 9th—20th centuries: XXVI session of the Symposium on the Agrarian History of Eastern Europe: Abstracts of reports and communications.* Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 159—162. (In Russ.).

- Isupov, V. A. (2012). The peasant farming of the Siberian village in the Soviet period: the main trends and stages. *Russian History, 1*: 129—141. (In Russ.).
- Isupov, V. A., Korobeynikova, N. S., Semenov, M. A. (2016). The population of Western Siberia during the Second World War: 1939—1945. *Demographic review, 3* (2): 143—168. (In Russ.).
- Khisamutdinova, R. R. (2002). Mistakes and miscalculations made during the consolidation of collective farms in the Urals in 1950—1952. *Bulletin of Orenburg State University, 7*: 146—151. (In Russ.).
- Kovalev, S. A. (1963). *Rural settlement: a geographical study*. Moscow: Moscow University Press. 371 p. (In Russ.).
- Mazur, L. N. (2007). The policy of the Soviet state in the field of rural settlement. 1950s — 1980s: The Origins of the tragedy of the Russian countryside. In: *State power and the peasantry in the XX — beginning of the XXI century: Collection of materials of the international scientific and practical conference, 1*. Kolomna: Kolomna State Pedagogical Institute. 338—348. (In Russ.).
- Mazur, L. N. (2012). *The Russian village in the context of urbanization: a regional dimension (the second half of the 19th — 20th centuries)*. Yekaterinburg: Ural University Press. 471 p. ISBN 978-5-7996-0756-2. (In Russ.).
- Meerovich, M. G. (2014). Sotsgoroda in Siberia: urban planning and settlement policy in the USSR during the period of industrialization. *Balandinsky readings, 3*: 121—127. (In Russ.).
- Plyasulya, A. A. (2022). Forced state farm construction in Western Siberia (1928—1931). *Historical Courier, 4* (24): 111—122. DOI: 10.31518/2618-9100-2022-4-10. (In Russ.).
- Senyavsky, A. S. (2003). *Urbanization in Russia in the XX century: a role in the historical process*. Moscow: Nauka Publ. 286 p. ISBN 5-02-008863-3. (In Russ.).
- Sokolova, E. V. (2017). The main causes and stages of the disappearance of villages of the Tarsky Irtysh region in the Soviet period. *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University, 3* (23): 207—217. (In Russ.).
- Tatarnikova, A. I. (2024). Reorganization of Population Placement System in Northwestern Siberia as a Reflection of Socio-Economic Policies of USSR in 1930s—1950s. *Nauchnyi dialog, 13* (6): 478—497. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-478-497. (In Russ.).
- Tatarnikova, A. I. (2024a). The network of rural settlements in the territory of the modern Tyumen region in the 1930s—1950s: number, size, typical structure. *Manuscript, 17* (4): 603—607. DOI: 10.30853/mns20240091. (In Russ.).
- Usoltseva, O. V. (2015). Socio-economic conditions of changes in rural settlement of the Tomsk region in the second half of the 1940s — early 1960s. *Bulletin of Tomsk State University. History, 2* (34): 69—77. DOI: 10.17223/19988613/34/11. (In Russ.).
- Vyltsan, M. A. (1998). Settlement of farms in the 30s. In: *Features of Russian agriculture and problems of settlement in the 9th—20th centuries: XXVI session of the Symposium on the Agrarian History of Eastern Europe: Abstracts of reports and communications*. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 156—158. (In Russ.).
- Zadorin, A. V. (2012). Settlement structure of the Krasnoyarsk Territory in the late 50s — late 80s of the XX century. *Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University, 1*: 338—344. (In Russ.).

- Zayonchkovskaya, J. A. (1991). *Demographic situation and settlement*. Moscow: Nauka Publ. 132 p. ISBN 5-02-003395-2. (In Russ.).
- Zelyak, V. G. (2014). *Mining and industrial complex of the North-East of Russia: formation and development (late 1920s — early 1990s)*. Doct. Diss. Tomsk. 386 p. (In Russ.).
- Zubarevich, N. V. (2013). Transformation of rural settlement and network of services in rural areas. *Izvestiya RAS. The series is geographical*, 3: 26—28. DOI: 10.15356/0373-2444-2013-3-26-38. (In Russ.).

*The article was submitted 04.08.2025;
approved after reviewing 26.11.2025;
accepted for publication 04.01.2026.*

Информация для цитирования:

Черказянова И. В. Государственный контроль и реформирование школьного образования немецких колонистов Российской империи (вторая половина XVIII — начало XX веков) / И. В. Черказянова // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 1. — С. 530—548. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-530-548.

Cherkazyanova, I. V. (2026). State Control and Reform of School Education among German Colonists in Russian Empire (Mid-Eighteenth Century to Early Twentieth Century). *Nauchnyi dialog*, 15 (1): 530-548. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-530-548. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Государственный контроль и реформирование школьного образования немецких колонистов Российской империи (вторая половина XVIII — начало XX веков)

Черказянова Ирина Васильевна

orcid.org/0000-0002-1569-002X

доктор исторических наук,
главный научный сотрудник,
научно-образовательный центр
исторических исследований и анализа
cherk@inbox.ru

Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
и Санкт-Петербургского научного фонда
№ 23-18-20025,
<https://rscf.ru/project/23-18-20025/>

State Control and Reform of School Education among German Colonists in Russian Empire (Mid-Eighteenth Century to Early Twentieth Century)

Irina V. Cherkazyanova

orcid.org/0000-0002-1569-002X

Doctor of History, Chief Researcher,
Research and Educational Center
for Historical Studies and Analysis
cherk@inbox.ru

Pushkin Leningrad State University
(Saint Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation
and by St. Petersburg Science
Foundation № 23-18-20025,
<https://rscf.ru/project/23-18-20025/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассмотрены документы, регулировавшие школьное образование российских немцев, главным образом, немецких колонистов. Хронологические рамки охватывают период с первых лет поселения колонистов до начала 1900-х годов. Анализ источников позволил прийти к выводу о том, что вплоть до 1840-х годов государство лишь контролировало разработку общего законодательства, которое упорядочивало внутреннее устройство колоний и ее школ, при этом опираясь в большей степени на сложившуюся практику в поселениях. Отмечается нарастание степени вмешательства государства в школьные вопросы после проведения административной реформы иностранных колоний в 1871 году. Обращается внимание на то, что реформирование школ было логическим продолжением политики правительства по унификации всех сторон жизни нерусского населения. Выявлена позиция Евангелическо-лютеранской церкви, последовательно отстаивавшей независимость немецких школ от государственного влияния. Доказано, что наибольшую остроту взаимоотношения церкви и государства достигли в конце XIX века в связи с передачей протестантских школ в ведение Министерства народного просвещения и политикой русификации. Прослежены попытки правительства провести некоторые меры по либерализации образования российских немцев в период первой революции. Отмечено, что наметившийся диалог между правительством, церковью и немецкой общественностью был прерван Первой мировой войной.

Ключевые слова:

русские немцы; немецкие колонисты; немецкая школа; Евангелическо-лютеранская церковь; национальная политика; реформирование образования.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines documents regulating school education for Germans in Russia, primarily focusing on German colonists. The chronological scope spans from the early years of settlement until the beginning of the twentieth century. Analysis of sources reveals that up until the 1840s, the state mainly oversaw the development of general legislation governing internal arrangements within colonies and their schools, relying heavily on established practices in these settlements. It is noted that there was an increase in state intervention into educational matters following administrative reforms implemented in foreign colonies in 1871. Attention is drawn to how reform efforts were a logical continuation of government policies aimed at standardizing various aspects of non-Russian populations' lives. The position of the Evangelical Lutheran Church, which consistently defended the autonomy of German schools against state influence, has been identified. Evidence shows that tensions between church and state reached their peak towards the end of the nineteenth century due to the transfer of Protestant schools under the jurisdiction of the Ministry of Public Education and Russification policies. Efforts made by the government during the First Revolutionary Period to introduce certain liberalization measures regarding German education are traced. However, it is observed that the emerging dialogue between the government, the church, and the German community was disrupted by World War I.

Key words:

Russian Germans; German settlers; German schools; Evangelical Lutheran Church; national policy; educational reform.

УДК 94(47).066/.083+373(=112.2)“175/191”

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-530-548

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Государственный контроль и реформирование школьного образования немецких колонистов Российской империи (вторая половина XVIII — начало XX веков)

© Черказьянова И. В., 2026

1. Введение = Introduction

Изучаемый вопрос находится на стыке двух проблем: собственно истории школьного образования немецких колонистов в России и национальной политики, основным звеном которой была усилившаяся в конце XIX века русификация нерусских окраин, затрагивавшая в первую очередь сферу образования, в данном контексте — школы национальных меньшинств.

Школа немецких колонистов, среди которых преобладали протестанты (лютеране, меннониты), была важнейшим институтом в формировании менталитета этноса, в структуре жизненных ценностей традиционно занимала ведущее место вслед за церковью. Традицию обязательного школьного обучения детей обоего пола переселенцы принесли с собой из мест выхода — германских княжеств. Из-за отсутствия иных форм образования у переселенцев, кроме школы, вплоть до второй половины XIX века, образовательная политика государства была нацелена на контроль и реформирование именно института школы в немецких поселениях. Длительное время образование колонистов находилось в руках священнослужителей, поскольку школа рассматривалась как этап подготовки детей к вступлению в церковную общину через обряд конфирмации, но в материальном плане (содержание школы и учителя) оно зависело от общины. Учительское сообщество в этот период не имело достаточно сил, чтобы выступать серьезным оппонентом церкви по вопросу школы, поскольку учитель находился в зависимости от церкви и мирского общества, в то время понятия «церковная» и «мирская» община по сути не разделялись. Первые учительские союзы и общества в поддержку образования стали активно формироваться в начале XX века. Так, в 1906 году появилось Нарвское общество содействия немецкому образованию.

С развитием государственных институтов и ускорением модернизации российского общества усиливалась роль правительства в жизни колони-

стов и их школ. Столкновение интересов государства и церкви в области духовной жизни немцев было неизбежным. С одной стороны, это связано со стремлением правительства унифицировать все процессы и подвластные структуры национальных меньшинств. С другой стороны, церковь выступала за сохранение религиозных традиций и позиции самой церкви в жизни общин.

История образования немцев России достаточно подробно изучена в комплексных исследованиях Н. Э. Вашкау о школах Поволжья [Вашкау, 1998а, 1998б], В. Зюсса (W. Süß) о системе образования немцев в России [Зюсс, 2007; Süß, 1999, 2004], И. В. Черказьяновой о школах Сибири и общих проблемах российской немецкой школы [Черказьянова, 2004]. Отдельные вопросы отражены во многих публикациях других авторов. В частности, проблему русификации в Прибалтике исследовали В. Г. Чеботарева [Чеботарева, 2004], Н. С. Андреева [Андреева, 2008]. Теме русификации российских немцев посвящены работы германского исследователя Д. Нойтатца [Neutatz, 1996].

Из публикаций по национальной проблематике в дореволюционной России необходимо выделить труды В. С. Дякина [Дякин, 1998], А. И. Миллера [Миллер, 2002, 2006], А. Каппелера [2000], Р. Суни [Суни, 2001]. Теоретические выводы этих авторов важны для понимания общей политической ситуации, которая господствовала в области образования. Так, Р. Суни писал: «Государственная политика, направленная на рационализацию языка, проводимая одновременно с организацией системы народного образования, обращается в национальную политику, когда государство встречает укрепившиеся социальные структуры (в данном случае — неправославные иерархии духовенства), заинтересованные в поддержании альтернативного мировоззрения» [Суни, 2001, с. 65]. А. Миллер исследует «многообразие явлений и процессов, в отношении которых используется термин “русификация”», и предлагает говорить не о русификации, а о множественных русификациях с использованием ситуационного подхода [Миллер, 2002, с. 135, 146].

В нашей статье главное внимание сосредоточено на анализе правительственных документов, определявших надзор и реформирование немецких школы, и социального взаимодействия заинтересованных сторон в области образования. Кроме того, одной из основных тем является состояние колониистских школ Петербургской губернии. Протестантское население Петербурга, по данным статистики за 1869—1910 годы, традиционно показывало высокий процент грамотности в возрастных группах старше 6—7 лет: от 91,4 % (1890) до 96,7 % (1897) [Busch, 1995, S. 42]. В этом была значительная часть заслуг городских немецких школ. Оценить вклад

сельских школ в общий подъем культуры немецкого населения намного сложнее, но их роль в жизни колонистов и развитии их производственных успехов во многом зависели от уровня грамотности.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Для исследования используются законодательные акты, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗ), постановления Министерства государственных имуществ (МГИ) и Министерства народного просвещения (МНП), циркуляры попечителя Петербургского учебного округа. Источником также служат официальные издания МНП (обзоры деятельности министерства, сборники документов и материалов о начальной школе и др.). Привлекаются материалы Российского государственного исторического архива (РГИА).

В работе используется институциональный подход, системный и функциональный методы. В различные исторические периоды происходило усиление одной из сторон системы «государство — церковь — община», в данном случае рассматривается усиление государственных позиций, что приводило к изменению традиционного положения церкви в деле школьного образования, давало шанс общине выйти из-под тотального влияния церкви, что было закономерным явлением на фоне секуляризации российского общества во второй половине XIX века.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Роль государства и церкви в регулировании школьной жизни российских немцев во второй половине XVIII — первой трети XIX века

При поселении немцев в России в XVIII веке вопрос обучения детей развивался в рамках диалога церкви и общины. Государство минимально вмешивалось в этот процесс: Екатерина II в Манифесте от 22 июля 1763 года «О приглашении иностранцев в Россию» провозгласила свободу вероисповедания и право колонистам иметь свои церкви, содержать пасторов [ПСЗ-1, т. 16, № 11 880, с. 313—314]. Специально вопрос о школах не стоял, поскольку это было делом священнослужителей и колонистов.

Реформируя образование в стране, Екатерина II стремилась создать светскую школу, используя опыт Австрии и Пруссии, поэтому организация образования титульной нации была отдана в руки государства. Однако речь шла лишь о городских учебных заведениях, в селениях их не было. Так, первые школы у государственных крестьян появились в 1830 году. Немецкая школа в России, наоборот, оставалась в ведении лютеранской церкви, и обучение детей начиналось вскоре после поселения колонистов. В. Зюсс

называет колониистскую школу первых десятилетий «институтом церкви», которая имела прямые аналогии со школами германских княжеств [Зюсс, 2007, с. 204].

Следующим документом, который частично касался образования колонистов северо-запада, была «Инструкция для внутреннего распорядка и управления в Санктпетербургских колониях» (16 июня 1803 года) [ПСЗ-1, т. 27, № 20 798, с. 659—670]. В ней находим уже прямые указания на необходимость содержать не только пасторов, но и шультмейстеров (учителей). Местом пребывания пастора «северных колоний» была назначена Новосаратовка. Пастору предписывалось бывать в колониях раз или два раза в год для наставления взрослых и преподавания детям основ христианского учения.

К тому времени состояние немецких школ в материнских колониях Петербургской губернии и дочерних колониях Новгородской губернии сильно разнилось. В старейших подстоличных поселениях уже в 1820-е годы применялся прогрессивный для того времени метод взаимного обучения, бытовавший в Петербурге, за его распространение на все колонии ратовали чиновники. Образцом в его применении была Среднерогатская школа. В 1820—1840-е годы в колониях работали хорошо образованные учителя — выходцы из Германии и Прибалтики. Среди них Е. В. Бинзель (Новосаратовка), А. Ф. Родендорф (Средняя Рогатка), К. Бриземейстер (Стрельнинская колония). Родендорф одновременно обучал грамоте питомцев из Петербургского Воспитательного дома в Среднерогатской, Ижорской и Фриденвальской колониях. Он стал родоначальником поколения военных, ученых в России. Колонистским детям преподавали Священную историю, чтение по-русски и по-немецки, правописание на обоих языках, чистописание, арифметику, пение, естественную историю.

Иная картина предстает в новгородских колониях. В 1857 году в Новониколаевской колонии близ Новгорода (основана в 1835 году) насчитывалось 340 детей, была школа с одним учителем. В Александровской колонии (существовала с 1836 года) учителя не было. П. Кёппен писал по этому поводу, что новгородские колонисты почти не поднялись в хозяйственном отношении, враждебно смотрят на сельскохозяйственные реформы. Они свою миссию могли бы лучше выполнить, если бы их школы отвечали запросам времени. Колонистам часто бросают упрек, писал Кёппен, что они при высоком материальном благосостоянии не стремятся к более высокому образованию [Körpen, 1867, с. 111—112].

Ревизия двенадцати петербургских колоний в 1859 году показала, что в «приморских» поселениях, основанных на побережье Финского залива, из-за малого числа жителей не было ни церкви, ни школ. Однако дети из этих поселков посещали школу в Кронштадтской колонии. Должность пи-

саря в большей части колоний исполняли учителя [РГИА, ф. 383, оп. 22, д. 32 939, л. 13, 20, 23].

Немецкие лютеранские школы Петербурга, основанные в 1736 году при церквях св. Анны (Анненшуле) и св. Екатерины (Катариненшуле) по инициативе церковных приходов, также долгое время находились за пределами государственного контроля. Сложно выстраивались отношения с Катариненшуле. Когда в 1783 году школа была подчинена светскими властями ведению Главной управы немецких училищ, состоявшей при Училище св. Петра (Петришуле), прихожане в знак протеста потребовали закрыть школу в 1789 году. 5 ноября 1804 года был утвержден «Устав учебных заведений, подведомственных университетам» [Сборник постановлений..., 1864, с. 301—330], в соответствии с которым 26 декабря 1804 года Анненшуле и Катариненшуле были подчинены по учебной части дирекции училищ Санкт-Петербургского учебного округа. Руководство школ обязано было ежегодно подавать отчеты о состоянии дел. В хозяйственном отношении училища оставались в ведении церковного конвента [Сборник распоряжений ..., 1866, стб. 24]. Непростые взаимоотношения церкви и государства по вопросу школы св. Екатерины продолжались вплоть до 1820-х годов. 10 мая 1824 года Катариненшуле вновь открылась как школа для мальчиков из бедных семей на тех же условиях, на которых действовали Анненшуле и Петришуле, с подчинением учебному ведомству Санкт-Петербургского учебного округа [Сборник распоряжений ..., 1866, стб. 514—515]. Со временем статус школ менялся. К 1865 году Петришуле, Анненшуле и реформатское училище действовали уже в ранге гимназий. Школы при шведской лютеранской церкви для девочек и отдельно для мальчиков числились в разряде уездных училищ [Памятная книжка ..., 1865, с. 515].

В императорских резиденциях и пригородах также учреждались школы при лютеранских церквях: в Дудергофе (1839), Царском Селе (1843), Петергофе (1850), Павловске (1852). В 1865 году все они считались элементарными (приходскими), их посещали дети различных сословий, включая сельское население. Самым маленьким было павловское училище (22 ребенка), в 1877 году в нем обучалось уже 40 детей.

Возникновение лютеранской школы в Павловске связано с постройкой церкви св. Доротеи в 1794 году. Она предназначалась для детей обслуживающего персонала царской резиденции. Императрица Мария Федоровна постоянно вносила средства для поддержания церкви и школы, в частности, в 1821 году на перестройку церкви, позже их поддерживал Вел. кн. Константин Павлович. В 1851 году училище вновь открылось на основании устава от 17 декабря 1852 года, который менял статус учебного заведения: оно передавалось в ведение МНП.

Для организации школ колонистов в первой половине XIX века важнейшим документом стали «Правила для школьного и катехизического учения в колониях саратовских иностранных поселенцев» от 5 марта 1840 года [ПСЗ-2, т. 15, № 13 233, с. 108—111], которые распространили на немецкие колонии других губерний. Основные положения были подготовлены Московской лютеранской консисторией с учетом проектов пасторов поволжских колоний. По закону церкви отводилась руководящая роль в сфере образования, закреплялась традиция обязательного посещения школы детьми обоих полов. Мы видим, что государство на этом этапе законодательно закрепило сложившуюся школьную практику колоний.

Н. Э. Вашкау обосновала периодизацию немецких школ Поволжья с момента появления первых колоний, выделила первый период с 1764 по 1840 годы, когда бытующая школьная традиция была утверждена правилами 1840 года [Вашкау, 1998-а, с. 15—16]. А. Каппелер считает, что усиление государственных позиций в жизни протестантов началось уже в 1832 году, когда был принят устав Евангелическо-лютеранской церкви [Каппелер, 2000, с. 110], тем самым статус церкви и сфера ее влияния многократно выросли.

В 1857 году все законодательные акты, определявшие деятельность колонистов, были включены в «Устав о колониях иностранцев в Российской империи». [СЗРИ, т. 12, с. 3—93]. Однако о школах сказано не больше, чем говорилось в инструкции 1803 года.

3.2. Проблемы образования российских немцев во второй половине XIX века

Преобразования Александра II изменили административное устройство немецких колоний в ходе колонистской реформы 1871 года и существенно изменили школьную практику в последней трети XIX века. Новые модели управления и формы обучения детей касались всех колонистов, которыми заведовало министерство государственных имуществ.

В школьной системе империи к тому времени царили ведомственная разобщенность, многообразие типов училищ и форм обучения, что затрудняло процесс управления, внедрение общих принципов обучения и государственного языка в учебную программу. Школы состояли в ведении пяти министерств, при этом наименьшая часть (2 %) подчинялась МНП [Фармаковский, 1900, с. 5—6]. Поэтому главной целью реформы была унификация типов учебных заведений.

Учебные заведения колонистов находились под контролем двух министерств: в административно-хозяйственном отношении ими заведовало МГИ, а обучение и воспитание было в руках духовенства, подчинявшегося консисториям в структуре МВД. Министерство госимуществ оберегало

свою сферу влияния, поэтому разрешало МНП лишь осматривать подчиненные ему школы и сообщать свои замечания.

Кроме межведомственных разногласий, по поводу реформ существовали собственные точки зрения у духовенства разных конфессий. Поэтому государству предстояла сложная законодательная и практическая работа в условиях оппозиции священнослужителей различных исповеданий.

В 1860-е годы шла поэтапная разработка реформы школьной системы различных ведомств. В 1862 году правительство пошло на уступки православной церкви — Св. Синод сохранял за собой право учреждать собственные школы [Исторический обзор ..., 1902, с. 445]. В 1865—1866 годах был разработан законопроект о передаче школ министерства госимуществ земским учреждениям. Наличие земств в Петербургской губернии означало распространение закона на школы государственных крестьян губернии, этот закон не затрагивал немецких колонистов, он готовил почву для реформирования их школ [Журнал Комиссии ..., 1866]. В течение 1867—1874 годов в подчинение МНП были переведены школы государственных крестьян, крестьян удельного ведомства, школы «иностранцев» (башкирские, татарские, киргизские) и болгарских поселенцев.

К началу 1860-х годов назрела необходимость в реформировании образования колонистов. Вопрос о состоянии школ Поволжья поднимала Генеральная консистория еще в 1861 году. Тревогу били и чиновники МГИ: проверка поволжских школ в 1863 году указывала на упадок в постановке преподавания за последние 20 лет.

Созданная в 1864 году комиссия из представителей МНП, МВД и МГИ рассматривала варианты реформирования и возможность применения к колонистским школам Положения о начальных училищах 1864 года. В ходе обсуждения министерства договорились распространить этот документ на все школы без различия вероисповедания. Окончательному преобразованию учебных заведений немецких поселенцев предшествовала административная реформа колоний в 1871 году.

4 июня 1871 года Александр II утвердил «Правила об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов)» [ПСЗ-2, т. 46, № 49 705, с. 813—819]. В административном и общественном отношении колонисты были подчинены губернским учреждениям, в ведение которых уже перешли другие категории крестьян. Немецкие поселенцы, на которых теперь распространялись общие правила, лишались прежних привилегий; они стали называться *поселянами-собственниками*. В контексте нашей темы важно отметить, что делопроизводство переводилось на русский язык, но о школах речь вообще не шла. В течение года колонии Поволжья и юга России

перешли в новое управление, в январе 1872 года завершился перевод колоний Петербургской губернии в губернское подчинение.

Передача колоний в новое управление не была связана со школьным вопросом. Для его решения потребовались дополнительные усилия специально созданной комиссии представителей трех министерств: МГИ, МНП, МВД, — которая с 1869 года в течение двух лет разрабатывала детали реформы колонистских школ. Важную роль в подготовке материалов для комиссии сыграл начальник отдела колоний МГИ, делопроизводитель комиссии А. А. Клаус, автор книги «Наши колонии» (1869). К сожалению, глубоко проанализированные Клаусом особенности немецких школ не были приняты во внимание комиссией.

Наиболее острым вопросом в школьной реформе колонистов был переход обучения на светские начала, поскольку сохранение исключительных позиций церкви в образовании становилось тормозом для дальнейшего развития школьного дела. Предстояло решить вопрос, каким образом можно преобразовать церковные школы в сельские (народные) школы, определить порядок заведывания учебной и хозяйственной частью школ, выяснить роль духовенства в решении всех сторон школьной жизни.

Проект комиссии сохранял часть прежних правил и вносил болезненные новшества. Церковь продолжала выполнять роль духовного наставника поселян и отвечала за религиозно-нравственное воспитание молодежи, с духовенством согласовывали учебные программы и содержание учебной литературы. Ранее пасторы разрабатывали учебные программы, недельные планы уроков, теперь они лишались этого преимущества. В школах сохранялись прежние предметы и методы преподавания, то есть школьная программа пока не подвергалась пересмотру, сохранялась обязательность посещения школ детьми. Последнее положение было традиционным для протестантских школ Германии и было привнесено колонистами на российскую почву, что было закреплено еще Правилами 1840 года. Предполагалось открыть семинарии для подготовки учителей [РГИА, ф. 821, оп. 5, д. 426, л. 24—33]. Серьезным ограничением стала отмена права духовенства и колонистов самим назначать учителя — с 1893 года это мог делать только инспектор народных училищ. Учитель был важным лицом в духовной иерархии поселян, поэтому назначение в колонии учителей, не связанных с традициями колонистов, встречалось местным населением враждебно.

Проект активно оспаривался Генеральной лютеранской консисторией, что в значительной мере затягивало работу комиссии. Передача учебных заведений колонистов в ведение МНП началось в 1881 году, лютеранские школы перешли в новое подчинение только 22 ноября 1890 года согласно закону «О подчинении всех протестантских школ в округах Санкт-

Петербургской и Московской лютеранских консисторий Министерству народного просвещения» [ПСЗ-3, т. 10, № 7211, с. 742—743].

После передачи нерусских школ в ведение МНП на учете (на 1 января 1895 года) стояло 5055 иноверческих учебных заведений, в том числе в Петербургском учебном округе 84 учебных заведения [Обзор деятельности ..., 1901, ведомость 34]. По новому закону школы петербургских колонистов поступили в подчинение попечителя Санкт-Петербургского учебного округа и инспектора народных училищ. Упорядочение типов учебных заведений в конце XIX века затронуло и Стрельнинскую школу, состоявшую при Стрельнинском дворцовом правлении и содержавшуюся на средства августейших владельцев Стрельны (следует отличать от другой Стрельнинской школы, расположенной в немецкой колонии вблизи великокняжеской резиденции). В 1894 году распоряжением попечителя учебного округа школа перешла в ведение дирекции народных училищ Петербургской губернии [Циркуляр ..., 1894, № 3, с. 95].

В 1882 году в Петербургской губернии, по неполным данным, значились школы в лютеранских колониях: Новосаратовской (2 школы), Ижорской, Стрельнинской Петербургского уезда, в Шлиссельбургском уезде школы работали в Овцыно и Янино. Овцынская школа занимала одноэтажное здание с одной классной комнатой. Занятия, которые посещали от 60 до 70 детей, шли 5 часов. В Янинской школе занимались по 6 часов, школу посещали до 32 детей [О санитарном состоянии ..., 1882, с. 5—6, 61, 200—201]. В 1905 году только в пределах Новосаратовского церковного прихода действовали немецкие школы в колониях: Гражданка, Новопарголово, Каменка, Средняя Рогатка, Новосаратовка, Новоалександровка, школа в Веселом поселке, — все они уже были в подчинении МНП.

Передача немецких школ в МНП прошла формально, без определения их статуса, поскольку характер заведений, источники финансирования не соответствовали уже существовавшим типам училищ. Эта неопределенность порождала непонимание ситуации как в учебных округах, так и министерстве.

3.3. Попытки реформирования учебного процесса немецких школ в конце XIX — начале XX веков

В конце XIX века правительство предприняло новую попытку разработать правила для немецких колонистских школ. До середины XIX века целенаправленная ассимиляторская деятельность государства была редким явлением, но начиная с 1895 года с ростом государственного национализма вопрос защиты нерусскими народами своих интересов обострился, эпицентр проблемы лежал в ситуации вокруг школ. Безусловно, во второй половине XIX века внешнеполитический фактор оказывал влияние на национальную

политику в отношении таких народов, как поляки, греки, армяне, крымские татары, что было реакцией на польское восстание в 1863—1864 годах и результаты Крымской войны. Усиление внимания к внутренним проблемам немцев было связано с объединением Германии в 1871 году.

В конце XIX века остроту ситуации вокруг протестантских школ определяли два основных внутренних фактора. С одной стороны, уровень образования и грамотности среди западных меньшинств был намного выше, чем у православного населения, что было доказано в ходе первой общероссийской переписи населения в 1897 году. Хотя русские городские училища и высшее образование были значительно усовершенствованы в XIX веке, но им достойную конкуренцию оказывали, например, средние учебные заведения немцев Петербурга, Москвы, Прибалтики. Сельские школы колонистов также стояли на более высокой ступени развития по сравнению со школами православных, имели широкую программу обучения. Эти различия вызывали закономерное сопротивление правительственной политике со стороны элит и общества. С другой стороны, сопротивление русификаторской политике связано со стремлением сохранить родной язык, важнейший индикатор идентичности. Масштаб проблемы увеличивается, если принять во внимание количество протестантских школ империи в конце XIX века: из 31 594 начальных школ 2580 были протестантскими (8 %) [Статистические сведения ..., 1898, с. 231].

5 февраля 1895 года Комитету министров был представлен проект МНП о временных правилах по устройству начальных школ поселан-собственников. Новым в документе было предложение о внедрении двух типов школ: народных училищ и школ грамоты с различными сроками обучения [Об устройстве ..., 1985, с. 5—10]. Нежизнеспособность законопроекта была очевидна, поэтому его отправили на доработку, поскольку в документе не были четко прописаны такие вопросы, как продолжительность учебы детей, источники содержания учебных заведений. В документе не указывалось, кто будет обеспечивать школы учителями со знанием русского языка. Однако МНП не стало дорабатывать проект и временно оставило все в прежнем статусе. Вскоре правительство приравнило сельские школы колонистов к православным приходским, действовавшим по Уставу от 8 декабря 1828 года. Это неизбежно вело к недоразумениям и ошибочным действиям.

Активную роль в отстаивании консервативной точки зрения при выборе статуса немецких школ сыграл попечитель Санкт-Петербургского учебного округа М. Н. Капустин, доктор международного права, попечитель Дерптского, а затем столичного учебных округов. Капустин был активным участником обсуждения проекта о школах колонистов, поэтому МНП пре-

доставило ему в 1892 году исключительное право самому выбирать подходящие правила для школ, поскольку общего правила еще не существовало.

5 июня 1892 года Капустин выступил с ходатайством об обязательном преподавании лютеранского вероучения на русском языке во всех средних учебных заведениях округа, поскольку был убежден, что преподавание закона Божьего на немецком языке было «вредным» с точки зрения педагогики и преподавания религии [РГИА, ф. 821, п. 5, д. 446, ч. 2, л. 132—133]. Его идея нашла отклик в управленческой среде, в 1893 году она была реализована, например, в католических учебных заведениях Виленского учебного округа. Преподавание закона Божьего на родном языке было возвращено в школы лишь указом 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости».

2 декабря 1895 года петербургский попечитель выступил с новой инициативой — издал циркуляр о программе и объеме учебного курса в начальных народных училищах, который лег в основу последующей практики [Народные училища ..., 1903, с. 19—22]. Основная идея заключалась в том, чтобы лютеранские школы не обособлялись, поэтому они не могли иметь собственную программу, в них не должны были преподаваться как самостоятельные предметы история, география, естествознание. Капустин был против предоставления немецким школам особого статуса. Предложения попечителя вели к упрощению обучения немцев. Однако именно эта инициатива встретила поддержку в МНП, в силу чего в 1896 году оно и отступило от проекта по выработке новых правил для немецких школ. Министры народного просвещения И. Д. Делянов и сменивший его Н. П. Боголупов выступили с разъяснениями о применении Устава школ 1828 года для всех протестантских школ, переданных в МНП в 1890 году. В Петербургском учебном округе циркуляр затрагивал интересы 84 протестантских школ (в том числе 6 в Новгородской губернии, 2 — в Олонецкой и 76 — в Петербургской) [Статистические сведения ..., 1898, с. 3].

Преобразования внутреннего устройства немецких школ проходили на фоне усилившейся в конце XIX века политики русификации нерусских народов. Однако сопротивление общества и церкви по поводу устранения родного языка из школ в пользу государственного привело к смягчению требований правительства по изучению русского языка. Отступление от жесткого требования было выражено в законе от 24 февраля 1897 года «О введении в школах поселян-собственников (бывших иностранных колонистов) преподавания на русском языке», в котором уже говорилось о постепенности введения преподавания на государственном языке [ПСЗ-3, т. 17, № 13 792, с. 86].

Новую попытку либерализации образования национальных меньшинств предпринял И. И. Толстой (министр с 31 октября 1905 года). Широко задуманные планы о разработке закона о школах для нерусских на-

родов вылились, к сожалению, в отдельные меры, которые не решали насущных проблем образования. Среди уступок иноверцам в Польше был закон от 31 января 1907 года «О допущении преподавания на немецком языке в начальных училищах и в частных учебных заведениях Варшавского учебного округа» [ПСЗ-3, т. 27, № 28 842, с. 51]. Закон от 23 марта 1907 года «О разрешении в школах бывших немецких колонистов преподавания на немецком языке» с обнадеживающим названием распространялся лишь на начальные школы колонистов, которые содержались на местные средства [ПСЗ-3, т. 27, № 29 016, с. 179]. В перечне территорий действия закона не значилась Петербургская губерния, но можно было добиваться распространения закона в случае обращения с ходатайством.

По числу немецких школ Петербургская губерния не могла соперничать с южными и поволжскими губерниями, где количество школ исчислялось сотнями, кроме того, протестантское население в этническом отношении здесь было более пестрым (немцы, латыши, эстонцы, финны, шведы). По итогам однодневной переписи начальных школ империи 18 января 1911 года в губернии было учтено 2026 учащихся с родным немецким языком, в том числе 919 чел. обучалось в сельской местности, главным образом в Петербургском уезде [Однодневная перепись ..., 1913, с. 72]. В уезде было зафиксировано 15 инославных школ, из них двухклассных 8 школ, одноклассных — 7. В первых дети обучались 5—6 лет, в других — 3—4 года [Там же, с. 22]. К 1905 году статус большинства школ в колониях и пригородах изменился. Двухклассными стали лютеранские школы: немецко-русские в Павловске, Царском Селе, Петергофе, одноклассными значились школы финско-немецко-эстонская в Гатчине, немецко-русская в Колпино (посад), немецкая в Колпинской колонии. Однако эти особенности статуса не меняли общих подходов к решению вопроса о языке преподавания.

Принятые законы в начале 1900-х годов были полумерами и не решали проблем немецкой школы, но нельзя не замечать положительных сдвигов во взаимодействии государства, церкви и общества по сравнению с тем, что было в конце XIX века. Противоречивый диалог государства и церкви о судьбе школьного образования российских немцев XIX века был прерван событиями Первой мировой войны.

4. Заключение = Conclusions

Длительное время отношения государства, церкви и общества по вопросу школьного образования немцев развивались без конфликтов — до тех пор, пока дело находилось в руках духовенства. Государство законодательными мерами лишь содействовало большему укреплению церковных позиций. Однако общие процессы модернизации страны пришли в проти-

воречие с предыдущей практикой, сформировалась тенденция к усилению государственных мер. Учительское сообщество на всем протяжении изучаемого периода не выступало полноценным участником процесса, поскольку еще не готово было к самоорганизации. Поэтому главный конфликт проходил по линии правительства и церкви. Реформа немецких школ не была завершена, учебные заведения оставались без четкого статуса. Ошибочной мерой было приравнивание лютеранских сельских школ к православным, действовавшим по Уставу 1828 года. Предлагаемые законопроекты не учитывали особенностей бытования школ колонистов, которые не были приходскими, поскольку в каждом поселении, относящемся к приходу, существовала своя школа, ее содержало мирское общество. В ходе реформы позиции лютеранской церкви были сильно потеснены, ей оставляли нишу духовного надзора за воспитанием школьников. В свою очередь, государство не брало на себя ответственность обеспечить школы учителями со знанием русского языка. Политика русификации в отношении немцев строилась в основном на внедрении русского языка в общественную жизнь и школьную практику и замене учителей русскоязычными кадрами.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Журнал Комиссии* о передаче училищной части Министерства государственных имуществ в ведение земских и общих губернских учреждений. Заседания 28 декабря 1865 г. и 4 января 1866 г. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1866. — 29 с.
2. *Исторический обзор* деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902 / Сост. С. В. Рождественский. — Санкт-Петербург : МНП, 1902. — II, 785, [4] с.
3. *Народные училища* по Положению 25 мая 1874 г. : Систематический свод законов, распоряжений, правил, инструкций, программ и справочных сведений / Сост. Г. Фальборк и В. Чарнолуский. — Санкт-Петербург : Тип.-литогр. Б. М. Вольфа, 1903. — 122 с.
4. *О санитарном состоянии* С.-Петербургской губернии по сведениям земских врачей и учителей народных школ / Сост. д-р Ю. Гюбнер. — Санкт-Петербург : Тип. Н. Лебедева, 1882. — Выпуск 4. — 235 с.
5. *Обзор деятельности* ведомства Министерства народного просвещения за время царствования императора Александра III : (Со 2 марта 1881 г. по 20 октября 1894 г.). — Санкт-Петербург : [б. и.], 1901. — 676 с.
6. *Однодневная перепись* начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 года. — Санкт-Петербург : Тип. «Экономия», 1913. — Выпуск 1. — [2], II, 28, 112 с.
7. *Памятная книжка* Министерства народного просвещения на 1865 г. — Санкт-Петербург : Тип. В. А. Рогальского, 1865. — [2], XIII, 584, 32 с.
8. ПСЗ-1 — *Полное собрание законов* Российской империи. Собрание первое, с 1649 по 12 декабря 1825 г. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1830. — Т. 16. — 1830. — 1018, 105 с. ; Т. 27. — 1830. — 1122, [87] с.

9. ПСЗ-2 — Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе, с 12 декабря 1825 по 28 февраля 1881 г. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1830—1885. — Т. 15. — 1841. — 961 с.

10. ПСЗ-3 — Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье, с 1 марта 1881 по 1913 г. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1885—1916. — Т. 10. — 1893. — 1092, 890 с.

11. РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 383 (Первый департамент МГИ). Оп. 22. Д. 32 939 ; Оп. 29. Д. 1195 ; Ф. 733 (Департамент народного просвещения). Оп. 186. Д. 2324 ; Ф. 740 (Департамент общих дел МНП). Оп. 42. Д. 114 ; Ф. 821 (Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД). Оп. 5. Д. 426, 446 (ч. 2).

12. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад., 1864. — Т. 1. — IV с., 1644, 44 стб., 42 с., 34 стб.

13. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1866. — Т. 1. — 988 стб., 43 с.

14. СЗРИ — Свод законов Российской империи. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1857—1868. — Т. 12 : Устав о колониях иностранцев в Российской Империи. — 1857. — С. 3—93.

15. Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи за 1896 год. — Санкт-Петербург : Печатня С. П. Яковлева, 1898. — VI, 303 с.

16. Фармаковский В. Начальная школа Министерства народного просвещения: (По офиц. источникам) / В. Фармаковский. — Санкт-Петербург : Журнал «Русская школа», 1900. — [2], IV, 200 с.

17. Циркуляр по Санкт-Петербургскому (Петроградскому) учебному округу. — 1894. — № 3 ; 1914. — № 9 ; 1915. — № 6 ; 1916. — № 3.

18. Köppen P. Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St. Petersburger Gouvernements / P. Köppen. — St.-Petersburg : Kaiser. Akademie der Wissenschaften, 1867. — [2], VI, 150 S.

Литература

1. Андреева Н. С. Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века / Отв. ред. Р. Ш. Ганелин. — Санкт-Петербург : Мирь, 2008. — 312 с. — ISBN 978-5-98846-034-3.

2. Вашкау Н. Э. (1998-а). Духовная культура немцев Поволжья : проблемы школы и образования. 1764—1941 гг. : автореферат диссертации ... доктора исторических наук : 07.00.03 / Н. Э. Вашкау. — Саратов, 1998. — 38 с.

3. Вашкау Н. Э. (1998-б). Школа в немецких колониях Поволжья. 1764—1917 гг. / Н. Э. Вашкау. — Волгоград : Изд-во ВГУ, 1998. — 208 с. — ISBN 5-85534-154-2.

4. Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX вв.) / В. С. Дякин. — Санкт-Петербург : Лисс, 1998. — 1000 с.

5. Зюсс В. Чему и как учили в немецких школах России (начало XVIII столетия — 1917 год) / В. Зюсс. — Санкт-Петербург : Росток, 2007. — 520 с. — ISBN 978-5-94668-050-9.

6. Каппелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / Пер. с нем. : С. Червоная / А. Каппелер. — Москва : Традиция — Прогресс-традиция, 2000. — 344 с. — ISBN 5-89493-009-X.

7. Миллер А. И. Империя Романовых и национализм : Эссе по методологии исторического исследования / А. И. Миллер. — Москва : Новое лит. обозрение, 2006. — 248 с. — ISBN 5-86793-435-7.

8. Миллер А. И. Русификации : классифицировать и понять / А. И. Миллер // *Ab imperio*. — 2002. — № 2. — С. 133—148.
9. Суни Р. Империя как она есть : имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи / Р. Суни // *Ab imperio*. — 2001. — № 1—2. — С. 9—72.
10. Чеботарева В. Г. «Русификация» немецкой школы в Прибалтийских губерниях (XIX век) / В. Г. Чеботарева // *Вопросы истории*. — 2004. — № 12. — С. 41—56.
11. Черказьянова И. В. Школьное образование российских немцев (Проблемы развития и сохранения немецкой школы в Сибири в XVIII—XX вв.) / И. В. Черказьянова. — Санкт-Петербург : Общественная акад. наук российских немцев, 2004. — 368 с. — ISBN 5-93227-001-2.
12. Busch M. Deutsche in St. Petersburg : Identität und Integration. 1865—1914 / M. Busch. — Essen : Klartext, 1995. — 288 S. — ISBN 3-88474-249-3.
13. Neutatz D. Zwischen Spracherhalt und Assimilierung. Rußlanddeutsche und Donauschwaben vor 1914 im Vergleich / D. Neutatz // *Deutsche in Russland* / Hrsg. von H. Rothe. — Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau Verlag, 1996. — S. 61—85.
14. Süß W. Das Schulwesen der deutschen Minderheit in Russland von der ersten Ansiedlung bis zur Revolution 1917 / W. Süß. — Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau Verlag, 2004. — 384 S.
15. Süß W. Zaristische Bildungspolitik — «Rusifizierung» der «fremdstämmigen» Schulen im späten 19. Jahrhundert / W. Süß // *Zeitschrift für internationale erziehungs- und sozialwissenschaftliche Forschung*. — 1999. — № 16. — S. 147—167.

*Статья поступила в редакцию 26.06.2025,
одобрена после рецензирования 22.11.2025,
подготовлена к публикации 22.01.2026.*

Material resources

- Circular on the St. Petersburg (Petrograd) educational District*, 3, 9, 6, 3. (1894, 1914, 1915, 1916). (In Russ.).
- Collection of orders for the Ministry of Public Education*, I. (1866). St. Petersburg: Type. Imp. Academy of Sciences. 988 stb., 43 p. (In Russ.).
- Collection of resolutions on the Ministry of Public Education*, I. (1864). St. Petersburg: Type. Imp. Akad. IV p., 44 stb., 42 p., 34 stb. (In Russ.).
- Commemorative book of the Ministry of National Education for 1865*. (1865). St. Petersburg: V. A. Rogalsky Printing House. [2], XIII, 584, 32 p. (In Russ.).
- Farmakovskiy, V. (1900). *Elementary school of the Ministry of Public Education: (According to the official sources)*, 2. Saint Petersburg: Russian School Magazine. IV, 200 p. (In Russ.).
- Historical overview of the activities of the Ministry of Public Education. 1802—1902*, II. (1902). St. Petersburg: MNP. 785, [4] p. (In Russ.).
- Köppen, P. (1867). *Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St. Petersburger Gouvernements*. St.-Petersburg: Kaiser. Akademie der Wissenschaften. [2], VI, 150 S. (In Germ.).
- National schools according to the Regulations of May 25, 1874: A systematic set of laws, orders, rules, instructions, programs and reference information*. (1903). Saint Petersburg: B. M. Wolf's Type and Lithograph. 122 p. (In Russ.).
- NWRI — *Code of Laws of the Russian Empire*, 12. (1857). St. Petersburg: [b. i.]. 3—93. (In Russ.).

- On the sanitary condition of the St. Petersburg province according to the information of the zemstvo doctors and teachers of public schools*, 4. (1882). St. Petersburg: Lebedev Publishing House. 235 p. (In Russ.).
- One-day census of primary schools in the empire, conducted on January 18, 1911*, 1. (1913). St. Petersburg: Type. "Economy". [2], II, 28, 112 p. (In Russ.).
- PSZ-1 — *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The first meeting, from 1649 to December 12, 1825*, 16, 27. (1830). St. Petersburg: [b. i.]. 1018, 105 p.; 1122, [87] p. (In Russ.).
- PSZ-2 — *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The second meeting, from December 12, 1825 to February 28, 1881*, 15. (1841). St. Petersburg: [b. i.]. 961 p. (In Russ.).
- PSZ-3 — *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The third collection, from March 1, 1881 to 1913*, 10. (1893). St. Petersburg: [b. i.]. 1092, 890 p. (In Russ.).
- Review of the activities of the department of the Ministry of Public Education during the reign of Emperor Alexander III: (From March 2, 1881 to October 20, 1894)*. (1901). St. Petersburg: [b. i.]. 676 p. (In Russ.).
- RGIA — *Russian State Historical Archive. F. 383 (First Department of the Moscow State Institute of History)*. (In Russ.).
- Statistical information on primary education in the Russian Empire in 1896*. (1898). St. Petersburg: Printing house of S. P. Yakovlev. VI, 303 p. (In Russ.).
- The journal of the Commission on the transfer of the school part of the Ministry of State Property to the jurisdiction of zemstvo and general provincial institutions. Meetings on December 28, 1865 and January 4, 1866*. (1866). St. Petersburg: [b. i.]. 29 p. (In Russ.).

References

- Andreeva, N. S., Ganelin, R. S. (ed.). (2008). *The Baltic Germans and Russian government policy in the early twentieth century*. St. Petersburg: Mir. 312 p. ISBN 978-5-98846-034-3. (In Russ.).
- Busch, M. (1995). *Deutsche in St. Petersburg: Identität und Integration. 1865—1914*. Essen: Klartext. 288 S. ISBN 3-88474-249-3.
- Chebotareva, V. G. (2004). "Russification" of the German school in the Baltic provinces (19th century). *Questions of history*, 12: 41—56. (In Russ.).
- Cherkazyanova, I. V. (2004). *School education of Russian Germans (Problems of development and preservation of German schools in Siberia in the XVIII—XX centuries)*. Saint Petersburg: Public Academy of Sciences of Russian Germans. 368 p. ISBN 5-93227-001-2. (In Russ.).
- Dyakin, V. S. (1998). *The national question in the internal policy of Tsarism (XIX — early XX centuries)*. St. Petersburg: Liss. 1000 p. (In Russ.).
- Kappeler, A. (2000). *Russia is a multinational empire. Appearance. History. Disintegration*. Moscow: Tradition — Progress-Tradition. 344 p. ISBN 5-89493-009-X. (In Russ.).
- Miller, A. I. (2002). Russification: classify and understand. *Ab imperio*, 2: 133—148. (In Russ.).
- Miller, A. I. (2006). *The Romanov Empire and nationalism: An Essay on the methodology of historical research*. Moscow: New lit. Review. 248 p. ISBN 5-86793-435-7. (In Russ.).
- Neutatz, D. (1996). Zwischen Spracherhalt und Assimilierung. Rußlanddeutsche und Donauschwaben vor 1914 im Vergleich. In: *Deutsche in Russland*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag. 61—85.

- Suess, V. (2007). *What and how they taught in German schools in Russia (the beginning of the XVIII century — 1917)*. St. Petersburg: Rostock. 520 p. ISBN 978-5-94668-050-9. (In Russ.).
- Suni, R. (2001). Empire as it is: Imperial Russia, “national” identity and theories of empire. *Ab imperio*, 1—2: 9—72. (In Russ.).
- Süss, W. (1999). Zaristische Bildungspolitik — «Rusifizierung» der «fremdstämmigen» Schulen im späten 19. Jahrhundert. *Zeitschrift für internationale erziehungs- und sozialwissenschaftliche Forschung*, 16: 147—167.
- Süss, W. (2004). *Das Schulwesen der deutschen Minderheit in Russland von der ersten Ansiedlung bis zur Revolution 1917*. Köln; Weimer; Wien: Böhlau Verlag. 384 S.
- Vashkau, N. E. (1998). *A school in the German colonies of the Volga region. 1764—1917*. Volgograd: VSU Publishing House. 208 p. ISBN 5-85534-154-2. (In Russ.).
- Vashkau, N. E. (1998). *The spiritual culture of the Volga Germans: problems of school and education. 1764—1941*. Author’s abstract of Doct. Diss. Saratov. 38 p. (In Russ.).

*The article was submitted 26.06.2025;
approved after reviewing 22.11.2025;
accepted for publication 22.01.2026.*

Информация для цитирования:

Шайпак Л. А. Агитационная деятельность местных организаций политических партий России среди солдат гарнизонов Среднего Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917) / Л. А. Шайпак, Ю. С. Нестеров, Л. В. Климович // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 1. — С. 549—568. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-549-568.

Shaypak, L. A., Nesterov, Y. S., Klimovich, L. V. (2026). Political Parties' Propaganda Efforts Among Soldiers in Middle Volga Region During World War I (1914-February 1917). *Nauchnyi dialog*, 15 (1): 549-568. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-549-568. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Агитационная деятельность местных организаций политических партий России среди солдат гарнизонов Среднего Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917)

Шайпак Леонид Александрович ¹

orcid.org/0000-0002-1114-2579

доктор исторических наук, профессор,
кафедра боевой подготовки
и безопасности полётов
Shaipak@rambler.ru

Нестеров Юрий Сергеевич ²

orcid.org/0009-0000-8935-8970

соискатель кафедры истории
rak354@mail.ru

Климович Людмила Валерьевна ²

orcid.org/0000-0003-3541-7159

доктор исторических наук, доцент,
корреспондирующий автор
lusek84@yandex.ru

¹ Краснодарское высшее военное
авиационное училище лётчиков
имени Героя Советского Союза А. К. Серова
(Ульяновск, Россия)

² Ульяновский государственный
педагогический университет И. Н. Ульянова
(Ульяновск, Россия)

Political Parties' Propaganda Efforts Among Soldiers in Middle Volga Region During World War I (1914-February 1917)

Leonid A. Shaypak ¹

orcid.org/0000-0002-1114-2579

Doctor of History, Professor,
Department of Combat Training
and Flight Safety
Shaipak@rambler.ru

Yuri S. Nesterov ²

orcid.org/0009-0000-8935-8970

Degree seeker, Department of History
rak354@mail.ru

Lyudmila V. Klimovich ²

orcid.org/0000-0003-3541-7159

Doctor of History, Associate Professor,
corresponding author
lusek84@yandex.ru

¹ Krasnodar Higher Military Aviation
School of Pilots named after
Hero of the Soviet Union A. K. Serov
(Ulyanovsk, Russia)

² Ulyanovsk State Pedagogical University
I. N. Ulyanov University
(Ulyanovsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена рассмотрению исторического опыта осуществления агитационной деятельности российскими политическими партиями в армии в период Первой мировой войны (1914 — февраль 1917). Исследование проводится на региональном материале — Среднее Поволжье. В качестве материалов привлекаются данные федеральных и региональных архивов, периодическая печать. Показана деятельность кадетов, которая была направлена на сохранение «патриотических» настроений. Сообщается, что большевики использовали в своей работе разнообразные формы как устной, так и печатной пропаганды. Показано, что агитационная работа велась не только в казармах гарнизонов Среднего Поволжья, но и на территориях, близких к фронту, а также на заводах и фабриках, где личный состав обеспечивал выполнение государственного заказа. Отмечается, что отдельными площадками служили лечебные учреждения, как военные, так и гражданские, где проходили лечение и реабилитацию раненые. Сделан вывод, что социалисты-революционеры и меньшевики не вели организованной устной пропаганды в воинских частях изучаемого региона, хотя имели в армии свою социальную базу, ослабив тем самым свои позиции и расчистив дорогу большевикам. Авторы формулируют исторические уроки, которые говорят о том, что армия должна быть исключена из объекта влияния политических партий, так как она является одним из основных факторов стабильности общества.

Ключевые слова:

политические партии; армейские структуры; политическая агитация; Первая мировая война; Среднее Поволжье; история России.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines historical experiences of political parties' propaganda activities within Russia's military during World War I (1914 — February 1917), focusing on regional materials from the Middle Volga region. Drawing upon archival records at both federal and local levels as well as contemporary periodicals, it investigates the efforts by various groups to influence soldiers. The study highlights how Cadets aimed to maintain patriotic sentiments among troops while Bolsheviks employed diverse forms of oral and print-based agitation. It demonstrates that such propaganda extended beyond barracks into areas nearer the front lines, factories fulfilling state orders, and even hospitals where wounded soldiers were treated or rehabilitated. Despite having a social base within the armed forces, Socialist Revolutionaries and Mensheviks did not engage in organized verbal propaganda campaigns in military units across this region. It is observed that the Socialist Revolutionaries (SRs) and Mensheviks, by abandoning active party propaganda, inadvertently facilitated the ascendance of the Bolsheviks, who continued to engage in clandestine activities among soldiers and officers. The authors conclude with lessons for history, emphasizing that armies should be shielded from partisan influences given their crucial role in maintaining societal stability.

Key words:

political parties; military structures; political propaganda; First World War; Middle Volga region; Russian history

УДК 94(47).083+94(100)“1914/17”

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-549-568

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Агитационная деятельность местных организаций политических партий России среди солдат гарнизонов Среднего Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917)

© Шайпак Л. А., Нестеров Ю. С., Климович Л. В., 2026

1. Введение = Introduction

Сформированные исторические основы сознания человека служат залогом его стабильности, устойчивости к различного рода негативным факторам внешнего воздействия, осуществляемого посредством общественно-политической агитации. Особой сферой, на которую направлена агитационно-пропагандистская работа политических партий, являются Вооруженные Силы. Деструктивная деятельность политических партий в армейских структурах негативно сказывается на моральном климате и состоянии боевой готовности армии. Поддержка и верность профессиональной армии действующей власти страны обеспечивает ее целостность и безопасность, особенно в кризисные моменты в истории государства. Обращаясь к историческому опыту более чем столетней давности, мы можем констатировать, что в 1917 году вооруженные силы сыграли важную роль в победе большевиков. В октябре 1917 года значение армии возросло настолько, что историки отводят ей первое место по влиянию на политические события того времени. Не удивительно, что поддержкой вооруженных сил в тот период пытались заручиться все политические партии. Этот факт, а также сложная внешнеполитическая ситуация способствовали глобальным изменениям в армии как социальном институте.

Рассмотрение опыта организации общественно-политической агитации в рядах вооруженных сил в условиях военного времени позволит увидеть причины, закономерности общественных трансформаций и извлечь исторические уроки. В статье предлагается исследовать данный вопрос в хронологических рамках Первой мировой войны на региональном материале — Среднее Поволжье.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В историографии поставленной темы можно выделить три крупных периода: до октября 1917 года, советский и современный (1992 — настоящее время). До 1917 года представлены преимущественно работы за авторством лидеров политических партий, которые излагали политические идеи и свое видение принципов организации агитационной работы в армии. Но эти труды субъективны и могут быть классифицированы и как источники, так как созданы современниками событий.

В советский историографический период в начале 1920-х годов еще появлялись работы, в которых поднимались вопросы взаимоотношения большевиков и других политических партий, анализировались неудачи общественно-политической агитации в армейской среде [Быстрянский, 1921; Вардин, 1922; Буйский, 1925]. С 1922 года в исторической науке утвердилась идеологическая концепция, основанная на доминирующей роли партии большевиков во всех сферах жизни общества. Интерес к рассматриваемой теме ослаб. В целом, вплоть до 1980-х годов изданная литература была обращена к теме привлечения большевиками на свою сторону армии и отдельных фронтов. [Капустин, 1957; Конилов, 1981]. Выделим работы, которые касаются региональной специфики: [Ионенко, 1980; Поедавший, 1957; Цейтлин, 1987].

В ряде трудов, опубликованных на рубеже 1980—1990-х годов, предпринимаются попытки показать многообразие идей, взглядов и мнений; обратиться к общественно-политической деятельности всех дореволюционных партий, в том числе и в армии [Аронсон, 1990; Волобуев и др., Шелохаев, 1989]. Ставшие частично доступными архивы позволили уделить внимание тем темам, которые долгое время были вне поля зрения объективного исследования [Протасов, 1989; Седугин, 1990; и др.].

Современный период, начавшийся с 1992 года, характеризуется появлением трудов, исследующих весь спектр политической жизни дореволюционной России. В работах уделяется внимание такому важному вопросу, как общественно-политическая агитация в армии [Шелохаев, 2015; Фомин, 1994], дается объективная оценка деятельности партий с позиций их слабых и сильных сторон в агитации в воинских частях и командах [Суслов, 2006]. Тема политических партий в Среднем Поволжье раскрыта в трудах В. Н. Кузнецова, Л. А. Шайпака [Кузнецов, 2014; Шайпак, 2012].

В рамках нашего исследования для изучения общественно-политической агитации в армии периода Первой мировой войны были привлечены материалы ряда архивов. В Российском государственном военно-историческом архиве [РГВИА] исследованы фонды Канцелярии Военного Министерства [РГВИА, ф. 1], Военного прокурора Казанского военно-окружно-

го суда [РГВИА. ф. 1730], содержание которых позволило реконструировать характер ведения антигосударственной работы, проводимой партиями при общественно-политической агитации в 1914—1917 годах. Основной массив источников по теме отложился в региональных архивохранилищах. В самарских архивах интерес представляют данные о работе большевиков в воинских частях (Центральный государственный архив Самарской области) [ЦГАСО, ф. 468], свидетельства участников общественно-политической агитации в армии (Самарский областной государственный архив социально-политической истории) [СОГАСПИ, ф. 3500]. В Государственном архиве Ульяновской области информативны документы из фонда «Симбирское жандармское управление» [ГАУО, ф. 855], в котором содержится информация о подрывной работе политических партий. Воспоминания участников исторических событий, расширившие представления о восприятии населением происходящего, были найдены в Государственном архиве новейшей истории Ульяновской области [ГАНИ УО, ф. 57 а] Опубликованные материалы и периодика дополнили картину произошедших событий. Исследование проводилось с опорой на комплекс философских, общенаучных и специально-исторических методов познания (историко-типологический, историко-сравнительный, историко-системный).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Агитационная деятельность местных организаций конституционно-демократической партии, меньшевиков и социалистов-революционеров среди солдат гарнизонов

Участие России в Первой мировой войне отразилось не только на военной и экономической сферах, военные действия повлияли на все сферы жизни страны. Война, армия и царское правительство — краеугольные камни, на которых строили свои политические программы различные партии, стараясь претворить их в жизнь среди народных масс и, в первую очередь, среди личного состава вооруженных сил.

По состоянию на 1905 год личный состав российской армии включал 1 032 136 рядовых и 32 879 генералов и офицеров [Бескровный, 1986, с. 238]. На территории Среднего Поволжья находился самый большой (как по территории, так и по численности) тыловой военный округ — Казанский. Территориально он включал 10 губерний (Казанскую, Вятскую, Пермскую, Уфимскую, Оренбургскую, Астраханскую, Саратовскую, Самарскую, Симбирскую и Пензенскую) и две области (Уральскую и Тургайскую) [Ежов, 1957, с. 86].

Войска были распределены по губерниям Поволжья. В городе Казани был расположен центр с гарнизоном, куда входили 4 батальона пехоты

действительной службы (1490—2080 чел.), 7-й и 8-й батальоны временных запасных (2960 чел.), команда артиллерийского склада (300—400 чел.), команда служащих военного госпиталя и команда интендантского склада и управления (600—700 чел.), 7-й Уральский казачий полк (200 чел.) [Знаменский, 1926, с. 93].

Интересно отметить тот факт, что численность военных в губернских городах была равной численности гражданского населения, а иногда и превышала ее. Так, в Саратове на 154,5 тыс. граждан приходилось 115—130 тыс. военных; в Самаре — на 143,8 тыс. — 84—100 тыс., в Пензе — 78,9 тыс. на 70—90 тыс. военных, в Симбирске — 55,2 тыс. гражданского населения — 70—90 тыс. войск. Такое же положение дел было в Кузнецке и Саранске [Морозов, 1986, с. 210]. Примерное число гарнизонных военных в губернских центрах и уездных городах колебалось от 25 до 30 тыс. [Ионенко, 1976, с. 13]. Это распределение численного состава населения способствовало тому, что, фактически, гражданские власти подчинялись военным, а с началом военных действий такой порядок был закреплён требованиями военного времени, гражданские структуры должны были обеспечивать ведение военных действий. Этот факт еще больше подталкивал партии меньшевиков, большевиков, кадетов и эсеров (именно их надлежит рассматривать в качестве наиболее активных и имеющих вес на тот период) продвигать свои программные идеи среди военного контингента, в том числе на территории Среднего Поволжья.

Наиболее доступной и эффективной формой агитации и пропаганды на тот период являлась устная, так как среди солдатских масс присутствовали малограмотные и даже безграмотные, на которых печатные источники информации не могли оказать должного воздействия. Кроме того, печать была финансово затратна, а логистика затруднена. Далее рассмотрим практическую реализацию устной формы пропаганды различными политическими партиями.

Кадеты, будучи центристской партией, на встречах с солдатами апеллировали к их чувству долга перед Родиной, старались укрепить «патриотическое настроение» (в том смысле, в каком партийные идеологи его понимали). В качестве площадок они выбирали военные госпитали, общественные и благотворительные объединения, появившиеся с началом военных действий [ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 1304, л. 80, 87—88, 96; д. 1324, л. 1—7]. В газете «Симбирянин» можно найти заметку о чествовании уланского Литовского полка. Представители официальных властей выступали с хвалебными патриотическими речами и в качестве подарка преподнесли «художественной работы образы» [Симбирянин, 1914]. В воспоминаниях Е. И. Андреевой (фельдшера в Самарском эвакуационном хирургическом

лазарете) о годах Первой мировой войны находим подтверждение схожести идей, которые пропагандировались приходившими к ним в лазарет представителями черносотенцев и кадет-либералов, говорившими: «Забудем все распри, объединимся против лютого врага-немца, да здравствует война до победного конца» [Андреева, 1957, с. 178].

Следует отметить, что конституционно-демократическая партия была слабо представлена в военной среде Среднего Поволжья; в частности, в военных формированиях не было ее ячеек [ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 1304, л. 80 об., 97, 97 об.], что существенно тормозило работу по популяризации идеологии кадетов среди рядовых солдат. По мнению А. Я. Авреха, война никак не повлияла на работу партии кадетов ни по численности, ни по организационной структуре [Аврех, 1986, с. 196]. В то же время популярность ее идей среди класса интеллигенции и приверженность ее взглядам влиятельных деятелей делали ее весомой силой на политической арене вплоть до революции в феврале 1917 года [Седугин, 1990, с. 33].

Меньшевики и эсеры также оставались влиятельной политической силой. Каждая из этих партий сосредоточилась на определенном социальном контингенте, представители которого служили в армии [ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 1947, л. 6; СОГАСПИ, ф. 3500, оп. 1, д. 199, л. 1—2]. Между этими политическими акторами произошел своего рода «передел целевых групп»: к меньшевикам присоединялись в основном чиновники, служащие, низы интеллигенции, рабочие небольших предприятий, ремесленники, а ряды эсеров пополнялись крестьянами, сельской интеллигенцией и учащимися городских учебных заведений, мелкими торговцами [Протасов, 1989, с. 169]. Агитацию проводили с опорой в основном на социальную базу, однако лейтмотивом выступлений, митингов и встреч проходила идея о том, что надо отбросить внутренние политические распри и объединиться в едином патриотическом порыве для победы в войне. Достаточно точную характеристику ситуации с пропагандой среди солдат и офицеров воинских частей гарнизонов Среднего Поволжья можно найти в рапорте начальника Самарского Губернского жандармского управления. Имея необходимые сведения о легальной и нелегальной работе на вверенной ему территории, он рапортовал директору Департамента полиции, что устную пропаганду ведут лишь единичные приверженцы партий социалистов-революционеров и социал-демократов. На фоне политически окрашенных утверждений о том, что «война пролетариату не нужна», тем не менее и они выступали за то, чтобы все силы бросить на достижение победы в войне, и только после этого, в зависимости от избранной правительством политики, корректировать свою программу и активно заниматься воплощением своих идей в жизнь [ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 1880, л. 250, 250 об.].

Подтверждение этому можно найти и в других многочисленных архивных документах [ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 1216, л. 35, 55; д. 1323, л. 15, 20; ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 2028, л. 22], из которых следует, что ни социалисты-революционеры, ни меньшевики не ставили для себя приоритетной целью завоевывать симпатию солдат и офицеров в частях Казанской, Самарской, Симбирской, Пензенской губерний в ущерб идее патриотического объединения перед единым врагом страны. Вывод, который можно сделать на основании изученных источников заключается в том, что эсеры и меньшевики не вели активной устной пропагандистской работы на территории Среднего Поволжья. Их политическая агитация включалась в речи на немногочисленных встречах и выступлениях, призывавших солдат к самоотверженному служению Родине и способствовавших общему укреплению боевого духа военных. Следовательно, рассматривать используемые ими немногочисленные формы и методы устной агитации в политическом направлении было бы неправомерно.

С другой стороны, нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что всеобщая мобилизация способствовала пополнению военных рядов сторонниками определенных партий, поэтому идеи эсеров и меньшевиков легко находили отклик у солдат и офицеров в частях, расположенных на территориях Казанской, Самарской, Симбирской, Пензенской губерний. Задачей партийного руководства на тот момент являлось не растерять связь со своей социальной базой в армейских рядах, как минимум, сохранить ее численность до окончания военных действий и впоследствии (после демобилизации) опираться на нее при ведении активной пропаганды среди населения.

Как показала история, такая логика рассуждений оказалась заблуждением и привела к непоправимым последствиям. Эсеры и меньшевики, отказавшись от активной партийной пропаганды, невольно освободили дорогу для партии большевиков, которая не стала пренебрегать нелегальной деятельностью среди солдат и офицеров. Большевики в воинских частях гарнизонов Среднего Поволжья создавали свои ячейки и разворачивали действительно массовую агитационную работу среди солдат.

С течением времени стало очевидно, что многие убеждения оппозиционных политических партий были ошибочными. Так, например, меньшевики рассматривали социальную структуру армии в тех же классовых категориях, что и гражданское население. Эта идея вылилась в то, что члены партии на территории Среднего Поволжья выстроили свою линию работы с солдатами с упором не на идеологию, а на обустройство быта и решение насущных проблем. В этом их подход был сродни подходу эсеров, которые считали, что личный состав вообще не должен быть вовлечен в политические распри, должен быть аполитичным и лишь служить гарантом

безопасности действующей власти и господствующего класса (буржуазии). Меньшевики рассуждали примерно так же и не спешили официально оформлять свое присутствие в военных частях Среднего Поволжья. Отсутствие меньшевистских военных организаций в начале активных военных действий не стало препятствием для проведения целенаправленной партийной пропаганды большевиков.

3.4. Агитационная деятельность большевиков в воинских частях

Как показали вскрывшиеся факты, устная пропаганда большевиков в некоторых воинских частях Среднего Поволжья привела к волнениям и беспорядкам запасных солдат после объявления мобилизации. Для иллюстрации приведем примеры сведений из донесений Симбирскому губернатору. В конце июля 1914 года было доказано, что фельдфебель А. Соколов и бомбардир Н. Пупков явились зачинщиками погромов и беспорядков в Сенгилее, за что были подвергнуты конфискации имущества и расстреляны по решению военного суда [ГАУО, ф. 76, оп. 7, д. 1404, л. 16, 17, 42]. Это был далеко не единственный случай в Среднем Поволжье [ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 1933, л. 161; ГАУО, ф. 885, оп. 1, д. 1254, л. 104].

В докладе Сенгилеевского уездного исправника от 7 августа 1914 года описывается следующий эпизод. Священник Востоков, который еще в годы революции 1905—1907 годов проявлял лояльность к РСДРП, на торжественных проводах запасных из села Тереньга после молебна в проповеди предостерег запасных, чтобы они «не подымали руки на врагов». Далее исправник поясняет, что подобная позиция сформировалась у него скорее всего «под влиянием родного сына» Востокова, Николая, который за членство в РСДРП был выслан на два года под полицейский надзор в Вологодскую губернию. Срок он отбыл и вернулся в дом отца, продолжив партийную агитацию, в том числе среди запасных [ГАУО, ф. 76, оп. 2, д. 1943, л. 51, 51 об.; ф. 855, оп. 1, д. 1254, л. 143, 143 об.]. Карсунский уездный исправник 14 сентября 1914 года рапортовал, что почти три тысячи ратников, следовавших транзитом через железнодорожные станции вверенных ему территорий, устроили в близлежащих селениях беспорядки среди мирного населения [ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 799, л. 5.]. В ходе следственных мероприятий выяснилось, что к агрессивным действиям солдат подстрекал «ополченец, назвавший себя бывшим студентом-революционером...» [ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 799, л. 16 об.].

Реакция центра последовала достаточно быстрая и жесткая. В начале августа 1914 года в своей телеграмме министр внутренних дел Н. А. Маклаков потребовал ужесточить меры наказания тех, кто подстрекает запасных к выступлениям в ответ на военные директивы. Жестокость карательных мер министр оправдывал военным временем. Наравне с подстрекате-

лями следовало наказывать тех, кто распространяет слухи и сеет панику среди гражданского населения [ГАУО, ф. 76, оп. 2, д. 1943, л. 3, 4.].

Большевики не ограничивались подпольной работой, по мере возможностей они стремились официально оформить политическую пропаганду под видом деятельности образовательных, досуговых или профессиональных объединений. К числу последних можно отнести союзы торгово-промышленных служащих и строительных рабочих [ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 1950, л. 33]. Весной 1914 года в Самаре начало проводить свои собрания «Общество разумных развлечений», на повестке дня которого удивительным образом оказывалось обсуждение революционных тем. Из донесений начальника Самарского Губернского жандармского управления можно узнать, что именно на этих собраниях велась «агитация за нарушение спокойствия, имеющего место в Самаре». Главной задачей агитаторов было настроить запасных солдат против своего начальства, послушаться приказа и отказаться от участия в военных действиях. Они ждали любого боевого проигрыша, воспринимая его как повод обратить негативное настроение солдат и гражданского населения против действующего правительства [ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 1909, л. 125, 125 об.; д. 1304, л. 29 об., 30]. Действенность пропаганды большевиков в военных частях доказывается тем, что солдаты проявляли заинтересованность и не только слушали агитаторов в казармах, но и целенаправленно посещали собрания большевиков вне воинской части.

Например, полиции были известны случаи, когда солдаты посещали упомянутое выше «Общество разумных развлечений», а затем примыкали к бастующим, о чем свидетельствует донесение от 14 июля 1914 года о задержании «нестроевого» Быкова. В этом же донесении говорится: городским властям известно, что собрание является лишь прикрытием для «революционного элемента», чтобы планировать различные акты протеста [ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 1889, л. 229].

Необходимо также констатировать тот факт, что на полулегальных политических собраниях присутствовали меньшевики и интернационалисты, которые пытались вступать в дискуссии с большевиками по многим вопросам, но поддерживали их в антивоенных настроениях.

Под влиянием большевиков находился и профсоюз «Игла», о котором было известно, что он объединяет в основном членов профсоюза, придерживающихся леворадикальных взглядов. В архивных документах можно найти недвусмысленные указания его правлению настраивать солдат «супротив войны», пока не будет организован выпуск летучек [ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 2028, л. 19 об.].

Вывод, который можно сделать из проведенного анализа, состоит в том, что в начале войны в военных частях отсутствовали какие-либо

ячейки и объединения политических партий. В отличие от меньшевиков и эсеров, большевики прилагали больше усилий по продвижению своих идей в солдатские массы (в основном среди запасных) и предпринимали попытки создавать политические сообщества, пусть даже на полуправильной основе. Уже через несколько месяцев войны стало понятно, что она не завершится быстро (как было обещано ранее). Военные действия уносили жизни и здоровье солдат. Бытовые условия и материальное положение солдат и офицеров только ухудшались, стали возникать задержки в снабжении армии необходимой экипировкой. Согласно официальным данным, в 1915 году к местам боевых действий было доставлено только 64,7 % необходимой обуви [РГВИА, ф. 1. оп. 1, д. 178, л. 4]. Хозяйственное положение и состояние экономического спада привели к тому, что и с продовольствием на фронте были перебои, о чем солдаты писали домой, массово жалуясь на голод [ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 1326, л. 11; ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 2053, л. 191]. Бытовые условия тоже сильно ухудшились [ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 2053, л. 52; ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 1262, л. 65, 65 об.]. Сложные материально-бытовые условия, полуголодное существование и жесткий казарменный режим настраивали солдат против войны, усиливали социальный разрыв между рядовыми и офицерскими составами. Это не могло не отразиться на политических настроениях в тылу. Все это способствовало нарастанию недовольства Правительством и офицерским составом среди солдат. Озлобленность военных выливалась в жестокие телесные наказания солдат, а те зачастую стали нарушать субординацию и нападали на офицеров. В архивных документах есть многочисленные свидетельства этому. Например, рядовой 13-ой роты в Пензе ударил прикладом унтер-офицера за то, что тот издевался над ним [РГВИА, ф. 1730, оп. 1, д. 51, л. 3—13]. Солдат 170-го пехотного запасного полка застрелил троих и ранил одного офицера за то, что они искалечили его друга детства, когда тот состоял на военной службе под их командованием [РГВИА, ф. 1730, оп. 1, д. 51, л. 3—13].

Поражения российских войск за первый год войны способствовали дискредитации существующей власти, приводили к мысли, что она неспособна управлять страной и армией, отчего ненависть солдат к Правительству только усиливалась, они не желали воевать под царскими знаменами. Случаи массового дезертирства фиксировались на исследуемой территории так же, как и по всей России. Особо крупным масштабом уклонения от воинской службы поражает случай осени 1915 года, когда из 300 командированных Симбирской дружины ополчения до конечного пункта несения службы добрались лишь 3 солдата при 5 конвойных. Более полутора сотен беглецов были обнаружены в Ардатовском уезде, куда комбат батальона

направил требование местным властям найти и вернуть беглецов в строй [Дорожкин, 1957, с. 62; Симбирские..., 2014, с. 16].

Слабое руководство военной кампанией и подорванный авторитет царской власти вызывали среди солдат пораженческие настроения, которыми они делились в письмах близким: «Думаю, что долго война продолжаться не может. До пресловутого “конца” ее, конечно, вести не станут...» [Симбирские..., 2014, с. 16].

Сомнение в победе все сильнее подрывало боевой дух и преданность власти, начали появляться разговоры о том, чтобы изменить существующую власть. Такая смена настроений (по сравнению с началом войны) сказалась и на идеологии рассматриваемых нами партий. На противоположную поменяли свою позицию кадеты, став с 1915 года активными противниками царской власти [Спирин, 1977, с. 198]. В среде меньшевиков и эсеров выделились два противоположных направления: социал-патриотическое и революционно-интернационалистическое [Наше Отечество ..., 1991, с. 339]. Но, несмотря на идейный плюрализм, все политические партии вплоть до 1917 года поддерживали ведение боевых действий до победного конца. Исходя из этого, можно заключить, что рассматриваемые политические партии (кроме партии большевиков), равно как и сторонники монархизма [ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 1298, л. 15—15 об.], не склоняли общество к свержению действующей власти и не пропагандировали революционный переворот ни среди мирного населения, ни в армейской среде.

Только партия большевиков оставалась твердой в своих убеждениях. Они не прекращали сеять антивоенные настроения и со временем, используя упадническое состояние духа после череды военных поражений, неоправданных потерь и усиливающихся антиправительственных выступлений, дополнили свой агитационный курс подстрекательствами к саботажу и свержению Царя и Правительства. Большевики не прекращали, а со временем и усилили свою пропаганду среди солдат и офицеров. Младшие чины в силу своего бедственного положения были более восприимчивы к идеям большевизма, тем более что социальная пропасть между солдатами и высшим командованием со временем достигла поистине необъятных размеров. В воспоминаниях участника Первой мировой войны И. М. Дуванова, которые хранятся в архиве, можно найти подтверждение тому. Он пишет, что во время службы «слышал большевистскую агитацию», которая побуждала повернуть оружие против монархии. Эти идеи попадали на благодатную почву, так как сам автор был выходцем из сельской местности, как и многие его сослуживцы, и был далек от идей империалистической войны [ГАНИ УО, ф. 57а, оп. 2, д. 212, л. 4]. Простых солдат волновали быт, одежда, еда, забота о здоровье, — то есть простые вещи, которые и со-

ставляли суть их жизни. В тылу у многих из них остались семьи с детьми, и их положение было также незавидным из-за общей сложной экономической ситуации в стране и слабой финансовой поддержки рядовых. Именно об этом говорили в своих речах большевики. Они сделали инструментом агитации такие темы, как исчезновение казенных денег, произвол офицерства, дефицит обмундирования и боеприпасов. А. И. Деникин писал, что большевистская пропаганда подрывала боевой дух тыловых и запасных солдат, которые прибывали в зону боевых действий из больших промышленных центров [Деникин, 1991, с. 98.], таких как Казань. Через год после начала боевых действий начальник Генерального штаба констатировал, что из этого военного округа «прибывают солдаты с явными признаками революционной пропаганды» [РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1330, л. 37].

Можно утверждать, что с 1915 года усиливается влияние большевиков в воинских частях и подразделениях [Гарафутдинов, 1984, с. 43], оформляются их военные организации. Тыловая агитация сыграла свою роль, и уже спустя год после начала Первой мировой войны к зоне боевых действий командировались если не большевики, то сочувствующие им солдаты. Общность их идей и чаяний, порожденных одинаковыми заботами, послужила прочной основой для организации большевистских ячеек и кружков в воинских частях [РГВИА, ф. 1734, оп. 1, д. 24, л. 1], которые с каждым месяцем войны все более осознанно проводили революционную работу среди солдат. Признавая важность военного контингента как огромной массы потенциальных членов партии и сторонников революции, многие агитаторы целенаправленно стремились в армию. В архивных документах есть письмо офицера отцу, в котором он прямо указывает, что «не пошел бы на военную службу», если бы не возможность «вести пропаганду среди солдат...» [ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 1208, л. 93].

Большой агитационной площадкой служили лечебные учреждения. Только в городе Симбирске летом 1914 года было 27 лазаретов, куда в конце августа доставили более семи сотен раненых [Симбирские страницы ..., 2014, с. 10], а в губернии лечебных заведений насчитывалось 78. Но и в них легкораненые старались не попадать, самовольно покидая санитарные поезда. Раненые возвращались к себе на родину, либо, если это не удалось, оставались калеками побираться и бродяжничать в населенных пунктах по ходу движения поезда [ГАУО, ф. 855, оп. 1, л. 1411]. Ужасы войны и большевистская агитация оказали влияние на моральное состояние армии. По словам А. И. Деникина, леворадикальная социал-демократия окончательно разрушила армию, подорвав сами ее основы (аполитичность, дисциплину, единоначалие), без которых армия не может существовать [Деникин, 1991, с. 101]. На тот момент у руководства страны не было

действенных методов, чтобы повернуть вспять запущенный процесс, как не было экономической возможности обустроить быт солдат.

Кроме рассмотренной нами устной пропаганды, большевики активно пользовались и печатным словом. В Казанском военном округе самым большим промышленным центром был город Казань, здесь же было легче всего издавать печатную продукцию, отсюда рассылались листовки и брошюры по всему Поволжью. Из разных уездных городов поступали сообщения о фактах распространения агитационных материалов. В Сызрани зимой 1916 года на заборах появился плакат с надписью «Долой войну! Граждане, требуйте мира!», один из них был обнаружен около канцелярии воинского начальника [ГАУО, ф. 76, оп. 1, д. 822, л. 33]. В том же году генерал А. Г. Сандецкий доложил, что в воинских частях, расположенных в Самаре и Сызрани, были найдены прокламации РСДРП [РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1330, л. 37; ф. 2000, оп. 1, д. 1335, л. 8]. В 1916 году волнения среди военных в Казанском военном округе усилились, к ним присоединились рабочие, объявлявшие бойкот и выходившие на стачки.

К началу 1917 года состояние в воинских частях настолько было дестабилизировано, что в донесениях в центр говорилось о невозможности поддерживать дисциплину [ГАНИ УО, ф. 57, оп. 1, д. 164, л. 10], а солдаты уже в открытую заявляли «о желательности скорейшего мира» [ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 2345, л. 3 об.]. Активисты из числа большевиков направляли силы убеждения на солдат и жителей бедных районов, верно выбрав наиболее восприимчивые к революционным идеям слои общества. Благодаря активистам масштаб последующих событий в Среднем Поволжье приобрел действительно колоссальные размеры [Боффа, 1990, с. 38—39].

Демонстрация 3 марта 1917 года была отмечена практически стопроцентной явкой солдат воинских частей Симбирского гарнизона [ГАНИ УО, ф. 57а, оп. 2, д. 341, л. 4—8]. Они наравне с рабочими внесли вклад в подавление сопротивления полицейских, участвовали в освобождении политических заключенных. В этот же день солдаты Самарского и Пензенского гарнизонов поддержали революционеров в выступлениях на своей территории [Октябрь..., 1967, с. 49]. На следующий день в г. Сызрани революционеры не без помощи военных захватили власть в городе, в этот же день в Карсуне солдаты выступили против офицеров и убили своего командира [Очерки..., 1964, с. 211].

4. Заключение = Conclusions

Как показало исследование, в отличие от иных оппозиционных партий, большевики с начала боевых действий и до 1917 года следовали своей

программе агитационной деятельности, планомерно претворяя свои идеи в жизнь. На начальном этапе военных действий их работа по агитации сводилась к устным формам, таким как беседа, сходка. Большевистские активисты умело использовали негативные факты, связанные с войной, чтобы подчеркнуть несправедливость существующего строя, а также бытовую необустроенность солдат и тяжелое положение их семей. Большевики старались охватить насколько возможно более широкий контингент солдат. Агитационная работа велась не только в казармах гарнизонов Среднего Поволжья, но и на территориях, близких к фронту, а также на заводах и фабриках, где личный состав обеспечивал выполнение государственного заказа. Отдельными площадками служили лечебные учреждения, как военные, так и гражданские, где проходили лечение и реабилитацию раненные. Большевики старались также организовывать политические ячейки и иные объединения в солдатской среде, сначала на полуполюгальной основе, затем более открыто.

Анализ агитационной деятельности большевиков и других политических сил периода Первой мировой войны в солдатской среде выявил, что материальное обеспечение военнослужащих оказывало существенное влияние на их морально-психологическое состояние и боеспособность. Неудовлетворительные бытовые условия, зафиксированные в агитационных материалах, служили фактором, подрывающим боевой дух и вызывающим недовольство в армии.

В связи с этим обеспечение социальной защищенности военнослужащих и их семей представлялось ключевым элементом поддержания стабильности государства. Агитационные призывы, акцентировавшие внимание на необходимости профессиональной подготовки, материально-технического снабжения, социальной поддержки и доступности медицинской помощи, отражали запрос армии на гарантии безопасности и благополучия.

Исследование также показало, что отношение к институту военной службы и соблюдение субординации играли важную роль в формировании лояльности и эффективности армии. Агитационные материалы свидетельствуют о том, что унижение чести и достоинства личности в рамках иерархической структуры вызывало негативную реакцию, в то время как вовлечение руководящего состава в решение стратегических задач способствовало укреплению авторитета власти. Данный факт указывает на необходимость ограждения армии от любых политических влияний, а также важность адекватной оценки государством значимости военной службы и выстраивания системы взаимоотношений в армии на принципах уважения и профессионализма.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАНИ УО — *Государственный архив* новейшей истории Ульяновской области. Ф. 57 а. Центр документации новейшей истории Ульяновской области. Оп. 2. Д. 212. Д. 341. Ф. 57 ; Истпартотдел Ульяновского губкома ВКП(б). Оп. 1. д. 164.
2. ГАУО — *Государственный архив* Ульяновской области. Ф. 76. Канцелярия Симбирского губернатора Министерства внутренних дел г.Симбирск. Оп. 1. Д. 822 ; Оп. 2. Д. 1943 ; Оп. 6. Д. 799 ; Оп. 7. Д. 1404 ; Ф. 855. Симбирское губернское жандармское управление г.Симбирск. Оп. 1. Д. 1208. Д. 1216. Д. 1254. Д. 1262. Д. 1298. Д. 1304. Д. 1323. Д. 1324. Д. 1326.
3. РГВИА — *Российский государственный военно-исторический архив*. Ф. 1. Канцелярия Военного министерства. Оп. 1. Д. 178 ; Ф. 1730. Военный прокурор Казанского военного-окружного суда. Оп. 1. Д. 51 ; Ф. 1734. Казанская местная бригада. Оп. 1. Д. 24 ; Ф. 2000. Главное управление Генерального штаба. Оп. 1. Д. 1330. Д. 1335.
4. *Симбирские страницы* Первой мировой [Текст] : сборник документов и материалов / Правительство Ульяновской обл., М-во искусства и культурной политики Ульяновской обл., ОГБУ «Гос. арх. Ульяновской обл.» ; отв. сост. : О. И. Денисова, Г. В. Романова ; науч. ред. и рук. авторского коллектива : И. А. Чуканов. — Ульяновск : Корпорация технологий продвижения, 2014. — 351 с. — ISBN 978-5-94655-280-6.
5. *Симбирянин* [Симбирск]. — 1914. — 22 июля.
6. СОГАСПИ — *Самарский областной государственный архив социально-политической истории*. Ф. 3500. Воспоминания участников революционного движения и автобиографии партийных работников. Истпарт Куйбышевского обкома ВКП(б). Оп. 1. Д. 199.
7. ЦГАСО — *Центральный государственный архив Самарской области*. Ф. 468. Самарское губернское жандармское управление г. Самара. Оп. 1. Д. 1304. Д. 1880. Д. 1889. Д. 1909. Д. 1933. Д. 1947. Д. 1950. Д. 2028. Д. 2053. Д. 2345.

Литература

1. *Аврех А. Я.* Распад третьеиюньской системы / А. Я. Аврех. — Москва : Наука, 1985. — 260 с.
2. *Андреева А. И.* Работа среди солдат / А. И. Андреева // Октябрь в Самаре. Воспоминания. — Куйбышев : Кн. изд-во, 1957. — С. 177—181.
3. *Аронсон Г. К.* История правого течения среди меньшевиков / Г. Аронсон // Меньшевики после Октябрьской революции : сб. ст. и воспоминаний Б. Никольского, С. Волина, Г. Аронсона / ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. — Benson, Vermont : Chalidze publications, 1990. — С. 175—291.
4. *Бескровный Л. Г.* Армия и флот России в начале XX века : очерки военно-экономического потенциала / Л. Г. Бескровный. — Москва : Наука, 1986. — 237 с.
5. *Боффа Дж.* История Советского Союза. От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917—1941 гг. / Дж. Боффа ; пер. с итал. И. Б. Левина. — Москва : Междунар. отношения, 1990. — Т. 1. — 632 с.

6. Буйский А. Военная подготовка Октября / А. Буйский. — Москва ; Ленинград : Госиздат, 1927. — 96 с.
7. Быстрянский В. Меньшевики и эсеры в русской революции / В. Быстрянский. — Петербург : Госиздат, 1921. — 79 с.
8. Вардин И. Политические партии и русская революция / И. Вардин. — Москва : Красная новь, 1922. — 44 с.
9. Волобуев О. В. Непролетарские партии России : итоги изучения и нерешенные проблемы / О. В. Волобуев, В. И. Миллер, В. В. Шелохаев // Непролетарские партии России в трех революциях : сб. статей. — Москва : Наука, 1989. — С. 5—20. — ISBN 5-02-008457-3.
10. Гарафутдинов Р. А. Роль большевистских центральных органов в становлении и развитии организаций РСДРП Поволжья (1903 — февраль 1917 гг.) : автореферат диссертации ... доктора исторических наук : 07.00.01 / Р. А. Гарафутдинов. — Казань, 1984. — 46 с.
11. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии, февраль-сентябрь 1917 / А. И. Деникин. — Москва : Наука, 1991. — Т. 1. — 519 с. — ISBN 5-02-008582-0.
12. Дорожкин М. В. Установление Советской власти в Мордовии / М. В. Дорожкин. — Саранск : Приволж. кн. изд-во, 1957. — 302 с.
13. Ежов Н. Военная Казань в 1917 : краткий очерк / Н. Ежов. — 2-е изд., доп. — Казань : Татиздат, 1957. — 86 с.
14. Знаменский Н. Военная организация при Казанском комитете РСДРП(б) и революционное движение в войсках Казанского военного округа в 1905—1917 гг. / Н. Знаменский. — Казань : Гажур, 1926. — 112 с.
15. Ионенко И. М. Солдаты тыловых гарнизонов в борьбе за власть Советов : по материалам Поволжья и Урала / И. М. Ионенко. — Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1976. — 190 с.
16. Капустин М. Конец утопии? Прошлое и будущее социализма / М. Капустин. — Москва : Новости, 1990. — 592 с. — ISBN 5-7020-0155-9.
17. Конилов Е. В. Борьба большевиков за демократический мир среди солдат действующей армии, март 1917 г. — март 1918 г. / Е. В. Конилов. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1981. — 198 с.
18. Кузнецов В. Н. Политические партии в Симбирской, Самарской и Саратовской губерниях в 1917 г. : монография / В. Н. Кузнецов. — Ульяновск : УлГПУ, 2014. — Ч. 1. — 354 с. — ISBN 978-5-86045-674-7.
19. Морозов С. Д. Социально-классовый состав населения Поволжья в период империализма : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / С. Д. Морозов. — Казань, 1986. — 246 с.
20. Наше Отечество / С. В. Кулешов и др. — Москва : ТЕРРА, 1991. — Ч. 1. — 390 с.
21. Октябрь в Поволжье / отв. ред. д-р ист. наук В. К. Медведев. — Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1967. — 611 с.
22. Очерки истории Ульяновской организации КПСС. — Саратов : Приволжское кн. изд-во, 1964. — Ч. 1. — 512 с.
23. Поедавшие В. А. Деятельность большевиков среди солдат Казанского военного округа в 1914—1917 гг. / В. А. Поедавшие // Сб. трудов Всесоюзного заочного инженерно-строительного института. — 1957. — Выпуск 2. — С. 45—57.
24. Протасов Л. Г. К истории борьбы эсеров за армию в 1917 г. / Л. Г. Протасов // Непролетарские партии России в трех революциях : сб. ст. / АН СССР, Науч. совет

"История Великой Окт. соц. революции" ; отв. ред. К. В. Гусев. — Москва : Наука, 1989. — С. 167—173. — ISBN 5-02-008457-3.

25. Седугин В. И. Большевики Поволжья против кадетов (1905—1917 гг.) / В. И. Седугин. — Саратов : Приволжск. кн. изд-во, 1990. — 154 с.

26. Спириин Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (нач. XX века — 1920 год) / Л. М. Спириин. — Москва : Мысль, 1977. — 366 с.

27. Суслов А. Ю. Социалистические партии в Советской России : отечественная историография / А. Ю. Суслов. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2006. — 280 с. — ISBN 5-7464-1432-8.

28. Фомин И. Е. Тактика монархических организаций Центральной России по защите самодержавной политики царизма, 1900—1917 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.01 / И. Е. Фомин. — Москва, 1994. — 223 с.

29. Цейтлин Р. С. В борьбе за солдатские массы : (большевики и их полит. противники в тыловых воен. округах Вост. России в мирный период развития революции 1917 г.) / Р. С. Цейтлин. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1987. — 184 с.

30. Шайпак Л. А. Политические партии России в 1901—1917 гг. : программные установки по военным вопросам (на материалах Поволжья) : монография / Л. А. Шайпак. — Ульяновск : УлГУ, 2012. — 192 с. — ISBN 978-5-88866-441-4.

31. Шелохаев В. В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции / В. В. Шелохаев. — Москва : РОССПЭН, 2015. — 863 с. — ISBN 978-5-8243-1961-3.

Статья поступила в редакцию 24.10.2025,
одобрена после рецензирования 10.01.2026,
подготовлена к публикации 22.01.2026.

Material resources

GANI UO — *The State Archive of the modern history of the Ulyanovsk region.* (In Russ.).

GAO — *State Archive of the Ulyanovsk region. State Archive of the Ulyanovsk region.* (In Russ.).

RGVIA — *Russian State Military Historical Archive.* (In Russ.).

Simbirsk pages of the First World War [Text]: collection of documents and materials / Government of the Ulyanovsk region, Ministry of Art and Cultural Policy of the Ulyanovsk region, OGBU "State Archive. Ulyanovsk region." (2014). Ulyanovsk: Corporation of Promotion Technologies. 351 p. ISBN 978-5-94655-280-6. (In Russ.).

Simbiryanin [Simbirsk]. July 22. (1914). (In Russ.).

SOGASPI — *Samara Regional State Archive of socio-political history.* (In Russ.).

TSGASO — *Central State Archive of the Samara region.* (In Russ.).

References

Andreeva, A. I. (1957). Work among soldiers. In: *October in Samara. Memories.* Kuibyshev: Publishing House. 177—181. (In Russ.).

Aronson, G. K. (1990). The history of the right trend among the Mensheviks. In: *The Mensheviks after the October Revolution: collection of articles and memoirs of B. Nikolsky, S. Volin, G. Aronson.* Benson, Vermont: Chalidze publications. 175—291. (In Russ.).

Avrekh, A. Ya. (1985). *The collapse of the June third system.* Moscow: Nauka Publ. 260 p. (In Russ.).

- Beskrovny, L. G. (1986). *The Russian Army and Navy at the beginning of the twentieth century: essays on military and economic potential*. Moscow: Nauka Publ. 237 p. (In Russ.).
- Boffa, J. (1990). *The history of the Soviet Union. From the Revolution to the Second World War. Lenin and Stalin. 1917—1941, 1*. Moscow: International. Relations. 632 p. (In Russ.).
- Buisky, A. (1927). *Military training of October*. Moscow; Leningrad: Gosizdat. 96 p. (In Russ.).
- Bystryansky, V. (1921). *Mensheviks and Socialist Revolutionaries in the Russian Revolution*. Petersburg: Gosizdat Publ. 79 p. (In Russ.).
- Denikin, A. I. (1991). *Essays on the Russian troubles. The Collapse of Power and the Army, February-September 1917, 1*. Moscow: Nauka Publ. 519 p. ISBN 5-02-008582-0. (In Russ.).
- Dorozhkin, M. V. (1957). *The establishment of Soviet power in Mordovia*. Saransk: Privolzhsky Publishing House. 302 p. (In Russ.).
- Essays on the history of the Ulyanovsk CPSU organization, 1*. (1964). Saratov: Privolzhskoe Publishing House. 512 p. (In Russ.).
- Fomin, I. E. (1994). *Tactics of the monarchical organizations of Central Russia for the protection of the autocratic policy of tsarism, 1900—1917*. PhD Diss. Moscow. 223 p. (In Russ.).
- Garafutdinov, R. A. (1984). *The role of the Bolshevik central bodies in the formation and development of the organizations of the RSDLP of the Volga region (1903 — February 1917)*. Author's abstract of Doct. Diss. Kazan. 46 p. (In Russ.).
- Ionenko, I. M. (1976). *Soldiers of the rear garrisons in the struggle for Soviet power: based on materials from the Volga region and the Urals*. Kazan: Publishing House of Kazan University. 190 p. (In Russ.).
- Kapustin, M. (1990). *The end of utopia? The past and the future of socialism*. Moscow: Novosti. 592 p. ISBN 5-7020-0155-9. (In Russ.).
- Konikov, E. V. (1981). *The struggle of the Bolsheviks for a democratic world among soldiers of the active army, March 1917 — March 1918*. Saratov: Sarat Publishing House. University. 198 p. (In Russ.).
- Kuleshov, S. V. (ed.). (1991). *Our Fatherland, 1*. Moscow: TERRA. 390 p. (In Russ.).
- Kuznetsov, V. N. (2014). *Political parties in the Simbirsk, Samara and Saratov provinces in 1917: a monograph, 1*. Ulyanovsk: UIGPU. 354 p. ISBN 978-5-86045-674-7. (In Russ.).
- Medvedev, V. K. (ed.). (1967). *October in the Volga region*. Saratov: Privolzhsky Publishing House. 611 p. (In Russ.).
- Morozov, S. D. (1986). *Socio-class composition of the population of the Volga region during the period of imperialism*. PhD Diss. Kazan. 246 p. (In Russ.).
- Protasov, L. G. (1989). On the history of the Socialist-Revolutionary struggle for the army in 1917. In: *Non-Proletarian parties of Russia in three revolutions: collection of Articles*. Moscow: Nauka Publ. 167—173. ISBN 5-02-008457-3. (In Russ.).
- Sedugin, V. I. (1990). *The Bolsheviks of the Volga region against the Cadets (1905—1917)*. Saratov: Privolzhsk. Publishing house. 154 p. (In Russ.).
- Shaipak, L. A. (2012). *Political parties of Russia in 1901—1917: programmatic guidelines on military issues (based on materials from the Volga region): monograph*. Ulyanovsk: UISU. 192 p. ISBN 978-5-88866-441-4. (In Russ.).
- Shelokhaev, V. V. (2015). *Constitutional Democratic Party in Russia and emigration*. Moscow: ROSSPEN. 863 p. ISBN 978-5-8243-1961-3. (In Russ.).

- Spirin, L. M. (1977). *The collapse of the landowner and bourgeois parties in Russia (early 20th century — 1920)*. Moscow: Mysl Publ. 366 p. (In Russ.).
- Suslov, A. Y. (2006). *Socialist parties in Soviet Russia: a national historiography*. Kazan: Kazan Publishing House. Univ. 280 p. ISBN 5-7464-1432-8. (In Russ.).
- Tseitlin, R. S. (1987). *In the struggle for the masses of soldiers: (the Bolsheviks and their politics. opponents in the rear of the military. districts of the East. Russia in the peaceful period of the 1917 Revolution)*. Kazan: Kazan Publishing House. University. 184 p. (In Russ.).
- Vardin, I. (1922). *Political parties and the Russian Revolution*. Moscow: Krasnaya Nov. 44 p. (In Russ.).
- Volobuev, O. V., Miller, V. I., Shelokhaev, V. V. (1989). Non-Proletarian parties of Russia: results of study and unresolved problems. In: *Non-proletarian parties of Russia in three revolutions: collection of articles*. Moscow: Nauka Publ. 5—20. ISBN 5-02-008457-3. (In Russ.).
- Yedavshev, V. A. (1957). The activity of the Bolsheviks among the soldiers of the Kazan Military District in 1914—1917. *Proceedings of the All-Union Correspondence Civil Engineering Institute*, 2: 45—57. (In Russ.).
- Yezhov, N. (1957). *Military Kazan in 1917: a brief sketch. 2nd ed., supplement*. Kazan: Tatizdat. 86 p. (In Russ.).
- Znamensky, N. (1926). *Military organization under the Kazan Committee of the RSDLP(b) and the revolutionary movement in the troops of the Kazan Military District in 1905—1917*. Kazan: Gazhur Publ. 112 p. (In Russ.).

*The article was submitted 24.10.2025;
approved after reviewing 10.01.2026;
accepted for publication 22.01.2026.*

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
Издается с 2012 года. Языки публикации — русский, английский.
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года.
Индексируется в Scopus
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в базу ERIH PLUS с 11 июня 2015 года (идент. номер 485900).
Размещается на платформах НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала.
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России».
Обязательные экземпляры журнала отправляются в Российскую государственную библиотеку, Минцифры России.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru, editor@nauka-dialog.ru
Сайт: <http://www.nauka-dialog.ru/>

Перечень ВАК РФ	
Область наук: Социальные и гуманитарные науки	
Группы научных специальностей	Научные специальности
5.9. Филология	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
	5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
	5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
	5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
	5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
	5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
5.6. Исторические науки	5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
	5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
	5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакommunikации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

- 1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;
- 2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;
- 3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;
- 4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.

Средние сроки публикации 2—5 месяцев со дня поступления статьи.

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).

Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.

Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.

Количество авторов не более трех.

Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.

Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегель — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество

orcid.org/0000-0000-0000-0000

ученая степень, ученое звание

кафедра

mmm@mail.ru

Организация

(Город, Страна)

Благодарности:

Исследование выполнено

при финансовой поддержке Фонда,

проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, д. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела

Текст

3.3. Тематическое название раздела

Текст

4. Заключение = Conclusions

Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения

(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:

1. АА — *Архив* авторов.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:

2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // *Правда* : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

3. ГАСО — *Государственный архив* Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:

4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // *Колымская правда* : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.

ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

5. НКРЯ — *Национальный корпус* русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 16.01.2022).

ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:

6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : <http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013>.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

7. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

8. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

9. BNC — *British National Corpus* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed 16.01.2022).

Литература

(Научные исследования:

не менее 15 позиций в алфавитном порядке;

если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;

автор может сослаться не более чем на две своих работы;

следует опираться на научную литературу, а не на учебники;

должны присутствовать публикации последних десятилетий;

рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:

<https://www.sciencedirect.com/>

<https://erih.dimensions.ai/discover/publication>

<https://doaj.org/>

<https://mjl.clarivate.com/home>

сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация ... кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G.* Hedges : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts / G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.

АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.

СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47—48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наи-

менование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001a; Иванов, 2001b]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора ..., 1994], [Методика расчета ..., 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала <http://www.nauka-dialog.ru/>. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то **УКАЗЫВАЙТЕ** номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CONTENTS

LINGUISTICS

Barkovich, A. A., Astapkina, E. S. Language Representations of Conceptual Phenomenon “Internet”: An Integrative Model Approach.....	9
Valvakov, R. V. Semantics of Fast-Motion Verbs in English.....	29
Kondratenko, P. I. Expression of Meaning ‘Change’: A Discourse Dominant in German Psychological Journalism?.....	50
Radbil, T. B. Abdullaeva, R. H. Russian Fraseologisms in Aspect of Quantitative Linguoculturology: Corpus-discourse Analysis of Idiom ‘iz kozhi (von) lezt’.....	68
Rayskina, V. A. Language Markers of Idea Literature in Philosophical Reflexive Paradigm: A Case Study of Michel de Montaigne’s “Essais”.....	88
Remkhe, I. M., Shumilova, D. A., Boldyreva, A. S. Modeling Translation of Metaphorical Units from a Linguocognitive Perspective in Chinese and Russian	108
Seagal, K. Ya. Punctuation Transfer in Literary Texts	130
Chashchina, E. A. Semantic Evolution of Words ‘drug’ [Friend], ‘tovarishch’ [Comrade], and ‘brat’ [Brother] and Their Derivatives in Russian Language from Eleventh to Seventeenth Centuries	151

COMMUNICATIONS. MEDIA TECHNOLOGES. JOURNALISM

Rebrina, L. N., Zhilina, M. A. Subject Teacher’s German Video Blog: Genre and Media Characteristics.....	171
Salikhova, E. A. Potential of Communicative Pragmatics in Study of Online Treasure Hunting Communities	191

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Badiyeh, H. F. H. S., Burdina, S. V., Kondakov, B. V. Artistic Features of Eastern Chronotope in Andrei Volos’s Novel “Return to Panjrud”.....	216
Bogdanova, O. V. Futurist Experiments in Early Poetry of Sergei Tretyakov.....	240
Zakharova, N. V. Genesis of Social Satire in Chinese Fiction during 1930s: Lu Xun and Lao She.....	264
Konurbaev, M. E., Konurbaev, S. M. Integrative Textology: A Multi-level Analysis Model of Literary Works.....	279
Nuzhnaya, T. V. Petersburg Text: Ideological and Artistic Uniqueness of Sergey Arno’s Novel “Doctor Ruysch and His Children”.	311

<i>Senina, E. V.</i> Perception of China in Milan Jovanović's Travel Notes "Wanderings in the East".....	329

HISTORY

<i>Abazov, A. Kh., Berbekova, M. Kh., Dyshekov, M. V.</i> Public Capital in Administration of Caucasus Line Center at Turn of 1840s to 1850s: Kabardian Public Fund.....	348
<i>Aganov, A. A.</i> North Caucasian Regional Branch of All-Union Society of Former Political Exiles and Special Settlers (1924–1935).....	366
<i>Alferova, I. V., Sorokina, Z. A.</i> Opposition Trends in Russian Periodicals Amid Political Crisis of 1915–1917.....	383
<i>Bodrova, E. V., Kalinov, V. V., Krasivskaya, V. N.</i> Implementation of Research Outcomes in Soviet Oil Industry during Late 1960s: Successes and Missteps	404
<i>Bondarev, V. A.</i> Trade and Entrepreneurship as Forms of Adaptation to Collectivization in Russian South during 1930s.....	428
<i>Kokorina, Yu. G., Vagabov, M. M.</i> Final Year of World War II Reflected in Indian Press Coverage: Materials from "The Hindustan Times" (1944–1945).....	447
<i>Prilutsky, V. V.</i> Mormons and Quasi-state of Mormonism in Russian Popular Illustrated Periodicals (Early 1870s).....	467
<i>Rudaya, O. I., Usenko, A. N.</i> Collectivization as an Indicator of Patriotic Sentiment in Soviet Rural Society during 1930s: A Case Study from Southern Russia.....	486
<i>Tatarnikova, A. I.</i> Development of Rural Settlement Networks in Western Siberia under Impact of Socio-Economic Transformations during 1930s to 1950s	508
<i>Cherkazyanova, I. V.</i> State Control and Reform of School Education among German Colonists in Russian Empire (Mid-Eighteenth Century to Early Twentieth Century).....	530
<i>Shaypak, L. A., Nesterov, Y. S., Klimovich, L. V.</i> Political Parties' Propaganda Efforts Among Soldiers in Middle Volga Region During World War I (1914-February 1917).....	549
TO AUTHORS	569

Компьютерная верстка и дизайн: Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 24.01.2026. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 33,59. Тираж 500 экз. Заказ 24/01-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2026
Свободная цена

